

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Не убоюсь зла

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «АЗБУКА-АТТИКУС»**

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•
Фрайди. Бездна

•
Астронавт Джонс. Время для звезд

•
Чужак в стране чужой

•
Луна — суровая госпожа

•
Красная планета. Звездный зверь

•
Кукловоды. Дверь в Лето

•
Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики

•
Иов, или Комедия справедливости

•
Небесный фермер. Среди планет.

Космическое семейство Стоун

•
Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга

•
«Магия, инкорпорейтед». Дорога Доблести

•
Кот, который ходил сквозь стены

•
Двойная звезда. Звездный десант

•
Зеленые холмы Земли. История будущего. Книга 1

•
Не боюсь зла

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Не убоюсь зла

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 15

Robert A. Heinlein
I WILL FEAR NO EVIL
Copyright © 1970 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского Юрия Павлова
под редакцией Екатерины Доброхотовой-Майковой

Серийное оформление и оформление обложки
Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за помощь при подготовке книги.

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2019
© С. В. Голд, предисловие, послесловие, 2019
© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-16257-0

ЭПОХА ДЖАЗА

Третья мировая война встряхнула американское общество. Внезапно наступивший мир многие восприняли как второй шанс и постарались использовать его, чтобы изменить свою жизнь к лучшему. И некоторым это удалось — социальные лифты заработали, но длилось это недолго. Власть, вкушившая прелести чрезвычайных (и чрезвычайно эффективных) методов управления военного времени, не спешила с ними расставаться. Демократия эволюционировала, но, как оказалось, в своей высшей и последней форме она мало чем отличается от диктатуры. Власть концентрировалась и специализировалась, она больше не лезла во все сферы жизни, ограничившись управлением в ключевых точках промышленности, финансов и соцобеспечения. Все остальное было отпущено в свободное плавание. Последние десятилетия своего существования Америка наслаждалась свободой. Были легализованы наркотики, отменено обязательное образование, а соблюдение законов контролировалось лишь в зонах анклавов, где проживали специалисты, обеспечивающие поддержание статус-кво. Население свободных зон было предоставлено самому себе — миллионы праздных потребителей соцпакетов участвовали в жизни страны лишь раз в четыре года, приходя на избирательные участки (если, конечно, не находили себе занятия поинтересней). Большинство из них не умело ни читать, ни писать. Единицы, пройдя жесткий отбор тестов, могли претендовать на какое-то образование. Остальные ограничивались «практическими курсами», где учили только считать и пользоваться общественными терминалами, а затем свободно выбирали между пожизненным пособием и какой-нибудь неквалифицированной работой.

Несмотря на строгое нормирование продуктов (мясо исчезло из обычного рациона и превратилось в предмет неле-

гальной торговли), никто не умирал от голода, напротив, начало нулевых годов XXI века осталось в памяти временем изобилия и успехов. Казалось, новые технологии вот-вот подарят всем счастье, покой и процветание. Медицина победила большинство болезней и билась над продлением жизни. Первая лунная колония готова была принять избыток населения, на Марсе был запущен процесс терраформирования, который должен был снизить демографическое давление в перспективе на сотни лет вперед, а проект на Ганиমেде обещал закрыть продовольственный вопрос навсегда. Америка с головой окунулась во вторую Эпоху Джаза — время всеобщего, немного нервного веселья, словно пыталась воплотить в жизнь лозунг полувековой давности — «секс, наркотики, рок-н-ролл» (альтернативные варианты прилагаются).

В ретроспективе легко разглядеть причины последовавшей за Эпохой Джаза катастрофы. Понятно, что куда проще вырвать из одних рук и передать в другие централизованную власть, чем подмять под себя децентрализованную систему. Понятно, что электорат, не умеющий читать и писать, легко поддается влиянию не только официальной пропаганды, но и вообще любой пропаганде, особенно религиозной. И наконец, все знают, что Древо Свободы требует время от времени поливать кровью героев, и если в критический момент окажется, что герои отправились осваивать Марс или устраивать жизнь на Луне, то «у меня для вас плохие новости, ребята». Но до выборов 2012 года и даже несколько лет спустя такие мысли мало кому приходили в голову — люди наслаждались свободой и вкушали те радости, которые были им доступны. Они жили одним днем, не осознавая перспективы и не задумываясь о ней. Словно старик, переживший все отмеренные ему сроки, радуется последним теплым лучам солнца в приближении заката.

С. В. Голд

Не убоюсь зла

Рексу и Кэтлин

Комната была старомодная, в барочном стиле 1980-х годов, но роскошная и очень просторная — широкая, длинная, с высокими потолками. У окна с регулируемым пейзажем стояла автоматизированная больничная койка. Чтобы не портить интерьер, ее частично скрыли великолепной китайской ширмой. В сорока футах от койки расположился столъ же чужеродный стол для заседаний. Во главе его стояло инвалидное кресло с системой жизнеобеспечения, от которого к койке тянулись трубки и провода.

У кресла, за мобильным стенографическим столиком, оборудованным микрофонами, пишмашинкой-диктофоном, часами-календарем, пультом управления и прочими принадлежностями, сидела очень красивая девушка.

Она держалась как образцовая незаметная секретарша, но одета была по последней экзотической моде, «половина на половину»: правое плечо, рука и грудь в черном трикотаже, левая нога в алом чулке. Завершали образ двцветные трусики с оборкой и сандалии — черная на левой ноге, алая — на голой правой. Кожа была расписана теми же цветами — черным и алым.

С другой стороны от кресла стояла немолодая женщина в халате медсестры и белых чулках. Она внимательно следила за датчиками и пациентом в кресле, не обращая внимания на все остальное. За столом расположились чуть больше десяти человек, одетых словно зрители на скачках: стиль, принятый у пожилых управленцев высшего звена.

В инвалидном кресле сидел древний старик, которого, если бы не живые неугомонные глаза, можно было принять за плохо забальзамированный труп. На лице ни следа косметики — никакой попытки скрыть ужасающую дряхлость.

— Упырь, — тихо произнес старик, обращаясь к одному из мужчин за столом. — Парки, малыш, вы самый настоящий жадный упырь. Отец не учил вас, что невежливо хоронить человека, пока тот не откинул копыта? У вас вообще был отец? Юнис, сотри последнюю фразу. Итак, господа, мистер Паркинсон предлагает мне добровольно уйти с поста председателя совета директоров. Кто еще за? — Старик сделал паузу. — Ну как же так? Парки, кто из ваших дружков поджигает хвост? Вы, Джордж?

— Я здесь ни при чем.

— Но были бы рады проголосовать за. Без поддержки вопрос не будет поставлен на рассмотрение.

— Я отзываю свое предложение.

— Поздно, Паркинсон. Вопрос можно исключить из повестки дня только по общему согласию, высказанному явно либо подразумеваемому. А если есть хоть одно возражение — и я, Иоганн Себастьян Бах Смит, возражаю, — то ничего не поделать. Я придумал это правило, когда вы еще пешком под стол ходили. Однако, господа, — Смит оглядел собравшихся, — у меня есть для вас новости. Как вы наверняка знаете из доклада мистера Тила, все наши подразделения работают успешно, а «Морские фермы» и «Общеобразовательные учебники» — более чем успешно. Поэтому мне самое время уйти на покой.

Смит подождал немного, затем продолжил:

— Можете закрыть рты. А вы, Парки, подберите слюни, я еще не договорил. Я остаюсь председателем совета директоров, но покидаю пост президента компании. Начальник юридического управления мистер Джейк Саломон становится вице-председателем.

— Иоганн, полегче. Я не собираюсь управлять этим цирком.

— Джейк, а кто говорит про управление? Всего-то надо будет председательствовать в мое отсутствие. Я слишком много прошу?

— Гм. Пожалуй, не слишком.

— Вот и славно. Так вот, я слагаю с себя полномочия президента «Смит энтерпрайзес». Президентом и генеральным директором назначается мистер Байрем Тил — он заслужил этот пост, а с ним и все биржевые опционы, налого-

вые лазейки и прочие привилегии своей многолетней добросовестной работой.

— Послушайте, Смит! — взорвался Паркинсон.

— Тихо, молокосос. Я вам не «послушай», а «мистер Смит» или «господин председатель». А теперь говорите.

Паркинсон взял себя в руки и произнес:

— Хорошо, *мистер* Смит. Я протестую. Во-первых, одним махом повесить своего помощника до президента — само по себе вопиющее нарушение, а во-вторых, у меня второй по величине пакет голосующих акций и при любых изменениях в руководстве моя кандидатура должна рассматриваться в первую очередь!

— Парки, я рассмотрел вашу кандидатуру.

— Да?

— Ага. Подумал об этом... и прыснул со смеху.

— Ах вы...

— Не произносите этого слова, я могу подать в суд за оскорбление. Не забывайте, что мой пакет — контрольный. А что касается вашего — согласно политике компании любой владелец пяти или более процентов голосующих акций автоматически входит в совет директоров, даже если он моральный урод и все его на дух не выносят. Что верно для нас обоих. Точнее, для вас *было* верно. Байрем, что там у нас с доверенностями и покупкой акций?

— Представить вам полный отчет, мистер Смит?

— Нет, просто объясните мистеру Паркинсону его текущее положение.

— Хорошо, сэр. Мистер Паркинсон, в настоящий момент у вас меньше пяти процентов голосующих акций.

— А это значит, что ты больше не в совете директоров, упыренек, — вкрадчиво добавил Смит. — Джейк, созовите внеочередное собрание акционеров. Со всеми формальностями, извещениями и прочим. Подарим Парки золотые часы, вышвырнем его вон... и выберем ему замену. Есть еще вопросы? Вопросов нет. Заседание окончено. Джейк, оставайтесь. Юнис, ты тоже. И вы, Байрем, если вам есть что еще обсудить.

Паркинсон вскочил:

— Смит, вы у меня еще попляшете!

— Не сомневаюсь, — умилился старик. — Кланяйтесь от меня теще и скажите, что Байрем по-прежнему будет повышать ее благосостояние, несмотря на то что я вас вышвырнул.

Паркинсон вышел не прощаясь. Остальные потянулись за ним.

— Джейк, как человек смог дожить до пятидесяти лет, не обзаведясь здравым смыслом? — задумчиво сказал Смит. — Ладно хоть богатой тещей обзавелся. Ганс, вы хотели мне что-то сказать?

— Иоганн, — произнес Ганс фон Риттер, опираясь на стол и глядя председателю в глаза, — мне не понравилось, как вы обошлись с Паркинсоном.

— Благодарю за честность. В наши дни ее не часто встретишь.

— Убрать его из совета — верное решение, он нам постоянно палки в колеса вставлял. Но унижать его не стоило.

— Вы правы, Ганс. Но я не мог отказать себе в маленьком удовольствии. Мне сейчас особо не повеселиться.

В зал вкатился робот-лакей «Симплекс», составил освободившиеся стулья на стойку и выкатился обратно. Фон Риттер продолжил:

— Не хочу, чтобы со мной обошлись так же. Если вам в совете нужны лишь подпевалы, спешу заметить, что у меня тоже менее пяти процентов голосующих акций. Мне подать заявление об отставке?

— Боже правый, ни в коем случае! Ганс, вы мне нужны, а Байрему нужны еще больше! Мне ни к чему дрессированные тюлени; у человека должно быть достаточно смелости, чтобы возразить мне, иначе он просто место будет занимать. Но если он выступает против меня, пусть делает это *разумно*. Как вы. Вам неоднократно удавалось меня переубедить, что при моем упрямстве ой как непросто. А теперь вот что — присядьте. Юнис, подгони доктору фон Риттеру стульчик.

Стул подкатился к фон Риттеру, но тот отмахнулся, и стул уехал обратно.

— Хватит меня умасливать. Что вам нужно? — Фон Риттер убрал руки со стола, тот сложил ножки, повернулся боком и втянулся через щель в стену.

— Ганс, я окружил себя ненавистниками. Среди них нет ни одного подхалима, ни одного дрессированного тюленя. Даже Байрем — особенно он — получил свой пост за то, что обычно возражал мне по делу. Но он не всегда прав, и поэтому в совете нужны люди вроде вас. Паркинсон — другое дело. Я обязан был публично его отчитать, потому что он публично потребовал моей отставки. Но вы правы, Ганс, я повел себя как ребенок. Еще двадцать — да что там, десять лет назад я ни за что бы не унизил человека. Когда человек не думает головой, а действует рефлекторно, как большинство, унижение заставит его мстить. Я это прекрасно понимаю. Но я уже стар, ум у меня не тот.

Фон Риттер промолчал. Смит продолжил:

— Прошу, останьтесь... И помогите Байрему во всем разобратся.

— Ох... останусь. Если обещаете больше не срывать-ся. — Фон Риттер развернулся к выходу.

— Договорились. Ганс, а на моих поминках спляшете?

Фон Риттер с усмешкой оглянулся:

— С радостью!

— Вот и славно. Спасибо, Ганс. Пока!

Смит обратился к Байрему Тилу:

— А что у тебя, сынок?

— Завтра из Вашингтона приедет помощник генерального прокурора — говорить с вами о покупке контрольного пакета «Хоумкрафтс лимитед» нашими «Механическими станками». Думаю...

— Не со мной, а с *тобой*. Ты сильно меня подведешь, если не справишься с каким-то помощником прокурора. Что еще?

— Мы потеряли человека на морской ферме номер пять. В пределах пятидесятифутовой зоны. Акула.

— Он был женат?

— Нет, сэр. Родителей тоже нет.

— Ладно, тогда обойдемся официальными соболезнованиями. У вас есть видеоклипы, где мой голос прочувствованно дублирует профессиональный актер. Вот их и пустите. Нельзя, чтобы народ думал, будто нам наплевать на гибель работников.

— Особенно когда нам действительно наплевать, — добавил Джейк Саломон.

Смит цыкнул на него:

— Джейк, ты что, видишь меня насквозь? Такова наша политика: щедрая компенсация в случае гибели плюс всякая сентиментальная мишура.

— Которая прокатывает на ура. Иоганн, не обязательно видеть насквозь, чтобы понимать — у тебя вместо сердца калькулятор. Да у тебя сердца и не было никогда.

Смит улыбнулся:

— Джейк, для тебя сделаем исключение. Когда по-мрешь, не будет ни букетов, ни фотографии в черной рамке в корпоративной газете. Твоя смерть пройдет незамеченной.

— Иоганн, решать это будешь уже не ты. Я переживу тебя лет на двадцать, не меньше.

— Тоже хочешь станцевать на моих поминках?

— Я не танцую, — ответил юрист, — но тебе, я смотрю, хочется, чтобы я научился.

— Не волнуйся, это я тебя переживу. Хочешь пари? Скажем, миллион против твоего любимого налогового вычета? Впрочем, нет. Чтобы выжить, мне понадобится твоя помощь. Байрем, загляни ко мне завтра. Сестра, выйдите, мне нужно поговорить с юристом с глазу на глаз.

— Не могу, сэр. Доктор Гарсия требует, чтобы вы постоянно были под присмотром.

Смит задумался.

— Мисс Судно, я приобрел свой словарный запас до того, как Верховный суд запретил писать похабщину на заборах. Но я постараюсь изъясняться понятным вам языком. Я даю вам работу. Плачу вам зарплату. Это мой дом. Я приказал вам убираться, так пошевеливайтесь!

Медсестра молчала и упорно не двигалась с места.

Смит вздохнул:

— Джейк, совсем я старый стал. Забыл, что у них свои правила. Можешь разыскать доктора Гарсию — он где-то здесь, в доме, — и попросить оставить нас наедине, без излишне верного сторожевого пса?

Доктора Гарсию привели. Он снял показания приборов, осмотрел пациента и решил, что на некоторое время можно обойтись дистанционным наблюдением.

— Мисс Макинтош, перейдите к удаленному монитору.

— Конечно, доктор. Вы не подыщите мне замену? Я не хочу больше здесь работать.

— Сестра, что вы...

— Доктор, секундочку, — перебил Смит. — Мисс Макинтош, я прошу прощения, что назвал вас «мисс Судно». Маразм, сами понимаете. Я теперь как ребенок. Но если по-другому никак — хоть я и надеюсь на иной исход, — доктор, выдайте сестре премию в тысячу долларов и пришлите мне счет. Она ответственно выполняла свой профессиональный долг... несмотря на все мои вздорные и неуважительные поступки.

— Гм. Сестра, подождите меня снаружи.

Когда доктор с медсестрой вышли, Саломон сухо произнес:

— Иоганн, ты впадаешь в маразм, только когда тебе это выгодно.

Смит усмехнулся:

— У старости и болезней свои преимущества. Какие еще способы влияния у меня остались?

— Деньги.

— Ну конечно. Без денег я бы давно уже помер. Но в последнее время я действительно по-детски капризен. Меня злит, что я прикован к этому креслу, ведь я привык вести активный образ жизни. Однако куда проще списать все на старческий маразм... ведь и моему врачу, и Господу Богу известно, что мое тело угасает.

— Иоганн, я бы списал это на твой мерзкий характер, а не на маразм. Ты мыслишь вполне здраво, когда тебе это выгодно. Но со мной твои штучки не пройдут.

Смит снова усмехнулся:

— Ну что ты, Джейк. Я нуждаюсь в тебе даже больше, чем в Юнис, хотя она, безусловно, куда привлекательнее. Юнис, что скажешь? Плохо я себя веду в последнее время?

Секретарша пожала плечами, отчего некоторые другие части тела приятно заколыхались.

— Отвратительно, босс, но я привыкла не обращать на это внимания.

— Видишь, Джейк? Если бы Юнис, как ты, отказалась мириться с моим поведением, я бы стал добрейшим начальником на свете. А пока она меня терпит, я пользуюсь возможностью выпустить пар.

— Юнис, если вы устанете от этого вредного старого хрыча, переходите работать ко мне. Я буду платить вам столько же или даже больше.

— Юнис, я удваиваю тебе жалованье!

— Спасибо, босс, — быстро ответила она. — Я записала ваши слова и точное время. Сообщу в бухгалтерию.

Смит фыркнул:

— Видишь, почему я ее держу? Даже не пытайся торговаться, старый козел, денег не хватит.

— Маразматик, — проворчал Саломон. — Кстати, о деньгах. Кем ты намерен заменить Паркинсона?

— Было бы что заменять. Джейк, у тебя есть кто-нибудь на примете?

— Нет, но после недавней сценки мне кажется, что Юнис подошла бы.

Юнис на мгновение опешила, но тут же убрала с лица всякое выражение. Смит задумался.

— Мне такая мысль в голову не приходила, но вариант интересный. Юнис, хочешь стать директором корпорации?

Юнис отключила диктофон:

— Хватит надо мной подшучивать!

— Детка, — ласково сказал Смит, — я не привык шутить о деньгах. А для Джейка деньги вообще единственное святое — он ведь продал в Рио дочь и бабуку.

— Дочь я не продавал! — запротестовал Саломон. — Только бабулю... почти ничего за старушеницу не выручил, но спальню в доме освободил.

— Босс, я ведь ничего не понимаю в управлении бизнесом!

— Тебе это и не нужно. Директора не управляют, они диктуют политику. И ты знаешь об этой работе больше многих наших директоров. Ты работала со мной много лет, а до того помогала прежней секретарше, миссис Бирман, пока та не ушла на пенсию. Джейк, возможно, дурачился, но я вижу в его предложении определенные плюсы. Как специальный секретарь-референт, ведущий протоколы заседаний, ты уже считаешься исполнительным служащим корпорации. Вы оба помните, как я назначил тебя на эту должность, чтобы заткнуть глотку Паркинсону: он возмущался, что мой личный секретарь присутствует на заседаниях.

Так вот, ты продолжишь делать то же самое. Останешься моим личным секретарем, потому что достойной замены тебе нет, но при этом войдешь в совет директоров. Одно другому не мешает. Будешь вести протокол и голосовать. А теперь главный вопрос — ты готова голосовать так же, как Джейк?

Юнис приняла серьезный вид:

— А вы этого хотите, сэр?

— Либо так же, как я, в тех случаях, когда я буду присутствовать. Это одно и то же. Если подумать, мы с Джейком всегда голосовали одинаково по главным вопросам, обговаривая все заранее, и спорили по всякой ерунде. Взгляни на старые протоколы, сама увидишь.

— Я давно заметила, — спокойно ответила Юнис, — но сочла, что мне не подобает это комментировать.

— Решено. Джейк, она наш новый директор. Последний нюанс, милочка. Если нам вдруг понадобится посадить на твое место кого-нибудь другого, ты согласишься уйти в отставку? Внакладе не останешься.

— Конечно, сэр. Даже без дополнительной компенсации.

— Все равно внакладе не останешься. Как славно! Юнис, ты понимаешь, что в моем нынешнем состоянии я вынужден передать управление Тилу, а политику — Джейку. Нужно, чтобы Джейка поддерживало максимальное число директоров. Можно, конечно, кого-нибудь выгнать... но лучше не стоит, а то фон Риттер взбеленится. Все, ты теперь директор. Формальности уладим на следующем собрании акционеров. Добро пожаловать в правящий аппарат. Ты больше не забитая наемная работница. Ты продалась с потрохами, и теперь ты душительница свободы, разжигательница войн и подлый фашистский пес. Как тебе?

— Не пес, — возразила Юнис. — Все остальное замечательно, но «пес» мужского рода, а я — женского. Сука.

— Юнис, я не только сам не употребляю таких слов при дамах, но и не хочу слышать их от дам.

— Босс, какая дама из «подлого фашиста»? Я это слово впервые в детском саду услышала. Оно давно никого не возмущает.

— А я впервые услышал его на заднем дворе. Где ему и место.

Саломон простонал:

— Хватит с меня вашей дилетантской лексикологии. Могу я идти?

— Что? Ни в коем случае! Секретное, ради чего я отослал медсестру, еще впереди. Придвинься-ка поближе.

— Иоганн, прежде чем секретничать, ответь на один вопрос. Твоя койка оборудована микрофоном? Да и в кресле тоже может стоять жучок.

— А? — Старик задумался. — Пока за мной не установили круглосуточное наблюдение, я пользовался кнопкой вызова сестры.

— Семь к двум за то, что вас прослушивают. Юнис, дорогуша, можете покопаться в проводах и проверить?

— Не уверена. Я стенографистка, а не электрик. Но попробую. — Она встала из-за стола и осмотрела пульт управления креслом. — Эти два датчика почти наверняка с микрофонами, они фиксируют частоту пульса и дыхательных сокращений. Но на голос они не реагируют, — видите, я говорю, а стрелки не шевелятся. Судя по всему, датчики оснащены шумопоглотителем. Однако... — Юнис задумалась, — голос можно снять и до того, как он отфильтруется. Я иногда так делаю, если уровень интершума слишком высок. Не знаю, для чего остальные датчики. Черт, я бы, пожалуй, опознала подслушивающее устройство, если бы оно здесь было, но с уверенностью сказать, что его нет, не берусь. Их может быть и два, и три. Извините.

— Не переживайте, милочка, — утешил ее юрист. — В этой стране все под колпаком примерно с середины двадцатого века. Да что там, я запросто могу нанять человека, чтобы тот сфотографировал вас в душе, и вы даже не заметите.

— Правда? Какой ужас! И сколько это стоит?

— Дорого. Все зависит от того, как сильно он рискует попасть под суд. Начиная от пары тысяч долларов и до бесконечности. Но это возможно.

— Ну и ну! — Юнис снова задумалась, затем улыбнулась. — Мистер Саломон, если вам когда-нибудь захочется такую фотографию, позвоните, договоримся. У моего мужа есть превосходный китайский фотоаппарат, и я бы предпочла, чтобы фотографировал меня он, а не кто попало.

— Прошу тишины, — спокойно произнес Смит. — Юнис, можешь продать этому старому развратнику хоть целый альбом своих фотографий, но в свободное время. Я ничего не смыслю в прослушивающих устройствах, но знаю, как решить проблему. Юнис, зайди в кабинет, откуда за мной наблюдают — если не ошибаюсь, это моя бывшая комната отдыха. Там должна быть мисс Макинтош. Побудь там минуты три. Я немного подожду и крикну: «Мисс Макинтош! Миссис Бранка с вами?!» Если услышишь мой голос, значит меня прослушивают. Если нет — возвращайся, как истекут три минуты.

— Хорошо, сэр. Что мне сказать мисс Макинтош?

— Придумай что-нибудь. Я просто хочу знать, подслушивает ли эта старая клизма.

— Хорошо, сэр.

Юнис направилась к выходу, нажала кнопку, и дверь отъехала в сторону. За дверью оказалась мисс Макинтош, которая от неожиданности едва не подпрыгнула.

Спohватившись, медсестра хмурo обратилась к мистеру Смигу:

— Можно войти?

— Конечно.

— Спасибо, сэр. — Медсестра подошла к койке, отодвинула ширму, щелкнула четырьмя переключателями и снова задвинула ширму. Затем она встала перед пациентом и сказала: — Сэр, теперь ваша личная информация останется в тайне. По крайней мере, в том, что касается *моего* оборудования.

— Благодарю вас.

— Доктор распорядился не отключать голосовые датчики без его ведома. Но вам в любом случае не о чем было беспокоиться. Я, как и доктор, уважаю личную жизнь пациента и *никогда* не подслушиваю больных. Я вообще не слушаю, о чем они говорят!

— Не кипятитесь вы так. Раз вы не подслушиваете, то как узнали, что мы обсуждаем?

— Я услышала свое имя и насторожилась. Это инстинктивное, хотя вы все равно не поверите!

— Напротив, я вам верю. Сестра, включите все обратно, но не забудьте, что у меня личная беседа, а я в свою очередь

постараюсь не упоминать вашего имени. Как здорово, что вас можно так легко вызвать! Весьма удобно для человека в моем состоянии.

— Э... хорошо, сэр.

— Еще я хотел поблагодарить вас за то, что терпите мои причуды. И тяжелый характер.

Медсестра чуть не улыбнулась:

— Сэр, с вами не так уж и трудно. Я два года проработала в психбольнице.

Смит сперва опешил, но тут же улыбнулся:

— Не в бровь, а в глаз! Это там вы так возненавидели подкладные судна?

— Где же еще! Сэр, а теперь, с вашего позволения...

Когда она ушла, Саломон спросил:

— Ты правда веришь, что она не станет подслушивать?

— Конечно станет. Мы только разожгли в ней любопытство. Она будет очень стараться не слушать, поэтому у нее ничего не выйдет. Но она самолюбива, а самолюбие надежнее приборов. А теперь к делу, а то я устал. Я хочу купить тело. Молодое.

Юнис Бранка даже бровью не повела, а лицо Джейка Саломона приняло выражение, с которым он обычно играл в покер и общался с прокурорами. Наконец Юнис произнесла:

— Сэр, мне это записать?

— Нет. Хотя да. Пускай твоя швейная машинка сделает по копии для каждого из нас и сотрет оригинал. Мою копию положи в папку с документами, подлежащими уничтожению, свою — тоже. А ты, Джейк, спрячь копию в той папке, которой ты пользуешься, чтобы обманывать налоговую.

— Я знаю еще более безопасное место. Папка для виновных клиентов. Иоганн, наша беседа, разумеется, останется между нами, но я обязан напомнить, что профессиональная этика запрещает мне содействовать клиенту в нарушении закона, а также обсуждать с ним это. Что касается Юнис, то все, сказанное в ее присутствии, уже не может считаться конфиденциальным.

— Да брось ты, старый мошенник! Ты уже много лет как минимум дважды в неделю помогаешь мне обходить закон. А Юнис никому не проболтается, если только ей не промыть мозги.

— Я не утверждаю, что никогда не нарушал законов. Просто напоминаю, что они существуют. «Профессиональная этика» — понятие расплывчатое, но я не стану связываться с кражей трупов, похищением или работоторговлей. У любой уважающей себя проститутки — вроде меня — есть рамки, за которые она никогда не выходит.

— Джейк, оставь свои проповеди. Мое желание вполне соответствует этическим и моральным нормам. Твоя помощь нужна мне, чтобы проверить все надежно и по закону — без уловок!

— Надеюсь.

— Будь уверен. Значит, я хочу купить тело — легально. Это исключает кражу трупов, похищение и работоторговлю. Сделка должна быть правомерной.

— Не выйдет.

— Почему? Взять хотя бы вот это тело, — произнес Смит, тыча себе в грудь. — Оно даже на удобрения не сгодится, однако я могу завещать его медицинскому центру для исследований. Ты сам дал на это добро.

— Ух, давай-ка сразу разберемся с понятиями. В Соединенных Штатах владение людьми запрещено Тринадцатой поправкой. Таким образом, твое тело не может считаться собственностью, и продать его ты не имеешь права. Однако труп автоматически *становится* собственностью — как правило, семьи покойного. Трусами редко распоряжаются как другим имуществом, но они, безусловно, собственность. Хочешь купить труп — пожалуйста. Но кого ты там упырем называл?

— Джейк, что есть труп?

— А? Согласно словарю Вебстера — мертвое тело, обычно человеческое. Юридическое определение немного сложнее, но по смыслу не отличается.

— Вот на это «немного сложнее» я и намекаю. Итак, когда человек мертв, его труп становится собственностью и его теоретически можно купить. Но что такое смерть, Джейк? Когда она наступает? Плевать на Вебстера, что говорит закон?

— А законы у нас устанавливает Верховный суд. К счастью, этот вопрос был юридически закреплён ещё в семидесятых, в ходе процесса «Семья Генри М. Парсонса против

штата Род-Айленд». Многие годы и даже века человек признавался умершим, когда переставало биться его сердце. Затем почти век вердикт выносили на основании заключения лицензированного врача, после тщательной проверки сердечной и дыхательной деятельности. Но даже врачи порой ошибались, что приводило к печальным последствиям. А когда состоялась первая успешная пересадка сердца, такая юридическая каша заварилась! Но дело Парсонса решило все вопросы. Человек считается мертвым, когда необратимо прекратилась деятельность его мозга.

— И что это значит? — надавил Смит.

— Верховный суд не дает более четкого определения. Но фактически... Иоганн, я, в конце концов, корпоративный юрисконсульт, а не специалист в медицинской юриспруденции и судебной медицине, так что мне нужно проверить информацию, прежде чем...

— Понятно, ты не Господь Бог. Выкладывая, что знаешь, потом уточнишь.

— Когда необходимо установить точный момент смерти — это иногда нужно для решения вопроса о наследстве, расследования несчастного случая, намеренного или неумышленного убийства и всегда при трансплантации, — врач должен констатировать смерть мозга. Для этого проводятся тесты и используются термины «необратимая кома», «полное прекращение мозговой активности» и «неизлечимые кортикальные повреждения», но в конечном счете все сводится к тому, что какой-то врач выносит вердикт о смерти мозга, ставя на кон свою репутацию и лицензию. Сердце и легкие к делу больше не относятся, их приравнивали к рукам, ногам, яичкам и прочим органам, без которых человек вполне может прожить. Главное — мозг. И заключение врача. Когда решается вопрос о трансплантации, необходимо подтверждение как минимум двух врачей, не связанных непосредственно с операцией. Иногда к делу подключают и коронера — Верховный суд этого не требует; фактически танатические нормы и правила регламентированы лишь в нескольких из пятидесяти четырех штатов, но...

— Постойте, мистер Саломон. Что это за непонятное слово? Моя машинка поставила рядом с ним знак вопроса. — Юнис нажала кнопку «пауза».

— А как она его записала?

— Т-А-Н-А-Т-И-Ч-Е-С-К-И-Е.

— Умная машинка. Это специальное прилагательное, обозначающее все, что имеет отношение к смерти. Произшло от имени древнегреческого бога смерти Танатоса.

— Секундочку. Внесу его в базу. — Юнис свободной рукой нажала кнопку «память», что-то прошептала и произнесла вслух: — Машинка лучше работает, если ее похвалить. Можно продолжать. — Она отжала «паузу».

— Юнис, вам кажется, что машина живая?

Юнис покраснела, нажала кнопку «стереть» и снова «паузу».

— Нет, мистер Саломон. Но со мной она ведет себя лучше, чем с другими операторами. Если ее обижают, она возмущается.

— Подтверждаю, — согласился Смит. — Когда у Юнис выходной, ее сменщице лучше пользоваться собственным оборудованием либо стенографировать по старинке. Ладно, дорогуша, хватит болтовни. Способы ухода за приборами обсудите в другой раз. Прадедусшке хочется спать.

— Слушаюсь, сэр. — Юнис убрала руку с кнопки.

— Иоганн, во всем, что касается трансплантации, медицинское сообщество установило твердые правила, чтобы одновременно защитить врачей от уголовного преследования и гражданских исков и предупредить возможные законодательные ограничения. Для врача важно, чтобы он мог извлечь сердце, пока оно еще живо, но при этом обезопасить себя от обвинений в убийстве и многомиллионных исков. Поэтому они разделяют ответственность и действуют сообща.

— Понятно, — согласился Смит. — Джейк, ты не сообщил ничего нового, лишь подтвердил известные мне факты. Теперь мне спокойнее. Я вижу, что мой план осуществим. Итак, мне нужно здоровое тело возрастом от двадцати до сорока лет, еще теплое, с рабочим сердцем и без серьезных повреждений... лишь мозг должен быть официально мертв, мертв, *мертв*. Я хочу купить этот труп и пересадить в него мозг — свой мозг.

Юнис не шелохнулась. Джейк удивленно моргнул:

— И когда тебе нужно тело? Сегодня вечером?

— Не позднее следующей среды. Гарсия говорит, что столько я еще протяну.

— Лучше сегодня. И новый мозг тебе тоже не помешает — этот, похоже, сломался.

— Джейк, кончай свои шуточки! Я серьезно. Мое тело отказывает, но мой разум яснее ясного, да и память не подводит. Спроси меня, на каких цифрах закрылись вчерашние торги, и я отвечу. Я по-прежнему способен делать логарифмические вычисления без таблиц — проверяю себя каждый день. Но я *знаю*, что мне недолго осталось. Взгляни на меня — мое состояние исчисляется несметным числом мегадолларов, но мое тело заштопано нитками и заклеено изолентой. Ему место в музее.

Я столько раз слышал: «Деньги в могилу не унесешь». Так вот, когда восемь месяцев назад меня приспособили к этим уродским трубкам и проводам, я начал размышлять над старой поговоркой и решил: раз деньги мне с собой не забрать, то в могилу я ни ногой!

— Пфф! Вот погрузят тебя на катафалк, а там и ногой, и всем остальным.

— Посмотрим. Я готов потратить хоть все свое несусветное состояние, чтобы обмануть смерть. Поможешь?

— Иоганн, если бы речь шла о банальной пересадке сердца, я бы с радостью благословил тебя на эту процедуру. Но пересадка *мозга*? Ты хоть понимаешь, насколько это сложно?

— Нет, как и ты. Но мне известно больше, чем тебе. У меня была уйма времени прочитать имеющиеся материалы. Не говори, что еще никто не проводил успешную пересадку мозга человеку, я и так это знаю. Не напоминай, что китайцы пытались несколько раз и у них ничего не вышло. Однако, если память не изменяет, трое пациентов все же выжили, пусть и остались овощами.

— Хочешь стать четвертым?

— Нет. Но я слышал о двух шимпанзе, которые до сих пор лазают по деревьям и едят бананы, несмотря на то что обменялись мозгами.

— О, тот австралиец?

— Доктор Линдси Бойл. Я хочу, чтобы пересадку проводил он.

— Бойл. Дело ведь закончилось скандалом, и его выдворили из Австралии?

— Верно, Джейк. Тебе знакома профессиональная зависть? Нейрохирурги убеждены, что успешная пересадка мозга невозможна. Но если вспомнить, то пятьдесят лет назад то же самое говорили о пересадке сердца. Если спросить нейрохирургов о тех шимпанзе, они в лучшем случае заявят, что это фальсификация, хотя есть видеозаписи операции. Или напомним о многочисленных неудачах Бойла — но ему ведь нужно было как-то учиться! Его так ненавидят, что выперли из страны, когда узнали, что он планирует операцию на человеке. Ублюдки... Юнис, извини.

— Мистер Смит, я уже давно настроила машину так, чтобы она заменяла это на «негодяи».

— Спасибо.

— Иоганн, ты знаешь, где Бойл сейчас?

— В Буэнос-Айресе.

— Ты выдержишь перелет?

— Конечно нет! Точнее, могу выдержать, если в самолет поместятся все эти механические прибаамбасы, которые поддерживают мою жизнь. Но первым делом нужно найти подходящее тело и лучшую клинику, где проводят операции с помощью компьютера. И команду хирургов-ассистентов. И все остальное. Больница Джонса Хопкинса подойдет. Или Стэнфордский медицинский центр.

— Осмелюсь предположить, что ни одна из этих клиник не позволит хирургу со столь сомнительной репутацией оперировать у себя.

— Джейк, Джейк, еще как позволит. Ты что, не знаешь, как дать взятку университету?

— Никогда не пробовал.

— Берешь большую, *огромную* сумму и передаешь в открытую, на помпезной церемонии. Но сначала выясняешь, что им нужно — новый стадион, ускоритель частиц или новая именная кафедра. Главное — денег должно быть много. По-моему, лучше быть живым, молодым и бедным, чем богатым покойником на самом дорогом кладбище Америки. — Смит улыбнулся. — Стать молодым и бедным будет даже весело. Так что не жалея шекелей.

Я уверен, Бойлу разрешат оперировать, вопрос лишь в том, кого и как подкупить. Говоря словами Билла Грэшама, человека, с которым я был знаком много лет назад, «узнай, чего он хочет, — и он все сделает как миленький!».

А для главного вообще взятка не потребуется, лишь готовность расстаться с деньгами. Нужно найти подходящее тепленькое тельце. Джейк, в нашей стране каждый год только в автомобильных авариях гибнет более девяноста тысяч человек — то есть по двести пятьдесят в день. Значительная часть — от черепно-мозговых травм. Многим из них как раз от двадцати до сорока лет, и перед гибелью они были в добром здравии. Одна загвоздка — найти тело, пока оно еще живо, и доставить его в операционную.

— С толпой родственников, адвокатов и полицейских на хвосте.

— Безусловно — если только не подготовить все загодя и не перечислить деньги кому надо. Назовем это «комиссией за предоставленные услуги», как угодно. Мы можем поставить бригады реаниматологов с вертолетами на самых опасных дорожных участках. Пожертвовать деньги в полицейский пенсионный фонд, оформить тысячи письменных отказов от ответственности, щедро вознаградить родственников покойного — выдать им хоть миллион долларов. Кстати, чуть не забыл — у меня очень редкая группа крови, и для успешной трансплантации лучше избежать мороки с переливанием. В этой стране не больше миллиона людей с таким же типом крови. Если отсеять детей, стариков и больных, останется не так уж много. Не больше трехсот тысяч. Джейк, а что, если нам пустить рекламу в газетах и на телевидении? Закинуть наживку в миллион долларов? Сколько людей на нее клюнет? Один мегабакс, депонированный банком «Чейз Манхэттен» родственникам покойного, чье тело будет использовано, с дополнительной компенсацией донору и его супруге при условии предварительного согласия на донорство.

— Иоганн, чтоб я знал. Но я бы не обрадовался, если бы моя жена могла получить миллион, «случайно» ткнув меня молотком по голове.

— Джейк, это все мелочи. Составь договор так, чтобы исключить убийство с целью наживы, а также самоубийст-

во. Не хочу пачкать руки в крови. Главное — найти здоровых молодых людей с моей группой крови и внести их имена и адреса в базу данных.

— Простите, мистер Смит, а вы не думали проконсультироваться с Национальным клубом редкой крови?

— Черт побери! Совсем старый стал! Нет, Юнис. А откуда тебе о нем известно?

— Я в нем состою.

— Милочка, так ты донор? — одобрительно произнес Смит.

— Да, сэр. У меня четвертая группа, отрицательный резус-фактор.

— Дважды черт побери! Я и сам был донором, пока мне не сказали, что я слишком стар. Это было еще до твоего рождения. И группа у меня та же самая.

— Сэр, я догадалась, когда вы сказали, что таких людей меньше миллиона. Нас действительно очень мало. Меньше трети процента от всего населения. У моего мужа такая же, он тоже донор. Мы с Джо познакомились, когда нас вызвали сдать кровь для новорожденного и его матери.

— Ура Джо Бранке! Я знал, что он умный парень, ему ведь удалось подцепить тебя! Но я и подумать не мог, что он еще и ангел милосердия. Знаешь, милочка... Когда придешь домой, скажи ему, чтобы прыгнул в пустой бассейн. Так ты станешь самой красивой — и самой богатой — вдовой в городе.

— Босс, ну и шуточки у вас. Я не променяю Джо даже на миллион долларов. Деньги в холодную ночь не согреют.

— К несчастью, я это прекрасно знаю. Джейк, можно аннулировать мое завещание?

— Любое завещание можно признать недействительным. Но твое — вряд ли. Я вставил в него специальные условия, чтобы это предотвратить.

— А если я составлю новое, по той же схеме, но с незначительными изменениями?

— Нет.

— Почему?

— Ты сам неоднократно повторил. У тебя малярия. Когда умирает богатый в преклонном возрасте, а завещание у него составлено недавно, все, кто захочет признать это завеща-

ние недействительным, — например, твои внучки — постараются его оспорить. Мол, ты выжил из ума и поддался на манипуляции недобросовестных лиц. И у них наверняка получится.

— Черт. Я хотел завещать миллион Юнис, чтобы ей не захотелось убить своего четверто-отрицательного мужа.

— Босс, хватит надо мной подшучивать. У вас злые шутки.

— Юнис, не забывай, я не шучу с деньгами. Джейк, так как нам поступить, если я в старческом маразме и не могу изменить завешание?

— Проще всего — оформить страховой полис с единовременной выплатой. Но с учетом твоего возраста и состояния здоровья это обойдется дороже, чем в миллион. Зато Юнис получит деньги, даже если завешание признают недействительным.

— Мистер Саломон, не слушайте его!

— Иоганн, ты хочешь, чтобы этот миллион вернулся тебе, если ты по какому-то невероятному стечению обстоятельств переживешь Юнис?

— Гм... нет, это может привлечь внимание суда, и бог знает что они могут рассудить. Отпиши их Красному Кресту. Нет, лучше Национальному клубу редкой крови.

— Отлично.

— Завтра же утром займись этим. Нет, сегодня — вдруг я до завтра не дотяну? Пригласи страхового агента, например Джека Тауэрс, и попроси Джефферсона Биллингса выдать заверенный банком чек. Действуй по моей доверенности, своих денег не трать, а то не хватит. Как получишь подпись страхового агента, можешь отправляться спать.

— Слушаюсь, о Великий Дух. Но сделаю все по-своему — все-таки я здесь юрист, а не вы. К ночи будет готово и, разумеется, оплачено твоими деньгами. Юнис, постарайтесь случайно не задеть какие-нибудь провода или шланги, когда пойдете домой. А вот завтра можете задевать сколько хотите — главное, без свидетелей.

Юнис фыркнула:

— Да вы два сапога пара! Босс, я это сотру. Не нужен мне миллион ни за вашу смерть, ни за смерть Джо.

— Тебе не нужен, — ласково произнес Смит, — так Клубу редкой крови пригодится.

— А... мистер Саломон, это правда?

— Да, Юнис. Деньги — полезная вещь, особенно когда их у тебя нет. Ваш муж может огорчиться, узнав, что вы отказались от такой суммы.

— Ох... — Юнис замолкла.

— Джейк, приступай к работе. А заодно подумай, как заполучить тепленький труп, как привезти сюда Бойла и добиться для него разрешение оперировать в этой стране. И так далее. И скажи... нет, я сам. Мисс Макинтош!

— Да, мистер Смит? — раздался из динамика голос медсестры.

— Зайдите ко мне со всей бригадой; я хочу спать.

— Хорошо, сэр. Я передам доктору Гарсии.

Джейк поднялся:

— Доброй ночи, Иоганн, старый ты псих.

— Возможно. Зато я весело потрачу деньги.

— Не сомневаюсь. Юнис, подвезти вас домой?

— Что вы, сэр, не стоит. Мой «гэдэбаут» в подземном гараже.

— Юнис, — сказал Смит, — этот старый козел *очень хочет* тебя подвезти. Окажи ему любезность. А твой автомобиль пригонит кто-нибудь из охранников.

— Ох... благодарю, мистер Саломон. Если вам не трудно. Босс, спокойной ночи.

Они направились к выходу.

— Юнис, стой! — окликнул Смит. — Не шевелись. Джейк, зацени, какие лапки! Юнис, я хочу сказать, у тебя красивые ноги.

— Сэр, вы мне уже говорили. Мой муж тоже так считает. Босс, вы старый козел.

Смит усмехнулся:

— Что есть, то есть... был таким лет с шести и ничуть не жалею.

Мистер Саломон подал Юнис плащ, спустился с ней на лифте, подозвал телохранителей и помог девушке сесть в машину. Один из его охранников захлопнул за ними дверцы, сел рядом с водителем и закрыл кабину. Устроившись на сиденье, миссис Бранка восхищенно воскликнула:

— Какая большая машина! Мистер Саломон, я слышала, что «роллс-ройсы» вместительные, но никогда в них не ездила.

— Милочка, от «роллса» здесь одно название. Корпус изготовлен «Шкодой», силовая установка — «Империял атомикс», а «Роллс-Ройс» только отделкой и техобслуживанием занимается. Вот пятьдесят лет назад, пока не запретили бензиновые двигатели, были «роллсы» так «роллсы». Сказка, а не машина!

— Эта тоже вполне сказочная. Мой «гэдэбаут», наверное, целиком в салон поместится.

С потолка раздался голос:

— Куда едем, сэр?

Мистер Саломон коснулся переключателя:

— Минутку, Рокфорд. — Он убрал руку. — Юнис, назовите ваш адрес или координаты места, куда вы хотите поехать.

— Домой, конечно. Север сто восемнадцать, запад тридцать семь, потом вверх на девятнадцатый уровень. Вот только вряд ли эта огромная машина поместится в грузовой лифт.

— Если не поместится, то Рокки с напарником поднимутся с вами на пассажирском лифте и проводят до самых дверей.

— Спасибо. Джо не хочет, чтобы я ездила на пассажирском лифте одна.

— Правильно. Доставим вас как заказное письмо. Юнис, вы сильно спешите?

— Не слишком. Рабочий день мистера Смита теперь не регламентирован, и Джо привык не ждать меня в одно и то же время. Сегодня я освободилась довольно рано.

— Хорошо. — Мистер Саломон снова включил интерком. — Рокфорд, мы хотим немного покататься. Миссис Бранка, какой у вас район? Восемнадцатый?

— Девятнадцать-Бэ, сэр.

— Рокки, найди кольцевую магистраль поближе к району Девятнадцать-Бэ. Точные координаты получишь потом.

— Так точно, сэр.

Саломон обратился к Юнис:

— Пассажирский отсек звуконепроницаем, пока я не нажму этот переключатель. Мы их слышим, а они нас — нет. Это хорошо, потому что мне нужно с вами кое-что обсудить и сделать несколько звонков по поводу страховки.

— Так это была не шутка?

— Шутка? Миссис Бранка, я работаю на Иоганна Смита уже двадцать шесть лет, а последние пятнадцать не работаю ни с кем, кроме него. Сегодня я, по сути, возглавил его промышленную империю, но, если не выполню указаний насчет страховки, завтра меня выкинут с этого поста.

— Как же так? Он ведь во всем на вас полагается.

— Он будет полагаться на меня, пока на меня можно будет положиться, и ни минутой дольше. Страховой полис нужно оформить сегодня. Я думал, вы перестали сомневаться, когда узнали, что сможете уступить деньги Клубу редкой крови?

— Да, но боюсь, что меня одолеет жадность и я заберу их себе. Когда придет время.

— Стоит ли так терзаться? В отличие от вас Клуб редкой крови ничего не сделал для Иоганна.

— Мне и так хорошо платят.

— Послушайте, глупышка. Не будьте глупышкой. Он хотел отписать миллион долларов именно вам. И специально сказал об этом, чтобы порадоваться, глядя на выражение вашего лица. Я уточнил, что менять завещание уже поздно, да и трюк со страховкой может провалиться, если его прямые наследники докопаются. Я, конечно, постараюсь тако-

го не допустить, но судья может заподозрить мошенничество — а это оно и есть — и распорядиться, чтобы страховая компания выплатила деньги родне Иоганна. Вот тут-то нам и поможет Клуб редкой крови. В его силах оспорить решение и победить в суде — если вы пообещаете ему половину.

Есть и другие варианты. Предположим, вы пришли на оглашение последней воли покойного начальника, ничего не зная, и услышали, что вам причитается пожизненное содержание «в качестве благодарности за долгую и верную службу». Неужели вы отказались бы?

— Ох, — только и выдохнула Юнис.

— Ох, — повторил мистер Саломон. — Вот именно что «ох». Конечно не отказались бы. Ваш начальник умер, работы вы лишились. У вас нет причин отказываться. Поэтому, чтобы вас не смущать, вместо единовременной выплаты огромной суммы я оформлю полис так, чтобы деньги поступали в фонд, который будет перечислять вам регулярные выплаты... — Юрист задумался. — После вычета налогов вы можете рассчитывать примерно на семьсот пятьдесят долларов в неделю. Вас по-прежнему что-то смущает?

— Нет, так гораздо лучше. Семьсот пятьдесят долларов — куда более понятная для меня сумма, чем миллион.

— Прекраснее всего то, что основная сумма будет защищена от инфляции и вы сможете отписать миллион или даже больше Клубу редкой крови, когда придет ваш черед сыграть в ящик.

— Правда? Здорово! Я ведь в финансовых операциях ничего не смыслю.

— Дело в том, что для большинства людей деньги — лишь средство оплаты жилья. А человек состоятельный считает их инструментом вложения. Как бы то ни было, я обставляю дело так, что вы сможете тратить их на все, что заблагорассудится. Воспользуюсь услугами канадской страховой фирмы и канадского банка, чтобы американский суд не смог сунуть нос в их дела, если внуки Иоганна все-таки прознают о наших махинациях.

— Мистер Саломон, не лучше ли будет, если деньги достанутся им?

— Повторяю, не глупите. Они настоящие гарпии. Кровопийцы. Они ради этих денег палец о палец не ударили. Вам

что-нибудь известно о семье Иоганна? Он пережил трех жен, а четвертая вышла за него только ради денег, и Иоганну пришлось потратить миллионы, чтобы от нее отделаться. Первая жена умерла родами, оставив ему сына, который потом погиб на войне при штурме какой-то никчемной высоты. С двумя следующими женами Иоганн разводился; от них у него было по дочери, которые подарили ему четырех внучек. И бывшие жены, и дочери Иоганна давно на том свете, а теперь эти четыре хищницы ждут не дождутся, когда дедуля помрет, и проклинают каждый день, когда этого не случается. — Саломон ухмыльнулся. — Их ждет большое разочарование. Я составил завещание так, что каждой причитаются небольшие ежегодные выплаты. А вздумают спорить — получают номинальную сумму единовременно, и все. А теперь извините, мне нужно позвонить. Затем я отвезу вас домой и помчусь в Канаду, чтобы все окончательно уладить.

— Конечно, сэр. Можно мне снять плащ? Здесь довольно жарко.

— Включить кондиционер?

— Только если вам тоже жарко. Мой плащ гораздо теплее, чем на вид.

— Я заметил, что он тяжелый. Бронированный?

— Да, сэр. Я часто выхожу одна.

— Тогда немудрено, что вам жарко. Снимайте хоть все.

Юнис широко улыбнулась:

— Так вы тоже старый козел? Я согласна... еще за миллион.

— Ни цента не получите! А теперь заткнитесь и дайте мне поговорить.

— Как скажете, сэр. — Миссис Бранка стянула с себя плащ, подняла стойку для ног и устроилась поудобнее.

«Какой удивительный день!.. неужели я действительно разбогатею?.. невероятно... что ж, я не потрачу ни цента — и не позволю Джо, — пока сумма не окажется в надежном банке... ему нельзя доверять деньги, я это еще в первый год замужества поняла... некоторые мужчины, вроде босса и мистера Саломона, умеют распоряжаться деньгами, а некоторые, такие как Джо, — нет... он славный, просто идеальный муж... но общего банковского счета у нас больше никогда не будет...

Милый Джо!... „лапки“ у нас действительно красивые, сучка, хотя ты не должна говорить это слово... „Сучка“... ох уж этот босс с его устаревшими табу... все время приходится следить, чтобы не шокировать его... в смысле, не шокировать слишком сильно... босс сам не прочь кого-нибудь шокировать, как говорится, подсыпать перцу, но в меру... современный жаргон его возмущает... мой Джо — отличный парень, надежный, если только дело не касается денег...

Интересно, что бы он подумал, увидев меня в дорожной тачке с этим старым козлом?.. наверняка удивился бы, но лучше ему об этом не говорить, мужчины мыслят иначе, чем женщины, логикой у них и не пахнет... да и не стоит называть мистера Саломона старым козлом, он ничем этого не заслужил... дорогая, и зачем ты только ляпнула ту чепуху про миллион?.. хотелось увидеть его реакцию?.. ну так увидела... он тебя осадил...

Не слишком ли он стар?.. вовсе нет, сейчас мужчины пичкают себя гормонами и не становятся „слишком старыми“, пока сохраняют способность шевелиться... ну вроде босса... впрочем, босс не приставал ко мне даже в лучшие годы.

Он и правда рассчитывает вернуть себе молодость благодаря пересадке мозга?.. Руки, ноги, почки и даже сердце можно пересаживать сколько угодно, но мозг?..»

Саломон выключил телефон.

— Готово, — объявил он. — Вечером прилечу в Торонто и подпишу все документы.

— Простите, что причиняю вам столько хлопот, сэр.

— Не волнуйтесь.

— Я очень ценю ваше участие. Надо подумать, как отблагодарить босса... я думала, он шутит, поэтому даже спасибо не сказала.

— Не стоит его благодарить.

— Как же? Я должна, вот только не знаю как. Чем можно искренне отблагодарить за миллион долларов?

— Гм. Варианты есть. Но лучше вам этого не делать. Иоганн обрадовался, не услышав от вас ни слова. Я хорошо его знаю. Слишком многие рассыпались перед ним в благодарностях... и пытались вновь тянуть из него деньги. Думали, он легкая добыча, а поняв свою ошибку, норовили пыр-

нуть его в спину. Не благодарите Иоганна. Лестью его не подкупишь, он убежден, что льстят не ему, а его деньгам. Я заметил, что вы ведете себя с ним очень смело.

— Сэр, иначе нельзя. Ему раза два удалось довести меня до слез... много лет назад, а потом я поняла, что он хочет, чтобы я открыто давала ему отпор.

— Видите? Старый тиран сейчас гадает, приметесь ли вы завтра лизать ему руки, как собачонка. Так что не упоминайте об этом ни словом. Юнис, расскажите мне о себе — сколько вам лет, как давно вы замужем и который раз, сколько у вас детей, чем вы болели в детстве, почему с вами нет видеозаписей, чем занимается ваш муж, как вы попали на работу к Иоганну, сколько раз вас задерживала полиция и за что... впрочем, можете просто послать меня к черту за вторжение в вашу личную жизнь. Но коли теперь нам предстоит работать вместе, мне бы хотелось узнать вас поближе.

— Не возражаю. — (Разумеется, я не стану выкладывать все, а только то, что захочу!) — Но это ведь должно быть взаимно? — Юнис опустила подставку для ног и выпрямилась. — Я задам вам те же вопросы?

Саломон усмехнулся:

— Конечно. Я могу сослаться на Пятую поправку. Или солгать.

— Сэр, я тоже могу солгать. Но не стану. Мне двадцать восемь, я замужем первый раз. Детей нет — *пока* нет, но есть разрешение на троих. Что касается работы — в восемнадцать лет я победила на конкурсе красоты. Призом был годичный контракт на участие в различных мероприятиях на территории штата, а также видеопроба с возможностью заключения семилетнего контракта...

— И они не воспользовались этой возможностью? Поверить не могу.

— Сэр, все было не так. Я переосмыслила свои жизненные приоритеты и ушла. В штате я победила, а вот в национальном конкурсе — проиграла и поняла, сколько у нас в стране красивых девушек. Слишком много. Когда я узнала от них, через что приходится пройти, чтобы попасть на видео и не потерять эту работу... скажем так, у меня пропало всякое желание этим заниматься. Я вернулась к учебе и получила диплом младшего специалиста по секретарской

электронике плюс вторую специальность — «Языки программирования и кибернетика» — и отправилась на поиски работы. (Подробности обучения опустим!) Наконец меня взяли временно к миссис Бирман на место ее секретарши, которая ушла в декрет. Она так и не вернулась, а когда миссис Бирман вышла на пенсию, на меня обратил внимание босс. Так я у него и осталась. Мне очень повезло.

— Вы умная девушка, но уверен, что Иоганн оставил вас в значительной степени из-за внешности.

— Не сомневаюсь, — тихо ответила Юнис. — Но если бы я не справлялась с работой, он бы меня выгнал. Я знаю, что красива, но не задираю нос. Внешность — это наследственное.

— Точно, — согласился Саломон, — однако существуют исследования, доказывающие, что красивые женщины в среднем умнее невзрачных.

— Не верю! Взять хотя бы миссис Бирман — совсем невзрачная дама, но какая умная!

— Я же сказал «в среднем», — повторил Саломон. — И что есть красота? Бегемотиха наверняка выглядит привлекательно для своего жениха, иначе род бегемотий прексся бы за одно поколение. Физическая красота — это, по сути, ярлык, которым мы определяем набор полезных для выживания характеристик, включая интеллект. Думаете, бегемот нашел бы вас привлекательной?

Юнис хихикнула:

— Вряд ли!

— Видите? На деле вы не красивее бегемотихи, просто унаследовали полезные для вашего биологического вида качества.

— Наверное. — (Пфф! Дайте мне возможность, и я покажу, на что способна!)

— Так как мы с Иоганном одного с вами вида, мы называем это красотой. Иоганн всегда ценил красоту.

— Мне это прекрасно известно, — тихо ответила Юнис, вытягивая ногу в алом чулке. — Я так наряжаюсь, чтобы порадовать босса. Когда я только устроилась в «Смит энтерпрайзес», я, как все девушки во внешних офисах, обходилась почти без одежды, одной только нательной росписью. У миссис Бирман я стала одеваться по ее примеру. Вроде сестры

Макинтош — все закрытое и непрозрачное. Очень неудобно, однако я держалась этого стиля и после ухода миссис Бирман. Пока однажды утром не пролила кофе на свой костюм. Я носила одноразовые, это дешевле, чем отдавать их в чистку, — и запасного дома не было. Времени покупать новый тоже не оставалось. Я боялась опоздать — сами знаете, каким нетерпеливым бывает мистер Смит, — и уже не заботилась, одобрит ли он мой наряд. Или его отсутствие. Поэтому я решительно достала обычное офисное бикини и попросила Джо поскорее меня раскрасить. Я же говорила, что он у меня художник?

— Не припомню.

— Теперь вы знаете. Он раскрашивает меня и даже делает макияж. Так вот, тем утром в нем разыграл художник, и он не согласился просто побрызгать на меня из баллончика. Купальник был белым в синий горошек... и Джо решил раскрасить меня таким же образом. Я ругалась и просила его поторапливаться, но ему все не хватало горошин. В результате я так сильно задержалась, что пришлось рвануть через Зброшенную зону, которую я обычно объезжаю стороной.

— Юнис, держитесь подальше от Зброшенной зоны! Господи, даже полиция заглядывает туда исключительно на бронемобилях вроде этого. Вас же могли ограбить, изнасиловать, убить, и никто бы потом вас не нашел!

— Да, сэр. Но я боялась потерять работу. Я стала объяснять, почему опоздала, но босс приказал заткнуться и приниматься за дело. Так или иначе, до конца дня он был нехарактерно добр. На следующий день я опять пришла в закрытом костюме, и он постоянно мне грубил. Мистер Саломон, я понимаю намеки с первого раза; я перестала одеваться как монашка и стала наряжаться и краситься так, чтобы максимально подчеркнуть преимущества своей внешности.

— И у вас отлично это получается. Однако, милочка, вам надо быть осторожнее. Соблазнительно одеваться перед Иоганном — одно; в нынешнем состоянии старый хрыч не опасен, и вы можете сколько угодно радовать его по доброте душевной.

— Сэр, он никогда не был опасен. За все годы, что я работаю у мистера Смита, он даже за руку меня не тронул. Он хвалит мои наряды, иногда отпускает сальные шуточки,

в ответ на которые я грожусь рассказать все мужу, что не-
сказанно забавляет мистера Смита. У нас все невиннее, чем
в воскресной школе.

— Не сомневаюсь. Но по дороге на работу и с работы
вам следует быть осторожнее. Держаться подальше не толь-
ко от Заброшенной зоны. В такой одежде вы везде в опас-
ности. Разве вы не понимаете? А ваш муж?

— О сэр, я соблюдаю осторожность. Я смотрю новос-
ти и знаю, что бывает. Но я не боюсь. Я всегда ношу с со-
бой три вида незарегистрированного нелегального оружия
и умею с ним обращаться — босс мне его достал и велел те-
лохранителям меня обучить.

— Гм. Как слуга закона, я должен на вас донести. Как
человек, знающий опасности городских джунглей, могу вас
только похвалить. Если, конечно, вы действительно умеете
обращаться с оружием. Если вам хватит смелости без разду-
мий пустить его в ход. Если, защитившись, вы благоразумно
скроетесь до появления полиции. Слишком много «если»,
милочка.

— Я правда не боюсь. Скажите, будь вы моим адвока-
том, все сказанное мною было бы конфиденциальным?

— Верно. Хотите, чтобы я был вашим адвокатом?

— Гм... да, сэр.

— Договорились. Конфиденциальные сведения. Про-
должайте.

— Как-то поздно вечером меня срочно вызвали сдать
кровь. Джо дома не было, и я отправилась одна. Я не волно-
валась, поскольку часто ездила сдавать кровь ночью и без
сопровождения. Обычно я сажусь в «гэдэбаут» прямо в квар-
тире и не выхожу, пока не окажусь в больнице или донор-
ском центре. Но... вы знаете старую-престарую больницу
Девы Марии на западе города?

— Боюсь, что нет.

— Ладно. Она старая, построенная еще до того, как пра-
вительство окончательно бросило бороться с уличной пре-
ступностью. Нет ни автомобильного лифта, ни внутренней
парковки. Просто огороженная забором стоянка снаружи
и охранник на въезде. Когда я вылезла из машины, на меня
набросились. Не знаю, за мной ли охотились или за моим
кошельком. Я не стала медлить — не посмотрела даже, муж-
чина это или женщина...

— Вряд ли женщина.

— Пусть так. Левой рукой я швырнула ему в лицо электрошоковую бомбу, а стреляла правой. Не стала проверять, убила ли я его, смылась оттуда как можно скорее. Не сообщала ни в полицию, ни Джо, никому. До сегодняшнего дня. — (Но приняла тройную дозу наркотолы, чтобы снять панику и дрожь, не так ли, дорогуша? — Заткнись, это к делу не относится.)

— Так вы смелая девушка, готовая к решительным действиям. Но в то же время глупышка и очень везучая. Гм. У Иоганна есть бронированный автомобиль вроде моего и две пары телохранителей.

— Конечно, у него есть телохранители, а про автомобили я ничего не знаю.

— У него тоже «роллс-школа». Юнис, мы больше не будем проверять, насколько умело вы обращаетесь с оружием. Можете продать ваш «гэдэбаут» или разводить в нем цветы; с сегодняшнего дня вам положен бронемобиль и охрана.

Миссис Бранка опешила:

— Послушайте, мистер Саломон! Даже с повышенным жалованьем я не...

— Тише, милочка. Вы же понимаете, что Иоганну машина уже не нужна. Он даже из комнаты-то вряд ли когда-нибудь выйдет. Однако автомобиль он не продал, телохранители по-прежнему на зарплате — два шофера, два охранника. Им дают поручения не чаще раза в неделю, а остальное время они просиживают штаны и режутся в карты. Завтра утром я пришлю за вами мою машину, а вечером поедете домой на своей — то есть на машине Иоганна, — и впредь она будет в вашем распоряжении.

— Не уверена, что босс это одобрит.

— Не волнуйтесь. Я вправлю ему мозги по поводу опасности, которой он вас подвергал. А вздумает возражать — узнает, что у меня достаточно денег вас переманить. Юнис, будьте благоразумны. Это не будет стоить ему ни доллара, все уже оплачено из бюджета компании. Давайте сменим тему. Что вы думаете о его планах насчет «тепленького тела»?

— Пересадка мозга действительно возможна? Или он хватается за соломинку? Босс с каждым днем все сильнее ненавидит все эти жуткие устройства, к которым прикован.

Я скупила самые вызывающие наряды, какие нашла в магазинах, но порадовать его все труднее. Насколько осуществим его план?

— Милочка, это не наше дело. Он приказал, мы выполним. В этом вашем клубе состоят абсолютно все люди с четвертой отрицательной группой крови?

— Конечно нет! В стране должен быть примерно миллион таких людей, из них в клубе лишь около четырех тысяч.

— Досадно. А что вы думаете про объявления в газетах и теленовостях?

— Это будет стоить чертову уйму денег, но боссу, думаю, такое по карману.

— Безусловно. Но мне не нравится сама идея.

— Почему, сэр?

— Юнис, если пересадка случится, нельзя предавать ее огласке. Помните, какая шумиха поднялась, когда людей начали замораживать? Вряд ли, вы слишком молоды. Многих это задело за живое, и практику едва не запретили. Довод был таков: раз мало кто может себе это позволить, значит это не должно быть позволено никому. Боже, благослови наш народ! Наша страна прошла через периоды демократии, олигархии, диктатуры, республиканского правления, социализма и смеси всего вышеперечисленного, не меняя при этом конституции, а теперь у нас фактическая анархия при избранном диктаторе, хотя сохраняются законодательные органы и конгресс. И все это время главенствовало то самое убеждение: если что-то недоступно каждому, этого не должно быть ни у кого. И тут один из богатейших людей страны объявляет, что хочет купить живое тело другого человека, чтобы спасти свою поганую никчемную жизнь. Как думаете, чем это грозит?

— Босс не так плох. Если сделать скидку на его болезнь, он даже вполне мил.

— Это к делу не относится. Общество всколыхнется, вскрыется, как гнойный нарыв. Проповедники начнут проклинять Иоганна, в сенат посыплются законопроекты, Ассоциация врачей прикажет своим членам держаться подальше от этой авантюры, и даже конгресс может запретить операцию. Конечно, Верховный суд признает такой закон противоречащим конституции, но к тому времени Иоганн

уже отдаст концы. Поэтому — никакой огласки. В Клубе редкой крови ведется учет тех, кто обладает нужной группой, но в клубе не состоит?

— Не знаю. Маловероятно.

— Проверим. Предположу, что не меньше восьмидесяти процентов населения страны хотя бы раз сдавали кровь, чтобы определить ее тип. Группа крови может меняться?

— Нет, что вы! Поэтому мы, люди с редкой группой, так востребованы в качестве доноров.

— Хорошо. Почти каждый анализ на группу крови есть где-нибудь в компьютере. Все компьютеры сейчас взаимосвязаны, поэтому вопрос лишь в том, где искать и у кого спросить. Я в этом не разбираюсь, но знаю компанию, которая оказывает такие услуги. Мы все найдем, милочка. Когда процесс пойдет, я передам вам необходимые полномочия, чтобы вы могли проверять полученные данные и приводить в исполнение следующие стадии нашего плана, пока я ищу этого мясника Бойла в Южной Америке. Также...

— Мистер Саломон, мы въезжаем в дурной район!

Саломон включил интерком:

— Понял.

Убрав палец с переключателя, он добавил:

— Этих красавцев хлебом не корми, дай заехать в Заброшенную зону. Они ждут не дождутся, что кто-нибудь откроет стрельбу и даст им возможность пострелять в ответ. Простите, милочка. Нужно было отдать приказ держаться подальше от всех ЗЗ, пока вы на борту.

— Я сама виновата, — смиренно проговорила миссис Бранка, — не сказала, что объехать Девятнадцать-Бэ, минуя дурные районы, практически невозможно. Когда я езжу на работу, то делаю большой крюк. Но в машине нам ведь ничто не угрожает?

— Конечно. Даже если в нас попадут, этот старый танк нужно будет всего лишь немножко подкрасить. Но ребятам стоит иметь свою голову на плечах. Рокфорд — нормальный малый, бывший боец Синдиката, исполнитель, на которого навесили всю вину. А вот Чарли — телохранитель — настоящий выродок. У него лишняя игрек-хромосома. Первое убийство совершил в одиннадцать лет. Он...

Пуленепробиваемые стекла закрылись стальными ставнями.

— Должно быть, въехали в 33, — сказал Саломон.

Как только окна закрылись, в салоне включилось внутреннее освещение.

— Судя по вашим словам, эти ребята для нас опаснее любых дурных районов, — заметила миссис Бранка.

Саломон помотал головой:

— Что вы, милочка. Конечно, в любом рациональном обществе их давно бы ликвидировали, но раз в нашей стране смертная казнь запрещена, то я всецело пользуюсь их недостатками. Оба выпущены под мой залог и находятся на испытательном сроке. Им *нравится* их работа, плюс есть некоторые дополнительные меры безопа...

По корпусу автомобиля застучали автоматные пули.

В замкнутом пространстве салона грохот показался оглушительным. Миссис Бранка ойкнула и вцепилась в хозяина. «БДЫЩ!» — гроыхнул взрыв. Юнис крепче ухватила за мистера Саломона и зарылась лицом в его плечо.

— Попал! — закричал кто-то, и свет в салоне погас.

— В нас попали? — проговорила Юнис в рубашку Джейка Саломона.

— Нет, ни в коем случае. — Он приобнял ее правой рукой и погладил. — Чарли попал в них. По крайней мере, он так думает. Последний выстрел был из нашего башенного орудия. Вы в безопасности.

— А почему свет погас?

— Иногда бывает. Сильный удар. Сейчас включу аварийную подсветку. — Он отпустил Юнис и принялся шарить по потолку.

— Не надо! Обнимите меня снова! Темноты я не боюсь, но мне спокойнее, когда вы меня обнимаете.

— Как скажете. — Саломон придвинулся поближе и устроился поудобнее. — Какая вы теплая, — ласково произнес он чуть погодя.

— Вы тоже... мистер Саломон.

— Как насчет «Джейка»?

— «Джейк». Хорошо, Джейк. У вас такие сильные руки. Сколько вам лет?

— Семьдесят один.

— Не верю. На вид не скажешь!

— Я гоюсь тебе в дедушки, кисонька. Просто кажусь моложе... в темноте. Но, согласно Библии, я уже год перебрал сверх положенного.

— Не смейте так говорить! Вы еще *молоды*! Джейк, дайте просто помолчим? Дорогой Джейк.

— Моя милая Юнис.

Через пару минут шофер объявил:

— Сэр, все чисто.

Ставни поползли вниз, и миссис Бранка поспешно отстранилась.

— Ой-ой! — нервно хихикнула она.

— Не волнуйся, стекло одностороннее. Снаружи ничего не видно.

— Это хорошо. Но свет меня все равно напугал.

— Да, все настроение испортил. А я только было почувствовал себя молодым.

— Вы *молоды*, мистер Саломон!

— Джейк.

— Джейк. Возраст не имеет значения. Боже, я вам все оборки на рубашке натальной краской измазала!

— А я тебе прическу испортил.

— Прическу я поправлю. А вот что скажет ваша жена, увидев рубашку?

— Спросит, почему я не переоделся. Юнис, милая, я не женат. Меня давно променяли на более свежую модель.

— Ну и дура ваша жена. Джейк, вы — настоящая классика, а она с годами только лучше. Как теперь мои волосы?

— Чудесно. Превосходно.

— Я готова еще разок съездить в Заброшенную зону, чтобы вы их снова растрепали.

— А я-то как готов! Но пора везти тебя домой — если только ты не хочешь слетать со мной в Канаду? К полуночи вернемся.

— Хочу, но не могу. Никак не могу. Отвезите меня домой. Садитесь поближе, обнимите меня, но волосы не трогайте.

— Постараюсь. — Саломон назвал шоферу координаты квартиры миссис Бранки и добавил: — И никаких больше Зброшенных зон, бандиты психованные! Вам бы только пострелять!

— Есть, мистер Саломон.

Дорога проходила в тишине, пока миссис Бранка не произнесла:

— Джейк... а вы ведь ощущали себя очень молодым, пока нас не прервали.

— Я понял, что ты почувствовала.

— Конечно. И была готова все вам позволить, это вы тоже поняли? Джейк, хотите мое голое фото? Качественное, не такое, какой сделал бы ваш мутный знакомый за кучу денег.

— Попросишь мужа сфотографировать и украдешь для меня копию?

— Что за чепуха! Джейк, мой сладкий, у меня сотни голых снимков — я ведь раньше в конкурсах красоты участвовала. С радостью поделюсь одним... если пообещаете держать язык за зубами.

— Конфиденциальная информация. Можете смело довериться своему адвокату.

— Какое фото предпочитаете? Высокохудожественное или соблазнительное?

— Гм... трудно выбрать!

— Мм, можно и совместить. Как насчет меня в душе, с мокрыми волосами, ни пятнышка краски на теле, никакого макияжа, ни даже... сами увидите. Устроит?

— Я буду пялиться на него день-деньской!

— Получите. Мы почти приехали, так что давайте сменим тему. Джейк, у босса есть шансы на успешную операцию?

— Я не медик, но полагаю, что никаких.

— Я тоже так думаю. Выходит, жить ему недолго что с операцией, что без нее. Джейк, до конца его дней я постараюсь одеваться как можно более откровенно.

— Юнис, ты славная девушка. Это куда лучший способ отблагодарить его за страховой счет, чем банальное «спасибо».

— Джейк, я даже не думала о деньгах, только о боссе. Мне его жалко. Куплю сегодня что-нибудь по-настоящему экзотическое, а если не найду, то обойдусь прозрачным купальником — просто, но с правильной краской можно настоящую конфетку сделать. Джо это хорошо умеет. А раз

у меня теперь будет охрана, то попробую как-нибудь вообще ничего не надевать — только краска и туфли на шпильке, чтобы красоту ног подчеркнуть. Да-да, не нужно напоминать, что они у меня красивые! Туфли, краска и нейлоновые трусики — отлично.

— И духи.

— Джейк, босс не чувствует запахов. У него уже давно обоняние отказало.

— Зато я чувствую.

— И правда. Хорошо, надушусь для вас. А для босса накрашусь. Никогда еще не одевалась на работу так откровенно... но раз в людный офис ездить теперь не нужно, то стоит проверить, понравится ли боссу такое. В крайнем случае полупрозрачным халатиком прикроюсь. Джо нравится придушивать провокационные наряды и расписывать меня. К тому же к боссу он не ревнует. Ему жалко старика, как и мне. Вот только находить новые экзотические наряды непросто, хоть я и хожу по магазинам как минимум раз в неделю.

— Юнис.

— Да, сэр... Джейк.

— Не ходи сегодня по магазинам. Считай, что это приказ босса, а я говорю от его имени.

— Хорошо, Джейк. Но почему?

— Если хочешь, можешь завтра прийти в одной краске — мои ребята доставят тебя на работу в целости, как королевскую корону. Но сегодня мне нужна машина. А с завтрашнего дня сможешь пользоваться автомобилем и охраной Иоганна, и по магазинам с ними ездить, и все, что угодно.

— Хорошо, сэр, — кротко ответила Юнис.

— Ты зря считаешь, что Иоганну недолго осталось. Проблема в том, что ему осталось слишком долго.

— Как это?

— Он в ловушке. Медики заграбастали его в свои лапы и не позволят просто так умереть. Он упустил свой шанс, позволив им приковать себя к машине жизнеобеспечения. Заметила, что еду ему приносят без ножа и вилки? Только пластиковую ложку кладут.

— У него сильно дрожат руки. Иногда я сама его кормлю, потому что ему не нравится, когда медсестры вокруг «мельтешат», как он выражается.

— Подумай хорошенько. Они сделали все, чтобы Иоганн не мог умереть. Сконструировали эту адскую машину, которая причиняет ему нестерпимую боль. Юнис, пересадка мозга — единственный способ обмануть врачей. Изошренное самоубийство.

— Не может быть!

— Правда. Ему недоступны более простые способы, поэтому он придумал хитрый. Мы с тобой поможем ему, сделаем все, как он, черт побери, того желает! Что ж, мы у твоего дома. Не плачь, глупышка, а то у мужа возникнут лишние вопросы. Ничего ему не рассказывай. Поцелуешь меня напоследок?

— Конечно!

— Утри слезы и поверни ко мне свое милое личико, пока ребята не открыли дверцы.

Вскоре Юнис прошептала:

— Прекрасный поцелуй, Джейк. Как и тот первый. Мне больше не хочется плакать. Но я слышу, открывается замок.

— Они подождут, пока я не открою дверцу изнутри. Можно проводить тебя до квартиры?

— Мм... я найду объяснение охране, но присутствие главного юриста компании объяснить труднее. Джо не ревнует к боссу, а вот к вам может и приревновать. Нельзя этого допустить... особенно когда мы почти дали ему веский повод.

— Надо бы исправить это «почти».

— Посмотрим, дорогой мой Джейк. Я простая девушка с фермы в Айове, и сегодня мои моральные устои серьезно пошатнулись... должно быть, меня совратили миллион долларов, «роллс-ройс»... и один городской хлыщ. Мне пора, милый.

Телохранители в почтительном молчании проводили ее до дверей квартиры. Миссис Бранка с новым интересом разглядывала Чарли, недоумевая, как этот серенький человечек, по виду — добрый отец семейства, может быть беспощадным убийцей, каким описал его Джейк.

Охранники стояли по обе стороны от Юнис, пока та говорила по домофону, и дождались, когда ее муж отопрет. Как только дверь распахнулась, Рокфорд отсалютовал и сказал:

— Будем ждать вас на этом же месте в девять сорок, мисс.

— Благодарю вас, Рокфорд. Спокойной ночи. Спокойной ночи, Чарли.

Джо Бранка закрыл дверь на все замки и заново включил сигнализацию.

— Что за хрень? Где ты подцепила этих горилл?

— Может, сперва поцелуешь меня? Я не слишком задержалась, еще даже шести нет.

— Не финти, женщина. Еще горилла два часа назад пригнал твой драндулет — ладно, дворецкий твоего босса звякнул. — Джо снял с жены плащ и поцеловал ее. — Так где шлялась, дурында? Я скучал.

— Скучал? Как это приятно!

— Бегал по потолку! Что случилось?

— Дорогой, так ты волновался? Боже, я сейчас расплачусь.

— Не волновался. Шестерка Смита сказал, тебя послали по делу, привезут в казенной тачке. Знал, ты в безопасности. Просто сказали, дело минутное, а ты столько времени проболталась. Сечешь?

— Секу. Все просто: босс отправил меня со своим главным помощником Джейком Саломоном, ты знаешь.

— Адвокат-решала. Секу.

— Мистер Саломон отвез меня на своей тачке к себе в офис поработать над делом, которое боссу вынь да положь. Босс такой нетерпеливый с тех пор, как на про- водах.

— Пора бы старому говнюку откинуться. Бедняга.

— Не говори так, дорогой. Я думать об этом без слез не могу.

— Ну ты и размазня. Правда, я тоже.

— Поэтому я тебя и люблю. Короче, работы оказалось много. Мистер Саломон велел своим телохранителям отвезти меня домой. Они зачем-то ломанулись через Птичье Гнездо, и по нам стали палить. Весь борт искорежили.

— Совсем ад?

— Даже не чистилище. Весело.

— А внутри как было?

— Ужасно шумно, но волнующе. Я так возбудилась!

— Да ты от всего возбуждаешься, телочка. — Он улыбнулся и взъерошил ей волосы. — Главное, ты дома, жива- здорова. Раздевайся. Из меня вдохновение так и прет, по потолку бегаю!

— Какого рода вдохновение, милый? — спросила она, стягивая с правого плеча полусвитер. — Ты ел? Если начнешь рисовать, даже для перекуса не прервешься.

— Чего-то слопал. Такое вдохновение, аж колбасит. Я тебе разогрею что-нибудь. Курицу? Спагетти? Пиццу?

— Все равно. Если вдохновение такое, то лучше подкрепить силы. — Юнис скинула сандалии, стащила трусики- юбку и уселась на пол, чтобы стянуть чулок. — Будешь рисовать меня или на мне и шелкнешь?

— И то, и то. Будет офигенно. Сверхновая!

Юнис аккуратно сложила одежду и села в позу лотоса:

— Не секу. И то, и то?

— И то, и то. Увидишь. — Джо окинул ее взглядом и улыбнулся. — И вдохновение у меня тоже всякое.

— Вот как! Сделаешь мне хорошо?

— Могу подождать, если голодная.

— Любимый, когда я бывала настолько голодная, чтобы заставлять тебя ждать? К черту постель, бери подушку и иди ко мне!

Уже очень скоро миссис Бранка с удовольствием подумала, что поступила верно, не позволив Джейку ничего серьезного, — это наверняка не пошло бы ни в какое сравнение с тем, что ее ожидало дома... однако Джейк неплохо ее подготовил. Правда, нет ничего лучше, чем быть верной женой. Как правило. Какой чудесный, невероятный день! Может, рассказать Джо о повышении? Пожалуй, не стоит. Он захочет узнать больше, а ей нужно держать язык за зубами. Жаль. И тут она перестала соображать.

Спустя некоторое время она открыла глаза и улыбнулась мужу:

— Спасибо, любимый.

— Хорошо было?

— Как раз то, чего Юнис хотела. В такие минуты я уверена, что ты у меня Микеланджело.

Джо мотнул головой:

— Я точно не старина Микки. Он мальчиков любил. Я скорее Пикассо.

Юнис обняла его:

— Будь кем хочешь, дорогой, но главное — будь моим. А теперь я готова позировать. Поем в перерыве.

— Забыл. Письмо от мамы. Прочтешь?

— Конечно, милый. Принеси.

Джо принес нераспечатанное письмо. Юнис села и мельком просмотрела текст, прикидывая, что опустить. Ага, как и ожидалось, традиционная угроза «приехать погостить надолго». Это вслух не читаем. Джо ни в чем не может отказать мамаше, так что ему об этом знать незачем. Юнисхватила одного ее визита; тогда они еще жили в двухкомнатной квартире. С тех пор они перебрались в эту замечательную просторную студию, где Джо удобно творить. Пускать сюда назойливую старую перечницу? Чтобы никаких больше веселых трахов на полу? Нет, мама Бранка, ноги твоей не будет в нашем уютном гнездышке. Сиди в своей каморке и живи на пособие... а я время от времени буду посылать тебе чеки, якобы от Джо. И хватит с тебя!

— Чего пишет?

— Как обычно, дорогой. Желудок по-прежнему ее мучает, но уже реже. Священник порекомендовал ей другого врача. Давай прочитаю с начала. «Милый сынок, новостей у меня мало, но, если я сама не напишу, ты ведь не ответишь. Скажи Юнис, пусть напишет как можно больше, потому что твоя мамочка за тебя волнуется. Юнис, конечно, милая, но я все равно считаю, тебе лучше подошла бы де-вушка нашей веры...»

— Хва.

— Джо, не сердись. Она как-никак твоя мать. Я на нее не в обиде. Завтра найду время и напишу ей обстоятельный ответ. Пошлю «Меркурием» в корпоративном конверте, чтобы точно дошло. Босс возражать не станет. Ладно, остальное можно не читать, мы и так знаем, как она относится к протестантам, бывшим протестантам и тому подобное. Интересно, что бы с ней было, услышь она, как мы распеваем «ом мани падме...»

— Развонялась бы до усрачки.

— Ой, Джо! — Юнис пропустила кусок текста, включая абзац с самоприглашением в гости. — «Анджела опять беременна. Инспекторша злится, но я ей мозги вправила, пусть знает, как вести себя с порядочными людьми. Когда от нас, наконец, отстанут? Что плохого в том, чтобы рожать детей?» Джо, которая из твоих сестер — Анджела?

— Третья. Инспекторша права. Мама не права. Не читай подряд, киска, перескажи.

— Хорошо, милый. Там ничего особенного; опять сплетни о соседях, пустая болтовня о погоде. Из важных новостей — лишь то, что у твоей мамы меньше болит живот и беременность Анджелы. Я пойду смою краску — кстати, боссу понравилось сочетание красного и черного — и буду готова позировать, краситься или все подряд. Подогрей мне пиццу, я погрызу ее между делом. И, дорогой, сегодня позирую только до полуночи и буду страшно благодарна, если завтра ты встанешь со мной. Довольно рано, боюсь. Можешь потом спать дальше, а мне нужно очень рано встать.

— Зачем?

— Надо еще разок порадовать босса. — Юнис поделилась идеей о полной раскраске в сочетании с эротическим бельем.

Джо пожал плечами:

— Не вопрос. Зачем стринги? Глупо. Старый хрыч помирает, пусть чуток попятится напоследок.

— Дорогой, так надо. Босс считает себя современным и гордится тем, что «идет в ногу со временем», а на деле его взгляды сформировались давно, когда нагота была не просто экстравагантной, а греховной. Он считает меня милой деревенской девушкой, которую современная мода обошла стороной. Минимум белья, краска и туфли — и по его «современным» стандартам я уже не голая. Милая девушка, лишь притворяющаяся развратной, чтобы его потешить. Босс это обожает.

Джо помотал головой:

— Не секу.

— Ну как же, дорогой! Ты же сам рассказывал мне про символизм в искусстве. Вот и здесь то же самое, с понятными боссу символами. Нагота в наше время ничего особенного не значит, а для него — значит. Если я сниму последний клочок нейлона, то превращусь из милой шаловливой девушки в обычную шлюху.

— А чего тут плохого? Анджела — шлюха.

(«Постоянно забывающая предохраняться», — сказала Юнис про себя.)

— Ничего плохого. Но босс считает иначе. Его непросто понять. Мне двадцать восемь, а ему за девяносто, и в ход его мыслей я не врубаюсь. Если перегнуть палку, он может рассердиться, а то и вообще меня уволить. Что нам тогда делать? Ты ведь не хочешь продать эту милую квартирку?

Все так же в позе лотоса, она огляделась. Да, очень мило. Все, кроме припаркованного у выхода «гэдэбаута» и кровати в углу, являло собой пестрый беспорядок живописной студии, переменчивый, но в то же время постоянный. Высокие северные окна защищала узорчатая стальная решетка — красивая и очень прочная. Здесь Юнис всегда было тепло и уютно.

— Юнис, радость моя...

Юнис замерла. Джо пользовался краткоюзмом почти постоянно, и она всякий раз удивлялась, когда он переходил на правильный английский, хотя Джо владел им так же хорошо, как она... ну, почти так же хорошо. Во всяком случае,

он говорил достаточно грамотно для человека, учившегося по практически ориентированной программе.

— Что, милый?

— Я-то секу. Про тебя не знал. Проверял, красавица моя. Мне, конечно, не девяносто лет, но любой художник понимает значение фигового листка. Не нужно искать в символизме мистера Смита того, чего там нет. Но будь по-твоему. Фиговый листок так фиговый листок, и пускай он дальше обманывается — «смотри, но не трогай, а то мама выпорет». Разрисую тебя как сексуальное преступление в поисках места, где ему совершиться.

— Здорово!

— А насчет работы не парься. Хатка у нас крутая, свет отличный, мне по кайфу, но если ее не станет, перетопчусь. Бедность меня не пугает.

(Зато *меня* пугает, дорогой!)

— Милый, я тебя люблю.

— Мы делаем это ради умирающего старикана, а не ради хаты, ясно?

— Секу! Джо, ты лучший муж на свете!

Он не ответил, лишь простонал что-то невразумительное — так всегда начинались его творческие родовые схватки. Юнис молча ждала. Наконец Джо вздохнул:

— Задача для твоего босса дала выход моему вдохновению. Завтра будешь русалкой.

— Отлично.

— И сегодня. Сверху покрасим в цвет морской волны; на губах, щеках и сосках просвечивает розовый блеск. Ниже пояса золотая чешуя, выше плавно переходит в кожу. Фон — морские глубины с редкими лучами света. Традиционно, романтично. Но кверху дном.

— И? — осторожно спросила Юнис.

(Когда Джо творит, трудно угадать, можно ли ему сейчас задавать вопросы.)

Он улыбнулся:

— Обманка. Ты плывешь. Ныряешь ко дну, выгнув спину, волосы струятся, пальцы ног вытянуты, свет рябится — красота! Но закрепить образ нечем, проволока не пойдет, ее не скроешь. Волосы струиться не будут, ягодицы и грудь отвиснут...

— Моя грудь не отвиснет!

— Спокуха. Я знаю, что у тебя прекрасная грудь. Но любая плоть имеет свойство провисать, и художнику это видно. Всем видно, но не все это осознают. Чувствуют, что-то не так, но не знают что. Глаз не обманешь. Нужен настоящий нырок. Иначе не искусство, а пародия.

— Ну, — задумалась Юнис, — можно взять у соседей стремянку и положить перед задником матрас. Я прыгну, как в бассейн. Надеюсь, не ушибусь.

— *Еще чего!* Шею себе свернешь, дурында! Нырять надо *вверх*, а не вниз.

— Что?

— Я же сказал — фон будет кверху дном. Ты подпрыгнешь, как будто отбиваешь мяч. Я сниму прыжок на стереокамеру — шесть, семь, восемь, девять раз, пока не выйдет как надо. Потом переверну картинку — получится ныряющая ко дну русалка.

— Вот я глупая!

— Не глупая. Просто не художник. — Джо снова застал, и Юнис промолчала. — За вечер не управимся. Фон нарисую завтра, а сегодня распишу тебя на пробу и снимаем прыжки без фона. Ляжем рано и встанем рано, чтобы снова тебя раскрасить.

— Идет, — согласилась она. — Но зачем красить меня дважды, если русалкой мне быть уже завтра? Могу лечь одна на раскладушке, чтобы краска не стерлась, а завтра ты просто немножко подправишь. Так и поспать подольше можно.

Джо помотал головой:

— Для босса раскрашу иначе. Да и нельзя тебе спать в краске.

— С моей кожей ничего не случится.

— Вот именно, зайка. С ней ничего не случается потому, что я не крашу тебя слишком часто, слишком густо и слишком надолго. И всегда слежу, чтобы ты смыла ее до последней точки, а потом мажу тебя оливковым маслом. Все знают, что бывает с девушками, которые чересчур много красятся. Прыщи, угри, зуд, воспаления... жуть! Ради босса я тебя, конечно, с головы до ног распишу, но каждый день этого делать не буду. И как придешь домой — сразу в душ, ясно?

— Есть, сэр!

— Так что иди смывай сегодняшнюю краску, а я пока пищу разогрею.

Спустя несколько минут Юнис выключила душ и крикнула из ванной:

— Ты что-то сказал?

— Забыл рассказать, что Большой Сэм заходил. Пицца готова.

— Будь добр, отрежь мне кусочек. Чего ему надо? Опять в долг просил?

— Нет. То есть я ему дал пятерку... Но вообще-то, он зовет нас на воскресную медитацию. У Джиджи на хате.

Юнис вошла в комнату, завернутая в полотенце:

— На целый день? Будем только мы вчетвером или весь его класс?

— Нет. Круг Семерых.

— Свинг?

— Он не сказал. Наверное.

— Значит, свинг. — Юнис вздохнула. — Милый, мне не жалко, что ты дал ему пять долларов, которые он никогда не вернет. Но Большой Сэм — не гуру, а просто жеребец. И наркоман.

— Юнис, Большой Сэм и Джиджи делятся всем, что у них есть. А меняться партнерами никто никого не заставляет.

— В теории. Но единственный способ вырваться из Круга — не входить в него. Особенно в Круг Семерых. Ты пообещал? Если надо, я стисну зубы и буду улыбаться.

— Нет. Сказал, посоветуюсь с тобой.

— И что ты хочешь, чтобы я ответила, сладкий мой?

— Не пойдем.

— Милый, это не ответ на твой вопрос. Почему ты так рвешься в этот Круг? Туда входит какой-нибудь искусствовед или галерист? Или тебя интересует Джиджи? Так пригласи ее позировать днем, когда я на работе. Она примчится, виляя хвостом. Я видела, как она на тебя пялится.

Джо с улыбкой покачал головой:

— Нет, детка. Поверь мне, я не ответил Большому Сэму, потому что подумал: вдруг тебе захочется вступить в Круг? Мне и самому Сэм не очень нравится — плохая аура.

— Здрóрово! Милый, я не против свинга; я ведь обещала тебе еще перед свадьбой. И когда ты просил, не отказывала. Мне даже понравилось — вот только один раз было скучновато. Но я люблю оценивать новых людей.

— Держи свою пиццу и залезай на трон. Раскрашу тебе ноги, пока ешь.

— Хорошо, милый.

Юнис забралась на кресло для натурщицы, держа в каждой руке по куску пиццы. Длительное время в квартире раздавался лишь хруст откусываемого теста да приглушенные ругательства Джо, переходящего от восторга к отчаянию и наоборот. Никто не замечал издаваемых другим звуков; Джо Бранка вошел в творческий транс, его жена наслаждалась моментом любования.

Наконец Джо подал ей руку и сказал:

— Слезай.

— Можно взглянуть?

— Еще нет. Надо раскрасить грудь и под ней. Не поднимай руки, хочу все осмотреть.

— Ты ведь каждый волосок на моем теле знаешь.

— Тихо. Надо обмозговать утреннюю раскраску.

Пораздумав, Джо сказал:

— Думал тут, не слишком ли для твоего босса, если появишься в одних стрингах. Всё, дотумкал.

— И?

— Нарисую лифчик.

— Милый, но ты все испортишь! Русалки не носят лифчиков!

— Думал. Плохая эмпатия. Пусть будут раковины. Такие выгнутые, ребристые, сама знаешь.

— Извини, милый, но я не знаю. В Айове нет моря.

— Не важно. Раковины уберут плохую эмпатию, все символы один к одному. — Джо ухмыльнулся. — Красотуля моя, я нарисую лифчик из раковин так натурально, что твой босс весь день будет гадать, правда это лифчик или все-таки нарисовано. Если сломается и спросит — я выиграл!

Юнис весело засмеялась:

— Джо, да ты гений!

Не успел доктор Бойл выйти из операционной, как мистер Саломон вскочил:

— Доктор!

Бойл чуть замедлил шаг:

— Ох. Опять вы. Валите к черту в ад!

— Когда-нибудь обязательно, но подождите минутку, доктор.

Хирург ответил со сдержанной яростью:

— Послушайте, любезный... я оперировал одиннадцать часов с одной короткой передышкой. Теперь я ненавижу всех, особенно вас. Оставьте меня в покое.

— Я думал, вам не помешало бы выпить.

Бойл неожиданно улыбнулся:

— Где ближайший паб?

— В двадцати шагах отсюда, на этом этаже. В моей машине. Австралийское пиво на любой вкус — холодное и комнатной температуры. Виски. Джин. Чего изволите.

— Чертовы янки, умеете убеждать! Ладно, только переодеюсь.

Врач развернулся, но Саломон остановил его:

— Простите за вольность, доктор, но я распорядился сложить вашу верхнюю одежду к вам в сумку и отнести в машину. Не будем тянуть с выпивкой.

Бойл тряхнул головой и усмехнулся:

— И впрямь вольность. Отлично. Если запах вас не смущает, помоюсь и переодеюсь в гостинице. Смелей, Макдуф!

Саломон ничего больше не сказал, пока они не оказались в машине с бокалами пива — крепкого австралийского для хирурга и слабого американского для Саломона. В юности будущий юрист как-то перебрал австралийского пива и с тех пор относился к нему с опаской. Огромный автомо-

биль мягко тронулся с места и дальше ехал плавно — Рокфорда предупредили, что пассажиры будут выпивать.

Когда гость наполовину осушил бокал и блаженно вздохнул, Саломон спросил:

— Доктор, как прошла операция?

— А? Да как по маслу. Мы готовились, отработывали, сделали, как же еще? Команду вы мне подобрали отличную.

— То есть вы хотите сказать, что операция прошла успешно?

— «...но больной умер». Вторая половина присказки.

Джейкоб Саломон почувствовал разом горечь и облегчение.

— Что ж, я этого ждал. Спасибо, доктор. Знаю, вы сделали, что могли.

— Да подождите! Я не сказал, что *этот* больной умер, просто закончил присказку. Операция прошла по плану, состояние больного, когда я оставлял его команде ассистентов, было удовлетворительным.

— Так вы полагаете, он выживет?

— Не «он», а «оно». Сейчас это не человек, и не факт, что когда-нибудь станет человеком. Умереть оно не может, если только суд не разрешит отключить систему жизнеобеспечения. Тело молодое и здоровое. При нынешней поддержке оно будет существовать — не как человек, а как протоплазма — сколь угодно долго. Годы. Мозг, когда я уходил из операционной, тоже был жив; наблюдался сильный альфаритм. Он тоже не умрет, поскольку его питает кровь здорового тела. А составят ли мозг и тело живого человека... вы в какую церковь ходите?

— Ни в какую.

— Жаль. Я хотел посоветовать вам позвонить Господу Богу и спросить у Него, поскольку сам ответа не знаю. Я сумел сохранить сетчатку и внутреннее ухо — первым из хирургов, кстати, хоть меня и называют жуликом, — а значит, оно, возможно, будет видеть и слышать. Возможно. Если спинной мозг срастется, не исключено, что восстановятся некоторые моторные функции, и тогда оно будет обходиться без части систем обеспечения. Но скажу вам чистую правду: скорее всего, этот мозг никогда не обретет связи с реальностью.

— Надеюсь, ваши опасения беспочвенны, — мягко ответил Саломон. — От этого зависит ваш гонорар. В договоре указано, что пациент должен как минимум видеть, слышать и говорить.

— Чушь собачья.

— В ином случае я не смогу выплатить вам деньги. Извините.

— Ошибаетесь. Да, упоминалась премия, до смешного большая сумма, о которой я и не думал. Ваш брат-крючкотвор может брать гонорар только в случае успеха, а у нас, мясников, другие правила. Мне платят за то, что я оперирую. Я прооперировал. Точка. Я добросовестный хирург, что бы ни говорили эти сволочи.

— Кстати. — Саломон достал конверт. — Вот ваш гонорар.

Хирург сунул конверт в карман.

— Не хотите пересчитать? — спросил Саломон.

— Зачем? Либо здесь условленная сумма, либо я иду в суд. Сейчас мне и то и другое глубоко фиолетово.

— Еще пива? — Саломон открыл новую бутылку убойного пойла из страны антиподов. — Ваши деньги — точнее, золотой эквивалент — в швейцарском банке. В конверте — документ с номером счета. Плюс уведомление, что мы оплачиваем все ваши издержки, все положенное вашей команде, все компьютерное время, все счета клиники и что там еще потребуется. Но я надеюсь позднее вручить вам и ту «до смешного огромную премию».

— От подарка не откажусь. Медицинские исследования дороги, и я намерен их продолжать. Хочется, чтобы в истории науки мне достался уважительный абзац, а не слава шарлатана.

— Конечно. Но у меня мотивы несколько иные.

Бойл хлебнул пива и несколько раз задумчиво моргнул:

— Кажется, я снова ляпнул бестактность. Извините. После операций я всегда бываю злой. Я забыл, что он — ваш друг.

Саломон вновь ощутил прилив горечи напополам с облегчением. Он осторожно ответил:

— Нет, Иоганн Смит мне не друг.

— Вот как? Мне показалось иначе.

— У мистера Смита нет друзей. Я юрист, которому он платит, а значит, служу ему верой и правдой.

— Ясно. Хорошо, что вы не испытываете к нему особых чувств. При трансплантации мозга прогноз всегда плохой, кому, как не мне, это знать. — Бойл снова задумался. — Хотя в этот раз может и получиться. Ткани совпали хорошо, на удивление хорошо, учитывая огромную разницу между донором и реципиентом. Группа крови одинаковая, что тоже плюс. Вдруг нам повезет? Даже разница в размерах черепной коробки не вызвала затруднений, как только я увидел мозг.

— Так отчего вы настроены настолько пессимистично?

— Знаете, сколько миллионов нервных связей затронуто? Думаете, я могу соединить их все за одиннадцать часов? Или за одиннадцать тысяч часов? Мы даже не пытаемся; просто вставляем мозг в голову и состыковываем концы спинного мозга, а дальше остается только вращать наши молитвенные ступы. Может, срастется, может, нет — и никто не знает почему.

— Это я понял. Мне непонятно другое: как вообще могут восстановиться эти миллионы нервных связей. Но вроде бы с шимпанзе у вас что-то получилось.

— Что-то! У меня *все* получилось, черт вас дери! Простите. Нервная система бесконечно изобретательна в самозащите. Вместо того чтобы восстанавливать старые связи, она находит новые — если может — и учится их использовать. Слышали о психологическом эксперименте с переворачивающими очками?

— Боюсь, что нет.

— На студента надевают очки с переворачивающими линзами. День-два он видит все вверх ногами: его водят за руку, кормят с ложечки, провожают в туалет. И вдруг он снова начинает видеть нормально — мозг переключил несколько сотен тысяч соединений и теперь верно интерпретирует новую информацию. Тут мы снимаем с добровольца очки, и он опять видит все вверх ногами, уже невооруженным взглядом. И вновь дня за два его мозг научается видеть мир правильно.

Нечто подобное произошло с моими ненаглядными шимпанзе, Абеяром и Элоизой. Сперва я думал, что эксперимент опять провалился. А потом они задергались, и пришлось их обездвигить, чтобы не поувечились. Их движения были бесконтрольными, как у новорожденного. Но со временем их мозг научился управлять новым телом. Не спрашивайте меня как; я хирург и не строю догадок. Спросите психолога, они это дело любят. Или священника — получите ответ ничуть не хуже, а то и лучше. Кстати, мне кажется или ваш водитель возит нас кругами? От клиники до гостиницы пять минут езды.

— Должен сознаться, что позволил себе еще одну вольность, доктор. Ваш багаж упакован, счет за гостиницу оплачен, а ваши вещи перевезены ко мне домой, в гостевую комнату.

— Ничего себе. Зачем?

— Для вашей безопасности.

— В гостинице было вполне безопасно. Вооруженная охрана у каждой двери, вооруженные лифтеры, пока войдешь или выйдешь, три раза документы спросят. Как в военной части. Да и все Соединенные Штаты, по сути, огромная военная часть. Вам это не досаждают?

— Все верно. Но мы привыкли. Ваша гостиница, безусловно, хорошо защищена. Но пресса следит за каждым нашим шагом, и внутрь могут проникнуть репортеры. И полиция.

Бойл встревожился, но не испугался:

— Осложнения с законом? Вы заверили меня, что уладили эти вопросы.

— Так и есть. Как я уже говорил, донор состоял в браке и, на наше счастье, оба супруга дали предварительное согласие на донорство. Мы нашли несколько тысяч человек с нужной группой крови. Все они подписали негласные договоры и получили задаток. Но мы не могли рассчитывать, что кто-нибудь из них погибнет вовремя. Статистика была не на нашей стороне. Однако так вышло, что один донор действительно погиб, не оставив нам препятствий — по крайней мере, непреодолимых, — уточнил Саломон, вспоминая чемодан потрепанных банкнот. — Суд разрешил опе-

рацию как «полезное и необходимое научное исследование». Тем не менее пресса поднимет шум, и другие суды могут оспорить разрешение. Доктор, если пожелаете, то через час я могу доставить вас в Канаду, а через сутки — в любую точку планеты. И даже на Луну. Если захотите.

— На Луну? Звучит неплохо. Я там еще не бывал. Говорите, мои вещи у вас?

— Да. Располагайтесь как дома.

— А горячая ванна имеется?

— Разумеется.

— Тогда я бы выпил еще пива, принял ванну и поспал часиков десять. Меня уже арестовывали. Не привыкать.

Иоганн Себастьян Бах Смит был в каком-то другом месте. Где именно, он не знал, не беспокоился, не задумывался... не знал, был ли он собой, не осознавал себя и вообще ничего; не осознавал, что ничего не осознает.

Затем медленно, спустя вечность, он выплыл из небытия общего наркоза в сон. Сны длились неопределенно долгое время, бесконечно... Миссис Шмидт, Йонни выйдет гулять? Свежие новости! Чудовищные зверства в Бельгии, читайте подробности!.. Иоганн, не смей входить без стука, негодный мальчишка!.. В капусте нашли... Маржа возрастет до завтрашнего открытия торгов... А вот и ни фиги не в капусте, дети из пупка вылезают, ничего-то ты не знаешь... Джонни, ты же знаешь, это нехорошо, а вдруг мой отец войдет?.. Красивая девушка — как песня... Эй, позырь, у нее сиськи голые!.. Сержант, я уже один раз пошел служить добровольцем, и мне на всю жизнь хватило... Отче наш иже еси на небесех да святится имя твое и да будет каждый сам за себя Смит старина ты тоже поставил подпись а у меня другие дела в четверг после дождичка непременно Иоганн милый как ты мог подумать такое про собственную жену обязанность мужа мистер Смит и я уверен суд согласится что четыре тысячи ежемесячно очень скромная девушка никогда такого не делает Шмидт и если еще раз увижу тебя рядом с моей дочерью оторву большой куш не стоит бумаги на которой они напечатаны Иоганн что скажет твой отец когда вернется в дом на просторе где олени и антилопы играют честно и получишь что причитай не причитай девонька а лучше махни рукой подмахни мне эту бумагу махни на юг не глядя сломя голову в ее гроб а ее папаня нас услышал и начался кошмар да вовсе не кошмар Иоганн а просто занятно ты меня понимаешь старина у меня ничего за душой а своя рубашка бли-

же к телу и никто не служит другому телом и душой если только не хочет выбиться наверх девушка заслуживает уважения как любая живая душа видели подругу моей девушки заботиться о ней покуда вы оба будете жить честно, трудиться изо всех сил и оплачивать счета по грузоперевозкам где ты солнышко село звезды вышли из моей комнаты немедленно иначе муж меня убьет а соседи постоянно высматривают где ты ставишь велосипед окупится мигом папа если я начну развозить газеты и дам задний ход чтобы прижаться крепче Джонни ты такой большой национальный долг никогда не будет выплачен так что все наши компании должны ставить на инфляцию берите кредиты сейчас и платите позже чем ты думаешь я такая раз отпустила тебя в педагогический колледж чтобы стать учителем сынок а теперь я вижу в ранних системах оповещения нет никого смысла без способности страны нанести ответный удар необходимо наращивать ядерную потенцию юности юность Юнис *Юнис!* куда она подевалась потеряна Галлия и Альбион потерян Рим но худшее в том что я потерял Юнис найдите кто-нибудь Юнис... иду, босс... где ты была я все время была рядом босс...

Сны продолжались бесконечным стереокино — со звуком, запахами, осязанием — и были полностью сюрреалистичны, но он этого не замечал. Они текли сквозь него, или он сквозь них абсолютно логично. Так ему казалось.

Тем временем мир тек вокруг него — и забыл его. Попытка пересадить живой мозг дала обильную пищу для пустословия видеокomentаторам и «экспертам», приглашенным «во имя науки» излить в эфир свои домыслы и предрассудки. Один жадный до общественного внимания судья выписал ордер на арест «доктора Линдона Дойла» (именно так), но доктор Линдси Бойл покинул зону американской юрисдикции до того, как ордер был выписан, и задолго до того, как имя и фамилию исправили. А один знаменитый и модный евангелист заклеил трансплантацию в проповеди на библейский текст о суеете сует.

Но уже на третий день впечатляющее и необычно кровавое политическое убийство вытеснило Иоганна Смита из новостей. Евангелист обнаружил, что по этому случаю мо-

жет повторить проповедь, заменив в ней несколько предложений, что и сделал, инстинктивно чувствуя ненависть простых американцев к сильным мира сего.

Как всегда, число рожденных без лицензии детей превысило число лицензированных, а число абортов превысило и то и другое. «Апджон интернейшнл» сообщила о дополнительных дивидендах. Предвыборная кампания получила новый толчок после заявления двух консервативных партий, СДС и ПЛА, о проведении совместного (но с сохранением автономии) съезда с (необъявленной, но подразумеваемой) целью переизбрать действующего президента. Председатель ультралевого крыла Либерального конституционного объединения обличил это как типичный криптофашистский капиталистический заговор и предрек ноябрьскую победу конституционных свобод. Мелкие партии — демократы, социалисты и республиканцы — провели свои съезды в спокойной атмосфере (все они были слишком малочисленны и почти не имели в составе делегатов моложе шестидесяти пяти) и в новостях практически не появлялись.

На Ближнем Востоке в результате землетрясения за три минуты погибло девять тысяч человек, что нарушило баланс террора и таким образом повысило и без того высокую вероятность войны в регионе. Китайско-американская комиссия по освоению Луны объявила, что лунные колонии самообеспечиваются белками и углеводами на 87 процентов, и увеличила субсидируемую миграционную квоту, отказавшись, впрочем, снизить требования к грамотности потенциальных колонистов.

Иоганн Себастьян Бах Смит продолжал смотреть сны.

Спустя неизмеримое время (как можно измерить сны?) Смит проснулся настолько, что начал воспринимать себя — рефлекторное самоосознание бодрствования в противоположность нерассуждающему и необъяснимому бытию сна. Он знал, кто он: Иоганн Себастьян Бах Смит, глубокий старик, не ребенок, не подросток, не юноша, не мужчина средних лет, — и чувствовал свое сенсорное окружение, которое было нулевым: темнота, тишина, полное отсутствие любых физических ощущений, включая мышечные и осязательные.

Он гадал, началась ли уже операция и каково это будет, умереть? Боли он не боялся; его заверили, что непосредственно в мозгу нет болевых рецепторов и анестезия требуется лишь для того, чтобы он не боялся и не дергался во время операции. К тому же за последние годы Смит свыкся с болью — она была его постоянной спутницей, почти что давней подругой.

Потом он снова уснул и снова видел сны, не ведая, что врачи следят за электрической активностью его мозга и что краткое пробуждение пациента, заметное по мониторам, вызвало у них ажиотаж.

Проснувшись в следующий раз, Смит предположил, что его небытие и есть смерть. Он обдумывал эту возможность без паники, поскольку смирился с неизбежностью смерти еще полвека назад. Если это действительно смерть, то он не в раю, который ему обещали в детстве, и не в аду, в который давно перестал верить. Не было даже ожидаемого полного отсутствия «я» — одна лишь беспросветная скука.

Он опять погрузился в сон, не ведая, что ответственный за его жизнеобеспечение врач решил: пациент бодрствовал достаточно долго, а значит, можно замедлить частоту искусственного дыхания и скорректировать состав физраствора.

Смит опять проснулся и оценил ситуацию. Если он мертв — в чем вроде бы не было сомнений, — то что у него осталось и как минимизировать убытки? В активе: ничего. Поправка: осталась память. Было расплывчатое воспоминание о недавнем воспоминании, о запутанных и безумных снах, вероятно — из-за наркоза, а следовательно, неважных. Также осталась более старая, но более четкая память, что он — Иоганн Смит. Или был им. Что ж, Иоганн, старый ты козел, если нам с тобой предстоит провести в небытии целую вечность, неплохо бы вспомнить все, что мы вместе натворили.

Все? Или только хорошее? Нет, без соли будет слишком пресно. Надо вспоминать все. Раз впереди вечность, а развлекаться больше нечем, нужно растянуть занятие на возможно долгий срок... поскольку даже самые приятные события могут надоесть, если прокручивать их вновь и вновь.

Но начать лучше с чего-то приятного. Потренироваться. С чего же? Главных тем у нас всего четыре: деньги, секс,

война и смерть. Остальные — побочные. Что выбираем? *Верно!* Молодец, Юнис; я ведь старый козел и сожалею лишь о том (весьма сильно сожалею!), что не познакомился с тобой лет сорок-пятьдесят назад. Тебя тогда, конечно, еще и в проекте не было — вот жалость! Скажи-ка, милая, а те раковины были лифчиком или их просто нарисовали на твоей прелестной коже? Долго ломал над этим голову. Надо было спросить и дать тебе повод надо мной посмеяться. Давай расскажи прадедушке. Позвони мне — я, правда, нужную частоту не знаю, ее нет в справочниках.

Боже, как ты была хороша!

Давай вспомним что-нибудь другое — тебя, моя милая Юнис, я никогда не забуду, хотя пальцем к тебе ни разу не притронулся, черт побери! Давай вспомним, к кому я притрагивался. Самую первую девушку? Ну уж нет, ты тогда все испортил, мужлан неуклюжий. Вторую? Да-да, в пижаме с котиками! Миссис Виклунд. Имя? А я знал ее имя? Помню только, что не называл ее по имени ни тогда, ни потом, хотя она позволяла мне приходить к ней еще несколько раз. Позволяла? Скорее поощряла. Специально устраивала встречи.

Мне было четырнадцать, четырнадцать с половиной, а ей... лет тридцать пять? Помню, она упомянула, что замужем уже пятнадцать лет, так что пусть будет тридцать пять. Какая, впрочем, разница? То был мой первый раз с женщиной, которая действительно меня хотела и дала это понять, ловко взяла в оборот тощего нетерпеливого мальчишку, почти девственника, успокоила, сделала так, чтобы ему понравилось и чтобы он понял, что понравилось ей, оставила у него самые лучшие воспоминания.

Благослови тебя Господь, миссис Виклунд! Если ты тоже где-то рядом, во мраке — ведь ты наверняка умерла гораздо раньше меня, — надеюсь, тебе так же приятно вспоминать обо мне, как мне — о тебе.

Перейдем к деталям. Твоя квартира была прямо под нашей. Одним холодным ненастным вечером ты пообещала мне четвертак (немыслимые по тем временам деньги, десяти центов хватило бы за глаза) и попросила сходить в магазин. Зачем? Сейчас проверим твою память, старый похотливый разбойник! Точнее, старый похотливый покойник. Правда,

с объектами здесь не густо... Не важно. Чем еще себя потешить? Ладно, вспоминаем: полфунта вареного окорока, пакет картошки, дюжина яиц (дюжина яиц стоила тогда семь центов — бог ты мой!), буханка хлеба за десять центов и... что-то еще. Ах да, катушка белых ниток номер шестьдесят из галантерейного магазинчика рядом с аптекой мистера Гилмора. Им владела миссис Баум, мать двоих сыновей, один погиб в Первую мировую, другой стал видным специалистом в электротехнике. Но вернемся к тебе, миссис Виклунд.

Ты услышала, как я подъехал на велосипеде, и открыла дверь. Я занес покупки на кухню. Ты мне заплатила, предложила какао и — почему я не боялся, что мама узнает? Папа и мистер Виклунд работали, а вот мама? Точно, ушла на занятия в швейный кружок.

Пока я пил какао и был весь из себя вежливый, ты включила патефон и поставила пластинку... что там была за песня?.. ах да, «Марджи»... и спросила, умею ли я танцевать. И ты научила меня танцевать — на диване.

Техник бригады жизнеобеспечения заметил на осциллографе скачок мозговой активности и, решив, что пациент испуган, ввел транквилизатор. Иоганн Смит незаметно для себя уснул под скрип механического патефона. По словам миссис Виклунд, они танцевали фокстрот. Ему было плевать на названия танцев; он обнимал ее за талию, она обнимала его за шею, в ноздрах стоял ее теплый чистый запах. А потом она соблазнила его.

После долгого экстатического блаженства он произнес:

— Юнис, сладкая моя, я и не знал, что ты умеешь танцевать фокстрот.

Она улыбнулась в ответ:

— Босс, вы не спрашивали. Дотянешься до патефона, чтобы выключить?

— Конечно, миссис Виклунд.

Иоганн Смит осознал, что небытие обретает формы. Под головой что-то было, в пересохшем рту ощущалось присутствие какого-то предмета, вроде тех мерзких штук, какими зубные врачи пытаются своих жертв. Вокруг по-прежнему была полная темнота, но тишина перестала быть абсолютной. Рядом что-то хлюпало... Сейчас любой звук казался ему приятным. Иоганн крикнул:

— Эй! Я живой!

В соседней комнате наблюдатель вскочил, опрокинув стул:

— Пациент пытается говорить! Позовите доктора Бреннера!

Из динамика раздался спокойный голос Бреннера:

— Клифф, я с пациентом. Сзови команду и оповести доктора Хедрика и доктора Гарсию.

— Сию минуту!

Иоганн продолжал кричать:

— Эй, черт бы вас побрал! Есть здесь *кто-нибудь*?!

Вместо слов из глотки вырывалось нечленораздельное мычание.

Врач приложил к зубам Смита палочку-репродуктор и прижал к своему горлу микрофон:

— Мистер Смит, вы меня слышите?

Пациент снова замычал, на этот раз громче и с большим усилием. Врач ответил:

— Извините, мистер Смит, но я вас не понимаю. Если слышите меня, издайте один звук. Любой, но один.

Пациент промычал один раз.

— Хорошо, замечательно, вы меня слышите. Давайте договоримся: один звук означает «да», два — «нет». Если вы поняли, ответьте двумя звуками.

Смит промычал дважды.

— Отлично. Теперь мы с вами можем общаться. Один звук — «да», два — «нет». У вас что-нибудь болит?

Два звука:

— Ы... о!

— Ясно! Теперь попробуем по-другому. Ваши уши закрыты звукоизолирующим материалом; мой голос передается вам во внутреннее ухо через зубы и верхнюю челюсть. Сейчас я приоткрою ваше левое ухо и попробую с вами поговорить. Поначалу звук может быть для вас болезненно громким, поэтому я буду шептать. Ясно?

Смит замычал. Он почувствовал мягкое, но уверенное прикосновение и услышал, как что-то оторвалось.

— Теперь слышите?

— А... э...

— А теперь?

— А... э... о... о... у... а... у... о... а... ы... о... а!

— По-моему, это целое предложение. Не пытайтесь пока говорить. Просто издавайте один или два звука.

Иоганн повторил:

— Конечно, я могу говорить, идиот хренов! Выньте эту дрянь у меня изо рта! — Гласные прозвучали довольно отчетливо, а вот согласные не вышли вовсе.

— Доктор, как пациент сможет говорить со всеми этими штуками во рту?

— Сестра, не лезьте не в свое дело, — тихо сказал Бреннер. — Мистер Смит, у вас во рту слюноотсос, чтобы вы не захлебнулись слюной или мокротой. Пока я не могу его убрать, так что придется потерпеть. Также на вас маска, и снять ее может только ваш офтальмолог. Я не ваш лечащий врач, я лишь контролирую работу системы жизнеобеспечения. Лечит вас доктор Хедрик; его ассистент — доктор Гарсия. На любое вмешательство требуется разрешение одного из них. Вам удобно? Один звук или два.

Мычание.

— Хорошо. Я побуду с вами. Можем поговорить. Хотите?

Мычание.

— Договорились. Можете говорить не только «да» и «нет». Я буду медленно перечислять буквы алфавита, а вы останав-

ливайте меня одним звуком, когда я дойду до нужной. И так пока не сложится слово. Это небыстро, но времени у нас предостаточно. Хотите попробовать?

Мычание.

— Замечательно. У меня большой опыт; я много работал с пациентами, которые не могли говорить, но были в сознании и мыслили абсолютно ясно. Как и вы. — Врач покосился на осциллограф. Слова про ясность мышления были маленькой обнадеживающей ложью для пациента. — Но, разумеется, они скучали. Скука — главный враг пациентов на жизнеобеспечении. Заняться им нечем, а постоянно спать вредно. Да и нам порой нужно, чтобы пациент бодрствовал. Короче говоря, если захотите что-нибудь сказать по буквам, издайте три звука, и я блесну своим знанием алфавита.

Тройное мычание.

— А... б... в... г... д... е... — Иоганн промычал на «п».

— «П»? — уточнил доктор Бреннер. — Если это правильная буква, не отвечайте ничего. Значит, «п». А... б... в... г...

Наконец буквы сложились в сочетание «правое ухо».

— Хотите убрать заглушку с правого уха?

Один звук.

Врач осторожно убрал заглушку:

— Проверяем. Цинциннати, шестьдесят шесть, Сюзанна. Слышите обоими ушами? Не кажется, что звук перескакивает из одного уха в другое?

Одиночное мычание, затем тройное.

— Так, давайте по буквам. А... б... в...

В итоге вышло: «Нет».

— «Нет»? Вы не хотите разговаривать?

Двойное мычание.

— Хорошо, я попробую еще раз. А... б... — Его прервало продолжительное раздраженное мычание, и врач остановился. — Вы не хотите, чтобы я снова повторял буквы... но хотите продолжать разговор... А! Я понял, это было первое слово фразы?

Мычание.

— Хорошо, продолжим. А... б... «Нет тела»?

Согласное мычание.

— Вам кажется, что у вас нет тела? Вы его не чувствуете?

Мычание.

— О! Разумеется, вы его не чувствуете. Вам предстоит еще долго восстанавливаться. Но, по правде говоря, — привычно лгал врач, — ваш прогресс просто поразителен. Слух и речь вернулись очень быстро. Это хороший знак. Признаться, я даже пари на этот счет заключил и выиграл пять сотен! — (Это тоже было ложью.) — Причем в пари срок был в два раза больше. Теперь попробую удвоить выигрыш — поставлю на то, что за это время вы полностью восстановите владение телом. Потому что оно у вас замечательно здоровое, хотя вы покуда его не чувствуете. И это дополнительный фактор быстрого восстановления.

Тройное мычание. Затем по буквам: «Сколько?»

— Сколько времени прошло после операции? Или сколько нужно, чтобы обрести контроль над телом?

Доктора Бреннера спас звонок. Он прекратил перечислять буквы и сказал:

— Минутку, мистер Смит. Приехал доктор Хедрик, и мне нужно перед ним отчитаться. Побудьте пока с медсестрой. Сестра, не тревожьте пациента, пусть отдохнет.

За дверью доктор Бреннер остановил лечащего врача:

— Доктор Хедрик, позвольте пару слов, пока вы не вошли. Вы видели показания датчиков?

— Конечно. Они абсолютно нормальны для пациента в сознании.

— Он способен рационально мыслить. Я снял центральные заглушки с обеих ушей, и мы смогли общаться — звуками и по алфавиту, пока ждали вас...

— Я слышал вас на мониторе и догадался, что вы сняли заглушки. Вы много на себя берете, доктор.

Бреннер напрягся и холодно ответил:

— Доктор... больной, безусловно, ваш. Но я был там один, и мне пришлось принимать решение самостоятельно. Если хотите меня заменить — вы в своем праве.

— Не ершитесь так, молодой человек. Пойдемте взглянем на больного. Нашего больного.

— Хорошо, сэр.

Они вошли в комнату.

— Мистер Смит, я доктор Хедрик, ваш лечащий врач, — представился Хедрик. — Поздравляю с возвращением в наш

печальный мир! Это великое достижение для всех нас, особенно для гениального доктора Бойла.

Тройное мычание.

— Хотите что-то сказать?

Одиночное мычание.

— Минутку. Давайте освободим ваш рот, и вы попробуете сами произнести что хотите. — («Если повезет, — заметил Хедрик про себя. — Но я и такого не ждал. Этот наглый австралийский мясник действительно гений. Удивительно!») — Готовы?

Выразительное мычание.

— Хорошо. Доктор Бреннер, можете извлечь слюноотсос. Сестра, поверните лампы. Дежурный! Узнайте, почему задерживается доктор Фейнштейн!

Иоганн Смит почувствовал, как ему в рот быстро, но аккуратно влезли чьи-то пальцы, затем раздался голос доктора Хедрика:

— Дайте взглянуть. Отлично, можно снять распорки. Мистер Смит, нам придется время от времени пользоваться слюноотсосом, чтобы не заставлять вас сплевывать или откачивать потом слюну из глотки, но теперь вы можете говорить.

— Хо-о-ы-я-хы!

— Не торопитесь. Вам предстоит заново учиться говорить, как ребенку. Повторите, что хотели сказать, только медленно и аккуратно.

— Гос... по... ди... я... жив!

— Вне всякого сомнения. Вы первый человек, выживший после пересадки мозга в другое тело. Тело у вас хорошее, здоровое, так что вы еще долго проживете.

— Но... я... ничего... не... чешую... *чувствую*... ниже... подбородка.

— Ваше счастье, — ответил врач. — Мы полностью вас зафиксировали в расчете на время, надеюсь скорое, — («А вероятнее всего, оно не наступит никогда», — добавил Хедрик про себя), — когда вы начнете ощущать свое новое тело целиком. Тогда вы начали бы непроизвольно дергаться — если бы вас не зафиксировали. Вы должны будете научиться управлять своим телом. Как новорожденный. Тренировки. Возможно, долгие и скучные.

— Сколь... ко?

— Не могу сказать. Шимпанзе доктора Бойла, как я понимаю, справились довольно быстро. Но у вас может уйти столько же времени, сколько у младенца на обучение ходьбе. Впрочем, что сейчас беспокоиться? У вас новое тело, которое прослужит долгие годы. Да что там, вы можете стать первым человеком, дожившим до двухсот лет. Так что спешить некуда. А теперь отдохните немножко, мне нужно вас осмотреть. Сестра, подайте подбородочный экран.

— Доктор, у пациента закрыты глаза.

— Ах да, точно. Мистер Смит, когда придет доктор Фейнштейн, он скажет, можно ли сегодня снять повязку. А пока... Сестра, снимите покрывало.

Даже без покрывала новое тело было по большей части прикрыто. Торс от шеи до паха закрывал пластмассовый корсет дыхательного аппарата, руки и ноги были зафиксированными ремнями с мягкими прокладками; кроме того, к пациенту тянулись уретральный и анальный катетеры, а также две прозрачные трубки — одна для питания, другая для мониторинга состава крови. Еще четыре были закреплены на теле, но пока не использовались. Кругом вились провода. Тело внутри этой путаницы трубок могло бы вдохновить Микеланджело, а вот в комбинации с приборами могло бы показаться красивым только врачу.

Доктор Хедрик остался доволен осмотром. Достав из кармана неврологическую иглу, он провел ей по правой ступне больного. Рефлекторная реакция ступни была ожидаемой, отсутствие реакции со стороны Иоганна Смита — тоже.

— Доктор Хедрик? — раздался голос из динамика.

— Да?

— Доктор Фейнштейн сейчас на операции.

— Ясно. — Хедрик жестом показал медсестре укрыть тело. — Мистер Смит, вы слышали? Ваш офтальмолог сейчас в операционной и не сможет сегодня вас осмотреть. Что ж, для одного раза и того достаточно. Вам надо поспать.

— Не хочу. Сами... откройте... мне... глаза.

— Не могу. Доктор Фейнштейн должен дать добро.

— Нет! Вы... же... главный... врач.

— Верно, и я решил, что без одобрения специалиста этого делать нельзя.

— Черт... вас... дери. Позо... вите... Джейка... Сало... мона.

— Мистер Саломон сейчас в Европе. Его известят, что вы очнулись, и, возможно, уже завтра он будет здесь. Точно обещать не могу. А пока отдыхайте. Спите.

— Нет!

— А придется. — Доктор Хедрик подал знак доктору Бреннеру. — Как вы справедливо заметили, что я здесь главный. Хотите знать, почему я так уверен, что вы будете спать? Потому что сейчас мы замедляем ваше дыхание и вводим вам безвредное снотворное. Доброй ночи, мистер Смит, — и еще раз примите мои поздравления.

— Черт... бы... вас... по... — Иоганн Смит уснул.

Через некоторое время он наполовину проснулся и про-
бормотал:

— Юнис?

(Я здесь, босс. Спите.)

И он снова уснул.

— Привет, Джейк!

— Здравствуй, Иоганн. Как ты?

— Злой, как лиса, у которой хвост в капкане. Правда, иногда эти деспоты накачивают меня какой-то дрянью, от которой я против воли становлюсь добрым и благодушным. Где тебя черти носили? Почему ты не приехал, когда я за тобой послал?

— Был в отпуске. Первом за пятнадцать лет. А что, нельзя?

— Да не кипятись ты так. Хороший загар. И лишний вес сбросил. Ладно-ладно, хотя, конечно, было обидно, что ты не пожертвовал деньком-другим отпуска и не прилетел меня навестить, когда я проснулся. Ты больно ранил мои чувства.

— Ха! Нет у тебя никаких чувств. И никогда не было.

— Брось, Джейк... у меня есть чувства, просто я не выставляю их напоказ. Черт поberi, ты был мне нужен!

Адвокат покачал головой:

— Неправда. Я знаю, зачем я тебе понадобился. Чтобы вмешаться в работу доктора Хедрика. А я бы этого не сделал. Поэтому продлил свой отпуск, дабы избежать пустых споров.

Иоганн ухмыльнулся:

— Джейк, хитрюга! Ладно, не будем поминать прошлое. Раз уж ты вернулся... Хедрик — хороший врач... но уж чересчур любит командовать не по делу. Так что мы это изменим. Я говорю тебе, чего хочу, а ты передаешь это Хедрику. А если он заупрямится, намекнешь, что незаменимых не бывает.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— «Нет» значит «нет». Иоганн, тебе по-прежнему нужно постоянное наблюдение врача. Я не вмешивался в работу

доктора Хедрика раньше, и все шло отлично. Не буду вмешиваться и теперь.

— Джейк, я тебя умоляю. Конечно, ты действуешь из лучших побуждений. Но войди в мое положение. Я вышел из критического состояния и быстро иду на поправку. Хочешь узнать последние новости? Знаешь, что я сделал утром во время сеанса физиотерапии? Пошевелил правым указательным пальцем! *Сознательно!* Понимаешь, что это значит?

— Значит, что ты можешь делать ставки на аукционе и подзывать официантов.

— Тыфу! Джейк, я и пальцами ног шевелил. Через неделю я смогу ходить без посторонней помощи! Я каждый день по полчаса дышу самостоятельно, без этого чертова корсета... да в остальное время он работает только в режиме дыхательной поддержки. И несмотря на этот стремительный прогресс, со мной обращаются как с лабораторной мышькой! Постоянно накачивают снотворным — черт побери, меня даже бреют во сне и бог знает что еще! Физиотерапией со мной занимаются шесть человек за раз, а все остальное время я лежу привязанный. Взгляни под простыню, если не веришь. Мой собственный дом стал для меня тюрьмой.

Саломон не шевельнулся:

— Охотно верю.

— Придвинь стул, чтобы я мог лучше тебя видеть. Мне даже голову фиксируют — можешь ответить зачем?

— Не знаю. Спроси врача. — Саломон не сдвинулся с места.

— Я спрашиваю *тебя*. Его фельдфебельские замашки мне осточертели.

— А я не стану высказывать мнение по теме, в которой не разбираюсь. Иоганн, очевидно, что тебе лучше. Но только дурак станет убирать с поля игрока, у которого идет игра. Я был уверен, что ты не переживешь операцию. Да ты и сам наверняка тоже.

— Ну... по правде говоря, так. Я ставил свою жизнь на кон... буквально. И выиграл.

— Так радуйся — *и не веди себя как капризный ребенок!*

— Спокойнее, Джейк, спокойнее. Ты напоминаешь мне *меня*.

— Этого мне хотелось бы меньше всего. Но я говорю серьезно. Будь благодарен. Вознеси хвалу Господу... и доктору Хедрику.

— И доктору Бойлу, Джейк. Да, я всем им искренне благодарен. Меня вырвали из когтей смерти, я получил новую замечательную жизнь, а рисковал лишь неделями невыносимого существования. — Иоганн улыбнулся. — У меня нет слов, чтобы выразить благодарность. У меня вновь стопроцентное зрение, я вижу оттенки, о которых давно забыл. Я слышу высокие ноты, которые не слышал долгие годы. Мне ставят симфонии, и я отчетливо различаю партии флейты-пикколо и скрипки. Теперь я могу слышать всю верхнюю гамму звуков, больше, чем когда-либо раньше. Даже мой голос звучит высоко, — должно быть, у донора был тенор? А еще я *чувствую запахи*. Джейк, я утратил обоняние несколько лет назад. Сестра, подойдите, чтобы я мог вас обнюхать.

Симпатичная рыжеволосая медсестра улыбнулась, но не ответила и не сдвинулась с места у прикроватного пульта управления.

Иоганн продолжил:

— Мне даже позволено есть один раз в день: не через трубочку, а самостоятельно. Джейк, ты знаешь, что манная каша вкуснее, чем филе миньон? А вот! Черт, да мне сейчас *все* кажется вкусным; не припомню, когда в последний раз получал удовольствие от еды. Какое счастье быть живым, в новом теле! Жду не дождусь, как поеду в деревню и отправлюсь гулять в луга, вскарабкаюсь на холм и буду смотреть на деревья и птиц. И облака. Загорать. Кататься на коньках. Танцевать сельскую кадриль. Джейк, ты умеешь танцевать кадриль?

— В молодости неплохо танцевал, но с тех пор времени не было.

— А я даже в молодости не танцевал. Ничего, теперь наверстаю. Напомни-ка мне, кто теперь нашей лавочкой заведует?

— Тил, разумеется. Он тоже хочет с тобой повидаться.

— Объясни ему, что мне нужно привыкнуть к новому телу и сполна им насладиться. У меня на счетах что-нибудь осталось? Если нет, то плевать.

— Хочешь чистую правду?

— Джейк, не пугай меня. Не выйдет. Если мне придется продать этот особняк, чтобы расплатиться с моими тюремщиками, так тому и быть. Даже интереснее. На пособие я жить не буду. И не из таких передряг выбирался.

— Ну держись. Ты еще разбогател.

— Что? Тыфу ты! А я только собрался насладиться бедностью.

— Лицемер.

— Джейк, как ты можешь! Я...

— Лицемер, я сказал. Помолчи. Твое состояние достигло таких размеров, когда ты при всем желании не сможешь его растратить. Оно увеличивается ежесекундно. Его с лихвой хватило на операцию и связанные с ней расходы. Однако ты больше не контролируешь «Смит энтерпрайзес».

— Вот как?

— Да. Я рекомендовал Тилу взять кредит и выкупить часть твоих акций, чтобы чувствовать себя надежнее во главе «лавочки». Дальше больше. Я, как де-факто председатель, решил, что мне тоже не помешает пакет покрупнее, и обменял свои ценные бумаги и безналоговые облигации на часть твоих голосующих акций. Теперь мы двое — ты и я или ты и Тил — имеем абсолютное большинство голосов. Но не кто-то один из нас. Однако я готов провести с тобой обратный обмен, как только ты решишь взять бразды правления в свои руки.

— Ни за что!

— Давай оставим этот вопрос открытым. Я не собирался пользоваться твоей болезнью ради собственной выгоды.

— Нет, Джейк. Раз у меня нет контрольного пакета, то нет и моральной обязанности тянуть компанию. Я уйду в отставку, а ты займешь мое место. Или Тил. А если не захотите, то предложите кому-нибудь еще.

— Давай подождем твоего полного выздоровления.

— Ладно, но менять решение я не собираюсь. Теперь другой вопрос... гм, сестра, вам не нужно сходить что-нибудь вылить, или руки помыть, или проверить, не сорвало ли с особняка крышу? Мне надо поговорить с моим юристом с глазу на глаз.

Медсестра с улыбкой помотала головой:

— Нет, сэр. Мне нельзя оставлять вас ни на секунду. Но по распоряжению доктора Хедрика я могу отключить голо-

совые мониторы и посмотреть в уголке видео на полную громкость. Так я точно вас не услышу. Доктор Хедрик предупреждал, что вы с мистером Саломоном, возможно, захотите поговорить приватно.

— Ну и ну! У этого старого му... мухомора есть капля человечности! Хорошо, сестра.

Через несколько секунд Иоганн шепотом произнес:

— Видишь, Джейк? Бог свидетель, меня вполне можно было оставить на несколько минут под твоим присмотром. Если бы я подавился или что еще, ты бы сразу их позвал. Да они и сами увидят на мониторах, если что пойдет не так. Но нет, они трясутся надо мной и отказывают мне в самых безобидных просьбах. А теперь послушай, только отвечай очень тихо — у тебя есть карманное зеркальце?

— А? Нет, и никогда не было.

— Жаль. В следующий раз принеси. Скажем, завтра. Хедрик — хороший врач, не спорю, но он *ничего* мне не рассказывает. Я спросил его, чье у меня тело, а он даже не удосужился придумать вежливую ложь, просто сказал, что меня это не касается.

— Так и есть.

— Что?

— Помнишь условия договора? Там сказано...

— Я его не читал. Не разбираю вашего птичьего языка.

— Я перечислил тебе все условия, но ты не слушал. Личные данные донора подлежат разглашению только по предварительному согласию самого донора... и только в случае, если его родственники не станут возражать. В данном случае не выполнено ни то ни другое условие. Так что ничего сказать не могу.

— Черт. Я ведь все равно выясню, когда поднимусь на ноги. Разглашать не стану, просто хочу знать.

— Я не сомневаюсь, что выяснишь. Но договор с умершим нарушу не я.

— Гм. Джейк, упрямый ты старый баран, это же никому не навредит! Ладно. Просто принеси зеркало. Можешь сделать это прямо сейчас. Сделай вид, что тебе нужно в сортир. Войдешь в ванную, там в ящичках или еще где есть штук пять маленьких зеркал. Были, во всяком случае, когда я еще ходил своими ногами. Почти наверняка еще там. Только медсестре не показывай, спрячь в карман или под пиджак.

— А почему ты сам у них не попросишь?

— Потому что они мне откажут, Джейк. Можешь считать меня параноиком, но этот наглый доктор надо мной издевается. Не дает глянуть на новое лицо в зеркало. Допустим, оно изуродовано. Черт с ним! Мне *вообще* не дают на себя посмотреть. Во время процедур ставят подбородочный экран; я даже рук своих не видел. Представь себе, я до сих пор не знаю, какого цвета у меня кожа! Черный я или белый? Или еще какой? С ума можно сойти.

— Иоганн, ты можешь буквально сойти с ума, если увидишь себя до того, как к тебе вернутся силы.

— Что? Джейк, что за ребячество. Ты же меня знаешь. Я переживу, даже если я страшнее жабы, а моя кожа в фиолетовую полоску. — Иоганн ухмыльнулся. — Я и до операции был страшен как смертный грех; сильно хуже меня сделать не могли, но вот что, старина: если со мной будут обходиться как с умственно отсталым ребенком, я точно рехнусь.

Саломон тяжело вздохнул:

— Иоганн, прости, но меня предупредили, что тебе рано смотреться в зеркало.

— Что?

— Успокойся. Я говорил об этом с доктором Хедриком и его коллегой-психиатром. Они считают, что ты можешь испытать тяжелое эмоциональное потрясение и даже, как ты сам говоришь, «рехнуться», если увидишь себя нового прежде, чем полностью окрепнешь. Это сведет на нет весь достигнутый прогресс.

Иоганн Смит некоторое время молчал, потом проговорил тихо:

— Чушь собачья. Я знаю, что физически стал другим. Как это может мне навредить?

— Психиатр не исключает раздвоения личности.

— Подойди ближе и взгляни мне в глаза, Джейк Саломон. Ты правда в это веришь?

— Мое мнение не важно, и я тут не компетентен. Я не собираюсь обманывать твоих врачей и тебе в этом помогать не буду.

— Вот оно как. Джейк... сожалею, но я вынужден заметить, что ты не единственный юрист в городе.

— Знаю. Иоганн, сожалею — искренне сожалею! — но вынужден заметить, что я единственный юрист, к которому ты можешь обратиться.

— Что?!

— Иоганн, ты находишься под судебной опекой. Я — твой опекун.

Иоганн Смит обескураженно прошептал:

— Заговор. Джейк, такого я от тебя не ожидал.

— Иоганн, Иоганн!

— Собираешься держать меня здесь вечно? А если нет, какова цена за мое освобождение? Судья в доле? А Хедрик?

Саломон с усилием взял себя в руки:

— Иоганн, пожалуйста, дай мне объяснить. Я постараюсь забыть все, что ты сейчас наговорил. Я принесу протоколы заседаний, чтобы ты мог взглянуть. Самого судью приглашу, если пожелаешь! Но ты обязан меня выслушать.

— Слушаю. Как будто у меня есть выбор. Я ведь здесь пленник.

— Иоганн, опеку снимут, как только ты будешь в состоянии лично предстать перед судом и убедить судью Маккэмпбелла — сам знаешь, он честный человек, — что ты больше не *non compos mentis*¹. Он долго сомневался; мне пришлось отчаянно бороться, чтобы стать твоим опекуном, ведь истцом был не я.

— И кто же захотел признать меня невменяемым?

— Иоганна Дарлингтон Сьюард *et aliae*² — то есть и остальные твои внуки.

— Ясно, — задумчиво проговорил Иоганн. — Джейк, прими мои извинения.

Саломон фыркнул:

— За что? Ты не можешь никого оскорбить, будучи официально *non compos mentis*.

— Ух... в самое сердце. Милую крошку Иоганну стоило утопить в младенчестве. Ее мать, моя дочь Эвелин, вечно сажала ее ко мне на колени и напоминала, что назвала ее в мою честь. А маленькая засранка писала мне на брюки — нарочно! Значит, Джун, Марла и Элинор тоже замешаны. Неудивительно.

¹ Не в здравом уме (лат.).

² И другие (лат.).

— Иоганн, они чуть было не добились своего. Я прибежал ко всем средствам, кроме госизмены, чтобы дело попало к Маккэмпбеллу. И все равно суд чуть не отдал опекунство миссис Сьюард. Спасло лишь то, что у меня пятнадцать лет краду была твоя генеральная доверенность. И еще одно.

— Что?

— Их глупость. Если бы твои внуки сразу запросили опекунство, то могли бы меня обставить. Но вместо этого они сперва потребовали признать тебя умершим.

— Ничего себе! Джейк, как ты думаешь, я смогу — позже — вычеркнуть их из завещания?

— Есть вариант лучше: переживи их.

— Гм, пожалуй, теперь я на это способен. С превеликим удовольствием!

— Это было очень глупо с их стороны. Их адвокат просто болван. Четыре дня собирал свидетелей, а суд вынес вердикт за четыре минуты, согласно делу «Семья Парсона против Род-Айленда». Я думал, они уgomонятся; этот неуч чуть в штаны от страха не наложил. Но нет, в дело вмешался Паркинсон... а его адвокат совсем не дурак.

— Паркинсон? Наш дурачок Парки?

— Он самый.

— Гм. Фон Риттер был прав, унижать людей себе дороже. Но Парки-то здесь каким боком?

— Никаким. Я лишь сделал вывод, что без него не обошлось, иначе чего бы он каждый день таскался в суд вместе с тещиным адвокатом? Иоганн, я не рискнул затягивать слушания до твоего выздоровления; наши эксперты-свидетели не могли поручиться, что ты снова станешь собой и будешь вести дела. Так что мы объявили тебя недееспособным, застали их врасплох, и наш адвокат предложил назначить меня временным опекуном. Но, Иоганн, как только началась эта заварушка, я принялся тасовать акции. Несколько недель бо́льшая часть твоих голосующих акций была у Тила — он молодец, ты правильно сделал, что его назначил. Это те акции, которые теперь у меня, купленные на деньги, которые я ему одолжил. Все операции абсолютно прозрачны, никакого мухлежа. Твои акции, которые я продал Тилу за мои деньги, плюс его собственные, плюс то, что было у меня самого, составляли контрольный пакет... иначе, если бы я проиграл

в суде, Паркинсон уже на следующий день заявился бы с доверенностью, подписанной твоими внучками, созвал бы совет акционеров и вышвырнул нас с Тилом за дверь. Я не решился лично выкупить твои акции, потому что в таком случае был бы заинтересованным лицом и твои внучки могли об этом пронюхать. Иоганн, мы долгое время балансировали на грани.

— Приятно знать, что теперь мы можем свободно вздохнуть. Ох уж этот Парки.

— Радоваться рано. Будут и другие иски, но тебе пока не стоит об этом беспокоиться.

— Джейк, я вообще не буду больше ни о чем беспокоиться. Я буду думать о птичках, пчелках, пушистых облачках и наслаждаться манной кашкой. И фруктовым пюре для самых маленьких. Мне радостно, что мой закадычный друг не всадил мне нож в спину, пока я был без сознания, и ужасно стыдно, что я подумал такое хоть на минуту. Ты, конечно, все равно жалкий бесхребетный трус, раз отказываешься принести мне зеркало, но к этому мы еще вернемся. Я понял твои опасения и немного подожду; раз мне предстоит убеждать судью Маккэмпбелла в своей умственной полноценности, то психиатра лучше не напрягать.

— Вот и славно. Рад, что тебе лучше, Иоганн. Я вижу, что ты снова — или по-прежнему — тот же вредный старый пройдоха.

Иоганн усмехнулся:

— Спасибо, Джейк. Рад, что и ты в добром здравии. Чтоб нам до конца дней так мило беседовать. Есть еще новости? Кстати! Где, черт возьми, моя секретарша? Юнис? Из моих тюремщиков никто не знает, кто она такая, и разыскивать ее не хотят. Да, Гарсия знает ее в лицо, но говорит, ему некогда быть у меня на побегушках. Сказал спросить тебя.

— Вот как, — с заминкой произнес Саломон. — У тебя есть ее адрес?

— А? У бухгалтера должен быть. Где-то на севере... Поймай, ты ведь однажды отвозил ее домой! Точно помню!

— Было дело. Действительно, где-то на севере. Но эти кроличьи норы все на одно лицо. Спрошу у телохранителей, вдруг помнят. Погоди, а твои охранники не знают? Они же

ее несколько месяцев возили, до самой операции. Ты их спрашивал?

— Черт, Джейк, ко мне никого не пускают. Я даже не знаю, числятся ли эти ребята до сих пор в штате.

— Когда я уезжал в Европу, точно числились. Но я не уверен, что нам стоит искать Юнис.

— Почему?

— Я видел ее буквально перед самой операцией. Она... Иоганн, она привязалась к тебе гораздо сильнее, чем ты заслуживал...

— Пропустим это. Давай дальше.

— Ладно. Она не сказала ничего конкретного, но мне показалось, что она не собирается дальше работать секретарем. По правде сказать, мы не надеялись, что тебе еще когда-нибудь понадобится секретарь. Юнис — молодец, я бы сам ее нанял, но...

— Не сомневаюсь, что нанял бы, старый козел. Ты ведь сказал ей, что она может получать у меня зарплату вечно? По крайней мере, до моей смерти.

— Да. Но она гордая девушка, Иоганн. Не хотела получать деньги просто так. Я постараюсь ее разыскать, а если не получится, найду тебе новую секретаршу. Это не так сложно. Обещаю.

— Послушай, мне не нужна новая секретарша. Мне нужна Юнис Бранка.

— Я имел в виду...

— Знаю, что ты имел в виду. Найдешь мне старую каргу, которая прекрасно справляется с работой, но на нее без слез не взглянешь... а сам, небось, прячешь Юнис у себя в кабинете.

Саломон медленно ответил:

— Иоганн, клянусь всем, что для меня свято: я не держу ее ни в кабинете, ни где бы то ни было.

— Значит, она тебе отказала. Джейк, я доверю тебе свою жизнь и земные богатства. Но если речь о том, чтобы увести у меня идеальную секретаршу, тут я не поручусь ни за тебя, ни за кого другого.

— *Nolo contendere*¹. Я предлагал ей работу. Она отказалась.

¹ Не хочу оспаривать (*лат.*).

— Значит, мы ее найдем. Ты найдешь.

Саломон вздохнул:

— Где мне ее искать? Есть зацепки? Ее муж, кажется, художник?

— Можно и так сказать, наверное. Не могу винить Юнис, но, по-моему, он просто альфонс. Я человек старой закалки. Когда она вышла замуж, я навел о нем справки. Ничего предосудительного не нашел; ни малейшего повода отказываться от лучшей в мире секретарши из-за ее замужества. Да, он художник, из тех, чьи работы не очень-то продаются. Юнис его содержала. Это, конечно, ее дело; Бранка не пил, наркотики не употреблял. Но ее не стоил. Неграмотный. Да, я знаю, сейчас это обычное дело, и отношусь к таким людям без предрассудков; у меня неграмотная прислуга, и только Господь Бог и главбух ведают, сколько неграмотных сотрудников в «Смит энтерпрайзес». Но Бранка наверняка вообще не посещал школу, где учат читать. Могу дать тебе одну наводку. Если Юнис больше не работает секретарем, что легко проверить в службе социального обеспечения, и не получает пособия — ее муж может, но не она, — то стоит проверить модельные агентства. Видеостудии, фото- и художественные салоны. Кто-нибудь из них двоих наверняка отыщется. Юнис — загляденье, но и муж у нее красавец; частный детектив так и сказал.

— Хорошо, Иоганн. Я обращусь в детективное агентство.

— Найми армию сыщиков!

— А если они оба скрываются? Всякое бывает.

Иоганн хмыкнул:

— За него не поручусь, а вот Юнис это ни к чему. Но если понадобится, прочеши все Заброшенные зоны в городе.

— Это дорого обойдется. В случае отправки в 33 страхование жизни детектива взлетит до небес.

— Ты же сказал, что у меня сейчас больше денег, чем я в состоянии потратить?

— Верно. Но мне неприятно нанимать человека на опасную работу, даже если он сам не против. Ладно, что бежать впереди паровоза. Возможно, чтобы выяснить адрес, хватит одного звонка в бухгалтерию или небольшой взятки в социальную службу. Я дам знать, если что-то выясню.

Саломон поднялся и собрался уходить, но Смит остановил его:

— Подожди. Завтра придешь? Хочу, чтобы ты ежедневно присылал отчет о ходе поисков, пока ее не найдешь. Передавай информацию Хедрику или тому, кто будет его замещать. Меня самого к телефону не подпускают. Телефонный рапорт каждый день, хорошо? Пока не найдешь ее.

— Хорошо, Иоганн.

— Спасибо, Джейк. Тебя еще могут принять в скауты. Скажи сестричке, что можно вылезать из угла. Им, должно быть, не терпится меня усыпить — мне еще ни разу не давали бодрствовать так долго.

По пути назад Саломон зашел в комнату, откуда велось наблюдение за пациентом, поговорить с доктором Хедриком.

— Тяжело вам пришлось, — констатировал врач, взглянув на него.

— Не то слово. Доктор, как долго вы будете оберегать его от зеркал?

— Сложно сказать. Он быстро идет на поправку... но еще плохо контролирует свое новое тело. Плюс зуд, покалывание, онемение, что вполне в порядке вещей. Фантомные боли — тоже. Точнее, психосоматические; для пациента они вполне реальны. Поэтому, если вы рассчитываете как можно скорее подготовить пациента к судебным слушаниям, эмоциональный шок нужно по возможности отсрочить. На этом настаивает доктор Розенталь, и я с ним согласен. Наш пациент еще слаб и эмоционально нестабилен.

— Это я заметил.

— Мистер Саломон, думаю, вам не помешает успокоительное. Разрешите?

Саломон выдавил улыбку:

— Только если в нем содержится зерновой спирт.

Хедрик усмехнулся:

— Устроит вас то, что производят в Шотландии?

— Безусловно! Разбавлять не надо. Если только самую малость.

— Я отмерю вам дозу лекарства, а вы сами решите, добавлять ли воду по вкусу. Да и себе, пожалуй, пропишу немного. Творить историю медицины — изнурительное занятие.

Доктор Гарсия протер проспиртованной ваткой место укола на руке Джейка Саломона:

— Подождите три минуты. Десять кубиков транквилина успокоят вас так, что сможете на собственную казнь спокойно отправиться.

— Благодарю вас. Доктор Хедрик, что беспокоит Иоганна? Вы не уточнили.

Хедрик покачал головой:

— Пациент отказывается объяснять. Просто требует вас.

— Гм... он узнал? И если так, то что делать?

Хедрик обратился к своему коллеге:

— Доктор Гарсия?

— Мое мнение вам известно. Пациент выздоровел; его слабость — следствие слишком продолжительного постельного режима. Нет больше никаких оснований... медицинских оснований его удерживать.

— А вы что скажете, доктор Розенталь?

Психиатр пожал плечами:

— Человеческий разум — штука удивительная и неизведанная. Чем больше я его изучаю, тем меньше уверен в чем бы то ни было. В одном я согласен с доктором Гарсией: нельзя бесконечно держать пациента привязанным к койке.

— Я вынужден согласиться, — попыток Хедрик.

Саломон тяжело вздохнул:

— Значит, меня назначили добровольцем.

— Сэр, любой из нас готов составить вам компанию, но пациент ясно дал понять, что не желает с нами разговаривать. Мы будем наготове, если понадобится помощь.

— Опять фокусы с псевдоотключением голосовых мониторов?

— Безусловно. Но на сей раз медсестре позволят оставить вас с пациентом наедине, если пожелаете. Вы, а не па-

циент. Не волнуйтесь, я буду смотреть и слушать по видеосвязи, а доктора Гарсия и Розенталь проследят за показаниями приборов.

— Я не волнуюсь. Наверное, ваше лекарство подействовало. Ладно, я пошел. Раз уж мне выпало объезжать разъяренного быка, лучше сразу взять его за рога.

Иоганн Смит сразу же воскликнул:

— Джейк! Где тебя черти носили?! Ты за три недели лишь однажды меня навестил! Какого черта?

— Я работал. Но тебе этого не понять.

— Думаешь? Физиотерапия — еще какой тяжелый труд. Тебе такого и не снилось, адвокатишка, а мне этим приходится по семь дней в неделю заниматься.

— Иоганн, от одного взгляда на тебя у меня сердце кровью обливается. Может, тебе священника пригласить? Разве Хедрик не говорил, что я слег на десять дней? Мне до сих пор паршиво, так что подвинься-ка, ленивый ублюдок, и дай мне лечь. Черт, Иоганн, я уже не мальчик; не могу скакать сквозь горящий обруч по каждому шелчку твоих пальцев.

— Хватит, Джейк, со мной эти штучки не пройдут. Сожалею, что ты заболел. Я просил послать тебе букет от моего имени. Получил?

— Да. Спасибо.

— Вот как? Я пошутил. Не отправлял я тебе никакого букета. Подловил тебя, а? Джейк, чрезмерно утруждать человека не в моих правилах, но раз я плачу этому человеку зарплату, то желаю видеть его и слышать о достигнутых результатах.

— Ты не платишь мне зарплату.

— А? Это еще что за новости?

— Когда суд сделал меня твоим опекуном, Маккэмпбелл назначил мне символическое вознаграждение — десять долларов в месяц. Я не могу получать от тебя больше, да и эти деньги как-то не удосужился забрать.

Иоганн глянул на него недоверчиво:

— Это мы быстро исправим! Передай судье Маккэмпбеллу, что я сказал...

— Постой, Иоганн. Это необходимо, чтобы твои внуки сидели тише воды ниже травы. А теперь расскажи, какая муха тебя укусила? Это все из-за миссис Бранки? Я ежеднев-

но докладывал, как мы и условились. Никаких следов. Вот папка с результатами, чтобы ты знал, что я не сижу без дела. Прочтешь? Я вижу, у тебя тут и читающая машинка появилась.

— Читать доклад о безрезультатной работе? Джейк, не дури. Я сержусь на Юнис — черт, даже если она не хотела больше на меня работать, так хоть навестить могла. Но я послал за тобой не поэтому. Сестра?

— Да, сэр?

— Выключите голосовые мониторы и воткнитесь глазами в свой дурацкий ящик. Выберите любую программу, лишь бы погромче. У меня будет личный разговор.

— Хорошо, сэр. — Медсестра поднялась и щелкнула фальшивыми переключателями.

— Сестра.

— Да, мистер Саломон?

— Спросите доктора Хедрика, нельзя ли оставить нас наедине. Не думаю, что мистер Смит устроит дебош только потому, что у меня нет диплома медицинской сестры.

— Мистер Саломон, доктор Хедрик говорит, мы очень быстро поправляемся, — сестра ослепительно улыбнулась, — ведь правда, мистер Смит, мы же молодцы? Поэтому он сказал, что я могу оставить вас в случае необходимости. Если понадобится — нажмите вон ту красную кнопку. — Сестра снова улыбнулась и вышла.

— Ну и ну! — воскликнул Иоганн.

— Что здесь удивительного? Хедрик видит, что ты поправляешься.

— Гм. Бойтесь данайцев, дары приносящих. Джейк, садись поближе, я буду говорить шепотом... боюсь, как бы здесь не оказалось скрытых микрофонов.

— Старый параноик. Зачем Хедрику нас подслушивать?

— Молодой, а не старый. А с параноиком согласен. Как бы то ни было, никто, кроме тебя, не должен это услышать. Если я вдруг ошибусь, это может сыграть против меня в суде. Так что садись и слушай внимательно. Джейк... *я почти уверен, что мое новое тело — женское!*

У Джейка Саломона зазвенело в ушах, и он порадовался, что Гарсия сделал ему укол.

— Правда? Интересное предположение. И что ты будешь делать, если это так? Отнесешь его обратно и потребуешь заменить?

— Джейк, не мели чепуху. Какое тело есть — такое есть. Быть женщиной, конечно, странно, но половина населения земного шара как-то с этим справляется. И я справлюсь. Но разве не видишь, к чему я клоню? Если моя догадка верна, то понятно, почему мне упорно не дают на себя глядеть. Боятся, что я рехнусь. — Иоганн хохотнул. — Плохо меня знают. Черт, они ведь даже от тебя все скрыли. Все тело под покрывалом, и столько прибабасов, что не поймешь, мужское оно или женское. А взять это полотенце на голове? Полагаю, волосы у меня уже отросли или отрастают. А по лицу, особенно если оно страшное, пол можно и не угадать.

— Интересная теория. Возможно, так оно и есть. Но как ты пришел к такому выводу?

— Сопоставил целую кучу фактов. Во-первых, мне не дают ничего делать своими руками, хотя я уже свободно ими двигаю. Только под их контролем во время физиотерапии. Во-вторых, мне не позволяют *притрагиваться* к себе, постоянно пристегивают к койке, якобы для предотвращения «спонтанных судорог», которых у меня давно уже нет. Ладно, черт с ним; раз медсестра ушла, так загляни под покрывало и проверь! Скажи мне, Джейк, *я мужчина или женщина*? Живее, вдруг она вернется?

Саломон не шелохнулся:

— Иоганн.

— Что? Джейк, не тяни уже!

— Ты женщина.

На несколько секунд Иоганн Смит оторопел. Затем произнес:

— Что ж, приятно, когда сомнения разрешаются. По крайней мере, я не спятил — если только «женщина» и «сумасшедший» не синонимы. Джейк, как так вышло?

— Иоганн, я с самого начала знал. Мне было очень тяжело скрывать это от тебя. Врачи действительно считали, что тебе это будет вредно. Ты был очень слаб.

— Говорю же, плохо они меня знают. Вот когда я в шесть лет выяснил, что у девочек не все как у мальчиков, — вот это было потрясение так потрясение. Жила на нашей улице

одна девочка... все мне показала. Так как я оказался женщиной? Я на такое не подписывался.

— Почему же?

— А?

— Ты не оставил никаких особых указаний относительно пола или расы. Уточнил лишь, что тело должно быть здоровым, в возрасте от двадцати до сорока, с четвертой группой крови и отрицательным резус-фактором. И все.

Иоганн недоумевающе моргнул:

— Верно. Но я и подумать не мог, что меня могут запихать в женское тело.

— Почему нет? Женское сердце ведь пересаживают мужчинам, и наоборот.

— Правда. И как я не подумал? Впрочем, если бы и подумал, то вряд ли бы стал сокращать свои шансы вполовину. Я не из тех, кто плачет над пролитым молоком. Что ж, раз мне теперь все известно, то дурацкий запрет насчет зеркал можно снять? Скажи этому упертому доктору, что я хочу увидеть себя немедленно и не потерплю больше никаких отговорок! Если понадобится, заболтай его.

— Попробую.

Саломон вызвал медсестру, а сам вышел. Спустя пять минут он вернулся в сопровождении докторов Хедрика, Гарсии и Розенталя, а также другой медсестры, которая принесла зеркало.

— Как ваше самочувствие, мисс Смит? — спросил Хедрик.

Иоганн криво улыбнулся:

— Значит, теперь я «мисс» Смит? Спасибо, чувствую себя гораздо лучше, чем когда меня мучили сомнения. Вы могли бы сказать мне и несколько недель назад. Я крепче, чем вы думаете.

— Возможно, мисс Смит, но я исходил из того, что считал полезным для моего пациента.

— Я вас не виню. Но раз тайное стало явным, то попросите сестру показать мне, как я выгляжу. Мне весьма любопытно.

— Как скажете, мисс Смит.

Доктор Гарсия попросил сестру у пульта отойти, а сам сел на ее место. Хедрик примостился на одном краю крова-

ти, Розенталь на другом. Тогда Хедрик взял у второй медсестры зеркало и повернул его к пациенту.

Иоганн Смит напряженно всмотрелся в собственное отражение, и любопытство на его — *ее* — лице сменилось сначала удивлением, а затем неподдельным ужасом.

— Господи! Боже мой, что они натворили! Джейк! Ты *знал*!

Лицо адвоката дрожало. Он изо всех сил сдерживал рыдания.

— Да. Иоганн, я знал. Вот почему я не мог ее найти... *она все это время была здесь, с тобой*. Говоря с тобой, я говорил... с ней! — Саломон не выдержал и зарыдал.

— Джейк, как ты мог это допустить? Юнис, моя милая Юнис, прости! *Я не знал*! — Она зарыдала вместе с Саломоном, на октаву выше.

— Доктор Гарсия! — рывкнул Хедрик.

— Я готов!

— Доктор Розенталь, поручаю вам мистера Саломона. Сестра, помогите, а то он вот-вот лишится чувств. Где этот чертов слюноотсос?!

Спустя пять минут в комнате стало тихо. Пациентка спала под действием снотворного. Убедившись, что мисс Смит ничто не угрожает, доктор Хедрик передал вахту доктору Гарсии и вышел.

Он обнаружил мистера Саломона на койке в комнате наблюдения. Рядом сидел доктор Розенталь со стетоскопом на шее. Хедрик удивленно посмотрел на психиатра. Тот беззвучно пошевелил губами:

— Порядок, — а затем вслух добавил: — Проверьте, все ли я сделал правильно.

— Хорошо. — Хедрик сменил Розенталья у койки, придвинулся поближе, взял Саломона за руку и проверил пульс. — Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — хрипло ответил Саломон. — Ну и спектакль я вам устроил, даже стыдно. Как *она*?

— Спит. Вижу, вы к ней очень привязаны.

— Мы *оба* были к ней очень привязаны. Она была сушим ангелом.

— Можете плакать сколько угодно. Слезы умиротворяют душу. Мужчины чувствовали бы себя куда лучше, если бы позволяли себе плакать, как женщины. Верно, Розенталь?

— Абсолютно. Там, где мужские слезы считаются нормой, нет нужды в представителях моей профессии, — улыбнулся психиатр. — Мистер Саломон, вы в надежных руках, поэтому я позволю себе удалиться. Нужно добавить пару годов в мою коллекцию. Доктор, я вам больше не нужен?

— Идите, Рози. Жду вас завтра утром к десяти. Вместе разбудим пациентку.

— До свидания, доктор Розенталь. Спасибо вам за все, — сказал Саломон.

— Рад был помочь. Не позволяйте этому ветеринару впарить вам порошок от блох.

Розенталь вышел.

— Мистер Саломон, — сказал Хедрик, — в этом дворце куча спален. Не желаете прилечь часов до девяти-десяти вечера? А потом я дам вам таблетку, с которой вы спокойно проспите восемь часов, не мучаясь дурными сновидениями.

— Спасибо, обойдусь.

— Как скажете. Я не настаиваю. Но как человек, довольно близко узнавший и заважавший вас в последние месяцы, я должен сказать, что *ваше* состояние беспокоит меня куда больше, чем самочувствие моего пациента. Когда вы называли ее «ангелом», вы ведь имели в виду донора, а не мисс Смит?

— Что? Да, разумеется. Юнис Бранку. — Лицо Саломона на мгновение исказилось.

— Я не имел чести быть с ней знакомым, а уж ангелов и подавно не встречал; врачи обычно знакомятся с людьми в тяжелые минуты их жизни. Но тело у нее поистине ангельское; мне прежде не доводилось встречать столь здоровых женщин. Ей было двадцать восемь, но физиологически она была минимум на пять лет моложе. С таким телом она — я имею в виду мисс Смит, мисс Иоганн Смит, — легко перенесет любое потрясение. Но вы испытали не меньший шок, а вы, уж простите, давно не молоды. Не отказывайтесь от хорошего сна...

— Я не хочу спать *здесь*!

— Понятно. Тогда позвольте хотя бы измерить вам давление и снять кардиограмму. Если результаты мне не понравятся, я вызову вашего лечащего врача.

— Он не ездит по вызовам.

Хедрик фыркнул:

— Значит, он не врач; врачи едут туда, где они нужны. Крайне непрофессиональное замечание с моей стороны. Нам полагается делать вид, будто каждый лицензированный медик — святой бессребреник и мудр, как Юпитер, даже если мы знаем, он полный ноль и думает только о деньгах. Прошу вас не ссылаться на меня, если захотите когда-нибудь это повторить; меня могут исключить из профсоюза. Так как насчет осмотра? Согласны?

— Ух. Давайте. И таблетку тоже, но я приму ее дома. Вообще-то, я стараюсь не злоупотреблять лекарствами, но сегодня особый случай.

— Хорошо. Снимите рубашку...

В процессе измерений врач тихо сказал:

— Мистер Саломон, у меня нет квалификации доктора Розенталя, но если вам захочется выговориться — я буду рад вас выслушать. Я знаю, вас это мучило. Самое тяжелое позади: вы сообщили Иоганну Смит, что он теперь «мисс» Смит, плюс, что еще хуже, видели, как он... она обнаруживает, что находится в теле своей бывшей секретарши. Так что кризис вы миновали. Если вас мучит что-нибудь еще, скажите. В нашей профессии, как и в вашей, такие разговоры конфиденциальны.

— Я бы поговорил о Юнис, но не знаю, что сказать.

— Начните с того, как такая милая девушка могла погибнуть. По условиям договора я ведь даже не знал ее имени, пока вы не сказали. Я и не интересовался, зная, что все наши процедуры легальны.

— Да, в договоре было условие о неразглашении личности. Не знаю зачем, но подозреваю, что девочка — женщина, весьма способная женщина, которая для меня, старика, всегда была девочкой, — романтично полагала, будто может отдать свое тело боссу в случае, если ей самой оно больше не понадобится, и тот не догадается, чье оно. Глупо, но вполне в ее духе. Я решился рассказать *вам*, кто она, когда стало понятно, что у Иоганна есть шансы на выздоровление. Я знал, что он будет потрясен. Так и вышло.

— Вы поступили правильно. Думаю — и доктор Розенталь со мной согласен, — что у нас бы ни за что не получилось поставить пациентку на ноги, если бы мы не приняли

необходимые меры предосторожности и раскрыли ее пол. Особенно учитывая близкие отношения между реципиентом и донором.

— «Близкие» — не то слово. Мы очень ее любили. Доктор, я не преувеличиваю. Будь я раза в два моложе, а она не замужем, я бы в лепешку расшибся, чтобы жениться на ней. Уверен, Иоганн тоже. Даже просто узнать о ее гибели стало бы для него шоком, а такое — и подавно.

— Она попала в аварию?

— Если бы. Ее убил грабитель. Вероятно, психопат, но проверить это невозможно, потому что телохранители Иоганна застрелили его на месте. Они немедленно отвезли Юнис в больницу, надеясь спасти, но сохранить удалось лишь ее тело. — Джейк Саломон вздохнул. — От разговора действительно становится легче.

— Хорошо. Как вышло, что охранники Иоганна Смита оказались на месте преступления, но не успели защитить девушку?

— Бедняжка хотела сэкономить десять минут. Она была донором крови — четвертая отрицательная — и...

— А! Так вот почему «мисс Смит» показалась мне знакомой. Я же встречался с ней однажды. Она сдавала кровь для одного из моих больных. Милая девушка, дружелюбная, вежливая, одетая весьма... хм... экзотично.

— Вы хотели сказать «эротично». Давайте называть вещи своими именами. Да, это Юнис. Она знала цену своей красоте и охотно делилась ею с окружающими. Выставляла себя напоказ.

— Жаль, я не знал ее ближе.

— Если бы вы ее знали, ваша жизнь точно заиграла бы новыми красками. Телохранители Иоганна должны были сопровождать Юнис, когда ее вызывали для сдачи крови. Встретить у дверей квартиры, доставить к машине, отвезти в больницу, дожидаться и привезти обратно. Но тот вызов был срочным. Она живет — жила — на девятнадцатом уровне одного из домов-ульев на севере города. Там есть автомобильный лифт, но бронированная машина Иоганна туда не помещается. Поэтому бедняжка решила сэкономить время и поехала на пассажирском лифте, не дождавшись охранников. Там на нее и напали. Убили.

— Печальная история. Она не знала, что даже в экстренном случае десять минут не сыграют никакой роли?

— Может, знала, а может, нет. Юнис Бранка всегда спешила.

— Жаль. Можете одеваться. Сколько, говорите, вам лет?

— Я не говорил. Вот-вот стукнет семьдесят два.

— Ничего себе. Вы выглядите заметно моложе, если не внешне, то внутренне...

— Спасибо, я и без вас знаю, что лицо у меня страшное.

— Скорее незаурядное. Физиологически вы лет на двадцать моложе своего возраста.

— Я принимаю гормоны.

— Вам они ни к чему. Так вы поедете домой или останетесь? Если останетесь, я бы еще понаблюдал за вашим сердцем. Из профессионального интереса.

(И чтобы удостовериться, что вы не отбросите коньки, ведь сердце после таких потрясений запросто может остановиться.)

— Ну... честно говоря, я устал. Что, если я не стану ужинать и сразу отправлюсь спать? Есть у вас таблетка, которая позволит мне проспать двенадцать часов вместо восьми?

— Конечно.

Скоро Джейк Саломон уже спал в постели. Хедрик поужинал, дал указания ночной смене вызвать его в случае аномальных показаний приборов и тоже отправился спать. Ему никаких таблеток не понадобилось.

Несмотря на большую дозу снотворного, Иоганн Смит спал беспокойно. Находившийся в новом теле старик прошептал:

— Юнис?

(Я здесь, босс. Спите дальше.)

— Хорошо, милая. Я просто хотел знать, куда ты подевалась.

(Не волнуйтесь, я *здесь*.)

Иоганн блаженно улыбнулся и продолжил безмятежно спать, больше не видя дурных снов.

Утренняя сиделка внесла в комнату поднос:

— Доброе утро, мисс Смит! Как мы себя чувствуем?

— Не знаю как вы, а я есть хочу.

— Замечательно! Дорогуша, сегодня у нас горячая овсянка, апельсиновый сок и вареное яичко, а хлебушек тоже в яичке вымочен, чтобы легко было глотать. Сейчас я наклоню кровать...

— Миссис Слоун...

— Да? Слюнявчик надеть?

— Прекратите это, иначе я скажу, куда вам засунуть этот ваш слюнявчик! Снимите покрывало и развяжите меня; я могу есть самостоятельно!

(Босс, не ругайтесь на нее, она вам добра желает.) (Юнис?!)
(Конечно я, кто же еще? Я ведь обещала, что больше никуда не уйду.) (Но...) (Тсс, выслушайте ее.)

— Мисс Смит, вы прекрасно понимаете, что я не могу этого сделать. Потерпите, дорогуша. Только понюхайте, как вкусно пахнет!

— Ну... Наверное, вы не можете отвязать меня без разрешения доктора Хедрика. Простите за грубость. — (Вот, босс, так-то лучше!) — Но умоляю, не надо кормить меня с ложечки. Лучше сходите к доктору Хедрику и скажите, что я опять привередничаю. И если он откажется выполнять мои необоснованные требования, то пускай звонит мистеру Саломону. Любую еду, которую попытаются в меня впихнуть, пока у меня связаны руки, я выплуну в потолок!

(Юнис, так лучше?) (Немного. Процентов на десять.)
(Тьфу, я не привык вести себя как благовоспитанная леди.)
(Босс, я вас научу.) (Юнис, милая, ты правда здесь? Или у меня действительно сорвало крышу, как предсказывали врачи?) (Давайте обсудим это позже... сейчас вам предстоит

беседа с доктором. Даже не думайте упоминать обо мне. Иначе они никогда не развяжут нам руки. Вы же это понимаете?) (Еще бы! Думаешь, я псих?) (Это, как выразился бы Джейк, не имеет отношения к делу. Главное, чтобы доктор Хедрик и остальные не узнали, что я здесь, иначе они точно сочтут, что вы спятили. Все, замолкаю.) (Не уходи!) (Босс, я уже никогда никуда не уйду, я просто помолчу. Впредь будем разговаривать наедине, если только вы опять чего-нибудь не учудите.) (Поучать меня вздумала?)

В голове раздался ее смешок.

(А раньше я чем занималась? А, босс? Шухер, полиция!)

Вошел доктор Хедрик, за ним доктор Гарсия:

— Доброе утро, мисс Смит.

— Доброе утро, джентльмены.

— Сестра говорит, что вы хотите есть самостоятельно.

— Верно, но это не все. Я хочу, чтобы меня отвязали и отстегнули. Полностью.

— Мы не возражаем, чтобы вы ели сами. Пора тренироваться. А вот насчет остального надо подумать.

— Доктор, прекращайте балаган. Если вы не готовы освободить меня, то к черту завтрак. С голоду я не помру. Вызовите моего адвоката.

— Мистер Саломон здесь.

— Так приведите его!

— Минутку. — Доктор Хедрик переглянулся с усевшимся у пульта доктором Гарсией. Тот кивнул. — Мисс Смит, быть может, вы согласитесь на разумный компромисс? По крайней мере, послушайте нас.

— Выслушаю. Но... — (Босс, заткнитесь!) — Ладно, говорите.

— Вам известно, что мистер Саломон — человек пожилой. Вчера у него выдался тяжелый день. Я убедил его остаться здесь и отдохнуть. Он только проснулся и, в отличие от нас с доктором Гарсией, еще не успел позавтракать. Мы ели уже достаточно давно и были бы не прочь перекусить. Мы готовы освободить вам руки, чтобы вы ели самостоятельно, однако все, что ниже пояса... сами понимаете, там разная сантехника, трубки и прочее... На это потребуется значительное время. Вот мое предложение: пригласите мистера Саломона позавтракать вместе, а мы перекусим с ва-

ми за компанию. Заодно обсудим, что делать дальше. Я подчинюсь вашему опеку... адвокату и сложу с себя полномочия вашего лечащего врача, если он сочтет это необходимым.

— Мой опекун... Хорошо, поступим так, как он решит. Доктор Хедрик, надеюсь, заменять вас не придется. Я знаю, что со мной трудно. Прошу прощения. Вы сотворили настоящее чудо, и я вам крайне признателен.

— Спасибо, мисс Смит.

— Охотно позавтракаю с вами... если вы любезно освободите мне руки.

(Босс!) (Крошка, что не так? Я вроде бы вел себя как настоящая леди?) (Да, но *не соглашайтесь завтракать с джентльменами, пока мы в таком виде!* Не покрашены, волосы наверняка растрепаны. Ужас!) (Дорогая, это всего-навсего врачи и Джейк.) (Это дело принципа! Мне лучше знать, как должна выглядеть девушка! Я хоть раз приходила на работу без макияжа и прически? Да я постоянно вставала ни свет ни заря, чтобы прихорошиться ради вас. Помните?)

— Мисс Смит, у вас что-то болит?

— А? Простите, доктор, задумался... *задумалась*. Раз мне предстоит завтракать в обществе джентльменов, то пора учиться вести себя по-дамски, не так ли? Это непривычно. Я ведь не покрашена?

Хедрик опешил:

— Вы имеете в виду губную помаду?..

— Все, что женщины намазывают себе на лицо. Наверняка не только помаду. А еще мне нужно причесаться. У меня вообще волосы есть?

— Безусловно. Короткие, но вполне здоровые и густые.

— Хорошо. Приятно знать, что у меня не пластиковый череп и мне не придется носить парик.

— Без небольшого восстановительного протезирования не обошлось, но доктор Бойл сохранил кожу головы, и протез абсолютно незаметен. — Хедрик улыбнулся. — Он прочнее кости, прекрасно обеспечивает кровоснабжение и рост волос. Они просто не успели отрасти.

— Прекрасно. А перхоти у меня нет?

— Не замечал.

— Ладно, потом проверю. Доктор, перед приемом гостей я хотела бы прихорошиться. Попросите слугу отнести

мистеру Саломону чашечку кофе и стакан апельсинового сока вместе с нашим приглашением на завтрак, и, я уверена, он не откажется немного подождать.

(Юнис, как у меня получается?) (Прекрасно, мой старичок!)

Доктор Хедрик растерялся:

— Мисс Смит, когда мы собирали команду, я подготовился к любым экстренным случаям, обеспечил все необходимое оборудование и лекарства. Но губную помаду у меня просят первый раз.

— Доктор, я не прошу *вас*. В дамской комнате на первом этаже должно быть достаточно помады любого цвета и много другой косметики. Если нет, то кому-то хорошенько влетит. Пускай медсестра спустится. Та рыженькая красotka — Минни? Джинни? Короче говоря, мисс Герстен. Она наверняка разбирается в косметике.

(Не сомневаюсь, босс. Волосы-то у нее крашенные!) (Мяу! Помолчи, киска.) (Босс, я не ерничаю. Она вполне неплохо выглядит даже в ее дурацком халате.)

— Винифред Герстен, — поправил доктор Гарсия. — Сестра, найдите Винни и унесите поднос с едой, она остыла.

Спустя сорок минут мисс Иоганн Смит была готова принимать гостей. Волосы начесали, на лицо рыжая медсестра наложила умеренно смелый макияж, и, когда поднесли зеркало, второй внутренний голос одобрил результат — нехотя, как показалось Иоганну.

(Я могу лучше, но пока сгодится.)

Кровать была оборудована подъемным механизмом, благодаря которому мисс Смит могла сидеть. Ей где-то отыскали симпатичный халатик в тон глазам, но главное — освободили руки.

Руки дрожали. Она приписала это волнению и решила не есть ничего, чем можно заляпать одежду, раз не сможет уверенно держать вилку. К тому же от перевозбуждения есть уже не хотелось.

(Босс, дорогой, успокойтесь. Положитесь на меня.)

(Но...)

(Никаких «но». Я кормила себя много лет. Тело все помнит. Босс, вы развлекайте джентльменов, а я позабочусь о калориях. А теперь тише, они идут.)

— Можно войти?

— Конечно, господа. Доброе утро, Джейк. Надеюсь, ты хорошо выспался?

(Босс, протяните ему руку.)

— Как младенец.

— Отлично. Я тоже. — Мисс Иоганн протянула левую руку — ту, что была ближе. — Смотри, Джейк, мои руки свободны!

Саломон наклонился к руке и, после некоторого промедления, коснулся ее губами. Иоганн так удивился, что едва не отдернул руку.

(Боже милостивый! Джейк меня что, за педика принимает?!) (Он считает вас красивой девушкой, и у него на то есть все основания. Поверьте мне, босс. Давайте обсудим Джейка позднее, а пока поприветствуйте вашего психиатра.)

— Я заявился без приглашения, — сказал доктор Розенталь. — Можно войти, мисс Смит?

— Разумеется. Кому-то нужно будет убедить остальных джентльменов, что в моей голове нет тараканов. Доктор, я на вас рассчитываю.

Психиатр улыбнулся:

— С вами сложно будет поспорить. Со вчерашнего дня вы будто преобразились. Чудесно выглядите... мисс Смит.

Мисс Смит с улыбкой подала ему руку. Доктор Розенталь нагнулся и поцеловал ее — не торопливо и робко, как Саломон, а неспешно и чувственно. По коже пробежала дрожь.

(Это еще что?) (Босс, не ложитесь к нему на кушетку — он тот еще кобель, по глазам вижу.)

Психиатр задержал руку мисс Смит на мгновение дольше, чем требовалось, затем улыбнулся и отошел в сторону. У той мелькнула мысль спросить Розенталя, со всеми ли пациентками он так обходится. Спрашивать она не стала, но ощутила легкую досаду оттого, что два других врача не продемонстрировали той же учтивости. Йонни Шмидт родился во времена, когда целовать дамам руки было не принято; Иоганн Смит такого обыкновения не имел, а вот мисс Иоганн Смит чувствовала, что к этому глупому ритуалу легко привыкаешь. Она покраснела.

Ее спас раздавшийся с порога голос дворецкого:

— Можно подавать завтрак, мисс Смит?

— Каннингем! Приятно вас видеть! Конечно несите. — Она задумалась, кто распорядился сделать завтрак официальным.

Дворецкий, глядя поверх ее головы, произнес без всякого выражения:

— Благодарю, мисс.

Это совершенно не походило на Каннингема. Дворецкий, как и все слуги мужского пола (и некоторые женского), был грозен; один его вид внушал страх репортерам.

(Бедняга до смерти напуган!) (Еще бы. Босс, успокойте его.)

— Однако прежде подойдите ближе, Каннингем.

— Слушаюсь, мисс. — Дворецкий сделал несколько осторожных шагов и остановился на очень почтительном расстоянии.

— Ближе. Смотрите на меня и не отводите глаз. Каннингем, мой новый облик стал для вас потрясением?

Каннингем молча сглотнул; его кадык дрогнул.

— Будьте честны, — твердо сказала хозяйка. — Конечно стал. Но если вам не по себе, то представьте, каково *мне*. До вчерашнего дня я даже не знала, что стала женщиной. Мне предстоит привыкнуть к новому облику, и вам тоже. Запомните: внутри я все тот же вздорный, высокомерный, неблагодарный старый хрыч, который девятнадцать лет назад нанял вас привратником. Я буду по-прежнему требовать безупречного обслуживания, не замечать его и так же редко говорить «спасибо». Понятно?

Дворецкий едва заметно улыбнулся:

— Да, сэр... то есть да, мисс.

— Вам нужно привыкнуть говорить «да, мисс», а мне — привыкнуть это слышать. Придется нам, старым псам, выучить новые штуки. Как поясница миссис Каннингем?

— Чуть лучше, она говорит. Спасибо, мисс.

— Хорошо. Передайте Мэри мой привет. Можно подавать.

Бранч прошел почти весело. Хозяйка пригубила вино, когда Каннингем налил ей на пробу, одобрила выбор, но от полного бокала отказалась. Одного маленького глотка хватило, чтобы почувствовать крепкий, как у бренди, вкус и неожиданно яркий, богатый букет. Однако, судя по бутылке, это было пристойное, но ничем не примечательное шабли. Решив не рисковать, она предпочла апельсиновый сок.

Разговаривали оживленно и обращались по большей части к хозяйке. О ее статусе пациентки забыли; мужчины боролись за ее внимание, и мисс Иоганн это нравилось. Она часто смеялась, отвечала на остроты и сама чувствовала себя остроумной.

Лишь Джейк почти не притронулся к еде и постоянно смотрел на хозяйку. Стоило взглянуть на него в ответ, как он отводил глаза. Бедняга Джейк.

(Юнис, что нам делать с Джейком?) (Потом, босс, не все сразу.)

Когда Каннингем подошел забрать ее поднос, она с изумлением обнаружила, что омлет, два сэндвича с беконом, стакан сока, полстакана молока и одна из трех сосисок невероятным образом исчезли.

— Кофе, мисс?

— Не знаю. Доктор Хедрик, мне можно кофе?

— Мисс Смит, раз вы можете есть сидя, нет причин запрещать вам есть или пить все, что захочется.

— Тогда я отведу душу. Первый кофе, который мне разрешили за десять лет. Мне маленькую чашечку, а джентльменам большие. Каннингем, у нас есть «Мумм» девяносто седьмого года во льду?

— Конечно, мисс.

— Подайте. — Она немного повысила голос: — А слабачки, которые по утрам шампанское не пьют, могут тихонько выскользнуть за дверь!

Никто не вышел. Когда бокалы наполнились пузырящейся жидкостью, доктор Хедрик предложил тост:

— Джентльмены, — он дождался, пока все мужчины встанут. Иоганн тоже подняла бокал, — за нашу прекрасную и любезную хозяйку! Долгих ей лет!

Раздались возгласы:

— Амины! Ура! — и звон бьющегося стекла.

Иоганн прослезилась:

— Благодарю вас, джентльмены. Каннингем, новые бокалы.

Когда дворецкий разлил шампанское каждому, она сказала:

— Я хочу предложить еще один тост. — Она сделала паузу, затем продолжила: — За доктора Бойла... и за тебя, мой

старый друг Джейк. Без твоей помощи меня бы здесь не было... И за вас, доктор Хедрик, и за всех врачей, что помогали вам и доктору Бойлу... за всех медсестер, которым приходилось терпеть мое хамство. Но этот тост подождет. Я хочу попросить вас почтить... — слезы текли у нее из глаз, голос упал почти до шепота, — память милейшей, добрейшей и самой внимательной девушки на свете... Юнис Бранки.

Все выпили молча. А затем Джейк Саломон обмяк и закрыл лицо руками.

Доктор Хедрик бросился ему на помощь, доктор Гарсия за ним. Иоганн беспомощно смотрела на них.

(Ох, мне стоило это предугадать! Но я ведь от чистого сердца, дорогая моя.) (Босс, я знаю. Я вам очень признательна. Все хорошо. Джейк должен смириться с моей смертью. И вы тоже.) (Юнис, ты умерла? Правда?) (Босс, не волнуйтесь. Я все равно буду рядом и никогда вас не брошу. Я ведь пообещала. А когда я нарушала обещания?) (Никогда.) (Тогда верьте мне. А сейчас нужно позаботиться о Джейке.) (Как, милая?) (Узнаете, когда придет время. Поговорим наедине.)

Подошел доктор Розенталь:

— Моя дорогая, вам нехорошо?

— Все нормально. Я просто ужасно беспокоюсь за мистера Саломона. Что с ним?

— С ним все будет хорошо. Не волнуйтесь за мистера Саломона. Да, вы вызвали еще один катарсис, который был ему нужен, иначе бы этого не произошло. Что до его физического состояния, то им займется доктор Хедрик... а в карьере Курта Хедрика еще не случалось летальных исходов среди пациентов. У вас дома есть все необходимые лекарства... да и мистер Саломон даже не болен; ему просто необходим отдых и успокоительное.

Покуда прислуга выносила посуду, обеденный стол и стулья, доктор Розенталь сидел с хозяйкой. Наконец вернулся доктор Хедрик с доктором Гарсией.

— Как он? — спросила Иоганн.

— В полусне. Сожалеет, что «устроил сцену» и «причинил неудобства» — его слова. Но не сильно, потому что лекарство, которое я ему дал, не позволяет пациенту долго заниматься самобичеванием. А как *вы*?

— Хотя в космос посылай, — ответил за нее Розенталь.

— На мониторах тоже без отклонений. Можем продолжать совещание. Мисс Смит, пока вы прихорашивались перед завтраком, я переговорил с мистером Саломоном и получил его одобрение. Я слагаю с себя полномочия вашего лечащего врача.

— Как же так, доктор Хедрик?! Я против!

— Не сердитесь, моя дорогая. Это значит, что вы поправились. Вы здоровы. Вам еще нужно набраться сил, нужен уход, но я вас не бросаю, а перепоручаю доктору Гарсии.

Иоганн посмотрела на Гарсию. Тот кивнул:

— Не волнуйтесь, мисс Смит.

— Но... доктор Хедрик, вы ведь будете меня навещать?

— С радостью. Но не ждите меня скоро. Видите ли... Тут готовится весьма интересная операция по пересадке, которую больше нельзя откладывать. Процедура радикальная, пересаживают сразу сердце и легкие. Теперь все готово, и утром меня пригласили в ней участвовать. Я обещал подумать, но, когда увидел вас сегодня, сразу понял, что у меня нет причин отказываться. Я уже перезвонил и дал согласие. Разумеется, после консультаций с доктором Гарсией и мистером Саломоном. — Хедрик живо улыбнулся. — Поэтому, если позволите, я вас покину.

Иоганн со вздохом протянула руку:

— Поступайте, как считаете нужным.

Хедрик склонился над ее рукой. Доктор Розенталь шутливо спросил:

— Ватку со спиртом дать?

— Идите к черту, Роза! — огрызнулся Хедрик и поцеловал руку.

Иоганн показалось, что он мусолил ее в два раза дольше, чем доктор Розенталь. У нее по коже пошли мурашки, а внутри возникло невероятно странное ощущение. Да, раз уж она женщина, нужно поощрять эту традицию.

(Босс, хотите с ним переспать?) (Юнис!) (Босс, не юлите! Мы с вами теперь сиамские близнецы и ничего не должны друг от дружки скрывать. Вы много лет хотели со мной переспать, но не могли. Вы знали, что хотите этого, и я тоже знала, мы просто никогда об этом не говорили. Со мной вы по-прежнему переспать не можете, но можете с *ним*, если

хотите... и это лучший способ его отблагодарить. Только будьте осторожны, дорогуша. Переспите с ним здесь, где вас никто не застукает. У него ревнивая жена, это по всему видно.) (Юнис, что за вздор? Как ты можешь такое предлагать? Я был лучшего о тебе мнения. Ты же хорошая девочка — да и сама замужем!) (А вот и нет, дорогуша! Я уже не замужем! Брак был в силе, «пока смерть нас не разлучит», а я теперь призрак. Впрочем, о моем муже — стереть, заменить, — вдове Джо Бранке нам тоже нужно будет поговорить. Док сейчас уйдет, так что поспешите и томно улыбнитесь ему, если я угадала ваши помыслы. А я угадала.)

Мисс Смит облизнула губы и улыбнулась:

— До свидания, доктор. Я с вами не прощаюсь. Возвращайтесь скорее.

(А вы быстро учитесь, дорогуша!)

— Мисс Смит, — сказал доктор Гарсия.

— Да, доктор?

— Если вы готовы, я позову сестер и мы отсоединим вас от приборов. Если хотите, под общим наркозом. Я думаю, что хватит и местного обезболивания. А чтобы вам не видеть, как я буду возиться, поставим подбородочный экран. Будем проецировать на него книгу, которую вам хотелось бы почитать, и включим музыку.

— Музыка меня устроит, а вот читать не хочется. Давайте местную анестезию. А можно и вообще без нее, боль меня не беспокоит.

— А меня беспокоит. Поэтому будем делать с местной анестезией.

Больше часа ей пришлось слушать записи нестареющих музыкальных хитов, начиная с классического рока, к которому Иоганн так и не привык, и заканчивая народными песнями, популярными еще до рождения Ионни Шмидта. Манипуляции и прикосновения к телу были даже приятными; сам факт наличия тела после многих дней паралича (и страха навеки остаться овощем, в котором Иоганн Смит в эти дни до конца не признавался даже себе) уже был замечателен, а то, что это тело оказалось таким чувствительным, — и по-давно.

Не то что прежняя старая развалина! Последние десять-пятнадцать лет у того тела было единственное достоинство:

оно худо-бедно функционировало. Как тот древний, сменивший полдесятка владельцев «Форд-Т», который Иоганн с четырьмя другими юными оболтусами купил за семьдесят долларов в Балтиморе и перегнал через полстраны без фар, тормозов (их заменял задний ход), без прав (какие такие права?), без инструментов, без ничего. Но крепкая неказистая машинка пыхтела тремя цилиндрами (не всегда одними и теми же) и катилась на (предполагаемой) скорости двадцать пять миль в час. Им приходилось то и дело останавливаться и поливать спицы водой, чтобы те не выпали.

Наконец на грунтовой дороге посреди Миссури автомобиль чихнул и встал. Запах не оставлял сомнений — сгорела проводка. Йонни ее починил: обернул сгоревшую изоляцию туалетной бумагой, перевязал бечевкой, потом завел колымагу кривым стартером, и та запыхтела как прежде.

«Где теперь этот крепкий старый драндулет?» — подумала она. И что случилось с ее мужским телом? По завещанию Иоганна оно должно было отойти медицинскому центру, но раз Иоганн не совсем умер, то завещание не вступило в силу. Заспиртовали то тело? Или просто выкинули на помойку? Надо бы спросить.

Несколько раз она почувствовала, как из нее что-то вытаскивают, что вроде бы должно было доставить неприятные ощущения, но почему-то не доставило. Лишь однажды тело пронзила острая боль, на которую Иоганн не обратила внимания. Потом она почувствовала тошнотворный кислосладкий запах и уже почти попросила включить вентиляционную систему, но решила промолчать. Вскоре запах улетучился, и стало ясно, что ее моют.

Две медсестры сменили простыни и подушки, убрали подбородочный экран. Третья все это время придерживала мисс Смит. Затем две сестры вынесли из комнаты бельевую корзину.

— Готово, — сказал доктор Гарсия. — Не так уж неприятно?

— Ничуть. Чувствую себя превосходно. — Она пошевелила пальцами ног, развела и свела бедра. — Превосходно! Теперь я свободна! Доктор, раз меня отключили от мониторов, не говоря уже о канализации, может, избавимся от этой навороченной больничной койки? Чем раньше я перебе-

русь в нормальную постель, тем скорее перестану чувствовать себя инвалидом.

— Гм... а стоит ли спешить? Эта кровать подходящей высоты для процедур — массажа и прочего — и оборудована перилами, которые можно поднимать на время вашего сна. Мисс Смит, каждая медсестра больше всего на свете боится, что больной упадет с кровати.

— Кто я, по-вашему? Новорожденный ребенок?

— Именно, мисс. Ребенок, еще не вполне владеющий своим телом. Дети часто падают. Но я не позволю вам падать. Ни во сне, ни когда будете учиться ходить, ни тем более в ванне, которую вы очень скоро захотите принять.

(Босс, поспокойнее!)

— Доктор, я буду выполнять все ваши указания. Но моя обычная постель тоже многофункциональна. Она оборудована гидроподъемником, а по нажатию кнопки подстраивается под контуры тела. Ее можно поднять на такую же высоту, как эту, и даже выше и опустить до уровня десяти дюймов от пола. Можно сделать то же самое с этой койкой?

— Гм. Нет.

— Мне и впрямь случилось упасть с кровати, лет десять назад. Так испугался, что сразу заказал специальную. Пока еще ходил, устанавливал самую удобную высоту — чуть ниже пояса, чтобы в нее забираться, а для сна опускал к полу.

— Гм. Давайте найдем компромисс. Пообещайте *всегда* опускать ее на минимальную высоту сразу, как ляжете. Даже если не собираетесь спать.

Она улыбнулась:

— Могу дать письменное обязательство, заверить нотариально и внести залог.

— Вряд ли необходимо заходить так далеко. Мисс Смит, нам больше нет нужды постоянно наблюдать за всеми ста тридцатью показателями. Но пока вы не вернетесь к нормальной жизни, я хотел бы следить за вашим сердечным ритмом и дыханием. Койка с системой жизнеобеспечения нужна в первую очередь для этого. Однако мы можем прикрепить вам на грудь передатчик — совсем небольшой, весом в пол-унции и размером с долларовую монету, — и тогда эта кровать больше не понадобится. Вы даже его не заметите. Его можно не снимать при мытье — он водонепроницаем и цепляется за вас, как бедный родственник.

Она снова улыбнулась:

— Цепляйте!

— Пойду принесу. И позову сестер, чтобы заменили кровать.

— У них не получится. Тут нужна пара здоровенных детей и лебедка. Скажите Каннингему. Но это не к спеху. К слову, о медсестрах — Винни, сходи сполосни ручки. Нам с доктором нужно поболтать.

Рыжеволосая медсестра улыбнулась:

— Дорогуша, я все слышала. Не обращайтесь на меня внимания.

— Винни, спасибо, что навела на меня красоту, когда я сама не могла. Но дело вот в чем. Снаружи я женщина, а внутри — по-прежнему упертый старый хрыч, которому неловко, до смерти неловко обсуждать интимные вопросы в присутствии симпатичной девушки. А обсудить их надо.

— Мисс Герстен, сходите на пост наблюдения и сделайте перерыв. Я вас вызову.

— Хорошо, доктор.

Когда она вышла, Иоганн спросила:

— Уверены, что все микрофоны выключены?

— Мисс Смит, нас никто не услышит.

— Зовите меня Иоганн. Док, разговор будет чисто мужской... и мне стыдно говорить об этом даже с мужчиной. Ладно, первый вопрос. У меня в последние несколько дней были... месячные?

Гарсия искренне удивился:

— Вы догадались? Да, у вас только что закончилась менструация. Мы убрали последний тампон во время недавней процедуры; новый не понадобится. Но как вы заметили? Я вроде заранее это предусмотрел и дал вам *bolshoi* обезболивающее. У вас были менструальные боли?

— Ни малейших. Просто чувствовалось, что-то не так... там, внизу... тогда же возникла догадка относительно моего пола. — Она задумалась. — Возможно, дело в тампонах. Там ощущалось что-то чужеродное, а теперь это ощущение прошло.

— Возможно. Обычно в больницах мы пользуемся гигиеническими прокладками, но со всеми этими трубками и прочими штуковинами они бы сильно мешали. Не думал,

что вы почувствуете тампон под обезболивающими. Вопреки распространенному мнению, влагалище — далеко не самый чувствительный орган.

— Вот как? Зато мое — вполне! Мне только не удавалось понять, что это за ощущение.

— Тогда ваш случай уникален. Мисс... простите, Иоганн, вас еще что-нибудь беспокоит?

— Нет. Скажите, а мне проводили... как оно там называется, обследование по женской части?

— Конечно. Вас смотрел лучший гинеколог города доктор Кистра. Первый раз — когда вы были парализованы. Второй — когда спинной мозг сросся, но еще вы были без сознания. Все в порядке.

— Предоставьте мне подробный отчет. Док, черт побери, это теперь мое тело, а я знаю о том, как быть женщиной, меньше, чем моя гроссмуттер знала о самолетах. То есть ничего.

— Если хотите, я сделаю выписку из медицинской карты...

— Конечно!

— ...но я могу объяснить и более понятным языком.

— Давайте.

— У вас здоровое женское тело, физиологический возраст — около двадцати пяти лет, фактический — чуть старше, насколько мне известно. Молочные железы девственны — это не значит, что вы девственница; лишь то, что вы никогда не кормили грудью. Следы полостных операций отсутствуют, вследствие чего можно сделать вывод, что аппендикс у вас на месте и маточные трубы не тронуты...

— То есть я могу забеременеть.

— ...что подтвердилось инсуффляцией, когда вы были парализованы. Вы не просто *можете* забеременеть, вы *обязательно* забеременеете, если только не будете полностью воздерживаться от половой жизни, — и даже если таковы ваши намерения, я все равно рекомендую воспользоваться превентивными мерами контрацепции, скажем поставить годичный гормональный имплант на полгода. Как говорится, «не с тобой одним, зверек, такие шутки шутит рок». С женщинами тоже. Особенно с женщинами. Поскольку у вас отрицательный резус, в случае шести потенциальных отцов

из семи вы рискуете родить неполноценного или мертвого ребенка. Дело можно поправить, если узнать вовремя, но незапланированная беременность может окончиться трагически. Поэтому постарайтесь ее спланировать, а все остальное время предохраняйтесь.

— Док, с чего вы взяли, что я забеременею? Даже если когда-нибудь выйду замуж, чего я делать не собираюсь? Черт, да у меня было лишь несколько часов, чтобы свыкнуться с мыслью, что я женщина; мне рано думать об *активном* женском поведении. Даже и в таком случае, как одна бабка сказала, «тыщу раз давала, ни разу не рожала».

— Если вы нормально освоитесь с тем, что вы женщина, то будете жить половой жизнью. Иначе рано или поздно окажетесь на исповедальной кушетке у доктора Розенталя или в монастыре. Иоганн, у вашего нового тела идеальный гормональный баланс, из этого и надо исходить. Удалять маточные трубы — не выход. Однажды вы можете об этом пожалеть и впасть в непреодолимую депрессию. А что до бабки, то она не права. Хотя бы потому, что вы уже рожали.

— *Что?!*

(Босс, не лезьте не в свое дело, я сама расскажу, если будет надо.) (Юнис, замолчи!)

Гарсия удивился:

— Вы не знали? Я полагал, раз тело принадлежало вашей секретарше, то вы знали, что у нее есть ребенок. Или дети.

— Не знал и не верю в это.

Служба безопасности наверняка раскопала бы такой очевидный факт... тем более что Юнис никогда не уходила в отпуск на такой срок, за который можно тайно родить ребенка.

— Боюсь, придется поверить... э... Иоганн. У вас растяжки на животе и ягодицах — они почти незаметны, если кожа незагорелая, да и тогда их легко скрыть косметическими средствами. Но они есть. Конечно, это не стопроцентный признак. Растяжки у женщин и даже у мужчин могут появиться от ожирения, но, как правило, они сигнализируют о прошлой беременности. Но главное доказательство — внешний вид шейки матки. У рожавших женщин она выглядит иначе. Различия заметит даже неспециалист. Вашу я ви-

дел лично. Доказательства налицо. Могу сделать фото, если не верите.

(Босс, остановитесь!)

— Хорошо. С вашими доводами не поспоришь.

— Взглянуть на фото вам бы все равно не помешало. Глядишь, будете вести себя осторожнее. Не в укор миссис Бранке, разумеется. Просто предупреждаю, что аппарат по производству детей, который вы от нее унаследовали, абсолютно исправен и будет готов к работе каждый лунный месяц. Скажем, дней через десять.

— Буду проявлять осторожность.

— Лекция о контрацепции нужна?

— Нет. — Она криво усмехнулась. — Как я понимаю, у меня есть по меньшей мере неделя, прежде чем мне потребуется пояс целомудрия.

— Примерно. По статистике. Но, Иоганн... нет, в данном случае — мисс Смит, знаете, как врачи называют девушек, которые полагаются на календарь?

— Нет. Как?

— «Мамочками».

— А. О!

— Так что не тяните слишком долго. Еще вопросы?

— На сегодня все. Доктор, мне нужно переварить полученную информацию. Спасибо.

— Не за что, мисс Смит. Ну что, меняем кровать?

— Я попрошу Каннингема чуть позже. Хочу сперва отдохнуть. Доктор, прилепите мне этот ваш датчик и попросите сестер не беспокоить меня ближайшие часа два.

— Конечно. Но только если вы позволите поднять перила; эта кровать не опускается к полу.

— Разумеется.

(Ну, Юнис?) (Так вы все-таки хотите услышать историю про моего маленького ублюдка? Босс, какой же вы гадкий.) (Милая, если не хочешь рассказывать — я настаивать не буду. Даже если у тебя тройня от магрибского макака, я все равно тебя люблю.) (Сладкоречивый старый лицемер. Вы же сгораете от любопытства!) (Черта с два я «сгораю». Это твое дело, и ничье больше.) (Да не сердитесь вы, босс. Мои дела теперь ваши дела. Мы с вами не разлей вода... и если в вашем старом озабоченном мозгу остались какие-то сомнения, то знайте, я *рада*, что так вышло. Вы вернули меня к жизни, когда я была мертва как народные песни. Теперь я счастлива. Так что спрашивайте, я отвечу.) (Ладно, дорогуша. Так как ты умудрилась родить? Где время нашла? В твоей биографии, начиная со старшей школы, все чисто.)

(Босс, а в докладе вашей службы безопасности упоминалось, что в старших классах я пропустила полугодие из-за ревматической лихорадки?) (Дай подумать. Да, припоминаю.) (Вот. Лихорадка была не ревматической, а романтической. Мне было пятнадцать, я состояла в группе поддержки баскетбольной команды. Ребята стали чемпионами региональной лиги, а я на радостях залетела.) («Залетела»? Юнис, приличные девушки так не выражаются.) (Ох, босс, иногда вы меня просто бесите. По вашим стандартам мне далеко до приличной девушки. Но у меня не меньше прав, чем у вас, находиться внутри этой черепной коробки, а может, и больше, так что не учите меня изъясняться лексиконом вашей мамочки. Раньше я хотя бы Джо могла пожаловаться на ваши ханжеские попреки, а теперь некому.)

(Юнис, прости.)

(Ладно, босс. Я на вас не в обиде. Раз судьба соединила нас таким образом, давайте расслабимся и будем получать

удовольствие. Если захотите, потом я научу вас быть женщиной, но пока слушайте и не перебивайте.)

Призрачный голос начал произносить слова, запрещенные в далекие дни Иоганновой юности.

(Юнис! Дорогая, тебе это не к лицу!)

(Босс, тише. Я закончу, даже если у вас полетят все предохранители.)

Череда слов продолжилась...

(Вот, пожалуй, хватит. Это полный перечень слов, которые я зареклась произносить в вашем присутствии. А теперь скажите, было ли среди них *хоть одно*, вам неизвестное?)

(Дело не в этом. Зачем вообще произносить слова, оскорбительные для других?)

(Вот я и не произносила. Публично. Но теперь я дома — по крайней мере, мне так кажется. Или мне снова уйти?)

(Нет, нет, нет! А ты разве уходила?) (Еще как. Босс, я же вроде бы умерла. Но теперь я здесь и, с вашего позволения, не хочу никуда уходить. Но это зависит от того, смогу ли я расслабиться и быть собой, а не трястись над каждым словом, чтобы ненароком вас не оскорбить. Не вижу, каким образом длинные слова латинского происхождения делают меня более воспитанной, чем короткие слова с тем же смыслом. Мы с вами теперь думаем одним мозгом — вашим, — едим одним и тем же ртом — моим — и пишем из одной дырки, так почему бы нам не использовать один словарный запас? К слову, неплохо бы пописать... ах, простите, сэр, я хотела сказать «опорожнить мочевого пузыря»...)

(Не ерничай, девчонка!)

(Кого это вы девчонкой называете, а, девчонка? Потрогайте-ка себя, давайте, давайте — чувствуете? Неплохие сиськи, а, босс? Помню, как вы на них пялились. Старый козел. У меня аж мурашки по коже бегали. Так вот, р/з катетер убрали, то нам очень скоро нужно будет позвонить и вызвать сестру с судном... и у меня не получится покинуть комнату, пока вы писаете. Даже попробовать не хочу — там темно, и я боюсь, что не найду пути назад. Так что либо привыкайте, если не хотите прогонять меня навсегда, либо ваш новый замечательный мочевого пузырь сейчас лопнет.)

(Ладно, Юнис, я понял.)

(Босс, вы снова обиделись?)

(Юнис, я никогда на тебя не обижался. Иногда удивлялся, иногда поражался, а чаще всего наслаждался тем, что ты говоришь и делаешь. Но я ни разу не обижался на тебя. И даже этот твой список грубых слов меня не оскорбил.)

(Ну... раз вы и так все их знали, то и не должны были оскорбиться. А если не знали, то тем более.)

(Хорошо, милая, я постараюсь больше не поправлять тебя. Но заметь — все эти слова были в обиходе задолго до рождения твоей матери. Возможно, даже до рождения твоей бабушки.) (Моей бабуле шестьдесят восемь.) (Вот, значит, я узнал все эти слова и произносил их еще до рождения твоей бабушки — и делал это с удовольствием, ведь тогда они считались греховными. А сейчас для вас, детишек, они вполне обычны.)

(Да, это просто слова. Краткояз.)

(Не краткояз, поскольку они употреблялись до того, как видео испортило язык. Кроме одного... как там... «фримпаться»?)

(А. Стоило его пропустить, босс. Это из современного жаргона. Свингеры так говорят. Глагол, включающий все виды совокупления...) (Ха! Эх, молодежь, в моем детстве было два десятка глаголов, означающих «фримпаться», новых и старых, не считая общеизвестной нецензурины.) (Босс, не перебивайте... все возможные способы соединить любое число тел, начиная с двух, в любой комбинации всех шести полов, включая такие варианты, узнав о которых вы бы с кровати упали. Немудрено, что вы его не слышали. Свинг — недавнее изобретение.)

(Да слышал я его. У меня есть для тебя новость, деточка.)

(Да, сэр? То есть да, мисс Смит, дорогуша. «Мисс Смит» — я чуть не расхохоталась, когда впервые услышала. Но мне нравится, ведь это относится к нам обеим. Кстати, как вам Розы? Он руку целовал активнее, чем многие мужики себя в койке ведут.) (Радость моя, да мысли у тебя в голове не только грязные, но еще и весьма непоследовательные.) (Еще бы у меня не было грязных мыслей — я же в *вашей* голове!) (Тихо, Юнис, моя очередь говорить. Этот твой свинг — штука не новая. У древних греков было для него слово. И у римлян. И на протяжении всей истории. В викторианской Англии оргии были в моде. Во времена моей

молодости их устраивали в самом сердце Библейского пояса, хоть тогда это было опасно. Юнис, раз уж мы с тобой решили поговорить по душам, признаюсь: всем из того, что делала, видела или слышала ты, я занимался еще до рождения твоей бабушки — и неоднократно, если мне это нравилось. Невзирая на риск.)

Другой голос на некоторое время умолк.

(Может, сейчас мы просто раньше начинаем. Риска почти нет, да и правил поменьше.)

(Сомневаюсь).

(А я уверена. Я же сказала, что мне было пятнадцать, когда я залетела. А первый секс у меня был за год до этого.)

(Юнис, милая, главная разница между молодыми и старыми, причина так называемого разрыва между поколениями, разрыва, который существовал всегда, — неспособность молодежи понять, что старики и впрямь были когда-то молодыми... А старики помнят свою молодость, будто она была на прошлой неделе, и злятся, когда окружающие считают, будто старый хрыч всю жизнь был старым хрычом.)

(Босс?)

Голос прозвучал ласково и нежно.

(Да, радость моя?)

(Босс, я всегда чувствовала, что вы молоды душой, несмотря на все эти старческие пигментные пятна. Я знала это, когда была жива, и мне больно было видеть вас в таком дряхлом теле. Я разделяла вашу боль. Даже плакала, возвращаясь домой, особенно когда вы в сердцах говорили что-то, за что потом извинялись. Я очень хотела, чтобы вы поправились, но понимала, что это невозможно. Первой — вместе с Джо — подписала договор, как только бумаги пришли в Клуб редкой крови. Я бы еще раньше подписала, но боялась, что вы узнаете и запретите мне.)

(Юнис, Юнис!)

(Не верите?)

(Верю, милая, верю... просто я сейчас разрыдаюсь.)

(Босс, высморкайтесь и прекратите. Все хорошо, что хорошо кончается. Давайте я расскажу про своего маленького ублюдка, чтобы отвлечь вас от давно уже не насущных проблем?)

(Ох... только если ты сама этого хочешь. Юнис, любовь моя. Моя единственная.)

(Я же сказала, что хочу рассказать. Так что слушайте. История долгая, поэтому готовьтесь слушать и пообещайте не слишком впечатляться. *Пожалуйста*, босс. Подробности моей интимной жизни помогут вам в вашей. Нашей. Или вы всерьез не собираетесь быть «активной женщиной», как сказали доктору Гарсии?)

(Ух, Юнис, не знаю. Я женщина еще совсем недавно и плохо понимаю, чего хочу. Дорогая, да я по-прежнему заглядываюсь на женщин вместо того, чтобы вести себя как женщина. Взять хотя бы нашу рыженькую...)

(Я заметила.)

(Я слышу сарказм? Или ревность?)

(Что? Босс, дорогой, я не ехидничаю. Нам надо быть добрее друг к другу. А ревность для меня — пустой звук. Просто, когда Винни накладывала нам макияж, вы заглядывали ей в вырез халата каждый раз, когда она нагибалась. И я тоже. Она не носит лифчик. Мило, правда? Винни женственна и прекрасно это знает. Если бы у вас не только мозги были мужскими, но и тело, я бы ее на километр не подпустила.)

(Ты вроде говорила, что не ревнуешь?)

(Я и не ревную. Просто намекаю, что Винни завалила бы вас при малейшей возможности. Но я ее не осуждаю. Ничего против девушек не имею. С ними тоже может быть здорово.)

Иоганн не сразу нашелся что сказать.

(Юнис, то есть ты, гм, хочешь сказать, что ты... что у тебя когда-то были... отношения... с...)

(Босс, мы не в начале двадцатого века живем, уже двадцать первый наступил. Говорите начистоту. Хотите спросить, не лесбиянка ли я?) (Нет, что ты! То есть в какой-то степени именно это я и хотел узнать. По крайней мере, прояснить твои слова. Поскольку это вроде бы невозможно... Ты ведь была замужем... или брак был прикрытием? Предполагаю...) (Дорогой, хватит предполагать. По чесноку! Я не лесбиянка, и Джо не гомосексуалист. Он как мартовский кот — всегда готов трахнуться и делает это классно. Если только не уходит с головой в свое рисование — тогда он за-

бывает обо всем. Но гомосексуализмом никого из моих ровесников не напугаешь, ни словом, ни фактом. Правительство, по сути, поощряет его, твердя нам с детского сада, что надо сокращать рождаемость. Если бы я принесла клятву Билитис, то вряд ли подхватила бы ту «ревматическую лихорадку». Нет, девушки, конечно, милые, и я никогда не питала к ним отвращения, но меня всегда так сильно интересовали мальчики, что в сторону Голубой улицы не тянуло. А вы, босс, в какой команде? То вы рассказываете мне, что пускаете слюни на Винни, то сердитесь, что я тоже пускаю на нее слюни. Так что вы собираетесь делать с нашим телом, дорогой? Вы правша, левша, обоерукий или вообще безрукий? Меня устроит любой вариант, кроме последнего. У меня ведь есть право голоса?)

(Конечно.)

(Не знаю, босс. Вы так возмутились, когда я предложила отблагодарить доктора Хедрика в койке. А от идеи переспать с девушкой вообще взвились. Уж не думаете ли вы всерьез защитить себе это место?)

(Юнис, не болтай ерунду! Милая, я счастлив, что мы вместе и что между нами по-прежнему есть разрыв поколений. На сей раз виноват я, поскольку всю жизнь очень следил, что говорю женщине, — даже в постели...)

(А мы с вами в постели!)

(Вот именно. И говорить с тобой откровенно — по чесноку, как ты выразилась, — мне даже труднее, чем свыкнуться с тем, что я женщина. Еще до того, как доктор Хедрик подтвердил мои опасения, я оценил, какие сложности... и не только... ждут меня в роли женщины... причем молодой... и богатой.)

(«Богатой». Об этом я и не думала.)

(Юнис, любовь моя, придется нам подумать! Разумеется, мы будем вполне активной женщиной...)

(Ура!)

(Тише, дорогая. Будь мы бедны, мы попросили бы твоего Джо принять нас обратно — если бы он согласился. Но мы вовсе не бедны. Мы ужасающе богаты, а богатство куда труднее растратить, чем нажить. Поверь мне. Лет в семьдесят пять я попытался избавиться от части капитала при жизни, чтобы не оставлять внукам. Но отдать деньги, не рас-

тратив почти всё в процессе, сложнее, чем засунуть джинна обратно в бутылку. Поэтому я сдался и просто составил завешание таким образом, чтобы моим якобы внукам достались сушие крохи.)

(Якобы?)

(Якобы. Юнис, моя первая жена была прекрасной девушкой вроде тебя. Но она умерла родами, оставив мне сына, который также давно погиб. Агнес взяла с меня слово, что после ее смерти я женюсь на другой, что я и сделал почти сразу. В том браке у меня родилась дочь; ей не было и года, когда моя вторая жена подала на развод. Я женился в третий раз — еще одна дочь, еще один развод. Я мало общался с дочерьми и пережил обеих, не говоря об их матерях. Но подумай, Юнис, у тебя ведь такая же редкая группа крови: как, по-твоему, она наследуется?)

(Не знаю.)

(Я думал, знаешь. У меня математический склад ума, и стоило мне увидеть таблицу наследования групп крови, я тут же усвоил ее, как таблицу умножения. Потеряв первую жену, я заранее позаботился, чтобы во время родов второй и третьей жен рядом присутствовали подходящие доноры. У второй жены была вторая группа, у третьей — третья. Лишь спустя годы я выяснил, что у обеих моих якобы дочерей была первая группа.)

(Я что-то не понимаю, босс.)

(Юнис, у детей человека с четвертой группой крови не может быть первой группы. Разумеется, девочек я ни в чем не винил. Я полюбил бы Эвелин и Роберту — хотел полюбить, старался, — но матери не подпускали их ко мне и настраивали против меня. Я был им не нужен... пока не выяснилось, что после меня останется чертова уйма денег. Тогда они принялись ко мне подлизываться. Я считаю, что ничего не должен своим внукам, потому что они фактически не мои внуки. А ты как думаешь?)

(Хм... босс... думаю, что мне не стоит высказываться по этому поводу.)

(Да? А кто пять минут назад говорил, что мы должны быть друг с другом абсолютно откровенны?)

(Ну... Босс, с вашими выводами не поспоришь, но с вашей логикой я не согласна. Наследственность — не самое

главное. Мне кажется, вы держите давнюю обиду, а это плохо. Плохо для вас, босс.)

(Девушка, вы не понимаете, что говорите.)

(Может, и так.)

(Никаких «может». Ребенок есть ребенок. Детей нужно любить и заботиться о них — иначе к чему все эти мучения? Юнис, как я уже говорил, моя первая жена была похожа на тебя. Агнес была моей Аннабель Ли, и мы любили друг друга сильнее, чем можно любить, но это продолжалось лишь год. Она умерла, родив мне сына. Я любил его так же сильно. Когда он погиб, во мне тоже как будто что-то умерло... и я сразу решил жениться четвертый раз в надежде, что у меня родится еще сын. Но мне повезло — детей так и не появилось, и развод стоил мне лишь денег.)

(Босс, я вам сочувствую.)

(Нечего тут сочувствовать. Что было — то прошло. Вот что: Юнис, когда мы поднимемся с постели, напомни мне найти и показать тебе армейский жетон сына. Он должен быть в шкатулке с драгоценностями. Больше у меня от него ничего не осталось.)

(Конечно. Но это так мрачно. Давайте смотреть вперед, а не назад?)

(Все зависит от того, как смотреть. Я не скорблю о сыне; я им горжусь. Он погиб как герой, сражаясь за Родину. Но на этом жетоне указана его группа крови. Первая.)

(Ох.)

(Да, первая. Как и дочери, сын биологически не мой. И все равно я его любил.)

(Да, но... вы узнали об этом только благодаря жетону? После его смерти?)

(Черта с два. Я знал это со дня его рождения, а подозревать начал, еще когда Агнес только сказала мне о своей беременности. Но я смирился с этим. С достоинством носил рога и держал подозрения при себе. Каждая из жен внесла свой вклад в мой статус рогоносца. У меня были не козлиные рожки, а ветвистые оленьи рога! Мужа, который ожидает от брака иного, ждет жестокое разочарование. Я же никогда не питал иллюзий и ничему не удивлялся. Я и сам набирался любовного опыта с замужними женщинами начиная со школьных лет. Думаю, так происходит в каждом

поколении. Но голова от рогов болит только у глупца, который воображает, будто *его* жена не такая, как все, даже когда у него предостаточно свидетельств обратного.)

(Босс, вы думаете, *все* женщины такие?)

(Нет, что ты! В молодости я знал достаточно пар, пришедших к алтарю абсолютно невинными и сохранивших верность друг другу на всю жизнь. Даже среди твоего поколения такие наверняка есть.)

(Наверное, встречаются. Но я не из их числа.)

(Я тоже. Никакой статистикой этого не докажешь. Юнис, секс — единственная вещь, о которой лгут абсолютно *все*. Но моя мораль такова: мужчина, который до брака не упускал случая поразвлечься, не должен ждать верности от жены. Иначе он дурак. Я не был таким дураком. Давай расскажу тебе об Агнес.)

Она была сущим ангелом. Ангелом легкого поведения — и это значит именно то, что значит. Агнес любила всех, кого успела встретить за свою короткую жизнь. Для нее это было так же естественно, как дышать. Она... Юнис, ты говорила о раннем сексуальном опыте?)

(Я начала в четырнадцать. Маленькая шлюшка.)

(Маленькая — возможно. Но не шлюшка. Как и моя Агнес. Она никогда не была шлюхой и с радостью рассталась с девственностью, когда ей было двенадцать. Я...)

(*Двенадцать?!)*

(Удивлена? То-то же. Твое поколение считает, что придумало секс, а раньше его не было. Агнес была развита не по годам. Тогда и в шестнадцать мало кто начинал, насколько я мог судить — обычно не раньше семнадцати-восемнадцати. Наверное. Точно знать, что переспал с девственницей... ну, я не эксперт. Однако даже по тем временам Агнес не поставила рекорд; со мной в школе училась девочка, которая первый раз дала, как выражались дети в то время, в одиннадцать — а с виду оставалась тихоня тихоней, регулярно ходила в воскресную школу, и все наши учителя ее обожали.)

Моя ненаглядная Агнес была такой же, только не притворялась хорошей, а правда была хорошая. Просто не видела ничего греховного в сексе.)

(Босс, а в нем и нет ничего греховного.)

(А я разве говорю, что есть? Но меня тогда терзали угрызения совести, пока Агнес не вправила мне мозги. Ей было шестнадцать, мне — двадцать. Ее отец преподавал в заолустном колледже, где я учился. Одним воскресным вечером они пригласили меня на ужин. Тогда и случился наш первый раз. На диване в гостиной. Все произошло так быстро, что я удивился и даже испугался.)

(Чего, милый? Ее родителей?)

(Ну да. Они были наверху и вряд ли спали. Агнес была еще слишком юна — возраст согласия тогда составлял восемнадцать лет, и хотя меня это никогда не останавливало, но ребята в таких случаях нервничали. А в тот вечер я вообще ничего не ждал и не был готов.)

(Готов к чему?)

(Мы не предохранялись. Мне оставалось учиться год, денег и работы не было, и жениться по залету не улыбалось.)

(Босс, контрацепция — забота девушки. Поэтому я чувствовала себя такой дурой, когда залетела. У меня и в мыслях не было требовать, чтобы парень на мне женился, — да я и не знала, кто из них отец. Поняв, что залетела, я стиснула зубы и создалась родителям. Меня крепко отругали; папе предстояло заплатить штраф, ведь у меня еще не было лицензии на деторождение. Родители сказали все, что обо мне думают, но о женитьбе речи не заводили. Они не спрашивали, от кого ребенок, и сама я об этом не говорила.)

(А ты не знала от кого, Юнис?)

(Ну... Точно не знала. Расскажу по чесноку. Вся баскетбольная команда и три девочки из группы поддержки ночевали в одной гостинице под присмотром тренера и физрука. Только они за нами не присматривали — отправились кушать в город. Так что мы собрались в номере мальчиков. Кто-то раздобыл травы. Марихуаны. Я затянулась пару раз, мне не понравилось, и я налегла на джин с имбирным элем. Он был мне почти так же в новинку, зато куда вкуснее. Совершенно не думала заняться групповухой; в нашей школе этим не увлекались, и у меня был постоянный парень, которому я не изменяла... ну, почти не изменяла. В баскетбол он не играл. Но тут капитан группы поддержки решила раздеться, и понеслось. Я подсчитала, что у меня еще дня два

безопасных, и тоже разделась. Последней из трех. Никто меня не принуждал, не насиловал. За что мне винить ребят?

Вот только оказалось, что никаких двух безопасных дней у меня не было, и к середине января я почти точно знала, что залетела. Потом сомнений не осталось. Родители отослали меня на юг к тетке лечиться от «ревматической лихорадки». Спустя двести шестьдесят девять дней после той чемпионской игры я вернулась в школу — как раз к началу учебного года. И выпустилась вместе с моим классом.)

(А что с твоим ребенком, Юнис? Это мальчик или девочка? Сколько ему сейчас лет? Двенадцать? И где он сейчас?)

(Босс, я не знаю. Я подписала согласие на усыновление, чтобы отец получил обратно уплаченный штраф, если найдутся приемные родители с лицензией на ребенка. Босс, по-вашему, это справедливо? Пять тысяч долларов были для отца огромной суммой, а ведь те, кто живет на пособие, не платят ничего и даже имеют право на бесплатный аборт. Почему так?)

(Милая, ты опять сменила тему. Что с ребенком?)

(Мне сказали, что он родился мертвым. Но я слышала, так часто говорят, если девушка подписала отказ и кто-то хочет взять ребенка.)

(Можно выяснить. Если ребенок рождается мертвым, то и штрафом не облагается. Отец тебе не сказал?)

(Я не спрашивала. Тема была щекотливой, босс. Официально у меня была «ревматическая лихорадка», а не беременность без лицензии. И хорошо, наверное, потому что в семнадцать мне без всяких вопросов дали лицензию на троих детей.)

(Юнис, не важно, что вы там придумали. Если твой ребенок жив, мы можем его найти!)

Другой голос не ответил. Иоганн наседали:

(Ну что, Юнис?)

(Босс, пусть мертвые хоронят своих мертвецов.)

(Ты не хочешь детей?)

(Дело не в этом. Вы сказали, вам было не важно, что сын не ваш. Думаю, вы были правы. Но это работает и наоборот. Если где-то и живет этот ребенок, которому сейчас почти тринадцать, то я для него чужая. Не любящая, воспитавшая

его мать. Я никто. Во всех смыслах никто — не забывайте, ведь официально меня убили.)

(Юнис! Бедная Юнис!)

(Видите? Если даже мы отыщем этого мальчика или девочку, то не сможем признаться, что я на самом деле жива — вернулась к жизни в вашей голове. О таком публично не заявляют, если не хотят оказаться в смиренной рубашке.) Она вздохнула. (Я бы хотела ребенка *от вас*, будь такое возможно. Расскажите мне еще об Агнес. Я правда на нее похожа?)

(Очень. Не внешне, разумеется. Но если бы я верил в переселение душ — а я не верю, — у меня было бы искушение думать, что ты — переродившаяся Агнес.)

(А если так? Босс, почему вы в это не верите, босс?)

(Гм... а ты веришь?)

(Нет. Вернее, не верила, хотя почти все мои друзья верят. Я не видела причин верить в то или другое, поэтому помалкивала. Но, босс, когда тебя убивают, а ты не умираешь, невольно закрадываются всякие мысли. Босс, дорогой, вы ведь думаете, я плод вашего воображения?)

Ответа не последовало. Голос продолжал:

(Босс, не стесняйтесь признаться, я не обижусь. Я знаю, что я — это я. Мне доказательства не нужны. Но они нужны вам. Признайтесь, дорогой. Будьте со мной откровенны.)

Она снова вздохнула.

(Юнис, мне и впрямь надо удостовериться. Но... если я сошел с ума... если ты лишь вымысел моего собственного разума... то лучше мне об этом не знать. Милая, прости... но, когда ты сказала, что не хочешь искать своего ребенка, я почувствовал облегчение.)

(Я знаю, что вы почувствовали... и знаю почему. Босс, не стоит спешить. У нас впереди уйма времени. Расслабьтесь и наслаждайтесь моментом. Доказательства придут сами собой — вам станет известно что-то, что могла знать только я. И тогда вы успокоитесь.)

Иоганн кивнула — сама себе.

(Это логично, Юнис. Совсем как в прежние времена, когда я изводился по пустякам, а ты журила меня, словно мать сына.)

(Я по-прежнему буду журить вас, когда понадобится, и буду любить вас всегда. Но кое-что все же требует спешки.)

(Что?)

(Судно! Если вы не хотите, чтобы мы напрудили в постель.)

(Черт!)

(Спокойно, босс. Привыкайте.)

(Проклятье, я *не хочу*, чтобы мне подсовывали судно, словно горшок ребенку! Знаешь, что случится? Ничего! Я зажмусь и ничего не смогу из себя выдавить. Юнис, вон за той дверью моя личная уборная. Можем мы попросить отвести нас туда... и оставить на некоторое время?)

(Босс, вы же сами знаете. Вы позовете медсестру. Она станет вас отговаривать. Вы будете настаивать. Потом она пойдет искать доктора Гарсию. Когда он придет, то вы станете спорить с ним. Устав от вашего упрямства, он вызовет Джейка. К тому времени, как Джейк придет, мы надуем в постель.)

(Юнис, я сейчас рассержусь! Ладно, давай попросим чертово судно.)

(Босс, погодите. У нас получится опустить перила?)

(А?)

(Если получится, можем сходить в туалет без спроса.)

(Юнис... я ведь не вставал больше года!)

(Это было прежде, чем вы обзавелись пусть и подержанным, но все равно почти что новеньким, женским телом.)

(Думаешь, мы сможем идти?)

(Давайте проверим. Если голова закружится, ухватимся за перила и опустимся на пол. Уж ползти-то мы точно сможем.)

(Давай!)

(Так как же устроены эти перила?)

Разобраться с перилами оказалось непросто. Очевидного способа опустить их не было. Неудивительно, если они нужны для защиты плохо соображающего пациента, конструкция и не должна оставлять ему возможности их убрать.

(Юнис, нам придется все-таки звать сестру. Черт!) (Босс, не сдавайтесь так быстро. Должна быть кнопка на пульте. Если развернуться головой к изножью, думаю, мы сумеем дотянуться по пульта.)

Иоганн подтянула колени и развернулась. К ее удивлению, новое тело оказалось восхитительно гибким. Она просунула правую руку между прутьями, но до пульта не дотянулась — зато поняла, как работают боковые перила. В изножье кровати, под пружинами, с каждой стороны находилось по защелке, до которых (по мнению разработчиков) больной, нуждающийся в перилах, ни за что бы добрался.

Она разомкнула левую защелку, и перила легко опустились. Иоганн рассмеялась.

(Неплохо выходит, напарник?) (Неплохо, босс. Держитесь за край и спустите ноги. Только не опрокиньтесь, а то нам несдобровать!)

Иоганн спустила ноги на пол и неуверенно встала, держась за кровать. Все тело дрожало.

(Голова кружится.) (Еще бы. Скоро пройдет. Помедленнее. Босс, мне кажется, мы сможем дойти... но давайте не рисковать. Лучше ползком. Если вдруг потеряем равновесие и шмякнемся на ковер, Винни пулей прилетит — и ближайшие дни нас даже кормить будут сквозь перила. Что думаете?) (Думаю, что нам срочно нужно в сортир, чтобы не пришлось говорить, будто лужу на полу оставила кошка. Поползли.)

Спуститься на пол труда не составило, а вот ползти было трудно: колени заплелись в больничной рубашке. Иоганн села — новое тело легко принимало такие позы, которые не давались даже двенадцатилетнему Йонни.

Дивиться не было времени. Короткий халатик снялся легко; спереди он застегивался на магнитную полоску. А вот больничная рубашка застегивалась сзади.

(Липучки?) (Завязки. Обычный бантик. Босс, аккуратнее, не затяните на узел.)

Рубашка последовала за халатиком. Теперь можно было ползти без помех. Иоганн раздвинула заветную дверь и оказалась у цели.

Некоторое время спустя она с облегчением выдохнула.

(Мне лучше.) (Мне тоже. Обратно попробуем пройти? Главное, чтобы было за что уцепиться. А можем позвать стул, и пусть едет перед нами.) (Дойду.)

Ноги больше не подкашивались. Идти было легче, чем когда-либо за последние двадцать лет. Однако она все равно

держалась ближе к стене. Ванную комнату давно оборудовали поручнями, чтобы немощный старик ненароком не упал. Иоганн оказалась перед высоким трюмо в конце гардеробной.

(Боже, Юнис, какая же ты красавица!)

(Боже, какие мы неухоженные! Босс, вы только взгляните, какие у нас ногти на ногах! Когти! И — о боже! — грудь обвисла! Живот обмяк!)

(Ты прекрасна. Сногшибательна. Юнис, радость моя, я всегда мечтал увидеть тебя абсолютно голой. Мечта сбылась.)

(Рада за вас. А я бы предпочла привести себя в порядок, прежде чем показываться вам. На голове опять бардак. И... да, как я и думала. От нас воняет.) (Эй!) (Извините, ляпнула не подумав. Босс, мы не вернемся в постель, пока не примем горячую пенную ванну. Это приказ высшего командования. С обвисшей грудью за один день ничего не сделаешь, а вот помыться нужно обязательно.) Она обернулась и рассмотрела ягодицы. (Ох! Задница у девушки, конечно, должна быть, но не такая здоровенная!) (Юнис, у тебя самая красивая попка в штате. Во всей стране.) (Была когда-то. И снова будет, обещаю. Завтра начнем делать зарядку. Потихоньку все подтянем.) (Как скажешь. Но ты все равно самое прекрасное создание, какое я видел в жизни. Постой-ка. Юнис, ты ведь надевала лифчик к тому образу русалки?)

Она хихикнула.

(Ну что вы! Босс, на мне была только краска. Просто грудь у меня тогда была крепкая; Джо нарадоваться не мог, когда с ней работал. В тот раз я максимально перед вами обнажилась.)

(А сейчас, по-твоему, как? А, красотка?)

(Я имею в виду, до того как меня убили. Когда я еще была вашей «хорошей» девочкой, которая не смела раздеться настолько, насколько хотелось бы вам, старый козел. Хотя вы могли бы легко увидеть меня голой — и куда более красивой, — стоило вам только попросить.)

(Теперь я каждый день буду приходить сюда и пялиться в зеркало.)

(Кто же вам запретит, тело-то теперь ваше. Но положите сюда гимнастический коврик, чтобы одновременно зани-

маться. Почти все упражнения лучше делать перед большим зеркалом. Думаю, мы...)

Дверь распахнулась.

— Мисс Смит!

Иоганн чуть не подскочила от неожиданности и грубо ответила:

— Мисс Герстен, какого черта вы врываетесь ко мне в ванную без стука?

Медсестра пропустила грубость мимо ушей, поспешно подскочила и обняла пациентку за талию:

— Обопритесь на мое плечо, я уложу вас обратно в постель. Как же так! Что скажет доктор Гарсия? Он меня убьет! С вами все в порядке?

Иоганн заметила, что медсестричка вот-вот расплачется.

— Конечно. Все хорошо. — Иоганн попыталась освободиться, но быстро поняла, что Винни куда сильнее, чем кажется. — Но вы не ответили на мой вопрос.

Теперь медсестра и впрямь расплакалась:

— Умоляю, не спорьте со мной! Давайте уложим вас, пока вы не упали и не ушиблись! Может, доктор Гарсия не слишком рассердится.

Видя, что девушка напрочь утратила профессиональное спокойствие, Иоганн позволила отвести себя в спальню и усадить на кровать. Рыженькая Винни перевела дух:

— Вот! Теперь крепко держите меня за шею, и я подниму ваши ноги. Вот нехорошая девочка! Так меня напугала!

Иоганн не послушалась:

— Винни...

— Да, милая? Ложитесь, не надо сердить доктора.

— Не гоните лошадей. Собираетесь наябедничать — идите и ябедничайте. Я подержусь за кровать, не упаду.

Медсестра была в отчаянии:

— Мисс, хотите, чтобы меня уволили? В черный список внесли? Что плохого я вам сделала?

— Винни, дорогая моя.

— Да?

— Не говорите ничего доктору Гарсии. — Она приобняла медсестру за талию. — Хорошо?

Та покраснела, но не отстранилась.

— Ну... я должна. Таковы правила.

— Должны, но не расскажете. И я не расскажу. Это будет нашей тайной. Никому ни слова.

— Ну, если вы не расскажете, то и я.

— Обещаете?

— Обещаю.

Иоганн поцеловала ее. Винни оторопела и сжалась, но не уклонилась. Переведя дух, она разомкнула губы, и поцелуй продолжился.

Наконец медсестра освободилась и хрипло прошептала:

— *За это* меня точно уволят.

Она не уточнила, за что именно, и, казалось, не заметила, что Иоганн свободной рукой поглаживает ее грудь.

— Тогда остановимся. Пора мне прилечь — нет, не помогайте, я сама справлюсь.

Иоганн справилась. Медсестра накрыла ее покрывалом и вновь напустила на себя серьезный вид:

— А теперь давайте оденемся. — Она подняла с пола халат и больничную рубашку. — Что за безобразница! Раскидываете вещи по полу, пугаете меня.

— Бросьте их в корзину для грязного белья. Я их больше не надену.

— Ну-ну, дорогая. Халатик можете не надевать, а вот рубашку наденьте. Хотите, свежую принесу?

— Винни, я больше не стану носить эти дурацкие ангельские одеяния. Халат можете повесить рядом на стул, а вот больничную рубашку я больше не надену. Буду лежать голой.

— Доктор Гарсия...

— Хватит пугать меня доктором Гарсией. Мы ведь договорились?

Медсестра закусила губу:

— Ну... да.

— Не его дело, в чем мне спать. Пока мне не принесут нормальную одежду, я останусь голой. Или... а вы спите здесь? Может, у вас есть лишняя ночная рубашка? Женского фасона?

— Да, я ночую здесь. Но одолжить рубашку не могу. Я... сама сплю голой.

— Разумно.

— Я видела ночные сорочки, пеньюары и прочее в вашей гардеробной.

— Черт побери! Кто их туда приволок?

— Не знаю, мисс Смит. Их привезли, когда... ну, когда стало понятно, что они вам понадобятся.

— Умно. А размер подходящий? Знать бы еще, какой у меня размер.

— Безусловно! Я помогала снимать мерки.

— Прекрасно. Найдите мне самую изящную сорочку — я попрактикуюсь быть женщиной.

— С удовольствием. — Медсестра вышла.

(Лесба. Буч.) (Юнис, что ты несешь? Конечно, она симпатичная... а мне как раз в голову пришло, как к ней подкатить. Пришлось покопаться в памяти; навыки слегка подзабылись.) (Я сказала «буч»! Вам понравилось с ней целоваться.) (А тебе разве нет?) (Еще как. Она целуется так, что не оторваться. Но я, в отличие от некоторых, не ханжа. Не вы ли делали круглые глаза, когда я говорила, что с девушками тоже может быть хорошо? Вы, вы, старый озабоченный лицемер. И буч!)

(Юнис, ты рехнулась, фримп твою мать. Я был ценителем девушек без малого сотню лет; хочешь, чтобы я переменялся в одночасье? Вот если нас поцелует *мужчина*, тогда я точно почувствую себя гомосексом. Меня откачивать придется!) (Бедный босс. Никак не может определиться со своей ориентацией. Ничего, милый, Юнис вас научит — уж я-то *знаю*, как целоваться с мужчинами.)

(Не сомневаюсь.) (Мне послышался сарказм в вашем тоне? Ладно, не отвечайте. Откачивать придется не вас, а его. Кстати, босс, вы ведь утверждали, что занимались в своей жизни всем. Абсолютно всем?) (Какие мы любопытные. Нет уж, повода звать меня «лесбой» и «педиком» в одном предложении я тебе не дам. Может, когда-нибудь мемуары напишу, и ты все узнаешь. Кстати, Юнис, а наша Винни такая? Чувствовалось, что ей тоже понравилось.) (Скорее фем, чем буч, хотя не исключаю, что она гуляет по обеим сторонам Голубой улицы. Но если вопрос был, лесбиянка ли она, то могу держать пари, что нет. Амби — точно, однако мужчины ей *куда* интереснее. Вы разве за ней не наблюдали? Огонь!)

Вошла Винни, неся в каждой руке по ночной рубашке:

— Мисс Смит, по-моему, вот эти самые красивые. Я подумала...

— Винни...

— Что, мисс Смит?

— Теперь, когда мы поцеловались, никаких больше «мисс Смит». Или я неправильно все истолковала?

(Лесба.) (Юнис, помолчи. Надо заручиться ее поддержкой.)

Медсестра молча покраснела.

Иоганн ласково продолжила:

— Молчание — знак согласия. Поэтому зови меня... нет, черт побери, не надо звать меня Иоганном. Нужно придумать новое имя. Винни, какое женское имя ближе всего к Иоганну?

— Гм... Иоганна?

— Мм... да. Но у нас в семье уже есть Иоганна. Еще варианты?

— Ну... Джоан?

— Отлично! Ты дала мне имя. Думаю, это значит, что ты моя крестная. Ты не против быть крестной дряхлого старика, заново родившегося женщиной?

Винни улыбнулась:

— Я польщена.

— Теперь зови меня «Джоан», а не мисс «Смит». Надо бы и второе имя придумать. Юнис. — (Босс, теперь я польщена.) (Хорошо, милая, а теперь помолчи.) — Джоан Юнис Смит. Винни, знаешь, почему я взяла такое второе имя?

— Мне не положено знать, — медленно ответила медсестра.

— В таком случае знаешь. Это в честь доброй и милосердной девушки, которая дала мне это прекрасное тело, — надеюсь, она слышит меня, где бы ни была.

(Еще как слышу, босс!)

— Положи ночные рубашки, подойди и назови меня новым именем. Нареки меня официально, ведь это будет первое и единственное крещение в моей жизни. Потом скрепи обряд.

Рыженькая медсестричка почти робко подошла к постели и склонилась над пациенткой.

— Нарекаю тебя Джоан Юнис, — тихо произнесла она и поцеловала ее.

Винни, вероятно, думала лишь легонько чмокнуть ее в губы, но Джоан Юнис такого не допустила. Еще не закон-

чив целоваться, обе расплакались. Джоан погладила медсестру по щеке и отпустила:

— Спасибо, милая. Теперь я Джоан. Джоан Юнис. Передай мне бумажный платок. И сама возьми.

(Ну как, Юнис?) (Гораздо лучше, лесба. Меня аж до пяток проняло.) (Кого ты лесбой зовешь? Мое имя — Джоан Юнис.) (Нет, вы просто Джоан, а Юнис — это я. Мы вместе — Джоан Юнис. Я и мечтать не могла о лучшем подарке, босс... Джоан. Знаю, что вы не лесба, но вам стоит поумерить пыл в отношении нашей крестной. Если только у вас не самые серьезные намерения.)

— Вам какая рубашка больше нравится... Джоан?

— Винни, я ни черта не смыслю в женской одежде. Что сама думаешь?

— Ну... вот у этой, с критским орнаментом, вырез великоват, но с вашей фигурой будет смотреться хорошо.

(Нет, босс! Берите ту, что с закрытым воротом!) (Юнис, я думал, ты гордишься нашими сиськами. Они ничуть не обвисли.) (Дело совсем в другом. Джоан, слушайте меня; я знаю, о чем говорю.)

— Винни, ты, наверное, права. Но это не совсем такая рубашка, в которой стоит показываться перед врачами и юристами. Давай ту, что поскромнее, и помоги мне ее надеть.

Облачаясь в ночную рубашку, Джоан поинтересовалась:

— Винни, а как ты раскусила, что я встала?

— Что? По монитору, разумеется. У вас пульс и частота дыхания сильно подскочили. Было понятно, что вы активно двигаетесь. Я бросилась проверить — и точно, моя хулиганка выбралась из постели. Дорогая, вы до смерти меня перепугали!

— Винни, кое-что в твоей истории не сходится.

Медсестра напряглась:

— Что вы хотите сказать... Джоан?

— Мой пульс должен был подскочить минут за десять до того, как ты ворвалась в ванную.

— Ох, мамочки! А вы никому не расскажете? Вы обещали.

— Я помню. Ты тоже. Моя сладкая Винни, отныне никто из нас ничего не скажет доктору Гарсии без обоюдного согласия. Договорились? Отлично. Теперь выкладывай, что случилось.

— Ох, это так глупо. Наблюдатель не должен ни на секунду сводить глаз с монитора. Но вы чувствовали себя превосходно, а миссис Слоун задремала... бедняжка, она так давно устала... а доктор Гарсия пошел проводить мистера Саломона... Я не решилась его звать; он требует, чтобы его вызывали, только когда пациенту требуется помощь. А туалет прямо напротив комнаты наблюдения...

— Ясно. У нас одновременно возникли одинаковые позывы.

Винни покраснела:

— Меня стоило бы за это уволить. Нельзя оставлять пациентов без присмотра. Они всякого могут натворить.

— Никто тебя не уволит. Ты останешься здесь дольше, чем доктор Гарсия. Если захочешь, конечно. Ну, как я выгляжу?

— Прелестно. Никогда бы не подумала, но эта рубашка идет вам больше. — (Босс, что я говорила?) — Давайте только губы подкрасим. Помада вся стерлась.

— И как же это могло случиться?

Винни хихикнула:

— Ума не приложу. На всякий случай подкрашусь и сама, прежде чем доктор нас увидит. Джоан? Можно мне звать вас «мисс Джоан» в присутствии доктора Гарсия? Он ужасно строгий.

— Да провались он пропадом. Ладно, милая, не хочу ставить тебя в неловкое положение. Но когда его нет рядом, я Джоан. А ты — моя наставница. Ты должна сделать из меня настоящую леди.

(Босс, это моя задача, и очень непростая!) (Пускай у тебя будет помощница. Не сердись; Винни — наше секретное оружие.) (Ладно. Но с любым оружием нужно быть осторожным, чтобы оно не взорвалось у тебя в руках.) (Послушай, деточка, я умел обходиться с женщинами еще до рождения твоей бабки.)

— Помогу, чем смогу... дорогая Джоан.

— Для начала попробуй убедить доктора, что мне не повредит ванна. От меня воняет, а леди не должны вонять.

— Вас же два часа назад мыли!

— Мне надо вымыться как следует, и ты сама это знаешь. Объясни, что поможешь мне залезть в ванну и вы-

браться оттуда и не дашь мне упасть. Если заупрямится, то приведи его и я закачу истерику. А попробует нас отчитывать, так я заставлю его потереть мне спинку. — Джоан ухмыльнулась. — Давай накрась губки и вперед!

(Джоан, босс, дорогая, теперь понятно, почему я выбрала сорочку с неглубоким вырезом?) (В ней у меня ощущение чуть большей одетости. Но лишь относительное. Юнис, эти вставки на груди неприличные.) (Хм, они ведь даже не прозрачные, только просвечивающие. Но благодаря им эта рубашка гораздо сексуальнее другой. Для мужчин сексуальность синонимична обнаженности, но это неправда.) (Возможно, но меня за мою долгую жизнь никогда не смущала нагота.) (Не буду спорить, Джоан, но пока вы не начнете мыслить как женщина, одежду буду выбирать я. В данном случае у меня была причина выбрать эту, на первый взгляд более скромную сорочку. Она-то и будет на нас, когда придет Джейк.)

(Юнис, Джейк наверняка уехал домой. Ему пришлось тяжело.)

(Вот именно. Об этом я и говорю. Он по-прежнему в доме. Джейк бы не уехал, не попрощавшись.)

(Ой, чепуха, мы друг с другом не церемонимся.)

(Босс, Джейк — джентльмен до мозга костей. Он мог бы молча улизнуть от старого приятеля Иоганна Смита, но не от дамы. Иоганн — одно дело. Джоан Юнис — другое.)

(Но он-то *знает*, что я Иоганн.)

(И что? Зачем ему тогда целовать нам руку? Джоан, за вами нужен глаз да глаз. Вы *ничего* не понимаете в мужчинах.)

(Да я почти сто лет *был* мужчиной!)

(Это к делу не относится. Помолчите, он может войти в любую минуту, а я должна рассказать по чесноку: Джоан, последние месяцы до своей смерти я была любовницей Джейка.)

(И как тебе старый козел?)

(Других вопросов у вас нет?)

(Юнис, ты думаешь, я не разбираюсь в мужчинах. Может, и так в каком-то смысле. Но и мне есть чему тебя поучить. Я знаю мужчин изнутри так же хорошо, как ты зна-

есть их снаружи. Джейк — крепкий старикан, но дважды он заливался слезами из-за тебя. Понятно, твоя смерть могла его огорчить. Понятно, ему трудно было скрывать от меня, что я унаследовал твое обворожительное тело. Однако ты просто девушка, которую он знал по службе. Не жена, не родня. Тем не менее этот жесткий старый адвокат дважды разрыдался. Из-за тебя. Значит, вы были гораздо ближе, чем считали окружающие. А где вы могли сблизиться? Ответ один: в постели.)

(Не только в постели, мерзкий развратный старикашка с женским именем. Разумеется, в ней тоже, но и в других местах. В его машине. В *вашей* машине. Несколько раз в этом доме...)

(Черт побери! Тогда все мои слуги тоже знают.)

(Думаю, даже не подозревают. Мы работали в вашем кабинете — в самом деле работали, — и Каннингем не позволял никому нас беспокоить, как если бы мы были там вместе с вами. И вот прямой ответ на нескромный вопрос. Старый козел был *великолепен*. Не упускал ни единой возможности. Пока меня не убили, у нас почти ни дня не проходило без секса.)

(Прямо как школьники. Что ж, снимаю шляпу.)

(Ревнуете, босс?)

(Завидую. У меня бы ничего не вышло даже в первый день нашего с тобой знакомства. А теперь и подавно не выйдет. Я просто ему завидую. Молодец, старый козел.)

(Еще как выйдет, Джоан.)

(Что?)

(Состояние Джейка меня потрясло. Моя смерть сильно его подкосила. Я чувствую, что он искренне меня любил. Джоан, мы в силах ему помочь — и на этот раз не в кабинете.)

(Что?! Да это инцест какой-то!)

(Не глупите. Я с Джейком не в родстве, и вы, полагаю, тоже.)

(Это все равно что инцест. Делать это с Джейком? *Джейком?* Юнис, когда я выразил готовность быть «активной женщиной», я не имел в виду *Джейка*.)

(Зато я имела.)

(Так выкинь эти глупости из головы! Насчет доктора Хедрика я еще могу подумать — когда привыкну быть женщиной. Твой бывший муж Джо тоже годится...)

(Только не Джо.)

(Почему? Ты говорила, что он хорош в постели, да и в целом по твоим рассказам он показался мне славным малым. Я не настаиваю — секс с мужчиной для меня в принципе вещь абстрактная, пока я не переориентируюсь. Но если тебе нужен Джо, я помогу.)

(Босс, я не могу вернуться к нему именно потому, что он был моим мужем. Для него я буду зомби. Ходячим трупом. Он к нам не притронется... а если притронется, то у меня будет огромный соблазн признаться, что я все еще здесь. Нет, так нельзя.)

(А я не могу лечь в постель с Джейком. Это ведь то же самое. Для него мы тоже живой труп.)

(Не совсем. Он, конечно, знает, что нас слепили из двух разных людей. Но он любил нас обоих. Вас — даже сильнее, чем меня. А Джо даже не был с вами знаком.)

(*Джейк меня любил?! Юнис, ты в своем уме?*)

(Не в своем, а в вашем, дорогой. Почему, по-вашему, Джейк столько лет терпел ваш вздорный характер? Не из-за денег; с вами ему, конечно, не тягаться, но он достаточно богат. Почему он до сих пор заботится о нас? Ради *меня*? Нет, он предпочел бы вообще не видеть меня — это тело, — если б это было возможно. Джейк страдает от каждого взгляда на него. Он остался, потому что вы в нем нуждаетесь. Послушайте, дорогой... то есть Джоан, дорогая, послушайте свою старшую сестрицу Юнис. Будьте с Джейком поласковее, и все само образуется. Не нужно себя принуждать. Джейк это заметит, он в женщинах разбирается. Просто будьте нежнее. Джоан, а не Иоганном. Кокетливой, женственной. И пусть он о вас заботится.)

(Ну... попробую. Джейк решит, что у меня крыша поехала.)

(Он решит, что вы чудесная девушка. Может, он захочет быть вам отцом, а не любовником. Если так, то пускай. Я не прочь, пусть он с нами тетешкается.)

Джоан вздохнула.

(Юнис, я попробую. Но Джейк! Кто бы мог подумать?!)
(Вот и славно. Джоан, будьте по-женски беспомощной.
А дальше Джейк возьмет все в свои руки.)

Доктор Гарсия ворвался в комнату как ошпаренный и сразу направился к кровати:

— Какая еще ванна? Я вроде бы объяснил, что нельзя торопиться?

(Джоан, не давайте ему спорить!) (Сейчас я его уделаю.)

— Ах, доктор, я так перепугалась!

— А? Что?

— Вы ворвались без предупреждения. Как невежливо!

Гарсия смутился:

— Мисс Смит, я здесь больше года и всегда входил к вам без лишних церемоний. И теперь вы считаете это невежливым, я вас правильно понял?

— Доктор, дело не в этом. Раньше вы входили сюда, чтобы помочь дряхлому старику. Потом ассистировали доктору Хедрику, ухаживали за парализованной женщиной в коме — и я, будучи ею, вам признательна. Но ситуация изменилась. Теперь я учусь быть женщиной — воспитанной женщиной. Это нелегко. Вы бы очень помогли мне, если бы стали соблюдать со мной те же правила хорошего тона, что и с другими дамами.

Гарсия слегка покраснел:

— У врачей нет времени на подобные формальности.

(Мочите его, дорогая! Он еще дергается!) (Сейчас!)

— Доктор, я не запрещаю вам входить без предупреждения, когда мне что-то угрожает. Но сейчас вы лишь хотели сказать, что мне нельзя принимать ванну, — повод далеко не экстренной важности. Я не прошу много; просто попробуйте относиться к этой комнате не как к больничной палате, а как к женскому будуару. Ради меня. Пожалуйста.

Доктор Гарсия хмуро ответил:

— Хорошо, мисс Смит. Постараюсь учесть.

— Спасибо, сэр. Кстати, мое имя теперь Джоан Смит. Я не могу больше быть Иоганном. Можете звать меня «мисс Джоан», чтобы я быстрее привыкла. Или просто «Джоан», мне бы не хотелось быть в чересчур официальных отношениях с моим врачом. Только самую чуточку официальности,

чтобы мне научиться быть собой. Будете называть меня «Джоан»?

Врач выдавил улыбку:

— Хорошо... Джоан.

Она улыбнулась ему самой ослепительной улыбкой из арсенала Юнис:

— Мне нравится, как это звучит. Доктор, я всегда рада вас видеть — по делу и просто так. Заходите. Только предупредите заранее медсестру, чтобы у меня было время подготовиться к приходу джентльмена. Сами понимаете. — Джоан приподнялась на локте, демонстрируя свою «скромную» сорочку. — Губы накрасить и все в таком духе. — Она облизнулась. — Никак не могу привыкнуть к помаде. Ровно лежит?

— Выглядите великолепно.

(Отменить, стереть. Заменить «лесба» на «шлюха». Дорогая, вы прирожденная шлюха. И как у вас получается?)

(От шлюхи слышу. Помолчи, сестренка, я еще не закончила его обрабатывать.)

— Сэр, вы так любезны! А теперь скажите, почему мне нельзя принять горячую пенную ванну, чтобы не только выглядеть, но и чувствовать себя великолепно? Доктор, я выполняю ваши указания, однако мне хотелось бы их понимать. Не могли бы вы объяснить без сложных медицинских терминов?

— Что ж... Джоан, в первую очередь я возражаю против ванны как таковой. Даже крепкие, здоровые люди ломают ноги и шеи, поскользнувшись в ванне. А вы толком не научились стоять, не то что ходить.

— С этим не поспоришь. — Джоан откинула покрывало, свесила ноги, села. Поборов легкое головокружение, улыбнулась. — Давайте проверим, вдруг у меня получится? Доктор, можете? Подержите меня за талию?

— Немедленно лягте!

— Зачем? Я прекрасно себя чувствую. А скамеечки тут нет? У меня ноги до пола не достают.

— Мисс См... Джоан, черт побери, я сейчас уволюсь и пойду работать старьевщиком! Ложитесь, а я вызову медсестру. Мы вместе поможем вам встать. Сразу поймете, насколько вы слабы и неустойчивы, и уляжетесь обратно.

— Хорошо, доктор, — покорно ответила она и легла.

На вызов врача откликнулась Винни:

— Доктор, вызывали?

— Мы сейчас попробуем ходить. Помогите мне поддерживать пациентку. Зайдите слева.

— Да, сэр.

С помощью врача и медсестры Джоан слезла с кровати и встала. Перед глазами поплыло, и ей пришлось опереться одной рукой на Винни, а другую невесомо положить на плечо доктору Гарсии.

— Как ощущения?

— Чудесные. Музыку бы включить. Танцевать хочется.

— Хотеть не вредно. А вот пробовать не стоит. Начнем с маленьких шажков.

Они прошли до двери. Джоан с удовольствием ступала босыми ногами по толстому мягкому ковру. Идти было чудесно; все было чудесно!

(Юнис, радость моя, какое у нас прекрасное тело!) (Оно далеко от идеальной формы. За две недели тренировок мы приведем его в порядок.) (Ух, я даже в детстве себя так хорошо не чувствовал!) (Это еще что. Допустим: вертикальный шпагат, так чтобы наши волосы мели пол. Удержать его десять спокойных вдохов и медленным переворотом плавно выйти в позу лотоса. Дайте только срок.) (Думаешь, у нас получится? Я даже в детстве был неуклюжим.) (Без шуток. Тело все помнит, дорогой.)

Они остановились.

— Теперь медленно развернитесь и шагайте обратно к кровати.

— Доктор? Раз уж я встала, так почему бы не дойти туда, где мыло и вода?

— Вы не устали?

— Ни капли. Я даже на вас не опиралась. А вы обещали разрешить ванну, как только я смогу ходить. Может, мне стойку на руках сделать, чтобы вас убедить? Отойдите, я пробую. — Джоан отпустила руку врача.

Тот моментально обхватил ее за талию:

— Не дурите! Сестра, в ванне есть поручни, пусть обязательно держится за них.

— Слушаюсь, доктор.

— Если пациентка упадет, лучше сразу бегите в Канаду. Хотите кратчайшим путем, следуйте сразу за мной. Главное, не отстаньте.

— Винни не позволит мне упасть, — промурлыкала Джоан, нежно прислонившись к плечу врача. — Но раз вы так беспокоитесь, то можете ей помочь. Потереть мне спинку.

Доктор Гарсия фыркнул:

— А десять минут назад вы на меня накинулись за то лишь, что я вошел без предупреждения.

— Если это повторится, опять рассержусь. Между личным и профессиональным есть граница. Доктор, я прекрасно понимаю, что вы сотни раз видели мое новое тело... как профессионал. Еще от одного раза меня не убудет. — Она еще крепче прижалась к нему.

— Тереть пациентам спину не входит в мои служебные обязанности. Сестра, не делайте воду горячей и не позволяйте ей сидеть долго.

Оказавшись в ванной и закрыв дверь, Джоан тут же обняла медсестру и рассмеялась:

— Милая, ты видела его лицо?

Винни покачала головой:

— Джоан, мне не надо учить вас быть женщиной. Вы сами все умеете.

— Нет, не умею. И поэтому ты мне нужна. Я попробовала на нашем ненаглядном докторе те уловки, которые работали на мне, когда я была его возраста — и пола. — Она снова рассмеялась. — Мне даже показалось, что он вот-вот согласится потереть мне спинку.

(А мне показалось, что вы сейчас трахнетесь прямо на ковре.) (Тише, Юнис, я его даже не ущипнула.)

Джоан отпустила руку Винни, шагнула назад и принялась стаскивать с себя сорочку.

— А теперь в ванну! Красота!

— Джоан, *пожалуйста!* Держитесь за что-нибудь! Вдруг доктор войдет?

— Не осмелится. — Джоан защелкнула дверной замок. — А если осмелится, то не сможет. Не волнуйся.

— Не надо запирасть дверь. В больницах ваннные комнаты никогда не запирают.

— Мы не в больнице, а свою ванную я могу запирасть, когда хочу. Если доктор Гарсия заметит, что дверь заперта, — а заметит он, только если попытается войти, — и посмеет об этом упомянуть, я нажалуюсь Джейку Саломону и потребую другого лечащего врача. Винни, дорогая, я не зря столько лет пробыла старым ворчуном. Знаю, как настоять на своем. Просто теперь приходится использовать другие методы. Хочешь снять свой халатик и повесить в гардеробной? Я могу его забрызгать, да и от пара он намокнет.

— Джоан, доктор четко распорядился — никаких горячих ванн.

— Я слышала. Но я выберу температуру по вкусу, и он об этом не узнает. Он считает меня слабым котеночком, а я могу скакать, как лягушка. Горячая ванна мне не навредит. Не хочешь снимать халат — твое дело. Но лучше полезай в ванну вместе со мной. Она глубокая, а я теперь маленького роста, вдруг утону?

— Мне нельзя, — нерешительно произнесла Винни.

— Ведь правда, ужасно? Пациентка потеряла сознание в ванне и утонула, потому что медсестра не успела ее спасти. Экстренный выпуск новостей из-за этого, конечно, не тиснут, но в вечернем выпуске наверняка упомянут.

— Джоан, не дразните меня.

(Босс, она права. Стереть, заменить — и лесба, и шлюха.)
(Юнис, что за чепуха! В ванне хватит места для нас троих!)

Закусив губу, Винни медленно расстегнула халат. Джоан отвернулась и начала набирать ванну и регулировать температуру воды, стараясь не пялиться на медсестру.

Час спустя Джоан сидела в мягком кресле, положив ноги на табурет. К сорочке добавился тончайший пеньюар и домашние туфли на высоких каблуках. Волосы Джоан были аккуратно уложены, лицо тщательно накрашено. Она щедро надушилась одеколоном «Апрельская дымка», которому куда больше подошло бы название «Попытка изнасилования». Ногти на ногах были подстрижены — не так идеально, как хотелось бы Юнис, но достаточно, чтобы не раздражать ее ближайшие несколько дней. Чувствовать себя кристально чистой, надушенной, напудренной и привлекательно одетой женщиной было упоительно.

Кровать заменили, и комната больше не напоминала больничную палату. Джоан сразу почувствовала себя лучше. Выяснив, что стенографический пульт Юнис остался в кабинете, она попросила Каннингема вернуть его на привычное место у кабинетного рояля Иоганна. В интерьер пульт не вписывался, но отвечал представлениям Джоан о том, какой должна быть комната. Он добавлял уюта, и место ему было здесь.

Она была одна. Винни отправилась пригласить на ужин мистера Саломона. Джоан томно вздохнула.

(Так лучше, милая? Мне — да.) (Еще как! Но почему вы застеснялись?) (Юнис, не неси чепуху! У меня и в мыслях не было ее соблазнять.) (Врун. Лицемер. Старый извращенец. Вы ее раззадорили, а потом трусили. Я встречала таких мужчин — языком болтать горазды, а когда доходит до дела, то сразу голову в песок. Трусливые Казановы! Фи!)

(Вздор! Нельзя стрелять уток на воде. Если я когда-нибудь ее захочу — что не факт, хоть она и очаровашка...) (Еще какая!) (Не перебивай! Так вот, если захочу, то не стану хватать ее, когда она даже закричать не сможет, а оставлю ей

возможность выбора.) (Фу-ты ну-ты! Джоан, секс — это не спортивные состязания, а способ получить удовольствие. Для женщины нет ничего обиднее, чем отказ от продолжения, когда она к нему готова. Скоро поймете. Будете рыдать в подушку и ненавидеть всех мужчин на свете. До следующего раза.)

(Юнис, не говори, что с тобой так поступали. Я все равно не поверю.) (Джоан, такое случалось со всеми женщинами. Мужчины по природе нерешительны. Если бы женщины не тянули их за руки, род человеческий давно бы вымер.)

(Ух... да, ты куда больше моего знаешь о женщинах.) (Еще бы!) (Давай конкретизируем. Мы вымыслили и выглядим превосходно; в этом наши мнения сходятся. Но до твоего привычного вида нам еще далеко. Я не о натальной краске, сейчас это не к месту. Как «быть в форме»? Делать упражнения?)

(Не только, босс, хотя физические упражнения важны. Но вы, наверное, имеете в виду профессиональную работу с образом.) (Да, вроде того.) (Что ж, я сама создавала свои образы — но у меня был опыт, да и Джо помогал. Но если вам нужны лучшие стилисты независимо от стоимости...) (Конечно! Денег у меня куры не клюют!) (Тогда обратитесь в корпорацию Элены Рубинштейн или другую, не менее известную. Попросите прислать команду стилистов. Художественным руководителем будет мужчина — или не совсем мужчина, — который повидал больше голых женских тел, чем гробовщик. Он к вам даже не притронется — слишком важен для этого. Он создает образы и руководит. На вас он даже не взглянет, пока его команда вас не подготовит. Там будут банщица, массажистка, маникюрша, педикюрша, парикмахерша, депиляторша, парфюмерша, не меньше четырех косметичек, модельер, визажист и куча их помощников — если вы рассчитываете управиться за день. Если установите жесткие сроки, это будет стоить дороже. Если не установите никаких сроков — это тоже будет стоить дороже.)

(Как?!)

(Это как налоги. Что бы вы ни делали, всегда растут. Босс, мы и без профессионалов обойдемся. С моими знаниями, нашим телом и хорошей горничной вы будете ослепительны. Не знаю только, где искать художника по росписи кожи

уровня Джо, но уверена, что такие есть. Нужно будет навес-
ти справки.)

(Юнис, почему быть женщиной так сложно?)

(Босс, успокойтесь. Быть женщиной проще, чем мужчи-
ной, и гораздо веселее. Я научу вас быть женщиной двадцать
первого века и буду рада, если взамен вы научите меня быть
мужчиной века двадцатого. Ликвидируем пресловутый «раз-
рыв поколений». Будем любить и понимать друг друга.)

(Милая моя.)

(Вы тоже ничего, старый чокнутый негодяй. Ваш мозг
и мое тело составят отличную команду.) (Не сомневаюсь,
радость моя.) (И я. Первым делом нужно найти хорошую
горничную, а они такая же редкость, как киты в Канзасе.
Наверное, придется учить ее самим. А потом она сбежит, как
только чему-нибудь научится.) (Юнис, зачем нам горнич-
ная? Ты ведь одна справлялась.) (Справлялась, и вела дом
для Джо, и работала на вас в любое время дня и ночи. Но вы,
босс, к этому непривычны. У вас камердинер был.) (Правда.
Но я был стар и очень занят другим. В старости хуже всего
то, что твои повседневные нужды требуют больше времени,
а его у тебя все меньше. Я не хотел нанимать камердинера,
но пришлось. Да и секретарш я особо не жаловал — пока ты
не появилась.)

(Мой милый босс. Джоан, нам не обойтись без горнич-
ной. А вот с новой секретаршей подождем, пока вы не вер-
нетесь к делам.) (К черту дела!) (Посмотрим. Может, при-
дется. В любом случае секретарша вам пока без надобности.
Я справлюсь. И спасибо, что велели поставить сюда Бетси.
Чувствую себя как дома. Бетси — это мой пульт.)

(Бетси? А я ее осьминогом прозвал.)

(Гадость какая! За что вы так со славной безотказной
машинкой? Босс, вы меня огорчили. Хорошо, что Бетси вы-
ключена; если бы она это услышала, то обиделась бы.)

(Юнис, не дурачься. Куда там Джейк запропастился?)

(Наверное, ногти на ногах подстригает. Курс «Как быть
женщиной», урок второй: мужчины всегда опаздывают, но
ни в коем случае нельзя этого замечать; они гордятся своей
пунктуальностью. Босс, когда Винни строго наказала вам
в ее отсутствие не вставать с кресла, вы же на самом деле не
дали ей обещания?) (Конечно. Сидеть на одном месте не по
мне. Вот и не будем. Хочу проверить рояль. Юнис, бьюсь об

заклад, что он расстроен. Последний раз оба моих рояля — этот и большой концертный внизу — лет пять назад настраивали. Давай-ка проверим.)

Джоан поднялась, даже не заметив, как легко ей на высоких каблуках, и изящно села к роялю. Открыла крышку, вспомнила в уме начало Десятого славянского танца Дворжака, заиграла...

...и породила ужасную какофонию.

— Черт побери! — воскликнула она, в недоумении уставившись на клавиши; нажала указательным пальцем до первой октавы.

Звук был правильным, как и у до малой октавы. Несколькими экспериментами с одним и двумя пальцами показали, что рояль настроен. И все же для каждого аккорда приходилось тщательно устанавливать пальцы на клавиши.

В конце концов она смогла медленно, сбивчиво и фальшиво сбрыцать «Собачий вальс», но от чрезмерных усилий у нее задрожали руки, и доиграть до конца не вышло. Джоан в отчаянии хлопнула по клавишам.

(Десять лет обучения коту под хвост!) (Босс, а чего вы ожидали? Я даже на гитаре больше трех аккордов взять не могу.) (Хорошо, что мама этого не слышала. Она мечтала сделать из меня великого пианиста. Юнис, почему, черт возьми, ты в детстве не ходила в музыкальную школу?) (Потому что ходила в школу мальчиковедения! Это гораздо полезнее. Джоан, если хотите снова играть на пианино, мы можем выучиться заново. Но придется начинать с нуля. В вашей голове оно все есть, я слышала, только с нашими — моими — руками на это уйдет значительно больше времени, чем на похудение.)

(Ладно, это все ерунда.) Джоан встала из-за инструмента. (Босс, минуточку. Пока мы на ногах, может, запустим Бетси и проверим, как она?) (Что? Я же ничего не смыслю в стенографических пультах. Выйдет хуже, чем с роялем.) (Посмотрим.)

Она подошла и села за пульт.

(Ну что, Юнис? Где выход из этого лабиринта?) (Босс, не дергайтесь. Тело помнит. Просто скажите: «Юнис, записывай» — и произнесите что-нибудь. Вдумчиво.) (Ладно.)

— Юнис, записывай. «Минуло восемьдесят семь лет, как отцы наши основали на этом континенте новую нацию, своим рождением обязанную свободе и убежденную, что...»

Руки шустро управлялись с переключателями, вовремя перевернули микрофон, переводили машину в режим ожидания, пока Джоан вставляла знаки препинания, или воспользовались функцией «стереть, заменить», когда машина вместо «восемьдесят» записала «восемь десять». И все это спокойно, без спешки.

Джоан остановилась и проверила результат.

(Черт возьми! Юнис, как?!) (Не спрашивайте — иначе мы станем задумываться, с какой ноги шагать, как та сороконожка. Главное, Бетси довольна, что я вернулась. Мурлычет, как котенок.) (Я тоже доволен. Гм, Юнис, а твоя машинка... Бетси... имеет доступ к филиалу Библиотеки Конгресса в Сент-Луисе?) (Конечно. Она подключена к межбиблиотечной сети, но можно ограничить запрос одной библиотекой.) (Давай так и сделаем. Хочу найти, что известно про память и ее работу.) (Давайте. Мне самой интересно. У меня тоже ощущение провалов в памяти. Но тут лучше поручить Бетси воспользоваться собственными алгоритмами: она запросит ссылки, затем тезисы, затем выдержки из тезисов. Иначе при таком общем запросе начнут скачиваться тысячи книг, бедняжка Бетси подавится — и придется стирать ей временную память.)

(Делай как лучше, я тут ничего не понимаю. Да, только уточни, чтобы не искала бихевиористские теории. Я знаю о Павлове и его роботах все, что нужно, а именно что всякий раз, как собака пускает слюну, психолог-бихевиорист должен звонить в колокольчик.)

(Хорошо, босс. Можем мы немного потратиться?) (Конечно, купи себе хоть египетские пирамиды. Чего тебе нужно?) (Хочу заказать у детектива сбор информации о Юнис Бранке — о той, кем я была.) (Зачем, радость моя? Если даже ты продавала правительственные секреты, теперь тебя не достанут.) (Так надо. Хочу заполнить некоторые пробелы в памяти... к тому же может выясниться что-нибудь, что вы слышали от меня после моего возвращения, но не знали из рапорта вашей службы безопасности. Тогда вам все станет ясно... и вы перестанете опасаться, что я лишь плод воображения.)

(Юнис, если я не в своем уме, то на пушечный выстрел не подойду к психиатрам. Вдруг меня вылечат и ты пропадешь?)

(Босс, это очень мило с вашей стороны, но я обещала, что никуда не денусь.)

(Если я действительно сумасшедший, то и пускай. Проще будет в теперешнем мире жить. Юнис, ты что-нибудь помнишь с момента твоего убийства и до того, как очнулась здесь?)

Внутренний голос ненадолго замолчал.

(Помню, но очень смутно. Я видела сны, в которых, кажется, были вы. И один сон, который не был похож на сон; он казался таким же реальным, как эта комната. Но если я вам о нем расскажу, вы решите, что это я спятила.) (Дорогая, это ничуть не умерит твоего очарования.) (Ладно, Джоан, только не надо смеяться. Пока меня не было с вами, я находилась в... каком-то месте. Там был старый-престарый человек с длинной белой бородой. Он держал толстую книгу. Заглянул в нее, потом посмотрел на меня и сказал: «Дочка, ну и дрянной же ты была девчонкой. Но не слишком дрянной, поэтому дам тебе второй шанс».)

(Юнис, это был сон. Антропоморфизм прямиком из твоей воскресной школы.) (Может, и так, но вот я здесь. Что это, как не второй шанс?)

(Все так, вот только дал его тебе не Бог. Юнис, родная моя, я не верю ни в Бога, ни в черта.)

(Но вы-то, в отличие от меня, не умирали. Я не знаю, во что мне верить; видимо, мертва я была недостаточно долго. Но, может быть, попробуем хоть изредка молиться, если вы не против.)

(В бога душу мать!)

(Джоан, прекратите! Или я опять примусь перечислять все «неподобающие даме» слова. Я что, так многого прошу?)

(Совсем меня заклевала. Ладно, только выбери церковь посимпатичнее, с хорошей музыкой и проповедями не дольше десяти минут.) (Я не собиралась ходить в церковь. Меня от них воротит. Там плохая энергетика. Я думала молиться про себя, Джоан. Я научу.)

(А. Ладно. Прямо сейчас?)

(Попозже. Сейчас надо задать поиск. А вы думайте о чем-нибудь другом, не хочу сороконожковых проблем. Думайте о Винни, скользкой от мыльной пены.) (Благочестивая мысль. Куда лучше молитв.) (Старый козел. Откуда вам

знать... вы вообще хоть раз в жизни молились?) (Еще бы. Только потом Бог ушел на рыбалку и не вернулся.) (Тогда подумайте о бедной Винни.)

Она провозилась с машиной несколько минут, затем одобрительно похлопала ее и выключила.

(Ну что?) (Что?) (Думали о Винни? Развратник.) (Нет, я воспользовался мгновением тишины, чтобы поразмышлять о чудесах Вселенной.) (О каких?) (О Винни.) (Кто бы сомневался. Джоан, для девушки, которая в некотором смысле девственница, у вас на редкость пошлая и яркая фантазия.) (Черт! Ты наверняка это всем знакомым девушкам говоришь.) (Джоан, скажу честно — с такой фантазией я жду не дождусь, когда вы начнете карьеру «активной женщины». Чем я только не занималась, но такого, о чем вы думаете, со мной никто не проделывал.) (Ого. Меня этому научила одна благовоспитанная домохозяйка, когда я был еще подростком. Очаровательная дама.) (Гм! Возможно, мне стоило родиться пораньше, чтобы испытать такое.) (Об этом я и толкую. Нашла что нужно?) (Разумеется. Босс, вспомните хоть раз, когда я что-то не находила. Давайте присядем, спина разболелась.)

Джоан Юнис прошагала тридцать футов к креслу, наконец забыв, что скинула туфли, чтоб легче управляться с педалями стенографического пульта. Ступать по ковру босыми ногами было очень приятно. О туфлях она вспомнила, только усевшись и сложив ноги в корявую, но неожиданно удобную позу лотоса. Возвращаться за ними не имело смысла.

Раздался звонок.

— Это Винни.

— Входи, милая.

Медсестра вошла:

— Мистер Саломон просил передать, что будет через несколько минут, но на ужин остаться не сможет.

— Останется как миленький. Подойди, давай поцелуемся. А что ты сказала Каннингему?

— Ужин на двоих, здесь, как вы и распорядились. Блюда вносить по вашему звонку. Но мистер Саломон действительно собрался уезжать.

— А я гарантирую, что он останется. Если нет, то будешь ужинать со мной вместо него. Не могла бы ты подать мне туфли? Они под роялем.

Медсестра оглянулась, подобрала туфли и принесла Джоан Юнис.

— Джоан, ну что мне с вами делать? — вздохнула она. — Вы опять безобразничаєте? Почему не вызвали меня?

— Не ругайся. Сядь лучше на табуреточку, прижмись ко мне и расскажи что-нибудь. Ты, случайно, горничной не работала, прежде чем обучиться на медсестру?

— Нет. А что?

— Ты замечательно за мной ухаживаешь и макияж накладываешь превосходно. Вот я и подумала... вряд ли профессиональная медсестра захочет пойти работать горничной, даже за большие деньги. Однако доктор Гарсия будет настаивать, чтобы даже после окончания лечения за мной присматривала медсестра. Медсестра мне не нужна, и ты это знаешь. Но добрый доктор будет настаивать. Мне правда нужна горничная. Я поначалу даже одеваться сама не смогу — женская одежда настолько другая. А про макияж и подавно молчу. И про покупку нарядов. Винни, тебе сейчас сколько платят?

Медсестра сказала.

— Ну и ну! Немудрено, что в стране нехватка медсестер! Да я телохранителя за такие деньги не найду. Что, если я подниму тебе жалование в три раза? Платить буду наличными, чтобы тебе не пришлось указывать всю сумму в налоговой декларации. Останешься у меня? Формально будешь медсестрой, но выполнять будешь работу горничной? Делать все, что я не умею сама.

Винни задумалась.

— Джоан, а как мне одеваться?

— Как хочешь. Можешь хоть в белый халат, чтобы доктор Гарсия ничего не заподозрил. Как угодно. За той дверью бывшая спальня моего камердинера с отдельными удобствами. Смежную комнату можно переделать под твою личную гостиную. Обставить все на твой вкус. Будет все равно что собственная квартира.

(Босс, что вы там говорили про стрельбу по сидящим уткам?) (Юнис, тише! Если она заглоти́т наживку, нам не

придется нанимать какую-нибудь безграмотную бабу с улицы и тратить время на ее обучение — а потом подавать на нее в розыск после пропажи драгоценностей.) (Преимущества мне ясны. Но стоит Винни поселиться через комнату от вас, как она окажется в вашей постели быстрее, чем вы произнесете: «Сапфо». *Вам*, может, и комфортно будет без мужчин, а вот *мне* — нет.) (Чепуха! Она уже задумалась о деньгах. Если согласится, то станет куда более отстраненной. Снова начнет звать нас «мисс».)

— Мисс Джоан, у меня правда будет *собственная* квартира? Я смогу приглашать гостей?

— Конечно, милая. Твои частные владения. Каннингем и другая прислуга будут тебя обслуживать. Приносить завтрак, что пожелаешь. А захочешь, чтобы тебя никто не беспокоил, — так и будет.

— Звучит восхитительно. Сейчас я делю комнату с двумя другими девушками... за сумасшедшую арендную плату, потому что она в анклав. Там безопасно, но никакой личной жизни.

— Винни, посмотри мне в глаза и говори начистоту. Кровать в той комнате односпальная. Хочешь заменить ее на очень большую двуспальную?

Девушка покраснела:

— Да. Было бы прекрасно.

— Не смущайся. Двери и стены в доме звуконепроницаемы, я даже не узнаю, что у тебя кто-то есть, если сама не скажешь. Разумеется, личность всех посетителей устанавливается и каждого обыскивают, нет ли у него оружия, как и в анклав, но в данном случае это означает лишь, что тебе нужно будет в первый раз поручиться за них перед начальником охраны. Меня в известность не поставят. Всему персоналу позволено приглашать гостей. За безопасность отвечаю не я, а начальник охраны.

— А ему придется предъявлять удостоверение личности?

— Тебе все равно придется поручиться перед шефом О'Нилом... погоди, ты хочешь сказать, что твой «гость» предпочел бы скрыть свою личность? Он что, женат?

Винни снова залилась краской и промолчала. Джоан Юнис продолжила:

— Кому до этого дело? Мы в частном доме, а не в государственном учреждении. Твоей гарантии хватит. Шеф

О'Нил не особо доверяет документам; их легко подделать. Зато у него фотографическая память. Ну что, остаешься? В качестве домашней медсестры, компаньонки, секретаря — кого угодно.

— Горничной. Мисс Джоан, раз вы нанимаете меня горничной, то не нужно этого скрывать. Одеваться я буду, как положено горничной. Какую форму вы предпочитаете? Традиционную или «акапулько»? Нечто среднее?

— Точно не традиционную. Ни к чему прятать твои прекрасные ножки. Давай «акапулько».

Винни обрадовалась:

— С удовольствием. Знали бы вы, как надоедает эта белая хламида!

(Джоан! Скажите ей, чтобы не раскрашивалась целиком в стиле Акапулько! Очень плохо для кожи!)

— Договорились. Только не красься слишком сильно. Это вредно для кожи.

— Знаю! У меня натуральные рыжие волосы, вы, наверное, заметили, поэтому я даже загорать не могу. Думаю, пойдет короткая черная юбка с рюшами и белый кружевной фартучек размером с блюдце. Белый чепчик с черным бантиком. Черные накладные чашечки на грудь. Прозрачные или матовые?

— На твой вкус, Винни. Туфли на каблуках?

— Тогда давайте пусть будут просвечивающие, как вставки на вашей сорочке. Туфли на высоком каблуке — само собой, иначе образ будет неполным. На босу ногу я и шпильки могу носить. И совсем чуть-чуть краски. Есть переводные рисунки, они быстро накладываются и легко снимаются с помощью специального крема. Бабочки, цветы и прочее. Недорогие, продаются в любом магазине. Буду выглядеть как настоящая горничная, а времени на одевание тратить не больше, чем с этим халатом и колготками.

— Ты будешь выглядеть сногшибательно. А другу своему покажешься?

Винни вновь покраснела, но улыбнулась:

— Конечно! И позволю ему меня раздеть!

(Ура!) (Юнис, у тебя только одно на уме?) (Вам виднее, ум-то ваш.)

Вскоре Винни объявила о приходе мистера Саломона и вышла. Юрист подошел к Джоан и, соблюдая недавно установленные формальности, склонился над ее рукой.

— Как самочувствие? — спросил он.

— Мне грустно, — сухо ответила Джоан, — что мой старый и самый близкий друг не нашел времени отужинать со мной в первый день после моего окончательного выздоровления. В остальном все хорошо. Легкая слабость, но этого можно было ожидать.

— Ты не слишком усердствуешь?

— Нет. Мне дистанционно измеряют сердцебиение и частоту дыхания. Будь что-нибудь не так, меня бы сразу же уложили в постель. Джейк, я правда чувствую себя хорошо — а если все время лежать, сил не прибавится. А как ты, дружище? Мне было за тебя беспокойно.

— У меня все в порядке. Просто, Иоганн, я выставил себя дураком.

— Вовсе нет. Уверена, Юнис тоже это знает, Джейк.

(Босс, осторожнее!) (Тихо.)

— Твои искренние слезы — лучшая дань ее памяти. — У самой Джоан навернулись слезы; она нарочно не стала их сдерживать. — Джейк, она была милой и храброй девушкой. Мне было приятно узнать, что ты ценил ее замечательные качества не меньше меня. Присядь на минутку. Мне нужно тебя кое о чем попросить.

— Что ж... давай. Но я спешу.

— Придвинь кресло и садись напротив. Будешь херес? Доктор мне разрешил, и я чувствую, что сейчас он будет очень кстати. Это испанский херес, сухой, как твой адвокатский юмор. Не будешь ли так любезен налить нам по капельке?

Джоан дождалась, когда адвокат нальет и сядет. Поднимая бокал, она одновременно выпятила грудь, демонстрируя все возможности «неприличных» вставок сорочки.

— Джейк, я хочу предложить тост... нет-нет, не вставай. Тот же самый тост, Джейк. Всегда тот же с этого дня, всякий раз, как мы будем пить вдвоем... но без слов. — Она сделала глоток и опустила бокал. — Джейк...

— Иоганн?

— Джоан. Не могу больше быть Иоганном. Джейк, ты знаешь, что у меня не было расчета выжить после операции? Это была уловка. Законная уловка.

— Конечно, Ио... Джоан. Поэтому я и взялся помочь.

— Знаю. Самое великодушное проявление дружбы в моей жизни. Как там японцы называют человека, помогающего другому сделать харакири? Ладно, забудь. Посмотри мне в глаза. Ты ведь понимаешь в глубине души, что мне приятнее было бы умереть, чем... выжить за *ее* счет? Понимаешь, Джейк? Или мне придется жить еще целую жизнь, ненавидя себя за это?

Саломон твердо посмотрел ей в глаза:

— Да. Джоан, я понимаю. Это не твоя вина. Не кори себя. *Юнис бы этого не хотела!*

— Знаю! Плачь, мой дорогой Джейк, не сдерживай слез. Видишь, я тоже плачу. Только постарайся совсем не расклеваться, а то и я расклеюсь. Джейк, любой из нас скорее умер бы, чем позволил такому случиться. Я твердо знаю это про тебя, и, надеюсь, ты так же думаешь обо мне. Без твоей поддержки мне бы не удалось этого выдержать. Посмотри на меня — молодое, красивое тело, в котором живет разум девяностопятилетнего старика, у которого не осталось друзей... кроме тебя.

— Заведешь новых.

— Сомневаюсь. Я уже слишком долго на этом свете. Наверное, что-то похожее испытывал Вечный жид. Как его звали? Ага-что-то-там. Память у меня не под стать молодому телу. Но один вопрос не идет у меня из головы: Джейк, какова вероятность, что муж Юнис причастен к ее гибели? Эти кровавые деньги, обещанная мною награда... не они ли его соблазнили?

(Босс, босс, вы целите пальцем в небо. Я сама могу дать вам ответ!) (Прости, милая, прости, если можешь, но мне нужны твердые доказательства.)

— Джейк? Было ли это убийством... по моей вине?

Адвокат помотал головой:

— Ты меня поражаешь. Но, конечно, ты не знаешь всех обстоятельств. Не было никакого подстрекательства. Я очень тщательно составил договор. Будь на тебе вина, она была бы и на мне тоже. Но это не так.

— Откуда ты знаешь?

(Босс, прекратите! Пожалуйста!)

— Мистер Бранка навещал свою мать в Филадельфии. — (Видите?) — Чтобы получить его согласие, мне пришлось три дня его разыскивать. Три дня вас обоих держали в пригодном для операции состоянии. Джо Бранка даже не знал, что его жена погибла. Да и найти его оказалось чертовски трудно. Это были *долгие* три дня.

— Ты потратил на поиски три дня и ничего мне не сказал?!

— Я не мог допустить, чтобы Юнис погибла *впустую*! Ты в своем уме? К тому же тебя уже ввели в кому; Гарсия сделал это, как только я сообщил, что подходящее тело найдено. Ожидание было ужасно. Джоан... нет, Иоганн! Я тоже прошу у тебя прощения. Я ненавидел тебя за то, что умерла она, а не ты. Но я не отступился от задуманного — ради нее. А ненависть я преодолел. Хватило ума.

— Ненавидишь ли ты меня сейчас?

— А? — Саломон грустно поднял глаза. — Нет. Ты не только мой старый друг, всегда честный и порядочный, несмотря на грубую личину; друг, чьи достоинства всегда перевешивали недостатки... — Саломон вымучил улыбку, — пусть и ненамного. Ты еще и единственная ниточка, связывающая меня с ней.

— Правда. Джейк, надеюсь, мой характер стал мягче. Я уже чувствую, что мне легче улыбаться, легче проявлять терпение, чем в прежнем дряхлом теле. Но вернемся к Джо Бранке. Значит, он был в Филадельфии. А не мог он заказать убийство?

— Нет.

— Уверен?

— Уверен. Ио... Джоан, ты боишься, что твой миллион долларов породил преступную цепочку событий. Когда Джо Бранка нашелся, мне пришлось прыгать в самолет и лично лететь за его подписью. Он был не в себе. Не мог поверить, но смирился. И отказался от денег. Прежде чем он подписал разрешение на посмертное использование тела, мне пришлось приготовить документ об отказе от вознаграждения. По желанию Джо «Чейз Манхэттен» передал деньги Клубу редкой крови — в память о Юнис Бранке.

(Босс, я сейчас разревусь!) (И я.) (Джо... должно быть, он сейчас живет впроголодь!) (Это мы уладим.)

Джоан вздохнула:

— Чтоб меня черти взяли.

— Может, и возьмут. И меня заодно. А вот Джо Бранка — настоящий святой. Не от мира сего. Родился в трущобах — этаким цветком на болоте. Не согласился даже на меньшую сумму, настоял на том, чтобы оплатить нотариальное заверение и печать налоговой. Потратил все до цента. «Бедность меня не пугает» — так он сказал.

— Джейк, нужно ему помочь.

— Вряд ли получится. Джоан, он по-своему такой же гордый, как Юнис. Однако кое-что мне удалось провернуть. В ходе поисков мне пришлось получить судебное разрешение взломать дверь в их студию, и это нас спасло — я нашел там письмо от его матери, и оно подсказало нам, где искать. Но я также выяснил, что срок арендной платы вот-вот наступит. В агентстве недвижимости были уверены, что со смертью Юнис платить будет некому, и уже собирались расторгать договор. Я заплатил за ближайший месяц, а когда вернулся, выкупил помещение. Так что Джо не придется платить, покуда он сам захочет там жить. Затем я заручился поддержкой знакомого судьи и переписал на Джо банковский счет Юнис в обход юридических формальностей. Девочка не транжирила деньги; у нее накопилось достаточно, чтобы Джо прокормился ближайшие года два.

(Он спустит все за два месяца, босс. Джо не знает цены деньгам. Для него банковский счет — нечто нереальное.) (Не волнуйся, милая, мы с Джейком все уладим.)

Джоан снова вздохнула:

— Джейк, ты меня успокоил. Но судьба мужа Юнис все равно меня волнует. Нужно о нем позаботиться. Раз он не от мира сего, то можно найти способ помогать ему без его ведома.

— Хорошо, Джоан, попробуем. Но Джо Бранка преподавал мне урок — в мои-то лета! — что не все в мире можно купить за деньги. Есть люди, которых деньги не интересуют.

— Еще хереса? Я не откажусь от капельки. Если ты не можешь остаться, то я отменю ужин и попрошу, чтобы меня уложили спать.

— Джоан, тебе нужно есть. Набираться сил. Ты будешь есть, если я останусь?

Она озарила его самой лучезарной улыбкой из арсенала Юнис:

— Конечно! Мой дорогой Джейк, спасибо!

Ужин был неофициальный. Подавали только Каннингем и двое слуг. Джоан изо всех сил изображала обаятельную и радушную хозяйку, стараясь не есть слишком жадно, а все было такое вкусное! Обсуждение личных вопросов пришлось отложить до кофе. Джейк отказался от чашки перфекто и согласился на портвейн.

— Спасибо, Каннингем, можете идти, — сказала Джоан. Оставшись с адвокатом наедине, она спросила:

— Джейк, когда меня вызовут на слушания о дееспособности?

— Что? Когда ты будешь в силах. Или тебе не терпится?

— Нет. Я готова хоть остаток дней провести под твоей опекой.

Джейк едва заметно улыбнулся:

— Джоан, по прогнозам у тебя впереди еще лет шесть-десять, а вот у меня от силы десять-двенадцать.

— С этим трудно спорить. Но ты ведь продолжишь вести мои дела? Или я слишком многого прошу?

Саломон покрутил стакан:

— Джоан, я не вижу причин, почему тебе не вести дела самостоятельно, как только суд отменит опекунство.

(Джоан, смени тему, а то он уйдет!) (Тише, сама вижу!) (Назови ему свое второе имя!)

— Джейк. Милый Джейк. Посмотри на меня. Внимательно посмотри. Вот, именно так. Джейк... ты бы предпочел не видеть меня такой, какая я сейчас?

Юрист не ответил, и Джоан продолжила:

— Тебе лучше привыкнуть, а не бежать от меня. Она... Юнис... наверняка хотела бы, чтобы ты остался со мной.

(Отлично, сестренка, врежьте ему еще. Он *хочет* остаться.)

— Джоан, все не так просто.

— Просто ничего не бывает. Но убежать у тебя не выйдет, ведь я останусь такой, какая есть, — с ее телом, моим

разумом. Ты не сможешь этого изменить. Чего ты добьешься, если уйдешь? Оставишь меня без единственного друга, которому можно доверять, только и всего. Что нужно, чтобы сменить имя?

— Что?

— Сменить имя. Когда восьмого декабря тысяча девятьсот сорок первого года Иоганн Шмидт ушел добровольцем на войну, его фамилию изменили на Смит только потому, что он так назвал ее сержанту. С тех пор никого это не волновало. Теперь я хочу, чтобы все было официально, учитывая, на каком количестве документов стоит моя подпись. Технически это смена пола, верно? Надо ли ее как-то регистрировать, направлять уведомление в суд?

Саломон напустил на себя официальный вид и тут же расслабился:

— Конечно. Об этом аспекте я как-то не подумал. Слишком много других забот. Джоан, в том случае смена фамилии была неформальной, но законной. Каждый человек вправе называться как хочет, если только не руководствуется преступными намерениями — с целью мошенничества, клеветы, ухода от налогов или уголовной ответственности и тому подобного. Ему не требуется разрешение суда. Можешь называть себя Джоан, Иоганном, да хоть Минивером Чиви, и это будет твоим именем, покуда ты пользуешься им в рамках закона. Произносить его можешь, как тебе бог на душу положит. Мне попадалось на глаза дело одного человека, который писал свою фамилию как «Заустински», а произносил как «Джонс». Он даже дал официальное объяснение, как произносится его фамилия, хоть в этом и не было нужды; фамилия человека произносится так, как угодно его хозяину.

— А зачем он это сделал?

— Его бабка указала в завещании, что для наследования он должен сменить фамилию, но не уточнила, как ее произносить. Джоан, в твоем случае лучше подать официальный запрос; дождемся только, когда тебя освободят из-под опеки. Но де-факто ты уже можешь пользоваться новым именем.

— Тогда теперь я Джоан Юнис Смит.

От неожиданности Саломон опрокинул стакан и принялся лихорадочно вытирать пролитый портвейн.

— Джейк, не надо. Извини, что это произвело на тебя такое впечатление. Но ты же понимаешь, что так надо? Это моя дань ее памяти, публичное признание неоплатного долга. Вернуть этот долг я не могу, поэтому хочу выставить его на всеобщее обозрение, повесить как объявление на стену, как те бумажки, которые китайские преступные группировки вешают на дверь своим должникам. Кроме того, я ведь на девяносто пять процентов Юнис... и лишь на пять — старый Иоганн, который теперь зовется Джоан. И даже эту малую часть никто, кроме хирургов, и не видел. И наконец, последнее... Джейк, посмотри на меня. Если ты однажды забудешь про эту малую часть и назовешь меня «Юнис», я не обижусь; это тоже мое имя. А если ты *намеренно* назовешь меня Юнис, я почти это за честь. И всякий раз, как ты назовешь меня Джоан Юнис, я буду рада, зная, что ты делаешь это намеренно и принимаешь меня такой, какая я есть.

— Хорошо... Джоан Юнис.

Она улыбнулась:

— Спасибо, Джейк. Сейчас я счастлива, как никогда. Надеюсь, ты тоже.

— Гм. Да. Пожалуй. Такие перемены к лучшему... Джоан Юнис.

— Ты не пролил вино себе на брюки? Если пролил, отдай их Каннингему, он распорядится их выстирать. Джейк, почему ты так торопился домой? Важные дела? Каннингем найдет для тебя пару свежих носков, если ты об этом беспокоишься.

— Бог с тобой, Джоан... Джоан Юнис... я и так здесь уже двое суток.

— И ты думаешь, что, оставшись еще на трети, злоупотребишь моим гостеприимством? Ничего подобного!

— Мне недалеко ехать. Несколько месяцев назад я выставил дом в анклав на продажу. Теперь живу в Гибралтарском клубе. Хорошее обслуживание, близко к центру, никаких хлопот по хозяйству.

— Неплохо. Кстати, мне нужно не забыть выйти из этого клуба. — Джоан Юнис улыбнулась. — Теперь меня дальше дамской гостиной не пустят.

— Я позволил себе прекратить твое членство вскоре после того, как стал твоим опекуном, — сухо ответил адвокат.

Джоан весело рассмеялась:

— А я ведь числюсь среди его основателей! Красота! Белым, черным, желтым вход открыт, а вот женщины — люди второго сорта. Непросто будет к этому привыкнуть, старина Джейк.

— Да... Джоан Юнис.

— Сейчас ты нужен мне, как никогда. В какой спальне ты ночевал?

— В Коричневой.

— Каннингем совсем из ума выжил? Нужно было поселить тебя в Зеленых комнатах.

— Зеленые комнаты приспособили для больничного оборудования. Я сам распорядился.

— Так отмени распоряжение! Они твои, а кладовку можно устроить в другом месте. А лучше выкинуть все это барахло; оно мне теперь вряд ли понадобится.

— Хедрик уже вывез половину.

— Вот и замечательно. Сегодня потерпи в Коричневой спальне, а завтра Каннингем приведет Зеленые комнаты в порядок.

— Джоан Юнис, с чего ты взяла, будто я сюда перееду? Это не так.

— Я не сказала, что ты переедешь. Просто говорю, что комнаты твои, и твое дело, оставаться там на ночь или на год. Можешь приходить без приглашения и даже не заглядывать ко мне. Однако надеюсь, что ты будешь заглядывать как можно чаще. Хьюберт, мой камердинер, еще не уволился?

— Он ухаживал за мной, пока я плохо себя чувствовал.

— Вот пусть и дальше ухаживает всякий раз, как ты почитаешь нас своим присутствием. Закрепляю его за Зелеными комнатами. Джейк, тебе стоит перевезти сюда часть своего гардероба.

— Черт побери... извини, Джоан Юнис.

— За то, что ты сказал «черт побери»? Довольно неожиданно. Неужели мой старейший друг должен выбирать выражения в моем присутствии? Джейк, да ты при мне производил словечки, от которых за милю со стен краска облупливается. Причем в мой адрес.

— Да. Но теперь я должен помнить, что ты дама, Джоан Юнис.

— Как хочешь. Мне трудней будет стать настоящей дамой, чем тебе запомнить, что я вроде бы теперь она. Не обращай внимания, если что-нибудь вырвется. Тебе хорошо известно, что крепким словом меня не обидишь. Так что ты хотел сказать?

— Я хотел сказать: «Черт побери, нам надо заботиться о твоей репутации, Джоан Юнис».

— *О чем?! О моей женской репутации?* Да какая у меня репутация? Я все равно что бородатая женщина из цирка. И наплевать.

— Джоан Юнис, вскоре после операции о тебе все забыли, но, как только мы появимся в суде, журналисты подхватят свежие новости. А то и раньше, если кто-нибудь из ассистентов доктора Хедрика или прислуги проговорится о твоём выздоровлении.

— Значит, побуду бородатой женщиной. Все равно сенсации-однодневки сейчас полностью отвечают своему названию — о них забывают на следующий же день. Не то что во времена моей юности. Джейк, последние пятьдесят лет я не слушаю, что обо мне говорят. Мой публичный образ, созданный пиарщиками, олицетворял не лично меня, а идеалы компании. Старая миссис Гранди давно уже в могиле, а нынешнему поколению плевать на ее оценку. И это единственное положительное изменение в современном испорченном мире. Вот Юнис, наверное, даже не знает, кто такая эта миссис Гранди.

(Еще как знаю. Моя училка из четвертого класса. Перепихивалась с завучем, пока его жена не узнала. Мы над этим хихикали, а вот вам, старый шалунишка, она бы понравилась. Продолжайте обрабатывать Джейка... время подъехать чуть ближе.) (Кто здесь за рулем?) (Я.)

Мистер Саломон задумчиво произнес:

— Насчет нынешнего поколения, наверное, твоя правда, Джоан Юнис. Только люди моих лет и старше привыкли задумываться о таком. Но тебе-то понятно, что мне не стоит жить у тебя.

— Джейк, я не настаиваю. И скомпрометировать тебя не пытаюсь...

— *Меня?* Вопрос в *твоей* репутации. Как минимум среди прислуги.

(Ах он, старый ханжа. Спросите, как он заташил меня в шкаф почти на глазах у Каннингема. Давайте попробуйте. Посмотрим, какой он смелый, если его прижать.)

— Джейк, очень любезно с твоей стороны, но мне плевать, о чем шепчутся слуги. В моих силах защитить тебя от ненужных сплетен. Теперь у меня есть настоящая викторианская дуэнья — добропорядочная горничная. Она будет жить в соседней комнате, которую раньше занимал Хьюберт. Если тебе неловко наедине со мной, она может составлять нам компанию.

(Эй, это еще зачем? Хотите сообразить на троих с Винни? Она, может, и согласится, а вот Джейк — ни за что. Осторожнее!) (Юнис, хватит говорить под руку.)

Адвокат удивленно вздернул бровь:

— Ты уже наняла горничную? Быстро же ты. Впрочем, сидеть сложа руки — это не про тебя. Или просто сделала перестановки в текущем штате?

— И то и другое. Доктор Гарсия рекомендовал мне нанять сиделку, и одна из медсестер согласилась остаться в другом качестве. Винни. Рыженькая, ты наверняка ее видел.

— Наверное.

(«Наверное?» Какие же мужчины лицемеры. Он наверняка не раз хотел шлепнуть ее по попке, а может, и шлепнул.)

— Мне с ней невероятно повезло. Умная, образованная, многому меня учит. Привыкла заботиться о людях. Мне, конечно, пришлось раскошелиться, зато ее профессиональная гордость не пострадает. Фактически она останется медсестрой, а горничной будет по дружбе. Думаю, сейчас она спит, но если попросить, то встанет и побудет с нами в роли дуэньи. Послать за ней?

— Зачем? Джоан Юнис, не дури и не раздувай из мухи слона.

— А мне показалось, это ты этим занимаешься. Став женщиной, я чувствую себя беззащитной... хотя это крепкое молодое тело куда надежнее стариковского. Мне тревожно, когда тебя нет рядом, и спокойно, когда ты приходишь. Джейк, я не могу заставить тебя поселиться здесь... но ты бы оказал мне этим огромную услугу. Здесь не хуже, чем... сколько у тебя комнат в Гибралтарском клубе?

— Две. Вполне достаточно.

— Они там небольшие... а в Зеленых комнатах одна гостиная не меньше этой моей. Можем прорубить из нее дверь в библиотеку второго этажа, чтобы у тебя был кабинет. Можешь перевезти любые вещи — места для книг и документов предостаточно. Мне давно уже не нужен этот гигантский мавзолей, ровно так же, как тебе не нужен твой дом. Однако если я попытаюсь его продать, то не получу и десяти процентов стоимости. При постройке меня больше всего волновала безопасность, поскольку тогда был самый разгар Беспорядков. Так что на взгляд со стороны его цена неочевидна. Это настоящая крепость, неприступнее полицейской казармы. Что ж, те времена еще могут вернуться, и тогда дом оправдает мои вложения. Но сейчас он просто большой, удобный и надежный. Не вижу причин, почему бы тебе в нем не пожить. Особенно когда ты вплотную займешься моими делами.

— Я уже занимался некоторыми твоими делами здесь. Хм... Джоан Юнис, как твой опекун, я взял на себя управление домом.

— А Каннингом не мог избавить тебя от этой мороки? Надо с ним поговорить.

— Ну... Да, он, как и прежде, выполняет свои обязанности. Я ничего не менял, но счел необходимым изучить домовые книги и разобраться с расходами и жалованьем прислуги. Тебя нагло грабят, особенно Каннингом.

— Замечательно!

— Что в этом замечательного?

— Джейк, ты ведь сам сказал, что мое состояние невозможно истратить. Если мой дворецкий продает на черном рынке две трети купленного для меня и кладет выручку в карман — что он делает уже давно, — то будет двумя руками держаться за свое место. В его интересах работать так, чтобы я был доволен. Джейк, назови мне более простой способ купить верность — или ее подобие? Пускай ворует. Не заграждай рта у вола молотящего. Хорошая лошадка должна получать свой кусок сахара.

— Ты создаешь опасный прецедент. Поощряешь коррупцию.

— Страна и так насквозь коррумпирована. Но играть по другим правилам теперь нельзя. В гниющем обществе

надо как-то жить. Джейк, ты нужен мне здесь. Я надеюсь, что ты поселишься у меня. Я буду счастлива и спокойна, живя с тобой под одной крышей. Не беспокойся за мою репутацию — а твою поможет сохранить Винни. И тем более не волнуйся из-за домовых расходов, подписывай все не глядя. А вот если Каннингем хоть в чем-то тебе не угодит, устрой ему головомойку. Он должен отрабатывать украденное. К слову, начальник охраны тоже ворует. Думаю, они с Каннингемом делятся поровну. Я не сую в это нос, чтобы их не смущать.

Саломон улыбнулся:

— Джоан Юнис, для молодой и красивой женщины ты говоришь слишком похоже на одного старого циника, которого я когда-то знал.

— Правда? Дорогой Джейк, я постараюсь говорить иначе. Роль старого циника переходит к тебе; я же должна вести себя как подобает даме. Если получится. Но прошу, не нарушай порядок в доме — иначе получится как при реформе правительственного аппарата: затрат больше, эффективность ниже. Твои слуги что, никогда у тебя не воровали?

Адвокат смутился:

— Ну... случалось. Но у меня была лучшая кухарка в анклав «Тихая гавань». Если бы я ее уволил, то новой пришлось бы платить не меньше и она клала бы сахар в подливу. Меня возмутило, что они воровали у тебя, пользуясь твоей беспомощностью. Но куда были шансы на твоё выздоровление, я не вмешивался. Хотел передать дом в том же состоянии, в котором он был. Так и сделаю.

— Спасибо, Джейк. Я, конечно, еще не благовоспитанная дама, но старым циником себя уже не чувствую. Ощущаю себя женщиной, оправляющейся после тяжелой болезни. Пора мне прилечь. Проводишь?

— Гм... я позову сестру.

— Джейк, Джейк, хватит трястись над моим телом. Подай руку. Я сама встану, если ты меня поддержишь... И до кровати дойду, если позволишь на себя опереться.

Саломон сдался и протянул обе руки. Помог Джоан Юнис подняться и проводил ее до постели. Она быстро улеглась, накрылась одеялом и стянула сорочку.

— Спасибо, Джейк.

— Не за что, Джоан Юнис.

— Позавтракаем вместе? Или пообедаем, если тебе хочется поспать подольше.

— Давай пообедаем.

— Жду не дождусь! — Она протянула руку.

Джейк склонился, промедлил лишь одно мгновение и поцеловал ее.

Джоан Юнис потянула его к себе:

— Наклонись поближе, милый. — Она приподнялась и обхватила его голову. — Ты любил ее.

— Да.

— Я тоже.

— Знаю.

— Назови меня по имени. Новому имени.

— Джоан... Джоан Юнис.

— Спасибо, Джейк. — Она медленно притянула его к себе и поцеловала в губы. — Спокойной ночи, любезный друг.

— Спокойной ночи, Джоан Юнис.

Он поспешно вышел.

(Джоан, сучка вы такая, зачем было его так торопить?!)(Я не тороплю!)(Черта с два! Я в какой-то миг думала, что вы его прямо сейчас в постель затащите.)(Вздор!)(Да и себя так торопить не надо.)(Юнис, хватит придирааться. Мне ничто не мешало в последнюю секунду дать задний ход. Просто было такое чувство, что я не прочь его поцеловать. В конце концов, во многих странах мужчины целуются с мужчинами в знак дружбы.)

(Если вы не заметили, то вы больше не мужчина, а психически неустойчивая баба.)(Заметила. Послушай, поцелуй был чисто символическим. Нужно было показать Джейку, что он может ко мне прикасаться и даже целовать меня на ночь... без всякого трагизма. Так и вышло. Мне вспомнилось, как отец целовал меня на ночь, пока я не стал большим мальчиком.)

(Что ж, может, Джейка и устроит быть отцом, но я бы на это не рассчитывала. Предупреждаю, сестренка: он способен целоваться *гораздо* лучше. Так, что внутри все тает и горит, начиная от пупка и далее по всем направлениям.)(Возможно, когда-нибудь мы это проверим. Но не скоро. А теперь замолчи и давай поспим. Глаза слипаются.)(Любите меня,

босс?) (Люблю, милая, и буду любить всегда) (И я. Жаль, что не смогу поцеловать вас на ночь. Спокойной ночи, босс. Все будет хорошо.)

Но прежде чем она уснула, в комнату вошла Винифред, в ночной рубашке и тапочках.

— Мисс Джоан? — тихо окликнула она.

— Да, милая? Включи торшер.

— Мистер Саломон сказал, что вы легли...

— Судя по твоему виду, ты тоже только что из постели. Он тебя разбудил?

— Нет, что вы. Я болтала с миссис Слоун; она сегодня дежурит. Доктор Гарсия велел опускать вашу кровать на время сна. Вижу, что вы не послушались. Как мне ее опустить?

— Я сама. Вот так — вниз, вот так — вверх. Я еще не сплю. Опущу ее перед твоим уходом. Скажи доктору, что я послушная девочка.

— Хорошо! Вот вам таблетка. Миссис Слоун сказала, что доктор не настаивает, чтобы вы ее принимали. Хотите — примите, хотите — нет.

— Приму; уж очень спать хочется. Подай мне воды... и поцелуй на ночь. Иначе я обижусь и попрошу миссис Слоун сделать это вместо тебя.

Медсестричка хихикнула:

— Попробую себя заставить.

Спустя минуту Винифред ушла.

(Ну что, Юнис? Как тебе этот поцелуй?) (Неплохо, лесба. Скажем, восемьдесят процентов от того, как получается у Джейка.) (Не дразни меня.) (Сами увидите. Винни славная, но у Джейка за плечами годы практики. Я вовсе не принижаю достоинств Винни. Думала, вы ее к нам под одеяло затащите.) (Когда миссис Слоун в двух шагах и следит за нашим сердцебиением? За кого ты меня принимаешь? За полную дуру?) (Да.) (Спи уже!)

В Париже и Монтевидео по-прежнему шли мирные переговоры. Бои продолжались на чисто номинальном уровне, а погибшие не жаловались. Студенческий парламент снял с поста новоизбранного ректора Гарвардского университета и отложил назначение следующего на неопределенный срок. Секретарь ЗОС озвучил план по увеличению содержания воды в заливе Сан-Франциско на 37 процентов; Комиссия по надзору за водными ресурсами в ответ указала на отсутствие у ЗОС необходимых полномочий. В Алма-Ате сержант полиции нравов с помощью кесарева сечения произвела на свет здорового двухголового мальчика; роды в прямом эфире транслировались на весь мир и даже на Луну под хоровое исполнение избранных мест из цитатника председателя Лю. В Вашингтоне Налоговое управление согласно Положению о бюджете 1987 года (вариант для чрезвычайных ситуаций) объявило о временном повышении налогов на семь процентов. В Майами прошла пресс-конференция новой мисс Вселенной (мисс Гана — 106-55-96), в ходе которой она через своего пресс-секретаря и переводчика заявила, что намерена стать первым капитаном звездолета и для этого уже два года изучает под гипнозом неозейнштейновскую баллистику. Генеральный секретарь Международного братства космонавтов, астронавтов и космических инженеров (входящего в Американскую федерацию труда и Конгресс производственных профсоюзов) публично усомнился в способности мисс Вселенной сладить с простейшей арифметикой. Госпожа президент Всемирного объединения женских клубов обвинила генерального секретаря в контрреволюционной замшелости и мужском шовинизме. Смертность от смога в Лос-Анджелесе

уменьшилась на три процента благодаря срочно принятым мерам по снижению уровня загрязненности воздуха и сильному западному ветру.

В большом и старом уродливом доме напротив зеркала в гардеробной сидела в позе лотоса мисс Джоан Юнис Смит. Напротив нее в такой же позе расположилась ее медсестра-компаньонка-горничная.

— Винни, тебе удобно?

— Очень.

— Думаю, ты гибче меня. Хорошо. Давай приготовимся к упражнению. Начинай.

— Хорошо. Мисс Джоан, а что все это значит? Мне нравятся упражнения, они расслабляют. Но о какой драгоценности речь и почему она в лотосе?

— Это не значит ничего. И одновременно все. Если объяснять словами, это означает мир, любовь, понимание и все, что ты считаешь хорошим. Только надо не думать, дорогая, а *быть*. Выброси лишнее из головы и откройся. Не думай. Просто *будь*.

— Хорошо.

— Начинай. Помни о дыхании. Я продолжу.

— Ом мани падме хум.

(Ом мани падме хум. Видите ее ауру? Бурная ночка у нее выдалась!) (Тихо, Юнис. Ты сама придумала читать эти мантры.)

— Ом мани падме хум.

— Ом мани падме хум. — (Ом мани падме хум.) — Ом мани падме хум. Ом мани...

(Джоан, достаточно.) (Так мало? Дорогая, по часам еще и двадцати минут не прошло.) (У меня другие часы, внутренние. Мы разогрелись. Пора. А Винни вообще в трансе.)

— Ом мани падме хум. Винифред? Винни, милая, слышишь меня? Проснись, солнышко уже встало.

Винни по-прежнему сидела в позе лотоса; ступни на бедрах пятками вверх, руки на коленях ладонями вверх. Она не переставала произносить мантру, дыша в такт словам. Ее глаза закатились, видны были только белки.

— Винни, вернись! Хватит!

Глаза девушки вернулись в привычное положение. Растерявшись на мгновение, она улыбнулась:

— Уже? А мне казалось, мы только начали. Я, наверное, уснула.

— Бывает. Ты готова? Тебе тепло и свободно, а мышцы мягкие, как вата?

— Ну... вроде бы.

— Тогда перейдем к индивидуальным упражнениям. — Джоан Юнис поднялась на коврике, словно тянущийся к солнцу цветок. — Указывай мне на ошибки, а я укажу на твои. А потом займемся совместными. — Она осмотрела себя в зеркало. — Вроде бы мой живот подтягивается с каждым днем. Каждый раз себе это твержу.

— Он идеален, и вы это знаете. — Винни медленно встала и подавила зевок.

— Еще не проснулась? Не выпалась ночью?

Девушка слегка покраснела, развела руками и снова улыбнулась:

— Поспала хорошо, но недолго. Мы вас не разбудили?

— Ни звука не слышала и ни о чем не догадалась бы, если бы ты сама меня не предупредила. Милая, если не выпалась, то, может, просто на меня посмотришь и покритикуешь?

— Нет, мне тренировки даже нужнее, чем вам. Не хочу ни дня пропускать. Но я и правда недоспала. Пол... ой! Ладно, хоть фамилию не произнесла.

— У меня как раз зачесалось ухо, и я ничего не услышала.

— Ну вы и лгунишка. Короче говоря, он ушел в полтретьего. Я не выпалась, но не жалею!

— Не сомневаюсь. Винни, прости мое любопытство. Я как-никак девственница.

Медсестра застыла в недоумении.

— Но... — начала она и тут же умолкла.

Джоан Юнис улыбнулась:

— Ну-ну, радость моя, я понимаю, что значит это «но». Миссис Бранка была замужем... а у Иоганна Смита и вовсе было четыре жены, не считая случайных связей. Но у Джоан Юнис еще никого не было. Понимаешь, куколка?

— Ну, если взглянуть с такой стороны...

— Только так, и не иначе. Я любопытнее девочки-скаута. Но даже если ты расскажешь все в мельчайших подробностях — чего ты наверняка не сделаешь, — я все равно ничего не узнаю. Когда-нибудь — спешить некуда — я все выясню самостоятельно. Так что не надо краснеть. Давай продолжим занятия. Я приму позу черепахи, а ты жми мне на плечи, если понадобится.

После часа сгибаний, растяжек и прочих выкрутасов Джоан Юнис скомандовала:

— Хватит. Если перестараться, то мы будем не сиять, а потеть. Готова к парным упражнениям?

По ванной раскатился высокий звук звонка в парадную дверь.

— Черт, — вырвалось у Джоан. — То есть, я хотела сказать, «безобразия» — как подобает леди. Черт. Натягивай колготки, милая, а я надену тебе халат через голову. Скажи им, что сегодня льда не нужно.

— Сию минуту.

Девушка быстро оделась и вышла.

(Юнис, как мы сегодня? Грудь тебя устраивает?) (Больше полпути пройдено, Джоан, через недельку можно будет сократить занятия.) (Зачем? Мне все равно нечем больше заняться... если только наш дорогой опекун и повелитель не сообразит с нами отобедать. Скажи, милая, тебя беспокоит, что Бетси не нашла ничего полезного?) (Нет, это *вы* беспокоитесь, я ничего другого и не ждала. Никто не знает, как устроена память, но каждый уверен, что он-то знает точно, а все остальные дураки.) (Я все думаю о плоских червях. Если разрезать дрессированного плоского червя и скормить другому такому червя, тому передастся все, что умел первый...) (Босс, сколько можно говорить, *я не плоский червь!* Тело помнит, но... кажется, кто-то идет.)

— Мисс Джоан, пришли доктор Гарсия и мистер Саломон, — объявила Винни.

— А. Я не буду переодеваться, мы еще не закончили. Кинь мне пеньюар, только не тот, что с прозрачными вставками. Как ты думаешь, «Лондонский туман» сойдет?

— Наверное. В нем вы выглядите не раздетой, а всего лишь полуодетой.

— И кто научил меня так одеваться? — (Я.) (Конечно, Юнис, но Винни уверена, что она мной командует. Я ее пай-девочка, которая все делает, как мама велит... пока мы не избавимся от нашего дорогого доктора.) — Скажи джентльменам, что я сейчас выйду.

Мисс Смит быстро накрасила губы, решила, что остальной макияж можно не поправлять, взбила щеткой короткие волосы, надела туфли на высоченных шпильках, накинула пеньюар и посмотрелась в зеркало.

Пеньюар был неравномерно прозрачным — в самый раз, если не считать чересчур скромной верхней части. Поэтому Джоан Юнис решила и соски подвести помадой.

Удовлетворившись своим внешним видом (Босс, мы выглядим как дорогая проститутка.) (Надеюсь, очень дорогая? Или ты меня критикуешь?) (Вовсе нет. Хвалю.), она вышла из будуара.

— Доброе утро, доктор. Привет, Джейк. Присядете? Желаете кофе? Или принести из амбара бутылочку старого кентуккийского крысиного яда?

— Кофе, — ответил Саломон. — Дорогая, ты сегодня очаровательна.

— Льстец. Я только с тренировки. Вся взмылена и вояню, как скаковая лошадь.

— Не сильнее маленького пони. Включу кондиционер. Джоан Юнис, доктор Гарсия хочет тебя осмотреть.

— Зачем? Что-то не так? Я превосходно себя чувствую. Меня беспокоят только решетки в темнице моей и камень вместо подушки.

— Доктор Гарсия думает, что вопрос с решетками можно решить. Джоан Юнис, мы согласились, что тебе не стоит выступать в суде до полного выздоровления. Доктор Гарсия считает, что это время, возможно, настало.

— О. О! А где же отряд психиатров?

— Они у нас будут. Впрочем, они могут нам не понадобиться. Главное, чтобы нам было кого противопоставить экспертам другой стороны. Тебе предстоят длительные беседы и множество каверзных вопросов; наши собственные эксперты должны прийти в суд подготовленными.

(Подготовленными оправдать свои бешеные гонорары. Босс, не волнуйтесь, как только близко покажется психиатр, я залягу на дно.)

— Я готова. Рада, что доктор Гарсия заметил улучшения. Доктор, пройдемте в гардеробную? Винни, идем с нами. Джейк, «Уолл-стрит джорнал» на столе.

Оставшись наедине с врачом и медсестрой, мисс Смит спросила:

— Ну, доктор? Мне лечь на массажный стол?

— Не нужно. Осмотр чисто формальный, для отметки, что я осматривал вас в день выписки. Я послушаю вас стетоскопом, попрошу сказать: «А!» — все такое. Сядьте, пожалуйста, за туалетный столик и разденьтесь до пояса.

— Да, сэр.

Пока доктор Гарсия водил по ней стетоскопом, мисс Смит сидела молча, покашливая, вдыхая и выдыхая, когда ее об этом просили. Лишь однажды у нее вырвалось:

— Ой! Извините, мне щекотно. Это зачем?

— Прощупываю на предмет уплотнений. Опять-таки чисто для проформы, однако вас давно не проверяли.

(Нравится, детка?) (Тебе, Юнис, может, и нравится, а мне нет. Я предпочитаю более романтические прикосновения.) (Не надо обманывать свою бабушку. Нравится же.)

Доктор отошел и задумчиво осмотрел ее.

— Что-нибудь еще, сэр? Гинекологический осмотр? — спросила Джоан Юнис.

— Только если сами хотите. Вас что-то беспокоит?

— Ничего. Я готова на гризли с голыми руками отправиться.

— Не сомневаюсь, что вы выйдете из схватки победительницей. Тем не менее я все равно беспокоюсь.

— Почему, доктор?

— Ваш случай уникален. Я понимаю не больше вашего. Джоан, когда вы покинули этот дом — будучи еще мистером Смитом, — я не рассчитывал снова увидеть вас в живых. Когда вас привезли назад, я не надеялся, что вы придете в себя. Когда вы очнулись, мне было вас жалко... ведь я считал, что вы навсегда останетесь парализованы. Но вот вы передо мной, абсолютно здоровая. Вроде бы.

— Почему «вроде бы»?

— Не могу сказать. Трансплантационная хирургия — наука сложная, а о пересадке мозга мы знаем лишь то, что выяснили, наблюдая за вами. Джоан, последние две недели

вы нуждались в медицинском наблюдении не больше любой здоровой молодой женщины, вот хоть Винифред. — Врач пожал плечами. — Из вас двоих вы выглядите даже здоровее. Однако я могу ручаться, что Винифред, если не случится чего-нибудь непредвиденного, проживет положенный срок. А вы не вписываетесь ни в какой график, вы — единственный случай. Я вас не запугиваю, но лишь глупец делает прогнозы в неизвестной области. А я не глупец.

— Доктор, — спокойно ответила она, — вы намекаете, что тело может отторгнуть мозг или наоборот, что по сути одно и то же. Или что мое сердце может остановиться без видимой причины. Я все это знаю; я много читала о трансплантации, когда была Иоганном Смитом. Я не боюсь. Чему быть — того не миновать. Будем считать, что у меня короткий отпуск от старости, боли и скуки. — Она весело улыбнулась. — Я как будто умерла и попала в рай; даже несколько недель в раю — все равно что вечность.

— Хорошо, что вы принимаете это философски.

— Не философски. С радостью и любопытством, наслаждаясь каждым золотым мгновением!

— Что же... Я рад, что Винифред остается с вами. Надеюсь, надолго...

— Она вольна оставаться столько, сколько захочет. Хорошо бы навсегда.

— ...иначе я бы беспокоился. Но на Винни я могу положиться. Она знает, что делать в экстренной ситуации; все необходимое у нее под рукой. Помните, что я готов примчаться по любому ее зову. А теперь, милочка, давайте снимем передатчик. Наблюдения окончены. Сестра, спирт, вату.

— Сейчас. — Винифред обошла массажный стол и открыла медицинский шкафчик.

Доктор Гарсия отклеил крошечный передатчик:

— У вас небольшое раздражение. Механический дерматит. Думаю, с вашим иммунитетом пройдет до завтра. Но я буду скучать по утренним киносеансам.

— Что-что, сэр?

— Вам, наверное, не говорили, что я каждое утро наблюдал по мониторам, как вы упражняетесь. Ждал, что у вас начнется тахикардия или одышка. И ничего. В смысле, ника-

ких отклонений. Я видел, что вы делаете физические упражнения. Очень легкие, как я понял.

— Так и есть. Я занимаюсь йогой.

— Ничего себе! Я не назвал бы ее легкой, если только у нас разные понятия о йоге.

— Это не спринтерский бег и не тяжелая атлетика. Я... мы обе... ограничиваемся классическими позами. За исключением стойки на голове; после трепанации это было бы опрометчиво.

— Доктор, я бы ей не позволила! Но она и не пыталась, честное слово!

— Доктор, я не качаю мышцы ради красоты, я просто хочу в совершенстве овладеть моим новым — восхитительным! — телом. Взгляните.

Джоан поднялась, скинула пеньюар, встала в шесть дюймов от тренировочного коврика, уперлась левой ногой и подняла правую, одновременно наклоняясь вперед. Ниже... еще ниже... пока не ухватила обеими руками за левую лодыжку и не прижалась к ней щекой. Теперь ее ноги были в идеальном вертикальном шпагате.

Постояв так три секунды, она опустила руки на пол и медленно подняла левую ногу к правой, выполнив стойку на руках. Ноги сведены вместе, пальцы ног вытянуты, спина выгнута. Она продолжила изгибаться, пока ноги не коснулись коврика — «арка» превращается в «колесо», затем в «алмаз», колени и локти касаются пола, — и, сделав небольшую паузу, медленно перекатилась в позу лотоса.

— Ом мани падме хум.

(Ом мани падме хум. Идеальный дубль, переснимать не будем.) (Спасибо, Юнис. Это все благодаря моему прекрасному гуру, гуру.) (*De nada*¹, чела.)

Доктор Гарсия зааплодировал:

— Удивительно! Невероятно! Вы не устаете меня поражать. Винни, а вы так умеете?

Джоан плавно выпрямилась:

— Конечно! Милая, разденься и покажи доктору!

Медсестра залилась краской:

— Что вы! Доктор, не верьте ей. Я только учусь.

¹ Не за что (*исп.*).

— Да ну. Мне лишь немного приходится ее поддерживать. Через две недели она с легкостью повторит то, что я сделала сейчас. Это нетрудно, особенно если у тебя среди предков были дождевые черви.

— У вас точно были. Но от кого вы научились, если не от Винни?

(Так-так! Босс, осторожнее, он почуял подвох!)

— Доктор, сколько вам лет?

— А? Тридцать семь.

— Значит, мои занятия йогой начались за сорок лет до вашего рождения. Но тогда у меня не было на нее достаточно времени, — объяснила Джоан, — а потом не хватило здоровья. Не думала, что освою все заново с такой легкостью, но миссис Бранка, похоже, занималась йогой куда серьезнее, чем я в юности.

(Пускай проверит, милая.) (Босс, не слишком завирайтесь.) (Детка, я умел врать не краснея, когда твоя бабка еще пешком под стол ходила. Стереть, заменить — «твоя прабабка».)

— Ладно... я отмечу это в медицинском заключении, если придумаю, как описать. Вот ваш пеньюар, Джоан.

— Спасибо. — Вместо того что позволить надеть на себя пеньюар, Джоан просто взяла его в руки. — Доктор, с вами рассчитается мистер Саломон. Но мне хотелось бы добавить и кое-что от себя.

Доктор Гарсия помотал головой:

— Врач не должен принимать ничего сверх гонорара... а мой, уверяю вас, достаточно высок.

— Я настаиваю. — Джоан уронила пеньюар на пол. — Винни, милая, отвернись.

Она обняла растерявшегося врача и подняла лицо для поцелуя.

Тот немного помешкал, но спустя секунду тоже обнял ее и поцеловал. Джоан тихо выдохнула, разомкнула губы и крепче прижалась к доктору.

(Не лишитесь чувств! Нельзя упускать момент!) (Юнис, отстань, я занята!)

Доктор Гарсия отстранился, перевел дыхание и строго взглянул на Джоан. Затем поднял с полу пеньюар и надел на нее.

— Спасибо, доктор. — Джоан с улыбкой отвернулась.
— Гм. Думаю, теперь ничто не мешает мне написать, что вы в прекрасной физической форме. А теперь вам пора к мистеру Саломону.

— Скажите, что я буду через минуту.

Джоан дождалась, когда дверь закроется, бросилась в объятия Винни и захихикала:

— Винни, ты не подглядывала? Надеюсь, что да.

— Я отвернулась. Но в зеркале все было видно. Ух!

— Ух! Так вот оно как. Милая, теперь я уже не чувствую себя абсолютной девственницей.

— Как он? Хорош?

— Не знаю, сравнить-то не с кем. Славный Джейк лишь чмокает меня по-отечески. По-настоящему я целуюсь только с тобой, но ты девушка, к тому же ниже меня ростом. Доктор — первый мужчина, с которым я поцеловалась как надо. Едва не растаяла и не утатила его на ковер. А ты с ним целовалась?

— С ним? Джоан, милая, если бы я рассказала об этом другим, мне бы никто не поверил. Доктор Гарсия даже по попе не шлепнет, только и знает, что ворчать.

— А меня он разок шлепнул. Кажется. Я плохо помню.

— Я видела. Глазам своим не поверила. Джоан, вы ведь в шутку попросили меня раздеться?

— Вовсе нет. Раз я могу, почему ты не можешь?

— Вы пациентка, а я медсестра и должна быть роботом.

— Но ты же не робот.

— Ну... в любом случае у меня бы не вышло повторить это упражнение. Оно слишком трудное.

— Я сказала, что через две недели у тебя получится. Напомнить доктору, чтобы пришел посмотреть?

— Джоан, не издевайтесь! — Рыженькая медсестра задумалась. — Вы и правда считаете, что через две недели я смогу?

— Уверена. Только делать надо без одежды. Даже трико помешает. Так что если будешь краснеть и трусить, мне лучше ни о чем нашему дорогому доктору не напоминать...

— Ох... со стороны поцелуй выглядел очень горячим. Но Полу такое не понравится...

— Что не понравится? Что ты покажешь доктору идеальное владение телом? Или поцелуй? Или то, к чему может привести поцелуй? И как Пол узнает, если ты сама ему не расскажешь?

(Босс, хватит растлевать молодежь!) (Чепуха. Юнис, Пол в любом случае либо не хочет на ней жениться, либо не может, потому что уже женат. Она не его собственность. Да и ты сама говорила, что секс — не спортивные состязания, а удовольствие.)

— Доктор все равно не захочет со мной целоваться. Он даже не замечает, что я женщина.

— Не верь. Ты — женщина, а он не дурак. Поцелует как миленький, если я намекну, что именно так положено благодарить за великолепный акробатический этюд. У тебя две недели на раздумья. А мне пора к моему дорогому Джейку.

— ...имеющим дело к данному досточтимому суду выйти вперед!

— С позволения суда, хотя истицы готовы приступить к слушаниям, они хотели бы со всем уважением обратить внимание суда, что начальные условия не выполнены. Разбирается вопрос о дееспособности Иоганна Себастьяна Смита, деда четырех истиц, но нам неизвестно, присутствует ли он на заседании.

— *К порядку!* Прекратите шум *немедленно*. Или я прикажу очистить зал! Представитель истиц, вы утверждаете, что мисс Смит — та молодая особа, на которую я указываю, — *не* Иоганн Себастьян Бах Смит?

— Представитель истиц ничего не утверждает, ваша честь. Я лишь отмечаю, что у нас нет документальных подтверждений того, что лицо, на которое указывает ваша честь, — Иоганн Себастьян Бах Смит. Следовательно, вопрос его дееспособности не может рассматриваться, пока его личность не подтверждена должным образом.

— Представитель истиц пытается учить судью законам?

— Ни в коем случае!

— А мне показалось, пытается. Хочу напомнить представителю истиц, что сегодняшнее дело рассматривается в рамках права справедливости, а не общего права и процедуры устанавливает сам суд.

— Конечно, ваша честь. Приношу извинения за расплывчатые формулировки.

— Вы были на одну шестую дюйма от неуважения к суду. Следите, чтобы это не повторилось.

— Да, ваша честь.

— ...поскольку меня утомило поведение половины зрителей и по меньшей мере девяноста процентов репортеров, приказываю приставу очистить зал суда. Ивлин, вызовите ваших людей и выставьте этот сброд за дверь. Если ненароком разобьете камеру-другую, не беда... Истицы, адвокаты, опекун и его подопечная — уточню, предполагаемая подопечная, — пройдите в судейские покои, пока не расчистят этот бардак.

— Джейк, как забавно! Если я не я, то я разорена и свободна как птица! Тебе придется взять меня замуж, чтобы мне не пришлось жить на пособие.

— Иоганн, прекрати! Дело серьезное!

— Джейк, не вижу ничего ужасного. Если я не я, значит я умер. Увидеть лица моих ненаглядных внученек, когда им зачитают завещание и они узнают, что получили сущие гроши, да еще и обладаемые налогом, — да ради этого и на мели остаться не жалко. Джейк, любой богач отдал бы все, чтобы услышать, как зачитывают его завещание, — и у меня есть шанс.

— Гм. Согласно их версии, Юнис тоже должна присутствовать при оглашении завещания. Помнишь параграф о «всех людях, не названных поименно, бывших у меня на службе на момент моей смерти»?

— Не слишком. Но тебе виднее, ты же завещание составлял.

— Такой параграф есть. Если ты не Иоганн, значит ты Юнис. Третьего не дано.

(А вот и нет! Мы и Иоганн, и Юнис!) (Юнис, как все это весело!) (Согласна, босс!)

Покои судьи Маккэмпбелла оказались удобной гостиной. Впустив всех, он осмотрелся:

— Гм... Джейк, Нед, мисс Смит, Алек, миссис Сьюард, миссис Фрабиш... вы, полагаю, миссис Крэмpton?.. и миссис Лопес. Паркинсон, а вы здесь каким боком?

— *Amicus curiae*¹, ваша честь.

— Вы не друг этого суда. Выметайтесь.

¹ Друг суда (*лат.*). Независимый сторонний эксперт (или лоббист), предлагающий суду неофициальную оценку какого-либо вопроса.

— Но...

— Сами выйдете или вас вышвырнуть?

Паркинсон предпочел выйти сам. Когда дверь за ним закрылась, судья сказал:

— Сперлинг, включите эту штуковину, чтобы я мог записывать, когда захочу, и выйдите. Алек, вы, кажется, хотите возразить?

— Что? Ни в коем случае, ваша честь.

— Хорошо. Пришла пора развеять туман над этим дурацким делом. Кому противотуманное средство? — Судья открыл бар. — Алек? Джин с тоником, как всегда?

— Благодарю, ваша честь.

— А что для дам? Миссис Сьюард? Спиртного? Или кофе? Эта машина и чай может приготовить, если я вспомню, какую кнопку нажать. А ваша сестра и кухни? Мисс Смит? Я помню, что вы обычно заказывали в Гибралтарском клубе. Ваши вкусы не изменились?

(Босс, осторожно! Он нас проверяет!) (Юнис, спокойно.)

— Ваша честь, с новым телом мои вкусы несколько изменились. Однако я с нежностью вспоминаю «Глен Грант» со льдом, хотя врачи и запретили мне его много лет назад. Впрочем, с тех пор я не пила ничего столь крепкого и, поскольку слушается дело о моей дееспособности, ограничусь кофе. Или колой, если ее можно выдоить из вашей машинки.

Судья задумчиво потер нос:

— Не уверен, что стоит начинать разбирательство, пока мы не подтвердим вашу личность. Про «Глен Грант» вам и Джейк мог рассказать. При мысли, что Иоганн Смит заказывает колу, меня оторопь берет.

Джоан улыбнулась:

— Понимаю. Это не в моем духе. Врачи запретили мне газированные напитки еще раньше, чем виски. Примерно тогда, когда вы только поступили в юридический колледж. Если, конечно, я — Иоганн Смит. Если нет, то я прошу разрешения выйти, ведь в таком случае я не нахожусь под опекой данного суда и не должна здесь присутствовать. Ведь так?

Маккэмпбелл задумался еще глубже:

— Джейк, хотите предостеречь клиента? Нет, не «клиента». Вашей... нет, все равно не то. Бог знает кто вы такая;

это нам и предстоит выяснить. Юная леди, садитесь, я доведу вас к коллу. Алек, поухаживайте за остальными дамами. Джейк, вы с Недом сами справитесь. Завтра утром у нас с Алеком назначена встреча с рыбами в Новой Шотландии, и я не хочу заставлять их ждать. Алек, ирландская бестия, вы всерьез сомневаетесь в личности этой молодой особы?

— Ну... ваша честь, если я замечу, что ваш вопрос неверно сформулирован, вы сочтете это неуважением к суду?

Маккэмпбелл вздохнул:

— Юная леди, не обращайтесь на него внимания. Мы с ним еще в колледже в одной комнате жили. Он с тех пор меня донимает. Когда-нибудь я впаяю ему тридцать суток, чтобы он задумался о своем поведении... а завтра в полпятого утра окуну в очень холодную воду. Случайно.

— Мак, только попробуй. Я тебя засужу. По канадским законам.

— Ваша честь, я знаю, что вы жили в одной комнате. Вы оба окончили Дартмутский колледж, выпуск семьдесят восьмого года, если не ошибаюсь? Пускай Алек спрашивает меня что хочет, я отвечу.

Миссис Сьюард взвизгнула:

— Я протестую! Снимите у этой... *самозванки* отпечатки пальцев и...

— *Миссис Сьюард!*

— Да, ваша честь? Я хотела сказать...

— *Заткнитесь!*

Миссис Сьюард повиновалась. Судья Маккэмпбелл продолжил:

— Мадам, то, что мы перешли в мои покои, не значит, что судебное заседание окончено и я стану терпеть неуважение к себе. Я с радостью выгоню любого из присутствующих. Алек, постарайтесь убедить ваших клиенток, что я не шушу.

— Конечно, ваша честь. Миссис Сьюард, впредь высказывайте свои предложения *мне*, а не судье.

— Но я лишь хотела...

— Миссис Сьюард, помолчите! Вы здесь исключительно с любезного согласия судьи. Ваша честь, примите мои извинения. Я объяснил моим клиенткам, что установление личности — формальность, которая только затянет процесс.

Джейк Саломон не рискнул бы привести мошенницу... извините, мисс Смит... мошенницу на заседание суда.

— Знаю.

— Но они настояли. Если миссис Сьюард не возьмет себя в руки, я попрошу освободить меня от ведения этого дела.

Судья с улыбкой помотал головой:

— Нет уж, Алек. Вы их сюда притащили, вам за них и отвечать — по меньшей мере до конца заседания. Джейк, от вашего лица по-прежнему будет выступать Нед или сами возьметесь?

— Каждый из нас будет высказываться, когда сочтет нужным. Мы друг другу не помешаем.

— Нед?

— Конечно, ваша честь. Джейк может сам говорить за себя и сделает это, когда понадобится. Но я заинтригован процессом. Для меня это в новинку.

— Не сомневаюсь. Что же, не воздерживайтесь от дельных замечаний. Алек, не думаю, что сегодня мы управимся. Согласны?

Алек Трейн молчал. За него голос подала Джоан:

— Почему нет, ваша честь? Я здесь. Задавайте любые вопросы. Несите дыбу и клещи — я все скажу.

Судья снова потер нос:

— Мисс Смит, порой я думаю, что мои предшественники зря отказались от этих инструментов. Для себя я могу решить, являетесь ли вы Иоганном Себастьяном Бахом Смитом, проживающим в этом городе и владеющим «Смит энтерпрайзес лимитед». Но все не так просто. В обычном случае для установления личности мы бы последовали предложению миссис Сьюард и сверили отпечатки пальцев. Но не в вашем. Алек, скажите, истицы признают, что мозг их деда был пересажен в другое тело?

Адвокат скорчил гримасу:

— С дозволения суда, я должен заявить, что не уполномочен делать подобных выводов.

— В таком случае какова ваша версия?

— «Пропал без вести и, вероятно, умер». Согласно нашей позиции, бремя доказательства лежит на той, кто выдает себя за Иоганна Себастьяна Баха Смита.

— Джейк?

— Ваша честь, я не могу согласиться с тем, что бремя доказательства лежит на моей клиентке — которая также является моей подопечной. Она присутствует на заседании, потому что она — Иоганн Себастьян Бах Смит. Мне это доподлинно известно. Мы оба готовы ответить на любые вопросы суда, необходимые для подтверждения личности. Я собирался было сказать, что готовы ответить на вопросы любого из присутствующих, но пришел к выводу, что моя клиентка здесь — *единственное* заинтересованное лицо.

— Ваша честь?

— Да, мисс Смит? Джейк, вы готовы дать ей слово?

— Конечно.

— Мисс Смит, я вас слушаю.

— Благодарю, ваша честь. Пускай мои внуки задают любые вопросы. Я знаю их с младенчества и раскушу любую их уловку. Вот, например, Иоганна — та, которую вы зовете «миссис Сьюард», — никак не могла приучиться к горшку. На ее восьмой день рождения, пятнадцатого мая тысяча девятьсот шестидесятого, когда сорвалась намеченная в Париже встреча Хрущева и Эйзенхауэра, ее мать, моя дочь Эвелин, пригласила меня на торжество. Усадила Иоганну ко мне на колени, а та тут же пустила струю...

— Не было такого!

— Ну как же, Иоганна? Эвелин схватила тебя, извинилась и объяснила, что ты постоянно писаешься. Не знаю, правда ли это, — у моей дочери была привычка врать по любому поводу.

— Ваша честь, как вы смеете позволять этой... этой особе оскорблять память моей матери?!

— Миссис Сьюард, ваш адвокат вас предупредил. Если вы не намерены внять его предостережению, то я вправе посадить вас в бочку и вы получите слово, только когда я распоряжусь вынуть затычку. Или что-нибудь в таком духе. Алек, заткните ее. Подавите ее, как в «Алисе в Стране чудес», на которую наше заседание уже начинает походить. Она не заинтересованная сторона, а свидетель; пускай говорит, когда ее вызовут. Так вот, мисс Смит...

— Да, сэр?

— Ваше мнение о ваших предполагаемых потомках не может считаться доказательством. Есть что-нибудь, извест-

ное Иоганну Смиту, но неизвестное Джейку Саломону? Такое, что я либо знаю, либо могу легко проверить.

— Сложно сказать, ваша честь.

— Не сомневаюсь. Но другой вариант — на сегодня — предположить, что вы хорошо выучившая роль самозванка, и допрашивать вас, пока не допустите ошибку. И этот вариант не слишком мне нравится. Поскольку, раз уж вопрос возник, окончательный вердикт должен быть сделан на основе доказательств не менее твердых, чем отпечатки пальцев.

— Понимаю, но не знаю, как это сделать. — Джоан с улыбкой развела красивыми руками. — Мои отпечатки пальцев — да и все остальное, что можно сличить, — принадлежат моему донору.

— Да, да, разумеется. Но муху можно прихлопнуть не только газетой. Позже.

— Гхм!

— Джейк, в чем дело?

— Ваша честь, в интересах моей клиентки я должен заявить, что физиологическая идентификация в данном деле неприемлема. Вопрос, на который требуется дать ответ, таков: является ли данный индивид с номером социального страхования 551-20-0052 Иоганном Себастьяном Бахом Смитом? Я считаю, что лучше всего, пусть и не в полной мере, на него отвечает дело «Семья Генри М. Парсонса против Род-Айленда».

— Джейк, вы гораздо старше меня, и я не сомневаюсь, что законы вам известны лучше, чем мне. Однако сегодня я в роли судьи, — спокойно ответил Маккэмпбелл.

— Безусловно, ваша честь! С позволения суда, я...

— Хватит лебезить. Мы уже не в зале суда. Вы принимали у меня выпускной экзамен и рекомендовали поставить мне высший балл, поэтому прекрасно знаете, что я тоже не простофиля. Дело Парсонса, конечно, уместно рассматривать в качестве прецедента, мы вернемся к этому позже. Но пока я ищу способ вынести временный вердикт. Ну что, мисс Смит?

— Ваша честь, для меня не имеет значения, установят мою личность или нет. Как говорил один галантный джентльмен, «бедность меня не пугает». — Она неожиданно усмех-

нулась и посмотрела на внучек. — Вы позволите сказать вам кое-что забавное... наедине?

— Гм... я мог бы попросить всех, кроме вас и вашего адвоката, покинуть помещение, но давайте оставим шутки до окончания заседания.

— Хорошо, сэр. В таком случае могу я сказать внукам кое-что, не имеющее отношения к делу?

— Уф. Давайте, но не для протокола.

— Благодарю, ваша честь. Девочки — Иоганна, Марла, Джун, Элинор, — взгляните на меня. Вы тридцать с лишним лет ждали моей смерти. Теперь вы рассчитываете доказать ее, иначе не стали бы идти в суд. Девочки, я от всего сердца надеюсь, что у вас получится... потому что мечтаю увидеть ваши лица в момент оглашения завещания.

(Босс, как вы их приложили! На них уже стоит посмотреть!) (Вижу, милая. А теперь тише, мы еще не в безопасности.)

— Ваша честь...

— Да, Алек?

— Хочу заметить, что это не имеет отношения к делу.

— А я что сказала, мистер Трейн? — перебила Джоан. — Как бы то ни было, им лучше попытаться опротестовать завещание, чем заниматься этой чепухой. — Она задумчиво добавила: — Возможно, мне следовало учредить для них пожизненный трастовый фонд, чтобы моя жизнь была им выгоднее моей смерти... и тем уберечь себя от патрицида. Ваша честь, я могу использовать термин «патрицид», несмотря на то что я теперь женщина?

— Если б я знал! Может, «авицид» лучше подойдет... нет, «авицид» означает истребление птиц и не имеет отношения к *avis*¹. Ладно, мисс Смит, это вы со своим адвокатом можете решить. Вернемся к нашим баранам. Вы вспомнили что-нибудь, чего не мог вам рассказать Джейк Саломон?

— Это сложно. Джейк ведет мои дела с незапамятных времен. Мм... Ваша честь, а можно пожать вам руку?

— А?

— Под столом, чтобы не видел никто, кроме мистера Трейна.

¹ Дед (*лат.*).

Озадаченный судья исполнил просьбу Джоан.

— Черт побери! — воскликнул он. — Простите. Мисс Смит, пожмите-ка руку Алеку.

Джоан сделала это, закрывшись от зрителей. Мистер Трейн удивился не меньше судьи и прошептал что-то ей на ухо. Джоан так же шепотом ответила.

(Босс, это еще что за штучки?) (Потом расскажу — хотя девушкам этого знать не положено.)

Маккэмпбелл задумался:

— Мистер Саломон не мог вас этому научить?

— Спросите его. Джейк был варваром, не греком.

— Естественно, я был варваром, — проворчал Саломон. — Не хватало мне только числиться символическим евреем в обществе, не желающем менять свой устав. А что такое?

Трейн сказал:

— По всему выходит, что мисс Смит — наш с судьей брат по студенческому обществу. Мм... наверное, правильнее сказать «сестра». Ваша честь, можно легко проверить, в каких братствах состояли, и состояли ли Иоганн Смит и мистер Саломон. Впрочем, должен признать, что нахожу довод весьма убедительным.

— Позвольте добавить, — сказала Джоан. — Мистер Трейн — брат Алек, — конечно, проверьте нас. Только ищите не Смита, а Шмидта — моя фамилия до сорок первого. Мои внуки знают про смену фамилии. Но ведь вам обоим знаком Фонд взаимопомощи нашего братства?

— Да.

— Конечно, мисс Смит.

— Когда меня приняли в «Фи-Бета-Каппа» — а это случилось на последнем курсе, и то лишь потому, что наше отделение очень хотело видеть в своих рядах отличника, а один из выпускников согласился заплатить за мое посвящение, — фонда еще не существовало. Его создали, когда началась Вторая мировая. Несколько лет спустя, во многом благодаря моим усилиям, фонд разросся; в пятьдесят шестом меня назначили одним из его попечителей, и эти обязанности лежали на мне до конца восьмидесятых, пока необходимость сосредоточиться на собственной компании не заставила меня оставить пост. Ваша честь, весной семьдесят восьмого вы взяли из фонда полторы тысячи долларов.

— А? Было дело. Но я их вернул, а позднее внес такую же сумму согласно уставу.

— Приятно слышать, что вы сделали взнос. Деньги-то вы вернули еще при мне. Ваша честь, все знали меня как строгого попечителя, не одобряющего займы по малейшей прихоти ленивого первокурсника. Только если повод был действительно серьезный. Хотите знать, что побудило меня одобрить ваш?

Судья моргнул:

— Не нужно. По крайней мере, не сейчас. Алек и так знает.

— Да, — согласился Трейн. — Я бы сам одолжил денег, если бы они у меня были.

(Босс, в чем было дело?) (Еще один случай «ревматической лихорадки», милая.) (Он брал деньги на аборт?) (Нет, что ты, он женился на девушке. Но это все равно скелет в шкафу.) (Гадина.) (Нет, Юнис. Мои внуки не знают, о чем я говорю, и Джейк тоже.)

— Тогда не вижу причин это обсуждать, — заключила мисс Смит, — если только ваша честь не хочет допросить меня с глазу на глаз. Если решитесь — напомните рассказать забавную историю о родословной моих ненаглядных внуков. Даже в самых приличных семействах всякое случается, а семья Шмидт в их число никогда не входила. Мы — я и мои потомки — плебеи; единственное, что выделяет нас из толпы, — избыток денег.

— В другой раз, мисс Смит. Я готов вынести временный вердикт. Представители сторон согласны?

— Согласны.

— Добавить нечего, ваша честь.

Маккэмпбелл сложил кончики пальцев домиком.

— Отпечатки пальцев и сканирование сетчатки глаза не единственные способы установить личность. Имярек может лишиться рук, ног и глаз, обгореть так, что даже дантист не узнает его по зубам, но при этом останется Имяреком с тем же страховым номером. Мисс Смит, если вы действительно Иоганн Себастьян Бах Смит, то ваш случай сопоставим; однако я рад отметить, — судья улыбнулся, — что увечий у вас не видно.

Суд нашел представленные вами доказательства достаточно убедительными. Таким образом, мы временно заклю-

чаем, что вы — Иоганн Себастьян Бах Смит. Однако, — судья повернулся к Саломону, — теперь в игру вступает прецедент Парсонса. Поскольку Верховный суд постановил, что жизнь и смерть определяется состоянием мозга, и ничем более, данный суд решает, что и личность определяется мозгом, и ничем более. Прежде в юридической практике не было подобных случаев, теперь же данное решение необходимо. Любое иное суждение будет идти вразрез с выводами Верховного суда по делу «Семья Генри М. Парсонса против штата Род-Айленд», а также создаст путаницу в случае будущих аналогичных дел. Отныне личность устанавливается по мозгу.

Таким образом, Джейк, бремя доказательства ложится на вас и вашего клиента. Позже вы должны будете документально подтвердить, что мозг Иоганна Себастьяна Баха Смита был извлечен из его тела и помещен вот в это. — Маккэмпбелл указал пальцем.

Джейк кивнул:

— Хорошо, ваша честь. Даже чек нельзя обналичить, не подтвердив свою личность, это неоспоримо. Но сегодня нас застали врасплох.

— Суд тоже застали врасплох. Алек, и я тоже когда-нибудь застану вас врасплох — и это будет похлеще, чем подвернутые простыни или взрывающаяся сигара. Черт возьми, вам следовало предупредить суд и адвоката другой стороны.

— Прошу прощения, ваша честь. Я слишком поздно получил указания.

— Вы обязаны были сразу попросить отсрочку, а не устраивать балаган из открытого заседания. Вы ведь не новичок. Как бы то ни было, слушание было очень поучительным. Мисс Смит — мисс Иоганн Себастьян Бах Смит, со всеми оговорками, — вам назначили опеку по единственной причине: вы не могли вести свои дела ввиду постоперационной недееспособности. Прошу занести в протокол, что причиной вашей недееспособности не было ни сумасшествие в юридическом смысле слова, ни психическое расстройство в медицинском. Вы всего лишь продолжительное время находились без сознания. Теперь вы в сознании и, насколько можно судить, добром здравии; суд также отмечает, что в ходе заседания вы продемонстрировали вни-

мание и ясный ум. Таким образом, единственный повод для назначения опеки — бессознательное состояние — потерял актуальность и мистер Саломон освобождается от статуса вашего опекуна. Алек, в чем дело?

— Прошу слова! Как представитель истец, я прошу внести в протокол возражение.

— На каких основаниях?

— На основании отсутствия экспертного заключения по дееспособности, гм, мисс Смит.

— Вы располагаете экспертами, готовыми освидетельствовать мисс Смит?

— Разумеется.

— Джейк, а вы?

— Безусловно. Они ожидают вызова.

— Сколько их у вас?

— Пфф! На одного больше, чем у Алека, сколько бы их у него ни было.

— Так я и думал. Если мы начнем приглашать этих экспертов одного за другим и давать каждому время потешить свое эго, та рыба в Новой Шотландии помрет от старости. Спокойно, Алек! Недееспособность данного лица была установлена без привлечения экспертов на основании того, что оно находилось в коме, и это основание теперь отсутствует. Алек, ваше возражение будет внесено в протокол, но я указываю вам, что требование экспертизы необоснованно. В этом случае бремя доказательства ложится на вас. Истицам придется продемонстрировать что-нибудь помимо желания заполучить крупные суммы денег, о которых идет речь. Каждый человек, каждый гражданин считается вменяемым, пока не доказано обратное, — каждый, включая меня, вас, Джейка, мисс Смит, истец и того неграмотного субъекта, который наполняет бар и уносит пустые бутылки. Суд не станет создавать исключительно дурной прецедент, позволяя копаться в вопросе чей-либо дееспособности без существенного повода. Впрочем... Джейк?

— Да, ваша честь?

— Мы все знаем, из-за чего эти слушания. Из-за денег. Больших денег. Объясните мисс Смит, что ее дееспособность могут оспорить позднее.

— Мы к этому готовы.

— Вы больше не опекун мисс Смит, но будете по-прежнему управлять собственностью Иоганна Себастьяна Баха Смита до убедительного подтверждения личности — повторяю, *убедительного*. Вы должны будете проследить на всех этапах, как мозг Смита оказался в этом теле. Как фамилия хирурга? Бойл? Понадобятся его показания. И не только его. Я не приму никаких голословных утверждений; ставки слишком высоки, чтобы давать повод для успешной апелляции. Алек, если вы собираетесь оспаривать вменяемость мисс Смит, придется подождать, пока ее сторона представит свои доказательства, и — если дело по-прежнему будет рассматриваться в моем суде — обосновать свой протест. Согласны?

— Выбора нет.

— Правильно. Заседание суда объявляется закрытым!

Раскрасневшаяся миссис Сьюард поднялась и выпалила в лицо Алеку Трейну:

— Вы уволены!

Маккэмпбелл сухо прокомментировал:

— Мадам, вам крупно повезло, что вы сдержались до окончания заседания. А теперь выметайтесь. Остальные три дамы тоже свободны.

Джун, сестра Иоганны, обратилась к нему:

— Ваша честь, позвольте вопрос?

— Конечно, миссис Фрабиш.

— Вы отпустили эту женщину, и я вас не виню. Но с какой стати ей позволено жить в доме нашего деда? Вы наверняка знаете, что там хранится множество, невероятное множество ценных предметов искусства. Она ведь может все это распродать, покуда мы доказываем, что она не наш дед!

— Ах, мадам. Мистер Саломон — человек ответственный. Впрочем, Джейк, насколько правомочно просить, чтобы ни один предмет, представляющий художественную или сентиментальную ценность, не покидал пределы особняка до окончания процесса?

— Вполне. Я почти все время провожу в особняке, поскольку управляю хозяйством. Но я поговорю с начальником охраны.

— Ваша честь, могу я добавить?

— Конечно, моя... то есть мисс Смит.

— Мне нужна охрана *от них*. Джун понятия не имеет, какими предметами искусства я владею. Внучки ни разу не были у меня дома. Во время моей продолжительной болезни ни одна из них даже не заглянула, не прислала цветов, ничего такого. После операции — то же самое. Только Иоганна — миссис Сьюард — однажды пыталась ко мне вломиться. Я не доверяю им и прошу у суда защиты.

— Джейк, что скажете?

— Я при этом не присутствовал, но начальник охраны утверждает, что так и было.

— Миссис Сьюард?

Та фыркнула:

— У меня было на это право! Я — ближайшая родственница!

— Все ясно. Хорошо, дамы, послушайте меня. Вам запрещается появляться дома, в офисе или на территории других владений Иоганна Себастьяна Баха Смита. Вы также должны воздерживаться от попыток поговорить или увидеться с дамой, которую я называю «мисс Смит». Если вам нужно будет связаться с ней или мистером Саломоном, вы должны через данный суд или через вашего адвоката, уж кто там это будет, обратиться к мистеру Саломону, а не к мисс Смит непосредственно. За несоблюдение данного распоряжения всем четверем из вас будут грозить серьезные санкции. Ясно? Вопросы?

Подождав, но не услышав вопросов, Маккэмпбелл заключил:

— Хорошо. Теперь вы четыре можете идти.

Судья проводил их взглядом. Когда дверь захлопнулась, он выдохнул:

— Уф! Мисс Смит — или мне звать вас братом Шмидтом? — а теперь как насчет «Глен Гранта» со льдом? Впрочем, «Глен Гранта» нет, только «Гленливет».

Джоан улыбнулась:

— Я правда не пила ничего крепкого с тех пор, как очутилась в новом теле. Нам с Джейком пора. Да и вас с братом Алеком рыбки дожидаются.

— О, присядьте. Алек уже сложил снасти в машину, а до прибытия моего вертолета еще целый час. Может, еще колы?

— А херес у вас есть? Я приятно хмелею всего от одного бокала, — полагаю, мой донор вообще не употребляла алкоголь.

(Почти никогда, босс. А теперь вы меня спаиваете!) (Тише, милая, потом поговорим.) (Хорошо... но не забудьте спросить его имя. Наша честь — такой милашка! Интересно, каков он в постели?) (Опять ты за свое! Я спрошу его имя, только помолчи!)

— Херес так херес. Джейк? Нед? Алек?

— Ваша честь, моя помощь Джейку больше не нужна, поэтому я пойду, — ответил Нед.

— Хорошо, Нед. Алек, обслужи себя и Джейка, а я хочу полюбоваться на брата Шмидта. Мисс Смит, скорее всего, мы с вами больше не увидимся. Ваши внуки наверняка потребуют передать дело в высшие инстанции. С рукопожатием вы здорово придумали. К сожалению, сегодня я мог предоставить вам лишь небольшую временную защиту.

— Благодарю, сэр. В смене пола есть одна занятная штука. Когда я была дряхлым беспомощным стариком, я ничего не боялась. Теперь я молода и здорова, но мне хочется, чтобы меня оберегали. Наверное, это женское.

Из-за барной стойки высунулся Алек Трейн:

— Брат Шмидт, я буду вас оберегать! Не доверяйте брату Маккэмбеллу — он был первым жеребцом в наших рядах! Посторонись, брат Жеребец, теперь моя очередь взглянуть поближе на нашего нового брата.

— Ребята, я не «новый брат». Меня приняли в братство еще до вашего рождения. Но неудивительно, что вам нравится на меня смотреть. Мой донор... Джейк, им известно?

— Это не секрет. Судья Маккэмбелл точно знает, да и Алек наверняка.

(Джоан, скажите ему, если не знает. И не забудьте про наше имя!) (А к чему я, по-твоему, веду?)

— Понятно. Мой донор Юнис Бранка, моя бывшая секретарша и милейшая девушка на свете, была не только прекрасным работником, но и победительницей на конкурсе красоты. Мне досталось от нее настоящее сокровище, и пусть я не умею пользоваться им с той же грацией, я учусь это делать.

(Босс, у вас неплохо получается.)

— Суд согласен с этим заявлением.

— Мак, заткнись. Брат Шмидт, я согласен с ним только потому, что он прав.

— Спасибо вам обоим от имени Юнис Бранки. Джейк, раз заседание окончено, можно мне избавиться от этого миссионерского платья? Мне жарко.

— Как хочешь. Зависит от того, что у тебя под ним.

— Гм... тогда не сто́ит. По сегодняшним нормам я одета минимально прилично, но в моей молодости такой наряд смутил бы и танцовщицу варьете.

(Эксгибиционистка. Вы же их только раззадорите.) (Конечно. А кто меня научил? По крайней мере, на мне настоящий лифчик, а не краска, как в том костюме русалки, которым ты меня поразила.)

— Брат Шмидт, для определения личности порой требуется раздеться догола. Чтобы сравнить родимые пятна, шрамы и прочее, — заметил Алек Трейн. — Скажите ей, ваша честь.

— Не слушайте его, брат Шмидт. Я бы не стал называть вашу прекрасную тунику миссионерским платьем, но она, безусловно, предназначена для улицы. Снимайте, я найду куда ее повесить.

— О... знаете, я никак не могу избавиться от своих пуританских взглядов начала двадцатого века. Джейк видел меня в откровенных нарядах, в каких ходит сейчас большинство девушек, а Юнис — даже и без того немногого, что у меня под платьем; она не стеснялась делиться своей красотой.

(Продаете себя повыгоднее? Кто вам больше нравится?) (Тише!)

Джоан провела пальцем по магнитной застежке, и платье упало на пол. Алек Трейн с судьей бросились его поднимать, и адвокат оказался быстрее.

Она приняла соблазнительную позу:

— Видите? Примерно так выглядела Юнис Бранка, только куда ярче и изящнее. А я просто старик, неумело распоряжающийся ее телом.

Помимо тела Юнис, на Джоан была одежда Винни — черная юбка с оборками, просвечивающий накладной бюстгальтер и сандалии на шестидюймовых шпильках, подчер-

квивающих красоту ног. Никакой краски, только тени и немного румян, чтобы подчеркнуть формы.

Все вытаращились на нее. Джейк откашлялся громче обычного:

— Джоан, если бы я знал, что на тебе надето — а точнее, не надето, — то рекомендовал бы остаться в платье.

— Фи, Джейк. Если бы так оделась Юнис, ты не стал бы ее журить. К слову, ваша честь, я не могу и дальше зваться Иоганном Смитом. Можно мне сменить имя?

— Брат Шмидт, вопрос некорректен. Вы вправе называться как угодно, а суд регистрирует это имя. Вы, вероятно, хотите женское. Может быть, Елена? Или Клеопатра?

— Спасибо... от лица Юнис. — (Босс, узнайте, женат ли судья!) (Да угомонись ты уже!) — Эти имена не подойдут. Я хочу, чтобы меня звали Джоан — от «Иоганна»... Джоан... Юнис... Смит.

Сперва судья Маккэмпбелл удивился, но тут же одобрительно улыбнулся:

— Хороший выбор. Напоминает о вашем мужском имени и воздаст дань вашему донору. Позвольте совет? Можете уже с сегодняшнего дня пользоваться этим именем...

— Я уже пользуюсь.

— Да, я заметил, что Джейк назвал вас Джоан. Так вот, пусть это имя будет для друзей. А пока ваша личность официально не подтверждена Верховным судом, подписывайте все документы, письма, чеки и прочее прежним именем. Не усложняйте ситуацию.

— Я дал ей тот же совет, — вставил Саломон.

— Логично. Мисс... брат Шмидт, как мне обращаться к вам в неофициальной обстановке?

— Джоан или Юнис. Лучше вместе, потому что я не хочу, чтобы Юнис Бранку забыли. Пусть мне постоянно напоминают о моей благотельнице. А вот «мисс» отбросьте. Братья, «брат Шмидт» на полвека старше вас, а Джоан Юнис от роду несколько недель. Однако тело Юнис молодое, и я учусь... должна научиться!.. быть молодой. У вас могли бы быть дочери моих лет. Поэтому зовите меня Джоан Юнис, а «мисс Смит» оставьте для судебных заседаний. — Она улыбнулась. — «Брат Шмидт» тоже годится, хотя в университете братья звали меня просто «Йонни».

— Джоан Юнис брат Йонни Шмидт, — сказал Алек, — у меня нет дочерей вашего возраста, и от одного взгляда на вас я сам молодею, но я рад звать вас так, как вам угодно. А вот за своего соседа по комнате поручиться не могу; страшно даже сказать, сколько лет некоторым его отпрыскам. Он был настоящим бедствием двести тридцать восьмой школы, поэтому доверьтесь мне и держитесь от него подальше. Знаете, как я счастлив, что миссис Сьюард меня прогнала? Брат Джоан Юнис, я взялся за это дело только для того, чтобы оказать услугу теще Паркинсона. Но тогда казалось, будто мы защищаем интересы старого беспомощного инвалида. Поверьте.

— Не слушайте его, — перебил судья. — Обычно он занимается тем, что навязывает свои услуги пострадавшим от несчастных случаев в обмен на процент от страховых выплат. Мне постоянно приходится подыскивать для него честные дела, чтобы не запятнать честь братства. Вернемся к вопросу личности. Джоан Юнис, я не знаю, насколько вы подкованы юридически...

— Долгая и суровая жизнь кое-чему меня научила, но мне привычнее полагаться на профессионалов вроде Джейка.

— Понимаю. Ваши внуки, должно быть, считают, что я совершил ошибку, помогая установить вашу личность. Это не так. В гражданском или уголовном процессе судья должен оставаться беспристрастным, но данное дело не подпадает под вышеуказанные категории, и никакой закон не запрещает суду помочь в таком случае. Если человек теряет паспорт, то обращается к консулу. Консул не сидит сложа руки, а решает вопрос. Итак... Джейк, вы занимаетесь юридической практикой дольше меня; хотите знать мое мнение?

— Всегда рад выслушать мнение судьи Маккэмпбелла по любому поводу.

— Сейчас возобновлю заседание и накажу вас за неуважение к суду. Вот только допью. Я выскажусь, хотите вы того или нет. Джейк, вам трудно будет доказать, что мозг брата Шмидта пересадили в тело Юнис Бранки?

— Ничуть. Мороки будет много, но трудностей — никаких.

— А доказать, что это тело — чудесное тело — принадлежало Юнис Бранке?

— Точно так же.

— На каком основании?

— Полицейские рапорты, фотографии, показания больничного персонала и так далее.

— Предположим, что дело по-прежнему рассматриваю я. Вам придется побегать и попрыгать. Я неспроста внес в протокол, что вердикт основан на решении по делу «Парсонсов против Род-Айленда». Я считаю это важным...

— Я тоже.

— Замечательно. Следуя принципу, согласно которому личность устанавливается по мозгу, и ничему более... — (Босс, нам ведь есть что сказать?) (Да, милая, но мы не станем!), — ...я буду предельно требователен. Если у вас есть свидетель — приводите его в суд, а не ссылайтесь на показания. Фотографические и письменные доказательства не просто желательны, а обязательны — причем не копии, а оригиналы. Фотографы, нотариусы, хирурги и прочие обязаны явиться в суд и засвидетельствовать подлинность кадров, записей и документов. У пациента и донора перед операцией снимали отпечатки пальцев?

— Не знаю. Черт, сегодняшнее заседание застало меня врасплох, а в день гибели Юнис Бранки я думал вообще о другом.

Джоан Юнис взяла его за руку.

— Тут я могу помочь, — сказал Алек Трейн. — Когда Паркинсон привел ко мне миссис Сьюард, я первым делом это проверил. У обоих тел брали отпечатки. Так что я выкинул вопрос об установлении личности из головы и сегодня удивился не меньше вашего. Не знаю, какой доморощенный юрист додумался предложить миссис Сьюард такой план. Не иначе сам Паркинсон; он от нее ни на шаг не отходит. Мне дали указания перед самым началом суда. Информация не конфиденциальная, и уж тем более никакой закон не мешает мне сказать, что я сыт по горло миссис Сьюард и Паркинсоном.

— Так вот, мне нужны все возможные доказательства, — продолжил Маккэмбелл. — Вам придется отсчитать обратно каждый шаг с момента, как мозг оказался в новом теле.

Джоан Юнис... нет, Джейк. Джейк, известно ли, что с телом Иоганна Смита?

— На этот вопрос я могу ответить. Здесь у нас уникальный случай, когда тело стало движимым имуществом при жизни его прежнего хозяина. Иоганн Смит — он же Джоан Юнис — распорядился, как поступить с телом: в завещании написано стандартное «пожертвовать для медицинских исследований». Однако завещание не вступило в силу, так как Иоганн Смит был и остается жив. Медицинский центр запросил, что делать с телом. Я ответил, что пусть будет у них, в морге. Полагаю, там оно и сейчас.

— Надеюсь, так и есть, — сказал Трейн. — Но если труп не замуровали, готов поспорить, что какой-нибудь рьяный студент-медик уже его погромсал.

— Боюсь, Алек может оказаться прав, — согласился судья. — Джейк, собирайте доказательства, пока не поздно. Любые. *Verb. sap.*¹ Все мы знаем, что, когда в деле замешаны большие деньги, улики имеют свойство невероятным образом исчезать. Рьяные студенты — не единственный повод для беспокойства. Мы все знаем, что за деньги сейчас можно сделать почти что угодно. Украсть или подменить любые документы и видеозаписи. Подкупить даже самых уважаемых свидетелей. Давайте предположим, что брату Шмидту противостоят неназванные мошенники, готовые давать взятки, подстрекать к лжесвидетельству и прочее. Это обойдется им недешево. Сколько, по-вашему, нужно денег, чтобы уничтожить или подменить улики?

— Не хочу гадать, — ответил Джейк. — Но в случае четырех неназванных женщин могу выяснить.

Джоан добавила:

— Я могу помочь. Отец Марлы и Элинор умер, когда они были еще несовершеннолетними, оставив после себя одни долги. Роберта получала от меня денежную помощь до своей смерти, ее дети учились за мой счет, пока их не отчислили за неуспеваемость. Выплата содержания прекратилась, когда они вышли замуж, — это одна из причин их нелюбви ко мне. Тем не менее я продолжал следить за состоянием их счетов. Негоже моим потомкам жить за счет налогоплатель-

¹ *Verbum sapienti sat est (лат.)* — умному достаточно и слова.

щиков. С двумя другими внуками та же история, разве что замуж Иоганна и Джун вышли еще при жизни родителей, а Джим Дарлингтон пережил мою дочь Эвелин. Короче, на дорогостоящее преступление денег они не наскребут все вчетвером, если только кто-то из них не выиграл в лотерею.

— Хорошо, — кивнул Маккэмпбелл. — Тем не менее, Джейк, пока часики тикают, улики заныкают. Доказательства необходимо собрать и обезопасить. Суд гарантирует вам в этом помощь и поддержку. Нас с Алеком не будет четыре дня, но я оставляю мою личную частоту Сперлингу и, если что, сразу вернусь.

— Спасибо, сэр.

— Минутку, — сказал Алек Трейн. — Мак, дело денежное, а вы знаете, как я отношусь к своим гонорарам.

— Выжимаете из клиентов все до цента.

— Не слушайте его, брат Шмидт. Я подгоняю гонорар под клиента, и суммы могут быть любыми, от нуля до запретельных. В данном случае я не был заинтересован в работе, поэтому запросил огромный, можно сказать, грабительский гонорар — и Паркинсон заплатил без звука. Конечно, деньги я получил от миссис Сьюард, но было ясно, кто заказывает музыку. Возникает вопрос: будет ли Паркинсон платить и дальше... и готов ли он нанять знакомого медвежатника, чтобы уничтожить какой-нибудь важный документ? На это я ответить не могу, учитывая, что платит он не из своего кармана, а из тещино.

— Не знаю, — ответил Джейк, — но всегда исхожу из того, что мой оппонент передернет, если не поднять колоду. Я соберу доказательства как можно скорее. Прости, Джоан, мне стоило это предусмотреть. Старее, ничего не поделаешь.

(И вовсе он не старый! Босс, скажите ему!)

Джоан Юнис погладила его по руке:

— Джейк, ты вовсе не стар. Как ты мог все предугадать? Джентльмены, позвольте повторить: мне плевать, если внуки выиграют процесс. В этом случае они проиграют. Если Иоганна Смита официально признают умершим, им достанутся жалкие крохи. А я, благодаря Юнис Бранке, доктору Бойлу и Джейку Саломону, буду наслаждаться молодой и здоровой жизнью, не тяготясь огромным состоянием.

— Дорогая брат Шмидт Джоан Юнис, — сказал Алек Трейн, — вы как-то совсем не по-американски рассуждаете о миллионах долларов.

Она улыбнулась в ответ:

— Брат Алек, спорю на миллион долларов, что я за пять лет с нуля заработаю миллион чистыми. Джейк, поручитесь за меня? Ведь по условию я полностью на мели.

— Конечно.

— Постойте! — запротестовал Трейн. — Я всего лишь бедный, но честный юрист. Давайте поспорим на пятьдесят центов? Мак, одолжишь?

— Только под залог. Джоан Юнис, послушайте, я не сомневаюсь, что вы даже без денег покорите мир. Но я верю, что вы — тот самый брат Иоганн Шмидт, одоббивший мне ссуду, когда я в ней нуждался. Старое студенческое братство меня не подвело... и сейчас я не собираюсь подводить брата Шмидта.

— Спасибо, брат Мак.

— Меня тошнило от вас, чертовых аристократов, еще в колледже, — проворчал Джейк. — И сейчас тошнит. Ваша честь, вам стоит помочь Джоан Юнис не потому, что она — он — когда-то одобрила ссуду какому-то сопливному «брату», а потому, что это справедливо.

— Принято. Думаю, могу заявить, что никогда не позволял братским узам — включая узы ордена Тайного святилища, к которому мы с вами оба принадлежим, — влиять на мои судебские решения...

— Черта с два, дружище; да вы постоянно принимаете решения не в мою пользу просто ради своего удовольствия. Кого угодно спросите.

— ...даже когда мне приходится наставлять этого ирландского джентльмена в тонкостях законодательства. Я бы в любом случае помог; как гражданка этой страны и как лицо, находившееся под опекой данного суда, Джоан Юнис вправе рассчитывать на любую помощь в установлении ее личности. Однако я должен сознаться, что чувства мои всколыхнули обстоятельства, о которых я прежде не подозревал. Братство здесь ни при чем, оно всего лишь приятное совпадение; дело в том, что она — в то время он — помогла мне в трудную минуту. Э-э, — судья уставился на свой стакан, —

не будем вдаваться в подробности. Джоан Юнис, вы ведь помните, что случилось?

— Конечно.

— Расскажите Джейку при случае. А пока позвольте мне составить список всего необходимого для нашего успеха. Адвокаты, следите, чтобы я ничего не упустил... и нужно вставить свежую пленку в записывающее устройство, чтобы сделать по экземпляру для каждого. — Он повернулся к прибору. — Нужно, но не знаю, получится ли. Черт! Простите, Джоан Юнис. Интересно, Сперлинг уже ушел?

(Милая, давай взглянем на эту машинку.)

— Не стесняйтесь, ваша честь. Когда вы ругаетесь, я — брат Шмидт. Можно взглянуть? Ваша машина очень похожа на ту, что у меня дома.

— Пожалуйста. Порой я скучаю по стенографисткам.

— Спасибо.

(Ну что, Юнис?) (Это глупая младшая сестра моей Бетси. Можете напеть себе под нос «Янки Дудль» или мечтать о судьбе, только не мешайте мне.) (Ом мани падме хум. Ом мани падме хум. Ом мани падме...) (Готово!)

— Новая пленка заряжена, ваша честь. Я задала сделать три копии, а потом стереть запись.

— Каждый раз удивляюсь, встречая человека, который с техникой на «ты», — сказал Маккэмпбелл.

— Я не слишком разбираюсь в технике. Но управляться с похожими устройствами меня научила Юнис Бранка.

(Босс, а вы неплохо научились врать. Говорите правду, но не всю.) (Зайка моя, этот вид обмана был в моем арсенале еще того, как твоя прабабка лишилась девственности.)

— Во-первых, нужно подтвердить факт смерти Юнис Бранки. Это было убийство, следовательно должны сохраниться протоколы опознания со снятыми отпечатками пальцев. Однако они хранятся в полиции, а значит, могут быть уничтожены или подменены при наличии у злоумышленника необходимой мотивации и средств. Затем необходимо взять показания у всех, кто видел тело миссис Бранки в операционной. То же касается тела Иоганна Шмидта. Следом нужно неопровержимо подтвердить, что мозг был извлечен из тела Шмидта, — Джоан Юнис, вам, должно

быть, неприятно все это слушать. В ванной комнате есть диван, можете прилечь.

— Сэр, продолжайте. Я привыкла.

(Босс, а вот меня тошнит.) (Дорогая, меня тоже, но мы не уйдем и будем сохранять мрачную невозмутимость. Ом мани падме хум.) (Ом мани падме хум. Вон то кресло довольно широкое, можно сесть в позу лотоса.) (Прекрасная идея, милая. Ом мани падме хум.)

— ...и, наконец, уже в суде мы снимем отпечатки пальцев Джоан Юнис, с помощью экспертов сверим их с прежними и таким образом установим связь. Джоан Юнис, теперь просто выключить машину?

(Она сама выключится, когда выдаст три копии.)

— Она сама сотрет запись и выключится после того, как выдаст три копии. Джейк, джентльмены торопятся на рыбалку. Не будем их задерживать.

— Рыба никуда не спешит, — успокоил ее судья. — Еще минуточку.

Он подошел к видеофону:

— Ивлин?

— Да, ваша честь.

— Как обстановка? Успокоилась?

— Как вы догадались? Здание оцеплено, трое моих ребят в лазарете. Посмотрите с третьей или четвертой камеры или включите повтор выпуска четырехчасовых новостей.

— Как твои люди?

— Ничего серьезного. Один надыхался перцового газа, когда мы освобождали главный вход и запирали противовандальные двери, другому порезали щеку, третьему сломали ребра. Похоже, телевизионщики сами организовали беспорядки, поскольку к их началу камеры уже стояли на нужных местах.

— Ясно. Стоит вызвать гвардию?

— Не думаю. Полиция держит ближайшие улицы под контролем, а сотрудники либо полетят домой на вертолете, либо останутся ночевать здесь. Судья Андерс просил передать, что вы можете спокойно отправляться на рыбалку. Он останется здесь в своих апартаментах и готов временно исполнять обязанности председательствующего судьи.

— Я позвоню и поблагодарю его. Отбой.

Судья вывел на монитор сигнал с третьей наружной камеры:

— Ожидал худшего. Тем не менее неплохо бы снести это здание и построить более надежное подальше от Заброшенных зон. — Он переключился на четвертую. — Ой-ой!

В комнату ворвался рев беснующейся толпы. На экране сквозь гущу людей пробирались два полицейских танка «Мерримак»; из громкоговорителей монотонно повторялось требование разойтись.

— Брат Шмидт, ваш дом оборудован вертолетной площадкой?

Джоан помотала головой:

— Нет. Он специально спроектирован таким образом, чтобы вертолет *не мог* на него сесть. В то время так было безопасней.

— Что же... я могу доставить вас вертолетом в любой анклав. А можете здесь заночевать.

— Ваша честь, — сказал Джейк, — у меня «роллс-школа». Прорвемся.

— Я не могу удерживать вас силой. Давайте только посмотрим новости и узнаем, из-за чего буча. — Маккэмпбелл ввел нужное время и нажал кнопку воспроизведения.

«Горячие новости! Операция по пересадке мозга оказалась аферой! Полученные ранее сведения подтвердились: сенсационная операция магната Иоганна Смита — искусная постановка! Главный вопрос: умер ли он естественной смертью или был убит? В свете сегодняшней наглой попытки его бывшей секретарши, женщины с сомнительной репутацией, называющей себя „Бланка“, в ходе открытого судебного процесса присвоить огромное состояние Смита, версия убийства представляется наиболее вероятной...»

— Ваша честь, выключите этот словесный понос! — прорычал Саломон.

Маккэмпбелл выключил:

— Похоже, это моя вина. Но я не жалею. Никому не позволю превращать суд в балаган.

— Прошу прощения, ваша честь, — смиренного проговорила Джоан Юнис.

— Что? Джоан Юнис, вы не виноваты. Вас притащили в суд без необходимости и против вашего желания, вы не

сделали ничего незаконного. А я придерживаюсь старомодных идеалов, согласно которым суд — это место, где вершится справедливость, а не бесплатный цирк для черни! Пока я председательствую, будет по-моему; не важно, сколько журналюг при этом взбесится и скольким дуракам захочется подлить масла в огонь.

— Мне жаль, что ваши приставы пострадали.

— Мне тоже. Но они не призывники, а профессионалы, которые добровольно выбрали опасную работу. И что бы мы без них делали? Если примут закон, запрещающий приставам носить оружие, я в тот же день выйду в отставку. Джейк?

— Да, Мак?

— Можете рисковать своей шеей, если хотите, но «роллс-школа» все-таки не танк. Толпа способна его перевернуть, а то и поджечь и запечь вас внутри, как каштаны... а там найдутся такие, для кого это пара пустяков. Даже не думайте возражать; я не отпущу Джоан Юнис в машине, даже если мне придется на три секунды возобновить заседание и вернуть ее под опеку суда. Полетите вертолетом. Вопрос — куда? Джоан Юнис, вы можете переночевать в моих покоях; в баре есть закуски, в санузле — настоящая ванна, а этот диван раскладывается в кровать. Боюсь только, жестковат немного.

(А судья к дивану прилагается?) (Помолчи, я все равно тебя не слушаю!)

— Я собирался сказать, у меня есть дом в «Тихой гавани», — проговорил Джейк. — Пустой, без прислуги, но без-опасный. Пусть ваш старший пристав скажет моим телохранителям забрать нас оттуда, когда все немного уляжется. Впрочем, я готов держать пари, что мои ребята проедут сквозь любую толпу и никто машину не перевернет.

— Не сомневаюсь. А потом сядут за предумышленный наезд и оставление места происшествия. Нет, давайте без этого. Хотите воспользоваться удобствами, пока я звоню старшему приставу?

Через несколько минут Джейк и Джоан были готовы к отбытию. Вертолет судьи стоял на крыше. Очередное напоминание о заждавшейся рыбе судья оставил без внимания.

— Ваша честь? Не могу выразить, как я признательна, — сказала Джоан. — Позвольте мне отблагодарить — материально — ваших пострадавших сотрудников.

— Нет.

— Почему? Они пострадали из-за меня, хоть и не по моей вине. Вы знаете, деньги у меня есть.

— Они — служители закона, и я вынужден буду распечатать ваш жест как взятку. Джейк, объясните ей.

— Джоан, судья, конечно, строг, но он прав.

— Не чересчур строг. Джоан Юнис, существует анклав для членов семей полицейских, приставов, пожарных и так далее, погибших при выполнении служебного долга. Джейк вам про него расскажет. Поступайте, как считаете нужным, только меня не ставьте в известность.

— Поняла. — Джоан не обратила внимания на Джейка, который стоял, держа наготове ее платье, подошла к Маккэмпбеллу и обняла его за шею. — А это считается взяткой?

— Вероятно, — ответил Маккэмпбелл, обнимая ее в ответ. — Но я закрою на это глаза.

— Конечно это взятка! Отойдите от него, брат Шмидт! Его взятками занимаюсь я!

— Тише, крикливый ирландец!

Не успев коснуться губами Маккэмпбелла, Джоан обернулась:

— Брат Алек, для вас у меня тоже взятка заготовлена.

— Поэтому в очередь! По ранжиру! — Маккэмпбелл не дал ей договорить; она приоткрыла губы, не торопя его.

(Вуу...оооо! Как я и думала!) (Юнис, следи, чтобы мне не лишиться чувств.)

Спустя несколько секунд она открыла глаза и посмотрела на судью.

— Ничего себе! — выдохнула она.

Алек Трейн похлопал судью по плечу:

— Ваша честь, заседание окончено. Подвиньтесь.

Джоан крепко обняла судью напоследок, отпустила и ринулась в объятия его сокурсника. Она постаралась, чтобы поцелуй был столь же долгим и жарким, как предыдущий.

(Ух! Юнис, как тебе?) (Ртом они работают как надо. Целуются почти так же хорошо, как Джейк, и, если бы Джейка

здесь не было, они сейчас же завалили бы нас на ковер... милая, хватит, не нужно целовать его дольше, чем судью, да и Джейк уже нервничает.) (Ладно, вредина.) (Вовсе нет. Просто вы еще не знаете, как не ставить мужчин в неловкое положение. Стоп!)

Вскоре Джейк молча надел на нее платье. Поблагодарив его, Джоан защелкнула магнитную застежку, поправила плечи и вошла в лифт. Они попрощались с судьей, двери лифта закрылись. Тогда Алек Трейн обратился к своему другу:

— Мак, один поцелуй с братом Шмидтом лучше секса с другими девушками.

— Воистину!

— Интересно, каково быть ее мужем. Почему мне никак не подцепить такую девушку?

— Акушер тебе голову щипцами повредил. Поэтому пришлось сделать из тебя адвоката.

— А как же ты?

— Мне тоже. Предположительно. Однако для адвоката я недостаточно умен, вот и пришлось стать судьей. Боже, какая цыпочка!

— Вердикт принят большинством голосов. Мак, по-твоему, старый прохвост Иоганн может так целоваться?

— Ну... все сходится, и рукопожатие она знает.

— И пароль, я проверил. Однако любой из наших братьев, даже если его пристрастия не распространяются на девушек, мог продать наши секреты... да что там, отдать бесплатно за один такой поцелуй.

— Допустим, ты прав в своей оценке наших братьев — и я с тобой согласен. Однако у Джоан Юнис вряд ли была возможность кого-то из них охмурить. Джейк держит ее практически под домашним арестом. Разве что сам Джейк... Говорил он и впрямь как варвар, но лучше проверь. Вон там в шкафу «Кто есть кто в юриспруденции».

— Далеко идти. Но давай предположим, что старый Иоганн и впрямь состоял в братстве. Это легко проверить. И он знал о Фонде взаимопомощи и о твоей ссуде на старшем курсе.

— Да. Самый убедительный довод.

— Нет, не убедительный. Что, если *сам Иоганн* повелся на уловки секретарши и выложил ей наши секреты? Рукопожатие, пароль, даже о фонде рассказал.

— Чушь! Прекрати, белый ублюдок. Джоан Юнис — именно та, за кого себя выдает. Невероятно соблазнительная девушка с мозгом Иоганна. Алек, я согласен, что Джоан Юнис не слишком похожа на Иоганна Смита. Но даже ты стал бы вполне сносным, если ту дырявую губку, что у тебя вместо мозгов, поместить в черепушку такого очаровательного создания. — Судья покачал головой. — Да при виде ее голубок сменит ориентацию.

— Да ты на нее запал!

— И ты, друг мой. А кто говорил, что нам надо отдохнуть от женщин? Не ты ли? И все равно пустил слюни. Стоит ей тебе позвонить, как ты на всю жизнь забудешь про мальчиков. Не пытайся обмануть соседа по комнате, я знаю тебя лучше, чем твоя Рут.

— Не спорю, Мак. Но ты зашел по Голубой улице так же далеко, как и я... а она подействовала на тебя тоже. Кстати, Норма знает, как мало мы собирались рыбачить?

— Подозревает, конечно. Но она всегда смотрела на это сквозь пальцы. Алек, ты сильно огорчишься, если я отменю поездку? Джейку может понадобится помощь судьи, особенно если эти гарпии найдут беспринципного адвоката, готового пойти на подкуп. Не хочется бросать брата Шмидта в трудную минуту.

— Боже, сколько благородства в черной душе! Удивительно, но мне пришла в голову та же мысль. Нельзя подвести брата Шмидта. Мак, повредит ли делу, если я предложу Джейку свои услуги — бесплатно? Если запахнет жареным, ему придется одновременно быть в нескольких местах. Я смогу взять часть обязанностей на себя.

— И часть гонорара. Да и лишний раз увидеться с братом Шмидтом.

— Разве есть законы, запрещающие обогащаться? А Джейку действительно нужна помощь.

— И ты в курсе дела. Алек, старина, твой порыв благороден. Ты, конечно, представлял интересы истец, но тебя уволили, да и процессуальными противниками вы не были; теоретически эти мымы так же хотят узнать правду ради

своего любимого деда, как и Джейк. Они ни за что не признаются, что на самом деле хотят прибраться к рукам его денежки.

— Интересно, в том пустом доме Джейка есть хотя бы телефон? Если нет, передам сообщение в Гибралтарский клуб — у него там комнаты — и в дом Иоганна Смита. И на номер Джейка в телефонную службу ответов.

— Идет. Только звони от моего имени, так быстрее дойдет. Жены нас домой не ждут; я распоряжусь, чтобы нам доставили ужин с цокольного этажа.

— Хорошая идея. Налешь нам чего-нибудь, пока я звоню? Погоди! Можно же позвонить им в твой вертолет!

— Только связаться с пилотом по рации, а это лишние уши. Чем меньше людей знает, тем лучше. Алек, у Джейка вряд ли будет для тебя дело раньше завтрашнего утра. Но на всякий случай можешь заночевать здесь.

— Вот как! — Алек Трейн остановился у телефона. — Братишка, а я думал, что в твоих мыслях теперь только брат Шмидт. Или я неправильно понял?

— Скажем так: мне было бы приятно обсудить брата Шмидта в интимной обстановке с понимающим человеком, который испытывает те же чувства, что и я.

— Тогда налей нам выпить и пусти теплый душ. Я присоединюсь к тебе как можно скорее.

Джейк Саломон усадил Джоан Юнис в судейский вертолет, сел рядом и захлопнул дверь. Взлетели быстро. Пассажирский отсек был отделен от кабины пилота и звуконепроницаем; они могли говорить свободно. Но Джейк молчал и старался даже не смотреть на Джоан Юнис.

Та терпела это недолго:

— Джейк, дорогой, ты сердишься?

— А? Ни капли. С чего ты взяла?

— Ты держишься отстраненно. Я подумала, что тебя, наверное, рассердили мои поцелуи с судьей Маккэмпбеллом и милым мистером Трейном.

— Это твое дело.

— Ох, Джейк, за что ты со мной так? У меня выдался трудный день; провести столько времени в компании внучек было невыносимо. Тяжело, когда тебя ненавидят. Тяжело осознавать, что кто-то предпочел бы видеть тебя в гробу. Мне пришлось вести себя как положено даме, отдавая должное Юнис. А это ох как непросто, Джейк, особенно если ты почти сто лет был мужчиной. Знаешь, как я справляюсь? Спрашиваю себя: «Как бы на моем месте поступила Юнис?» И делаю то, что, на мой взгляд, сделала бы она. Поэтому я и поцеловала этих джентльменов. Мне непривычно целовать мужчин. Я могла бы потренироваться с тобой, но ты лишь чмокаешь меня на ночь. Поэтому я сказала себе: «Нужно их отблагодарить — так, как это сделала бы Юнис». Я решила, что она бы одарила их поцелуями. Вот и я попыталась, пусть и не знала толком, как правильно целоваться. Думаешь, Юнис поступила бы иначе?

— Ну... конечно, Юнис поцеловала бы их.

(Еще бы он это отрицал.) (Он просто вредничает.) (Так не давайте ему спуска; скажите, какой он замечательный.

Джоан, мужчинам очень льстит, когда их называют замечательными.)

— Тогда почему ты со мной так холоден, Джейк? Ты весь день был просто замечательным, справлялся с любыми трудностями и защищал меня. Я бы поцеловала тебя — и поцелую! — если ты позволишь. Или дело в том, что я не надела платье, прежде чем с ними целоваться?

— Так было бы более пристойно.

(Поднажмите, милая! Джейк прекрасно помнит, что я тоже не была полностью одета, когда мы впервые поцеловались... а когда мы впервые поцеловались без риска быть застуканными, на мне вообще ничего не было. И он не возмущался, напротив, был очень этому рад.) (Попробую.)

Лицо мисс Смит приняло непривычно озабоченное выражение.

— Пожалуй. Джейк, мне сложно понять, как подобает себя вести даме. Нравы сейчас иные. То, как одевалась и поступала Юнис, нередко меня шокировало — а она ведь была настоящей леди. Джейк, скажи честно — и твой ответ станет для меня маяком и ориентиром на будущее: я действительно не хочу ударить в грязь лицом перед Юнис, а потому «Джоан Юнис» должна быть настоящей леди, как Юнис. В ситуации, когда обязательно нужно было отблагодарить двух милых предупредительных джентльменов за помощь... надела бы Юнис верхнюю одежду? Или прижалась бы к ним своим прекрасным телом и позволила потрогать себя, зная, что им того хочется, — а ты наверняка заметил, что им хотелось. Хорошенько подумай. Ты знал Юнис лучше, чем я, поэтому не увиливай. Твой ответ станет для меня руководством «как быть Юнис». Повела бы она себя сдержанно или раскованно?

Джейк Соломон испустил вздох, похожий на стон:

— Черт возьми, ты сделала ровно то, что сделала бы Юнис. Поэтому я и рассердился.

Джоан вздохнула:

— Спасибо, Джейк. Теперь мне спокойнее. — Ослабив ремень безопасности, она придвинулась к Джейку и растегнула застёжку платья. — Снять не получится. Джейк, поцелуй меня так, чтобы затмить их. Поцелуй меня, обними и скажи, что Юнис гордилась бы мной.

— Джоан!

— Джейк, не стыди меня. Я теперь девушка и хочу целоваться так, чтобы забыть о прежних поцелуях. Зови меня Юнис. Это мое имя, и мне хочется, чтобы ты повторял его вновь и вновь и говорил, что я хорошая девочка.

— Юнис, — выдавил он.

Она подняла голову:

— Поцелуй меня, милый.

Он с трепетом подчинился.

Поцелуй не кончился. Не прошло и нескольких секунд, как из нежного он превратился в жадный. Джейк не сдерживался.

(Юнис, я сейчас лишусь чувств!) (Нет уж, милочка, не позволю! Я так долго этого ждала!)

В конце концов Джейк отстранился, но не отпустил ее. Она погладила его по щеке:

— Спасибо, милый. За это и за все.

— Спасибо тебе... Юнис. Джоан Юнис.

— Позволь мне побыть просто Юнис. У меня получается? Я достойна ее имени?

— О... да!

— Я стараюсь. Джейк, ты веришь в привидения? Мне кажется, Юнис где-то рядом. Мне часто кажется, что без ее поддержки у меня ничего бы не вышло.

— Интересная мысль. — (Пфф! Джоан, за это нужно его защекотать. Если пощекочете его под ребрами, он совсем размякнет.) (Не сейчас. Но я запомню.) — Как бы то ни было, она бы тобой гордилась. Ты очень милая.

— Ради тебя стараюсь. Джейк, я люблю тебя.

Он почти не раздумывал:

— И я люблю тебя... Юнис. И Джоан Юнис.

— Рада, что ты назвал нас обоих. Джейк, ты понимаешь, что теперь тебе придется на мне жениться?

— Что? Милая, не болтай чепуху. Я люблю тебя, но у нас огромная разница в возрасте.

— Что? Тьфу! Да, я почти на четверть века тебя старше, но по мне теперь не скажешь. У меня нет никого ближе тебя и вряд ли будет.

— А? Я имел в виду, что это я гораздо старше *тебя*.

(Джоан, пускай он так не говорит! Скажи, что мужчины, как вино, с годами только лучше. Или что-нибудь в этом духе. К тому же еще минуту назад он вел себя совсем не по-стариковски. Вы ведь заметили?) (Заметила. Умоляю, тише!)

— Джейк, ты вовсе не стар. Уж я-то знаю, что такое старость! Ты классический тип, такие с годами становятся только лучше. И еще минуту назад ты вел себя как пылкий юноша. Я заметила.

— Э-э-э... Возможно... но не смей дерзить мне, девчонка.

Джоан Юнис усмехнулась:

— Джейк, я рада, что ты думаешь обо мне как о девушке. Не стану с тобой спорить. Подожду. Ты скоро поймешь, что нуждаешься во мне, а я нуждаюсь в тебе и никто нам друг друга не заменит. Тогда ты сделаешь из меня честную женщину.

— Кхм! Я вряд ли справлюсь с такой задачей, даже женившись на тебе.

— Как грубо, дорогой. Я готова ждать сколько угодно. Тебе от меня не спрятаться. Юнис не позволит.

— Ну... я чертовски устал, чтобы спорить, а ты только сильнее будешь упрячиться. В любой из твоих ипостасей. Мой старый друг Иоганн был упертым как баран, да и Юнис могла с ним в этом посоперничать — в своей чрезвычайно милой манере. Я никак не могу понять, кого из них в тебе больше. Порой мне кажется, что у тебя и вправду раздвоение личности.

(Пора менять тему!) (Обязательно, милая, но не резко. Мы что, никогда ему не расскажем?) (Когда-нибудь. Но не раньше, чем станем полностью свободны. Нас еще держат на крючке.)

— Джейк, дорогой, меня это вовсе не удивляет. Мне и самой иногда так кажется. Не думай, я не сошла с ума. Просто ситуация необычная. Сколько мы знакомы, четверть века?

— Двадцать шесть лет. Почти двадцать семь.

— Вот. И хотя у меня не было привычки лапать сотрудников, подходит ли мне определение «старый развратник»?

— Сколько помню, по отношению к женщинам ты всегда вел себя как джентльмен.

— Джейк, прекрати! Сейчас перед тобой Иоганн. Говори прямо.

Саломон улыбнулся:

— Иоганн, ты оставался старым развратником до того самого дня, когда тебя увезли в операционную.

— Так-то. Даже годы спустя после того, как я перестал гоняться за юбками... сперва стремясь избежать косых взглядов в сторону старика, ведущего себя как юнец, а затем из-за болезни и немощи, — годы спустя после этого мой интерес к симпатичным мордашкам и красивым ножкам не угас. И тут я оказываюсь в здоровом молодом теле Юнис. Женском теле. Джейк, взгляни на меня. *Я женщина.*

— Вижу!

— Не так, как вижу это я! Даже после нашего поцелуя — а он был прекрасен, дорогой, — ты не осознал того, к чему меня теперь принуждает жизнь. Теперь мной управляет Луна и ее циклы; у меня уже дважды были месячные. Понимаешь, что это значит?

— А? Естественное явление. Здоровое.

— Это значит, что тело управляет мозгом в той же степени, что мозг — телом. Перед наступлением месячных я становлюсь вздорной и плаксивой. Мои чувства, эмоции, даже мысли стали женскими, несмотря на то что за плечами у меня почти вековой груз мужских чувств и эмоций. Возьми хотя бы Винни, мою медсестру-компаньонку. Тебе бы *хотелось* ее трахнуть?

— Э-э-э... Иоганн, черт тебя побери! Она милая девушка, точка. Пятая поправка.

— Да, милая. Но теперь, когда я не только Иоганн, но и Юнис, я понимаю, что она чувствует. Она как кошка, кошка во время течки, а ты, Джейк, опытный бык-осеменитель, и, если бы ты *захотел* ею овладеть, она бы сопротивлялась только для виду.

— Джоан Юнис, ты несешь чепуху. Я в три раза старше ее!

(Босс, к чему вы клоните?) (Пока не знаю, но скоро пойму.) (Вы уж постарайтесь, чтобы Винни не зателела. Мы вроде бы хотели сберечь Джейка для себя.) (Не занудствуй; Винни медсестра, она предохраняется так же тщательно, как чистит зубы.)

— Джейк, мое нынешнее тело не намного старше Винни... а ты очень его любил, пусть я этого и не помню. Мы знаем, что Юнис была приличной девушкой, так как ты ее уломал? Изнасиловал?

(Черта с два. Это я его изнасиловала, правда он особенно и не сопротивлялся.)

— Нечестный вопрос!

— Зато очень женский. Зная тебя столько лет — и довольно долго зная Юнис, не говоря о том, что теперь у меня ее тело с ее гормонами и эмоциями, — я подозреваю, что гордость не позволяла тебе открыто к ней клеиться. Это она как-то дала понять, что ты ей нравишься. Когда ты убедился, что она не играет с тобой, ты решился. Так? — (Если он скажет «нет», то солжет. Мне хватило пяти минут, сестренка, чтобы его убедить, а еще через десять мы бы дошли до самого конца, если бы нам не помешали. Пришлось ждать до следующего дня. Помните костюм русалки? Мы с Джейком его испортили, и мне пришлось помыться до возвращения домой и придумывать оправдание для Джо.) (Он поверил?) (Вроде бы. Он тогда писал картину, а значит, не слишком обращал внимание на все остальное.) — Джейк, я жду ответа. Или мне сделать собственные выводы — вероятно, ошибочные?

— Это не твое дело! Вот мой ответ.

— Ты прав. Иоганн просит прощения. Но не Юнис. Джейк, тело Юнис говорит мне, как все было на самом деле. Но я сомневаюсь. Если все было не так, то скажи мне правду, ведь я стремлюсь быть как Юнис, и мне нужно знать, как она поступила. Интимные подробности можешь опустить.

(Милая, как же без самых сочных деталей? Мне хочется знать, что *он* чувствовал, со всеми подробностями. Свои-то ощущения я помню и готова о них рассказать.) (Дорогая, не время дурачиться. Я пытаюсь его приручить.)

— Джоан Юнис... нет. Юнис! Ты всегда знала, как добиться того, чего хочешь.

— Джейк, таков твой ответ? Мне ведь не передались воспоминания Юнис.

(Кто бы говорил? Босс, я кое-что сообразила, и это не имеет отношения к плоским червям. У всех есть стираемая

память и нестираемая, как у Бетси. Нестираемая — это та я, которая здесь осталась после моей смерти. Может, это и есть «душа». Называйте как хотите — главное, что это не только гормоны и анатомия.) (Юнис, оставь философию до вечера, когда мы останемся наедине. Я пытаюсь соблазнить мужчину, и он не поддается.) (А точно ли мы сегодня вечером останемся *наедине*? Хотите пари?) (Не знаю... и мне *страшно*.) (Бояться нечего. Когда это случится, повторяйте «мани хум» и предоставьте все мне. Разок посмотрите как надо — и сможете повторить. Но я вас не оставлю. Знаете что? Быть вами даже лучше, чем быть вашей секретаршей. По крайней мере, будет, когда мы снова начнем получать полный паек.) (Что-что?) (Секс, дорогая. Я занималась им регулярно четырнадцать лет и чувствую сексуальный голод.) (А у меня стаж в пять раз больше и сексуальный голод в пять раз сильнее.) (Охотно верю. Босс, вы та еще шлюшка.)

Наконец Джейк ответил:

— Джоан, я думаю, что рассказывать о прошлом Юнис нечестно по отношению к ее памяти. Однако я приму твою точку зрения, если ты и впрямь хочешь узнать о ней как можно больше, чтобы впредь этим руководствоваться. Юнис была честной и прямой... — (я коварнее змеи, но мне хотелось, чтобы Джейк видел меня другой) — и, кажется, правда решила, что я ей настолько нравлюсь... и облегчила мне задачу. Не было ни насилия, ни соблазнения.

(Было и то и другое, но я сделала все, чтобы он об этом не догадался. Джоан, он такой хороший. Когда станет послушным, можно вложить удила ему в зубы. Но пусть думает, будто сам попросил.) (Постараюсь. А пока продолжу сеанс эмоционального раздевания. Слушай и не перебивай, может, узнаешь что-нибудь обо *мне*.) (Попробую, босс. Но ничего не обещаю.)

— Джейк, я так и думала. Зная тебя, зная ее. Но Юнис — только половина меня. Другая половина — это Иоганн, почти вековой натурал. Я говорила, что теперь понимаю Винни, — ведь я теперь тоже девушка. Но Иоганн никуда не делся, и он каждый день остается наедине с Винни. Ему стоит большого труда не притрагиваться к ней. — (Ха! Вы еще как к ней притрагиваетесь!) (Заткнись! Дело ни разу не зашло дальше ласк. Если мы когда-нибудь и забредем на Голубую

улицу, бесстыжая ты русалка, это будет десерт, а не горячее.) (Еще какое горячее!) (Молчи!) — Понимаешь? Для старого Иоганна — для *меня*! — Винни лакомый кусочек.

— Если речь об Иоганне, я могу это понять.

— А если речь о Юнис? Джейк, как ты относишься к однополой любви?

— Никак. Никогда не интересовался.

— Что, тебе даже не было любопытно? Джейк, во времена моей юности однополая любовь, или «извращение», как это тогда называли, не существовала даже как миф. Я уже давно увлекался девочками, прежде чем впервые про такое услышал. Не то чтобы гомосексуалистов тогда не было. Их было достаточно много, но об этом не говорили, напротив, всячески скрывали. Когда мне было пятнадцать, ко мне пристал какой-то мужик, но я даже не понял, чего ему хотелось. Просто испугался. Остались ли сегодня такие же наивные пятнадцатилетние мальчики? Не думаю. Сейчас обо всем можно узнать из журналов, фильмов, от других мальчиков, так что даже если это не твое, ты знаешь, что это такое. Государство только что не поощряет гомосексуализм как способ борьбы с перенаселением и, я уверен, поощряло бы открыто, если бы не заметный процент тех, кто публично его осуждает, а тайно практикует. Мне это напоминает то странное время в моей юности, когда голосовали за сухой закон, но пили не просыхая, и контрабанда алкоголя процветала сильнее, чем сегодня подпольная торговля мясом. Напомни, когда у нас последний раз сажали в тюрьму за «преступления сексуального характера»?

— За изнасилование до сих пор сажают. За другое не сажали уже лет двадцать. Пуританские законы теперь — мертвая буква; решения Верховного суда сделали невозможным их применение. Поправка: согласно Закону об общем благоденствии, нелицензированная беременность уголовно наказуема, хотя я частенько гадал, что бы случилось, дойди хоть одно такое дело до Верховного суда.

— Это единственное «преступление сексуального характера», которое не было преступлением в моем детстве. Но я говорю о «преступлениях против природы», которые давно уже декриминализованы и осуждаются меньше, чем курение. Однако к тому моменту, когда общество приняло

гомосексуализм, моя ориентация давно устоялась. А что думала на сей счет Юнис? Вы с ней никогда это не обсуждали?

Джейк фыркнул:

— Иоганн... прости, Джоан Юнис, у нас не было времени это обсуждать!

— Понимаю. Со мной она тоже это не обсуждала. — (Вранье!) — Разве что пожурила однажды.

— Как? Когда?

— За день до того, как я перестал вставать с постели, ко мне в офис приезжал курьер, настоящий педик — накрашенный, с накладными ресницами и завивкой. Вилял бедрами и пришепetyвал по-девчачьи. Когда он ушел, я выругался, и Юнис сказала, что, хоть ей такие мальчишки и не нравятся, нет ничего дурного в любви между двумя мужчинами или двумя женщинами.

(Эй, я что-то не помню такого разговора!) (Его и не было. Но ты вполне могла такое сказать, а значит, я не совсем нагло вру.)

— Это в духе Юнис. Она была снисходительна к людским слабостям.

— Учитывая ее возраст, она наверняка не осуждала то, что в глазах Иоганна было извращением. Наверное, надо сказать «относилась к этому с пониманием». Но вот к чему я клоню, Джейк, я нахожу Винни сексуально привлекательной. И Алека Трейна, и судью Маккэмпбелла. Я такого не ожидала. И *тебя* — но это для меня не такая уж неожиданность. Однако сегодня я первый раз поцеловалась с мужчинами, и мне *понравилось*.

(А как же наш славный доктор?) (А об этом Джейку знать не обязательно, радость моя.)

Джоан Юнис продолжила:

— Теперь я в недоумении. В каком случае я гомосексуальна? С Винни? Или с вами, тремя жеребцами?

— Джоан, ну и вопросы у тебя.

— Какое положение — такие и вопросы. Одно дело, если бы я была гомиком, сделавшим операцию по смене пола и накачавшимся гормонами, чтобы выглядеть как женщина. У меня не тройные хромосомы ХХУ или ХУУ; у тела нормальные женские ХХ. Но мозг у меня мужской, с много-

летним мужским сексуальным опытом. Скажи мне, Джейк, в каком случае я нормальна, а в каком — извращенка?

— Хм... я вынужден признать, что твое женское тело тут определяющее.

— Так ли это? Психологи утверждают, что за половое влечение и оргазм отвечает мозг, а не гениталии. А мозг у меня ХУ.

— По-моему, ты пытаешься сбить с толку свидетеля.

— Нет, Джейк, это я сбита с толку. Наверное, современные дети разбираются в этом лучше меня. Некоторые утверждают, что существует целых шесть полов.

— Я слышал. Чушь.

— Не такая уж и чушь. Находясь под вынужденным «домашним арестом», я много читала, стремясь понять, кто я, что я и как мне себя вести. Согласно принципам новой школы психологии — когда уже они перестанут появляться? — так называемый пол определяется и поведением, и физиологией. Шесть полов — это ортомужской, ортоженский, амбимужской, амбиженский, гомомужской и гоможенский. Некоторые называют еще и седьмой — индивидуальный, или нарциссический, и даже восьмой — нулевой, нейтральный. Это люди, которые вообще не испытывают влечения, ни физического, ни психологического.

— А я говорю, что это чушь.

— Я согласна, но по другой причине. Из своего уникального опыта, объединившего в себе оба физиологических пола, прямо и не понаслышке я могу сказать, что на самом деле пол всего один. Один! У некоторых сексуальное влечение настолько слабое, что они бесполы независимо от того, что у них между ног. У других чрезвычайно сильное, но опять же форма их тела здесь ни при чем. Таким было мое прежнее «я», у которого влечение сохранялось долго после того, как исчезла возможность его удовлетворять. И ты, мой дорогой, такой же, коли завел роман с привлекательной замужней женщиной почти вдвое младше себя. И Юнис — счастливая в браке, я думаю...

— Да. Мне было стыдно.

— ...но не стыдящаяся делиться своими сокровищами. Джейк, если бы ты отверг ее, я бы перестала с тобой разговаривать. Юнис — третий пример человека с чрезвычайно

сильным сексуальным влечением. Ей его хватало — я точно знаю, — чтобы вытворять что угодно с кем угодно. А в ее душе было вдоволь любви на всех. Я знаю, что она любила и меня, пусть и соблазняла тем, чего Иоганн не мог принять. При этом она щедро одаривала меня и тем единственным, что он мог принять, — своей красотой. Джейк, мне кажется, что в любви Юнис ограничивало лишь время. Она делала тебя счастливым...

— Еще как!

— ...и я не сомневаюсь, что при этом ничуть не обделяла своего мужа. Джейк, думаешь, она ограничивалась только им и тобой?

— Иоганн, черт тебя побери! Не знаю! Вряд ли у нее была возможность. Она все свободное время проводила со мной.

(Босс, хватит донимать Джейка. Если хотите знать, сколько раз я ходила на сторону, спросите у меня.) (Юнис, дело не в этом. Нужно, чтобы Джейк перестал идеализировать святую Юнис — иначе нам его не заполнить.)

— Откуда ты знаешь? Вдруг она и тебя водила за нос, как мужа? К слову, Джо вполне мог гордиться своими ветвистыми оленьими рогами. Процент мужей, довольных изменами своих жен, в этой стране неуклонно растет начиная с пятидесятих годов двадцатого века — смотри любые данные опросов. Он ее любил, сомнений нет. Но это не значит, что он пытался держать ее в клетке. Или хотел бы держать.

— Джоан, я просил бы не очернять Юнис передо мной.

— Джейк, милый! Я ее не очерняю. Просто хочу выяснить, что ты про нее знаешь, чтобы как можно ближе к ней походить. Я ее любила и до сих пор люблю. Но если бы ты вдруг сказал, что она одновременно была любовницей шестерых, ходила от них на сторону, а в свободное время тешилась с девушками, то, поскольку ты мне никогда не лгал, я бы приложила все силы, чтобы вести себя так же. Я не многого от тебя добилась, но мое собственное мнение ты подтвердил — Юнис была образцовой леди, способной любить сразу троих мужчин и давать каждому из них ровно то, что ему нужно для счастья. — (Спасибо, босс. Должна ли я сделать реверанс?) (Тише, милая.) — Но она не была распутной,

не была шлюхой и, хотя ханжой тоже не была, вряд ли заинтересовалась бы Винни.

(Фримп вашу мать, а это еще что за чепуха?!)(Я говорю ему то, что он хочет услышать. Если тебе хочется Винни, нужно держать это в тайне от Джейка.) (Это кому здесь хочется Винни? Старый козел!)(Нам обоим. Но возможно, разумнее не воплощать это желание в жизнь. Милая, пока у Винни есть мужчина, мы ей побоку.) (Хотите пари?)

Джоан тяжело вздохнула:

— Джейк, благодаря моей уникальной двойственности мне было бы легко превратиться в амбиженщину, но я не хочу, потому что Юнис бы на это не пошла. С таким женским началом — беснующимися гормонами, яичниками размером с тыквы-горлянки, судя по ощущениям, — я легко могу заслужить прозвище «давалка Смит». Очень легко, ведь Иоганн Смит тоже был тем еще похабником, сожалевшим только о тех соблазнах, которым вынужденно не поддавался. Но мне придется сдерживаться ради Юнис, потому что она так себя не вела. Это будет тяжело, поэтому мне позарез нужно скорей выйти замуж.

— Джоан, я люблю тебя, но жениться на тебе не стану. Это не обсуждается.

— Тогда тебе лучше помочь моим внукам меня облапошить.

— Это еще почему?

— Сам знаешь. У молодой мультимиллионерши шансов найти хорошего мужа, как у известного пса из туалетной бумаги — догнать в аду асбестового кота. В нашей стране таких женщин немало, и мужья у них сплошь грузинские князья, инструкторы по верховой езде и прочие жиголо. Мне таких не надо. Уж лучше быть бедной, как Винни, и любить того, кого мне пошлет судьба. Джейк, помимо того, что ты понимаешь меня, как никто другой, ты в первой десятке моих кандидатов, поскольку тебя не ослепляют мои деньги. Даже если забыть, что мы любим друг друга, любой агент брачной конторы сказал бы, что мы — идеальная пара.

— Сомневаюсь. Не забывай о разнице в возрасте. Человеческое тело стареет. В моем возрасте мужчины женятся не потому, что им нужна жена, а потому, что им нужна сиделка.

— Какой вздор! Джейк, тебе не нужна сиделка, и я готова побиться об заклад, что ты останешься крепким и способным к деторождению, пока у меня не наступит климакс! Но если вдруг тебе и понадобится уход, я с радостью за тобой поухаживаю. А до того будем петь «Сентябрьскую песню» — ты запевай, а я подхвачу.

— У меня бас. И я не буду петь «Сентябрьскую песню».

— Джейк? Мы можем купить тебе новое тело. Когда понадобится.

— Нет, Джоан. Я прожил долгую и по большей части счастливую жизнь. Когда придет мой час, я уйду. Не стану повторять твою ошибку и отдаваться в лапы медиков с их искусственными почками и трубками. Я умру, как умирали мои предки.

Джоан снова вздохнула:

— И кто-то называл меня упрямой. Я взяла тебя на высокую гору и показала все царства мира и славу их — а ты говоришь, это Лос-Анджелес. Ладно, не буду больше тебя уламывать, просто смиренно приму ту любовь, которую ты согласишься мне уделить. Джейк, ты будешь вывозить меня в свет и знакомить с подходящими женихами? У тебя на проходимцев глаз наметан, в отличие от наивной доверчивой Юнис.

(Босс, да я вышла за жиголо по собственному желанию... и поэтому выбрала самого лучшего.) (Знаю, милая. Но Джо Бранки в этом мире встречаются едва ли не реже Джейков Саломонов.)

— Джоан Юнис, для меня будет честью сопровождать тебя... и оберегать от паскудников.

— Ловлю тебя на слове, мой совсем-еще-не-старый друг. Джейк, я спрашивала, веришь ли ты в привидений. А как насчет Бога?

— А? Нет. Мои родители были ортодоксальными иудеями, думаю, ты это знаешь. На бар-мицву я произнес такую речь, что меня чуть не отправили учиться на раввина, и мне пришлось отбиваться, чтобы все-таки пойти на юридический. Но я перестал во все это верить еще до поступления в колледж.

— У меня примерно то же. Мои дед и бабка по отцу были католиками с юга Германии. Так что поначалу за меня

взялись попы. Потом, еще до моего поступления в школу, наша семья переехала на Средний Запад, и папа, который никогда набожностью не отличался, решил переметнуться к баптистам — видимо, решил, что так будет лучше для бизнеса. Так что я получил всю программу библейского пояса: геенна огненная, вечное проклятие, очищение от грехов через полное погружение в воду. Именно это и укоренилось, особенно подсознательно... Но на сознательном уровне я отверг это все лет в четырнадцать — быть может, единственный интеллектуальный подвиг в моей жизни. Я стал воинствующим атеистом — разве что перед родителями этого не показывал — и не верил ни во что, чего не могу потрогать руками. Со временем я успокоился, ведь атеизм не менее фанатичен, чем любая религия, а фанатизм не в моем характере, и стал спокойным агностиком, не знающим окончательных ответов и более терпимым. Им я оставался добрых три четверти века, оставил религию шаманам и пропускаю все разговоры о ней мимо ушей.

— В точности мой подход.

— Да. Но позволь рассказать, что произошло во время моей смерти.

— Что? Джоан — Иоганн, черт возьми! — ты не умирал! Ты просто был без сознания.

— Так ли это? У меня ведь не было тела, а мой мозг потерял всякую связь с миром. Джейк, если это не смерть, то ее факсимильная копия. Помнишь, я говорила, что чувствую, будто мне помогает дух Юнис?

— Помню. Я пропустил это мимо ушей.

— Черствый говнюк. Я не занимаюсь спиритическими сеансами и прочей дребеденью. Но вот что со мной происходит. Когда я в раздумьях — а это случается часто, — я спрашиваю себя: «Как бы поступила Юнис?» И сразу же понимаю как. Ни эктоплазмы, ни медиума — просто мгновенное знание, не основанное на моем опыте. Вот, например, сегодня, когда я решила поцеловать Алека и Мака. Ты видел, я не раздумывала! Старый Иоганн так бы не поступил... и все ты и сам говоришь, что я все делала совершенно как Юнис. Вот почему мне кажется, что меня направляет ее дух. Есть этому объяснение?

— Мм... нет. Ты и правда ведешь себя как она... кроме тех моментов, когда прямо просишь говорить с тобой как

с Иоганном. Но в призраков я все равно не верю. Если бы я верил, что мне целую вечность придется быть Джейком Саломоном, я бы... подал жалобу в небесную канцелярию.

— Тогда послушай, что произошло со мной в этой самой канцелярии.

— Что?

— Джейк, после смерти я оказалась — оказался — в странном месте. Там был древний Старик с длинной белой бородой. В руках Он держал толстую книгу. Взглянув на меня, Он сверился с книгой и сказал: «Сынок, ты вел себя плохо. Но могло быть хуже, поэтому Я дам тебе второй шанс. Постарайся в этот раз не напортачить. Не волнуйся, Я дам тебе помощника». Как тебе, Джейк?

(Ничего себе! Босс, с вами приключилось то же, что и со мной?) (Юнис, если это случилось с тобой, то и со мной тоже. И мой помощник — ты, дорогая. Мой ангел-хранитель.) (Фримп вашу мать! Я не ангел; я — это я.) (Весьма земной ангел, радость моя. Как раз то, что надо.) (Я вас тоже люблю, старый козел.)

Саломон неторопливо ответил:

— Антропоморфизм. Прямиком из твоей воскресной школы в Библейском поясе.

— Конечно. Ведь это должно было предстать в понятных мне символах. Будь я существом с Проксимы Центавра, то бородатый старик мог бы оказаться тварью с фасетчатыми глазами и восемью щупальцами. Стереотипные символы ничего не опровергают; у меня и мысли не было, что это физическое переживание. Джейк, люди живут символами. Это символическое переживание было для меня не менее реальным, чем любое физическое. И мне действительно был дан второй шанс, и помощники — в первую очередь ты, а еще Мак, Алек, врачи и медсестры... и нечто внутри меня, мгновенно подсказывающее в любой сложной ситуации, как именно повела бы себя Юнис. Не знаю, Юнис ли это... но уж точно не Иоганн, он не может такого знать. Вот.

Саломон вздохнул:

— Новых богов придумывают бесконечно. И почти всегда антропоморфных. Джоан, если ты веришь в такую чепуху, может, тебе в монастырь пойти?

— Юнис бы не пошла. Хотя была бы не прочь установить там новые порядки.

Джейк усмехнулся:

— Да, это в ее духе.

— Возможно, стоило бы попробовать, раз ты из вредности не хочешь сочетаться со мной законным браком. А скорее я вновь сменю имя, исчезну и объявлюсь в каком-нибудь бомбейском борделе. Приедешь меня навестить?

— Нет. Там слишком жарко.

— Трепло. Ты весь изоврался, Джейк. Никакая жара не помешала бы тебе навестить Юнис.

— Юнис никогда не оказалась бы в борделе.

— Это правда. Поэтому мне придется и дальше быть ле-ди, хотя для старого Иоганна это ой как тяжело.

— Бедняжка. У тебя ведь ничего нет, кроме молодости, красоты и состояния в половину бюджета Налогового управления США.

— И тебя. Даже если я потеряю все остальное, все равно буду богаче многих.

(А я все ждала, когда до этого дойдет. Сестренка, тебе больше не нужны мои советы. Возьму отпуск!) (Ты обещала остаться навсегда!) (Да, милый босс, мы теперь сиамские близнецы, уйти не получится. Но я бы не ушла, даже если бы могла.) (Юнис, любовь моя, мне в жизни не было так хорошо!)

Джоан Юнис прижалась к Джейку:

— Джейк, милый, мне никогда в жизни не было так хорошо!

Резкий голос из кабины произнес:

— Начинаем снижение. Пристегните ремни.

— Ремни пристегнуты, — ответил Саломон. — Сейчас затянем покрепче. Посадку разрешаю.

Затем он обратился к Джоан:

— Сядь прямее, Юнис... и застегни платье.

Джоан Юнис надула губки, но подчинилась.

Проверка и досмотр не заняли много времени. Охрана анклава хорошо знала Саломона и ожидала вертолет. До дома Джейка нужно было немного пройти пешком, но, как принято в анклавах высшего класса, соседи делали вид, будто не замечают их. Дверь открылась по голосовой команде, и они остались наедине.

Джоан Юнис сняла уличное платье, передала Джейку и спросила:

— Можно оглядеться? Я здесь впервые за долгие годы; вижу, тут многое изменилось.

— Кое-что. Личные вещи я перевез в клуб и к тебе, осталась только мебель, которая продается вместе с домом. Да кое-какая одежда и туалетные принадлежности. Выпивка тоже найдется и сухое печенье. Может быть, баночка копченых устриц или икры; нам надо убить час-другой. Или могу заказать обед на дом.

— Давай гляну, что есть у тебя на кухне. Мне нравится домовничать. Да и осмотреться хочется.

— Смотри сколько хочешь, только скажи, чего тебе налить. Джоан, а ты, вообще-то, хоть раз в жизни была на кухне?

— Оставь неуместные шуточки; я прекрасно готовлю. Мама научила меня печь яблочные штрудели еще до твоего рождения — легкие, тающие во рту, с тестом таким тонким, что через него можно читать. Я буду херес или «Дюбонне» с имбирным элем. Только никакого шнапса, не хочу рисковать.

— Твоя баварская жратва и рядом не стоит с кошерной пищей, которую готовлю я. Гои не умеют стряпать, как избранный народ.

— Кончай строить из себя правоверного иудея. Ты просто моего тушеного мяса с лапшой не пробовал. У меня

были периоды холостяцкой жизни между женами... и кухарками... и любовницами, и я всегда стряпал для себя сам. Джейк, давай готовить друг для друга и обмениваться рецептами, а? Будет интересно. Только не на моей кухне, Деллу удар хватит, если я там появлюсь.

— Посмотрим. Когда твое бахвальство не получит подтверждения, будем есть то, что приготовлю я. А пока гляну, что у меня есть выпить.

Джоан Юнис направилась напрямиком в спальню.

(Юнис, здесь вы тоже вытворяли всякое?) (Конечно! Смотрите, как кровать промялась! Босс, это единственное место, где мы куролесили целую ночь. Было божественно!) (Всю ночь?! Тогда телохранители Джейка не просто подозревают, а точно знают, что между вами было.) (Какая разница? Чарли женщины не интересуют, а Рокфорд — свой в доску. Ему тоже нравится все аморальное, бессовестное и противозаконное — я по его стандартам совершала поступки, подходящие сразу под все категории. Таких, как он, сейчас почти не осталось. Но что касается той ночи — вряд ли они что-нибудь заподозрили. От них мы прятались тщательнее, чем от Джо, — даже наняли две бронемашины с водителями и сочинили небезлицу про особое задание от вас.) (А какая отговорка была для Джо?) (Никакой. Я сказала Джейку, что придумала ее, а вместо этого прямо сообщила Джо, что хочу провести ночь с другим мужчиной, так что не будет ли он возражать, если меня не будет в пятницу?)

(Так просто?) (Да, босс. Мы оба были свободны, но старались друг друга не огорчать. Брачный контракт всего лишь второго класса, поскольку у меня была лицензия на детей, а у Джо — нет. Каждый из нас мог подать на развод и получить его за три дня.) (Джо что-нибудь тебе сказал?) (Кивнул и продолжил писать. Потом поцеловал и пожелал хорошо провести время. Он всегда был милым. Возможно, в тот вечер он по мне не скучал; ему позировал новый натурщик, красивый мальчик, фримпабельный. Джо мог для разнообразия сменить масть; он иногда так делал.)

(А ты не возражала?)

(По поводу красивого мальчика? Босс, раз уж вы теперь я, пора вам перейти в двадцать первый век. Ну что тут плохого? Я все время твержу, что мы с Джо *всегда* старались

сделать друг друга счастливыми, чего мне еще было желать? Не знаю, интересовал ли он Джо кроме как натурщик... но, если бы они предложили мне па-де-труа, я бы не отказалась на ночь или две. Я всегда предпочитала мужчин постарше, но тот паренек был красивый, как арабский скакун, и чистенький, как отдраенный стакан; я бы не соскучилась. И вообще женщине лестно, когда двое мужчин позволяют ей смотреть, чем занимаются между собой. Это значит, она им обоим и впрямь очень нравится.)

(Юнис, милая, ты не перестаешь меня удивлять. Мне бы в голову не пришло взглянуть на это под таким углом. Да, наверное, это и впрямь своего рода комплимент. Полагаю, мужчины — даже современные — в таких делах застенчивее женщин.)

(Босс, мужчины ужасно застенчивы. А вот женщины, как правило, нет. Мы только притворяемся скромницами, когда от нас этого ждут. Послушайте, у женщины в животе бомба замедленного действия. Женщины это знают и ничего с этим поделать не могут. Они либо отбрасывают стыдливость — какими бы ни притворялись в угоду мужчинам, — либо сходят с ума. Третьего не дано. И *вам* пора сделать этот выбор, дорогая моя. Примите вашу женственность и радуйтесь.) (Мне казалось, я уже.) (Вы на верном пути. Но порой вы с вашей бравадой похожи на мальчика, который говорит: «Мне ничуть не страшно!» — а сам уже от страха штаны обмочил.) (Пожалуй. Но ты ведешь меня заданным курсом.) (Конечно. Мамочка о вас позаботится.)

Джоан первым делом заглянула в ванную и нашла там кое-что, что отчасти ожидала найти, но тут Джейк окликнул ее:

— Эй, ты где? А. Еще туда или уже обратно? Я налил тебе шабли со льдом. Ничего лучше не нашел.

— Годится. Джейк, это *ее*? — Она показала роскошный пеньюар — две унции паутины.

Джейк нервно сглотнул:

— Да. Извини.

— Зачем извиняться? — Джоан мгновенно сняла чашечки накладного бюстгалтера, стащила трусики с оборками, изображавшие юбку, и, оставшись в одних сандалиях, надела пеньюар. — Похоже на нее? Ой, я пытаюсь застегнуться

по-мужски. — Она запахла пеньюар на левую сторону. — А теперь?

— Юнис! *Юнис!*

Расстегнувшись и позволив пеньюару упасть на пол, Джоан бросилась в объятия Джейка и позволила ему выплакаться.

— Хватит, хватит, дорогой. Юнис не хочет, чтобы ты плакал. Ей хочется, чтобы ты был счастлив. И Юнис, и Джоан Юнис. Обними меня крепче, Джейк. Мы одиноки и растеряны; у нас никого нет, кроме друг друга.

Успокаивая Джейка, она принялась расстегивать его рубашку.

(Юнис, мне страшно!) (Успокойтесь. Повторяйте про себя «мани хум», а я возьму дело в свои руки. Ом мани падме хум.) (Ом мани падме хум. Ом мани...)

Джоан вернул к реальности телефонный звонок. Она оторвала свои губы от губ Джейка и выругалась:

— О черт! Черт!

Джейк хрипло прошептал:

— Не обращай внимания. Никто не знает, что я здесь; наверняка ошиблись номером.

— Если не ответить, они и дальше будут звонить, мешать нам. Я возьму трубку. Где у тебя эта гадкая штука, в гостиной?

— Да, но вон там дополнительный терминал.

— Думай о приятном. — Джоан процокала каблукками по полу, встала как можно ближе к аппарату, чтобы собеседнику было видно только ее лицо, нажала кнопку ответа и сказала секретарским тоном Юнис: — Резиденция мистера Саломона. Кто говорит?

На экране было пусто.

— Запись. Срочный звонок судебному адвокату Саломону, третья попытка.

— Принято. Продолжайте. Кто говорит?

Экран по-прежнему оставался пустым, но из аппарата донеслось:

— Говорит телефонная служба мистера Саломона. Срочный звонок от судьи Маккэмпбелла. Я сказала судье, что адвокат, скорее всего, в клубе или резиденции Иоганна Смита, но он велел, чтобы я дозванивалась и сюда тоже. Мистер Саломон на месте?

— Минутку. — Джоан оглянулась и с разочарованием заметила, что Джейк застегнул рубашку и поднял ее одежду. — На месте. Можете соединить с судьей Маккэмпбеллом? Я подожду.

— Благодарю вас. Секундочку.

Джоан подошла еще ближе и повернула камеру, чтобы туда точно попадало только ее лицо. Джейк подошел и передал ей одежду. Она взяла, но надевать не стала.

На экране появилось изображение.

— Джейк, мы... О брат Шмидт!

— Алек! Как мило с вашей стороны...

— Шагните назад, чтобы мы вас видели. Мак, не толкайся, — добавил Трейн, когда на экране рядом с ним появилась физиономия Маккэмпбелла. — Где Джейк?

— Рядом со мной, мальчики.

— Я вижу только его рубашку. Встаньте на что-нибудь, милая, чтобы было видно вас обоих, или отойдите подальше. Нужно поговорить вчетвером.

— Вот ваш Джейк. — Джоан повернула камеру, нехотя налепила чашечки бюстгалтера, надела трусики-юбку и шагнула назад. — Теперь видно?

— Плоховато, — ответил гулкий баритон судьи. — Джейк, отступи еще немного. Джоан, а вам бы на табуреточку встать. А еще лучше — Джейк, везунчик, возьми ее на руки!

— Господа, какие новости? Кстати, ваша честь, спасибо за вертолет. Нас доставили в целости и сохранности.

— Де нада, компадре. Джейк, у моего старого друга родилась блестящая мысль — бесспорно, благодаря его долгому общению со мной. — Судья объяснил, что они собрались сделать, чтобы ускорить установление личности Джоан. — Здесь можно устроить наш переговорный пункт. Я на несколько дней останусь в кабинете — буду сразу выписывать ордера, звонить другим судьям и все такое. Затем по-быстрому проведем все через мой суд, вынудим их к апелляции и прихлопнем окончательно. Алек будет вашим Пятницей. Он, конечно, туповат, зато здоров как бык, и не поспать ночь-другую из-за перемены часовых поясов ему только на пользу, так что гоняйте его куда угодно, не стесняйтесь.

— До утра он нам вряд ли понадобится, но, господа, вы меня обрадовали, — ответил Джейк. — Честно говоря, не знал, как в одиночку попасть во все нужные места. Я отказался от всей прочей работы, чтобы заниматься только личными делами Джоан, поэтому остался без помощников. Всю голову сломал, где найти толкового и надежного человека. Сами понимаете, дело щекотливое.

— Еще как понимаем! — согласился Алек. — Мы уделаем этих гарпий. Верно, Мак?

— Конечно... но строго по закону, чтобы решение нельзя было отменить. Джейк, можешь звонить нам сюда — и не бойся разбудить, если решишь куда-нибудь отправить Алека среди ночи. Ты будешь у себя?

— Пока машина не приедет. Потом будем у Джоан. Или в дороге. Ехать долго. Если что, звоните в мою телефонную службу, вас подключат через частоту автомобиля.

— Будем на связи. Джейк, ни о чем не волнуйся и не позволяй волноваться Джоан. Мы ее окрестим быстрее, чем ты успеешь сказать «пропавшие наследники».

— Я не волнуюсь, — ответила Джоан, — но вот-вот заплачусь от счастья. Ребята... Братья — как мне вас отблагодарить?

— Мак, нам ей сказать? Она не покраснеет? Брат Шмидт, благодарите *меня*. Брат Мак в благодарностях не нуждается, он просто выполняет свою работу, за которую нехотя платят налогоплательщики. А вот меня можете отблагодарить — я бескорыстный доброволец!

— Я отблагодарю вас обоих, как пожелаете, — ответила Джоан.

— Мак, слышал? Брат Шмидт дала обещание — а обещания, данные братьям, нерушимы. Таков устав. Милая брат Шмидт Джоан Юнис, отойдите и дайте нам увидеть вас целиком. Джейк, а ты вообще уйди, не порти картинку. Сходи за пивом или приляг отдохнуть.

— Не слушайте его, он пьян, — вставил судья.

— Мак тоже. Пригубили немножко за работой. Но я достаточно трезв, чтобы вскочить на управляемую ракету, если потребуется.

— Джейк, — сказал судья, — я разделяю энтузиазм моего друга, но пора прекращать разговор, пока он не пре-

вратил все в балаган. Спокойной ночи. Спокойной ночи, Джоан. До связи.

Джоан Юнис выключила видеофон, дождалась, пока экран погаснет, и принялась раздеваться.

— Джоан, прекрати.

Она сняла свой провокационный наряд, скинула сандалии и повернулась к Джейку:

— Джейк, хватит обращаться со мной как с фарфоровой куклой. Я требую, чтобы ко мне относились как к женщине.

Он вздохнул:

— Знаю. Но настроение уже не то.

— Что же... одеваться я не буду. Ты уже нагляделся на это тело, поэтому нас ничего не должно смущать. Я, вообще-то, очень стесняюсь; мне ведь — как женщине — всего несколько недель от роду. Нужно ко всему привыкать, и ты мне можешь.

— Ну... как хочешь, милая. Сама знаешь, как ты красива. Чем займемся? Почитаем друг другу вслух, пока не придет машина? Фильм посмотрим?

— Злодей. Настоящий джентльмен мог бы хоть раздеться для приличия. А ты ведешь себя как упрямый баран. За что только я тебя люблю? Наверное, я вынуждена тебя любить потому, что тебя любила... *любит* Юнис. Джейк, если ты не готов отправиться со мной в постель, то сядь вон в то кресло, а я устроюсь у тебя на коленях. Поболтаем. О Юнис.

Он снова вздохнул:

— Ты меня до инфаркта доведешь. Ладно, садись, но с одним условием.

— Джейк, какие условия? Я в слишком неуравновешенном состоянии, чтобы на них соглашаться.

— Вижу. Но колени-то мои. Хочу — пушу на них, не хочу — не пушу.

— Вернусь, что ли, в суд. Мак и Алек не будут ставить мне условий. Джейк, расслабься, я иду. Вот! Так-то лучше. Обними меня.

— Сначала первое условие. Ты не будешь пытаться изнасиловать меня прямо в этом кресле...

— Если б и захотела, вряд ли бы получилось.

— Джоан, в кресле много чего можно сделать.

— Знаю. Иоганн делал в кресле много чего и даже больше. Но для этого требуется согласие второго человека.

— Мм... верно. Второе условие — как только придет машина, ты оденешься и мы отправимся домой.

— Раз ты сказал «мы», то я согласна. Я уже начала побаиваться, что ты настолько взбеленился, что решил отправить меня одну. В таком случае я бы приказала Рокфорду и Чарли везти меня прямиком к Алеку и Маку. Такие славные жеребчики, правда, Джейк? Обними меня крепче. Хочешь защитить меня от них — сделай сам знаешь что.

— Гм. Джоан, а ты умеешь хранить секреты?

— Клянусь не рассказывать никому, кроме Юнис.

— А? Ладно, вряд ли ты нарушишь такую клятву. Но если нарушишь, пострадают и Алек, и Мак. Юнис этого не одобрила бы.

— Правда. Джейк, теперь ты до конца жизни сможешь шантажировать меня этой фразой. — (Босс, не волнуйтесь. Стоит только Джейку допустить ошибку, как я подкину вам боеприпасов, чтобы заставить его сменить пластинку.) — Я расскажу только Юнис — и тому белобородому старику, когда увижу его в следующий раз.

— Годится. Так вот в чем шутка. Твои «славные жеребчики» — славные, не спорю, — голубые, как Юлий Цезарь.

— Что? Джейк, не верю!

— Доказательства предъявить не могу, но знаю точно.

— Но... дорогой, я ведь с ними *целовалась*. Я, может, и не совсем девушка, но не в тех местах, где это важно. Их поцелуи не были притворными. Черт возьми, дорогой, я читала это по Брайлю. Вдобавок они оба женаты.

— Я сказал «как Юлий Цезарь», а не «как губернатор Аркхем».

— А. То есть амбигеи. Все равно с трудом верится. Разве нельзя это понять по тому, как человек целуется?

(Джоан, я заметила — по крайней мере, заподозрила. Но они все равно хороши... и когда-нибудь мы их навестим. Чтобы отблагодарить.) (Юнис, а есть другие способы женщине отблагодарить мужчину?) (Близняшка, других таких убедительных способов нет. Это новость?) (Не новость, милая, но вдруг твое поколение нашло новый, неизвестный мне способ. Видимо, нет. Вы более открыты, но в остальном — такие же.)

— Джоан, ты никак этого не поймешь, если амби хочет от тебя скрыть. Будь он хоть амби, хоть бесповоротно на дру-

гой стороне. Вот скажи, в бытность Иоганном у тебя получилось бы безошибочно узнать девственницу?

— Сомневаюсь, что мне встречалась хоть одна. Зато тебе точно встречалась.

— Ты о ком-то, кого ты тоже знаешь.

— Конечно.

— И кто это? Винни? Никогда бы не подумал, хоть она и все время краснеет.

— Не она. Даже если она и девственница, речь не о ней.

(Как вы ловко выкрутились!) (Не мое дело раскрывать секреты Винни. Дорогуша, а Джейк знает о твоём ребенке?) (Нет, и не смейте ему рассказывать!) (И в мыслях не было. Просто уточнение, чтобы не ляпнуть что-нибудь ненароком.)

— Тогда не знаю. Кто это чудо природы?

— Я.

— А... Но... — Джейк Саломон прикусил язык.

— Да, дорогой... Иоганн, разумеется, не был девственником, да и Юнис была замужем, не говоря уже об одном старом кобеле, который ее совратил. — (Это я его совратила.) — Но я, по сути, новый человек и потому девственница. Правда, если бы не этот чертов звонок, я бы уже перестала ею быть. И зачем только Дон Амичи его изобрел?

— Это еще кто? Какой-то русский? Телефон изобрел Александр Грэхем Белл.

— Прости. Устаревшая шутка. Амичи сыграл Белла в кинофильме, когда тебе было... года три-четыре. Он давно уже помер, так что забудь. Мою девственность тоже на время оставим в покое и поговорим о Юнис. — (Моя любимая тема!) — Можно свет притушить? Лампа слепит мне глаза. Постарайся не замерзнуть, пока я бегаю к выключателю и обратно.

— У меня есть дистанционный пульт. Так лучше?

— Гораздо! Хочу, чтобы мне было хорошо тебя видно, но для этого хватит и торшера. Расскажи мне о Юнис. Я хочу не только вести себя как она... но и любовью заниматься так же. Насколько ты сможешь мне рассказать.

— Джоан, ты знаешь, что я не делюсь такими подробностями о девушках.

— Джейк, но ведь *я и есть* Юнис. Мне просто не передались ее воспоминания. Помоги мне. Юнис тебя любила — и, я уверена, до сих пор любит. И Джоан Юнис тебя любит,

но это не та пылкая привязанность, что питал Иоганн к своему старому другу. Джоан Юнис любит тебя любовью, идущей в том числе от молодого тела Юнис, которое я с такой гордостью ношу. Так что ничего не утаивай. Она была такой же страстной, как я?

— Ну... — (Суньте руку ему под рубашку, сестренка, но постарайтесь не щекотать.) — Джоан, Юнис была страстной. Сперва я даже не поверил, что такая молодая красавица нашла в старом хрыче вроде меня. Но она убедила меня, что ее страсть непритворна.

— Какой еще старый хрыч? Ты выглядишь лучше, чем Иоганн в твоём возрасте. Да, у тебя есть морщины, но твое волевое лицо выглядит величественно, будто высечено из гранита. Ты стройнее и мускулистее многих мужчин, вдвое тебя моложе. Кожа у тебя гладкая и упругая — ничего общего с той омерзительной дряблостью, которую я отчетливо помню. Милый... женись на мне поскорее и подари мне ребенка. Даже если потом со мной разведешься.

(Дорогая, он в шоке! Я никогда не решилась пускать в ход этот прием.)

— Юнис! Джоан Юнис.

— Я не хочу сказать, что у тебя скоро не сможет быть детей. Наоборот, я имею в виду себя. Я буду способна к деторождению еще лет пятнадцать, но чем раньше — тем лучше; рожать первого ребенка после сорока опасно. А ты-то сможешь делать детей до конца дней. Дорогой, сколько их у тебя?

— Трое. С двумя тебе доводилось встречаться. И четверо внуков.

— Да не этих. Других детей. Уверена, у тебя их не меньше дюжины. Ты уже давно разбогател, а значит, мог себе это позволить. Так скольких ты скрываешь?

— Много будешь знать — скоро состаришься.

— Я не принуждаю тебя отвечать. Но неужели Юнис об этом не спрашивала?

(Спрашивала. Мне кажется, он тогда соврал. Интересно, какое число назовет теперь.)

— Ох...

— Я не расскажу никому, кроме Юнис. Даже старику с книгой.

— Любопытная же ты, кисонька. Думаю, еще четверо. Плюс один от замужней женщины, которая, возможно, мне врала. Трех я обеспечивал, пока они не начали зарабатывать самостоятельно, четвертому — и возможному пятому — денег даже предложить не мог. Но они и не бедствовали.

— И как вы это обставили? Три незамужние дамы переехали в другой город и объявили себя вдовами?

— Э... только в одном случае. Я предлагал ей выйти за меня — сам был тогда соломенным вдовцом, — но она отказалась. Вышла за другого. Он принял ребенка как своего, а я выплатил компенсацию. Другая родила, когда я был женат. С ней мы тоже расстались полюбовно. Две другие были замужем. С одной вышла неприятная история — она во всем призналась мужу, и мне пришлось вывернуть карманы, чтобы его умаслить. Муж последней был бесплоден после свинки, и они вместе выбрали отца для своего будущего ребенка. Меня. Я, мягко говоря, обалдел, но муж даже составил письменный договор. Я его порвал и ограничился рукопожатием.

(Для меня все это новости. Но я сразу не поверила, что такой любвеобильный мужчина не оставил случайных отпрысков. Выпытывайте дальше.)

Джейк с улыбкой погладил ее:

— Эта девочка — единственная, в ком я уверен. Я не проводил тестов, чтобы определить, мои ли остальные дети. Вполне вероятно, мои. Но лишь в этом случае я уверен на сто процентов. Мы отправились в море на яхте, с мужем в качестве сопровождающего. Потом... — Он запнулся. — Джоан Юнис, Иоганну продолжение, возможно, понравилось бы, но для той славной и милой девушки, какая ты теперь, это может быть чересчур.

(Не позволяйте ему останавливаться!)

— Джейк, Иоганна ничем не удивишь. Если там что-то совсем ужасное, Юнис об этом не узнает. Но не хочешь — не рассказывай.

— Нет, ничего ужасного... наоборот, все вполне мило. Меня не выбросили за ненадобностью, после того как я исполнил свою роль. Я всегда был желанным гостем в их доме... и в постели.

— Втроем?

— Ну... не дави на меня! Иногда.

— Но детей больше не появилось?

— У них было разрешение на четверых. Столько и было. Думаю, у каждого свой отец. Я ночевал у них несколько раз за десять лет и никогда не оставался в одиночестве. Они до сих пор присылают мне на Рождество открытки с семейными фотографиями. К счастью, моя дочь похожа на мать. Джоан, они были и остаются крепкой семейной парой. Они преданы друг другу и своим детям и весьма консервативны... если не считать тех случаев, когда им требовался донор. Вместо того чтобы доверяться клиникам и шприцам, они выбирали доноров сами и проделывали все по старинке.

— И как она была в постели?

— Хороша, но не изобретательна. Не чета Юнис, если тебя это интересует.

— Именно.

(Именно!)

— Юнис... Юнис была настоящим чудом. Милая, будто ангел, но при этом умелая и раскованная, как величайшая куртизанка в истории.

(Мррр!)

— Джейк, я тоже предпочитаю по старинке.

— Что?

— Ты был так любезен со всеми этими дамами, даже оплодотворил двух незамужних. Я достаточно богата, чтобы позволить себе забеременеть; к тому же ты сейчас снова рвешься в бой — я чувствую! Отнесешь меня в постель? Или мне самой пойти?

— Юнис.

— Пойдем вместе. Поскорее!

— Конечно. Конечно, милая.

Джоан соскочила с коленей Джейка, взяла его за руку... и тут из домофона раздалось:

— Мистер Саломон! Это Рокфорд. Машина готова.

— Ну что за наказание! — воскликнула Джоан и разревелась.

Джейк обнял ее и погладил по голове:

— Прости, милая.

— Джейк, отправь их ужинать. Пускай вернутся через... два часа.

— Нет, милая.

Она притопнула босой ногой:

— Джейк, я протестую! Это невыносимо!

Он тихо ответил:

— Ты сама обещала. Мне уже не девятнадцать лет, чтобы заниматься этим на задних сиденьях автомобилей и верандах во время вечеринок. Мне нужна тишина и уединение.

(Не верьте ему! Может, только в первый раз.)

Джоан всхлипнула и грустно покачала головой. Джейк громко ответил в домофон:

— Рокфорд!

— Да, сэр?

— Мы выйдем через пару минут. Не выключай реактор.

Подойдя к стене, Джейк выкрутил громкость домофона на ноль и ласково сказал:

— Дорогая, одевайся.

— Не хочу! Можешь втащить меня в машину голой!

Джейк со вздохом взял ее на руки. Она сразу же оживилась и прекратила плакать.

Радостное выражение на ее лице продержалось недолго. Джейк уселся на стул, развернул ее, ухватил посильнее и шлепнул по правой ягодице.

Джоан взвизгнула и принялась брыкаться.

Джейк ухватил ее покрепче, прижал ее ноги своей правой ногой и шлепнул ладонью по левой ягодице, а затем отвесил еще четыре пары шлепков — всего десять. Тогда он отпустил ее и повторил:

— Дорогая, одевайся. Живее!

Она потеряла место наказания:

— Хорошо, Джейк.

Они не сказали друг другу ни слова, пока не оказались в машине. Сперва Джейк усадил Джоан, затем сел сам и закрыл дверцу. Тогда Джоан робко произнесла:

— Джейк? Обнимешь меня?

— Конечно, милая.

— Можно снять платье? Помогите мне, пожалуйста.

Избавившись от платья, Джоан вздохнула, прильнула к Джейку и прошептала:

— Милый, зачем ты меня отшлепал?

Пришел его черед вздыхать.

— Ты плохо себя вела... а это единственный известный мне способ сладить с женщиной, когда не можешь удовлетворить ее запросы. В тот момент я не мог.

— Понимаю. Кажется, понимаю.

Она несколько минут сидела молча, уткнувшись носом Джейку в грудь и наслаждаясь объятиями. Затем спросила:

— Милый, а Юнис ты шлепал?

— Однажды.

— По той же причине?

— Не совсем. Почти. Она меня подначила.

(Я решила его пощекотать, а в ответ сильно удивилась.)

— Тогда я рада, что ты меня отшлепал. Я вряд ли смогу быть таким же ангелочком, как Юнис, но постараюсь тебя не провоцировать.

(Падшим ангелочком, босс. Пасть на самое дно было удивительно приятно.)

— Джейк?

— Юнис?

— Я на тебя не сердилась, даже когда плакала. Но... это место теперь у меня достаточно мягкое... создано для того, чтобы по нему шлепать. Шлепай меня сколько угодно — любое внимание лучше его отсутствия. К тому же... — Она запнулась.

— К тому же что?

— Не уверена, но мне кажется, случился он...

— Кто?

— Оргазм. Вроде бы. Не знаю, какие у женщин в этот момент ощущения. Но когда я плакала — мне было больно; у вас, сэр, тяжелая рука — по нутру внезапно разлилось тепло, будто что-то взорвалось. Иначе не описать. Мне вдруг стало хорошо, и я едва заметила последние шлепки. Был это оргазм?

— Мне-то откуда знать, милая? Может, потом ты поймешь и расскажешь.

— Сегодня вечером?

— Ух, вряд ли. Юнис, уже поздно, а мы еще ничего не ели. Я дико устал...

— Я тоже. Но я счастлива.

— Сегодня отдохнем. А потом — обещаю, что не буду сопротивляться, — сделаем это в тишине, подальше от дру-

гих. Никаких телефонов, никаких слуг и прочих помех. А потом... ладно, не будем ничего планировать заранее. Я уже не ребенок. Понимаешь, о чем я? Ты ведь тоже была стариком.

— Конечно, дорогой. Гораздо старше тебя. Юнис пождет. Джейк, а что такого сделала Юнис, что ты ее отшлепал?

Он неожиданно улыбнулся:

— Эта маленькая проказница чуть не зашекотала меня до смерти. Вот я ее и отшлепал. Но мы были одни, и все закончилось хорошо.

— Это как?

— А ты как думаешь? Я превзошел свой обычный средний уровень, а Юнис... словами этого не опишешь, но она превзошла абсолютное совершенство.

(Близняшка, он едва меня пополам не порвал — а мне хотелось, чтобы он это сделал!)

— Вот как? Однажды я тоже тебя зашекочу, чтобы ты снова меня отшлепал. Не скрывай, тебе это понравилось. Так?

Джейк задумался:

— Понравилось настолько, что захотелось шлепать сильнее и дольше. И я, как ты выразилась, снова «рванулся в бой». Однако мне нужно было вытащить тебя из дома, иначе ты бы вообще отказалась уезжать. А прислуге о наших забавах знать не следует.

— Так женись на мне, и можно будет забыть о прислуге.

— Хватит болтать. Ты еще учишься быть девушкой, а я учусь с тобой управляться. Ты Юнис — но в то же время не Юнис. К тому же сначала нужно разобраться с судебной тяжбой.

— Старый ворчун. Избиватель девушек. Садист. Обними меня крепко-крепко!

Джейк сопровождал Джоан Юнис в будуар. Там их ждала Винни — к неудовольствию Джоан, рассчитывавшей, что Джейк станет ласковее, если на верхнем этаже не будет посторонних. Но она скрыла свое неудовольствие.

— Винни, привет!

— Мисс Джоан! Все хорошо? Я ужасно волновалась!

— Все хорошо. Мистер Саломон обо мне позаботился. Зачем было волноваться?

— Как же? В новостях рассказывали всякие гадости о вас. Люди бунтуют у Дворца правосудия. Я видела. И...

— Винни, Винни! Хватит смотреть этот дурацкий ящик для тупых! Мне ничего не угрожало.

— Но она устала, поэтому поухаживайте за ней, — вставил Джейк.

— Конечно, сэр!

— Я тоже устал, поэтому пожелаю вам спокойной ночи и отправлюсь спать. Вот только сэндвич по пути перехвачу. Может быть.

— Сэр, Хьюберт отнес ужин в вашу комнату.

— Нужно дать ему медаль. Впрочем, Винни, я так вымотался, что растерял весь аппетит. Мне хватит таблетки снотворного.

— Джейк...

— Что, Юнис?

— Не надо тебе таблеток. Поешь по-человечески.

— Но...

— Понимаю, я сама на нервах. Но я знаю способ успокоиться. Мы с Винни тебе поможем вернуть аппетит. Будешь потом спать как младенец.

Джейк удивился и перевел взгляд с Юнис на Винни:

— Думаю, любая из вас справится... зачем сразу вдвоем?

— Джейк, какой же ты озабоченный. Не заставляй Винни краснеть. Винни, как насчет «мани хум»?

— Ой. Да, мы можем, мистер Саломон.

— Вы мне кровь собрались пускать? Или кости перемалывать?

— Ну что вы, сэр! Это спокойное упражнение. Расслабляющее.

— Что ж, я готов.

— Тебе придется раздеться... — сказала Джоан.

— Так и знал, что здесь какой-то подвох.

— Джейк, если стесняешься, надень шорты. Мы же раздеваемся догола; так становишься более одухотворенным. Это вроде разминки перед тренировкой. Надень шорты и халат. Мы будем ждать в Зеленых комнатах. Потом поужи-наешь, примешь теплую ванну и пойдешь спать.

— Может, сначала ванну? После дня в суде я наверняка воняю, как скунс.

— Ничуть. Впрочем, мы с Винни теперь так натренированы, что можем не замечать запахов и посторонних звуков, если захотим.

— Мистер Саломон, это правда.

— Ладно. Винни, если она начнет меня бить, встань на мою защиту. До встречи, девочки.

— Джейк, у тебя пять минут.

Когда они остались вдвоем, Винифред сказала:

— Вы не заставите меня раздеваться? Опять?

— В прошлый раз я тебя не заставляла. И наш милый доктор, несомненно, заметил, что ты девушка. По-моему, он и поцеловал тебя лучше, чем меня. Винни, хватит краснеть. Не хочешь — не раздевайся, но твое присутствие необходимо, иначе Джейк решит, что я его совращаю.

— Что вы, мистер Саломон никогда о вас такого не подумает!

— Он мужчина вроде нашего доктора. Я всего лишь хочу, чтобы он хорошо выспался без таблеток. Для этого мне нужна помощь. У него выдался ужасный день. В суде он выступил блестяще; потом расскажу. Давай разденемся и возьмем пеньюары. Поскромнее. — Тут Джоан Юнис спохватилась: — Постой-ка. Я не нарушаю твои планы? У тебя свидание?

Мисс Герстен снова залилась краской:

— Ближе к ночи.

— Пол работает допоздна? Прости... стереть, заменить. Это не мое дело.

Рыженькая медсестричка снова покраснела, но ответила твердо:

— Мисс Джоан, мои дела — ваши дела. Я должна за вами ухаживать и стараюсь выполнять свои обязанности. Но у меня такое чувство, будто вы моя старшая сестра.

— Спасибо, детка. Однако есть дела, в которые старшие сестры не должны совать нос.

— Я собиралась вам сказать. Мы с Полом расстались.

— Ох! Мне жаль!

— А мне нет. Похоже, Пол не собирался разводиться. Просто забавлялся со мной. А вот Боб еще не женат.

— «Еще»? Собираешься замуж, милая?

— Ну... это сложно предсказать. Как грозу. Что выйдет — то выйдет.

— Верно. Хочешь — выходи замуж, хочешь — веселись и наслаждайся жизнью; главное, чтобы тебе было хорошо. К тому же Боб такое заурядное имя, что мне ни за что не угадать, кто он, если только я его не встречу.

— Вряд ли встретите. Он пользуется служебным лифтом и заходит ко мне через задний коридор. Его видели только охранники, а они не болтают.

— Если хоть один охранник в этом доме примется распространять слухи, то полетит на биржу труда так быстро, что у него голова закружится. Прислуге это простительно, но телохранитель — должность ответственная. Им положено держать язык за зубами. Винни, если захочешь встретиться с Бобом — или с кем угодно другим — где-нибудь еще, я велю телохранителям отвезти вас туда и обратно, а сама не буду знать, где вы были.

— Благодарю вас. Но в городе сейчас неспокойно. Здесь безопаснее. Худшее, что может здесь случиться, — то, что Боб засмущается. Но смущаться ему нечего, он замечательный!

— Хорошо, что ты так думаешь. Мужчины ценят такое отношение больше всего — говорю это как бывший мужчи-

на. Им нравится, когда их считают замечательными. А теперь нужно поспешить; Джейк, должно быть, заждался. Если тебе нужны штаны — возьми самые эластичные. И спасибо, что одолжила мне свою форму. Без чепчика и фартука она тоже вполне эффектна. Потом поделюсь впечатлениями.

И минуты не прошло, как девушки босиком и в пеньюарах вбежали в Зеленые комнаты. Винифред в последний момент решила последовать примеру хозяйки и одеться, как положено для медитации.

Адвокат дожидался их в банном халате и заметно стеснялся.

— Прости за опоздание. Ванна готова? Если нет, я заранее наберу воду, пока мы не начали. Окунешься по-быстрому, чтобы сон не сморил. Потом...

— Я смухлевал и уже принял ванну — чуть теплую. И немного перекусил.

— Отлично. Тогда после медитации мы сразу уложим тебя в кроватку. Уснешь как младенец. Джейк, это простейшая йога. Ничего физически трудного. По сути, дыхательная гимнастика. Произносишь мантру один раз на вдохе, на второй раз задерживаешь дыхание, на третий выдыхаешь, на четвертый снова задерживаешь и так далее. Сядем в треугольник и сделаем это вместе. Ты знаешь позу лотоса? Вряд ли.

— Юнис...

— Да, Джейк?

— Мой отец был портным. Я его рабочую позу научился копировать еще в детстве. Подойдет?

— Если тебе будет удобно, то вполне. Если нет, то прими позу, в которой тебе легче расслабиться. Потому что надо будет забыть про свое тело.

— В позе портного я даже спать могу. А что за мантру ты упомянула?

Джоан Юнис сняла пеньюар, плавно опустилась на коврик, приняла позу для медитации, положив стопы на бедра, руки на колени ладонями вверх.

— Повторяй за мной. Ом мани падме хум.

(Ом мани падме хум. Надо было давно научить Джейка.)

— Эту фразу я знаю. «Драгоценность в цветке лотоса». А что она значит для тебя, Джоан Юнис?

Винифред последовала примеру Джоан — разделась, села в позу лотоса и даже не покраснела. Она ответила:

— Мистер Саломон, эта мантра воплощает все. Все доброе, о чем вы только можете подумать. Храбрость, красоту, нежность, умение довольствоваться малым и не желать того, чего у вас нет, шелест деревьев на ветру, агуканье пухленького младенца, когда вы щекочете ему пяточки, и все, что делает вашу жизнь лучше. Любовь. Она всегда означает любовь. Но не задумывайтесь об этом; наоборот, вам нужно перестать думать. Повторяйте мантру и просто *будьте* — пока вам не станет тепло и вы не почувствуете, что парите в воздухе.

— Ладно, попробую. — Джейк снял халат и остался в шортах. — Джоан Юнис, кто тебя йоге научил? Винни?

— Нет, что вы! — воскликнула Винифред. — Это мисс Джоан меня научила. Она куда дальше меня на Пути.

(Босс, осторожно!) (Я начеку.)

— Джейк, человек многому учится в своей жизни — и от многого отказывается из-за недостатка времени. В бытность Иоганном я и в шахматы играла, но вот уже лет пятьдесят не садилась за доску. А в позу лотоса — и того дольше. Зато теперь, с прекрасным телом Юнис, я могу все.

(Юнис, под каким наперстком шарик?) (Если слишком расслабитесь, то под вами будет не шарик, а кое-что другое. Надо было в туалет сходить перед медитацией.) (Не волнуйся, на глазах у Джейка я не обмочусь.)

— Джейк, повторяй за нами. Винни, начинай, как только Джейк примет удобную позу.

Саломон присел, но вдруг передумал и снял шорты. Джоан порадовалась, сочтя это знаком, что он настроен заниматься упражнением всерьез. Однако блаженное выражение ее лица не изменилось. Винифред смотрела на свой пупок; если она что и заметила, то не подала вида.

— Вдох, — тихо произнесла Винни. — Ом мани падме хум. Задержите дыхание. Ом мани падме хум. Выдох. Ом мани падме хум.

(Ом мани падме хум. Как вам его инструмент?) (Тихо! Весь настрой собьешь! Ом мани падме хум.)

— Ом мани падме хум! — пробасил Саломон голосом, который сделал бы честь соборному певчему. — Ом мани падме хум!

— Винни, дорогая, — тихо сказала Джоан, — пора заканчивать и открывать глазки. Придется разбудить Джейка.

Рыженькая медсестричка заморгала глазами, еще раз прошептала мантру и умолкла.

— Джейк, милый, — мягко проговорила Джоан. — Юнис на связи. Очнись на минутку, чтобы мы могли довести тебя до постели. Юнис ждет. Джейк?

— Юнис, я тебя слышу.

— Как ощущения?

— А? Прекрасно. Я так расслабился, что уже чувствую себя отдохнувшим. Но поспать еще не помешает. Эта ваша штука, по сути, самогипноз, но она работает.

— Разве я говорила, что это нечто иное? Джейк, я не жду божественных откровений при разглядывании собственного пупка. Но это действительно работает гораздо лучше, чем вредные таблетки. Вставай, мы с Винни тебя проводим.

— Сам дойду.

— Не сомневаюсь, но лучше тебе слишком не бодриться. Позволь нам с тобой понянчиться, пожалуйста.

Он с улыбкой согласился. Забрался в кровать, позволил накрыть себя одеялом и снова улыбнулся, когда Джоан Юнис по-матерински поцеловала его. Когда Винифред сделала то же самое, он не удивился. Повернувшись на бок, он уснул прежде, чем девушки покинули комнату.

— Оставь, — сказала Джоан, когда Винифред собралась надеть пеньюар. — В моем доме никто не поднимается на верхний этаж после ужина. Разве что Хьюберт, но Джейк наверняка отослал его в преддверии занятий с двумя сладкими штучками. — Она обняла Винни за тонкую талию. — Винни, я люблю наряжаться, но разве не здорово ходить голой?

— Мне тоже нравится. Только дома. На улице я тут же обгораю.

— А ночью? Давным-давно, когда я была мальчиком, в июле и августе стояла страшная жара. Раскаленный асфальт обжигал мне босые ноги. По ночам дома превраща-

лись в настоящие печи. Кондиционеров не было, даже вентилятор считался роскошью для богатеньких. Когда из-за жары мне не удавалось уснуть, я выскальзывал через черный ход, тихо, как мышка, и голый, как лягушка, — осторожно-осторожно, чтобы родители не услышали, а потом гулял в темноте; прохладная трава щекотала пятки, ветерок ласково гладил кожу. Божественно!

— Согласна, звучит божественно. Но я боюсь, что меня ограбят.

— В те времена бояться было нечего. До сорока лет у меня и мысли не возникало, что ходить в темноте опасно. — Они подошли к спальне. — Поцелуй меня на ночь, сладенькая, и иди на свидание. Я собираюсь проспать допоздна и тебе того же советую.

— Мой кавалер придет только после полуночи. Вы ведь хотели мне что-то рассказать?

— Да. Думала, ты спешишь. Хочешь принять со мной ванну?

— Если вам самой хочется. Я помылась после ужина.

— И накрутилась для свидания. Я мылась утром, но кажется, будто прошла целая неделя. Понюхай. От меня, наверное, ужасно пахнет.

— Вовсе нет. Очень приятно.

— Тогда я ограничусь биде и сполосну подмышки. Потом почищу зубы и спать.

— Вы ведь не ужинали.

— Я не голодна. Прекрасно себя чувствую. В моем холодильнике осталось молоко? Выпью немного с печеньем. Хочешь за компанию? Поговорим по-девичьи, накрошим в кровать. Раз уж я теперь девушка, а не старый вредный Иоганн, есть вещи, о которых Джейку лучше не рассказывать.

— Поверить не могу, что вы когда-нибудь были вредной.

— Еще какой! У старого Иоганна постоянно что-то болело. Он всегда находился в дурном расположении духа и был невыносим. Но Джоан Юнис не такая; у нее отличное пищеварение. Налейте нам по стаканчику молока и положите крекеры, пока я споласкиваюсь? Вниз не ходи; у меня в неприкосновенном запасе должно быть печенье с инжирной начинкой, а может, и ванильные вафли найдутся.

Вскоре они с удовольствием хрустели печеньем в большой кровати. Джоан Юнис пересказывала события прошедшего дня, опуская и выдумывая отдельные эпизоды.

— ...так мы оказались в личных покоях судьи Мака. Душка Мак побоялся отправлять нас на машине, несмотря на то что игрушечные беспорядки давно закончились, поэтому ее послали отдельно. Мы полетели на вертолете в «Тихую гавань», там пересели в машину и поехали домой.

(Не хотите ранить ее юную психику?) (С чего бы? Защищая репутацию Джейка.)

— Но лучше всего было, когда я сняла уличное платье и показалась им в твоём «акапулько». Они совсем ошалели!

— Ошалели?

— Старое выражение. Потеряли голову. Стали бегать кругами, опустив одно крыло, как петух, когда собирается топтать незнакомую курицу.

— Это не костюм так на них подействовал, а вы.

— И то и другое. У Юнис Бранки было неземной красоты тело, и я стараюсь сохранить его таким. С твоей помощью. А как они меня целовали! Это было почти как секс.

— Лучше доктора Гарсии?

— Доктор Гарсия вряд ли продемонстрировал все, на что способен. Он немного растерялся и стеснялся в присутствии одной моей знакомой рыженькой медсестрички. А этих двоих ничего не сдерживало. Они подзаправились алкоголем и старались перешеголять друг друга. Ух! Винни, я не преувеличиваю. Если бы там не было Джейка, они мигом завалили бы меня и оттрахали прямо на ковре.

— А вы бы сопротивлялись?

(Скажите правду, шлюшка?) (Юнис, кто из меня шлюшку сделал? Есть повод солгать?) (Ни единого. Разве что ей захочется самой вас трахнуть.) (Да ну! Ей просто нечем заняться до свидания.) (Не говорите потом, что я вас не предупредила.)

— Винни, будь я настоящей леди, я бы испугалась. Но тебе я врать не стану. Я еще не привыкла быть женщиной, но инстинкты у меня острые. Зуб даю, если бы хоть один из них был еще чуть настойчивее, я бы сама растянулась на ковре и раздвинула ноги. Групповуха? Да будь там хоть взвод солдат!

Винифред задумчиво произнесла:

— Со мной такое однажды было.

— Взвод солдат?!

— Групповуха.

— Так, давай-ка вытряхнем из простыней крошки и при-тушим свет. Устраивайся рядом поудобнее и Расскажи стар-шей сестрице, как все было. С тобой обошлись грубо?

— Нет. Ох, я уже краснею. Выключите все, кроме тор-шера. Я буду говорить шепотом.

— Так лучше?

— Да.

— Теперь Расскажи мамочке.

— Это случилось в ночь после окончания практики. Я не была девственницей — думаю, никто в моей группе не был. Но такого я не ожидала. Интерны устроили для нас ве-черинку. Все шло хорошо, и я была готова переспать с кем-нибудь из них. Интерны ребята горячие, и если идешь с та-ким на свидание, то уже никакого динамо. На вечеринке было много шампанского и совсем никакой еды. А я прежде даже не пробовала шампанского.

— Ого! Я уже вижу, к чему идет дело.

— На вкус шампанское вовсе не кажется крепким, и я, мягко говоря, нализалась. Сама не заметила, как ока-залась в постели. Сначала я не удивилась и решила не со-противляться, но все было как в тумане. Я заметила, что со мной не темноволосый парень, а рыжий, как я. А я была уверена, что у него темные волосы и усы. Когда рыжий вдруг стал лысым, я поняла: что-то не так. Джоан, их там бы-ло семеро, и, думаю, к утру каждый из них успел меня по-иметь. Может, не по одному разу. Я догадалась, лишь когда густая рыжая шевелюра превратилась в лысину. Но так и не сопротивлялась. Мне... не хотелось сопротивляться. Я ним-фоманка?

— Чего не знаю, того не знаю. Но я сегодня чувствовала себя именно так. Мне хотелось, чтобы все наконец произо-шло. Чтобы происходило долго-долго — хотя я не знаю да-же, какие при этом ощущения. Продолжай.

— В общем, парни с меня не слезали. Мне дали минут-ку, чтобы сходить в туалет, и я увидела в зеркало, что на мне ничего нет. Но я не помнила, как разделась, да мне и было

наплевать. Я вернулась в кровать и вдруг почувствовала себя одиноко. Казалось, вечеринка закончилась. Но не тут-то было. Ко мне подошел парень; я присмотрелась и сказала: «Тед! Иди сюда!» Он залез ко мне. И все пошло по новой.

Я проснулась около полудня. Голова трещала с похмелья. Кое-как поднялась и увидела свои вещи, аккуратно сложенные на стуле, а рядом на столике — термос кофе, стакан и сладости. И записку. В ней говорилось: «Выпей перед едой. Полегчает. Пончик». Пончик — это прозвище того лысого парня.

— Каков джентльмен! Если не обращать внимания на его страсть к групповым изнасилованиям.

— Пончик всегда был милым. Но если бы мне сказали, что я с ним пересплю, я бы их засмеяла.

— А ты еще с ним спала?

— Да. Мне понравилось, что он устроил мне завтрак и оставил таблетку от похмелья. Мне сразу стало лучше. Не настолько, чтобы тут же выйти на работу, но достаточно, чтобы одеться и вернуться в свою комнату.

— С тобой ничего не случилось? То есть ты не залетела?

— Даже не болело ничего. Это случилось в безопасный день, и я не забеременела бы, даже если бы у меня не стояла спираль. В сексе с интернами был один плюс — они регулярно проходят обследования, и риск чем-нибудь заразиться почти нулевой. Мне повезло. Не сомневаюсь, что об этом разболтали на весь колледж, но я была не единственной, с кем приключилось такое, и вечеринка тоже была не единственной. Надо мной не подшучивали. Но это было групповым изнасилованием, против которого я не возражала. — Винни задумалась. — Боюсь, это может повториться. Я знаю, что буду не против, поэтому больше не пью алкоголь.

— Винни, ты же пила со мной, и не один раз.

— Это другое. Если бы вы захотели меня опохмелить — я была бы не против. С вами безопасно.

(Безопасно?! Наивная девочка!) (Юнис, ты прекрасно знаешь, что мы с ней только баловались.) (Она намекает, что неплохо бы сделать следующий шаг.) (Ни за что! Ну разве только маленький.)

— Винни! Дорогая! Взгляни на время!

— Что? Боже! Десять минут первого! Я... — Рыженькая медсестричка готова была расплакаться.

— Опаздываешь? Твой кавалер подождет. Тебя можно хоть вечность ждать.

— Не опаздываю. В полночь он только заканчивает работу. Пока сюда доберется... Я вас не хочу оставлять! Не в такой момент... ох, мне так хорошо!

— И мне, милая, — согласилась Джоан, осторожно выпутываясь из объятий Винни. — Но не заставляй своего мужчину ждать. Твоя старшая сестрица никуда не денется. Проверь помаду, причешись и прихорошись в моей ванной, если боишься, что он может дожидаться в твоей спальне.

— Ладно. Хорошо. Спасибо, мисс Джоан.

— Перестань звать меня «мисс», или, клянусь, я не пушу тебя на свидание. Давай поживее, сладкая моя, тебе нужно выглядеть идеально. Поцелуй меня на ночь. Ты еще из ванной выйти не успеешь, как я усну. И да — завтра упражнений не будет.

— Но...

— Не дуйся, я ничего обидного не сказала. Мне хочется подольше поспать, да и тебе не повредит. Не хочу проснуться, услышав, как ты там ворочаешься. Считай, что этой ночью у тебя будет постельная йога. Чего краснеешь? Устрой своему кавалеру что-нибудь особенное от моего имени, только ему об этом не говори. Хотя можешь и сказать, мне все равно. А теперь поцелуй меня и иди.

Медсестра-горничная неторопливо поцеловала ее и поспешно ретировалась в ванную. Когда она вышла, Джоан Юнис притворилась спящей. Винифред тихонько проскользнула в свою спальню и закрыла за собой дверь.

(Близняшка, тебе опять повезло!) (Юнис, сколько раз повторять, что не собираюсь гулять по Голубой улице, пока не утрачу девственность? Вдруг у меня разовьется зависимость?) (С нашей ласковой кисонькой, которая любит групповуху, вполне может развиться. Но я не о ней, а о том, что случилось дома у Джейка.) (И каким образом мне там повезло? Да со мной ничего хуже не случилось! Юнис, сегодняшняя медитация нужна была мне не меньше, чем Джейку.) (Повезло-повезло. Босс, я хоть и мертва, но дни считать

не разучилась. У меня больше десяти лет цикл был ровно двадцать восемь с половиной дней — и с тех пор, как мы со-единились в одно целое, тоже. Мы с вами сейчас можем за-лететь от одного взгляда на голого мужчину, и в ближайшие дня два-три тоже. Джейк обещал, что в следующий раз будет гораздо лучше... а вы будете беззаботны, как та девушка из группы поддержки, о которой я вам рассказывала. Так что бегом ставить противозачаточный имплант. Желательно до десяти утра, если нет желания, чтобы мы сразу выбыли из игры.)

(Юнис, ты несешь чепу... Или нет. Хорошо, я завтра же последую твоему совету. Но насчет «выбыть из игры» — это преувеличение. Да, у тебя уже была одна беременность, у меня нет. Твоя тетка небось глаз с тебя не спускала...) (Еще бы. Элси Динсмор жилось веселее!) (...но у меня за плечами три беременности, пережитые в качестве мужа. «Из игры» выбывают ненадолго, под самый конец. И у женщи-ны на это время не пропадает интерес к сексу. Моя анге-льская первая жена Агнес порывалась сделать это прямо на пути в родильный дом, но у меня хватило здравого смысла ей отказать. И все равно я буду осторожней.)

(Я ведь не отговариваю. Просто не хочу, чтобы мы слу-чайно залетели — например, во время игр с нашим милым судьей или Алеком. Но если вам хочется, то и отлично. Вы-ходите за Джейка и рожайте от него. Или сначала забере-мейте от него, а потом выходите замуж — так он может ока-заться сговорчивее.) (Юнис, я не буду спешить с браком.) (Как это? Вы делали предложение Джейку уже раза четыре, если не больше.)

(Ну и что с того? Если бы он согласился, я бы за него вышла. Но он отказался и не согласится по меньшей мере до окончания судебной тяжбы. А на это могут уйти годы. Помнишь, сколько лет «Скай трейлс» добивалась судебного одобрения конверсии своих акций? По сравнению с нашим то дело было плевое; речь шла о куда меньших деньгах. Юнис, я прошусь замуж за Джейка, чтобы ему самому было спокойнее. Мне совершенно необязательно быть его закон-ной женой; я просто хочу с ним спать. Свадьба для этого не обязательна.)

(Близняшка, ваша наивность меня поражает. Слышали, что Винни сказала? Брак не планируют, он случается сам

собой. Девушки, утверждающие, что «не собираются замуж», чаще других выходят за людей, с которыми познакомились накануне вечером. Босс, выходите за Джейка, как только он согласится. Вы правильно сказали, что не найдете другого мужчину, который бы вас понимал и не гнался за вашими деньгами. А пока лучше предохраняться.)

(Ладно. Как предохраняются современные девушки?) (Чаще всего ставят специальный имплант. Некоторые по старинке принимают таблетки с суточным или месячным эффектом. Но стоит пропустить прием, как риск многократно увеличивается. Мне никогда не хотелось химичить с гормонами, я считаю, женственность — такое дело, в которое лучше не вмешиваться. Это не предрассудки, босс; я много об этом прочла после того, как залетела. Любые химические способы опасны. Моему телу прекрасно жилось без них, и мне не хотелось ничего нарушать. Зачем чинить то, что не сломано? Это я вас цитирую, только вы говорили о ведении бизнеса.) (Понимаю, о чем ты, но сравнение некорректное. Тело — куда более сложный механизм, чем корпорация, а твое тело — настоящий бриллиант. Я ничего не хочу в нем менять. Но как в таком случае ты предохранялась? Не воздержанием же?) (Вот уж чего у меня никогда не бывало. Есть много способов любиться и не забеременеть, если только отбросить старые привычки и начать жить по-современному...) (Послушай, детка, я еще в старшей школе все эти способы перепробовал. Сколько раз повторять: ваше поколение не изобрело секс.) (Босс, не перебивайте. Все это — экстренные средства. Полагаться только на них — значит неминуемо поучаствовать в росте населения. Джоан, когда мне исполнилось восемнадцать и я получила лицензию, я изучила все доступные средства контрацепции... и остановилась на одном из старейших. Влагалищная диафрагма. Они по-прежнему продаются, подобрать ее может любой гинеколог. Я носила их по шесть дней в месяц, даже на работу, потому что, цитируя доктора, «диафрагмы чаще всего рвутся, когда вы оставляете их дома, выбегая на пять минут в магазин».)

(Подозреваю, он прав, Юнис.) (Уверена, что прав, Джоан. Мне они никогда не нравились... мне все контрацептивы не нравились; у меня врожденный инстинкт деторождения. Босс... единственное, из-за чего я жалею, что умер-

ла... я всегда хотела ребенка от вас. Глупо, ведь когда мы познакомились, вы уже были совсем старым — или еще не совсем? Но если бы вы захотели, я бы попробовала.)

(Милая моя!)

(Нет, я не жалуюсь. Я радуюсь тому, что у меня есть. Ом мани падме хум. Я не сетую на свою карму. Для меня счастье быть половиной Джоан Юнис.)

(Юнис, ты по-прежнему хочешь от меня ребенка?)

(Что? Босс, не шутите надо мной.)

(Я не шучу, любовь моя.)

(Босс, у вас ведь не осталось нужного для этого органа. Теперь он, наверное, где-нибудь заспиртован.)

(Вроде сейчас для этого используют формалин. Или глубокую заморозку. Плевать на мое старое тело. Я говорю об искусственном оплодотворении.)

(Не понимаю.)

(Помнишь некоммерческий Евгенический фонд имени Иоганны Мюллер-Шмидт?)

(Конечно. Я каждый месяц отправляла туда чеки.)

(Юнис, истинное назначение этого фонда не прописано в его уставе. Когда погиб мой сын, я был уже довольно стар, но еще вполне способен иметь детей. Это подтвердили тестами. Поэтому я женился — кажется, я тебе уже рассказывал, — мечтая еще об одном сыне. Не сложилось. Но я не сдался. В этом фонде находится банк спермы, где хранится маленькая часть Иоганна. Полагаю, сперматозоиды заморожены, но не мертвы, а лишь спят. Вот что я имел в виду. Понадобится лишь шприц, или чем там сейчас пользуются. Юнис? Ты со мной?) (Босс, я рыдаю от счастья. Можно? Я готова!)

(Значит, завтра утром пойдем и сделаем. У тебя еще есть время передумать.)

(Ни за что. Надеюсь, вы тоже не передумаете.)

(Люблю тебя.)

Наутро Джоан обнаружила, что Джейк уехал и оставил ей записку:

Дорогая Джоан Юнис!

Благодаря вам с Винни я спал как младенец и теперь готов бороться с хищницами. Передай Винни мою благодарность и скажи, что я буду рад вновь поучаствовать в вашей медитации, если вы меня пригласите, особенно если выдастся тяжелый денек. Сегодня меня ждет охота за уликами, и вернусь я поздно. Алек отправился в Вашингтон. Если я тебе понадобится, позвони в мою телефонную службу или судье Маккэмбеллу.

Я сказал Джефферсону Биллингсу, чтобы он позволил тебе снимать деньги со счета на мелкие расходы по старой подписи и новым отпечаткам пальцев. Там должно быть тысяч четыреста. Биллингс будет оплачивать чеки и хранить, а я — заверять, пока ты не оформишь новую карту с подписью и отпечатками. Он говорит, что знал Юнис Бранку в лицо, поэтому проблем не будет. Если хочешь, он хоть сейчас может прислать карту для заполнения. Мы полагаем, что твоя подпись немного изменится.

(Босс, Джейк, наверное, не знает, что я подписывалась за вас лучше, чем вы сами.) (Вряд ли хоть кто-нибудь про это знает. Интересно, а в суде такой факт сыграл бы за нас или против?)

Если тебе на карманные расходы нужно больше, я готов дать тебе взаймы — это проще, чем расписывать все суммы в опекунском отчете. Твой «брат Мак» сделает все, чтобы нам помочь, но финансовая сторона должна быть кристально чистой, пока он не освободит меня от обязанностей опекуна. «Жена Цезаря» и все такое.

К слову о жене Цезаря. Помнишь, что я рассказал тебе о двух наших друзьях? Утром я позвонил одному из них, а ответил другой. Но они ничуть не переживают из-за того, что я видел, слышал и о чем мог догадаться. Мне это польстило. Маленький чертенок, если ты где-то напроказишь, можешь им довериться, потому что единственное, что их беспокоит, — это твое благополучие. Прости, что вчера повел себя как ханжа.

(Приятно это знать, босс.) (Юнис, Алек и Мак вольны заниматься в свободное время чем угодно. Джейку не стоит сплетничать о них даже с нами.) (Босс, я не о том! Джейк признал, что вчера вел себя скверно, и просит прощения, а заодно и прощает нам будущие грехи. Теперь мы просто обязаны выйти за него замуж! Я опасалась, что он может оказаться ревнивым. Собственником. Возраст, происхождение. Окажись это так, нас ждал бы сущий ад, близняшка, поскольку в душе ты шлюха, и мы обе это знаем.)

(Юнис, какая чушь! Я ни за что не стала бы хвастаться перед Джейком своими похождениями. В любом случае ты ошибаешься. Умный мужчина — а Джейк, несомненно, из таких — не придает значения интрижкам. Он только боится потерять горячо любимую жену. Если Джейк на нас женится, я никогда не дам ему повода для таких опасений.) (Надеюсь, вы сдержите обещание, босс, милый.) (С твоей помощью. Давай дочитаем...)

Не жди меня к ужину; дела не терпят отлагательств. Вчера мы не смогли сделать кое-что чрезвычайно важное, но это важнее. Надеюсь, ко вчерашнему мы еще вернемся.

Я собирался написать любовное послание, но был вынужден упомянуть и другие дела — и других людей, поэтому порви записку по прочтении и спусти в унитаз. Письмо запечатано неспроста. Каннингем поклялся, что ответит головой, если оно попадет в чужие руки прежде, чем дойдет до тебя. Я начинаю проникаться уважением к Каннингему; он действительно «честный вор».

Люблю тебя, милая, и дарю тебе большущий поцелуй — настолько огромный, что ты можешь оторвать от него кусочек и подарить Винни с благодарностью от меня. Она очаровательна. Я рад, что она о тебе заботится.

Дж.

(Ах он, старый проказник! Джоан, наш Джейк, слепая нас по попке, заглядывается на хорошенький задик Винни!) (Ей придется встать в очередь!) (*Ревнуешь*, близняшка?) (Нет. Но мне он достанется первой. Черт побери, Юнис, вчера я почти его раскрутила. Скольких трудов это стоило! Не «раз-два и готово», как вышло с ним у *тебя*. Меня за это еще и отшлепали. Надеюсь, он сегодня вечером вернется домой.) (Три препятствия, даже если он вернется, близняшка.) (*Три ?!*) (Хьюберт... Винни... и наш «имплант». Босс, вы ведь не оставите меня без *вашего* ребенка, забеременев от Джейка?) (Конечно нет, глупышка! Мне и не из таких переделок случалось выкручиваться еще до рождения твоей бабки. Мм... мне понадобятся деньги.)

(Джейк ведь разрешил вам их снять.) (Да, но для этого потребуется моя подпись и *его* виза. Это все равно что открыто признаться. Юнис, ты, видимо, никогда в жизни взяток не давала.) (То есть давала... но не *деньгами*.) (Не рассказывай чем, попробую угадать. Куколка, наше состояние измеряется миллионами, но сегодня мне нужно раздобыть несколько бывших в обращении купюр среднего достоинства. Желательно из анонимного источника. Пойдем, я покажу тебе кое-что, о чем не знала даже моя секретарша — ушлая девчонка по имени Юнис, помнишь такую?)

(Босс, вы про тот сейф в ванной?) (А? Черт, откуда ты-то о нем знаешь?!) (Я любопытная.) (Может, ты и код назовешь?) (Без комментариев.) (Ладно, все равно через минуту узнаешь. Или ты можешь прочитать его в моей голове?) (Босс, вы уже должны были понять, что я не могу выяснить ваши секреты, пока вы о них не подумаете. А вы не узнаете моих, пока о них не подумаю я. Но что касается кода... я бы попробовала дату рождения вашей матери.)

Джоан вздохнула.

(Сейчас ничего ни от кого не скроешь. Ладно, пойдем проверим, не ограбили ли нас.)

Она вошла в ванную, закрыла дверь на защелку, вынула из шкафчика стопку полотенец, пошарила рукой в шкафчике. Задняя стенка сдвинулась в сторону; за ней оказался сейф.

(Думаешь, дата рождения моей матери откроет сейф?) (Сначала я бы включила кварцевую лампу над массажным

столом и открыла кран с холодной водой в раковине.) (Вообще ничего не скроешь! Милая, ты правда давала взятки своим роскошным хвостиком?) (Не совсем. Скорее улучшала условия сделки. Давайте проверим, не ограбили ли нас.)

Джоан открыла сейф. Внутри оказалось достаточно денег, чтобы привлечь внимание банковского аудитора. Но купюры не были упакованы в банке и аккуратно перевязаны; сумма в каждой пачке была подписана от руки.

(Какое богатство! То ли никто не нашел этот сейф, то ли не догадался, что нужно сделать помимо введения кода. Что же, вопрос решен. Не будем спускать в унитаз записку Джейка.) (Но ему скажем, что спустили?) (Если спросит.) (А потом со слезами признаемся, что не смогли с ней расстаться.) (Юнис, твой разум — настоящий спутанный клубок.) (Поэтому он так хорошо сочетается с вашим, близняшка.) (Пожалуй.)

Джоан убрала письмо в сейф, достала две пачки денег, положила в сумочку, закрыла сейф, выключила лампу и воду, повернула ручку кодового замка, задвинула стенку шкафчика, сунула на прежнее место полотенца и закрыла шкафчик. Затем подошла к терминалу домовой связи и нажала кнопку:

— Шеф О'Нил.

— Да, мисс Смит?

— Через полчаса мне понадобится машина с шофером и двумя телохранителями.

Последовало непродолжительное молчание.

— Гм. Мисс Смит, мистер Саломон, вероятно, забыл оповестить меня, что вы покинете дом.

— И у него была на то веская причина. Он об этом не знает. Он упомянул, что я больше не под опекой суда? Быть может, вы слышали об этом из других источников?

— Из официальных не слышал.

— Значит, теперь услышите из официального. От меня.

— Ясно, мисс.

— Вы чем-то недовольны? Можете позвонить судье Маккэмпбеллу.

— Разумеется.

— То есть позвоните?

— Мисс, я чего-то не понимаю? Разве вы сейчас не распорядились ему позвонить?

— Наш разговор записывается?

— Конечно, как положено.

— Так отмотайте запись назад и найдите ответ на ваш вопрос. Я подожду. Но сперва напомните — как давно вы у меня на службе?

— Семнадцать лет, мисс. Последние девять в качестве начальника охраны.

— Семнадцать лет два месяца и несколько дней. Немного не хватает, чтобы рассчитывать на максимальную пенсию, но вы служили мне верой и правдой. О'Нил, если пожелаете, то можете сегодня же выйти в отставку. Я гарантирую вам пожизненное содержание за верную службу. А теперь переслушайте запись.

Она подождала.

— Ничего себе. Мисс, кажется, мне пора прикупить слуховой аппарат. Вы не приказали мне позвонить судье, а лишь сказали, что я могу это сделать.

— Вот именно. Я заметила, что вы можете проверить мои слова, совершив один звонок. Еще не поздно.

— Мисс, не понимаю, к чему вы клоните.

— Ничего, поймете. Так что насчет отставки? Если согласны, то пришлите Ментона на собеседование.

— Мисс, я не собираюсь в отставку.

— Правда? А мне показалось, что хотите уйти к другому хозяину. Возможно, к мистеру Саломону. Не хотелось бы вам в этом препятствовать. Предложение о пожизненном содержании все еще в силе.

— Мисс, мне нравится работать здесь.

— Рада слышать. Надеюсь, вы останетесь надолго. О'Нил, вы с кем-нибудь обсуждали мои поездки?

— Только когда вы давали такое распоряжение. Я записываю наши разговоры как раз на такой случай.

— Ясно. Сотрите пленку. Я побуду на связи.

— Стер, мисс Смит, — вскоре ответил О'Нил.

— Отлично. Давайте заново. Шеф О'Нил, это мисс Иоганн Себастьян Бах Смит. Через полчаса мне понадобится машина с шофером и двумя телохранителями.

— Будет исполнено, мисс Смит.

— Благодарю вас. Я собираюсь за покупками. Миссис О'Нил что-нибудь нужно?

— Мисс, вы очень любезны. Не уверен, что ей что-нибудь нужно, но могу спросить.

— Спросите, но не говорите, что я еду лично. Если у нее есть список, я попрошу Фреда или Малыша купить все необходимое. До связи.

(Босс, вы его напугали до усрачки. Зачем так?) (Юнис, непросто управлять островком феодализма в океане демократии. Когда Иоганн говорил: «Прыгать!», — все прыгали, а шеф охраны — особенно активно. О’Нил, как и все, должен понимать, что Иоганн никуда не делся... и что никто, даже наш дорогой Джейк, не может мне перечить. Если только он женится на нас, тогда я по-женски позволю ему все решать.) (Не верю!) (Как знать, милая моя. Вот ты слушалась Джо?) (Ну... я с ним не спорила. Можно сказать, что слушалась. Разве что иногда обманывала его или не все ему говорила.) (Вот и я буду так делать. В идеале я стану поступать так, как скажет муж... но сперва сделаю так, чтобы он просил меня поступать так, как я сама хочу.)

Джоан скорее почувствовала, чем услышала, смешок Юнис.

(Босс, да это рецепт идеального брака!)

(Мне все больше нравится быть женщиной. Но все равно непривычно. Что нам надеть?)

Джоан остановилась на бюстгальтере без бретелек, юбке до колен, непрозрачном плаще с капюшоном и чадрой и сандалиях без каблука. Ничего яркого и броского. На одевание ушло меньше получаса.

(Юнис, как мы выглядим?) (Для «поездки по магазинам» — в самый раз. Винни предупреждать не будем, она наверняка еще спит.) (Я и не собиралась. Вдруг ей захочется с нами? Поехали, милая. Пора свершиться второму непорочному зачатию за две с лишним тысячи лет.) (Босс, это плохая шутка!) (Фримп! Юнис, ты ведь вроде бы не христианка. Дзен-буддистка? Или индуистка? Что-то в этом роде?)

(Ни то, ни другое, ни третье. Я просто занимаюсь духовной практикой. Но нельзя шутить о том, что свято для других.) (Даже мысленно? Мне что, и думать теперь нельзя? Очень хочется тебя отшлепать, жаль, не получится.) (Босс, мне вы можете говорить что угодно. Только вслух этого не произносите.) (Так никто ничего вслух и не говорил. Хватит

меня критиковать.) (Простите, босс. Люблю вас.) (И я тебя, ворчунья. Поехали!) (Вперед!)

Она спустилась на лифте в цокольный этаж, где ее встретил начальник охраны. О'Нил отсалютовал:

— Мисс, машина готова. Шоферы и телохранители тоже.

— Шоферы?

— Сейчас смена Финчли, но Дабровски решил с этим поспорить. Утверждает, что он старший по званию. Хотите сами решить вопрос?

— Ничуть, это ваша обязанность. Но могу попробовать уладить конфликт.

— Хорошо, мисс.

Он проводил Джоан к машине. Обе команды выстроились вдоль автомобиля, и все как один отдали честь. Джоан улыбнулась:

— Доброе утро, ребята. Давно не виделись. Рада, что все в добром здравии.

За всех ответил Дабровски:

— Спасибо, мисс Смит. Вы прекрасно выглядите.

— Спасибо. — Джоан пробежалась взглядом по охранникам. — Мне так никто и не рассказал... о той трагедии, которая положила начало удивительной череде событий, случившихся со мной. Чья смена была, когда погибла миссис Бранка?

Никто не решался ответить. Тогда слово взял О'Нил:

— Финчли с Малышом, мисс Смит.

— В таком случае выражаю им благодарность от имени миссис Бранки и от своего. Впрочем, не сомневаюсь, что Дабровски и Фред повели бы себя так же храбро и расторопно. — Она взглянула на Финчли, потом на Малыша, без улыбки, но благодушно. — Кто из вас отомстил за Юнис? Или вы вместе?

Финчли ответил:

— Малыш, миссис... мисс Смит. Голыми руками ему шею свернул.

Джоан повернулась к Малышу — чернокожей смертоносной громаде ростом шесть футов и шесть дюймов, весом под триста фунтов (в свободное от работы время — проповеднику). Посмотрев на него снизу вверх, она мягко сказала:

— Малыш, благодарю тебя от всего сердца — за Юнис. — (Босс, я тоже ему благодарна! Я ведь уже умерла, когда приехал лифт, и не знала, кто разделался с преступником.) — Если бы она была здесь, то сказала бы тебе спасибо не только от своего имени, но и от имени всех девушек, до которых этот подонок теперь не доберется. Рада, что ты убил его на месте. Попади он в тюрьму, мог бы уже выйти и приняться за старое.

Малыш наконец подал голос:

— Мисс... это и заслуга Финча. Он выстрелил в него из шокера. Нельзя сказать, что кто-то из нас справился в одиночку.

— Это и не важно. Любой из вас четверых отдал бы жизнь за миссис Бранку. Она это знала — и знает, где бы она теперь ни была. Я это знаю, и шеф О'Нил тоже. — У Джоан на глаза навернулись слезы, и она не стала их сдерживать. — Я — мы все! — жалею лишь, что она не дождалась вас в квартире. Знаю, каждый из вас считает, что лучше было бы умереть мне. Уверяю, я чувствую то же самое. Малыш, помолись за нее сегодня. Вместо меня; я не знаю молитв.

(Босс, я сейчас разревусь.) (Произнеси «мани хум». За Малыша. Он до сих пор винит себя.)

— Конечно, мисс. Я каждый вечер молюсь. Однако миссис Бранке молитвы не нужны. Она в раю.

(В раю — это точно. Пусть и в ином, нежели думает Малыш.) (Не станем его разуверять. Достаточно?) (Вполне.)

— Спасибо, Малыш, — сказала Джоан. — От меня, не от Юнис. Ты прав, молитвы ей не нужны. — Она повернулась к О'Нилу. — Шеф, я собираюсь в торговый центр «Гимбелс».

— Конечно, мисс. Финчли, за руль. Фред, Малыш, в машину.

О'Нил помог ей сесть и закрыл дверцу. Джоан защелкнула замок. Бронированные гаражные ворота открылись, и огромный автомобиль выехал на улицу.

(Джоан, что тебе понадобилось в «Гимбелсе?») (Кляп. Для тебя. Сейчас поменяю маршрут. Юнис, где ты покупала одежду? Лучше тебя во всем городе никто не одевался... и не раздевался.) (Пфф, я никогда полностью не раздевалась. Все дело в творчестве Джо. И вам не стоит ходить в те мага-

зины, куда ходила я.) (Почему нет?) (Иоганн мог бы, но вам нельзя. Так не пойдет. Я знаю несколько стильных магазинчиков, в которых для меня было слишком дорого. Кстати, у пары из них есть филиалы в «Гимбелсе».) (Значит, туда и поедем. Сейчас я скажу Финчли... и пусть меня сопровождает Фред, а то он, кажется, думает, что о нем все забыли.) (Стоп! Фред умеет читать!) (И? А! Ладно, тогда пусть еще немного подождет.)

Джоан включила интерком:

— Финчли.

— Да, мисс?

— В спешке я забыла, что хотела еще кое-куда заехать. Пожалуйста, высади нас с Малышом в погрузочно-разгрузочной зоне на пересечении федерального шоссе и Мейн-стрит.

— Будет сделано, мисс.

— Пусть Малыш возьмет рацию. Там нет нормальной стоянки — по крайней мере, не было в мою предыдущую поездку. Когда это было? Больше двух лет назад?

— Два года и семь месяцев. Мисс, вы уверены, что не хотите взять обоих телохранителей?

— Нет. Пускай один остается в машине. Вдруг тебе понадобится выйти? Потом поменяются.

— Мисс, я и сам справлюсь.

— Не спорь. Ты бы не решился возразить Иоганну Смит-у. Уверяю, мисс Иоганн Смит не утратила его хватку. Передай это остальным.

Джоан услышала, как Финчли усмехнулся:

— Я передам, мисс Смит.

Когда машина остановилась, Джоан надела чадру, скрыв от любопытных глаз свою личность — или личности. Малыш открыл дверь и помог ей выбраться. На людном пешеходном тротуаре Джоан немного испугалась, однако великан рядом с ней действовал успокаивающе.

— Малыш, мне нужен дом сто тридцать семь. Найдешь?

Она прекрасно знала, где Робертс-билдинг, ведь она им владела, но нужно было, чтобы Малыш чувствовал свою пользу.

— Конечно, мисс. Цифры я хорошо читаю. И буквы тоже — у меня только слова не складываются.

— Идем. Малыш, а как ты справляешься с главным делом жизни, если не можешь прочитать Библию?

— Без труда. Слушаю говорящие книги. А Библию наизусть знаю — каждое ее святое слово.

— Вот это память у тебя! Мне бы такую.

— Главное — терпение. Я вызубрил Библию, еще когда сидел в тюрьме. — Он задумался. — Мне бы хотелось научиться читать, но времени нет.

(У бедняги наверняка и учителя хорошего никогда не было.) (Юнис, не нужно чинить то, что не сломано. Он и так нашел свое призвание.)

— Мисс, кажется, мы пришли. Один три... семь.

— Спасибо, Малыш.

Внутри у нее не спросили документы; их у нее и не было, ни на имя Иоганна Смита, ни на имя Юнис Бранки. Охранник заметил значок, такой же как у него самого, на форме Малыша, открыл турникет и пропустил их. Джоан Юнис улыбнулась ему глазами и отметила про себя, что охрану Робертс-билдинг необходимо улучшить. Номер значка Малыша следовало записать в журнал и сфотографировать его удостоверение.

(Босс, к чему столько возни? Он и без этого должен понимать, кого пропускать, а кого нет.) (Кто бы говорил. Если бы твой дом нормально охранялся, на тебя бы не напали. Если насилие на улицах остановить невозможно, то нам остается лишь всеми силами не пускать его в наши дома.) (Не стану спорить. Я слишком взволнована!) (Я тоже. Что бы я делала без этой чадры!)

На двенадцатом этаже они направились в офис Фонда имени Иоганны Мюллер-Шмидт. Табличка на двери гласила: «Директор. Х. С. Олсен, доктор наук, доктор медицины, без звонка не входить». Охранник впустил их и вернулся к журналу с картинками. Джоан с одобрением отметила большое количество женщин и пар в приемной. В своем последнем письме, к которому прилагался чек на круглую сумму, она (Иоганн) во всех подробностях расписала Олсену (предназначенные для широкой публики) цели фонда — предоставить обеспеченным лицензированным женщинам лучших анонимных доноров. Судя по всему, это возымело должный эффект.

— Малыш, подожди здесь. Можешь кино посмотреть.

Она направилась к столику между приемной и кабинетами, прошла мимо таблички «Регистратура» и жестом подождала единственного сотрудника-мужчину.

— Что вам угодно, мэм? Для подачи заявки дождитесь своей очереди, предъявите документы и заполните анкету.

— Мне нужно к директору. Доктору Олсену.

— Доктор Олсен не принимает без записи. Как ваше имя? Возможно, его секретарь уделит вам минутку.

Джоан приблизилась и прошептала:

— Мне необходимо с ним встретиться. Мой муж все узнал.

Клерк опешил:

— Как вас зовут?

— Не глупите. Просто передайте то, что я сказала.

— Ух... подождите. — Клерк скрылся за дверью.

Она подождала. Мужчина вернулся быстро, поманил ее к боковому коридору, откуда провел к дверям, на одной из которых была табличка «Директор. Не входить», а на другой — «Секретарь директора. Не входить без звонка». За второй дверью дождалась женщина в очках, напомнившая Джоан школьную учительницу Иоганна — и видом, и властными манерами. Женщина сказала ледяным тоном:

— Что это за цирк? Предъявите ваши документы!

(Босс, врежьте ей в солнечное сплетение и скажите, что она упала в обморок!) (Посмотрим. Сперва попробуем помоему.)

Джоан ответила еще менее приветливо:

— И не подумаю, мисс Перкинс. Зачем мне, по-вашему, чадра? Позовите директора, или я вызову полицию и репортеров.

Мисс Перкинс опешила, встала из-за стенографического стола и вошла в кабинет позади него. Вскоре она вернулась и злобно произнесла:

— Можете войти.

Олсен даже не встал, чтобы поприветствовать Джоан.

— Мадам, вы выбрали весьма необычный способ привлечь мое внимание, — сказал он. — В чем дело? Давайте начистоту.

— Доктор, вы даже присесть даме не предложите?

— Предложу, если буду уверен, что передо мной дама. Ваше поведение ставит это под сомнение. Говорите, пока я вас не выставил.

(Босс, видели, как он косится на микрофон? Старая карга в соседнем кабинете наверняка все записывает.) (Не сомневаюсь. Поэтому пока помолчим.)

Джоан подошла вплотную к столу директора и отстегнула чадру.

На сердитом лице врача отразилось искреннее удивление. Джоан Юнис склонилась над столом и выключила микрофон. Затем тихо сказала:

— Еще микрофоны есть? Комната звуконепроницаемая? А дверь?

— Мисс...

— Достаточно просто «мисс». Теперь-то предложите сесть? Или мне вернуться с адвокатом?

— Присаживайтесь... мисс.

— Благодарю вас. — Джоан дождалась, когда он поставит стул на «место для почетных гостей», и села. — Теперь ответьте. Нас никто не подслушивает? Если да, я непременно об этом узнаю... и предприму необходимые меры.

— Никто. Секунду. — Врач поднялся и вручную запер дверь в кабинет секретарши. — Теперь рассказывайте, что случилось.

— Обязательно. Но сперва один вопрос. Я финансировала фонд ежеквартально. Вы получили все чеки за период моей временной недееспособности?

— Кроме одного. Я подождал полтора месяца, прежде чем написать мистеру Саломону и напомнить о графике. Он во всем разобрался и вскоре прислал сразу два чека и письмо, удостоверяющее, что последующие платежи будут происходить согласно установленному вами графику. Что-то изменилось?

— Нет, доктор. Я гарантирую дальнейшее содержание фонда. Хочу отметить, что попечителей вполне устраивает ваша работа.

— Рад слышать. Вы только за этим приехали?

— Нет. Теперь к делу. Вы абсолютно уверены, что нас не подслушивают? Это важно в первую очередь для вас, а не для меня.

— Мисс... да, мисс, уверен.

— Хорошо. Тогда сходите в хранилище за донорским материалом пять-пять-один-два-ноль-ноль-ноль-пять-два — я пойду с вами, чтобы проверить номер — и оплодотворите меня им. Немедленно.

У врача отвисла челюсть. Однако он быстро вернул самообладание и заявил с профессиональным апломбом:

— Мисс... это невозможно.

— Почему? Как записано в уставе этого учреждения, составленном мною лично, предназначение фонда — предоставлять донорскую сперму женщинам, имеющим на это право. По запросу, безвозмездно и анонимно. Мне нужно именно это. Если хотите осмотреть меня, я готова. Если сомневаетесь, что у этого тела есть лицензия на деторождение, то уверяю, она есть, впрочем вы должны прекрасно понимать, что в данном случае потенциальный штраф — ничто. Так в чем дело? Не сможете подготовить сперму за день?

— Нет, что вы. На разморозку и подготовку требуется всего полчаса.

— Так оплодотворите меня через полчаса!

— Мисс... вы понимаете, чем это для меня чревато?

— Чем же?

— Ну... я слежу за новостями, иначе не узнал бы вас. Понимаю, что есть некоторые проблемы с установлением личности...

— А, это, — отмахнулась Джоан. — Доктор, вы играете на скачках?

— Э? Случалось. А что?

— Если нас действительно никто не подслушивает, вам ничего не грозит. В жизни каждого мужчины рано или поздно наступает момент, когда приходится идти на риск. Для вас он наступил. Вы можете сделать незащищенную ставку на определенную лошадку и выиграть. Или проиграть. Вам наверняка известно, что я, и только я олицетворяю попечительский совет. Остальные попечители — фиктивные лица. Хотите знать, что будет дальше? Вся эта кутерьма с установлением личности вскоре разрешится в пользу настоящего Иоганна Себастьяна Баха. Тогда он удвоит расходы на этот фонд, а с ними и зарплату директора. Если по-

ставите на верную лошадь, этим директором будете вы. Если нет — ищите другую работу.

— Вы меня шантажируете!

— Нет. Предсказываю ваше будущее. Старый Иоганн Себастьян Бах Смит был седьмым сыном седьмого сына и родился в рубашке; он обладал даром предвидения. Не важно, какую ставку вы сделаете. Финансирование будет удвоено в любом случае. Но только мы с вами будем знать, что сегодня здесь произошло.

— Гм. Есть протокол, который необходимо соблюдать. Я вправе одобрить донорство спермы, если женщина отвечает требованиям. Предположим, вы отвечаете. Тем не менее есть заведенный порядок и документы, которые нужно заполнить.

(Босс, он почти сдался. Спойте ему «мани хум» на другой лад.) (Юнис, взятка — лишь дополнительный толчок. Подождем, вдруг он сам упадет.)

Джоан помотала головой:

— Никаких документов. Выполните процедуру, и я закрою лицо чадрой и уйду.

— Мисс, я не выполняю процедуры сам. Это делает другой врач с медсестрой. Они заподозрят неладное, если документов не будет.

— Никаких медсестер, никаких помощников. Только вы, доктор. Зря вы, что ли, доктор наук? Либо вы можете провести оплодотворение, либо ваша квалификация недостаточно высока, чтобы руководить этим учреждением, — что не пройдет мимо внимания попечителей. Вдобавок я не оставляю вас в покое, пока мы не спустимся в хранилище, не возьмем нужную пробирку и не поместим ее содержимое внутрь меня. Ясно?

Врач тяжело вздохнул:

— А я думал, терапевтом быть тяжело! Вы понимаете, что искусственное оплодотворение не гарантирует успешную беременность?

— Если не получится, я вернусь через двадцать восемь дней. Доктор, беритесь за дело. Либо ставьте на другую лошадь — и я уйду. Без обид. Просто помните о моем предсказании. — Джоан встала со стула.

(Ну что, Юнис? Будет он прыгать?) (Не знаю, милая. Он так часто смотрит в женские дырки, что они ему осточертели. Тут не угадаешь.)

Олсен внезапно поднялся:

— Вам понадобится морозостойкий комбинезон.

— Хорошо.

— Дополнительный плюс: в нем даже муж собственную жену не узнает. У меня здесь есть один, для особо важных клиентов.

— Я весьма важный клиент, — сухо ответила Джоан.

Сорок минут спустя доктор Олсен произнес:

— Еще минутку. Я вставлю защитный латексный колпачок.

— Зачем? Разве эти штуки не для контрацепции?

— Как правило. Эту функцию он тоже будет выполнять — некоторые клиентки хотят быть защищены от возможного оплодотворения из других источников. Но в данном случае эта временная защита необходима, чтобы повысить шанс оплодотворения. Чтобы закрыть этим живчикам путь назад — понимаете? Походите с колпачком до завтра. Можете и дольше, если хотите. Знаете, как его извлечь?

— Если не справлюсь, позвоню.

— Как пожелаете. Если придут месячные, через четыре недели можно будет попробовать еще раз.

Доктор Олсен опустил подколенники и подал Джоан руку. Та слезла с кресла, счастливая, раскрасневшаяся, и поправила задранный подол юбки.

(Юнис, готово!) (Да, босс! Любимый босс!)

Доктор Олсен приготовился подать ей плащ.

Джоан сказала:

— Доктор... не волнуйтесь насчет скачек.

Он едва заметно улыбнулся:

— Я и не волновался. Хотите знать почему?

— Конечно.

— Гм. Если помните, я несколько раз лично встречался с Иоганном Смитом — мистером Иоганном Смитом.

— Если не ошибаюсь, одиннадцать раз, считая собеседование, когда доктор Эндрюс предложил вас в качестве своего преемника.

— Верно, мисс Смит. Никогда его не забуду. Мисс, возможно, какие-то юридические тонкости касательно вашей личности и предстоит уладить, но меня убеждать не надо! Вряд ли хоть одна молодая женщина вашего физиологического возраста способна успешно воспроизвести командирские замашки мистера Смита.

— Ой-ой!

— Простите?

— Доктор Олсен, к новому полу не так-то просто привыкнуть. На мое — и ваше — счастье, вы увидели за моим новым лицом Иоганна Смита. Но черт побери, сэр! Мне нужно учиться манерам, подобающим моему нынешнему облику. Позвоните мне... скажем, недели через три, чтобы узнать, надеюсь, радостные вести. Я покажу, что могу вести себя как леди, если постараюсь. Заходите на чай. Обсудим, как расширить деятельность фонда при удвоенном финансировании.

— Мисс Смит, я с радостью позвоню вам в любое удобное для вас время и по любому поводу. И даже без повода.

(Ой! Юнис, говоришь, ему осточертели женские дырки?) (Говорила. Но наша уж очень хороша, даже в таком ракурсе. Поцелуете его?) (Юнис, ты хоть с одним мужчиной можешь сохранять нейтральные отношения?) (Не знаю, не пробовала. И нечего ворчать, он ведь такой милашка!) (Вот и ты побудь милашкой и позволь нам спокойно убраться отсюда.)

Доктор надел на Джоан плащ, для чего ему пришлось шагнуть совсем близко. Она повернулась, облизнула губы и улыбнулась.

Было видно, что он готов рискнуть. Джоан не стала уклоняться; их губы соприкоснулись. Но она не обняла его и не сразу ответила на поцелуй.

(Не позволяйте ему уложить нас обратно на кресло! Вот на диван в его кабинете — можно.) (Юнис, успокойся! Не надо ни того ни другого.)

Дрожа, Джоан отстранилась:

— Спасибо, доктор. Видите, я могу быть девушкой, когда постараюсь. Как мне вернуться в приемную в обход мисс Перкинс?

Она пристегнула чадру.

Через несколько минут Малыш усадил Джоан в машину, закрыл дверцу и сел в кабину.

— Мисс Смит, теперь в «Гимбелс»?

— Пожалуйста, Финчли.

В торговом комплексе Джоан в сопровождении Фреда отправилась в салон «Мадам Помпадур». То, что она явилась в сопровождении личного телохранителя, сразу же привлекло внимание управляющего, который оказался вовсе не мадам Помпадур, несмотря на прическу а-ля знаменитая маркиза и соответствующие манеры.

(Юнис, мы точно в нужном месте?) (Конечно. Босс, вы просто их цен еще не видели.)

— Мадам, чем могу служить?

— У вас есть отдельный зал для показов?

— Конечно, мадам. Ваш телохранитель может подождать в...

— Он пойдет со мной.

Управляющий надул губы:

— Как мадам пожелает. Пройдите сюда...

(Юнис, а если мы пойдем не «сюда», а «туда»?) (Лучше не надо, близняшка. Следуйте за ним — или за ней. Я что-то не разберу.)

Вскоре Джоан уже сидела напротив невысокого подиума. Фред стоял за ней по стойке «вольно». Внутри было тепло; Джоан расстегнула плащ и откинула капюшон, но оставила чадру. Порылась в сумочке, достала листок бумаги.

— У вас есть манекенщица с похожими параметрами?

Управляющий пробежался глазами по цифрам — рост, вес, обхват плеч, груди, талии, бедер.

— Это мадам?

— Да. Но у меня есть еще список. Если даже для меня ничего не найдется, я хочу приобрести что-нибудь красивое и экзотическое для подруги. У нее рыжие волосы, бледная кожа и зеленые глаза.

Мерки Винни Джоан выписала из их тренировочного протокола.

— Конечно, мадам. Позвольте заметить, что наш гениальный модельер Шарло с радостью создаст для вас образ по представленным меркам или даже прямо на...

— Не нужно. Я куплю готовые вещи — если куплю.

— Как изволите. Позвольте один вопрос? Вы желаете образ к вашим родным волосам?

— Если я и надену парик, то такого же оттенка, поэтому считайте так.

(Юнис, мне стоит купить парик?) (Не спешите. Волосы скоро отрастут. Парики и чистить сложно, и *пахнут* они скверно.) (Тогда никаких париков.) (Правильно. Нет ничего соблазнительнее простой воды и мыла.) (Соглашусь. Хотя девушка должна пахнуть девушкой.) (У вас с этим порядок.)

— У мадам прекрасный цвет волос. Раз вы торопитесь, быть может, зарегистрируем вашу кредитную карту, пока ма-некенщицы готовятся?

(Босс, осторожно!) (Милая, я всегда настороже.)

— Я пользуюсь кредитками на разные имена. Например, Мак-Кинли, Франклин и Грант. Или Кливленд. — Джоан достала из сумочки пачку банкнот и раскрыла ее веером. — Кредитка бедняка.

Управляющий едва не подскочил:

— О боже, мы не ждем, что наши клиенты станут рассчитываться *наличными*!

— Я старомодна.

Управляющего перекосило.

— Мы можем поступить иначе. Если мадам предпочитает не пользоваться основной кредитной картой — ваше право! — мы можем быстро оформить личный счет в нашем салоне. Позвольте ваше удостоверение личности...

— Минутку. Видите, что написано мелким шрифтом? — Джоан указала на надпись рядом с портретом президента Мак-Кинли. — «Эта банкнота является законным средст-

вом платежа по всем видам расчетов, частных или государственных». Никаких компьютеров. Я плачу наличными.

— Мадам, у нас даже кассы нет! Мы не найдем сдачу.

— Что же, не хочу вас утруждать. Фред?

— Да, мисс?

— Едем в «Ля Бутик».

Управляющий побледнел:

— Мадам, постойте! Мы что-нибудь придумаем. Подождите, я посоветуюсь с бухгалтером. — Он бросился прочь, не дожидаясь ответа.

(Босс, зачем устраивать такую суету? Я все покупала для вас, пользуясь вашим личным счетом. Джейк ведь сказал, что мы можем с него расплачиваться.) (Юнис, я терпеть не могу эти дебильные машинки с тех пор, как мне впервые навязали подписку книжного клуба. Но не сочти это за простое упрямство. Оглашать нашу личность еще рано. Когда закончится судебная тяжба, мы откроем счет для покупок на имя какой-нибудь Сьюзан Джонс. Если будем еще что-нибудь покупать лично. Сейчас я вижу, какая это морока.) (Ну как же, близняшка! Это ведь так весело! Скоро войдете во вкус. Только помните — я имею право вето, пока вы не начнете разбираться в одежде.) (Молчи, несносный поросенок.) (Если я поросенок, то кто-то — покрытая свиноматка!) (Рада, милая?) (Очень! А вы, босс?) (Конечно! Пусть даже это было неромантично...) (Еще как романтично! У нас ведь будет *ваш* ребенок!) (Только не распускай нюни.) (Это *вы* распускаете, а не я.) (Ладно, мы обе. Тише, он идет.)

Управляющий сиял:

— Мадам! Бухгалтер одобрил расчет наличными!

— В Верховном суде будут рады это услышать.

— Что? Ах, мадам шутит! Разумеется, у нас взимается десятипроцентный сервисный сбор за...

— Фред, в «Ля Бутик».

— Мадам, умоляю! Я указал бухгалтеру на несправедливость нашего подхода и нашел идеальное решение!

— Какое же?

— Послушайте. Я заплачу за все, что вы пожелаете купить, со своего личного счета, а вы передадите мне наличные. Вот и все, и все довольны. Мой банк принимает депозиты наличными.

(Босс, не зевайте, он надеется на жирные чаевые.) (Если покажет что-нибудь интересное, то может их получить. На цену плевать, нам деньги все равно девать некуда.) (Босс, это дело принципа.) (Забудь и помоги мне потратиться.) (Хорошо. Но не будем покупать ничего, что нам не понравится.)

Следующие два часа Джоан тратила деньги, не переставая дивиться, какими дорогими могут быть женские вещи. Но она отбросила свои прежние представления и слушала только внутренний голос.

(Это не берем, близняшка; практично, но мужчину не соблазнит.) (Юнис, а это?) (Надо подумать. Пускай манекенщица еще раз пройдет и сядет. Покажет ноги.) (Опять Винни выходит. Юнис, у нее свои волосы?) (Похоже на парик. Какая разница, фигура у нее точь-в-точь как у Винни. Этот ей пойдет. Близняшка, надо узнать, какие у них есть трусики. Зеленые будут в самый раз к рыжим волосам. Винни нужно что-нибудь, в чем она будет показываться только своему новому кавалеру.) (Тогда порадуем Боба. Милая, кто он, по-твоему?) (Не знаю и знать не хочу. Зачем? Главное, чтобы он обходился с ней лучше Пола.)

— Мистер Дюваль, у вас есть какие-нибудь интересные мини-трусики для рыжеволосой девушки? Лучше всего зеленые. И подходящий лифчик был бы кстати. Хочу сделать подарок на свадьбу.

(На свадьбу?) (Юнис, это поможет Винни сделать шаг к замужеству, да и управляющий не станет думать, будто я выбираю белье для своей возлюбленной.) (Какая разница, что *он* думает?)

— Может, что-нибудь с камнями? Например, изумрудами?

— Чтобы ее ограбили из-за свадебного подарка? К тому же я не хочу покупать вещи дороже, чем мог бы позволить себе ее жених. Это дурной тон.

— О, изумруды искусственные. Сверкают, как настоящие, но гораздо дешевле. Йола, милая, пойдем со мной.

Спустив несколько тысяч долларов, Джоан остановилась. Она проголодалась, а голод всегда мешал ей тратить деньги. В ее подсознании еще с тридцатых годов двадцатого века укоренился знак равенства между словами «голодный» и «бедный».

Она отослала Фреда за Малышом, чтобы тот помог отнести покупки, и, пока их упаковывали, оплатила наличными безумную сумму по счету.

(Юнис, где бы нам поесть?) (В этом торговом центре есть рестораны.) (*Черт...* то есть тьфу! — я же не могу есть сквозь чадру. А снимать ее нельзя. Кто-нибудь, видевший вчерашние новости, непременно нас узнает, репортеры набегут прежде, чем мы успеем сказать «стейк средней прожарки».) (Может... устроим пикник?) (Отличная идея! Юнис, тебе полагается приз за находчивость. Но... куда нам отправиться? Пикник на травке, под деревьями, с муравьями в картофельном салате... а место нужно одновременно уединенное, чтобы снять чадру, и близкое к дому, чтобы не помереть с голоду по пути.) (Не знаю, босс. Может, Финчли спросить?)

Финчли знал такое место. Малыш отправился за ланчем в ресторан «Голод».

— Купи еды на шестерых, на цену не смотри. Можешь сорить деньгами. Главное, возьми картофельный салат и пару бутылок вина.

— Мисс, хватит и одной. Я не пью, вино до добра не доводит. А Финчли не пьет за рулем.

— Малыш, думай наперед. Вдруг я одна целую бутылку осилю? О спасении моей души будешь заботиться завтра, а сегодня особый день — первый день моей свободы!

(Очень особый, милая.) (Очень, *очень* особый, босс!)

Они въехали в Центральный тоннель, на развязке поднялись на Южную скоростную магистраль, добрались до безлимитной зоны и пятьдесят миль мчались со скоростью триста футов в секунду. Финчли не соглашался так разгоняться, пока Джоан не пристегнулась всеми ремнями безопасности плюс страховочной сеткой. Пятьдесят миль пронесли за пятнадцать минут. Финчли сбросил скорость, готовясь свернуть. Их ни разу не обстреляли, даже там, где Южная магистраль огибала Кратер.

— Финчли, можно мне распутать этот дурацкий кокон?

— Да, мисс. Но оставьте хотя бы ремень. Местные водители не ездят по правилам.

— Хорошо. Скажи, как только можно будет его отстегнуть.

(Юнис, инженер, если его можно так назвать, который придумал эту чертову портупею, совершенно не думал о том,

что ею будут пользоваться женщины!) (Да просто она отрегулирована для мужчины, босс. Естественно, что грудь защемило. Когда остановимся, приподнимите нижний ремень, а верхнее крепление сдвиньте. Так делали для меня, когда я ездила в вашей машине. Наверное, кто-то успел поменять все обратно.) (Должно быть, Джейк. Его машина долго была в ремонте. Милая, сколько еще мне предстоит узнать о том, как быть женщиной, прежде чем я перестану допускать глупые ошибки?) (Столько, что не перечесать. Но вы неплохо справляетесь. Если что — я всегда помогу.) (Любимая. Что-то не похоже на место для пикников. Куда Финчли нас завез?)

Они ехали через монолитные спальные районы — огороженные стенами анклавов, многоквартирные и редкие частные дома. Деревья вокруг были чахлыми, трава — редкой. Автомобильный кондиционер бился со смогом.

Это продолжалось недолго. Финчли вырулил на побочную грузовую трассу, вдоль которой неожиданно показались фермы. Одна принадлежала Джоан — точнее, «Смит энтерпрайзес», поскольку Джоан больше не была президентом компании.

Тем не менее она отметила, что часовой на вышке смотрит в оба, высокая стальная ограда с колючей проволокой и сигнализацией выглядит прочно, и все остальное вроде тоже в порядке. Что выращивали на ферме, Джоан не поняла, да это и не имело значения; Иоганн не интересовался сельским хозяйством и не совал нос в то, в чем не смыслил.

(Юнис, что здесь растет?) (Джоан, откуда мне знать, если вы даже не посмотрели на поле?) (Прости, милая. Скажи, если тебе захочется поглазеть по сторонам.) (Хорошо. Думаю, здесь происходит севооборот. Здешнюю почву так долго использовали, что теперь обращаться с ней нужно очень бережно.)

(А если почва перестанет быть плодородной?) (Нам придется голодать, что же еще? Но прежде ее застроят.)

(Юнис, когда-то это должно остановиться. Иоганн рос в городе, но в часе ходьбы от дома были зеленые луга и нетронутые леса... такие дремучие, что там можно было играть в Тарзана, бегая голышом. И не то чтобы именно мне так повезло. Любой нью-йоркский мальчишка мог за пять центов уехать за город, в лес или на ферму.) (Не верится, босс.) (Понимаю. Нам потребовалась быстрая машина и профес-

сиональный водитель, чтобы добраться туда, куда мальчишкой я ходил босиком. Да и фермы эти — не настоящая сельская местность, а фабрики под открытым небом, с табельными часами, профсоюзами, удержаниями из заработной платы, заводскими газетами и прочей ерундой. Заставь их доставать воду ведром из колодца, как они сразу устроят забастовку — и суд их оправдает, потому что колодцы разносят заразу. Но во времена колодцев здесь было *хорошо*... а теперь нет. А дальше что?)

Внутренний голос не ответил. Джоан подождала.

(Юнис?)

(Босс, откуда мне знать!)

(Извини, просто болтаю. Юнис, мне всю жизнь хотелось выжать максимум из того, что было в моем распоряжении. Ничего не пропадало зря... черт, даже мой домище дал работу и кров многим людям. Но с каждым годом дела все хуже. Раньше у меня было утешение, что я умру до всеобщего краха. А теперь я его наверняка застану. Потому и задаюсь вопросом: *что* дальше? Ответа я тоже не знаю.)

(Босс?)

(Да, радость моя?)

(Я тоже это видела, когда переехала с фермы в Айове в большой город. У меня были кое-какие планы. Я знала, что вы скоро умрете, и была уверена, что когда-нибудь надоем Джо. Детей у нас не было и не планировалось, и вряд ли я бы снова нашла такую же хорошую работу, чтобы оплачивать все его потребности. Джо я недооценила, но все равно постоянно помнила, что он в любой день может подать на развод. Поэтому я решила откладывать деньги для полета на Луну.)

(Луна! Вот это мысль! Давай возьмем тур от «Пан-Америкэн», пока наш живот не вырос настолько, что мы не пролезем в люк? «Все включено», каюта люкс... что скажешь, мой маленький чертенок?)

(Почему бы и нет?)

(Не слышу энтузиазма.) (Босс, я не против. Но я копила деньги не на туристскую поездку. Я собиралась пройти программу подготовки колонистов... но бесплатно обучают лишь тех, у кого есть необходимые на Луне навыки, а у меня их нет. Поэтому я готова была заплатить, чтобы улететь отсюда. Навсегда.)

(Черт побери! Почему ты мне не рассказала?) (Зачем? Для этого не было повода. Я не собиралась улетать, пока была нужна вам и Джо. Но у меня была на то веская причина. Я ведь говорила, что имею разрешение на троих детей?)

(Да. Я знал это еще с первой проверки.) (Трое — это большая квота. На полребенка больше, чем нужно для поддержания численности населения. Женщина с лицензией на троих детей может собой гордиться. Но мне хотелось еще.)

(И? Теперь ты можешь себе это позволить. Плевать на штрафы, пусть даже их опять повышают и вводят прогрессивную шкалу. Юнис, начнем с этого ребенка, а дальше родим сколько захочется.)

(Милый босс, давайте не забегать вперед. Я знала, что штрафы не потяну... а на Луне рождаемость не ограничена. Напротив, поощряется. Кажется, мы приехали.)

Финчли затормозил у ворот. Джоан заметила табличку: «Агропродукты инкорпорейтед». Компания-конкурент. Финчли припарковался так, чтобы не перегородить выезд, вышел и направился в будку охранника. Со своего места Джоан не видела, что происходит; обзор преграждала бронированная перегородка между салоном и кабиной.

Финчли вернулся. Автомобиль медленно покати́л сквозь ворота.

— Мисс Смит, меня попросили держать скорость не выше двадцати миль в час, поэтому можете отстегнуть ремни.

— Спасибо. Финчли, сколько ты дал на лапу?

— Ничего существенного, мисс.

— Вот как? Я надеюсь увидеть сумму в пятничном рапорте О'Нила. Если не увижу, тебя ждет серьезный разговор.

— Увидите, мисс, — уверил шофер. — Но я пока не знаю, каков будет итог. Чтобы попасть туда, где у вас будет пикник, нужно еще подъехать к административному зданию и получить разрешение на проезд через задние ворота.

— Где у всех нас будет пикник, — поправила Джоан.

Она задумалась. Необходимость давать взятку в ситуации, когда перед ней, как перед президентом крупной компании-конкурента (пусть и бывшим), должны расстелить красную ковровую дорожку, раздражала. Но она явилась без предупреждения, нарушив корпоративный этикет и не дав конкурентам времени замести грязь под ковер и спрятать от

визитера то, что ему видеть не следует. На высшем уровне промышленный шпионаж вести не положено.

— Финчли, ты сказал, кого везешь?

— Что вы, мисс! — изумился шофер. — Охранник проверил права; я сказал, что машина ваша, но он и так бы узнал — у него, как и у меня, есть список всех частных бронемобилей штата. Я соврал, что везу гостей мистера Саломона — пару особо важных персон с Побережья, пожелавших устроить пикник в безопасном месте. Никаких имен, кроме мистера Саломона, не назвал. Правильно сделал?

— Правильно.

(Юнис, мне неловко. Приехать сюда инкогнито — так невоспитанно.) (Босс, взгляните на это с другой стороны. Вы-то знаете, кто вы. А люди — нет. Особенно после вчерашнего цирка. Пусть лучше думают, что вы — гостья Джейка... тем более это отчасти правда.) (Мне все равно кажется, приличнее будет, если Финчли назовет главному агроному мое имя. Но грозит ли это оглаской? Точнее, *как скоро* это получит огласку?) (Через полчаса, не больше. За это время кто-нибудь успеет сделать телефонный звонок и вертолет с репортерами как раз долетит. А потом они станут орать вопросы через громкоговоритель, потому что наши ребята не дадут им сечь.)

(Вот это будет пикник!)

(А если они все-таки сядут, Малыш с Фредом подерутся за право первого выстрела. Они на взводе. Босс, вы обратили внимание, что они ведут себя с вами как со мной, несмотря на то что называют «мисс Смит»? Разумом они понимают, что вы — это *вы*... а в душе чувствуют, что вы — это *я*.) (И нельзя сказать, что они не правы. В голове я — это *я*, а внутри — в твоём прекрасном животике — *ты*.)

(Как мило! Мы первые в истории сиамские близнецы с общей головой. Но не все у нас внутри — я. Там еще есть один живчик, который плывет быстрее остальных, и это, несомненно, Иоганн, а не Джоан и не Юнис. Если он доберется до финиша, то станет куда важнее нас, вместе взятых.)

(Милая, а ты сентиментальна!) (Мы с вами одинаковые плаксы, босс.) (Не спорю. Когда я думаю о том, что умершие Иоганн и Юнис встречаются внутри Джоан, чтобы создать ребенка, то сразу раскисаю.) (Не надо. Машина останавливается. Босс, сколько времени нужно живчику, чтобы

добраться куда нужно? Я знаю, что ему нужно преодолеть несколько дюймов до яйцеклетки, но как быстро он плывет?) (Понятия не имею, милая. Давай оставим эту пробку внутри на пару дней, для перестраховки.) (Согласна!) (Ты знаешь, как ее потом вытащить? Или нам придется идти к доктору О'Нилу? Не хочется просить Винни.) (Босс, я столько раз их ставила и вынимала, что смогу сделать это во сне. Не дрейфьте. Я износила этих резинок больше, чем иные девушки изнашивают туфель.)

(Кто-то слишком задирает нос.) (Только чуть-чуть. Я говорила, что всегда была готова? Я поняла, что это мое призвание, еще в скаутах, когда у меня даже грудь не выросла.)

Финчли вернулся и произнес по внутренней связи:

— Мисс?

— Да, Финчли?

— Здешний начальник передает привет гостям мистера Саломона и сообщает, что рад принять их на своей ферме. Денег не потребовал, но поинтересовался, просил ли взятку охранник у ворот. Я ответил «нет». Правильно?

— Конечно. Финчли, не наше дело закладывать чужих работников.

— Вряд ли он поверил. Но допытываться не стал. Предложил вам обоим — полагая, что вас двое, и я не стал его поправлять — на обратном пути заглянуть на кофе. Я сказал «если получится».

— Спасибо, Финчли.

Проехав по территории фермы, они оказались еще у одних ворот. Фред вышел и нажал кнопку, чтобы поговорить с охранниками. Ворота поднялись, затем закрылись за ними. Вскоре машина остановилась. Финчли открыл дверцу пассажирского салона и помог Джоан Юнис выйти.

Та огляделась:

— Как чудесно! И не думала, что такие места еще остались!

Место было безыскусно-красивым. Среди низких берегов вилась чистая на вид речушка. Берега негусто поросли разнообразными деревьями и кустами. Там и тут мелькали травянистые прогалины — судя по виду, их регулярно подстригали. По голубому небу лениво плыли белые кучевые облака; солнце пригревало, но не пекло.

(Юнис, разве не здорово?) (Угу. Как в Айове перед жарким летом.)

Джоан Юнис скинула сандалии, бросила их на сиденье вместе с плащом и пошевелила пальцами ног:

— Превосходно! Двадцать лет не ходила по траве босиком! Финчли, Малыш, Фред — если Бог вложил в вас хоть каплю здравого смысла, разужайтесь и почувствуйте эту прелесть!

Телохранители и бровью не повели. Финчли ненадолго задумался, затем улыбнулся:

— Мисс Смит, меня заставлять не придется!

Наклонившись, он расстегнул застёжки ботинок. Джоан Юнис с улыбкой повернулась и зашагала к речке, решив, что Малыш перестанет стесняться, если на него не смотреть.

(Юнис, в Айове по-прежнему так же красиво?) (Местами. Но ее тоже стремительно застраивают. Мы жили между Де-Мойном и Гриннелом. Когда я была маленькой, там были одни фермы. Когда я уезжала, почти всех фермеров сменили работающие в городе бизнесмены. Даже анклав начали строить.) (Ужасно. Юнис, эта страна скоро задохнется от людей.) (Для только что залетевшей телки у вас странное отношение к размножению. Видите вон ту полянку у изгиба реки?) (Да. Что с ней?) (Напоминает место в Айове, где я рассталась со своей так называемой невинностью.) (Ничего себе! Подходящее место. Ты сопротивлялась?) (Шутишь, близняшка? Я проявляла инициативу.) (Больно было?) (Не настолько, чтобы отбить удовольствие. Босс, милый, я знаю, как это бывало в ваше время. Но сейчас таких проблем нет. Умная мамаша ведет дочку к доктору, как только та достигает половой зрелости, и доктор удаляет целку хирургически. А у некоторых она исчезает постепенно, и они даже не замечают, когда лишаются ее окончательно. Сейчас редко встретишь девушку, которая в первый раз истекает кровью и орет, как резаная свинья.) (Доченька, позволь тебя поправить. На самом деле мало что изменилось. Разве что люди куда более открыты к таким темам. Как думаешь, вода теплая?)

(Наверняка теплая, а вот в чистоте я не уверена. Известно, что там выше по течению.)

(Юнис, ты такая трусиха! Кто не рискует, тот не пьет шампанского.)

(Вчера я бы рискнула... но сегодня мы — будущая мать. Кто знает, какая зараза может быть в реке.)

(А... черт побери, если здесь грязно, то должна быть предупреждающая табличка!) (Табличка? В такой-то глуши, да еще за двумя воротами под напряжением? Спросите Финчли, вдруг он знает?)

(А если он скажет, что здесь грязно?) (Все равно пойдем купаться. Босс, вы ведь сами сказали: кто не рискует, тот не пьет шампанского.) (Гм... нет, если он знает наверняка, что здесь грязно, я в воду не полезу. Милая, ты ведь сама сказала, что на нас теперь большая ответственность. И есть уже хочется.) (Правда? А я уже думала, вы отказались от привычки есть.) (Давай поедим, пока не поздно. Когда там токсикоз начинается?) (Не волнуйтесь, босс. В прошлую беременность у меня был единственный побочный эффект: мне хотелось жрать круглые сутки. Давайте поедим!)

Джоан Юнис протрусила обратно к машине и остолбенела, увидев, как Малыш устанавливает раскладной столик и единственный стул.

— Это еще что?

— Ваш обед, мисс.

— Что за пикник на столе?! Хотите оставить без еды бедных муравьишек? А ну все на землю!

Малыш заметно расстроился:

— Как пожелаете, мисс.

(Джоан! На вас же нет трусиков. Если усядетесь на землю, Малыш в обморок хлопнется. А остальные развлекутся как следует.) (Любишь ты веселье испортить. Ладно.)

— Малыш, я передумала. Раз уж ты потрудился, оставь все как есть. Только поставь еще три стула.

— Мисс, мы поедим в машине, как обычно.

Джоан топнула ногой:

— Малыш, если вы оставите меня есть одну, домой вернетесь пешком. Кому это пришлось в голову? Финчли? *Финчли!* А ну иди сюда!

Вскоре все вчетвером уселись за стол. Было тесно; Джоан настояла, чтобы выставили сразу все блюда.

— Хватайте что хотите, иначе останетесь голодными. Здесь есть сильный мужчина, способный открыть эту бутылку вина?

Малыш откупорил бутылку с такой ловкостью, что стало понятно: он не всегда был трезвенником. Джоан наполнила бокалы себе и Фреду и предложила вина Финчли.

— Простите, мисс Смит, я за рулем, — отказался тот и накрыл бокал ладонью.

— Давай сюда бокал, — приказала Джоан. — Капелька не повредит. Для тоста. И тебе, Малыш, тоже. — Она наполнила их бокалы на четверть. — Но сперва... Малыш, прочтешь молитву?

Великан был изумлен просьбой, но тут же восстановил самообладание:

— Буду рад, мисс Смит. — Он опустил голову.

(Босс, какая муха вас укусила?) (Тихо! Ом мани падме хум.) (А! Ом мани падме хум.) (Ом мани падме хум.) (Ом мани падме хум...)

— Аминь.

— Аминь!

(Ом мани падме хум. Аминь.)

— Аминь. Спасибо, Малыш. А теперь тост — тоже в своем роде молитва. Выпьем за человека, которого сейчас с нами нет... и которого нам хотелось бы видеть рядом. — (Босс, *прекратите!* Это чересчур мрачно!) (Не лезь не в свое дело!) — У кого-нибудь есть предложения?

Финчли с Малышом переглянулись, отводя глаза от Джоан. Та посмотрела на Фреда:

— Фред?

— Гм... мисс, я не умею! — расстроено выпалил он.

— Нужно встать, — Джоан поднялась первой, остальные за ней, — и сказать все, что хочешь, о человеке, которого здесь нет, но которого хотелось бы видеть с нами. Это должен быть кто-то, кого мы все любим.

Она подняла бокал, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

(Юнис! Это ты плачешь или я? Так непривычно!) (А не надо было меня провоцировать, босс. Я ведь говорила, что я та еще плакса.)

Фред нерешительно начал:

— Выпьем за... ту, кого мы все любим. Кого хотели бы видеть здесь... *и кто по-прежнему здесь!* — неожиданно закончил он и испуганно посмотрел на остальных.

— Аминь, — гулким баритоном добавил Малыш. — Она *здесь*, потому что рай небесный настолько близок к нам, насколько мы сами того желаем. Так я говорю пастве, Фред, и в душе ты со мной согласен.

Он торжественно выпил символическую толику вина; остальные последовали его примеру. Джоан тихо произнесла:

— Спасибо, Фред. Она тебя слышала. И тебя, Малыш. И меня. — (Босс! Они все сейчас испереживаются! Да и вы тоже. Пусть присядут и поедят. Скажите, что это мой приказ! Хватит портить пикник.) (Ничего я не порчу.) — Финчли, ты хорошо ее знал. Пожалуй, лучше, чем я... ведь она всячески потакала капризам старого больного ворчуна. Что бы *она* пожелала нам сделать сейчас?

— Миссис Бранка? Нам? Сейчас?

— Да. Вы обращались к ней «миссис Бранка» или «Юнис»?

(«Юнис». Спустя неделю я уже целовала их при встрече и на прощание и благодарила за заботу. Даже на глазах у Джейка. Он делал вид, будто не замечает.) (А ты зря времени не теряла, сладкая моя. Только целовала? Или что-нибудь еще?) (Господи, босс! Они и поцелуи-то не хотели принимать!) (Могу поспорить, что это не так, сестренка-шлюшка.) (Свиноматка покрытая.)

— Сначала «миссис Бранка». Потом она стала звать меня «Том», и я перешел на «Юнис».

— Хорошо. Том, что бы Юнис пожелала нам сделать? Стоять и рыдать? Вижу, я здесь не единственная плакса, ты тоже прослезился. Юнис бы не понравилось, что мы грустим на пикнике.

— Ну... да, она бы сказала «садитесь и ешьте».

— Именно! — согласился Малыш. — Юнис сказала бы «ешьте, пока горячее не остыло, а холодное не нагрелось».

— Точно, — согласилась Джоан Юнис, садясь. — Всю свою короткую жизнь Юнис заботилась о других. Особенно обо мне, несмотря на мой вздорный характер. Фред, передай-ка мне куриную ножку... нет, я сама.

Джоан впилась зубами в курицу.

(Близняшка, то, что сказал Малыш, очень похоже на цитату.) (Так и есть, босс.) (Так ты трапезничала с ним преж-

де?) (Со всеми. Когда меня привозили домой поздно ночью, я всегда приглашала ребят перекусить. Джо не возражал. Они ему нравились, особенно Малыш. Джо хотел пригласить его позировать. Сперва Малыш подумал, что это шутка, не зная, что Джо шутит редко, а об искусстве — вообще никогда, а когда понял, что это всерьез, все равно отказался. Он скромняга. Стеснялся позировать обнаженным и боялся, что я застану его в таком виде. Зря.) (Так ты ни разу не видела его голым, проказница? Наш Малыш — прекрасная башня из черного дерева.) (Босс, сколько раз повторять...) (...что твоё поколение не считает наготу постыдной? А как насчет цвета кожи? Мне было приятно увидеть нашего черного исполина... даже как Иоганну, не только как Джоан.) (Ну...) (Придумай уловку, а я пока продолжу беседу.)

— Том, ты все маринованные огурчики себе прибрал? Можно мне парочку? Малыш, ты говоришь так, будто пробова домашнюю готовку Юнис. Она умела готовить?

— Еще как! — ответил за него Финчли.

— По-настоящему? Сейчас считается, что «готовить» — значит «разогреть полуфабрикаты». — (Босс, я вам сейчас в суп наплюю!) — Неужели она могла что-то сделать с мукой, маслом, пекарским порошком и тому подобным?

— Могла, — тихо ответил Малыш. — У нее редко находилось на это время, но, когда находилось, она готовила превосходно.

(А у меня есть поклонник! Босс, повысьте ему зарплату!) (И не подумаю.) (Скупердай.) (Юнис, ты не права. Малыш убил того ублюдка, который убил тебя, и ему положена награда. Но не деньгами, их он не примет.)

— Она была настоящим художником, — добавил Фред.

— В широком смысле слова? Насколько я знаю, художником в привычном понятии был ее муж. Хорошим? Ни разу не видела его работ. А вы?

— Это дело вкуса, мисс Смит, — ответил Финчли, — но мне работы Джо Бранки нравились, пусть я и ничего не смыслю в искусстве. Знаю только, что они мне нравятся, и все. К тому же... — Он ухмыльнулся. — Малыш, можно тебя сдать?

— Том, эй!

— Да ладно, тебе же это польстило. Мисс Смит, Джо Бранка хотел написать портрет этой гориллы.

(*Бинго!*) (Юнис, что с тобой?)

— И написал?

— Нет. Только спросил разрешения.

(Вот, босс! Решающий аргумент! Факт, который вы могли узнать только от меня, и ни от кого более. Теперь вы точно знаете, что я — это я.) (Какой вздор, дорогая.) (Но, босс...) (Милая, мне с самого начала было ясно, что ты — это ты. Но это не доказательство. Из того, что Джо видел Малыша, логически вытекает, что Джо просил того позировать. *Любой* художник попросил бы.)

(Босс, мне от вас тошно! Это доказательство! Я — я!) (Милая, дорогая, без которой жизнь была бы мне не мила даже в этом прекрасном теле, я *знаю*, что ты — это ты. Забудь о плоских червях, совпадениях и доказательствах. Нет таких доказательств, которые любой доморощенный психиатр не мог бы списать на простое совпадение, дежавю или самообман. Играя по чужим правилам, мы обречены на поражение. Но мы этого не допустим. Важно лишь то, что у тебя есть я, а у меня есть ты. Теперь помолчи, я хочу, чтобы они расслабились и стали звать меня «Юнис». Говоришь, ты с ними целовалась?)

(По-дружески. Разве что Дабровски всегда добавлял страсти, но что взять с этих поляков?) (Не знаю. Что?) (Скажем так, когда имеешь дело с поляком — не давай авансов, если не хочешь продолжения. Они прямолинейны как рельсы. С Дабровски мне всегда приходилось быть осторожной, чтобы это не зашло слишком далеко.)

(Я запомню. Хорошо, что его с нами нет, потому что ситуация немного напоминает ту, с Джейком. Малышка, ты всех моих охранников в себя влюбила. Теперь нужно, чтобы они поняли, что ты умерла, но при этом чувствовали, что ты жива. Если они станут звать меня «Юнис», значит я на верном пути. А если они меня поцелуют...) (*Что?!* Босс, не надо!)

(Юнис, видишь ли, если бы ты не играла с половиной страны в «Мою последнюю герцогиню», мне бы не пришлось возмещать ущерб.) (Ущерб? Вы еще смеете *жаловаться?*)

(Ну что ты, милая! Ничуть. Никто больше меня не играл от твоей душевной щедрости. Но потеря есть потеря, и этот ущерб мне надо возместить.) (Что ж... не стану спо-

рить. Но в этом случае можете особенно не волноваться. Все было вполне невинно.) (Ты не знаешь, о чем говоришь. Да, ты наверняка намеревалась соблюдать приличия. Никакого эротизма — что в твоём случае все равно весьма эротично. Но все мои охранники готовы были жизнь за тебя отдать — верно?) (Ну...) (Не отнекивайся. Думаешь, они были готовы на это только из-за денег? Тщательно обдумай ответ.)

(Я не буду отвечать! Босс, зачем лишний раз волновать их из-за моей смерти?) (Затем, что теперь они должны будут охранять *меня* — в твоём прекрасном теле — так же, как охраняли тебя. Нужно, чтобы им *хотелось* это делать, иначе они останутся недовольны и смущены. Придется уволить их...) (Ни за что!) (Вот именно. Перефразируя Шерлока Холмса, отбросьте все, что вы не можете сделать; то, что останется, вы сделать *должны*. Вдобавок, единственная моя, это станет тренировкой перед куда более трудным испытанием.) (Вы о Джейке? Но он ведь...) (Глупышка! Джейк уже свыкся с невозможным. Я про *Джо*.)

(Босс! Вам *нельзя* встречаться с Джо!)

(Бог свидетель, мне хотелось этого избежать. Не тревожься, милая; мы встретимся с ним только тогда, когда ты, как и я, сочтешь, что это необходимо. А теперь либо помолчи, либо помоги справиться с нашими бравыми ребятами.)

(Помогу... но с вами они никогда не будут такими раскованными, как со мной. Я о дружеских поцелуях. *Я* была простой сотрудницей. А *вы* — босс.)

(Если бы это работало, у королев не было бы детей. Да, это усложняет дело. Но у меня много зацепок. Хочешь поспорить?)

(Конечно, сейчас возьму и поставлю миллиард долларов, что никто из них вас не поцелует. Не валяйте дурака, босс; поспорить на что-то стоящее мы не можем — платить нечем.) (Похоже, тебе не хватило практики, чтобы окончательно превратиться в ангела, верно, маленький чертенок? Все мыслишь приземленно. Мы вполне можем спорить и делать ставки. У нас ведь теперь есть ребенок...) (Что? Погодите...) (Нет, это *ты* погоди, Юнис. Если я выиграю, то выберу ребенка имя. Проиграю — выберешь *ты*. Годится?)

(А. Хорошо, спорим. Вы проиграете.)

(Увидим.)

(Конечно, босс. Но вы проиграете, даже если выиграете. Знаете почему?) (Собираешься мухлевать?) (Зачем? Просто вы поймете, что *хотите* назвать ребенка так, как хочу я. Вы никогда не могли устоять перед красивой девушкой и впредь не сможете.) (Подожди-ка. Ведь теперь красивая девушка — это я...) (Вот именно. Я готова помогать вам побеждать, когда это возможно. В этом случае — нет.) (Засунь свой совет куда подальше; я в таких делах собаку съел.)

— Фред, обменяешь этот бутерброд на вино? Не забывай наполнять наши бокалы; Малыш не пьет, Тому больше нельзя, а мне нужна компания, чтобы отпраздновать свободу.

(Фред — самая легкая цель. Надо только добиться, чтобы он, глядя на вас, перестал видеть призрака.)

— Мисс, еще бокал не повредит, но не больше. Я все-таки на службе.

— Чепуха. Том с Малышом доставят нас домой хоть волоком. Так, Малыш?

(А вот с Малышом ловить нечего. Во мне он видел разве что младшую сестру, а у вас и того не выйдет.)

— Приложим все усилия, мисс Смит.

— Хватит звать меня «мисс Смит»! У нас ведь дружеский пикник. Ты звал миссис Бранку «Юнис», так? А она тебя «Малышом»?

— Нет, мисс. По имени. Хьюго.

— А что тебе больше нравится, имя или прозвище?

— Имя дала мне мама, мисс.

— Вот и ответ. Я запомню, Хьюго. Кстати, у нас проблема. Кто-нибудь хочет подраться со мной за последнюю оливку? Не стесняйтесь. Но проблема в другом. Я не хочу, чтобы в такой непринужденной обстановке меня звали «мисс Смит». И Иоганном зваться тоже не хочу; это мужское имя. Хьюго, тебе доводилось крестить детей?

— Много раз, мисс... э... мисс...

Джоан перебила его:

— Вот об этом я и говорю. Ты не знаешь, как теперь меня звать. Хьюго, раз ты крестил много детей, то наверняка разбираешься в именах. По-твоему, Джоан — хорошее имя для девушки, которая прежде была мужчиной по имени Иоганн?

— Хорошее.

— Том, а ты как считаешь?

(Том поцеловал бы вас по первому намеку, не будь он вашим подчиненным. Думаю, он рассчитывал когда-нибудь остаться со мной наедине... поэтому мне приходилось соблюдать осторожность, как и с Дабровски. После одного полночного вызова на сдачу крови я сказала: «Том, раз ты отказываешься от дополнительной платы, то хотя бы поцелуй меня на ночь». Он поцеловал, и довольно неплохо. После этого Хьюго тоже пришлось по-отечески меня чмокнуть. Но то, что сработало для Юнис, не сработает для мисс Смит.) (Смотри и учись, девчонка.)

— Хорошее имя, — согласился шофер.

— Фред, похожа я на Джоан? — Она расправила плечи и выпятила грудь.

(Одно неосторожное движение, и у нас лифчик лопнет.) (Фи, не гундось. Не порвется. Пусть видит, что я женщина.) (Это и так видно. Еще чуть-чуть, и придется вызывать Винни, чтобы реанимировать бедного Фреда.)

— Это вам решать. Мне нравится.

— Отлично! Мне все еще приходится подписываться прежним именем, но себя я твердо считаю Джоан. Однако в этой стране наверняка тысячи Джоан Смит. Мне нужно второе имя. Не только по этой причине... — Она серьезно посмотрела на чернокожего верзилу. — Хьюго, ты человек набожный. Не будет ли нахальством с моей стороны назваться... Джоан Юнис?

(Босс, если мой друг Хьюго из-за вас расплатится, я... я... до вечера не стану с вами разговаривать!) (Хватит меня пилить! Он не станет плакать. Он — единственный из троицы, кто верит, что ты рядом. Он же верующий!)

— Это было бы чудесно, — торжественно ответил подобный Хьюго Уайт, сдерживая слезы.

— Хьюго, не печалься. Юнис бы этого не хотела. — Джоан отвела заблестевшие от слез глаза. — Решено. Мое новое имя — Джоан Юнис. Я не хочу, чтобы ее забыли. Особенно вы, ее друзья. Теперь я женщина и в новой жизни должна ежечасно, ежеминутно стремиться к идеалу, и этот идеал — Юнис. Вы очень мне поможете, если будете относиться ко мне как к Юнис. Да, я ваш работодатель, но, пусть это

и сложно, наши взаимоотношения не должны этим ограничиваться. Мне невероятно сложно научиться думать и вести себя как Юнис... я ведь столько лет была эгоистичным старым ворчуном. Вы с ней дружили. Поможете мне?

(Босс, вы, случайно, недвижимостью во Флориде не торговали?) (Да помолчи ты, черт побери!) (Простите, босс. Это был комплимент. Как выразился бы Хьюго, «лучше не скажешь».)

Том Финчли тихо ответил:

— Поможем. Дабровски тоже. К слову, она называла его Антоном. То есть поначалу «Ски», как мы все. Потом узнала его имя и стала называть так.

— Значит, Антон. Хорошо. А вы будете звать меня Юнис? Или хотя бы Джоан Юнис? Чтобы мне было проще? При посторонних можете говорить «мисс Смит», чтобы избежать неловкости. Вы, наверное, и Юнис в таких ситуациях звали «миссис Бранка»...

— Верно.

— Тогда оставим «мисс Смит» для ситуаций, в которых Юнис была «миссис Бранкой». А если ее вы называли Юнис, то меня называйте Джоан Юнис и, друзья — мои дорогие друзья! — зовите меня Юнис всякий раз, как будете считать, что я заслуживаю этого имени. Для меня это будет высочайшим комплиментом, поэтому не бросайтесь этим именем. Просто «Юнис», без «Джоан». Договорились?

Финчли посмотрел на нее без улыбки:

— Хорошо... Юнис.

— Том, я еще не заслужила этого обращения.

Финчли промолчал. За него ответил Фред:

— Давайте уточним. «Джоан Юнис» — повседневное обращение. А «Юнис» — для тех случаев, когда мы считаем, что вы поступили точно как миссис Бранка.

— Точно. Это я и имела в виду.

— Тогда я понимаю Тома. День сегодня выдался непростой — в первую очередь для вас, но и для нас тоже. Малыш — то есть Хьюго — сказал, что она была ангелом. Так это или нет, спорить не буду, Малыш у нас проповедник и в ангелах разбирается лучше моего. Но для ангела она могла всыпать любому достаточно перца. Помните, как вы отругали Малыша и прикрикнули на Тома?

Джоан вздохнула:

— Помню. Сорвалась. Мне нужно учиться сдерживать себя.

— Так об этом я и толкую. Юнис была вспыльчивой. Если бы мы отказались с ней поужинать, она бы отлупила нас сковородкой. Верно, Малыш? То есть Хьюго.

— Аминь! Юнис.

Финчли добавил:

— Юнис... Фред снял слова у меня с языка. Я еще кое о чем подумал. Я никогда не считал ее ангелом. Просто она обходилась с нами по-человечески.

— Том...

— Да, Малыш? Хьюго.

— Для тебя я «Малыш». Фред, для тебя тоже. Не надо со мной церемониться. Хьюго — это для мамы. И для нее. Для вас, Юнис. Чуть не забыл, что хотел сказать. Мы все хотим человеческого отношения. У Юнис это получалось. И у вас тоже. У мистера Смита относиться по-человечески не слишком получалось, но он был старым и больным, и мы делали на это скидку.

— Боже! Сейчас я снова расплачусь! Хьюго, когда я была мистером Смитом, я не хотела никого обидеть. Правда!

— Больные всегда ворчат. Мой папаша незадолго до смерти сделался до того невыносимым, что я из дома сбежал. Величайшая глупость в моей жизни. Но я его не виню. Нам отвечать за наши поступки. Юнис — первая Юнис — теперь ангел на небесах. Это говорят мои сердце и разум. Но у нее, как у всех людей, были и недостатки. Господь их прощает.

— Хьюго, а если бы умер Иоганн, а не она? Попал бы он в рай?

(Ом мани падме хум! Босс, осторожнее, а то он затащит вас в эту речку, чтобы смыть грехи.) (Пускай тащит, если захочет. Тихо!)

— Не могу знать, — мягко ответил проповедник. — Я не слишком близко знал мистера Смита. Но пути Господни неисповедимы. Он дал вам второй шанс. Значит, так было нужно.

(Ладно, следите только, чтобы вода нам в нос не попала.)

— Спасибо, Хьюго. Я согласна и постараюсь оправдать возложенные на меня надежды. — Она вздохнула. — Но бу-

дет непросто. Я постараюсь во всем походить на Юнис и отдать ей должное. Кажется, я знаю, что бы она сейчас сделала. Но не уверена. — (Я бы прекратила болтать, вот что.) (Помолчи и дай мне шанс.) Она обвела мужчин взглядом. — Не знаю, как близки вы с ней были, но из того, что я слышу, можно сделать вывод, что вы трое — четверо, считая Антона, — были ее хорошими друзьями. Вы наверняка знали ее лучше, чем я предполагала. Верно, Том?

— Да, Юнис.

— Вы с ней целовались?

Шофер опешил:

— Да... Джоан Юнис.

— Значит, Юнис никогда не задала бы такой вопрос, а поступила бы по велению сердца. Я тоже хотела так поступить, но испугалась. Все еще не привыкла быть девушкой. — Она вскочила со стула, подошла к Финчли и взяла его за руки.

Тот неуверенно поднялся. Джоан обняла его за плечи, вытянула шею — и остановилась.

Он вздохнул и сдавленно простонал, затем обнял ее и поцеловал.

(Близняшка, он может гораздо лучше.) (В следующий раз. Бедняга трясется от страха.)

Джоан не стала его принуждать и отпустила, шепнув на ухо:

— Спасибо, Том.

Затем она проделала то же самое с Фредом. Сперва тот тоже растерялся, но быстро спохватился.

(Юнис, как нам его поцеловать? Сексуально или по-сестрински?) (Поздно, близняшка!)

Он неожиданно крепко обнял ее и быстро впился губами в губы, застав Джоан врасплох. Поцелуй закончился так же внезапно. Они с дрожью отстранились друг от друга.

(Юнис, это еще что?! Почему ты меня не предупредила?) (Допустила промашку. Позже обсудим. Теперь помедленнее; трижды повторите «мани хум» и будьте с преподобным Хьюго самой невинностью.)

Джоан медленно обошла стол, остановилось рядом с Хьюго, подождала. Тот поднялся со стула, посмотрел на нее сверху вниз. Она приблизилась, положила руки ему на грудь,

подняла голову — лицо серьезное, губы сжаты, глаза открыты. Он нежно ее обнял.

(Боже, Юнис, если он обнимет нас по-настоящему, то сломает пополам!) (Не ломает, близняшка, он самый ласковый человек на свете.)

Губы Хьюго тронули ее, словно благословение. Касание было неспешным, но кратковременным. Джоан не хотелось его отпускать.

— Хьюго, когда будешь молиться за Юнис, помолись и за меня? Быть может, я не заслуживаю, но мне это очень нужно.

— Хорошо, Юнис. — Он галантно усадил ее и сел сам.

(Чистый выигрыш, близняшка! Ну и как вы назовете ребенка?) (Разумеется, Юнис!) (Даже если будет мальчик?) (Мальчик будет Джейкобом Ю. — от «Юнис» — Смитом.) (Иоганн Ю. Смит звучит лучше.) (Выигрыш за мной, так что помалкивай. Никаких больше Иоганнов. Так в чем дело с Фредом?) (Ни за что не поверите.) (Теперь я верю всему. Ладно, оставим это до поры до времени.)

— Фред, вино еще осталось? Хьюго, откроешь вторую бутылку? Мне нужно выпить, чтобы успокоиться.

— Конечно, Юнис. Фред, передай бутылку.

— Нужно еще поесъ. Вам тоже. Том, я еще Юнис? Или невоспитанная девка?

— Да, Юнис. То есть нет, Юнис. То есть... черт побери! Она похлопала его по плечу:

— Том, это лучший комплимент. Ты бы ни за что не сказал «черт побери» перед мисс Смит... но Юнис — и Джоан Юнис — такой же человек, как вы. — Она окинула взглядом собравшихся за столом. — Знаете, как приятно, когда к тебе прикасаются? Вы когда-нибудь видели, как ластятся котята? Меня четверть века никто не целовал, а если не считать редких рукопожатий, то никто и не прикасался. Потом мной занимались врачи, медсестры... Друзья — мои дорогие друзья, — ваши поцелуи вернули меня в мир людей. Я признательна Юнис — Юнис Бранке — за то, что она целовала вас до меня и завоевала вашу дружбу... и любовь? Наверняка. Это значит, что вы приняли меня, признали человеком. Скажите — пусть из-за этого я снова превращусь в Джоан Юнис, но я должна знать. С Антоном Юнис тоже целовалась? — (Босс, я ничего вам не скажу, пока мы не останемся

наедине.) (Дорогая, я не тебя спрашиваю.) — Никто не готов ответить? Ладно, признаю, что вопрос выходит за рамки дозволенного.

Финчли внезапно ответил:

— Команды меняются. Иногда я вожу, Фред охраняет, Ски ездит с Малышом, и наоборот. Бывало даже, что я ездил со Ски. Юнис ко всем относилась одинаково. Не подумайте плохого...

— Не подумаю!

— ...у нас ничего такого не было. Она была дружелюбна, ласкова... и добра. Она целовала своих друзей просто из...

— Человеколюбия, — подсказал Малыш.

— Из человеколюбия. В благодарность или на прощание, даже в присутствии мужа. Мы часто оставались у них на ужин.

(Ладно, сдаюсь. С Фредом и Антоном было и по-другому. Но не с Томом и Хьюго. И только один раз. Том тоже был бы не прочь, но с ним я держала дистанцию. А к Хьюго подобраться невозможно. Я и не пыталась. Он человек высоких моральных устоев, не то что мы с вами.)

— Том, спасибо, что рассказал. Я не скажу Антону. Но если он захочет меня поцеловать, пускай... ведь теперь я знаю, что Юнис и с ним делилась своим человеколюбием. Давайте сменим тему. Том, эта речка грязная? Выглядит чистой.

— Чистая, как родник. Я узнал об этом месте, когда наш профсоюз снял его для пикника. Управляющий сказал, что купаться здесь безопасно. Несколько ребят окунулись.

— Чудесно! Мне хочется окунуться. Последний раз мне случилось плавать в естественном водоеме... боже мой! Больше семидесяти пяти лет назад!

— Юнис, лучше не надо.

— Почему?

— Здесь может быть грязь другого сорта. Отщепенцы. Не все живут в Заброшенных зонах; многие перебираются в дикую местность вроде этой. Я старался не подавать вида, но, когда вы прогуливались по берегу, мы с Фредом прикрывали вас с двух сторон.

— Господи, если вы можете обеспечить мою безопасность на берегу, то в воде будет и того проще.

— Не совсем. Один раз я опоздал на несколько секунд и не хочу, чтобы это повторилось. Многие из этих отщепенцев не простые бродяги. Встречаются и настоящие психи.

— Том, хватит спорить. Я хочу купаться. Погрузиться в воду с головой. Меня ничто не остановит.

— Я против... Джоан Юнис.

От двух последних слов она вздрогнула. Затем улыбнулась и закусила губу:

— Ладно, Том. Черт, я вроде ваш босс, а сама дала вам поводок, которым вы меня сможете тянуть. Забавно.

— Это как Секретная служба, — спокойно ответил Финчли. — Президент — главный в стране... но даже он подчиняется, когда охрана запрещает ему что-либо делать.

— Я не жаловалась. Это действительно забавно. Том, постарайтесь не дергать поводок, Юнис бы это не понравилось, и мне тоже.

— Надеюсь, вы будете давать нам на то меньше причин, чем она. Если бы Юнис не... в общем, все могло бы сложиться иначе.

— Том, чего рыдать над пролитым молоком, — заметил Фред.

Джоан поспешила ответить:

— Простите. Ребята, пора заканчивать пикник. Может, в другой раз мы вместе искупаемся в каком-нибудь безопасном и не менее красивом месте.

(Юнис, ты плавать-то умеешь?) (Спасатель Красного Креста, вы же знаете, что это было в моем досье. Но профессионально плаванием не занималась, в группе поддержки было веселее.) (Хочется отпустить шутку, но не буду.) (Кто бы говорил! Давалка Смит!) (А кто меня научил?) (Вас не нужно было учить, у вас врожденный инстинкт.)

Вскоре они погрузились обратно в машину. Финчли спросил:

— Домой, мисс Смит?

— Том, я тебя не расслышала.

— Мисс, я спросил, везти ли вас домой.

— Это я поняла, но динамик, кажется, барахлит. Мне показалось, я услышала что-то похожее на «мисс Смит».

Повисла тишина.

— Юнис, едем домой?

— Не раньше ужина, Том. Раз уж выдался свободный денек, я хочу им вдоволь насладиться.

— Хорошо. Просто покатаемся или отвезти вас в конкретное место?

— У меня в списке еще одна покупка, но времени предостаточно. Может, вы сами хотите куда-нибудь заехать?

— Подумаем. Юнис, куда вам надо за тем, что вы хотите купить?

— Даже не знаю. Уж очень давно этого не было. Том, я хочу купить подарок для мистера Саломона. Какую-нибудь милую безделушку. Дорогую бессмысленную вещь, которую никто не станет покупать себе сам. Подарки ведь должны быть бессмысленными. Есть магазины, которые торгуют такими вещами для мужчин? Раньше были «Аберкромби и Фитч», но не знаю, работают ли они еще.

— Работают. Я посоветуюсь с Фредом и Малышом.

Вскоре Финчли сообщил:

— Мы смогли вспомнить с десяток подобных мест, но лучший выбор в «Жеребце двадцать первого века».

— Понятно. Едем туда.

— Если только вас не смутят тамошние цены. Обдерут как липку.

— Ничего страшного. Мне не привыкать к грабежу. Послушайте — после операции денег у меня стало больше, чем год назад. Они мне мешают. Наживать состояние — утомительное занятие. Если вам придет в голову хороший способ траты денег — уточняю, хороший, просто так я разбрасываться деньгами не стану, — скажите мне. Хьюго, в твою церковь ходят бедняки?

Верзила не сразу нашелся с ответом.

— Почти они одни и ходят. Не совсем нищие, а такие, кто живет на пособие. Но тут подумать надо... Нехорошо просто дать человеку то, чего он должен добиться. Так в Писании сказано, другими словами.

— В том-то и беда, Хьюго. Мои жертвования на благотворительность — при лучших намерениях — чаще оказывались во вред. Но в Писании сказано что-то и про игольное ушко. Подумай над моим предложением. А мы пока заглянем к этим грабителям. Мне понадобится помощник. Кто из вас главный модник, когда не в форме?

Раздался смех Фреда.

— Юнис, здесь и думать нечего. Видели бы вы, как одевается Том. Весь искрится, как новогодняя елка.

Финчли фыркнул:

— Юнис, не слушайте его.

— Том, он просто завидует. Хорошо, если в магазине есть отдельная парковка, ты пойдешь со мной.

Миновав вторые ворота, Финчли спросил:

— Юнис, вы пристегнулись?

— Только ремнем. Он стал гораздо удобнее после того, как Хьюго его поправил. Можно ехать не так быстро и ограничиться им и сеткой? Или я снова стану «Джоан Юнис»?

— Ну... хотя бы головной ремень наденьте.

— Хорошо. Не люблю быть связанной по рукам и ногам. Напоминает... о днях после операции. Это было ужасно, хоть и необходимо. — Она не упомянула, что сильнее всего ненавидела именно головной ремень.

— Наслышаны. Мерзкое, должно быть, ощущение. Но без головного ремня никак. Даже если я буду выжимать не больше сотни, от резкой остановки у вас шея может сломаться.

— Хорошо, надеваю.

- Индикатор ремня не горит.
- Не успела надеть. Вот. Теперь горит?
- Да. Спасибо... Юнис.
- Спасибо тебе, Том. За заботу. Поехали. Я не пыталась

дергать поводок, честное слово.

(Так мы и поверили. Босс, вы такая лгунишка.) (С кем поведешься, от того и наберешься. Юнис, они славные ребята, но надо сделать так, чтобы не согласовывать каждый наш шаг с полусотней людей. Хорошие слуги на вес золота, но тебе приходится трудиться для них не меньше, чем им для тебя. Жизнь должна быть проще. Дорогая, хочешь уехать в Индию, стать гуру, сидеть на вершине горы и не строить никаких планов? Просто ждать, когда к тебе соберутся благодарные челы?)

(Долго ждать придется. Лучше сидеть под горой и ждать, когда соберутся мальчики.) (А ты все о своем!) (Не я, а вы, старый козел.) (Есть такое дело. Но я стараюсь быть дамой!) (Не слишком-то.) (Уж не меньше твоего, потаскушка. Меня называли «Джоан Юнис» всего один раз, и секс был ни при чем.) (Джоан, секс всегда при чем.) (Ну... смотря с какой стороны взглянуть. Главное, чтобы они продолжали звать меня «Юнис». Тогда я буду знать, что делаю все правильно. Одна морoka с этими хорошими слугами. Взять хотя бы Винни. Она славная, но постоянно вертится под ногами. Юнис, как нам быть «активной женщиной» под таким присмотром?)

(Учитесь у Винни.)

(Как?)

(Не скрывайте от нее своих планов. Она их не выболтает и не станет излишне любопытствовать. Попробуйте.)

(Попробую. Болтать она не будет, это точно... и с радостью выслушает любое признание. Юнис, но как быть вне дома? Том, Хьюго, Антон и Фред догадаться, чем мы занимаемся. Видишь, к каким ухищрениям мне пришлось прибегнуть сегодня.)

(Это было ни к чему. Они бы тоже не проболтались.)

(Возможно, но мне не хочется, чтобы они знали. Я уже кажусь им ангелом по имени Юнис, и хотелось бы это сбросить.)

(Босс, они прекрасно знают, что Юнис не была ангелом. Даже Хьюго... он хоть и неграмотный, но умнее остальных.

Разбирается в людях. Умеет поставить себя на их место. Прощает им грехи и все равно их любит. Босс, милый, они любили меня такой, какой я была, со всем недостатками. И вас будут любить так же.)

(Может быть. Надеюсь, что так. Но я все равно люблю тебя сильнее. Знаю о тебе больше, включая то, о чем у меня и подозрений не было, пока мы не стали единым целым. Развратная шлюшка. Так что там у вас было с Фредом и Антоном? Неужели...)

(Все ждала, пока вы спросите. Сперва наши поцелуи были дружескими. Братскими. В случае Хьюго — отеческими. С Томом все так и осталось, потому что Хьюго или Джейк всегда был рядом, но я чувствовала, что он умеет целоваться как настоящий мужчина. А вот Фред и Антон не слишком-то друг за другом следили. Поэтому, когда представилась возможность, я решила: «Почему бы и нет?»)

(По доброте душевной?)

(Босс, это сарказм? Короче говоря, как-то раз они привезли меня поздно вечером. Это не был донорский вызов; просто я задержалась с Джейком, помогая готовить ваш контракт. Проект «Тепленькое тело». Я пригласила ребят выпить колы и чего-нибудь погрызть, как обычно. Вот только Джо дома не оказалось.)

(И человеческая природа взяла верх.)

(Невысокого вы мнения о человеческой природе, босс, родной мой.)

(Высочайшего. Я считаю, что она преодолет все преграды, которые выставляют ханжи. Неужели все было так просто? Двое мужчин, абсолютно трезвые, знающие, что твой муж в любой момент может вернуться... Милый мой падший ангелочек, в твоём рассказе зияют не просто дыры, а настоящие пробоины. Уж я-то знаю кое-что о мужчинах, доводилось бывать одним из них. Я знаю, когда они готовы пойти на риск, а когда нет. Ради женщины многие готовы. Но вместе мужчины всегда остерегаются друг друга. А если еще и муж может появиться... Дорогая, ты недоговариваешь. Похоже, это был не первый раз.)

(Босс, клянусь, первый... и единственный, потому что вскоре меня убили. Хорошо, я заполню пробелы. Джо не мог вернуться, они это знали. Когда кого-то из нас не было до-

ма, другой всегда запирает входную дверь изнутри. Джо никогда не забывал это делать; в отличие от меня, он помнил про все опасности городской жизни. Ребята знали, что он не вернется до полуночи. На часах была половина десятого вечера. Спешить было некуда. Джо не умел читать, но прекрасно ориентировался по времени. Знаете эти игрушечные часики, какие иногда ставят в лавочках с единственным продавцом, «вернусь тогда-то», а время выставляется стрелками? У нас тоже такие были, чтобы сообщать друг другу, когда вернемся. Тем вечером я открыла дверь голосом, нашла эти часы и увидела, что на них полночь. Извинилась перед Антоном и Фредом, что Джо не сможет их поприветствовать.)

(И таким образом намекнула им.)

(Ну, я решила, когда поняла, что дома никого. Босс, тыфу, я все еще стараюсь быть для вас «милой девочкой». На самом деле я уже месяц надеялась очутиться наедине с этой командой. Когда Джейк попросил меня поработать после ужина, я как обычно позвонила Джо и подстроила все прямо на виду у Джейка. Пользовалась краткoязом — между мужем и женой это, считайте, совсем другой язык. Джейк слышал, как я сообщила Джо, что вернусь не раньше половины десятого. Но не слышал — или не понял, — как я попросила Джо куда-нибудь сходить, на известном только нам кодовом языке. Не волнуйтесь, Джо оказывал мне подобные услуги куда реже, чем я ему. Препятствие могло быть одно: если бы он рисовал. Оказалось, нет, поэтому легко согласился. Джо спросил, уйти ли ему на всю ночь. Сказал: «Секу. Звонок или Пиноккио?» «Пиноккио» похоже на «пиннок»; не то чтобы Джо когда-нибудь пинал меня, чтобы разбудить, но я ответила «Фея», что значило — «на твое усмотрение», и добавила: «дрозды».)

(Дрозды?)

(Двадцать четыре дрозда, которых в детской песенке запекли в пирог. Значит, «Дорогой Джо, поставь часы на полночь, даже если не вернешься до утра. Можно было бы сказать «тыква», «Новый год» или «чистое золото», но я предпочитала дроздов.)

(А на нормальном английском вы, молодежь, хоть когда-нибудь общаетесь?)

(Конечно, босс. Когда надо, Джо хорошо говорит по-английски. Но на краткойзе хватило десятка слов. Будь под рукой Бетси, я бы просто заглушила звук и выразилась обычным языком. Но мы были не у вас дома, а у Джейка в «Тихой гавани». На самом деле мы, вообще-то, не работали допоздна. Настолько допоздна. Я звонила по тому же телефону, по которому вы разговаривали вчера. Джейк стоял рядом со мной. Без краткойза было не обойтись.)

(Давай-ка уточним. Джо поставил часы, сообщая, что не вернется до полуночи. И вернулся, когда было условлено?)

(В десять минут первого. Джо никогда бы не смутил гостя излишней пунктуальностью. Он прирожденный джентльмен. Это меня в нем и привлекло. Да, он неграмотный, но лучше неграмотный джентльмен, чем хмырь с университетским дипломом.)

(Не могу не согласиться, милая. Чем больше я узнаю о мистере Жозе Бранке, тем больше уважения он мне внушает. Я очень сожалею о его утрате — то есть о тебе, моя милая потаскушка. Мне просто интересно восстановить хронологию того вечера. Итак, Джо вернулся вскоре после полуночи. Но ранее ты позвонила ему и организовала свидание с Антоном и Фредом... после чего улеглась с Джейком...)

(Ах! Босс, я снова вас шокировала.)

(Нет, дорогая. Удивила, но не шокировала. Твои похождения поистине удивительны.)

(Еще как шокировала. Многие проститутки по такому интенсивному графику не работают. Но все не так, босс. Все-му причиной любовь — любовь и уважение к Джейку, любовь и симпатия к Антону и Фреду, любовь, преданность и взаимопонимание с Джо. Если мой муж не был против, то ни вы, ни кто-либо другой не вправе меня презирать.)

(Милая, милая! Ты меня не шокировала, ты никогда меня не шокировала. Все дело в этом чертовом разрыве между поколениями. Ты никак не поверишь, что я за долгую распутную жизнь успел куда больше, чем ты за четырнадцать лет. Ты, конечно, быстрая, но у меня было в пять раз больше времени, а энтузиазма не меньше. Разве что возможности предоставлялись реже, но на красивых девочек спрос выше, чем на некрасивых мальчиков. Но я не жалею; мне все равно перепало больше, чем я мог ожидать.)

(Я все же думаю, что вы возмущены.)

(Нет, глупышка. Скорее восхищен и поражен твоей выносливостью. На следующий день ты, должно быть, едва ноги передвигала.)

(Ничуть. Я чувствовала себя превосходно. Буквально сияла от радости. Вы, кстати, это заметили. Помните? В тот день Джо раскрасил меня под тигрицу, с полосками и кошачьей мордочкой.)

(Будь я проклят, если забуду такое! Ты вела себя игриво, как котенок, а я сказал, что ты, наверное, канарейку съела. Лапушка, в тот день мне было необычайно плохо, и ты меня развеселила.)

(Я рада.)

(Тебе удалось выспаться?)

(Вполне. Поспала часов пять-шесть, а потом еще вздремнула, пока Джо рисовал полоски. Джоан, женщине, которую любят, не требуется столько сна, сколько одинокой. Сами увидите. А что касается моей выносливости... Босс, не вы ли говорили, что лучшая разминка перед сексом — это секс? Вы, вы!)

(Да, но я говорил с точки зрения мужчины...)

(С точки зрения женщины — то же самое. Увидите.)

(Надеюсь. Знаю, что в мое время большинство думало иначе. Но это не так. Секс в первую очередь — спортивный навык. Чем больше тренируешься, тем больше у тебя сил и желания, тем больше удовольствия ты получаешь и тем меньше устаешь. Приятно слышать, что для женщины все так же. Но ты — не первая девушка, кто мне это говорила. Первый раз я услышал от девушки это или примерно это, когда президентом был Гардинг. Не от девушки, от славной молодой замужней женщины, у которой с тобой было куда больше общего, чем ты можешь представить. Сейчас она наверняка умерла, храни Господь ее душу. Ей бы было уже за сотню лет.)

(Как ее звали?)

(Не все ли равно? Малышка, вернемся к Фреду и Антону. Я так и не возьму в толк, как ты все это провернула. Устроить свидание — одно дело, но уговорить их? Ты их в квартиру по одному приглашала?)

(Нет, что вы! Это было бы невежливо и поставило бы ребят, да и меня, в неловкое положение. Мы были троим.)

(И как?)

(Босс, вы можете представить, как могут возбудиться мужчины, одновременно целуя и лаская одну и ту же женщину? Если она не против? Если они доверяют друг другу? А они доверяли, как должны доверять друг другу шофер и телохранитель.)

(Представить не могу... стоп! Вспомнилось кое-что, что случилось настолько давно, что я и забыл!)

(Расскажите!)

(Нет, сначала ты. История — это, как всегда, замкнутый круг. Продолжай.)

(Так вот, мужчины возбуждают друг друга, даже когда друг к другу не притрагиваются. Только к женщине. Есть такой термин — «гетеродинамизация». Не знаю, как назвать по-простому. Я целовала ребят при встрече и на прощание каждый день в течение нескольких недель. Поцелуи становились все горячее, и не в моем духе отвергать мужчину, если тот мне нравится. А мне они нравились; хорошие ребята.

Потом мы перешли к петтингу — просто поцелуями на прощание это было уже не назвать — на подземной парковке у лифта. Мне пришлось остановить ребят и предупредить, что они сотрут с меня всю краску и сами перемажутся так, что от Джо будет не скрыть. Это их остановило; о форме они не слишком беспокоились, а вот меня подставлять не хотели. Джо им нравился. Он нравился всем без исключения. Я не сказала им, что Джо и так обо всем догадывался; от глаза художника мало что скроешь.

Поэтому мы договорились о том вечере. Я уверила ребят, что не просто заигрываю, а хочу их так же, как они меня... но не на парковке. Сказала, что найду возможность. Милые мальчики — то есть мужчины, Антону ведь сорок, а Фред — мой ровесник — согласились подождать и до тех пор ограничивались поцелуями и осторожными ласками. Удобный момент мог выдаться дважды, но Джо оба раза был занят картинами, и мешать ему я бы даже ради ночи с президентом не стала.

Наконец все сложилось, хотя в последний момент чуть не сорвалось; Джейк собирался отправить меня домой на своей машине. Попросил отменить вызов моей — то есть

вашей. Я отказалась, объяснив это тем, что боюсь Чарли и готова ездить с ним только в присутствии Джейка. Чарли правда бандит, не то что наша четверка.

Тогда наш старый добрый Джейк собрался со мной; я сказала, что это глупо и что Финчли с Малышом — я никогда при нем не называла их Томом и Хьюго и вам не советую...)

(Можно не напоминать. Когда я «мисс Смит», они «Финчли» и «Малыш».)

(Простите, босс. Я знаю, что вы разумный человек. Просто я была женщиной дольше вашего.)

(Верно. Поправляй меня, когда нужно. Так что там с Томом и Хьюго?)

(Это был отвлекающий маневр. Я прекрасно знала, чья смена. Фред с Антоном приехали за мной, и я чуть все не выболтала — так сгорала от возбуждения. Сдержалась. Решила не портить им удовольствие, ведь ничто не тешит мужское самолюбие так, как секс с замужней женщиной втайне от ее мужа. Даже Джейка это возбуждало. Я всегда использовала этот трюк; так мне было легче контролировать ситуацию и добиваться того, чего хочется. Запомните это, Джоан.)

(Запомню. Но чтобы пользоваться этим трюком, мне сперва придется обзавестись мужем.)

(Все будет в свое время. Не волнуйтесь, я по-прежнему уверена, что Джейк рано или поздно сдастся. Только не обижайтесь на него, обидами его не проймешь.)

(Юнис, я ни за что не стану дуться на Джейка. Меня всегда раздражала эта женская уловка, и я ни за что не стану ею пользоваться.)

(Босс, я ей тоже не пользовалась. Мне хватало других. А этой пользуются шлюхи, которые пытаются самих себя убедить в том, что они не шлюхи. Кстати, босс, а как вы к шлюхам относитесь?)

(Да так же, как к представителям любой профессии, будь то дантисты, юристы или медсестры. Если они добросовестны, я их уважаю. А если еще и компетентны, то рамки моего уважения расширяются согласно уровню компетенции. К чему был этот вопрос?)

(Вы когда-нибудь снимали проститутку? Пользовались их услугами?)

(Если я просто скажу «да», ты продолжишь рассказ? Мы почти приехали.)

(Да, сэр. То есть «да, моя беременная сестра-девственница». Мы приехали домой, поднялись на лифте, я «с удивлением» обнаружила, что Джо нет дома, нашла часы на умывальнике и объяснила ребятам, что это значит. Сработало. Конец.)

(Эй!)

(А что еще рассказывать? Вы и так знаете, чем мы занялись.)

Джоан вздохнула.

(Это кратчайший рассказ о групповухе, что мне доводилось слышать за свою долгую никудышную жизнь.)

(Что?! Босс, какая еще групповуха? Хватит торчать в прошлом веке! Па-де-труа не групповуха и не фримп-сессия во всяком случае, не обязательно. У нас все было мило и нежно. Ребята женаты, и они отнеслись ко мне так, как отнеслись бы к своим женам. Мне это понравилось. Я очень их любила и до сих пор люблю. До того вечера наши отношения можно было назвать страстной, сексуально заряженной дружбой. Босс, я жалею, что умерла, не успев предложить им еще одну такую возможность, как обещала. Не знаете, как мне загладить вину?)

(А? Будет непросто, ведь, как ты сама сказала, я для них босс. К тому же... страшно мне! С двумя мужчинами?!)

(Мака и Алека вы не боялись.)

(Это другое.)

(В сексе все равны. Вот что: секс втроем, если все правильно сделать — с доверием и уважением друг к другу, — лучшее, что может случиться с женщиной. Дело даже не в том, что все длится в два раза дольше. Напротив, с каким-нибудь юным жеребцом может и дольше выйти. Нет, все дело в тепле, любви и доверии, которое вы получаете. Это как минимум в четыре раза лучше обычного секса. Может, и в восемь раз. Математикой это не измерить. Джоан, послушайте, пока вы не побывали в постели между двумя нежными любящими мужчинами, которые любят друг друга почти так же или даже больше, чем вас... пока не положили голову им на ладони и не были окружены их любовью... пока вы не испытали это, вы еще в одном, очень важном, смысле дев-

стенница. Дорогая, пока они были со мной, я плакала... и продолжала плакать от счастья, когда они ушли. Затем выскочила из постели, чтобы открыть дверь Джо, когда тот вернулся, и выплеснула на него все. Затащила его в постель и рассказывала, что случилось, пока он нежно любил меня.)

(Ему хотелось это слушать?)

(А вам на его месте не захотелось бы?)

(Захотелось, но мужчины разные, и некоторые особенно болезненно воспринимают рост рогов.)

(Правда, таких большинство. Я всегда оберегала чувства Джо. Иногда допускала ошибки, которые приходилось скрывать. Например, о Джейке он не знал.)

(Почему? Раз Джо не возражал против других, то и против Джейка ничего бы не имел. Джейк очень высоко отзывается о Джо, ты сама слышала.)

(Да. Но Джейк богат, а Джо нищий. Сейчас мне кажется, что он принял бы Джейка, но тогда я не была уверена и не рисковала. Антон и Фред — другое дело. Они простые телохранители. Джо считал их друзьями, равными себе, а может, ставил себя чуть выше, ведь он художник, а они — лишь груды мышц. Они не причиняли ему беспокойства; он был за меня рад. Счастлив, что я счастлива. Не могу объяснить, Джоан, это просто чувствуешь инстинктивно. Но мужская гордость — вещь хрупкая, а, кроме нее, у мужчин нет другой брони. Мужчины куда уязвимее женщин. С ними нужно обращаться осторожно, иначе они поникнут.)

(Знаю. Иногда мужчины могут поникнуть во всех возможных смыслах. Я говорил, что после тяжелого развода со второй женой на целый год утратил потенцию?)

(Бедняжка!)

(Я справился. Даже психолог не понадобился. Пригодилась искренняя и щедрая помощь одной дамы, которая не считала, будто я сам был во всем виноват. С тех пор проблем с потенцией у меня не было, пока я от старости не стал слишком слаб для любых физических усилий.)

(Рада, что вы встретили такую женщину. Жаль, не смогу лично поблагодарить ее. Джоан, я не от рождения разбиралась в мужчинах. Это пришло с опытом. Приходилось наступать на грабли. В школе я наделала ошибок. Мужчины больше и сильнее нас, и я даже подумать не могла, что они

настолько хрупкие, пока не ранила одного мальчика так больно, что он бросил школу. С тех пор я дала слово никого не обижать. Босс, я была душой, но осознала свои ошибки.)

(Юнис, когда я в последний раз говорил, что люблю тебя?)

(Целых двадцать минут назад.)

(Слишком давно. Я тебя люблю.)

Ее грезы нарушил голос Финчли:

— Мисс Юнис, подъезжаем к стоянке.

— Что еще за «мисс Юнис»? Мы не на людях.

— Это промежуточный вариант.

— Вот как? К чему эти полумеры? Тогда уж зовите меня «мисс Смит», только не обижайтесь, когда я не стану целовать вас на прощанье.

— Хорошо... мисс.

— Том, не издевайся. Не нужно лишний раз напоминать, что к концу такого чудесного дня я вновь вынуждена буду превратиться в «мисс Смит». Мне в любом случае придется вас поцеловать, иначе настоящая Юнис перестанет со мной разговаривать. Хьюго, приструни его!

— Юнис, я вправлю ему мозги. Том, назови ее «Юнис» нежно-нежно.

— Простите, Юнис.

— Так-то лучше. Том, у тебя получится припарковаться так, чтобы выйти со мной?

— Конечно, Юнис. А теперь подождите, мне нужно ввести код, чтобы попасть внутрь.

— Добрый вечер, шеф. — Джоан оперлась на руку О'Нила и легко вылезла из машины.

— Добрый вечер, мисс. Вам сообщение от мистера Саломона. Он сожалеет, что не успевает к ужину. Надеется вернуться к девяти вечера.

— Очень жаль. В таком случае я не стану ужинать внизу; скажите Каннингему или Делле, чтобы принесла нам с Винни еду в мою гостиную. Без обслуживания.

— Два подноса в гостиную, без обслуживания. Так точно, мисс.

— И скажите Дабровски, что завтра ему нужно будет кое-куда меня отвезти.

— Мисс, он уже ушел домой. Но завтра его смена, он будет готов.

— Шеф, вы меня не поняли. Я просила сообщить ему сейчас, что завтра он меня повезет. Часов в десять, не раньше. Так что сразу после звонка в буфетную будьте любезны позвонить ему и передать это сообщение *от меня*. Не бросайте звонить, пока он не возьмет трубку. И предупредите меня, как только вернется мистер Саломон, в каком бы часу это ни произошло. Ему не говорите, звоните сразу, прежде чем Рокфорд его примет.

— Слушаюсь, мисс. Позвонить в буфетную, потом Дабровски, затем вам по возвращении мистера Саломона. Мисс, позвольте заметить, что я рад вновь чувствовать вашу твердую руку.

— Только не говорите мистеру Саломону. Все это было бы невозможно без *его* твердой руки. Нам с вами это прекрасно известно.

— Согласен. Я уважаю мистера Саломона, мисс; он настоящий джентльмен. Сказать Каннингему, чтобы отнес ваши покупки?

— Не нужно. Финчли с ребятами разберутся. Я столько всего накупила. — Джоан ребячески улыбнулась. — Разволновалась, будто ребенок перед Рождеством. Чуть все магазины не обнесла. Финчли, распредели сумки на троих. Поднимайтесь за мной. Я знаю, что это не ваша работа, но прошу, не жалуйтесь на меня в профсоюз.

Трое мужчин с сумками и одна женщина едва поместились в лифт. Джоан дождалась, когда Финчли нажмет кнопку нужного этажа, и, как только лифт тронулся, быстро ткнула пальцем кнопку «стоп».

— Опустите сумки.

Сперва она обняла голову Малыша:

— Спасибо, Хьюго. Самое большое спасибо, ведь твоя мудрость позволила нам всем объясниться друг с другом. — Она нежно, не спеша поцеловала его, не размыкая губ. — Спокойной ночи.

Затем она повернулась к Фреду:

— Спасибо, Фред. От меня — и от Юнис. — Когда он обнял ее, Джоан едва разомкнула губы. (Теперь понимаете, о чем я? Это еще цветочки.) (Понимаю... и обещаю быть с ним *очень* осторожной, если только мне не захочется чего-то большего, чем цветочки.) — Спокойной ночи, Фред... Том, сегодня был лучший день в моей жизни. Надеюсь, тебе тоже понравилось. Хотя бы чуть-чуть. Спасибо. — Джоан поцеловала его, не дожидаясь ответа, зажмурившись и повернувшись спиной к Малышу, на случай если шофер решится немного злоупотребить ситуацией, и он решился.

(Ничего себе! Юнис, ты уверена, что не спала с ним?) (Еще как уверена, черт возьми! А *вам* хотелось бы?) (Не знаю! Не знаю!)

Чуть не задохнувшись, Джоан отстранилась и отвернулась, чтобы снова запустить лифт и прийти в себя. Когда кабина остановилась, она сказала:

— Отнесите все ко мне в спальню. Винни! Не поверишь, что я привезла!

Рыженькая медсестра-горничная уже ждала у лифта:

— Мисс Джоан! Где вы пропадали?!

— А разве мне нельзя? Ребята, кладите сумки где хотите, хоть на пол, хоть на кровать. Винни, ты еще не успела поужинать? Все, спасибо. Спасибо и спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мисс Смит.

Как только они остались в спальне одни, Джоан обняла горничную, приподняв ее от пола.

— Ты не ответила. Поужинала вместе с прислугой? Или ждала меня?

— Кусок в горло не лез. Ой, Джоан, я *так* переволновалась. Вы сбежали, никому не сказав куда. Плохая девочка, так меня напугала.

— Фи. Со мной была охрана. Мне ничего не угрожало.

— Охранники — не медики. Доктор Гарсия велел не спускать с вас глаз.

— Фи вашему ненаглядному доктору. Я больше не пациентка, опеку с меня тоже сняли. Теперь я свободная, здоровая как лошадь женщина. Не нужно каждую секунду надо мной вкочтать. Ладно, ужин сейчас принесут. Поедим, когда захотим.

— Я слышала. Была на кухне, когда пришло распоряжение, и сразу поспешила к лифту. Думала, не успею вас встретить. Индикатор движения почему-то погас, а потом опять включился.

— Лифт застрял. Похоже, с ним что-то не так. Мы жали на кнопки, пока он снова не заработал. В этом доме слишком много техники.

(Юнис, мне думалось, что уж лифт надежен, как могила. Есть в этом доме хоть одно место, где за мной не будут следить?) (Боюсь, что нет, босс. Но не тревожьтесь чересчур сильно. Я никогда о таком не тревожилась; главное — никого не обидеть.) (Тоже правда. Тебя когда-нибудь ловили с задранной юбкой?) (Так, чтобы стало стыдно? Один раз. Ничего криминального.)

— Мне сообщить механикам?

— Финчли сообщит. Винни, техобслуживание в твои обязанности не входит. Ты должна развлекать меня, подставлять плечо, чтобы я могла выплакаться, плакать мне в плечо и не давать дорогому доктору повода для беспокойства. — Джоан начала снимать одежду. — Раздевайся, примерим обновки. Ох, сколько же я всего накупила! Теперь экономика страны наверняка стабилизируется. Снимай все. Ты помылась, грязнуля? Или помоемся вместе? Подойди, я тебя обнимаю.

— Помылась с утра.

— Пахнешь хорошо. Боюсь, я немного замариновалась; день выдался насыщенным. Ладно, помоемся позже, перед тем как устроить Джейку очередной сеанс релаксации. Сначала примерим наряды. Нет, сначала поцелуй меня.

(Юнис, а ванну с этой резиновой фиговойной можно принимать?) (Можно, иначе я бы оставила после себя добрую дюжину сироток. Даже в биде подмываться можно, что и советую.)

— Джоан, почему вы не взяли меня с собой за покупками? Я обиделась.

— Опять жалобы! Милая, я не хотела тебя будить. Или Боб не приехал?

Винифред покраснела от ушей до груди.

— Приехал! — радостно ответила она. — Но ради вас я бы встала пораньше. Обожаю ходить по магазинам.

— Во сколько ты проснулась?

Медсестра снова покраснела:

— За полдень. Около часа.

— Вот видишь. Винни, я не взяла тебя еще и потому, что купила тебе подарков. Если бы ты была со мной, то принялась бы отнекиваться. К тому же мне нужно было почувствовать себя свободной. Я больше не в заключении. Я могу уходить и возвращаться когда пожелаю. Ты не должна спрашивать, почему я не беру тебя с собой. А я не обязана отчитываться, куда и зачем ездила.

— Хорошо, мисс Джоан. Запомню, — с убитым видом ответила девушка.

Джоан Юнис обняла ее:

— Ну же, ну же, котенок. Не плачь. Я буду брать тебя с тобой. А когда не буду, предупрежу почему. За исключением отдельных случаев, когда мне придется солгать, чтобы тебя не шокировать. Например, если я вдруг захочу съездить на групповую экскурсию в интернамент.

— Вы меня дразните.

— Я не со зла. И это лишь отчасти шутка. Винни, твои свидания с Бобом никого в доме не интересуют, кроме меня. И мой интерес — исключительно дружеский. Но когда речь заходит о моих свиданиях, добрых сорок человек так и норовят подсмотреть. Стоит мне привести в дом мужчину,

как весь дом об этом узнает, и я даю пятьдесят на пятьдесят, что кто-нибудь из моих верных слуг продаст горячую новость телевизионщикам. А те обстряпают все так, что судебный иск лишь усугубит ситуацию. Понимаешь?

— Ух... звучит ужасно. Но наверное, такое правда может случиться.

— Непременно случилось бы. Каждая колонка светских сплетен тому доказательство. Когда человек очень богат и известен, народ не позволяет ему облачаться ни во что, кроме нового платья короля. Публике подавай плохие новости, хорошие слишком пресны. Во времена моего руководства «Смит энтерпрайзес» компания тратила тысячи долларов на создание моего насквозь лживого «публичного образа», как бы мерзко такое ни звучало. Но это в прошлом, и сейчас на меня будут охотиться все. Охотиться с двойным азартом, поскольку я теперь симпатичная девушка. Нет, будем смотреть правде в глаза и не принижать Юнис Бранку — она фантастически красивая. Ты видела вчерашние новости по своему дурацкому ящику. Можешь представить, что примутся рассказывать, если у них действительно появятся какие-то факты о моей личной жизни?

— Думаю, ничего хорошего.

— А я не думаю, я знаю. Слишком много лет мне пришлось бегать от камер. Древние римляне не просто так бросали осужденных на съедение львам. Люди по отдельности обычно вполне ничего, но толпа жаждет крови. Позднее я разберусь с репортерами, но пока я для них уязвима. Винни, как бы ты поступила, если бы я разбудила тебя среди ночи и попросила спрятать в твоей постели мужчину — чтобы с ним застукали тебя, а не меня? Непременно застукали бы и выставили на всеобщее обозрение. И Боб тоже бы об этом узнал.

Девушка набрала в грудь воздуха:

— Я бы согласилась! Боб бы все понял.

— А если бы я попросила ничего не объяснять Бобу? Просто принять удар за меня?

— Все равно согласилась бы.

Джоан поцеловала ее:

— Я так и думала. Но тебе никогда не придется этого делать, сладкая моя. Если... нет, когда я допущу промашку,

я не стану подставлять подругу. Разве что попрошу солгать ради меня. согласишься?

— Конечно.

— Я знала. Можно было не спрашивать. Я с каждым днем чувствую себя все больше женщиной, так что это время не за горами. А теперь давай представим, что сегодня Рождество. По-моему, вон та круглая коробка — для Винни.

Вскоре Винифред уже восхищенно кружилась перед зеркалом:

— Ой, Джоан, ну зачем же так!

— Вот поэтому я и оставила тебя дома. Это костюм горничной — и на его приобретение, согласно положению о поварах, домашней прислуге и гостиничных работниках, мне положена льгота.

— Вижу я, что это за костюм! Настоящий «Станьяро», прямиком из Рима! На этикетке написано.

— Я все равно запишу его как «костюм горничной» и потребую налоговый вычет, чтобы позлить налоговиков. Снимай его, милая, и взгляни, что еще у меня есть. Нет, этот — для меня. — Джоан быстро нарядилась. — Нравится? Чтобы смотрелось идеально, нужно будет покраситься.

— А по мне, и так хорошо. Вы выглядите очень аппетитно, а белый цвет замечательно подчеркивает кожу. Прекрасный фасон, хоть и вызывающий. Джоан, с каких пор вы так разбираетесь в женских нарядах? То есть...

— То есть с каких пор старый хрыч, полвека не покупавший женских платьев, стал в них разбираться? Просто у меня талант. Ты еще не слышала, как я пению птиц подражаю!

(Эй, а для меня ни слова похвалы?) (Ни единого, если не хочешь себя выдать, Мата Хари. Психиатры только этого и ждут.) (Тыфу на тебя, близняшка. Может, все-таки расскажем Винни при случае?) (Может быть. Я ведь не только люблю тебя, но и горжусь тобой.) (Чмок!)

Наконец остались лишь две коробки, которые Джоан отложила. Когда Винифред увидела комплект с искусственными изумрудами — тоненькие стринги и не прикрывающие соски чашечки в форме полумесяцев, — то едва не потеряла дар речи.

— Боже мой! Джоан, надевайте, а я пока отышу ваши туфли с самой высокой шпилькой!

— Ищи *свои* туфли, милая. Те зеленые со стразами, что ты примеряла раньше, подойдут. В комплекте с этим бельем не было туфель, и мне пришлось заказать их отдельно.

— Это для меня?! Я не могу принять такой подарок!

— Тогда выброси его в мусоропровод. Стринги возврату и обмену не подлежат. Винни, это белье создано специально для рыжеволосых девушек. Да и размер для меня маловат. Надевай. Тут еще длинная прозрачная юбка, шелковая, с зеленоватым отливом. С юбкой будет как раз для официальных торжеств. Из украшений подойдет диадема с изумрудом, и больше никаких драгоценностей. И никакой краски!

— Джоан, я не хожу на вечеринки, где такой наряд был бы уместен. Меня на них даже не зовут.

— Тогда я сама устрою. Банкетный зал уже лет десять без дела простаивает. Ты будешь сногшибательна — юная хозяйка во главе стола. Однако ты можешь надевать это не только на сверхофициальные торжества. Белье без юбки предназначено и для неформальных встреч. Можешь надеть его для Боба. Ему наверняка понравится тебя раздевать.

У Винифред перехватило дух.

— Уже жду не дождусь.

— Сегодня встречаетесь?

— Нет. Поэтому и сказала «жду не дождусь». Поскорее бы показаться Бобу... чтобы он меня раздел. Джоан, этот наряд слишком дорогой, я не должна его принимать. Но при-
му. Боже, я чувствую себя содержанкой.

— Милая, ты и есть содержанка: я ведь тебя содержу. И мне это очень нравится.

Медсестра-горничная перестала улыбаться. Повернулась к хозяйке и посмотрела прямо в глаза:

— Джоан, быть может, я все испорчу, говоря это, но я должна... — Она перевела дух. — Пару раз мне показалось, что вы со мной заигрываете.

(Вот это подача, близняшка! Я не успею отбить ее за вас!)

— Винифред, это случалось куда чаще, чем пару раз.

— Ну... наверное. Почему вы перестали?

Джоан вздохнула:

— Потому что испугалась.

— Меня?

— Себя. Винни, милая, мне часто приходилось преодолевать трудности. Болтаться по волнам в десантном катере, терзаясь морской болезнью и страхом... а затем высаживаться прямо в воду под пулеметным огнем и видеть, как по обе стороны гибнут товарищи. Но сейчас мне выпало самое тяжелое испытание. Быть женщиной. Не проходит ни минуты, чтобы я не думала об этом. Мне приходится сознательно делать то, что ты делаешь машинально. Сегодня я едва не вошла в мужской туалет вместо дамской комнаты! Но вернемся к тебе. Дорогая, только представь, как соблазнительно ты для меня выглядишь. Ведь глазами Джоан на твою удивительную прелесть смотрит старый Иоганн. Винни, не было ни минуты, когда мне бы не хотелось прикоснуться к тебе. Усадить на колени. Поцеловать. Заняться с тобой любовью. Будь я мужчиной... я бы отбила тебя у Боба. Или, как минимум, заставила поделиться.

— Джоан.

— Да, милая?

— Я не против.

Джоан задрожала:

— Милая! Прошу, подожди! У тебя есть Боб, а я еще не привыкла быть женщиной!

Она расплакалась, и Винифред тут же ее обняла:

— Дорогая, не плачьте. Я не хотела вас расстраивать. Я помогу. Конечно помогу. Подождем хоть год, хоть несколько лет, пока вы не привыкнете и не обретете уверенность в себе. И захотите меня. Винни не пытается соблазнить свою Джоани. Это было бы славно, правда. Но вы правы. У меня есть Боб, и нервы у меня крепче, чем ваши. Однажды вы полюбите мужчину и забудете про меня. Не захотите больше ко мне прикасаться. И это нормально, лишь бы я могла любить вас и оставаться вашей подругой.

Джоан смахнула слезу и всхлипнула:

— Спасибо, Винни. Я опять сваяла дурака.

— Нет, что вы. Просто я иногда забываюсь. Вам дать успокоительное?

— Не нужно. Я уже успокоилась.

— Не трогать вас?

— Нет. Винни, поцелуй меня. Так крепко, как можешь.

А потом надень мой подарок. Хочу на тебя полюбоваться. Потом поужинаем и примем хорошую пенную ванну, чтобы хорошо пахнуть перед встречей с Джейком. Мне и самой мантры пригодятся, чтобы лучше уснуть. Одевайся, милая. Но сперва поцелуй.

Винни поцеловала ее. Сначала сдерживалась, потом вспыхнула, будто лесной пожар, и показала все, что могла.

(Хватит, близняшка, а то дом сгорит. Лучший степ со времен смерти Боджанглса.) (Откуда ты знаешь Боджанглса? Ты не можешь его знать.) (Но фильмы-то с ним остались. Босс, теперь вам обязательно нужно сделать так, чтобы они с Бобом поженились. После того, к чему вы ее принудили, это ваш долг.) (Я даже не знаю, кто такой этот Боб.) (Так узнайте. Схитрите. О'Нил наверняка знает. Сперва выясните, кто он, затем — чего он хочет, и он все сделает как миленький! Ох, мужчины! Босс, я люблю вас, но порой не понимаю за что.)

Примерив изумрудный наряд, Винни сходила в гостиную за подносами с едой, и Джоан открыла последнюю коробку. В ней был подарок для Джейка.

— Винни, как тебе?

Это была массивная золотая цепочка тройного плетения с тяжелым золотым анхом.

— Красиво, — нерешительно ответила Винни. — Но она ведь не женская. Или так задумано?

— Конечно, она мужская. Это подарок Джейку.

Винифред нахмурилась:

— Джоан, вы хотите, чтобы я помогла вам вести себя по-женски?

— Конечно.

— Вот. Тогда я должна указать вам на ваши ошибки.

— Думаешь, Джейку не понравится?

— Не знаю. Он может не понять значение подарка. Не уверена, что вы сами понимаете. Этот крест с петелькой называется «анх» — языческий символ, как выразился бы мой дедушка. Он означает... ну, почти все то же, что наша медитация. Жизнь, добродетель, любовь и так далее. Но в пер-

вую очередь он символизирует секс. Это древнеегипетский символ мужской и женской жизненной силы. Неслучайно петля напоминает вульву, а остальное — мужские гениталии. Среди моего поколения — а теперь и вашего — его может подарить жена мужу или муж жене. Неженатым людям его дарят исключительно как знак плотской любви. Других толкований нет. Джоан, если вы просто хотите подарить Джейку украшение, верните это и купите более нейтральное. Или такое, какое дочь могла бы подарить отцу.

Джоан мотнула головой:

— Нет, Винни. Я еще со сравнительного курса религии — три четверти века назад — помню, что означает анх. Полагаю, Джейк тоже знает, у него хорошее классическое образование. Вот насчет современной молодежи я сомневалась, но вижу, что ошиблась. Винни, этот подарок не случаен. Я много раз просила Джейка жениться на мне. Он отказывается из-за разницы в возрасте.

— Ну... можно его понять.

— Это глупо. Да, я почти на двадцать пять лет старше его... но теперь этого не видно, и я вполне здорова, чтобы вести полноценную семейную жизнь. Пусть наш добрый доктор и считает, что я в любой момент могу протянуть ноги.

— На самом деле доктор Гарсия так не думает. И я не имела в виду вас, когда соглашалась насчет разницы в возрасте... ой!

— Да-да, понимаю. Он корчит из себя благородного рыцаря. Не хочет жениться — пускай не женится. Но мне хватит и меньшего. Этот подарок — намек.

Неожиданно Винифред с серьезным видом поцеловала анх и вернула его Джоан.

— Нам обоим хватит меньшего. Удачи вам от всего сердца.

— Моя хорошая Винни. А теперь пора подкрепиться; час поздний, Джейк вернется — надеюсь — к девяти. Нужно успеть умыться и прихорошиться до прихода моего упертого барашка. Поможешь?

— С радостью. Джоани, давайте брызнем на вас «Ароматом гарема» и припудрим. А я обойдусь без духов. Хорошо отмоюсь, чтобы не пахнуть.

— Нет, ты тоже будешь приманкой. Будем гетеродинировать.

— Гетеродинировать?

— Это термин из радиотехники. В нашем случае означает, что двум девушкам проще будет добиться результата там, где не хватит усилий одной. Вчера Джейк старался быть джентльменом... но то и дело поглядывал на мою Винни, притворяясь, будто не глазеет. Не собираюсь втягивать тебя в па-де-труа, но от мысли сделать тебя наживкой не откажусь.

Они успели вылезти из ванны и как раз заканчивали прихорашиваться, когда прозвонил внутренний телефон.

— Мисс Смит, машина мистера Саломона во дворе.

— Спасибо, О'Нил.

Через несколько минут Джоан позвонила в Зеленые комнаты:

— Джейк, дорогой? Это твоя домашняя гуру. Если хочешь помедитировать, гуру и чела готовы принять тебя в любое время.

— Рад слышать, гуру. Я совсем вымотался. Неплохо бы снова выспаться так, как вчера.

— Прекрасно. Ты поужинал?

— Несколько часов назад в клубе. Собираюсь спать, только сперва приму ванну. Дашь мне двадцать минут?

— Нам прийти ровно через двадцать? Не хочу нарваться на Хьюберта.

— Я уже отослал его. Мы будем одни.

— Тогда через двадцать минут. До встречи, милый.

Девушки босиком вышли в коридор. Джоан надела под пеньюар цепочку с анхом. Джейк открыл им дверь и вышел навстречу. На нем был банный халат, в руках — книга, заложенная пальцем на нужной странице.

— Добрый вечер, девушки. Выглядите очаровательно. Джоан, я самовольно воспользовался твоей библиотекой и одолжил эту книгу.

— Пользуйся сколько угодно. Что за книга?

Джейк протянул ее:

— Книга о йоге Вишнудевананды. Решил посмотреть, нет ли там простых поз, чтобы самому практиковаться. Боюсь, придется ограничиться медитацией.

Джоан удивилась:

— Ты нашел это в библиотеке? — Она взглянула на форзац, увидела свой экслибрис «из книг И. С. Б. Смита». — Я и забыла, что она у меня была.

— Ты та еще барахольщица. Там, наверное, тысяч десять книг.

— На время последней описи уже было больше. А теперь и подавно. Когда дочитаешь, дай нам. Вдруг найдем новые интересные упражнения. — Она вернула книгу Джейку, тот отложил ее. — Готов к самогипнозу?

— Готов к чтению мантр. Прости, что в прошлый раз строил из себя умника.

— Джейк, называй это как хочешь. Я не обижусь. Но сперва... — Джоан распахнула пенюар и сняла цепочку. — Это подарок для тебя. Нагнись.

Джейк повиновался. Джоан надела на него цепочку и закрепила ритуал поцелуем. Джейк поднес анх к глазам, рассмотрел:

— Спасибо, Юнис. Прекрасный подарок. Мне медитировать с ним?

— Как хочешь. Можешь носить его мысленно — я помню, что ты не слишком жаловал украшения. Винни, готова?

Джоан Юнис сбросила одежду и уселась в позу лотоса. Винни последовала ее примеру. Джейк избавился от халата и, не снимая цепочки, сел рядом.

— Джейк, попробуешь руководить? Не нужно повторять «вдох» или «выдох», мы сами сориентируемся. Просто повторяй мантру, не торопясь.

— Попробую. Ом мани падме хум!

(Ом мани падме хум.)

Джейк Саломон уснул сразу, как они уложили его в постель. Девушки тихо вышли из темной комнаты. В коридоре Джоан остановилась:

— Винни, сделаешь для меня кое-что?

— Что угодно, милая.

— Во сколько встает прислуга?

— Насчет кухарки не знаю. Часов в шесть, наверное. Остальные в семь. В половине восьмого весь персонал завтракает.

— А когда они поднимаются на этот этаж? Делла не в счет, она сюда не заходит.

— Уборка начинается в девять, но в вашей спальне не прибирают, пока вы не позавтракаете. Вам кто-то мешает?

— Нет. Надеюсь, и не помешает. Похоже, Хьюберт — единственный, кого стоит опасаться. Я собираюсь вернуться и лечь с Джейком.

— О!

— Не прямо сейчас. Когда буду уверена, что он крепко спит. Если он проспит всю ночь, я не стану его будить; бедняжке нужно хорошо отдохнуть. Но я лягу с ним! Лишь бы Хьюберт не помешал. Сможешь как-нибудь его отвлечь?

— Понимаю, о чем вы. Не помню, чтобы Хьюберт входил к мистеру Саломону, пока тот не попросит завтрак. Иногда он подолгу пьет кофе и смотрит новости в ожидании вызова от мистера Саломона.

— Хорошо. В таком случае никто, кроме тебя, об этом не узнает. За себя я не слишком беспокоюсь, а вот Джейка лучше оберегать от лишних слухов. Ладно, сделай вот что. Почитай или просто поваляйся в моей постели, чтобы она выглядела мятой. Оставайся хоть на всю ночь, только не забудь и в своей поваляться. Поставь будильник на восемь; если я еще не вернусь, позвони в Зеленые комнаты. Пусть лучше Джейка разбудит ты, а не кто-то другой. И еще кое-что. Принесешь мне пижаму и тапочки? Если кто-нибудь нас и застукает, я буду полностью одета и пресеку любые домыслы. Когда принесешь, я положу сорочку на пол и прочитаю еще несколько «мани хумов». Я готова, но невероятно волнуюсь. Боюсь, что Джейк меня отругает.

(Скорее — что *не* отругает.) (Юнис, а тебе не хочется, чтобы отругал?) (Еще как! Хватит болтать, к делу!)

— Сию минуту. Джоан, я волнуюсь не меньше вашего! И... я посплю в вашей постели, если не возражаете.

— Конечно нет. Но учти, что я в любой момент могу вернуться и разбудить тебя.

— Ничего страшного. Если вам нужно будет поплакаться — или пообниматься, — я буду рядом.

— Сказала бы я тебе кое-что... Винни, тебе меня не про-
вести. Как бы то ни было, буду рада найти тебя в постели,
когда вернусь.

Вскоре Джоан осторожно прокралась в спальню Зеленых
комнат, сложила на пол одежду, не включая свет, и добра-
лась до кровати Джейка, ориентируясь по его храпу. Осто-
рожно залезла под одеяло, радостно вздохнула, почувство-
вав тепло Джейка, и уснула.

Спустя некоторое время она ощутила прикосновение
и мгновенно проснулась.

(Что происходит?!) (Боевая тревога, близняшка! Проис-
ходит *то самое*!) (Мне страшно!) (Милая, у меня все под
контролем. Тело помнит. Скажите «мани хум».)

Не произнося ни слова, Джейк ею овладел.

(Боже, Юнис! Почему ты мне не сказала?) (Не сказала
что?) (Что для женщины это гораздо приятнее!) (Правда?)
(В десять, в сто раз приятнее! Я сейчас лишусь чувств!)
(Мне-то откуда знать, приятнее это или нет? Постарайтесь
не лишиться чувств, пока не поцелуете его.)

Временное правительство Народных Аграриев продолжало удерживать Правительственное здание штата Оклахома. Марсианская полевая лаборатория сообщила об обнаружении артефактов (возрастом $1,4 \times 10^6 \pm 14 \%$ лет), подтверждающих существование в прошлом цивилизации, не уступавшей человеческой. Китайские участники экспедиции заявили, что так называемые артефакты — лишь простейшие (вроде коралловых рифов или медовых сот) побочные продукты жизнедеятельности неразумных форм жизни, родственных анаэробным существам, населяющим ныне Марс. На ежегодном заседании Международного общества адептов Плоской Земли в Суррее, Англия, было принято постановление о подаче очередной петиции к ООН с требованием ввести санкции против правительств стран, тратящих бюджетные деньги на так называемые исследования космоса. В очередной раз за последние девятнадцать лет в мире возросло число самоубийств, а также число убийств и гибели от несчастных случаев. Прирост населения Земли тем не менее преодолел планку в триста тысяч человек в день и продолжил расти; каждую секунду на планете рождалось шесть, а умирало в среднем два с половиной человека. Таким образом, скорость роста населения составила семь человек в две секунды.

В округе Изард в Арканзасе курица снесла яйцо со знаком креста. Представитель казначейства в неформальной обстановке заявил, что правительство не примет законопроект о полной отмене бумажных денег в пользу кредитных карт и электронных счетов. «Нужно принять тот факт, — сказал он в Вашингтонском клубе журналистов, — что сделки на черном рынке, взятки и прочие полулегальные махинации являются столь же неотъемлемой частью экономики,

как национальный долг, и затруднение этого добровольного обмена приведет к экономическому кризису, с которым государство не справится. Образно выражаясь, джентльмены, то небольшое количество — примерно несколько миллиардов — остающихся в обороте бумажных долларов — капля масла на шестеренки прогресса. Хочу уверить вас, что президент также это понимает».

«Первая Сатанистская церковь инкорпорейтед» (сорок четыре филиала в Калифорнии, пять — в других штатах) подала в Федеральный суд иск о «предвзятом налогообложении». Старший апостол заявил: «Раз другие церкви не платят налоги, а их священные реликвии не являются объектами уголовных расследований, „Рука славы“ должна получить аналогичный статус — в лучших американских традициях». В Рино вновь отозвали Закон о лицензировании проституции. Мэр города отметил, что доходы от лицензий не покрывали расходы на инспекторов... к тому же после закрытия Федерального молодежного учебного центра коммерческая проституция в городе почти исчезла.

Участники «Движения в поддержку человечества» все чаще сгибают, скручивают и ломают компьютерные карты и бросают их в ближайший почтовый ящик. Несмотря на аресты, произведенные почтовыми инспекторами, местная полиция практически бездействует, а присяжные не вынесли еще ни одного обвинительного вердикта, несмотря на самые убедительные доказательства. Старший почтовый инспектор заявил, что испорченные карты почти всегда представляют собой счета, среди них пока не обнаружилось ни одного чека или денежного перевода и что правительство не проявляет к этой проблеме особого интереса, но ему лично до чертиков надоело, что почтовые ящики используются в качестве мусорных урн.

Председатель «Движения в поддержку человечества» ответил, что по всей стране почтовые ящики уже давно стали урнами и в почтовом управлении, как и в конгрессе, знают почему. Компьютер-регулирующий дорожное движение в Хьюстоне дал сбой в вечерний час пик, и тысячам людей пришлось ночевать в пробке. В результате число погибших превысило семь тысяч; основными причинами смерти, помимо самоубийств, стали остановка сердца, отравление вы-

хлопными газами и разбойные нападения. Торговая ассоциация автомобильных страховых компаний южных штатов отказалась от страховых выплат по инциденту, ссылаясь на то, что гибель или увечья, полученные при нахождении в неподвижном автомобиле, не являются страховыми случаями (см. мелкий шрифт).

В Лунной колонии открылись две новые сверхбольшие самовозобновляющиеся пищевые пещеры — имени Джорджа Вашингтона Карвера и Грегора Менделя. Комиссия вновь объявила об увеличении субсидированной миграционной квоты, но опять не снизила требования к потенциальным переселенцам (судебное предписание за подписью верховного судьи Соединенных Штатов Хэнди было тихо проигнорировано как неправомерное на территории Луны).

Акции Небесного Лас-Вегаса продолжили рост на фоне падения биржевых индексов; тем не менее большинство инвестиционных консультантов по-прежнему рекомендуют покупать акции, обосновывая это ранее установленной корреляцией между погодой, рынком и женской модой. Межзвездный подкомитет Лунной комиссии выбрал целью первой экспедиции тау Кита вместо ранее предложенной альфы Центавра. Обсерватория Джодрелл-Бэнк потеряла связь с отправленным на Плутон пилотируемым зондом.

(Официальное) число погибших на Украине упало ниже (официального) числа погибших в бразильском Мату-Гросу — ни там, ни там мертвые не спорили.

— ...уважаемый коллега должен бы знать, что «ид» — не научный термин, а всего лишь первые буквы слова «идиот»!

— ...порядок в зале суда!

— ...позвольте привести неоспоримые заключения великого ученого...

— ...все это чепуха! Любой студент может нарисовать красивый график и сделать псевдогениальные выводы из бессмысленных данных!

— ...пусть мой уважаемый коллега повторит это оскорбление за пределами зала суда.

— ...прошу пристава обеспечить порядок в ходе...

(«Джейк, если повезет, мы так все запутаем, что против нас никто сыграть не сможет».)

— ...не светите мне в глаза, иначе коллегии придется несколько дней обходиться без вас.

— ...поинтересоваться, с какой целью уважаемый оппонент вынуждает высокий суд и присутствующих в зале глядеть на этот отвратительный труп?

(«...Джейк, мне самой противно; *неужели я действительно так мерзко выглядела?* Давай его уберем?» — «Тише, милая, мы с Маком знаем, что делаем».)

— ...при всем уважении вынужден настаивать на том, что личность свидетеля должна быть установлена, прежде чем его показания могут быть использованы для установления личности другого лица.

— ...штата и страны. Отпечатки пальцев, которые вы видите на экране, сняты с трупа, обозначенного как «вещественное доказательство ММ». Сейчас мы с помощью стереоналожения сравним их с предоставленными архивом Общества ветеранов отпечатками, ранее обозначенными как «вещественное доказательство ИИ»...

— ...лично сделали эти снимки с номера один до номера сто двадцать семь, предварительно обозначенные как «вещественное доказательство СС»?

— ...не разрешается. Заседание будет публичным, однако суд оставляет за собой право исключать присутствующих лиц за неуважение. Ивлин, можете начать вон с той женщины в очках и парике. Запишите ее личные данные и запретите доступ в зал суда на десять дней. Остались еще в зале любящие пошуметь кретины? Мужчина в заднем ряду, уберите шоколадку в карман, здесь вам не буфет!

— Адвокат ответчика намекает, что это не Жозе Бранка?

— Ни в коем случае. Я готов поручиться, что это он. Просто напоминаю, что необходимо соблюдать протокол.

(«Джейк, Джо выглядит ужасно. Я должна поговорить с ним, когда все закончится». — «По-твоему, это разумно?» — «Не знаю, но я должна».)

— Оглянитесь вокруг, мистер Бранка. Скажите судье, находится ли в зале ваша жена.

— Нет.

— Мистер Бранка, взгляните, куда я указываю.

— Нет ее здесь!

— Ваша честь, у нас несговорчивый свидетель. Мне необходимо направить его в нужном направлении.

— Хорошо. Но позволю себе заметить, что адвокат не может подвергать сомнению показания собственного свидетеля.

— Благодарю, ваша честь. Мистер Бранка, я указываю на эту девушку. Взгляните на нее внимательно. Я положу руку ей на плечо...

— Уберите руки! Ваша честь, если он еще хоть раз ко мне прикоснется, я ему палец откушу!

— Тишина! Адвокат истиц, не нужно трогать ответчицу. Ваш свидетель прекрасно знает, какую девушку вы имеете в виду.

— Хорошо, ваша честь. Прошу прощения, если оскорбил эту молодую особу. Мистер Бранка, я полагаю, что это ваша жена Юнис Бранка, в девичестве Эванс.

— Не Юнис. Она умерла. Судья, мне надо терпеть всякую такую хрень? Этот жулик и так все знает, он со мной три часа говорил. Да, это тело Юнис. Но она мертва. Все это знают.

— Простите, ваша честь. Мистер Бранка, будьте любезны отвечать на мои вопросы. Вы говорите, что ваша жена мертва... а вы видели вашу жену Юнис Бранку мертвой?

— А? Нет. Операция...

— Ответьте на вопрос. Вы не видели ее мертвой. Я утверждаю, что вы получили миллион долларов за свидетельство, что эта женщина не ваша жена Юнис Бранка.

(«Джейк, а они вправе так мучить Джо? Только посмотри на него!» — «Извини, милая, не я его вызвал».)

— Судья, этот сраный трепач лжет! Есть такой клуб, знаете? Клуб редкой крови. У меня необычная кровь. У Юнис тоже. Она жизни спасала. Да, мне предлагали деньги, тысячи, миллион, даже не помню. За Юнис. Я что, сутенер какой? Сказал им засунуть эти деньги в...

— Ваша честь, прошу призвать свидетеля к порядку.

— Он дает вполне вразумительный ответ на ваш вопрос. Продолжайте, мистер Бранка. Вам предлагали деньги. За что?

— А, ну, у Юнис был начальник. Мистер Смит. Иоганн Смит. Богатый настолько, что даже срал в золотой горшок. Но он был при смерти, сечете? Только врачи не давали ему

умереть. Бедняга. И у него тоже была редкая кровь. Как у нас с Юнис. Ну я и говорю — пускай берет тело Юнис, ей-то оно уже незачем, но денег мне за это не надо. Тогда мы с его адвокатом мистером Джейком Саломоном замутили другую штуку. Он вошел в мое положение и помог. Мы организовали Фонд имени Юнис Эванс Бранки, чтобы люди с редкой группой крови могли получать ее бесплатно. Все деньги пошли в Клуб редкой крови. Спросите мистера Саломона, он знает. Я... не взял... ни фримпанного цента!

(«Джейк, он даже не смотрит в мою сторону». — «Накинь чадру и поплачь».)

— Есть у адвоката истец еще вопросы к свидетелю?

— Нет, ваша честь. Передаю слово коллеге.

— Вопросов нет, ваша честь.

— Кто-нибудь из адвокатов хочет задать вопросы свидетелю позднее? Мы разбираем не уголовное дело, и посему суд не устанавливает жесткие рамки допроса свидетелей. Отклонения от протокола допустимы.

— Истицы не нуждаются в дальнейшей помощи свидетеля.

— Никаких вопросов, ваша честь. Ни сейчас, ни потом.

— Хорошо. Суд возобновит слушание завтра в десять утра. Приставу поручается доставить свидетеля домой или куда тот пожелает, а также защищать его от чрезмерно назойливых лиц. Позволю заметить, Ивлин, что его уже достаточно измучили.

— Судья, можно мне добавить?

— Прошу, мистер Бранка.

— Этот сраный адвокат — не мистер Саломон, а другой — очень любит шастать по ночам. Рано или поздно он забредет в Птичье Гнездо.

— Мистер Бранка, зал суда — не место для угроз.

— Судья, это не угроза, а пророчество. Я никому вреда не причиню, но у Юнис было много *разных* друзей.

— Ваше замечание учтено. Мистер Бранка, вы свободны. Ваше дальнейшее присутствие на заседаниях не требуется. Прошу судебного секретаря забрать вещественные доказательства, а пристава — обеспечить охрану порядка. Всем разойтись.

— Всем встать!

— ...с превеликим уважением к квалификации моего заслуженного коллеги, не могу не отметить, что его высказывания — отъявленная чушь. В качестве доказательства процитирую статью этого великого ученого от тысячи девятьсот семьдесят шестого года: «Понятие „личности“ — лишь отзвук порождения донаучного вымысла. Любые природные феномены полностью объясняются законами биохимии, например...»

— ...даже экзистенциальная феноменология основывается на телеологическом базисе, поэтому соглашусь, однако глубокое изучение диалектического материализма неопровержимо доказывает любому, за исключением безнадежно предвзятых...

— ...не забываете, кто здесь главный!

— ...неродившийся ребенок — не личность, а зародышевая протоплазменная структура, в благоприятных условиях способная стать...

— ...математические законы наследственности учитывают любые события, ошибочно называемые...

— ...говоря понятным всем присутствующим языком, «Отче! прости им, ибо не ведают, что творят».

— ...мы были чрезвычайно поражены, узнав, что судья являлся собратом Иоганна С. Б. Смита по студенческому обществу. Эти конспиративные отношения могут быть подтверждены записями в открытых источниках, и я требую, чтобы это было принято во внимание на сегодняшнем судебном процессе, а также на всех последующих. Также я требую, чтобы защитник противоположной стороны признал этот факт.

— Мы признаем его.

(«Джейк, как они узнали?» — «Мы сами сделали вброс. Алек постарался вчера вечером. Лучше сразу внести это в протокол, чем потом отвечать на апелляции».)

— Ага! В таком случае этот факт ставит под сомнение непредвзятость судьи, и истицы требуют, чтобы тот сложил с себя полномочия и признал, что судебный процесс проходил с нарушением закона.

(«Джейк, кажется, нас прижали к стенке. Я люблю Мака и Алека, но это сравнимо с обнаружением родинки у про-

павшего наследника». — «Нет, дорогая. Успешный человек за свою жизнь обзаводится связями со множеством других успешных людей. Если бы не выяснилось, что вы с Маком состояли в одном братстве, нашлась бы какая-нибудь не менее, а то и более близкая связь. Скольких верховных судей ты знаешь?» — «Кажется, пятерых». — «Теперь понимаешь? На верху пирамиды все друг друга знают».)

(И спят друг с другом.) (Юнис, помолчи!)

— Как интересно. Мне хотелось бы просветить представителя истиц в законах. Вы дважды употребили словосочетание «судебный процесс» и утверждаете, что он проходил с нарушениями. А помните ли вы, что у нас не судебное разбирательство? И даже не спор; всего-навсего расследование с целью установить личность девушки, именующей себя «мисс Смит». Она ни в чем не обвиняется, против нее не подано гражданских исков; лишь ее личность поставлена под сомнение истицами, движимыми личными интересами. Суд выступает посредником в этом расследовании, оказывает посильную помощь в улаживании недопонимания. Никакого судебного процесса в помине нет.

— Признаю свою ошибку, ваша честь.

— Впредь будьте осторожнее в выборе слов. Если процесса нет, то и нарушений в нем быть не может. Согласны?

— Ваша честь, позвольте выбрать другие слова. Истицы считают, что с учетом выявленных обстоятельств *недопонимание* должен улаживать другой судья.

— Возможно. Но дело было вверено мне и останется в моем ведении, пока не будут предъявлены веские аргументы в пользу сложения моих полномочий. Вернемся к теме словоупотребления; вы использовали слово «конспиративно». На текущий момент суд не рассматривает вероятность того, что вы использовали это слово с целью проявить неуважение...

— Ваша честь, уверяю...

— Тихо! Не перебивайте. Оставим этот вопрос на потом, а сперва обсудим значение этого слова. «Конспиративно» — значит «тайно», «скрытно». Это слово имеет ярко выраженную негативную окраску и намекает на нелегальность действия. Скажите: можно ли узнать о нашей связи в справочнике «Кто есть кто»?

— Безусловно, ваша честь. Там мы это и обнаружили.

— Я знаю, что все братья с моего курса там есть. Полагаю, с Иоганном Себастьяном Бахом Смитом то же самое. Раз вы подтвердили, что сверялись со справочником, суд примет ваше заявление как есть и не потребует уточнений... но позвольте заметить, что между мной и мистером Смитом почти полувековая разница в возрасте и мы никак не могли одновременно быть действующими членами братства. Вы в курсе, что мы с Иоганном Смитом вместе состояли и в других организациях? В частности, Иоганн Смит был одним из основателей Гибралтарского клуба, в котором состою я, а также адвокат мисс Смит мистер Саломон... и даже вы. Сколько еще таких организаций?

— Гм... истицы не изучали этот вопрос.

— Как же так? Не сомневаюсь, что это было бы несложно выяснить. Вот, например, Красный Крест. Вероятно, Торговая палата. Вроде бы припоминаю, что мы одновременно с Иоганном Смитом курировали скаутское движение. Возможно, состояли в каких-то других братствах и наверняка входили в попечительские советы благотворительных и некоммерческих организаций, вместе или порознь. Кстати, вы ведь, как и я, член ордена Тайного святилища? Хотите это прокомментировать?

— Нет, ваша честь.

— Мы с вами наверняка тоже связаны различными братскими узами. Суд хочет отметить факт, что юристы, ввиду запрета на рекламу своей деятельности, куда больше простых обывателей склонны вступать в многочисленные организации — братства, сообщества, профессиональные и религиозные группы. Раз вы предпочли не высказываться о тех из них, в которых мы с вами вместе состоим, суд возьмет это на себя с последующим занесением в протокол. Теперь же, что касается сложения мной полномочий — уточните, по какой причине я должен это сделать? У вас есть перерыв на обдумывание. Десять минут. Учтите, что ваш ответ также будет внесен в протокол.

— Порядок! У защиты истиц было время на обдумывание.

— Истицы просят исключить из протокола все замечания относительно братских связей и тому подобного.

— Просьба отклоняется. Все, что внесено в протокол, останется в нем. А теперь поделитесь своими соображениями насчет моих полномочий.

— Ваша честь, когда я высказал свою точку зрения, то считал ее важной. Теперь я так не думаю.

— Раз вы высказались, у вас должны были быть для того основания. Я хочу их выслушать. Не стесняйтесь.

— Что же... если ваша честь настаивает. Не сочтите за неуважение, но вскрывшийся факт мог указывать на вероятность пристрастного отношения со стороны суда.

— Не сочту. Но ваш ответ слабо аргументирован. Пристрастного отношения к кому? К истицам? Из-за моих отношений с их дедом?

— Что? Нет, что вы, ваша честь. К мисс... к ответчику.

— То есть вы утверждаете, что она в самом деле Иоганн Себастьян Бах Смит?

(«Ничего себе! Джейк, с подачи Мака он сам укусил себя за хвост». — «Вот именно. Так кто кого к стенке прижал?»)

— Нет, ваша честь, этого я не утверждаю. Это как раз то утверждение, которое мы оспариваем.

— Вы сами себе противоречите. Если, как утверждают истицы, эта девушка не Иоганн Себастьян Бах Смит, то она не может быть членом никаких студенческих братств. Поэтому, согласно вашей теории, выходит, что она — Иоганн Себастьян Бах Смит. Вам стоило бы определиться.

— Боюсь, что моя логика меня подвела. Прошу снисхождения.

— Ничья логика не безупречна. Вы закончили? Можно приступать к опросу свидетелей?

— Закончил, ваша честь.

— Но, доктор Бойл, вы уверены, что удалили мозг из этого тела — этого трупа — и пересадили в тело той женщины?

— Старина, кончайте занудствовать. Вы слышали мой ответ.

— Ваша честь, истицы требуют помощи суда в перекрестном допросе.

— Суд требует от свидетеля отвечать на все вопросы в указанной форме.

— Судья, вам меня не запугать. Я не гражданин вашей милой страны и явился сюда по собственной воле. Теперь

я гражданин Китая. Ваш Госдепартамент гарантировал нашему Министерству иностранных дел мою полную неприкосновенность. Так что кончайте играть мускулами, ничего не выйдет. Вот мой паспорт. У меня дипломатический иммунитет.

— Доктор Бойл, суду это известно. Тем не менее раз уж вы оказались здесь — и, несомненно, пошли ради этого на большие издержки и пожертвовали вашим временем, — то должны предоставить доказательства, получить которые можно только от вас. Суд *просит* вас давать полные, четкие и понятные даже обывателю ответы на все заданные вопросы, даже если вам для этого придется повторяться. То, что вы сделали или знаете, может прямо или косвенно помочь в установлении личности этой женщины.

— Ладно, любезный, раз уж вы больше не *требуετε*... пройдемся по всему еще раз. Примерно год назад ко мне обратился вон тот старый хрен — извините, адвокат — мистер Джейкоб Саломон и попросил сделать то, что таблоиды называют «пересадкой мозга». Я согласился. Спустя некоторое время — об этом он вам расскажет лучше меня — я выполнил желаемое. Переместил мозг и некоторые вспомогательные органы из одного черепа в другой. Когда я уехал, этот мозг был жив.

Теперь о том, кому что принадлежало: донором мозга был дряхлый старик, донором тела — молодая женщина. Большого сказать не могу; прежде чем я вошел в операцию, тела были прикрыты стерильными простынями и подготовлены к операции. Скажу только одно: мужчина находился в плохом состоянии, был подключен к системе жизнеобеспечения. Женщине было еще хуже — она умерла в результате черепно-мозговой травмы. Кора головного мозга была серьезно повреждена... короче говоря, ей проломили череп и вышибли мозги. Мертвее не придумаешь, если не считать того, что ее тело поддерживалось в функциональном состоянии с помощью новейших устройств.

С помощью своей уникальной хирургической методики я удалил мозг и иже с ним из того мерзкого куса маринованного мяса, который вы можете лицезреть вон там. Вряд ли в мире есть другой хирург, способный это повторить. Я внимательно осмотрел труп и пришел к выводу, что опе-

рировал именно его, следовательно это должно быть то тело, для работы с которым меня нанял Саломон. Я не спутаю его с телами других своих пациентов.

Опознать женщину сложнее. Если ее побрить наголо, я могу попробовать опознать шрамы. Можно также сделать рентгеновский снимок черепа, чтобы проверить наличие протеза: тефлон хорошо виден на фоне кости. Но это не даст права утверждать однозначно; похожие шрамы могут остаться после любых операций, да и протез может быть установлен в результате совершенно другой трепанации.

— Доктор Бойл, предположим, что вы действительно удалили живой мозг из вещественного доказательства ИИ, трупа...

— Предположим? Я же сказал, что сделал это.

— Я не сомневаюсь в ваших показаниях, просто выражаюсь уместным в данной ситуации языком. Так вот, вы утверждаете это и то, что поместили мозг в тело молодой женщины. Осмотритесь и скажите, можете ли вы опознать это тело.

— Какой же вы все-таки зануда. Я не шаман и не профессиональный судья конкурсов красоты, я хирург. Сами опознавайте. Если эта женщина, а точнее, этот комбинированный человек с женским телом и мужским мозгом сейчас живет и здравствует, я об этом, несмотря на достаточные познания в судебной медицине и медицинской юриспруденции, судить не могу. Не пытайтесь заставить меня занудствовать так же, как вы; сегодня я не узнаю ее из десятка тысяч женщин аналогичного возраста, роста, веса, телосложения, цвета кожи и тому подобного. Вам доводилось видеть людей, готовящихся к подобным сложным операциям? Полагаю, нет, иначе вы не задавали бы таких дурацких вопросов. Уверяю, в таких условиях вы не узнали бы и собственную жену. Не пытайтесь склонить меня к лжесвидетельству; не на того напали.

— Ваша честь, истицы не находят этот ответ удовлетворительным.

— А суд находит. Свидетель говорит, что может опознать и опознает мужское тело, но не в силах опознать женское. Доктор, я не медик, но нахожу странной одну вещь: вы провели такую операцию, даже не поинтересовавшись личностью пациентов?

— Ваша честь, я о таких мелочах не задумываюсь. Мистер Саломон уверил меня, что, как принято говорить у вас в Америке, «все шито-крыто». То есть все бумаги легально оформлены, юридических нарушений нет и так далее. Я поверил ему и выполнил операцию. Он меня обманул? Мне следует ожидать экстрадиции после возвращения домой? Сомневаюсь, что это возможно; теперь я живу в стране, где ценят мой труд.

— Не думаю, что кто-то замышляет вашу экстрадицию. Вам намекали вот на что: в зале суда присутствует женщина, утверждающая, что она — тот самый «комбинированный человек». Вы не можете ее опознать?

— Могу, но не как свидетель, поклявшийся говорить только правду. Это вон та девушка рядом с Джейком Салоном. Как вы, дорогая? Бодренько?

— Весьма, доктор.

— Простите, что от меня мало толку. Я, конечно, мог бы опознать вас с точностью, но для этого мне пришлось бы отпилить вам верхушку черепа, достать мозг и посмотреть на его особенности. Но — ха-ха! — тогда уже от вас будет мало толку. Мне куда больше нравится видеть вас живым памятником моему таланту.

— Мне тоже, доктор. Не стоит извинений, я навеки вам благодарна.

— Ваша честь, это неподобающее поведение!

— Адвокат, позвольте *мне* об этом судить. В данных необычных обстоятельствах я разрешаю проявлять в суде дружеские чувства.

— Мисс Смит, мне было бы интересно осмотреть вас после заседания. Что называется, на память.

— Конечно, доктор! Для вас — все, что угодно. За исключением трепанации.

— Не волнуйтесь. Я вас послушаю и всякое такое. Завтра в десять утра устроит?

— Пришлю за вами машину к половине десятого. Или раньше, если вы согласитесь оказать мне честь и позавтракать со мной.

— Суд считает необходимым прервать вашу милую беседу. К сожалению, завтра в десять утра вы оба будете здесь. Время сегодняшнего заседания на исходе, и...

— Нет, ваша честь.

— Что, доктор Бойл?

— Говорю, «нет». Меня здесь завтра не будет. Сегодня в восемь вечера я выступаю на ужине у одного вашего мясницкого сообщества... Американской коллегии хирургов. Приблизительно до этого времени я в вашем распоряжении. Вы можете вызвать мисс Смит завтра утром, но не меня. Я как можно скорее возвращаюсь в старый добрый Китай. Там нет недостатка в подопытном материале. Не поверите, насколько сговорчивы заключенные-смертники. Тратить лишний день на дурацкие допросы я не собираюсь, но сегодня, так и быть, потерплю.

— Мм. Боюсь, суд вынужден признать, что это случай Магомета и горы... Хорошо, продолжаем заседание.

— Свидетель свободен. Есть у истиц еще свидетели?

— Нет, ваша честь.

— Представитель ответчицы?

— У мисс Иоганн Смит нет больше доказательств.

— Мистер Саломон, хотите аргументировать или подытожить факты?

— Нет, ваша честь. Они говорят сами за себя.

— Истицы?

— Ваша честь, вы намереваетесь закрыть вопрос *сегодня*?

— Пока не пойму. Процесс тянется долго и мучительно, и мне все ближе позиция доктора Бойла: закончить все и пойти домой. У обеих сторон не осталось ни свидетелей, ни доказательств, ни вопросов. Защитник ответчицы заявил, что отказывается от финального выступления. Адвокат истиц вправе это оспорить; на что мисс Смит имеет право подать протест, лично или через своего защитника. Мне хотелось бы устроить перерыв... после которого вы бы высказали все, что у вас на уме. Если сказать нечего, можем продолжить завтра утром. Вы можете попросить отложить слушание, но предупреждаю, что длительной отсрочки вам не видать. Суду надоели ваши постоянные затягивания и отвлекающие маневры, не говоря о граничащем с неуважительным поведении. Так чего вы желаете?

— С позволения суда, мы были бы рады продолжить сегодня вечером. Сколько времени нужно суду, чтобы отдохнуть и посоветоваться?

— Ответная речь окончена, и мы готовы вынести вердикт. Но сперва — заключение суда. Ввиду того что рассматриваемое дело является новым прецедентом в конституционном праве, в случае апелляции суд, согласно Постановлению о правах и обязанностях сторон от тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года, передаст дело в ведение Федерального апелляционного суда с рекомендацией как можно скорее перенаправить его в Верховный суд. Это не гарантировано, но есть детали, которые позволяют оценить вероятность такого поворота событий как высокую. Дело незаурядное.

Мы выслушали истцов, свидетелей и увидели вещественные доказательства, вследствие чего окончательный вердикт мог быть одним из четырех нижеследующих:

Иоганн Себастьян Бах Смит и Юнис Эванс Бранка живы;

Юнис жива, Иоганн мертв;

Юнис мертва, Иоганн жив;

Иоганн и Юнис мертвы.

Суд постановил — мисс Смит, прошу вас встать, — что находящийся перед нами человек — физиологическая комбинация тела Юнис Эванс Бранки и мозга Иоганна Себастьяна Баха Смита. Таким образом, согласно схожему прецеденту в деле «Семья Генри М. Парсонса против штата Род-Айленд» эта женщина — Иоганн Себастьян Бах Смит.

— Вы предлагаете мне ваше прекрасное тело? Простите, дорогуша, но женщины меня не интересуют. И мужчины тоже. Латекс, туфли на шпильках и прочие игрушки — тоже мимо. Мисс Смит, я садист. *Гениальный* садист, который еще в юности осознал, что у него два пути — стать хирургом или отправиться на виселицу. Вы наверняка слышали о сублимации. Я польщен вашим предложением; вы действительно прекрасны. Но принять его не могу.

(Ну вот, босс, вам и отказали. Урок, который должна усвоить каждая женщина. Так что припудрите носик и начинайте заново.) (Юнис, оно и к лучшему. Но он имел полное право на мое тело — если бы захотел.)

— Доктор Бойл, я ваша Галатея. Просите чего угодно — кроме трепанации. Я по-прежнему перед вами в долгу и сейчас предложила лишь символический первый платеж. Однако вы повели себя совсем не как австралиец. Да и разговор у вас не австралийский.

— А. Дорогуша, я — фальшивка. Из сиднейских трущоб я попал в училище для садистов — модную британскую школу-интернат, не первый сорт, но лучшую из «общедоступных». Затем в Лондонский университет, а далее — в компанию лучших хирургов мира. Одевайтесь. Мне пора. И вот еще что: снимете это ваше невероятное замедленное сальто на стерео? Для моего личного архива?

— Куда прислать запись?

— Спросите Джейка Саломона. Держите хвост пистолетом, милая, и живите долго и счастливо. Вы — мой шедевр.

— Постараюсь.

— Постарайтесь. Пока!

По слухам, в Пернамбуку приземлился неопознанный летающий объект в форме диска, прилетевшие на нем гуманоиды побывали в гостях у местных крестьян; официальное опровержение поступило в новостные агентства едва ли не раньше самого сообщения. Число лицензированных частных полицейских в Соединенных Штатах втрое превысило число государственных стражей порядка. Мисс Джоан, урожденная Иоганн Смит, получила более двух тысяч официальных предложений руки и сердца и еще больше неофициальных, сто восемьдесят семь писем с угрозами, неизвестное число посланий от вымогателей и четыре бомбы, из которых ни одна до нее не добралась, поскольку вся корреспонденция, согласно давним-давно составленному договору, шла через частную курьерскую службу «Меркурий». В одном бункере для вскрытия подозрительных посылок пришлось заменить манипуляторы, три остальные бомбы успешно обезвредили.

Старший почтовый инспектор умер от передозировки барбитуратов; его заместитель отказался от повышения в должности и ушел в отставку. В Олбани женщина произвела на свет «фавна»; крещение, смерть и кремация уложились в восемьдесят семь минут после родов. Цветов не было. Фотографий тоже. Интервью никто не давал, но священник написал об этом старому приятелю по семинарии. ФБР сообщило, что общий уровень рецидива преступлений составил около 71 %, в то время как тот же показатель по особо тяжким преступлениям — разбою, изнасилованиям, убийствам и покушениям на убийство — поднялся до 84 %. Занятия в Гарвардском университете по-прежнему не возобновились.

— Джейк, когда ты последний раз отказался на мне жениться, ты пообещал гулянку в случае победы в суде.

Мистер Саломон поставил на стол чашку:

— Восхитительный ланч, милая. Помнится, ты сказала тогда, что ночной клуб не заменит брачного контракта.

— Я не беру эти слова обратно. Но я не приставала к тебе насчет женитьбы с тех пор, как ты удостоил меня статуса первой наложницы. Стоп, стереть «первой». Понятия не имею, чем ты занимаешься вне дома. Какая разница, первая я или нет.

(Близняшка, не надо давить на мужчину, когда речь идет о сексе. Он совет.) (Кисонька, я не давлю на Джейка; я стараюсь замять тему. Он возьмет нас в ночной клуб, и мы нарядимся в то роскошное сине-золотое платье — надо выйти в нем в свет, а не только перед Винни прохаживаться.)

— Юнис, ты же не думаешь, будто у меня есть кто-то еще?

— Мне непозволительно иметь мнения на этот счет, сэр. Джейк, пока шли слушания, я почти не выходила из дому, разве что за покупками. Винни не сводит с меня глаз. Но раз мы победили, не вижу причин и дальше оставаться под замком. Погуляем вчетвером; возьмем тебе девочку, мне мальчика. Можешь вернуться пораньше и выспаться, если захочешь.

— По-твоему, я способен оставить тебя одну в ночном клубе?

— А что? Я могу развлекаться до самого утра, если захочу. Я свободна, мне больше двадцати одного года — господи, больше двадцати одного! — и я могу позволить себе лицензированный эскорт. А вот тебе не обязательно праздновать всю ночь. Вызовем кого-нибудь из эскорт-агентства «Золотая печать» и устроим вечеринку. Винни научила меня тому, что современная молодежь называет танцами, а я ее — настоящим танцам. Кстати, может, ты предпочтешь Винни случайной куклке из каталога? Она от тебя без ума.

— Юнис, ты всерьез собираешься нанять жиголо?

— Джейк, я ведь не замуж за него пойду. Даже спать с ним не буду. Пусть танцует со мной, улыбается, болтает — по цене услуг сантехника. Плохая идея?

— Я против.

— Раз ты против — клянусь, я охотнее подержалась бы за ручку с тобой, чем с парнем из эскорт-агентства, — тогда, может, вздремнешь? И я за компанию. Тебе помочь заснуть? Никакой горизонтальной гимнастики, только «мани хум». Хотя и гимнастикой можно заняться, если хочешь.

— Я еще не давал разрешения на гулянку. Юнис, праздновать пока нечего. Нужно дождаться решения Верховного суда.

— Как это нечего? Много чего! Дорогой, благодаря тебе я теперь официально я, ты больше не мой опекун, мои внуки проиграли по всем пунктам. Если не веселиться, по-

ка Верховный суд будет решать, мы можем так и помереть, не отпраздновав.

— Вздор! Ты знаешь, я собирался в Вашингтон. Договорюсь, чтобы все решилось как можно скорее. Потерпи.

— Мне надоело терпеть. Не сомневаюсь, ты все уладишь — когда ты не мог что-то уладить? К тому же там меня знают и будут ждать новых «пожертвований». Но что, если твой самолет разобьется?..

— Меня это не пугает. Если умирать, то именно так. Моя наследственность не позволяет надеяться на инфаркт, поэтому я рассчитывал на рак, но авиакатастрофа куда лучше, чем медленное неотвратимое умирание.

— Сэр, хватит тыкать меня носом в мою ошибку. Позволь мне закончить. Ты однажды сказал, что тебе осталось лет десять-двенадцать, а мне — не меньше полувека. Джейк, это не так. Предполагаемый срок *моей* жизни равен нулю.

— Юнис, что ты несешь?!

— Это правда. Правда, о которой ты предпочел забыть, а я помню и ценю каждую отведенную мне секунду. Я — результат трансплантации, Джейк. *Уникальной* трансплантации. Ко мне неприменима статистика; никто не знает и не в силах угадать, сколько мне осталось. Каждый день для меня как вечность. Джейк, любимый мой, я не пессимистка — я наслаждаюсь жизнью. В детстве мама научила меня одной молитве:

Ночью глазки закрываю,
Богу душу доверяю.
Если смерть во сне придет,
Пусть меня Господь возьмет.

Вот так, Джейк. Я не произносила эту молитву девяносто лет. Но теперь читаю каждый день... и спокойно ложусь спать, не волнуясь о завтрашнем дне.

(Лживая сучка! Близняшка, ты только «мани хум» повторяешь!) (Киска, какая разница? Важен смысл, который вкладываешь в молитву.)

— Джоан Юнис, ты ведь говорила, что не веришь в Бога. Зачем тогда читаешь детскую молитву?

— Если не ошибаюсь, я сказала, что была «спокойным агностиком» до своей кратковременной смерти. Я по-прежнему считаю себя агностиком — то есть ответить, есть ли

Бог, не могу, — но счастливым агностиком, убежденным, что мир по-своему хорош и у меня в этом мире есть предназначение, пусть я и не знаю какое. Смысл в молитву каждый вкладывает сам; это глубоко личный ритуал. Моя символизирует добрые намерения проживать каждый день, как прожила бы его Юнис: умиротворенно, радостно, не беспокоясь о будущем и о смерти. Джейк, ты сказал, тебя по-прежнему тревожит Паркинсон?

— Немного. Как юрист, я не вижу, за что еще он может зацепиться. Но как проныра — никому этого не говори! — заключивший достаточно закулисных сделок, я знаю, что даже в Верховном суде заседают не ангелы-судии, а простые смертные. Юнис, там пятеро честных людей... и четверо, у которых я бы даже поддержанную машину не купил. Вот только один из честных в старческом маразме. Посмотрим, чем дело кончится.

— Конечно, Джейк. Но не волнуйся из-за Парки. В худшем случае он меня разорит. Мне все равно; если у тебя больше денег, чем нужно для оплаты счетов, они становятся обузой. У меня достаточно сбережений, о которых неизвестно даже тебе. До них Парки не доберется, и с голоду я не умру. Я уже думать о нем забыла и тебе то же советую. Его погубит собственный низкий IQ.

Саломон усмехнулся:

— Хорошо, я попробую.

— А теперь займись своими делами и забудь, что я пыталась затащить тебя в ночной клуб.

(Близняшка, не стоило так быстро сдаваться...) (А я и не сдаюсь.)

— Юнис, если ты настаиваешь...

— Нет, Джейк! Не нужно себя заставлять! Я разведую здешние зланные места, пока ты в Вашингтоне. Обещаю, что всегда буду с охраной. Возьму Малыша; люди пугаются одного его роста. Для компании приглашу Винни и Алека с Маком; они намекали, что без труда могут улизнуть от своих жен.

— Юнис...

— Да, милый?

— Черта с два я уступлю тебя этим двум кобелям!

— Ревнуешь?!

— Нет. Упаси бог от этого мазохистского порока. Но раз уж ты хочешь увидеть изнанку этого муравейника, я узнаю, куда стоит ехать, и сам тебя отвезу. Собирайся, малышка, а я пойду стряхну моль со своего смокинга. Надень вечернее платье.

— А с голой грудью можно?

(А у тебя бы так получилось, кисонька?) (Ваша взяла, близняшка.)

— «Слишком хорошо для простонародья». Разве что ты основательно раскрасишься и густо усыплешь себя блестками.

— Я сделаю все, чтобы ты мог мной гордиться, дорогой. Но может, все-таки вздремнешь? Прошу тебя.

— Хорошо. Пускай ужин принесут в мою комнату. Час Ч — в двадцать ноль-ноль. Будь готова, или десантируемся без тебя.

— Ой боюсь! Помочь тебе уснуть? Или Винни попросить? А может, мы вместе?

— Не нужно; я уже научился делать это самостоятельно. С двумя красотками, конечно, веселее... но тебе самой нужно поспать. Ночь будет длинная.

— Слушаюсь, сэр!

— Тогда я пойду. — Мистер Саломон поднялся, склонился над рукой Джоан и поцеловал. — Адёё.

— Стой! Поцелуй меня как следует!

Он оглянулся:

— Позже, дорогая. Я считаю, что женским капризам потакать не следует.

И он ушел.

(Босс, а этот раунд кто выиграл?) (Джейк полагает, что он. Не будем его разубеждать — правильно, Юнис?) (А вы быстро учитесь, близняшка.)

Они пообедали в его гостиной. Джоан вернулась в будуар и села за стенографический столик, чтобы позвонить. У стенографического пульта не было видеофона, только обычный телефон — за это она его и выбрала. Приглушила звук и надела наушники.

Вскоре ей ответили:

— Кабинет доктора Гарсии.

— Говорит секретарь миссис Макинтайр. Доктор на месте? Миссис Макинтайр хотела бы с ним переговорить.

— Минутку, я спрошу.

Джоан провела минуту за чтением мантр и к моменту, когда доктор ответил, абсолютно успокоилась.

— Доктор Гарсия слушает.

— Это секретарь миссис Макинтайр. Доктор, вас не подслушивают?

— Разумеется, нет, Юнис.

— Роберто, дорогой, есть новости для меня?

— «Греки захватили Афины».

— О! Вы уверены?

— Никаких сомнений. Юнис, не паникуйте. Мы можем сделать вам аборт и выскабливание так, что никто не узнает. Я приглашу доктора Кистру, лучшего специалиста и абсолютно надежного человека. Обойдемся даже без медсестры; я сам буду ассистировать.

— Нет, Роберто, что вы! Дорогой, вы не поняли — я рожу этого ребенка, даже если это будет последним, что я делаю в жизни. Я так счастлива!

(Босс, милый, теперь нам действительно есть что отметить. Только Джейку не говорите.) (Никому не скажу. Еще рано. Когда живот станет заметен?) (Не раньше чем через несколько недель, если не будете жрать, как свинья.) (Хочу мороженого с солеными огурцами сию минуту!) (Не надо!)

Доктор неуверенно ответил:

— Кажется, я неверно истолковал ситуацию. Но вы так нервничали, когда я брал анализ.

— Еще бы. Я так боялась, что *не* залетела!

— Гм... Юнис, я чувствую за вас личную ответственность. Я знаю, что вы богаты, но в брачный контракт можно включить пункт, не позволяющий мужу поживиться вашими деньгами... короче говоря, я в вашем распоряжении.

— Роберто, это самое милое и самое бесцеремонное предложение, которое только могла получить беременная шлюха. Спасибо, дорогой, я это ценю. Но, как вы верно отметили, я богата, и мне плевать, что подумают соседи.

— Юнис, я не только готов принять на себя ответственность... я хочу, чтобы вы знали, что я делаю это не просто из чувства долга.

— Роберто, милый, это не ваша забота. Считайте, что я переспала с полком солдат. — (А мы пытались, близняш-

ка!) (Не мешай, милая, он хочет проявить благородство.) — Это *мой* ребенок; не важно, кто помог его зачать.

— Извините.

— Я лишь хочу сказать, что вам не следует возлагать на себя ответственность. Я благодарна вам за любую помощь. И даже за ее отсутствие. Роберто, вместо того чтобы жениться на мне как честный человек, лучше удалите из хорошенького бедра Винни тот имплант, вставьте ей другой имплант туда, где от него будет больше пользы... и женитесь *на ней* как честный человек. Это проще, да и она вряд ли будет против.

— Я думал об этом. Особенно в последнее время. Но она не хочет вас покидать.

— А ей и не нужно. Она может перестать прикидываться моей горничной. Дом у меня большой, свободных комнат много. Если она забеременеет от вас, нам будет что с ней обсуждать, да и родим мы почти одновременно. Я не стану вмешиваться в вашу жизнь. Еще два вопроса: сегодня я собираюсь отметить хорошие новости. Мне ограничиться безалкогольными напитками?

— Не обязательно. Вскоре вам придется ограничить алкоголь и сесть на диету, но сегодня можете хоть вдрызг напиться. Вам грозит тяжелое похмелье, и больше ничего. Пример миллионов женщин показывает, что ребенка так легко не потерять.

— Вдрызг не буду, но несколько бокалов шампанского выпью. Второй вопрос — вы можете улизнуть с работы и отпраздновать со мной? Официально — мою победу в суде. То, что греки захватили Афины, пусть пока останется в секрете.

— Ну...

— Дорогой, не смущайтесь.

— По правде говоря, у меня свидание с Винни.

— О, я неточно выразилась. У меня свидание с Джейком, и я надеюсь, что вы с Винни присоединитесь. Я не приглашала вас провести со мной ночь в этом смысле... хотя, безусловно, не отказалась бы, если бы такое удалось провернуть, не огорчив Винни. Наши сладкие мгновения наедине были так коротки, а ведь с вами так приятно проводить время.

— С вами тоже, Юнис.

— Вы наверняка говорите это всем пациенткам. Доктор, милый, вы восхитительный жеребец. Подождете минут десять, прежде чем звонить Винни? Мне нужно кое о чем ее попросить.

— Подожду.

— Спасибо, Роберто. До встречи.

Джоан переключилась на внутренний телефон:

— Винни, милая, ты занята?

— Читаю. Сейчас приду.

Джоан встретила ее у двери:

— Не волнуйся, сладкая моя, я просто хотела, чтобы ты сообщила О'Нилу, что я хочу поговорить с Финчли. У себя в гостиной. Я бы и сама позвонила, но хочу, чтобы все выглядело официально.

— Конечно, Джоани. Мне остаться при вас?

— Винни, ты ведь знаешь, мне нужно, чтобы ты лишь создавала видимость присмотра и изредка стояла на стреме. В этот раз стоять на стреме не нужно, но мне бы хотелось поговорить с Финчли с глазу на глаз. Он разговорчивее, когда тебя рядом нет. Проводи его в гостиную, сообщи мне и иди в свою комнату. Дверь запири и жди телефонного звонка минут через восемь.

— Какого звонка?

— Приятного. Мы с тобой, Джейком и доктором Гарсией идем сегодня в ночной клуб.

— Ой!

— А когда вернемся, не отпускай его до утра. Я позабочусь, чтобы Джейк не пронюхал. Или он знает, кто такой «Боб»?

— Ох... знает. Я ему рассказала.

— Так или иначе, немного конспирации не помешает; мужчины стеснительны. А теперь беги и звони О'Нилу.

Спустя четыре минуты Винни объявила о приходе Финчли и ушла к себе в комнату.

— Вызывали, мисс? — спросил тот.

— Котик, двери звуконепроницаемы, так что отбрось формальности.

Финчли расслабился:

— Хорошо, киска.

— Поцелуй меня и садись. Дверь в коридор запирается автоматически. Нам может помешать только Винни, но не станет.

— Киска, ты умеешь меня взволновать.

— Ерунда. — Джоан бросилась в его объятия. — Хочу спросить тебя кое-что. Нужен совет. Можешь обсудить это с О'Нилом или другими ребятами, но ответ дай сам. Обсуждение — для прикрытия.

— Женщина, хватит болтать. Покажи-ка язычок.

Джоан крепко поцеловала его. Наконец он выдохнул и сказал хриплым голосом:

— На тебе почти ничего не надето.

— Вообще ничего, если не считать халата. Котус Томас, не отвлекай меня. Выслушай вопрос. Сегодня я еду в ночной клуб с Джейком, Винни и доктором Гарсией. Они потащат нас в какое-нибудь скучное место, а я хочу оторваться по полной. Думаю, ты знаешь такие места.

— Гм... Юнис, все улетные места — в опасных районах.

— Но внутри-то безопасно? И добраться туда можно?

— Ну... есть один клуб с собственной парковкой и пуленепробиваемыми дверями. Я спрошу ребят и составлю список. Свой вариант помечу.

— Отлично. Спасибо, котик.

— Ух, с тобой так хорошо. Есть время? Можно запереть другую дверь?

— Раз я не волнуюсь из-за Винни, то и тебе незачем. Возьми подушку и клади меня на пол.

Компания собралась в гостиной Джоан. Джейк Саломон нарядился старомодно: бордовый смокинг и брюки, белая рубашка. Золотой анх прекрасно смотрелся на фоне белого шелка. Наряд доктора Гарсии был столь же парадным, но в современном стиле: смело подложенные алые лосины и подогнанный по фигуре белый обеденный китель с жемчужным жабо и черным кружевом. Винифред надела новый изумрудный комплект с длинной юбкой в пол — никакой раскраски, как и советовала Джоан, если не считать естественного румянца, который окрашивал ее кожу во всевозможные оттенки розового. На лбу, словно отличительный знак касты, красовался изумруд.

Джейк окинул ее взглядом:

— Малышка, на чем держится эта штука? На страховке?

Винни смутилась, но ответила шутливо:

— На резьбе, сэр. Отвинтить и показать?

— Не стоит, вдруг ты всерьез?

— Только не в смешанной компании, сэр. На самом деле я воспользовалась клейким веществом, как при наложении повязок. Отвалится, только если спиртом капнуть. Вода с мылом не поможет.

— Тогда постарайся не облиться спиртным.

— О, я не пью. Алкоголь плохо на меня действует. Ограничусь «Кубой либре» без рома и «отверткой» без водки.

— Доктор, давайте оставим ее дома. Она весь праздник нам испортит.

— Сэр, вы правда хотите оставить меня только потому, что я не пью?

— Еще раз назовешь меня «сэр», точно оставлю. Винифред, мужчинам не нравится, когда им напоминают об их возрасте. Особенно юные симпатичные девушки. После захода солнца я просто Джейк.

— Да, сэр, — смиренно ответила Винифред.

Джейк тяжело вздохнул:

— Доктор, надеюсь хоть когда-нибудь сумею переспорить женщину.

— Если у вас это получится, немедленно сообщите доктору Розенталю. Роза пишет книгу о различиях мыслительного процесса мужчин и женщин.

— Мечтатель. Юнис, встань-ка. Кажется, эта штука, что на тебе, выглядит чуть менее откровенно, когда ты стоишь.

— Джейк, это хула, полинезийская юбка. Она действительно прикрывает чуть больше в вертикальном положении.

На Джоан Юнис была длинная, до пола, юбка, сплетенная из тысяч золотых и темно-синих нитей; грудь и живот покрывало множество мерцающих звезд, тускнеющих по мере приближения к шее.

Когда она сидела, нити струились по ее стройным ногам. Когда она встала, они превратились в плотный занавес.

— Видишь, Джейк? Обычная золотая юбка. Но стоит мне пошевелиться... — она сделала несколько шагов, — как снизу начинает проглядывать синева.

— И некоторые детали тебя. Ты не забыла трусики?

— Что за непристойный вопрос? Полинезийцы слыхом не слыхивали о трусах, пока до них не добрались миссионеры.

— Это не ответ...

— А я и не собираюсь отвечать.

— ...но раз уж ты встала, давай выходить.

— Хорошо, дорогой.

Джоан Юнис надела полупрозрачную чадру в тон юбке. Джейк накинул ей на плечи вечерний плащ, а сам нацепил на свой выразительный орлиный нос бордовую полумаску. В последнее время он так часто мелькал в телевизионных новостях, что скрывать личность мисс И. С. Б. Смит не имело смысла, если не скрыть и свою собственную. Чтобы соответствовать, доктор надел маленькую белую маску, а Винифред — тускло-зеленую гаремную вуаль из того же материала, что и юбка.

Войдя в лифт, Джоан Юнис спросила:

— Джейк, куда едем?

— Не задавай вопросов, женщина. Для начала — в клуб «Газовый фонарь».

— Годится, — кивнула Джоан. — Там будет пианист в подтяжках и все такое?

— А еще в шляпе-котелке и с фальшивой сигарой в зубах. Сыграет и споет любую песню столетней давности. Или ее подобие.

— Не терпится услышать. Но, Джейк, раз мы празднуем мое ухуру¹, можешь сделать мне одно маленькое одолжение?

— Посмотрим. Что у тебя на уме?

— Я слышала об одном клубе... и, пока ты дремал, заказала там столик на половину одиннадцатого. Хочу там побывать.

— Винни, ты плохо за ней присматриваешь. Юнис, тебе не положено принимать такие решения. «Пыль под моей колесницей» и так далее... Ладно, где там этот притон? Как он называется? В «Газовый фонарь» съездим потом; хочу посмотреть на тамошнюю официантку, у которой, по слухам, самая хватательная попка во всем штате.

¹ Свобода (суахили).

— Чушь. Это звание принадлежит Винни, а у официантки зад наверняка накладной поролоновый. Клуб называется «Современные Помпеи»... сейчас достану бумажку с адресом.

Из-под маски Джейка вздернулись брови.

— Не нужно. Юнис, это в Заброшенной зоне.

— И что? У них своя парковка и бронированные двери, не способные защитить разве что от ядерного удара.

— А про дорогу туда и обратно ты подумала?

— Я уверена в Финчли и Малыше. А ты?

(Близняшка, это удар ниже пояса. Зря вы так.) (Хочешь поехать в этот «Фонарь», старшая сестра, и весь вечер смотреть, как Джейк хватает официанток за задницы под плохую фортепианную музыку? Если да, то так и скажи.) (Просто говорю, что зря вы так с ним.) (Тогда придумай, что сказать ему дальше. Джейк — крепкий орешек.)

— Джоан Юнис, я вожу девушек на свидания в *своей* машине, а не в их.

— Как тебе угодно. Я лишь хотела оказать посильную помощь. Финчли сказал, что знает дорогу, которую не контролирует эта, как ее... Организация? Пускай Рокфорд у него спросит.

— Я предпочитаю называть эту организацию мафией. Если там есть относительно безопасный маршрут, Рокфорд и сам о нем знает. Во всем городе нет шофера опытнее; он ездит куда больше, чем твои ребята.

— Джейк, я вижу, что тебе туда не хочется. Поехали в «Фонарь». Подложу кнопку под эту надувную попку.

В конце концов они поехали в «Современные Помпеи».

Попасть внутрь не составило труда. В клубе имелся даже отдельный зал с карточными столами для охранников гостей. Метрдотель усадил компанию за удобный столик напротив оркестра и снял табличку «забронировано».

— Вас все устраивает, мистер Джонс?

— Вполне, — ответил Саломон.

В мгновение ока на столе появилось два серебристых ведерка с шампанским; метрдотель взял бутылку у сомелье и продемонстрировал Саломону. Тот сказал:

— Плохой год для «Поль Роже». Есть у вас «Дом Периньон» девяносто пятого?

— Сию минуту, сэр. — Сомелье поспешно ретировался.

Метрдотель спросил:

— Что-нибудь еще, сэр?

Джоан Юнис шепнула Джейку на ухо:

— Скажи, что мне не нравится стул. Его сам Торквемада делал.

Метрдотель огорчился:

— Мне жаль, что мадам не нравятся наши стулья. Они предоставлены ведущим производителем гостиничной и ресторанной мебели.

— Уверена, что так и есть, — ответила Джоан, — но я не собираюсь целый вечер сидеть на колу и притворяться, будто это весело. Джейк, нам все же стоило поехать в «Фонарь»...

— Возможно, но раз уж мы здесь... Милая, подожди минутку. Метрдотель?

— Да, сэр?

— У вас ведь наверняка есть офис? Прямо здесь?

— Да, сэр.

— А там наверняка есть стол и вращающийся стул с подлокотниками и регулируемой спинкой? Человеку, почти все время проводящему на ногах, просто необходим такой стул.

— Такой стул есть. Сэр, он не слишком подходит к интерьеру ресторана, но, если мадам желает, его можно принести. Я пошлю за ним.

— Секунду. Ваш клуб многофункционален; в нем есть и казино, и другие развлечения. Наверняка у вас найдется четыре таких стула?

— Гм. Сэр, я поищу. Однако другим клиентам может не понравиться, что мы предоставили специальные стулья для одного столика.

Мистер Саломон огляделся. Ресторан был наполовину пуст.

— Если кто-то еще захочет заменить стулья, просто скажите, что такая услуга стоит очень больших денег. Им сразу расхочется. А если нет, то за такие деньги вы легко найдете еще стулья. В крайнем случае с возмутителем спокойствия разберутся вон те ваши охранники, что притворяются официантами.

— Они не притворяются. Весь наш персонал одновременно и охрана. Хорошо, сэр, потерпите несколько минут,

и вам принесут кабинетные стулья. — Оставив на столике винные и наркотические карты, метрдотель ретировался.

Роберто и Винифред тут же отправились танцевать. Джоан снова шепнула Джейку:

— Может, купишь для меня это заведение?

— Тебе здесь так нравится?

— Нет, просто хочу устроить большой костер из этих стульев. Совсем позабыла, каким мучениям могут подвергнуть своих гостей ночные клубы.

— Какая же ты привереда.

— Стараюсь. Джейк, многое в нашем мире изменилось бы к лучшему, если бы каждый не стеснялся возражать, когда его обманывают. В одну ночь мир не переделать, но удобный стул раздобыть можно. За те деньги, что здесь берут просто за вход, — я узнала сумму, когда бронировала столик на «мистера Джонса», — можно очень хороший стул купить. Какие, говоришь, здесь еще развлечения? Может, бордель?

— Юнис, видишь вон те столики в углу, за которыми сидят симпатичные молодые люди? Юноши, девушки, все улыбчивые, у каждого бокал, в котором вместо шампанского наверняка лимонад? Готов поспорить, что они продаются.

— Да одной девочке там не больше двенадцати!

— Думаю, меньше. Кто в Заброшенной зоне станет проверять ее возраст? Ты ведь, кажется, не собиралась менять мир за одну ночь?

— И не собираюсь. Если у правительства не получается навести здесь порядок, у меня тем более не выйдет. Просто мне противно видеть, как эксплуатируют детей.

(Сестренка, у этой милой девочки, вероятно, IQ не больше восьмидесяти. Ничего лучше ей в жизни не светит, и она, должно быть, думает, что ей повезло. Гордится своей «работой». К тому ж у нее наверняка стоит предохранительный имплант или вообще трубы иссечены, не то что у той девушки из группы поддержки, о которой я рассказывала.) (Юнис, неужели тебя это ничуть не волнует?) (Не слишком. Люди редко занимаются тем, что им не нравится. Я поняла это благодаря Джо. Держу пари, что одна из других красоток — ее мать. Хотите спасти обеих?) (Дорогая, помолчи. Давай веселиться.) (С радостью.)

Подошла официантка и наполнила их бокалы. Она была хорошенькая, одетая только в сандалии, макияж и собственную тщательно депилированную кожу. Улыбнувшись, она направилась дальше.

— Джейк, она тоже на две ставки работает?

— Откуда мне знать? Я здесь не бывал. Шокирована, Юнис? Я ведь предупреждал насчет этого заведения.

— Шокирована, что она совсем голая? Джейк, милый, ты забываешь, что мое поколение не смущает нагота.

— Хррр! Ляпнешь подобное еще раз, буду до конца вечера звать тебя Иоганном.

— Хорошо, обещаю слушаться. Если получится. Милый, наша официантка внезапно напомнила мне о Честерфилдском клубе. Канзас-сити в самый расцвет «Машины Пендергаста». Тысяча девятьсот тридцать четвертый.

— Юнис, в тридцать четвертом я только из пеленок вылез. Он был похож на этот?

— Чуть меньше показного шика и цены пониже, даже если учитывать инфляцию. В остальном — почти то же самое. Даже в разгар дня бизнес-ланчи обслуживали голые официантки. А в соседнем здании располагался Центральный банк. Джейк, она возвращается. Выясни для меня.

— Как? Я даже комплимент для нее придумать не могу.

— Просто спроси, можно ли ее снять. Дай ей десятку, чтобы не обиделась.

Официантка вернулась и с улыбкой спросила:

— Вы уже ознакомились с нашей наркотической картой? У нас есть все нелегальные наркотики по цене всего на двадцать процентов выше международной. Все они получены из правительственных источников, поэтому чистота гарантирована.

— Спасибо, красавица, но я воздержусь. Юнис? Хочешь чего-нибудь нюхнуть?

— Я даже аспирин не принимаю. А вот еще шампанского не повредит. И какой-нибудь сэндвич. Чикита, у вас готовят?

— Конечно, мэм; у нас прекрасный шеф-повар. Готовит все, от закусок до омаров. Принести меню?

— Не нужно. Тарелку сэндвичей на всех. Джейк, не забудь, о чем я тебя просила.

Джейк достал десятидолларовую купюру. Та быстро исчезла, и Джоан решила, что девица, должно быть, свернула ее в трубочку и спрятала в руке. Джейк что-то ей шепнул.

Официантка ответила вслух:

— Нет, сэр, мне даже танцевать с гостями не позволено. К тому же я замужем. Но я могу прислать вам девочку. — Официантка взглянула в сторону «симпатичной молодежи» в углу. — Только для вас, сэр, или для вас обоих?

— Не надо, — ответил Джейк. — Я просто полюбопытствовал.

— Это я полюбопытствовала, — перебила Джоан. — Простите, милочка, мне не следовало просить его сделать это за меня.

— Мэм, я готова отвечать на любые вопросы щедрых клиентов. Особенно если это поможет прокормить детей, — улыбнулась она. — У меня близнецы. Мальчики. Им два года. У меня было разрешение на двоих детей, и теперь я воюю с комитетом. Они утверждают, что я использовала квоту, но при этом не штрафуют тех, у кого рождается двойня при разрешении только на одного ребенка. Мне бы хотелось девочку.

— Джейк, побудь еще раз щедрым, я хочу еще кое-что спросить нашу... — Джоан присмотрелась к вытатуированному над левой грудью официантки имени, — Мари.

— Мэм, вы заплатили достаточно, чтобы спрашивать сколько угодно, — ответила официантка, но вторая купюра тем не менее исчезла столь же быстро, как и первая.

— Мари, вы с детьми прямо в этой зоне живете?

— Что вы! Муж бы никогда такого не позволил. Езжу на бронированном автобусе — вечером сюда, утром обратно. Почти весь персонал так ездит. Кроме... — Она мотнула головой в сторону угла. — Мой муж тоже в ночную смену работает, на подшипниковом заводе. Графики у нас совпадают.

— А за детьми кто по ночам приглядывает? Няня?

— Нет, моя мама. Серьезно. Скажу честно — моя работа мне по душе. Я прежде работала обычной официанткой, в униформе и тому подобное; было тяжелее, платили меньше. Здесь я почти не устаю, да и чаевые хорошие получаю. Даже если кто-нибудь напьется и захочет меня облапать, ни-

чего страшного. Пьяные обычно больше всех чаевых оставляют, а охрана следит, чтобы они не перегибали палку. — Она улыбнулась Джоан. — Мэм, вас бы сюда в два счета взяли. Требований тут два: вежливость и хорошая фигура. У вас и то и другое есть.

— Спасибо, Мари.

— Мне пора обслужить новых гостей. Сэндвичи скоро будут готовы.

Девушка ушла. Джоан спросила Джейка:

— По-твоему, она нашла свое призвание?

— Похоже. По крайней мере, до тех пор, пока сможет держать форму и не разбрасываться деньгами. Это нелегальная работа; пенсию ей не начисляют.

— Значит, и подоходный налог она не платит?

— Еще чего! Налоговикам плевать, официальная у нее работа или нет. Но она наверняка утаивает большую часть дохода. Я бы на ее месте так и делал. Хочешь потанцевать?

— Джейк, я думала, ты не танцуешь.

— Современные танцы. Но танцевать я умею. Интересно, здешний ансамбль может сыграть рок? В современной музыке совсем нет ритма, не понимаю, за что ее называют танцевальной. Подо что там танцевать?

Джоан усмехнулась:

— Я настолько старше тебя, что терпеть не могу рок. То ли дело свинг. Начиная с классического и заканчивая баннихагом... правда, танцевать я умею только фокстрот.

— Фокстрот и я умею. Я его еще застал. Но вряд ли эта шайка в состоянии его сыграть. Юнис, а как насчет танго?

— С удовольствием! Меня научили танцевать танго, еще когда Айрин Касл была жива, а с новым телом я станцую в десять раз лучше, чем тогда. Я и Винни понемногу учу. Ты уверенно ведешь?

— Для тебя будет достаточно, красотка. Сейчас позову метрдотеля, узнаю, могут ли для нас сыграть. Танго — единственный танец, который пережил все более свежие веяния моды.

— Согласна. Танго, если его правильно танцевать, настолько сексуальный танец, что после него пара просто обязана пожениться. Узнай, вдруг сыграют.

Но тут их прервали грузчики, появившиеся с четырьмя вращающимися стульями. Джоан из вежливости решила не-

много посидеть на новом стуле, раз уж она подняла скандал. Вскоре прибыли сэндвичи и шампанское; Джоан поняла, что ей хочется и того и другого. Шампанского — чтобы немного повеселеть, а сэндвичей — чтобы повеселеть не слишком сильно и быстро. За столик вернулись Роберто и Винифред. Винни воскликнула:

— Еда! Прощай, талия! Боб, ты не разлюбишь меня, если я растолстею?

— Как знать. Давай проэкспериментируем и узнаем? — ответил он, протягивая одну руку за сэндвичем, а другую — за бокалом.

— Винни, вылей эту дрянную колу и плесни себе шампанского.

— Джоани, мне нельзя. Для меня это плохо кончается.

— Но на этот раз будет закуска. И не будет других опасностей.

Винни покраснела:

— Если я запьянею, то стану вести себя глупо.

— Роберто, пообещайте бедной девочке, что отвезете ее домой, если ей станет дурно?

(А у нас дома безопасно, близняшка? Мне казалось, что на нем хоть красный фонарь вывешивай.) (Юнис, какой вздор! Наш мужчина отказывается на нас жениться, так что мне теперь делать? Я отдаюсь только тем мужчинам, которых уважаю. Это компенсация за все прошлые годы. Мне почти девяносто пять, я здорова, беременна, я не способна никому причинить физического вреда и не стану никому причинять морального... уязвлять чью-то гордость или еще что. Почему мне нельзя быть «давалкой Смит»?) («Эта женщина слишком щедра на уверения, по-моему». Босс, ваш Библейский пояс снова вас душит. Секс, безусловно, не грех, но вы в это не верите.) (Верю! Давно верю, всю жизнь! Я так стараюсь тебе угодить. Зачем ты все время норовишь меня уколоть?) (Милый босс, вы непревзойденный мастер жонглирования яйцами, и этот процесс доставляет мне невероятное удовольствие. Надеюсь, вам тоже.) (Конечно. Такое, что я боюсь потерять рассудок. Точнее, осторожность. Юнис, кто бы мог подумать, что быть женщиной настолько приятнее? А я теперь *всецело* женщина.)

Кабаре понемногу заполнялось; зажглись прожекторы, и началось шоу. Выступали два комика. Джоан немного

послушала их, делая вид, будто ей весело, и стала развлекать сама себя, вспоминая, как давно впервые услышала их «новые» шутки. Во всем выступлении оказалось лишь одно новшество — исчезли «похабные» анекдоты времен ее (его) молодости. «Похабные» анекдоты строились на шоке от нарушения табу и умерли вместе с исчезновением запретов. О сексе комики шутили много, — в конце концов, что может быть смешнее секса? Однако создать настоящую комедию трудно; просто шокировать было куда проще.

Тем не менее Джоан проводила комиков аплодисментами. Свет погас, и через мгновение танцпол превратился в подобие фермерского двора. Техническое волшебство, благодаря которому это стало возможным, заинтересовало Джоан куда больше, чем комики.

Декорации сопровождали старую (если не старейшую) историю про секс. Костюмы и персонажи также были архаичными: Фермер, Фермерская дочка, Городской хлыщ с пачкой стодолларовых купюр. Пантомима разыгрывалась в сопровождении оркестра.

Джоан шепнула Джейку:

— Если это фермерская дочка, то я — Адольф Гитлер.

— Дорогая, да что ты знаешь о фермах?

— Достаточно для городского жителя. В детстве почти каждое мое лето проходило на ферме. В старшей школе и колледже мы ездили на уборку урожая — платили хорошо, да и с деревенскими девчушками можно было покувыркаться. У меня крестьянская душа... мне всегда хотелось навалить самую огромную навозную кучу в штате, и ведь удалось — разве что куча оказалась из денег. Джейк, а давай купим заброшенную ферму? Небольшую, простенькую, со рвом и подъемным мостом, а также с собственным генератором и водопроводом? Уберемся из этого умирающего города?

— Как скажешь, милая. Тебе скучно? Поедем в другое место?

— Невежливо уходить посреди представления, дорогой. (Интересно, как они будут изображать секс.) (Мне тоже!)

К их удивлению, актеры ничего не изображали. При виде денег Фермерская дочка сперва возмутилась, потом замялась и в конце концов согласилась на совокупление в стогу

сена — и актеры сделали все, чтобы аудитория видела, что они не притворяются. Винифред, заливаясь краской, не сводила с действия глаз.

Финал оказался для Джоан—Иоганна неожиданным. Любовники стали двигаться все активнее, оркестр аккомпанировал их стонам и вздохам, и тут, как ожидалось, появился Фермер с вилами. Вдруг сено загорелось — вероятно, от фрикций, и Фермер, выронив вилы, схватил удачно оказавшуюся под рукой бутылку минералки и облил Дочку с Хлыщом, метя в предполагаемый источник огня. Джоан решила, что это достойно аплодисментов. Винни нерешительно присоединилась к ней, потом, когда заплодировал и Роберто, захлопала от всей души. Джейк тоже, но его быстро прервали.

— Рокфорд, в чем дело?

Джоан удивленно обернулась. Шофер-телохранитель Джейка был заметно взволнован.

— Мистер Саломон... нужно поговорить.

— Так говори.

— Ух... — Рокфорд понизил голос, чтобы его мог слышать только хозяин, но Джоан прочитала по губам: — Нашего отморозка Чарли убили.

— Господи! Где? Как?

— Только что. В зале для охранников. Мы не пили, правда запрещают. Играли в покер; Чарли постоянно задевал одного поляка. Сам напросился. Я просил его прекратить, но он не послушался. Поляк разозлился, но держался до последнего. Чарли от него не отстал, ну и... короче, этот поляк взял и свернул ему шею. Я не успел вмешаться, — объяснил Рокфорд. — Босс, раз уж мы здесь... может, лучше будет просто выкинуть его где-нибудь?

— Не неси чепуху. Нужно составить рапорт и отвезти тело в морг. Рокки, он ведь по условно-досрочному вышел, а я его надзиратель.

— Что, если вы ничего не знали? Скажем, что он сбежал.

— Заткнись. — Саломон повернулся к Джоан. — Дорогая, мне очень жаль.

— Джейк, зря я потащила тебя в Заброшенную зону.

— Ты ни при чем. Чарли был прирожденным убийцей. Рокфорд, позови метрдотеля. А лучше сразу управляющего.

Друзья — Боб, Винни, — оставайтесь здесь, мне нужно кое-что уладить.

Гарсия ответил:

— Я все слышал. Джейк, я пойду с вами. Вынесу заключение о смерти — чем раньше это сделать, тем лучше.

— А с девочками кто останется?

Джоан взяла Джейка за руку:

— Джейк, нам с Винни ничто не угрожает. Здесь полно охраны. Мне нужно припудрить носик, да и Винни, возможно, тоже. Винни, пойдем?

На этом вечеринка закончилась, но домой они смогли вернуться лишь через два часа. Пришлось уладить множество нудных формальностей. Доктор Гарсия выписал заключение о смерти; управляющий, мистер Саломон и Рокфорд подписались под свидетельством, что убийство было совершено неизвестным в Зброшенной зоне. Личность убийцы действительно осталась неизвестной; когда все вернулись в игровой зал, там не осталось никого, кроме трупа. Допросы не имели смысла; преступления в Зброшенных зонах де-факто, да и де-юре, не считались преступлениями. Покойного никто не оплакивал; его не любил даже напарник. Рокфорд ценил Чарли как умелого телохранителя, не более. Джейк посетовал, что зря взялся исправлять прирожденного маньяка-рецидивиста, а Гарсия в ответ заметил, что таких нужно истреблять.

Оба постарались не произносить этого при дамах.

Винифред и Джоан Юнис час просидели за столом, потягивая шампанское и развлекаясь в меру возможности, пока мужчины занимались трупом. Помощь Джоан пригодилась лишь однажды. Джейк не хотел перекладывать отправку тела в морг на администрацию клуба, будучи уверенным, что они попросту выбросят его на свалку. Отправлять Рокфорда одного, без напарника, он тоже опасался. Поэтому Джоан принесли телефон, и она позвонила О'Нилу. Тот ответил мгновенно. «Он вообще хоть когда-нибудь спит?» — подумала Джоан.

Смена Финчли и Малыша еще не закончилась. О'Нил сказал, что немедленно их пришлет, но Джоан приказала сперва забрать Фреда, чтобы тот поехал с Рокфордом. Схватившись, она попросила передать ночному буфетчику,

чтобы тот оставил в гостиной холодный ужин и ящик охлажденного шампанского. «Гулянка» провалилась, но Джоан намеревалась исправить положение. Чарли не заслужил даже крокодиловых слез; туда ему и дорога. За час после его смерти на земном шаре умерло десять тысяч человек — чего плакать над одним никчемным?

(Юнис, куда говно вроде Чарли попадает после смерти?) (Босс, я в этих делах не спец. Может, они умирают навсегда. Как бракованные горшки от рук самого гончара. Спросите в небесной канцелярии.)

(Не знаю тамошнюю частоту, милая. Скажи лучше вот что: как нам воскресить вечеринку? Только взгляни на Винни — пьет шампанское, но даже не улыбается.) (Босс, смешайте шампанское с «мани хумами» в соотношении пятьдесят на пятьдесят.) (Юнис, я думала, ты не жалуешь спиртное.) (Это не так. Я не пила, потому что не хотела. Ничто от природы не хорошо и не плохо. Все зависит от результата. Попробуйте. Хуже не будет, а лучше — возможно.)

Поэтому, когда четверка наконец добралась до огромной уродливой крепости, Юнис настояла, чтобы все прошли с ней в гостиную пропустить стаканчик-другой и перекусить.

— Вдруг нам и потанцевать захочется? Роберто, Винни показывала вам нашу расслабляющую медитацию? Мани хум?

— Джоани, я хотела его научить, но наш Боб — жуткий скептик.

— Джейк, давайте исправим Роберто. Я придумала новый способ чтения мантр. Садитесь в круг и передавайте друг другу круговую чашу с шампанским. Пока один пьет, трое читают мантру и так далее.

— Я за, — сказал Джейк. — Доктор, скептиком можете побыть наедине с собой. Готов предоставить для этого гостевую кровать в моей комнате. А мы составим треугольник.

— Если я уйду, вы здесьпуститесь во все тяжкие.

— Как скажете, сэр. Но попробуйте нелестно отозваться о нашей практике — и будете сурово наказаны.

— Как?

— Выпьете чашу до дна. А потом еще одну.

Джоан Юнис проснулась отдохнувшей, но ей очень хотелось пить. Она взглянула на потолок, заметила, что часы показывают начало одиннадцатого, и собралась было зажечь торшер, прежде чем включать основное освещение.

Тут она поняла, что не одна. Осторожно разбудить Джейка и устроить себе приятное утро? Или тихонько ускользнуть к себе в спальню? Или весь дом уже кишит слухами и не важно, что она сделает?

Она решила не будить Джейка. Бедняжка ведь собирался лететь в Вашингтон. Она аккуратно сползла с кровати.

Мужчина рядом с ней потянул ее обратно. Она тут же обмякла и не стала сопротивляться.

— Дорогой, так ты не спишь? Я собиралась... Роберто?!

— Ну не Санта-Клаус же.

— Как вы здесь оказались?

— Вы меня пригласили.

— Серьезно? Ох, точно. Я помню, что еще давно говорила, что вы — желанный гость в моей постели. А где Джейк? Отправился спать к себе? И что с Винни?

Она нашарила выключатель и при свете убедилась, что находится в своей постели.

— Винни за дверью. В кровати. С Джейком.

— Господи! Роберто... я наконец-то провела с вами ночь, но ничегошеньки не помню.

(Зато я помню! Ура!) (Юнис, а я нет. Только смутно.) (Босс, вы нажрались как свинья. Но было весело.) (Не сомневаюсь. Жаль, что я не помню.)

Доктор Гарсия вздохнул:

— Бывает. Что поделать.

— Понемногу вспоминаю, — солгала Джоан. — Плохо соображаю спросонья. Вы были так обходительны.

— Вам так не казалось, когда я потащил вас в постель, не дав снять макияж.

Джоан включила еще лампу, чтобы осмотреть себя. Звезды исчезли, краска стерлась. Она точно не смывала ее с себя. Значит, это сделал кто-то другой. Не Винни — у той были другие дела.

— Вот что я имела в виду, говоря «обходительны». Не каждый мужчина сможет так позаботиться о пьяной девице. Я доставила вам много хлопот?

— Ничуть. Разве что довольно сильно зажимались.

— Чересчур сильно?

— Нет, вполне приятно.

— Не уверена, что понимаю, о чем вы, и вряд ли хочу понимать. Роберто, спасибо, что вымыли меня, несмотря на сопротивление. Только проститутки идут в постель накрашенными. А я — развратница, но не проститутка. — (Проститутка!) — Спасибо за прекрасную ночь. Надеюсь, я была достаточно трезвом уме, чтобы и вам было приятно.

— Юнис, вы даже без сознания были бы куда женственнее, чем большинство женщин.

— Рада, что «была бы», а не «была». Как бы то ни было, Роберто, я обеспокоена. Не из-за себя, а из-за Винни. Это не повлияет на ваше решение? Насчет нее?

— Ничуть. Юнис, это была идея Винни. Она хотела таким образом отметить нашу помолвку...

— Минуточку! Мы с вами помолвлены?!

— А? Конечно нет! Я помолвлен с Винни.

— А. Роберто, я бы с радостью вышла за вас. Вы первоклассный жених. Но мне, в отличие от Винни, жених не нужен. Напомните, я уже знала о вашей помолвке?

— Кажется. Вы сказали, что именно поэтому не хотите тратить время, смывая звезды. Чем быстрее, тем лучше.

— Ясно. Помню, что мне не терпелось, но не помню почему. Роберто, я не проболталась о том, что греки захватили Афины?

— Не припомню. Если и да, то не в моем присутствии. Уверен, Винни об этом не знает.

— Винни я расскажу, а вот Джейк знать не должен.

— Юнис, так это ребенок Джейка? Он захватил не только Афины, но и Парфенон?

— Не забывайте о клятве Гиппократы. Ответ, возможно, партеногенез. Пускай это пока остается в тайне. Говорите, это Винни все придумала? После того, как вы позвали ее замуж?

— Да.

— Откуда в ней только смелость взялась? Я ей не раз намекала, но она все скромничала. Или это смелость во хмелю?

— Да. Только с моей стороны. Винни скромная, но под румянцем у нее твердый характер, как положено медсестре.

Она согласилась при условии, что я не буду считать ее ангелом. Я ответил, что мне ангелы ни к чему, особенно в постели. Она сказала, что лучше бы мне говорить это всерьез, потому что она собирается переспать с Джейком.

— Роберто, все это прошло мимо меня. Сколько я выпила?

— Никто не считал. Джейк открывал бутылки одну за другой, мы передавали по кругу чашу, повторяя эту вашу абракадабру. Всем досталось примерно поровну.

— Гм... а я с Джейком не обручилась?

— Такого не помню.

— Хорошо. Когда Джейк узнает, что я беременна, то проявит благородство. Как и вы. Но с Джейком гораздо сложнее. К тому же я осознала, что муж мне не нужен; хватит близких, дорогих друзей. Вы, Джейк, Винни. Еще кое-кто. Вы любите меня такой, какая я есть, со всеми моими недостатками, не по договору, а искренне. Джейк не возмущался, когда решалось, кому с кем спать?

— Честно говоря, никто не возражал. Джейк подхватил Винни под руку и воскликнул, что разыгрывает сцену «Похищения сабинянок».

— Старый изменник!

— Тогда я подхватил вас, отнес сюда, вытер... а вы вопили, что изнасилования происходят иначе.

— В этом я была права. *«In vino veritas»*.

— Поэтому сейчас я прижму ваше лицо подушкой, чтобы вы не смогли закричать.

— Не надо подушек; если я начну шуметь, просто зажмите мне рот рукой. А вообще все комнаты в доме звуко- непроницаемы.

— А то я не знаю. Я здесь почти год прожил. Мисс Иоганн Смит, я знаю о вашем доме больше, чем вы сами.

— Негодяй! Зовите меня Юнис! Или накройте меня подушкой, чтобы я ничего не слышала. Роберто, я люблю вас и так рада, что вы женитесь на нашей Винни.

— Я тоже, Юнис. А теперь помолчите.

— Слушаюсь, сэр!

(Грр, Юнис, как он смеет мне указывать?!) (Молчи, близняшка, и следи за тем, что делаешь.)

Джоан Юнис дотянулась с кровати до внутреннего телефона, набрала номер Каннингема и взяла Роберто за руку.

— Слушаю, мисс?

— Каннингем, завтрак на четверых в мою гостиную.

— Хорошо, мисс.

— Обслуживание не нужно. Просто оставьте подносы с подогревом и охлаждением. Не знаю, сколько еще будут спать мистер Саломон и мистер Гарсия, но хочу немного похозяйничать и сама обслужить их, когда встанут. А мы с Винни поедим прямо сейчас. — Она подмигнула доктору и крепко сжала его руку.

— Как вам угодно, мисс.

— Пускай поспят. Каннингем, скажите — вы давно меня знаете. Вы когда-нибудь надирались?

— Что-что, мисс?

— Напивались вдрызг, в стельку, так, что на ногах стоять не могли?

— В прошлом несколько раз случалось.

— Тогда вы понимаете, в каком мы... деликатном положении. Мы с Винни — точно, да и джентльмены вряд ли будут чувствовать себя лучше. Но у нас был повод.

— Мисс, я слышал, что случилось. Печально.

— Каннингем, я не о Чарли. Считайте меня бездушной, но он сам попросился и получил по заслугам.

— Ах. Мисс, если позволите, осмелюсь заметить, что здесь его не любили. Совсем не любили.

— Знаю. Я бы запретила ему появляться в доме, если бы он не работал на мистера Саломона, перед которым я в неплатном долгу. Нет, повод был иной. Мы праздновали помолвку.

Каннингем осторожно ответил:

— Мисс... мои поздравления?

— Поздравлять следует не меня. Доктор Гарсия женится на Винифред.

— О! Как чудесно! Нам будет ее не хватать.

— Надеюсь, она не съедет. Дом слишком большой для меня одной. Даже для двоих, если считать мистера Саломона. Хотелось бы мне, чтобы он чаще радовал нас своим присутствием, но он опасается, что это приведет к ненужным сплетням.

— Мисс, позвольте сказать откровенно?

— Каннингем, я буду оскорблена, если узнаю, что вы не всегда со мной откровенны.

— Мистер Саломон — настоящий джентльмен. Он зря беспокоится о такой... глупости. Прислуга не распускает о нем сплетни. Все его уважают.

— Скажите это ему. Мне он не верит. Сегодня он собирается в Вашингтон, поэтому пускай выпится как следует. Не подходите к его комнате, когда понесете завтрак, обойдите с другой стороны. О нас с Винни не волнуйтесь, мы уже встали. И скажите Хьюберту, пусть дождется, когда мистер Саломон сам его вызовет.

— Он никогда не входит без вызова.

— Когда он ухаживал за мной, то пару раз будил меня. Поэтому не пускайте его на наш этаж. И остальных тоже — уборщиц, прачек и так далее. Возьмите кого-нибудь, чтобы помочь донести завтрак, и сделайте это поскорее. Потом дождайтесь моего звонка.

— Будет сделано. Мисс, желаете кофе или сока прямо сейчас?

— Нет, не хочу, чтобы нас беспокоили дважды. В голове и без того звенит. В гостиной, должно быть, полный беспорядок, всюду пустые бутылки. Уберите их, только тихо. Мне кажется, я слышу, как муравьи шагают. Вам есть чем записать? Мы хотим простой калорийный завтрак. Не меньше четырех чашек кофе каждому, два кувшина апельсинового сока, по половинке розового грейпфрута, омлет, яйца пашот, сосиски и стейки. Также мясную и сырную нарезку. Да, и тосты, маффины, джем и все такое. Лаваш. И большой кувшин ледяного молока для хлопьев. Если не ошибаюсь, сегодня по расписанию хлопья? Найдите приличные, воспитанные хлопья, которые не будут хрустеть. Это все. Вы, часом, не знаете хорошего средства от похмелья?

— Мисс, когда я работал у мистера Армбраста, то нашел одно средство, которое ему помогало.

— Какое?

— Коктейль «серебряный физз», только с водкой вместо джина.

— Каннингем, вы гений. Каждому по большому стакану и немного про запас. Когда ждать завтрак?

— Через двадцать минут. Делла уже начала готовить со-
сиски. Может, все-таки принести вам кофе и сок?

— Нет. Все в один заход. На цыпочках, как в больнице.
Нам с Винни хватит двадцати минут, чтобы вставить глаза
на место, поэтому ждем вас в установленный срок. Но не
позднее чем через двадцать пять минут!

Отложив трубку, Джоан сказала:

— Доктор, я справилась?

— Юнис, мне порой кажется, вы неискренни.

— Когда-нибудь я стану отшельницей, чтобы не прихо-
дилось скрываться от слуг. Роберто, где ваша одежда? В гос-
тиной?

— Да. Пойду возьму.

— Хорошенько подумайте. В нашем распоряжении це-
лых двадцать минут.

— Ах, Юнис!

— Товарищ, не пугайтесь; я не паучиха. Мы потратим
это время, чтобы собрать всю одежду в гостиной. Женские
вещи бросим здесь, а ваши с Джейком отнесем в его комна-
ту. Заодно прихватим оттуда пижамы и тапочки для вас обо-
их. Если боитесь, можете остаться там и переодеться. Если
нет, то возвращайтесь со мной голышом. Тогда я включу
свет, чтобы Винни поняла, что я проснулась; это лучше, чем
звонить им. Вдруг у них еще любовь? Не будем трезвонить
без нужды. За мной, мой прекрасный, крепкий, волосатый
мужчина. У нас осталось шестнадцать минут — слабо уло-
житься в двенадцать?

— Кисонька, иногда вы меня пугаете.

— Фи! Это мой дом, пусть я и помышляю продать его
и купить нудистский курорт в Калифорнии для себя и дру-
зей. Роберто, мне нравится смотреть на голых людей, если
они красивы. Вроде меня. Красивое тело нужно показы-
вать, а не прятать под одеждой. Как вам, кстати, наша вче-
рашняя официантка?

— На вид здоровая девушка.

— Фи! Фи! Вы наверняка думали о ней, когда тащили
меня в постель. Дорогой, меня не проведешь. Я ведь была
мужчиной гораздо дольше, чем вы. Пятнадцать минут. Ше-
велитесь!

Дабровски помог ей выйти. Фред запер машину. Джоан Юнис осмотрелась:

— Видимо, здесь все и случилось.

Шофер сказал:

— Юнис, еще не поздно передумать.

— Антон, сегодня смена Тома и Хьюго, но я опасалась, что они не вынесут поездки в этом лифте. Положилась на вас с Фредом. Фред, волнуешься?

— Еще как, Юнис.

— В чем дело? *Она* ехала в этом лифте *одна*. А я — с вами.

— Ну... вас не переубедишь. Не знаю, как Ски, а я снаряжи подожду.

(Юнис, как быть с такими упертыми мужчинами?) (Сложнее всего, близняшка, когда они любят тебя. Используйте женское джиу-джитсу: пусть думают, что их взяла, пока не выяснится, что наша.) (Попробую.)

— Фред, Юнис жила здесь несколько лет. Если бы не тот случай, можно было бы сказать, что здесь безопасно. У меня есть рация; обещаю, что не стану выходить, пока не буду уверена, что вы встретите меня за порогом.

— Хорошо, мы будем ждать... сколько понадобится. Верно, Ски?

— Точно! Юнис, а если Джо Бранка здесь больше не живет?

— Живет. Только за телефон не платит, вот его и отключили. Вчера в четыре дня его здесь видели. А теперь уточним: вы прекрасно знаете, что Джо мне не навредит. Антон?

— Конечно. Не знаю, захочет ли он вас видеть, но он даже мухи не обидит.

— Значит, пока я внутри с Джо, я в безопасности. Но ты прав, он может меня не впустить. Или впустить только на

несколько минут. Подождите час; если я не выйду на связь, езжайте домой. Я позвоню, когда нужно будет меня забрать.

— Может, два часа? — предложил Фред.

— Пусть будет два. Но даже не думайте возвращаться и трезвонить в дверь, если я останусь здесь ночевать. Может вернуться завтра в полдень и подождать еще час-другой. И послезавтра. Но я готова остаться у Джо Бранки и на неделю, если это потребуется, чтобы снять груз с его плеч. Что там — месяц! Ребята, не усложняйте; я *должна* это сделать.

Антон мрачно произнес:

— Хорошо. Будь по-вашему.

— Я еще Юнис или уже Джоан Юнис?

Он выдавил улыбку:

— Юнис. *Она* бы поступила так же.

— Тогда не спорьте. Милые мои. — Она обняла обоих. — Вчерашняя ночь выдалась чудесной, и я найду способ ее повторить. Возможно, когда мистер Саломон в следующий раз уедет... сами знаете, он вкочет надо мной как курица. Не берите с него пример... за исключением случаев, когда охраняете меня. Сейчас я должна помочь Джо облегчить душу, но с вами мы еще поиграем. Поцелуйте меня, пока лифт не остановился.

Они послушались. Джоан пристегнула чадру. Троица направилась к студии Бранки. Джоан легко нашла знакомый путь — главное было не задумываться.

У двери она остановилась:

— Юнис целовала вас на прощание? Прямо здесь, на глазах у Джо?

— Да.

— Если он меня впустит, сделаем то же самое. Только не тяните, чтобы он дверь не закрыл. Ух, у меня мурашки!

(Босс, спокойнее. Ом мани падме хум. Не звоните, попробуйте открыть замок голосовой командой. «Откройся!» или как-нибудь так.)

— Откройся! — отстегнув чадру и повернувшись лицом к двери, произнесла Джоан.

Замок щелкнул, но дверь не спешила открываться. На табло появилась надпись: «ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ». Джоан стояла перед глазком, гадая, смотрит ли на нее Джо.

(Юнис, он нас впустит?) (Не знаю, босс. Зря вы приехали... надо было послушать Джейка... и меня.) (Но я уже здесь, назад дороги нет. Не ругайся, лучше помоги.) (Попробую, босс, но не знаю как.)

За дверью — не звуконепроницаемой, в отличие от дверей в доме Джоан, — послышался высокий голос:

— Джо! Джо!

(Это еще кто?! (Кто-нибудь из друзей Джо. У него их куча.)

Дверь открылась; на пороге появился Джо Бранка в застиранных шортах, о которые привык вытирать кисти. По выражению его лица невозможно было ничего прочесть. Из-за его спины выглядывала закутанная в полотенце девушка.

— Видишь? Это она!

— Джиджи, отойди. Здравствуй, Ски. Привет, Фред.

— Привет, Джо.

Джоан постаралась, чтобы голос не дрожал:

— Джо, можно войти?

Он наконец посмотрел на нее:

— Входите, если хотите. Ски, Фред? — Джо подвинулся.

— Спасибо, Джо. В другой раз, — ответил Дабровски.

— Секу. В другой раз. Всегда рад. И тебя, Фред.

— Спасибо, Джо. Увидимся.

Телохранители собрались уходить; Джоан переступила порог, но спохватилась:

— Ребята!

Фред поспешно, нервно ее поцеловал. Дабровски вообще не стал целовать, остановился губами у ее губ и едва слышно прошептал:

— Юнис, не обижайте его. Или, ей-богу, я вас отшлепаю.

— Понятно, Антон. Отпусти меня.

Она быстро прошла мимо Джо, подождала. Тот неторопливо, нарочито затягивая время, запер дверь на замок.

Он обернулся, посмотрел на нее, сразу же отвел взгляд:

— Присядете?

— Спасибо, Джо.

Джоан оглядела захлавленную студию, увидела два стула рядом с небольшим столом. Других вроде не было. Она по-

дошла к стулу, ожидая, что Джо снимет с нее плащ, но вскоре поняла, что ждет зря. Она скинула его сама, села. Джо растерянно покосился на нее:

— Кофе? Джиджи, налей кофе для мисс Смит.

Девушка наблюдала с другого конца комнаты. Поплотнее закутавшись в полотенце, она молча направилась к кухонной машине, налила кофе в чашку и поставила разогреваться. Джо Бранка вернулся к холсту и начал аккуратно водить по нему кистью. Джоан поняла, что он пишет портрет девушки, которую назвал «Джиджи».

(Босс, это дешежка.) (Что?) (Джо пишет поверх спроецированной на холст фотографии. Он делает такие работы для тех, кому нужен срочный или дешевый портрет или портрет домашнего питомца. По его мнению, это не искусство.)

(Не понимаю почему, Юнис. Это ведь все равно оригинальная картина маслом.) (Я тоже не понимаю, но для художника это важно. Босс, ну и грязь здесь. Стыдоба. Чертова сука Джиджи.) (Думаешь, она здесь живет?) (Не знаю, босс. Может, Джо сам расслабился. Он любит порядок, но не любит тратить время на уборку. Его волнуют только две вещи — живопись... и секс.) (Похоже, у него и с тем и с другим проблем нет. Вижу, он оставил твой «гэдэбаут».) (Уверена, что он не на ходу. Джо не умеет водить.)

Джиджи принесла кофе, поставила чашку на столик:

— Сахару? Сливков нет. — Она склонилась ближе и злобно прошипела: — Что ты здесь забыла?!

Джоан спокойно ответила:

— Ничего не нужно. Спасибо, Джиджи.

— Джиджи!

— Чего тебе, Джо?

— Трон.

Девушка повернулась к нему:

— При ней?

— Да.

Джиджи неохотно повиновалась. Сняла полотенце, бросила на пол перед креслом, приняла нужную позу. Понимая ее нежелание показываться голышом врагу, Джоан не стала смотреть.

(Юнис, я ведь ей не враг.) (Босс, а я предупреждала.)

Джоан попробовала кофе. Он был слишком горячим и слишком горьким, не чета ароматному и дорогому напитку, что готовила Делла. Но Джоан все равно намеревалась его допить, когда остынет.

Она задумалась, узнал ли Джо ее наряд. В «Ля Бутик» за большие деньги создали копию костюма по прошлогодней моде «пополам напололам», который носила Юнис Бранка: красно-черного, с юбкой-трусиками и полусвитером. Джоан наняла самого дорогого художника по телу и тщательно, руководствуясь воспоминаниями и внутренним голосом, проследила, чтобы роспись точь-в-точь соответствовала той, что была на Юнис Бранке.

(Юнис, Джо так растерялся, что не заметил, во что мы одеты?) (Босс, Джо *все* замечает.) (А чего он пошел рисовать, будто нас здесь нет?) (Не знаю. Но его даже ядерной бомбардировкой не отвлечешь. Удивительно, что он вообще впустил нас посреди работы.)

(Долго он будет работать? До утра?) (Вряд ли. Так он работает, только когда творит шедевр. А здесь работа пустяковая.)

Джоан картина вовсе не казалась пустяковой. Она видела, что художник работает по тусклой фотографии Джиджи в той же позе, в которой она была сейчас, но в то же время поглядывает и на модель. Однако он не повторял в точности ни фото, ни натуру, а добавлял новые краски, что-то усиливал, что-то упрощал, использовал более теплые телесные тона, превращая плоский холст почти в стереоизображение — правдоподобное, теплое, живое, чувственное и приятательное.

Если это было и не искусство, то уж точно больше чем обычная фотография. Картина напомнила Джоан работы давно покойного художника, который нравился Иоганну. Писал портреты таитянок на черном бархате. Как его звали? Литег?

(Юнис, что нам делать? Уйти? Кажется, Джо на нас плевать.) (Босс, ему не плевать. Совсем наоборот. Смотрите, у него даже нервный тик начался. Шея дергается.) (Так что мне делать?) (Босс, могу лишь сказать, что сделала бы я.) (А я о чем спрашиваю?) (Это немного другое. Так вот: если

Джо работал, когда я возвращалась домой, я старалась не шуметь и не мешать ему. Сперва я переодевалась, принимала душ и смывала с себя краску и макияж. Потом прибиралась по мелочам; генеральную уборку делала по выходным. Затем готовила еду, чтобы покормить Джо и его натурщиков. Они всегда были голодны после работы. Джо никогда не заставлял позировать ему до потери сознания; всегда устраивал перерывы на отдых и еду. Случалось, что он раскрашивал меня до утра, но всегда останавливался, если я уставала.)

(Мне что, раздеться? А это не выбьет его из колеи еще больше?) (Босс, я не указываю вам, что делать. Я вообще была против этого визита. Джо видел это тело тысячи раз, и вы прекрасно знаете, что нагота не выбивает из колеи, а расслабляет. Я всегда считала, что невежливо ходить в одежде при голой натурщице, если только мы не знакомы совсем коротко. Но вы не обязаны меня слушаться. Можете глянуть в глазок, проверить, на месте ли Антон с Фредом — а они будут на месте, — и уйти. Признать, что Шалтая-Болтая уже не собрать.) (Наверное, так и надо сделать.)

Со вздохом Джоан поднялась, скинула сандалии, стянула полусвитер, трусики-юбку и чулок. Джо не видел, что она делает, зато Джиджи прекрасно видела. Джоан заметила, как та удивленно вытаращилась, но позу не нарушила.

Джоан поднесла палец к губам, призывая Джиджи к молчанию. Собрала одежду, подошла к ванной, стараясь не показываться на глаза Джо, развесила одежду на сушилке и вошла внутрь.

Чтобы смыть черную и алую краску, потребовалось всего несколько минут.

(С лица тоже смывать?) (Не надо, вы краситесь не так сильно, как я. Полотенца в тумбочке под раковиной. По крайней мере, должны быть.)

Джоан нашла одно чистое банное полотенце и три полотенца для лица. Решив, что использовать последнее большое полотенце невежливо, она вытерлась маленьким. Осмотрела себя в зеркало, решила, что выглядит сносно. После душа она чувствовала себя свежей и расслабленной.

(Что теперь?) (Приберитесь здесь. Затем перестелите кровать, если нужно. Простыни в ящике под ночником.)

На крошечную ванную не ушло много времени. Чистящее средство и губка оказались примерно там, где ожидалось. С унитазом оказалось сложнее; Джоан почистила его, но так и не оттерла ржавые следы смыва и задумалась, почему развитая цивилизация, строящая космические корабли, не может решить такого простого вопроса.

Или это вовсе не развитая цивилизация?

Джоан вымыла руки и вернулась в комнату. Постельное белье было вроде свежее, не больше двух ночей, и она решила его не менять. Поправляя простыню, она заметила на одной наволочке след губной помады и перевернула ее.

(Джиджи?) (Возможно, босс. Цвет ее. Но это ничего не доказывает.)

(Что теперь?) (Посмотрите, что еще можно убрать, но ни в коем случае не трогайте вещи Джо. Можете поднять тюбик краски, чтобы вытереть под ним пыль, но обязательно положите на то же место.)

Это отняло еще некоторое время. Джо наверняка заметил, чем она занимается, но виду не подал. Картина выглядела завершенной, однако он продолжал работать.

В раковине скопилась гора грязной посуды. Джоан нашла мыльный порошок и принялась за дело. Когда посуда была вымыта, вытерта и убрана, а раковина надраена до блеска, внимание Джоан привлек холодильник.

(Юнис, неужели ты держала дома так мало еды?) (Босс, я старалась не хранить много скоропортящихся продуктов, но так мало при мне не бывало. Джо не слишком о таком заботится. За продуктами я его не отпускала; вместо хлеба, молока и ветчины он непременно привел бы домой нового голодного друга. Посмотрите в морозилке.)

В морозилке Джоан нашла несколько готовых обедов, почти нетронутую коробку ванильного мороженого, спагетти и несколько видов пиццы. Пиццы было больше всего; на ней Джоан и остановила выбор. Что еще? Свежих овощей не нашлось. Фрукты? Крошечная баночка фруктового салата, которого едва хватило бы украсить мороженое. Можно было бы добавить вафли... если их найти. Вот, лимонные. Не полноценный ужин, но выбирать было не из чего. Джоан принялась за стряпню.

Накрыть на троих? Видимо, так. Либо ее примут, либо отошлют домой.

(Юнис, стульев только два.) (Есть еще кухонная табуретка, босс.) (Ну я балда.) (Удивлена, что вы вообще готовить умеете.) (Была бы у меня сестра, не умел бы. Держу пари, милая, что я чаще тебя у плиты стоял. И вообще, разве это готовка?)

Не успела Джоан накрыть на стол, как услышала голос Джо:

— Джиджи, отдохни.

Она обернулась:

— Джо, вы будете ужинать? Все почти готово.

Джо Бранка повернулся на звук ее голоса, посмотрел на нее, открыл рот... и внезапно разрыдался.

Его лицо перекосило, он всхлипывал и дрожал, медленно оседая на пол. Джоан бросилась к нему, но тут же остановилась.

(Босс! Не трогайте его!) (Юнис, боже, почему?) (Так будет хуже. Пускай Джиджи разбирается. Сядьте на пол, живее! Ом мани падме хум!)

Джоан уселась в позу лотоса:

— Ом мани падме хум.

Джиджи поддержала Джо, помогла ему опуститься. Он уткнул голову в колени, продолжая всхлипывать. Джиджи склонилась над ним, словно встревоженная мать над поранившимся ребенком.

— Ом мани падме хум. — (Ом мани падме хум.) (Юнис, могу я как-то помочь?) — Ом мани падме хум. — (Нет, босс. Попросите Джиджи помочь *вам*.) (Как?) — Ом мани падме хум. — (Скажите, что нужно сесть в Круг. Ом мани падме хум.)

— Джиджи! Помоги мне замкнуть Круг! *Пожалуйста!*

Девушка испуганно подняла голову, будто впервые заметила Джоан.

— Ом мани падме хум. Джиджи, помоги мне. Нам обоим.

Джиджи опустилась в позу лотоса рядом с ней, колени к колену, взяла Джоан за левую руку, а Джо — за правую.

— Джо! Джо, послушай! Замкни Круг! *Живо!* — Она принялась повторять мантру за Джоан.

Джо Бранка перестал плакать, поднял голову и не поверил своим глазам. Он медленно вытянул ноги, сдвинулся, заняв третью сторону треугольника, и попытался сесть в позу лотоса. Вымазанные краской шорты мешали. Джо с удивлением глянул вниз и начал расстегиваться. Джиджи отпустила его руку и помогла избавиться от шортов. Тогда он с легкостью принял падмасану и потянулся к девушкам.

— Ом мани падме хум!

Круг замкнулся. Джоан вздрогнула, как от электрического разряда. Ей и прежде доводилось чувствовать подобное с тремя или четырьмя партнерами, но никогда так сильно. Вскоре это ощущение сменилось приятным теплом.

— Ом мани падме хум.

Мантра катилась по Кругу. Они распевали ее в унисон, повторяя вновь и вновь, пока Джоан не перестала слышать и ощущать что-либо, кроме всеобъемлющего покоя.

— Просыпайся. Просыпайся. Вернись.

Джоан заморгала, почувствовала, как глазные яблоки возвращаются в обычное положение.

— Винни, я не сплю. Чего тебе?

— Ты сказала, что еду можно разогревать. Сама сделаешь или мне?

— А... — Она поняла, что Круг еще не разомкнулся. — Сделаю, если можно.

Джо спокойно, вопросительно посмотрел на нее:

— Все порядке? Хорошая аура?

— Она в норме, — ответила за нее Джиджи. — Пойди пописай, а мы едой займемся. Не забудь руки помыть; скипидар в аптечке.

— Хорошо.

Джо встал, помог подняться девушкам и пошел в ванную.

Джоан проследовала за Джиджи на кухню, заметила часы на духовке:

— Джиджи, часы точные?

— Более или менее. Тебе пора уходить? Я надеялась, ты останешься.

— Останусь. Сколько мы сидели в Круге?

— Часа полтора, может, чуть больше. Достаточно долго. Это важно?

— Ничуть. — Джоан обняла девушку. — Спасибо, Джиджи.

Джиджи обняла ее в ответ:

— Спасибо тебе. Наконец-то я снова увидела Джо в единстве со всем сущим, в мире со своей кармой... Он был сам не свой, с тех пор как...

— Как Юнис погибла?

— Да. Он вбил себе в голову, что этого не случилось бы, если бы он не поперся в Филадельфию повидать маму. Он знал, что это не так, но теперь и нутром почувствовал, я вижу.

(Босс, передайте Джиджи привет от меня.) (И раскрыться?) (Тыфу ты. Тогда не надо. Вряд ли она расскажет Джо, но лучше не рисковать. Все и так удачно складывается.)

— Джиджи, я думаю, Юнис хотела бы тебя поблагодарить, если бы могла. Кажется, сейчас у вас все в порядке.

— Вроде того. Слушай, как мне тебя звать? Я не могу говорить: «Эй, ты!» А «Иоганн Себастьян Бах Смит» — не слишком женское имя.

— Теперь я Джоан. Точнее, Джоан Юнис Смит. Среднее имя — вроде как дань памяти. Сечешь?

— Секу. Отлично. Думаю, Джоан Юнис — самое то.

(Босс, вы здорово выкрутились! Знаете, почему я не хотела сюда возвращаться? Боялась за Джо... а за себя — еще больше.) (Знаю, славная моя. Мы вместе боялись. Джо тоже.)

— Джиджи, зови меня только первым именем, чтобы не расстраивать Джо.

Джиджи мотнула головой:

— Вряд ли он расстроится. Если ошибаюсь, то еще посидим в Круге. Сегодня наш Круг вышел идеальным. Он все равно рано или поздно узнает.

— Хорошо. Я сама ему скажу.

— Давай после ужина. Я хоть целый день могу сидеть в Круге, но лучше не на пустой желудок. Я почти не завтракала, а на обед только бутерброд съела. С тех пор уже пять часов прошло. — Джиджи прижалась к Джоан и поцеловала ее.

— Давай поедем.

— Кто-то сказал «поедим»?

— Джо, подожди минутку, мы не договорили. И нам тоже нужно в туалет; дорогая, ты первая, а я пока поставлю еду разогреваться.

— Джиджи, иди первой.

— Пойдем вместе. Джо, а ты тогда разогрей.

— ...нравится твоя идея открыть Фонд памяти Юнис Эванс Бранки. Хочу, чтобы Юнис помнили всегда. В первую очередь — я сама.

Джо Бранка сухо кивнул.

— Правильно. Юнис бы одобрила, — внезапно он улыбнулся. — А ты ничего, Джоан Юнис. — Он поставил чашку, начал убирать посуду и добавил: — У тебя даже прикид, как у Юнис.

— Она выходила в таком на работу, Джо. Мне понравилось, вот я и заказала такой же.

— Отлично. Шмотки, не роспись. Маляр?

— Джо, я не нашла такого художника, как ты, пришлось обходиться чем есть. Может, ты будешь меня красить? Я имею в виду — иногда. Профессиональная работа, профессиональная оплата, никаких обязательств.

Джо с улыбкой помотал головой:

— Я не визажист. Юнис красил, ей нравилось. Джиджи иногда. Тебя покрашу, конечно. Но бесплатно.

— Джо, мне будет стыдно отнимать время у профессионального художника и не платить за это. Но я понимаю. Накрасить жену — дело хорошее, но это не настоящая работа.

— Зато веселая, — ответил он. — Может, раскрашу тебя алым и черным, когда соберешься уезжать?

— Еще раз спасибо, Джо, но не стоит трудов. Я отсюда прямо домой; мне некому будет показаться. Позволь спросить: ты помнишь, как делал для Юнис костюм русалки?

— Конечно.

— Тогда... Джиджи, тогда Иоганн Смит был тяжело болен. Боль можно было снять только сильной дозой обезболивающих, но они были противопоказаны. Приходилось терпеть. Юнис была рядом — прекрасная, цветущая, милая, как кошечка, и раскрашенная под русалку. Джо, хочешь — верь, хочешь — нет, но Иоганн целый день не замечал боли.

Все ломал голову, да так и не понял, настоящий бюстгальтер на ней или нарисованный.

Джо довольно улыбнулся:

— Нарисованный. Обманка.

(Босс, я же *говорила!*) (Да, маленький чертенок, но ты ведь иногда врешь.)

— Меня ты обманул. Эти большие раковины казались настолько настоящими, что можно было буквально почувствовать каждую шероховатость на их поверхности. Мне весь день приходилось делать вид, будто я на них не пялюсь. Джо, ты прекрасный художник. Жаль только, что предпочитаешь холст коже.

— Не так. Люблю писать кожу на холсте. Вечная обманка. Не на один день.

— Принято. Хорошая работа. — Джоан кивнула в сторону холста. — Джиджи, я помою посуду.

— Свали все в раковину, — скомандовал Джо. — Вдохновение. Парная композиция.

— Идет, — ответила Джиджи. — Джоан Юнис, хочешь попозировать на ночь? Парная композиция, значит тебе придется участвовать. Но предупреждаю, когда к Джо приходит вдохновение, выспаться не удастся.

— Нет, — возразил Джо. — Я быстро. Сделаю фото. Найду нужную позу, сниму раз восемь-десять. А потом... — Он внезапно помрачнел и обернулся к Джоан. — Тебе ведь нужно домой? Я и не спросил, хочешь ли ты позировать. Забыл, черт побери! Решил, что ты останешься. Совсем спятил. Черт!

Джоан ответила:

— Джо, у меня завтра нет никаких дел. С радостью попозирую тебе. Только... — Она посмотрела на Джиджи. — Можно остаться на ночь?

— Конечно!

— Правда? Увидев твое обручальное кольцо, я все думаю, не слишком ли вторгаюсь в вашу личную жизнь.

Джиджи рассмеялась:

— Милая, Джо ведь не скотина, чтобы его за кольцо в носу привязывать. Даже думать об этом не хочу. Джо подарил мне это кольцо и сделал предложение через месяц после того, как я ушла от Сэма. Это было глупо и смешно,

я не поверила, что он всерьез. Среди наших знакомых нет ни одной женатой пары. Нет, вру, это было мило, но я все еще хихикаю. Конечно оставайся сколько захочешь. У нас есть раскладушка; Джо может спать на ней.

(Босс, осторожно! Десять к одному, что на раскладушке будет спать не Джо.) (Конечно. Я буду. Что я, совсем дура?) (К сожалению, именно так и думаю. Босс, вы прелесть, но здравый смысл едва удерживает вас от лифтов, что уж говорить о постелях?) (Раз Джо пригласил меня позировать, я буду позировать! Попросит что-нибудь еще — и на то соглашусь!)

(Так я и думала.) (Юнис, Джо не хочет *меня*. Теперь Джиджи — его женщина.) (Ладно, близняшка. Но когда я последний раз слышала от вас, что брак — это еще не смерть?)

Джо Бранка счел дело решенным; раскладушки его не интересовали.

— Натиралась маслом после душа? — Он провел пальцем под левой грудью Джоан. — Нет. Джиджи!

— Уже бегу! — Джиджи метнулась в ванную и принесла бутылочку оливкового масла. — Ланолин тоже подходит, — сказала она Джоан, — но лучше я буду пахнуть салатом, чем овцой. Джо, ты мажь спереди, а я ногами займусь. Потом мы сбрызнем тебя с ног до головы и вытрем все, что кожа не впитает. Так, в труднодоступных местах осталась красная краска, но масло и с этим справится. Джоан, моя кожа заметно похорошела с тех пор, как мной занялся Джо.

— Джиджи, у тебя прекрасная кожа.

— Джо за этим неусыпно следит. Теперь протрем.

— Не три слишком сильно, — предупредил Джо. — Мне нужен блеск на снимках.

— Не тереть сильно, поняла. Мне тоже намазаться?

— Да.

— Будет сделано, маэстро. Джоан, перед сном вытремся насухо, если не слишком устанем. Впрочем, простыни у нас одноразовые. Джо, может, расскажешь рабыням о мотиве картины?

— Конечно. Нужно перевоплощение. Сыграть лесби.

— А?! Джоан нельзя в таком участвовать!

— Бунт на корабле? Я не рисую комиксы. Картину можно будет хоть в церкви вешать, но символизм должен быть

такой, чтобы старая буч захотела отвалить за нее миллион. Но... Джоан Юнис, я могу изменить твое лицо, если скажешь. — Джо глянул встревоженно.

— Джо, рисуй как хочешь. Я буду очень гордиться, если кто-нибудь узнает на твоей картине меня.

— Ладно. — Джо Бранка быстро соорудил невысокий помост из ящичков и досок, разбросал по нему подушки и накрыл сверху рваной плотной тканью. — Вот ваш трон. Джиджи, ты первая. Джиджи — буч, Джоан — фем.

Он бесцеремонно, словно мясник — куски мяса, расположил их на троне. Джиджи опиралась на подушки, обнимая Джоан и глядя той прямо в глаза. Джоан служила фиговым листком для Джиджи; для нее самой роль фигового листка выполняло левое колено. Затем Джо положил правую руку Джиджи под левую грудь Джоан, так чтобы она не держала ее, а лишь касалась. Отошел на шаг, скривился.

Шагнув обратно, немного поменял композицию — Джоан даже не поняла, что именно изменилось. Очевидно, Джо остался доволен. Он подправил подушки, чтобы натурщикам не надо было сильно напрягаться.

Чуть ниже их Джо поставил блюдо, наклонив его с тщательной небрежностью.

— Греческая лира, — объяснил он. — Название: «Били-тис поет». Песня только умолкла, ласки еще не начались. Золотые мгновения до.

Он внимательно присмотрелся и вновь скорчил гримасу:

— Джоан Юнис, ты беременна?

Джоан опешила:

— Заметно? Я ни унции не прибавила в весе.

(Стереть, заменить. Девятнадцать унций.) (Да, но это ведь *незаметно*. Если не считать сегодняшней пиццы, я соблюдаю диету Роберто. Сама знаешь.)

Джо помотал головой:

— По фигуре не заметно. Джоан Юнис, ты *счастлива*?

— Джо, ужасно счастлива. Но я пока никому не говорила.

— Не волнуйся, Джиджи не проболтается. — Он блаженно улыбнулся, и Джоан вдруг поняла, какой он красавец. — Главное, что ты счастлива. Счастлива мама, счастлив малыш. Беременные телки выглядят иначе. Лучше. Кожа лоснится,

мышцы крепнут, мешки под глазами разглаживаются. Все тело словно наливается. Это можно заметить, но не каждый поймет, в чем дело. Классно, что ты мне сегодня позируешь. Заодно решила загадка.

— Какая, Джо?

(Юнис, он не огорчится?) (Ничуть, близняшка. Джо любит детей, если только ему самому не нужно с ними возиться. Он рад за вас и даже не думает гадать, как и от кого вы забеременели. И он не черствый; будь вы бедны, взял бы вас к себе и пытался бы кормить вас и ребенка, даже не спрашивая, от кого тот. Для него мир устроен просто.)

— Головоломка. Ты выглядишь как Юнис — а как же еще? — но *лучше*. Это невозможно. Теперь понимаю. Любая телка выглядит лучше, когда беременна.

— Джо, по-твоему, на восьмом или девятом месяце женщины тоже красивые?

— Еще бы! — Джо искренне удивился вопросу. — Даже красивее! Здоровая счастливая телка на сносях — что лучше? Суперсимвол всего. А теперь заткнись. Работа.

— Джо, последний вопрос. Ты напишешь меня, когда я стану размером с дом? На девятом месяце? Можно с фотографии; я вряд ли смогу долго позировать.

Он довольно улыбнулся:

— А то! Не упущу такой случай. Обычно телки стесняются. Все, тишина. Ты должна выглядеть эротично, так что *думай* эротично. Не играй, *будь* естественной. Потной, страстной. Джиджи поможет. Нетерпеливой, но одновременно робкой. Девственницей. Джиджи, а ты будь просто страстной. Жадной, но в *мыслях*, не в *действиях*. Не выражай это на лице, просто *думай* об этом.

Джо поправил лампы, покосился на натурщиц, снова подрегулировал лампы, провел по правому плечу и груди Джиджи масляной тряпкой:

— Вот так! Соски вверх. Джоан Юнис, сделай так, чтобы они торчали. Думай о мужчинах, не о Джиджи.

— Я ей помогу, — сказала Джиджи. — Милая, послушай. — Она принялась во всех подробностях рассказывать Джоан, что древнегреческая лесбиянка сделала бы с беспомощной девственницей.

Грудь Джоан налилась так, что ей стало больно. Облизнув губы, она уставилась на Джиджи, даже не замечая, что их фотографируют.

— Перерыв, — объявил Джо. — Слезайте, на сегодня все. Хорошо вышло.

Джоан выпрямилась и взглянула на часы:

— Ничего себе! Уже дрозды!

— Пора в кровать, — согласился Джо. — Завтра продолжим.

Джиджи сказала:

— Пойду помою посуду. Джо, достань раскладушку.

— Я помою, — сказала Джоан.

— Я буду мыть, а ты вытирай.

Когда они закончили, Джо уже вовсю храпел на раскладушке.

— С какой стороны любишь спать? — спросила Джиджи.

— Все равно.

— Залезай.

Когда Джоан проснулась, ее голова лежала на плече Джиджи. Джиджи смотрела на нее, и Джоан сразу вспомнила, где находится. Зевнув, она сказала:

— Доброе утро, милая. Сейчас ведь утро? Где Джо?

— Завтрак готовит. Выспалась?

— Вроде бы. Который час?

— Не знаю. Отдохнула? Если нет, спи дальше.

— Чудесно отдохнула. Давай вставать.

— Хорошо. Но плата за подъем — поцелуй.

— Обдираловка, — шутливо ответила Джоан и заплатила.

Джо на кухне не оказалось. Он смотрел на проекторе вчерашние фотографии.

— Джоан, ты только глянь, — сказала Джиджи. — Со всем забыл о завтраке.

— Ничего страшного, — тихо ответила Джоан.

— Можно не шептать, Джо все равно ничего за работой не слышит, если не орать ему прямо в ухо. Ладно, пойдем чего-нибудь перехватим, а потом попробуем и его накормить. Гм... да, не густо у нас здесь.

— Я обойдусь тостом и соком. Можно кофе.

— Сока нет. — Джиджи продолжала рыться в холодильнике. — Могу предложить готовый обед. Спагетти или еще чего. Надо стонять в магаз. Джо за продуктами не пошлешь, он вернется с новым альбомом и краской, довольный как школьник. Его даже ругать бессмысленно.

Джоан уловила в голосе Джиджи грустную нотку и осторожно спросила:

— Джиджи, вы без денег?

Джиджи не ответила. Не оборачиваясь, она достала полбуханки хлеба и начала нарезать его для тостов. Джоан не отставала:

— Джиджи, ты ведь знаешь, у меня куча денег. Джо ни цента не возьмет, но тебе незачем упрячиться.

Джиджи отмерила кофе на шесть чашек и тихо ответила:

— Джоан, когда я жила с Большим Сэмом, то была шлюхой. Половина его учеников не платила обещанного, а остальные платили так мало, что едва хватало на кофе с пончиками для них самих. Черт, некоторые ради этого и приходили! Кому-то нужно было зарабатывать, чтобы платить за аренду квартиры. Работать. С мужчинами я почти не спала — Сэм не любил, когда я с другим, кроме как на встречах свингеров, которые он устраивал. А вот старые лесбиянки обычно щедры. Когда мы оставались на мели, я шла в лесбийское кафе и возвращалась с деньгами. Сэм не возражал.

Наконец я поняла, что это не я его поддерживаю, а он меня использует. Все эти свингерские тусовки... гуру нужна молодая чела для разогрева, иначе не выйдет ничего. Джоан, женщины на многое готовы ради мужчин, но должна быть хоть какая-то взаимность. Взять Джо; его картины не слишком хорошо продаются, и половину приходится отдавать галерейщику. Но Джо ни за что не станет использовать женщину ради наживы.

Джиджи повернулась к Джоан:

— Когда я впервые позировала Джо, он заплатил мне сколько положено. Никаких «часть сейчас, часть потом, когда картина продается». У него остались какие-то деньги от Юнис; наверное, страховка. Джо мягкий и безотказный; все берут у него в долг и не возвращают. Когда я к нему переехала, от этих денег уже ничего не осталось. Но кто-то оплачивает аренду студии и коммунальные услуги. Не ты?

— Нет.

— Знаешь кто?

— Знаю. Человек, преклонявшийся перед Юнис. Джо может жить здесь хоть всю жизнь. Я скажу, кому следует, чтобы вам снова подключили телефон. Когда улаживался вопрос с арендой, электричеством и водопроводом, о телефоне забыли.

— Нам он и не нужен. Половина жителей уровня пользовалась им как бесплатным уличным таксофоном. Некоторые до сих пор приходят и злятся, когда я говорю, что телефон не работает, Джо занят, уходите. А того человека, что преклонялся перед Юнис, случайно, не Иоганном звали?

— Нет, не Иоганном. И Джоан его сейчас не зовут. Джиджи, я не могу сказать, кто он, без его разрешения. Джо что-нибудь говорил насчет арендной платы?

— По-моему, он об этом даже не задумывается. В каком-то смысле он еще ребенок. В его жизни существует искусство и секс, а другие вещи он замечает, только если его ткнуть в них носом.

— Тогда, возможно, он и этого не заметит. У меня с собой рация, я могу вызвать машину. Если скажешь Джо, что идешь за покупками, он тебя пустит?

— Конечно. Даже спорить не станет, хоть и решил весь день нас рисовать.

— Тогда скажи ему, тебе надо за покупками и я предложила съездить на моей машине. С машиной и двумя телохранителями вместо носильщиков можно основательно загрузиться. Если повезет, Джо не догадается, что я за все заплатила. В крайнем случае скажешь ему, что какая-нибудь его картина продалась.

Джиджи задумалась, затем вздохнула:

— Заманчиво. Но, зайка, я лучше поживу на одной пицце, пока мы правда не продадим картину. А мы продадим. Не надо чинить, что не сломано.

(Босс, она права. Не настаивайте.) (Юнис, у них на завтрак только кофе с сухим хлебом. Ладно бы это, но в холодильнике четыре готовых обеда и три пиццы, больше ничего. Три мы вчера слопали. Еще какая-то ерунда, совсем мало. Я не могу спокойно на это смотреть.) (Придется. Хотите обидеть Джо? Или рассорить их с Джиджи? Джиджи ему подходит, она сообразительная. Я все-таки лучше вас знаю Джо.) (Верно, Юнис, но людям необходимо питаться.) (Да, но пропустить пару приемов пищи — не беда.) (Черт побери, девчонка, да что *ты* знаешь о голоде?! Пожила бы ты, как я, в тридцатые!) (Хорошо, босс, хотите все испортить — валяйте. Я помолчу.) (Юнис, прошу тебя! Ты ведь сказала, что вчера у меня все отлично получилось.) (Так и было. Вот и продолжайте в том же духе. Не навязывайте им ничего. Либо оставьте все как есть, либо найдите иной способ добыть продукты.) (Хорошо, радость моя, попробую.)

— Джиджи, в этой банке свиной жир?

— Да, я его храню. Может пригодиться.

— Еще как! И тут еще два яйца.
— Да, но на троих их не поделишь. Давай одно тебе, другое Джо.

— Смотри и учись, детка; я покажу, как готовили во времена Великой депрессии тысяча девятьсот тридцатых.

Джиджи Бранка внезапно поникла:

— Джоан, у меня от тебя мурашки по коже. Никак не пойму, сколько тебе на самом деле лет. Ты ведь не настолько старая?

— Смотря как мерить, дорогая. В тридцатые мне было как тебе сейчас; я хорошо помню те времена. По тем меркам мне девяносто пять. Если же взглянуть с другой стороны, мне от роду несколько недель и я даже ползать без посторонней помощи не научилась. Постоянно допускаю промашки. Есть и третий способ — взять возраст моего тела, тела Юнис. Он мне больше всего по душе. Не делай из меня призрака, дорогая, обними меня и скажи, что это не так.

(Босс, что вы имеете против призраков?) (Ничего, у меня есть хорошие друзья-призраки, но я бы не хотел, чтобы моя сестра вышла за кого-нибудь из них замуж.) (*Очень смешно. Босс, кто сочиняет ваши шутки?*) (*Мы уже вышли замуж за призрака — в приемной доктора Олсена.*) (Ох! Жалеешь об этом, Юнис?) (Нет, босс, вы именно тот старый козел, простите, старый призрак, от которого я мечтала родить нашего маленького засранца.) (Я тоже тебя люблю, прилипала.)

Джиджи обняла ее.

— Сперва растапливаем жир и нюхаем, не воняет ли он. Если слегка воняет — ничего страшного, немного прогорклый годится. Затем вымачиваем в нем хлеб и поджариваем. Взбиваем яйца; сливок у нас нет, так что воспользуемся тем, что под рукой. Подойдет сухое молоко, мука или крахмал. Даже сухой желатин. Яйца не солим; жир может оказаться соленым. Досолим потом по вкусу. Можно добавить немного вустерского соуса, или соуса для стейков, или что-нибудь в этом роде, если найдется. Заливаем смесью куски поджаренного хлеба, по два на человека, украшаем паприкой, или сушеной петрушкой, или чем еще. Креативная готовка имени УОР. Накрываем на стол лучшую скатерть,

кладом настоящие салфетки, если есть. Ставим цветок, хотя бы искусственный, или свечку. Для красоты. Так, я жарю хлеб, а ты взбиваешь яйца, или наоборот?

Джо с неохотой сел за стол, рассеянно откусил хлеба — и изумился:

— Кто готовил?

— Мы вдвоем, — ответила Джоан.

— Однако. Вкусно.

— Джоан научила меня рецепту. Обязательно приготовлю тебе еще, — сказала Джиджи.

— Поскорее.

— Хорошо. Джоан, ты ведь умеешь читать?

— Конечно.

— Я и не сомневалась. Нам тут письмо от мамы Джо пришло, уже три дня лежит нераспечатанное. Все хотела найти кого-нибудь, кто бы прочел, но мне каждый день приходилось позировать, да и Джо не доверит письма матери первому встречному.

— Джиджи, Джоан наша гостья. Невежливо.

— Гостья, значит? Раз так, то я даже завтрак доедать не стану, а уж тем более позировать! Сейчас же вызову Фреда с Антоном и поеду домой!

(Так его, толстушка!) (Юнис, не груби.) (Что поделать, если я грубиянка? Да и вы тоже, если подумать; правда, не знаю, может, это с тех пор, как я поселилась у вас в голове.) (Сдаюсь. Но Джо не должен считать нас «гостями».) (Конечно нет. Надуйте губки, и пусть он вас поцелует — он еще не делал этого при свете.)

Джо задумчиво произнес:

— Извини, Джоан Юнис.

Джоан надулась:

— Извинений недостаточно. Поцелуй меня и скажи, что я — член семьи, а не гостья.

— Правильно, — поддакнула Джиджи. — Поцелуйтесь и помиритесь.

— Вот черт! — Джо поднялся, подошел к Джоан Юнис, приобнял ее и поцеловал. — Член семьи. Не гостья. Ешь, пока не остыло!

— Так-то. Спасибо, Джо. — (Он умеет лучше.) (Это мы знаем.) — Я не стану читать письмо, если ты меня не попро-

сишь. Джиджи, удивительно, что ты не умеешь читать. Ты очень грамотно говоришь. Плохое зрение?

— Нормальное. Говорить я умею, ходила на курсы, даже в театре играла. Наверное, стоило научиться читать, но я не жалею, что не научилась. Компьютер перепутал мои ответы на вступительном тестировании в школу, и я доучилась до шестого класса, прежде чем это заметили. Менять что-то было поздно, и я осталась на «практическом». Дальше разговоров о переобучении дело не зашло; директор сказал, нечего тратить деньги на тех, кого бесполезно учить. — Джиджи развела руками. — Может, потому, что он был цветной. Ну да я и не жалею, что не выучилась читать. Джо, принести письмо?

— Конечно. Джоан Юнис — член семьи.

Почерк у мамыши Бранки оказался неразборчивым, так что Джоан для начала прочла письмо про себя, чтобы потом не спотыкаться, — и тут же наткнулась на затруднение.

(Юнис! Что мне с этим делать?) (Близняшка, никогда не говорите мужчине то, что ему знать не нужно. Я опускала все лишнее. Даже в вашей корреспонденции, когда вы совсем плохо себя чувствовали.) (Знаю. Кое-что довелось перечитывать.) (Большую часть я сразу отправляла в шредер. Этому письму место там же, так что подвергните его цензуре.) (Милая, ты была женой Джо, а я нет. У меня нет права цензурировать его почту.) (Близняшка, для меня выбор между правдой и добротой очевиден.) (Заткнись! Я не буду цензурировать письма Джо!)

— Никак не разберу почерк, — извинилась Джоан Юнис. — Ладно, поехали:

*Дорогой малыш,
мама чувствует себя не...*

— Не читай все, — перебил Джо. — Перескажи.

— Точно, — согласилась Джиджи. — Мама Джо всегда пишет всякую хрень про шумных соседей, их собак, кошек и людей, которых Джо в глаза не видел. Расскажи, какие новости, и достаточно.

(Что я говорила, близняшка?) (Юнис, я все равно не буду цензурировать. Ладно, сплетни выкину. И может, перефразирую немножко.) (Босс, вы ведь со мной согласны. Не обманывайтесь.)

— Хорошо. Твоя мама жалуется на больной желудок...

Мамочка низдарова и лекарства нипомогают. Врач говорит это ни рак желутка, да что он понимает? Униво на табличке написано интернист, а все знают, что интернисты — студенты, ни настоящие врачи. Зачем мы платим налоги, если всякий студент можит миня уморить какбутто я кошка или собака, которых они всегда мучиют, как по тиливизору говорят?

— Джо, твоя мама пишет, что ее беспокоит желудок, но она обследуется у интерниста — это врач по внутренним болезням, они все очень грамотные специалисты, — и тот заверил ее, что это не рак и не какое-нибудь другое опасное заболевание.

От новова священника проку чуть. Сопляк а думает бутто знает все. Савсем миня не слушаит. Говорит, меня лечат не хужи других, хотя знает что это нитак. Сичас тут ниггерам все а нам ничево. Мы, белые, все здесь пастроили, кровью и потом за все платили, а стали никто. В пуликлинике твою маму заставляють ждать пока примут мексиканок! Ты только подумай!

— Она пишет, что в вашей церкви новый священник, младше прежнего. Он все проверил и убедился, что твою маму лечат как следует. Вот только очереди в поликлинике иногда длинные.

— Да и ладно, — сказал Джо. — Она все равно не работает, делать ей нечего.

У Аннамарии будит ребеночик. Сопляк-священник говорит, ей надо в роддом, а ты знаишь, какие эти они ужасные и вапще это нипоамерикански разлучать семьи. Раньше так ниде-лали; я об этом и сказала инспектору. Они тратють кучу денег на тех, кто этаво не заслужил, а нихотят дать нимношко приличной семье, которая всиво то хочит, что бы от нее от-стали. Однаво из близнецов Джонсонов — ни каторый вылетел из школы, а катораво выпустили под залог — снова замели! Вот в их семью инспектор бы и ходила, так нет, сказала мне нилезть ни в мои дела.

— Какая-то Анна-Мария беременна.

— Джо, это которая? — спросила Джиджи.

— Младшая сестра. Ей двенадцать. Может, уже трина-дцать, — пожал плечами Джо.

— Короче говоря, ваш священник просит, чтобы ее отправили в специальное учреждение для рожениц, но мама считает, что ей будет лучше дома. Еще она пишет про какого-то Джонсона.

— Плевать на него.

Малыш, мама ниполучала от тебя письма с тех пор как умерла Юнис. Из ваших соседей никто ниумеет писать? Мама очень волнуется, когда ниполучает весточки от сыночка. Я каждый день правиряю ящик, что бы никто ниукрал письма, но нинахожу ничего от моего малыша Жозе, только рикламу и счита рас в месяац.

— Джо, она жалуется, что ты давно ей не писал. Я с радостью запишу что-нибудь под твою диктовку, пока я здесь, и отправлю экспресс-почтой.

— Подумаю. Спасибо, — без энтузиазма ответил Джо. — Сначала картина. Что-нибудь еще?

(Юнис, осталось самое сложное.) (Так пропустите!) (Не могу!)

Я видела тебя по тиливизору и чуть ниумрла, когда ты сказал, что не взял тыщу миллионов долларов, на которые имел полное право. Ты савсем о маме нидумаешь! Зря я тебя любила, воспитывала и личила, когда ты ключицу сломал? Иди к этой мисс Йохан Бассейн Бок Смит и скажи, что бы пиристалала лыбиться, потомушта я этова так ниоставлю! Уже сходила к адвокату, он сказал возмеца за половину денег как только я ему заплачу тыщу на расходы. Я ему сказала что он ворюга, но ты скажи этой мисс Смит пусть заплатит, нито мой адвокат засадит ее в тюрьгу. Думаю можит мне взять всех и пожить у тебя пока она низаплатит и потом можит быть тоже. Жаль бросать старых друзей в Филли, но ктото должин о тебе заботится раз ты без жены. Для моево дарогова мальчиика я на все готова.

Цилую, мама.

— Джо, твоя мама видела судебные слушания по телевизору и слышала, как ты давал показания. Она жалеет, что ты отдал все деньги на создание Мемориального фонда Юнис, и считает, что лучше было оставить их себе.

Джо промолчал.

Джоан продолжила:

— Она пишет, что может взять всю семью и приехать к тебе, но по ее тону мне кажется, что она этого не сделает. Пишет, что любит тебя. Это все. Джо, я понимаю ее разочарование...

— Это мое дело, а не ее.

— Джо, позволь закончить? Из ее письма я могу сделать вывод, что она бедна. Мне тоже пришлось жить в бедности, и я понимаю, что она чувствует. Благотворительность в память о Юнис — прекрасный, широкий жест. Редкий мужчина почтит таким образом память своей жены. Я всецело одобряю твой поступок, а Юнис наверняка тобой гордится. — (Конечно, босс. Но, быть может, он немного перестарался? Джейк мог бы выделить часть денег на небольшое ежегодное пособие для Джо, чтобы хватало на еду, не более. Но Джо не принял бы даже этих денег. Так уж он устроен.) (Попробуем это исправить.) — Джо, что, если я стану платить небольшое пособие твоей маме? Денег мне не жалко, да и получать их будешь не ты.

— Нет.

— А если мне хочется? Она твоя мать; получив деньги, она тоже помянет Юнис добрым словом. Скажем...

— Нет, — сухо повторил Джо.

Джоан Юнис вздохнула:

— Надо было молча обстригать все через Джейка Саломона. — Она постаралась запомнить адрес на конверте, чтобы все равно сделать по-своему. — Джо, ты славный человек. Прекрасно понимаю, почему Юнис была так тебе предана. Я и сама в тебя влюбилась. Джиджи, не прими это как вызов, тебя я полюбила не меньше. Но, Джо, несмотря на любезность и галантность, ты еще и немножко упрямец.

(Еще бы. Босс, человека так просто не изменишь. Отстаньте от него. И адрес запоминать не обязательно, я бы вам его и так назвала.)

— Джоан?

— Да, Джиджи?

— Не хочу тебя обидеть, но Джо прав.

— Но...

— Потом поговорим. Пора позировать. Если нужно, сбегай в сортир, пока я мою посуду. Джо не терпится начать.

Джоан удивилась, что во время сеанса им с Джиджи можно разговаривать. Джо сказал, что уловил нужные выражения лиц на фотографиях, поэтому им было достаточно не менять позы. Разговоры его не отвлекали. Тем не менее Джоан все равно шептала, хотя Джиджи говорила обычным голосом.

— Сейчас объясню, почему не надо отправлять деньги матери Джо. Секунду... опять он за свое! Джо! Джо! Хватит вытирать краску об себя! Хотя бы шорты надень!

Джо не ответил, но послушался.

— Так вот, Джоан, если тебе некуда девать деньги, можешь спустить их в унитаз, только мамаше Джо не посылай. Она алкоголичка.

— Ой.

— Да. Джо об этом известно, социальному инспектору тоже. Ей даже пособие выдают не наличными, а чеком. Розовым, не зеленым. Но она все равно сбывает продукты и покупает вино. Не обращай внимания на хрень о больном желудке, если только не хочешь помочь ей поскорее допить до смерти. Невелика будет потеря. Дети прекрасно без нее обойдутся.

Джоан вздохнула:

— Жизнь меня ничему не учит. Джиджи, я всегда раздавала деньги направо и налево. Большой пользы никому не принесла, зато навредила многим. А все из-за того, что я люблю давать обещания!

— Милая, у тебя доброе сердце. Но в этот раз сдержись. При мне читали не одно ее письмо. Ты ведь его подправила?

— Заметно было?

— Да. Я помню, о чем она обычно писала. Сразу поняла, что целиком их лучше не зачитывать; Джо всегда расстраивался. Я быстро все схватываю; когда пыталась стать актрисой, с двух прочтений все реплики запоминала. Решила, что подсказки тебе не нужны, и оказалась права, хотя можно было и еще кое-что опустить, чтобы не расстраивать Джо.

— Джиджи, как у такого чудесного, такого талантливого человека, как Джо, могут быть такие ужасные родственники?

— Как мы становимся теми, кто мы есть? Все происходит само собой. Но, знаешь, невежливо перебивать людям косточки за их спиной.

— Прости, мне не стоило спрашивать.

— С *моей* стороны невежливо. Но я отвечу. Я сомневаюсь, что Джо имеет какое-то отношение к своей матери. Он совсем на нее не похож. У него есть фотография, где ей столько лет, сколько ему сейчас. Ни малейшего сходства.

— Может, он пошел в отца?

— Может быть. Тут не проверить: папаша Бранка давным-давно бросил семью. Да и где гарантии, что именно он был отцом Джо? Его отцом мог быть кто угодно.

— Так нередко случается. Взять хотя бы меня — я не замужем, но беременна. Не мне их судить.

— Ты не знаешь, от кого ребенок?

— Ну... знаю. Но никому не расскажу. Это моя тайна; могу себе позволить.

— Тогда не стану вынюхивать. Ты рада, и это главное. А что касается Джо... думаю, он сирота. Чей-то незаконный ребенок, каким-то образом оказавшийся у этой стервы. Джо на эту тему не высказывается. Он вообще мало говорит — разве что натурщицам объясняет, как и куда встать, сесть или лечь. От его матери только одна польза. Угадай какая.

— Сдаюсь.

— Джо не пьет. Мы держим в холодильнике несколько банок пива для друзей, но Джо к ним не притрагивается. К травке тоже. Он никогда не сядет в Круг с обкуренными. Наркотики — такая вещь; они под запретом, но достать их проще, чем жевательную резинку. Только в нашем комплексе живут три дилера. Но Джо даже не пробовал наркотики. — Джиджи смутилась. — Сначала я думала, он больной. Сама я не сидела на наркоте, но за компанию могла. А потом я перебралась к нему; у нас обоих хватало денег только на еду, и... в общем, я ничего не принимала с тех пор, как мы поженились. Мне и так хорошо. Я словно заново родилась.

— По тебе видно. Выглядишь здоровой и счастливой. А этот Большой Сэм был наркоманом?

— Наркоманом не был, но всегда был не прочь поесть, выпить и накуриться за чужой счет. Он не кололся — следы от уколов подрывают имидж гуру, да и внешний вид портят. А он своим телом гордился.

— Чем ты занималась, прежде чем стала его чело-
й?

— Ты хочешь сказать, его талоном на еду. Все тем же. Позировала, торговала собой. Чем еще? Сидела с детьми. Была официанткой в ресторане, разносила напитки нагишом, пока вместо меня не нашли грамотную девицу, умеющую писать. Я могла бы это оспорить; у меня отличная память, и я ни разу не перепутала заказы, но к чему споры, когда ясно, что от тебя просто хотят избавиться? Джоан, ты сказала, что всю жизнь раздавала деньги?

— Немного преувеличила. Деньги у меня появились уже после Второй мировой. Но даже в детстве, когда каждый никель давался с трудом, в скупердяйстве меня было не обвинить.

— Никель?

— Пятицентовая монета. Их делали из никелевого сплава, отсюда и название. Десятицентовики и доллары были серебряными. Даже золотые монеты были. Во время Великой депрессии мне полгода пришлось жить без денег, и мне помогали. Позже мне случалось помогать другим, в том числе этим людям. Но до серьезной благотворительности дело дошло, только когда денег стало больше, чем хотелось потратить или инвестировать. В те времена были такие налоги, что выгоднее было избавляться от денег, чем оставлять у себя.

— Прикольно. Я-то сама никогда налогов не платила.

— Тебе так кажется. Каждый человек с рождения становится налогоплательщиком. Проще добиться бессмертия, чем отмены налогов.

— Не буду спорить. Ты наверняка разбираешься в этом лучше меня. И сколько денег ты пожертвовала?

— До войны — не больше нескольких тысяч. По большей части — в долг людям, которые, мне было известно точно, вернуть не смогут. Много лет записывала... записывал это все в книжку, а потом сжег ее. Сразу полегло. С тех пор... точную сумму знает только мой бухгалтер. Несколько миллионов.

— Несколько миллионов? Долларов?

— Не изумляйся, зайка. С определенного момента деньги уже не деньги, а просто цифры в бухгалтерской книге или точки на компьютерном экране.

— Я не изумилась, скорее растерялась. Джоан, мне сложно представить такие суммы. Сто долларов я понимаю. Даже тысячу. Но столько — это все равно что национальный долг. Пустой звук для меня.

— Для меня тоже. Джиджи, это как игра в шахматы ради самой игры. Быстро надоедает. Вот ты не позволила мне купить продукты, хотя часть из них я бы сама съела. А миллион долларов от меня примешь?

— Э... нет! Об этом даже думать страшно!

— Это еще более мудрое решение, чем то, что ты приняла перед завтраком. Хоть Диогена зови!

— Это еще кто?

— Греческий философ, который искал честного человека. Так и не нашел.

Джиджи задумалась.

— Джоан, я не особо честная. Вот Джо — другое дело.

— Согласна. Но хочешь знать, почему твое «нет» было весьма разумным? Мое предложение было не вполне серьезным, но, если бы ты ответила «да», я бы не пошла на пятную. Однако мне было бы тебя жаль. Знаешь почему? Что плохого в богатстве?

— Мне всегда казалось, что быть богатой весело.

— В каком-то смысле. Настоящее богатство — как у меня — дает власть. Не стану утверждать, что власть людям ни к чему. Взять хоть меня. Не будь у меня столько власти, мы бы сейчас не разговаривали; старый Иоганн помер бы, и дело с концом. А мне нравится здесь. Нравится обниматься с тобой, пока Джо нас рисует. Нравится, что он считает нас красивыми, — это действительно так. Но власть — палка о двух концах. Рано или поздно мы становимся ее рабами. Джиджи, у богатого человека нет друзей, только бесконечное множество знакомых.

— Десять минут, — объявил Джо.

— Время передохнуть, — объяснила Джиджи.

— Что? Мы и так отдыхали!

— Встань, потянись, еще весь день впереди. У Джо есть таймер; если он говорит, что мы позировали пятьдесят минут, так оно и есть. Я хочу кофе. Будешь? А ты, Джо?

— Давай.

— Можно посмотреть?

— Нет. Может, в обеденный перерыв.

— Похоже, картина удастся, иначе Джо и не вспомнил бы про обед. Джо, Джоан говорит, что у богатого человека не может быть друзей.

— Джиджи, я ведь еще не закончила! У богатого человека могут быть друзья, но только такие, кому нет дела до его денег. Как ты. Как Джо. Но сначала такого человека надо найти, потом понять, что твои деньги ему не нужны, — а выяснить это ой как трудно! Таких людей очень мало; среди других богачей их вряд ли сыщешь. Потом еще нужно завоевать его дружбу, что куда сложнее, если ты богат. Богач всегда ждет от окружающих подвоха и носит маски, а это плохой способ подружиться. Поэтому в целом утверждение верно — у богачей нет друзей. Только знакомые, которых приходится держать на расстоянии, чтобы снова не обжечься.

Джиджи внезапно обернулась:

— Джоан, мы твои друзья.

— Надеюсь. — Джоан перевела взгляд с Джиджи на ее мужа. — В Круге я почувствовала вашу любовь. Но будет нелегко. Джо вспоминает Юнис, глядя на меня, а ты не можешь понять, что он при этом думает.

— Неправда! Так, Джо?

— Джиджи права, — ласково сказал Джо. — Юнис умерла. Дальше мы выполнили ее желание. Мне было ужасно тяжело, но Круг помог.

(Босс, можно мне на минутку взять над вами контроль? Девушке хочется, чтобы по ней хоть немного скучали.) (Юнис, давай не будем волновать Джо, мы ведь только его успокоили.) (Правда. Но если он еще раз нас поцелует, я не сдержусь и скажу, что я здесь.) (Ом мани падме хум.) (Ом мани падме хум — и к черту вас с вашим Диогеном. Поедем домой и позвоним Роберто.) (Милая, мы никуда не поедem, пока не расколем этот орешек.) (Ладно, ладно. А Джиджи даже нашей Винни фору даст, а?)

— Джо, я хочу, чтобы мы всегда были друзьями, чтобы наш Круг был нерушим. Но я не хочу, чтобы это стало для нас обузой. Несправедливо по отношению к тебе, Джиджи, да и ко мне тоже. Я не говорила, что у меня вообще нет друзей. Есть. Вы. Доктор, который заботился обо мне от чистого сердца, а не ради денег. Медсестра, на которой он скоро женится, для меня все равно что родная сестра. Четверо

моих телохранителей — с ними пришлось потрудиться, ведь я знала, что ты и Юнис с ними дружили. Странная вышла ситуация — для них я скорее ребенок, о котором они заботятся, чем друг или начальница. И один-единственный друг остался у меня с тех пор, когда я была Иоганном Смитом. Богатым и могущественным человеком, которого почти все ненавидели.

Джо Бранка осторожно произнес:

— Юнис тебя любила.

— Знаю, Джо. Бог весть за что. Наверное, в Юнис просто было столько любви, что она выплескивалась на всех вокруг. Будь я бездомным котенком, Юнис взяла бы меня домой и окружила любовью. — (Нет, это было нечто большее, босс.) (Милая.) — А того друга, который остался у меня с давних времен, ты знаешь. По крайней мере, видел. Джейк Саломон.

Джо кивнул:

— Джейк норм!

— Вы были знакомы?

— Близко. Хорошая аура.

— Джо, это тот адвокат, про которого ты рассказывал? — спросила Джиджи.

— Тот самый. — Джо повернулся к Джоан Юнис. — Спроси Джейка. А теперь на трон.

— Идем, Джоан. Джо нас покусает, если мы немедленно не начнем позировать.

Джо немного поворчал, пока они принимали позы, затем взял и передвинул ноги Джоан и одну ногу Джиджи чуть иначе, чем было раньше. Отошел, поморщился, вернулся к мольберту и принялся мастихином счищать краску с участка холста. Джиджи прошептала:

— Теперь он точно не покажет нам картину в обед.

— Почему?

— Бог знает. Джо и сам, наверное, не до конца понимает, зачем вносит изменения. Что-то ему не понравилось. Видишь, он перестал работать по снимку и теперь пишет прямо с нас. Вряд ли у нас получится посмотреть в ближайшее время. Не шевелись. Не чихай, не чешись и старайся глубоко не дышать.

— А говорить?

— Говори сколько угодно, только не двигайся.

— Не буду. Джиджи, мне было приятно узнать, что Джо с Джейком поладили. А ты с Джейком встречалась?

— Разок, мимоходом. В дверях столкнулись. Тогда я позировала Джо по найму. Еще не ушла от Большого Сэма.

(Близняшка, она что-то недоговаривает. Да и Джейк никогда не упоминал, что встречался с Джо помимо того раза, когда нужно было подписать бумаги.) (Юнис, на что ты намекаешь? Они наверняка встречались, когда Джейк решал вопросы с твоим банковским счетом, арендой и так далее.) (Вот именно, «и так далее». Босс, нельзя быть такой наивной. Они скорбели по одной и той же девушке, а Джо амбисексуален, как устрица.) (Юнис, какие у тебя пошлые мысли!) (Ха, от кого я это слышу? От давалки Смит? Близняшка, я прожила с Джо несколько лет; знаю, о чем говорю. Вылезайте уже из своего двадцатого века.) (Юнис, ты, безусловно, знаешь Джо лучше меня, и я ничуть не хотела его критиковать. Дело в Джейке.) (А с чего вы взяли, будто знаете Джейка лучше, чем я? Взгляните на Джо — сама невинность, согласны? А у Джейка глаз наметан. Чего спорить — попробуйте Джиджи.)

— Наверное, — осторожно начала Джоан, — Джейк приходил по делам. Юнис не оставила завещания, и он устроил все так, чтобы Джо мог снять деньги с ее счета. Кажется, какая-то страховка тоже была.

— Не знаю. Джоан, почему не спросить Джейка, как Джо сказал?

(Потому что Джейк соврет. Босс, мужчины врут о таких вещах чаще, чем женщины. Кого волнует, где обедал мужчина, если он возвращается к ужину? Уж точно не меня. Босс, вы дадите мне достаточно пищи для «пошлых мыслей». Но вы сами — лживая шлюшка; даже с собой не всегда откровенны.) (Поймать бы тебя да отшлепать, гадкая девчонка!) (Если бы вы могли, я бы не возражала. Так весело, когда тебя шлепают. И возбуждающе.) (Да заткнись ты уже!) (Так заткните меня чем-нибудь большим!)

— Джиджи, мне незачем спрашивать Джейка. Я знаю, что им нужно было решить много дел. Джейк восхищался стойкостью Джо, но я подумать не могла, что они дружили.

Джиджи Бранка задумалась.

— Не мне судить. Я в то время работала, Джо мне платил. Мистер Саломон — Джейк, как вы его зовете, — пришел как-то вечером, когда мы уже заканчивали. Джо представил его как адвоката своей бывшей жены. Потом он заходил еще пару раз. Но с тех пор, как мы с Джо поженились, я его ни разу не видела.

(Пустая болтовня, босс. Она не хочет выдавать чужие секреты. Весьма похвально, учитывая обстоятельства.)

— Ну и ладно. Джиджи, где Джо учился рисовать? Или у него врожденный талант?

— И то и другое. Скажу по чесноку, потому что от Джо ты ничего не добьешься. Он считает, что научить можно только технике. Творческими способностями научить невозможно, у каждого художника они свои. Если они есть — Джо считает, у большинства так называемых художников их нет. Он зовет их малярами. Говорит, что лучше быть честным маляром, чем обманщиком, выдающим себя за художника. Ты видела, что он умеет. Вчерашний мой портрет и работы в студии. В кофейнях и книжных магазинах нашего района висят другие его картины. Обнаженную натуру он пишет как никто другой; не нужно глядеть на подпись, чтобы узнать его работу. Они по большей части совершенно приличные, но цепляют. Джо и секс может написать, как-то раз сделал это на спор со мной, а потом соскоблил краску. Я спросила, почему он не пишет секс, когда он так хорошо продается. Джо пожал плечами и ответил, что не его символика... Джо знает, что он не Гойя, не Пикассо и не Рембрандт. Он и не стремится быть одним из них. Он лишь хочет писать по-своему, в своей символике — и выручать столько, чтобы хватало на еду. Иногда я сержусь на него, зная, что одна-единственная фримп-сцена, которая будет цеплять, как он умеет, прокормит нас несколько месяцев. Но я уже не пристаю к нему с этим, потому что Джо только пожмет плечами и ответит: «Джиджи, я не комиксы рисую». Джо — это Джо. Ему плевать, что делают другие художники, плевать, принесут ли ему картины славу и деньги. Многие наши друзья — художники или зовут себя художниками, но Джо нет дела до того, что они пишут. Он даже не обсуждает с ними картины. Если они хорошие, добрые люди с хорошей аурой, Джо будет с ними общаться и приглашать их сю-

да, но будь ты хоть Рембрандт, если ты плохой человек, Джо тебе даже присесть рядом не позволит. Все, чего Джо хочет, — писать картины без чьей-либо указки. И не спать в одиночестве.

Джоан задумчиво произнесла:

— Не думаю, что ему часто приходилось спать в одиночестве.

— Наверное. Но Джо не станет спать даже с Еленой Прекрасной, если ему не нравится ее поведение. Взять хоть твоих телохранителей — у тебя же их две пары? Один из них здоровенный негр. Хьюго?

— Ты знакома с Хьюго? — обрадовалась Джоан.

— Ни разу с ним не встречалась. Для меня он вроде героя африканских сказок. Знаю только, что Джо очень хочет написать его портрет... и очень его любит. Платонически; хотя не сомневаюсь, что Джо охотно переспал бы с Хьюго, если бы тот захотел. — (В очередь! Я первая Хьюго увидела!) (Заткнись, подстилка!) — Но этому не бывать; Джо не станет проявлять инициативу. Он даже за мной не ухаживал, да и я за ним. Мы просто переспали и поняли, что подходим друг другу как бекон к яичнице.

(Везет же некоторым! Мне пришлось его уламывать!) (Дорогая, ты, в отличие от Джиджи, просто нетерпелива.) (Босс, я вам это припомню.)

Уверена, что Джо не приставал к Хьюго с просьбой позировать. Ему важнее дружба. Однако он рассказывал о паре своих идей. Первая — изобразить Хьюго на невольничьем аукционе. Исторический фон, покупатели — сплошь белые женщины. Хьюго в полный рост, усталый, но невозмутимый, а женщины — только головы и плечи. И у каждой только что слюнки не текут. Но Джо сказал, что не стал бы писать такое, чтобы не ворошить старое. А вот другую картину он бы с радостью написал: просто Хьюго, огромный, как скала. Никакого сексуального символизма — хотя, думаю, такой здоровущий мужик всегда сексуален, — просто могучий, мудрый и благородный Хьюго. И любящий. По крайней мере, Джо так о нем отзывался. Говорил, что назвал бы эту картину «Иегова».

— Джиджи, может, я смогу помочь?

— А? Ты не можешь приказать Хьюго позировать. Джо это не понравится.

— Милая, я не дура. Может, сумею объяснить Хьюго, что позировать Джо вовсе не грех. Попытка не пытка.

(Босс, скажите Хьюго, что позировали Джо нагишом. Пускай задумается.) (Скажу, Юнис, но это будет лишь первый шаг.) (Вы ведь не думаете соблазнить Хьюго? Я этого не позволю! Руки прочь от преподобного Хьюго!) (Юнис, не держи меня за дурочку. Ради Хьюго я готова все отдать; он ведь прикончил того ублюдка, который убил тебя. Но я не стану предлагать ему то, что он не примет. Иначе он уйдет от меня и будет до скончания дней молиться за спасение моей души. Я солидарна с Джо; нельзя выкручивать Хьюго руки, нужно принимать его таким, какой он есть.) (Попробовали бы вы выкрутить ему руку. Они у него толще, чем у нас ноги!) (Я про психологическое выкручивание рук, близняшка, и ты прекрасно это знаешь.)

— Джиджи, у меня будет лишь одно условие, — сказала Джоан. — Джо должен будет отказаться от такого названия.

— Джоан, ты плохо знаешь Джо. Он ни за что его не меняет.

— Пускай оставит его при себе. Хьюго так же крепок в своих убеждениях, как Джо — в своих. Он ни за что не согласится, чтобы его портрет носил имя «Иегова». Для него это святотатство. Но если Джо сохранит название в секрете, я попробую уговорить Хьюго. Объясни это Джо. Кстати, ты так и не ответила, где Джо учился.

— Джо всегда умел рисовать. Он так хорошо запоминает все, что видит, что мог бы научиться читать, если бы захотел. Когда ему было четырнадцать, он с другими ребятами угодил в полицию. Дежурный по отделению обратил внимание на его рисунки. Дожидаясь, пока его отведут к судье и вынесут предупреждение, Джо рисовал в блокноте карандашом. Нарисовал и портрет того дежурного, хотя видел его всего пару минут. Так началась его карьера. Вместо того чтобы поставить Джо на учет, дежурный отвел его к священнику, а потом они вместе отвели его к местному художнику, чтобы показать рисунки. Художник работал в смешанных жанрах — писал и классические картины, и коммерческие. Хорошо зарабатывал. Он был смешанным и в другом роде. Как устрица. Не знаю, понравились ли ему рисунки Джо, но он предложил ему сделку. Джо разрешалось прихо-

дить в студию когда заблагорассудится, пользоваться его красками и писать его натурщиц, а взамен Джо обязался позировать. Выиграли оба. Сама видишь, каков Джо сейчас; в четырнадцать лет он, должно быть, дал бы фору любой девчонке — и художник наверняка так считал. Джо согласился и вскоре перебрался от матери в студию. Лучшее событие в его жизни. Там он ел и ночевал. Кровать была одна, как и здесь.

— То есть Джо был его любовником? Наверное, я не должна удивляться. Пусть мне и девяносто пять, я стараюсь быть современной.

— Джоан, в то, что тебе столько лет, я поверю не охотнее, чем в тот миллион долларов. Я назвала художника устрицей, а не гомиком. Он был женат — или, по крайней мере, спал со своей любимой натурщицей. Думаю, с ней Джо лишился девственности. Как бы то ни было, она многому его научила и хорошо с ним обходилась. У них была славная жизнь втроем. Но, несмотря на то что художник — мистер Тони, как Джо его называет, — делился с Джо и студией, и материалами, и женой, он был строгим учителем. Он не позволял Джо пользоваться мастихином и широкой кистью, запрещал искажать предметы, писать абстрактные и психоделические изображения. Он учил его анатомии, композиции, работе с кистью и цветом. Полный курс академической живописи, включая мытье кистей и подметание студии. По словам Джо, если бы не мистер Тони, он до сих пор бы рисовал шкурки от сосисок. Джо узнал, что он может, что хочет и как это сделать. Не так, как делал учитель, хотя в основе у обоих одна и та же старая академическая школа. Джо нашел свой стиль путем проб и ошибок. Современные методы, позволяющие существенно упростить работу, Джо тоже освоил, но он прекрасно умеет писать с нуля — чем и занят с нашего последнего перерыва. Он может написать картину так, что она будет совсем как фотография. А может наоборот.

— ...никогда не говорила, что бедным быть лучше, чем богатым. Джиджи, это не так. Но и у бедных, и у богатых есть недостатки. Наверное, лучше быть где-то посередине, если получится там удержаться. Но... послушай, а Джо охраняет тебя, когда ты ходишь за продуктами?

— А? Конечно нет. Иногда он выходит, чтобы помочь мне все донести, но не охраняет. Спускается со мной на лифте, если я выхожу в такое время, когда лифт может оказаться пустым, — мы с ним не дураки, и мне совершенно не хочется стать жертвой грабителя. На обратном пути то же самое. Если я задерживаюсь, он всегда ждет меня у лифта. Но обычно я хожу одна. Привыкла. Просто я знаю, куда можно, а куда нельзя ходить.

— Джиджи, не сомневаюсь. В парк ты, наверное, никогда не заходишь.

— Даже среди белого дня! Меня однажды изнасиловали. Приятного было мало, повторять не хочется. Особенно с толпой незнакомцев, пускающих тебя по кругу. Снести бы уже все городские парки.

— А лучше сразу весь город. Однако, Джиджи, ты гуляешь вполне свободно. Я так не могу. Даже в сопровождении охраны я вынуждена всегда прятать лицо. Нельзя, чтобы меня узнавали. Мне постоянно приходится быть настороже. Вам достаточно запереть дверь на замок, а мой дом должен выдерживать взрыв бомбы — и несколько раз уже выдержал. Мне нужно опасаться не только похитителей и убийц, но и докучливых людей, которым хочется до меня дотронуться. Так было и сейчас, и во времена Иоганна. Деньги притягивают бандитов, наркоманов, и единственное спасение — нанять круглосуточную охрану, поселиться в неприступной крепости и стараться, чтобы тебя не узнали. Жить нормальной жизнью в таких условиях невозможно. Вдобавок... Джиджи, ты и представить не можешь, какое удовольствие я получаю от мытья посуды!

Джиджи опешила:

— Что? Джоан, я не знаю, что на это ответить. Я знаю, как трудно быть богатым, смотрела по телевизору. Но мытье посуды — не удовольствие, а ужасная скукота. Я часто оставляю немытую посуду с вечера; пока перемою ее перед завтраком, уже никакой еды не хочется.

— Вот тебе мой совет. Юнис была моей секретаршей много лет, и от нее я знаю кое-что о матери Джо. — (Босс, я же ни разу ее не упоминала!) (Можно мне хоть раз сочинить небылицу без твоей помощи?) — Она была — и остается — настоящей свиньей. Квартира у вас небольшая, если

держат ее в чистоте, Джо не обратит внимания, когда у тебя появятся первые морщины — а они появляются у всех. Но грязный унитаз и гора посуды в раковине всегда будут напоминать ему о матери.

— Джоан, я стараюсь! Но невозможно одновременно делать уборку и позировать.

— Приложи все силы. Спи меньше, если необходимо. Ради такого мужчины, как Джо, можно и потрудиться. А что до мытья посуды — для тебя это, может, и морока, а для меня — удовольствие. Синоним свободы. Здесь у нас нет слуг, а когда я уеду, вы с мужем останетесь вдвоем, отрезанные от внешнего мира. Я же не могу отсечь себя от мира. Гм... дай подумать... у меня на службе четверо телохранителей, начальник охраны, у которого в подчинении двенадцать часовых, из которых трое всегда на посту, а остальные — наготове. Все, кто женат, — то есть почти все — живут с семьями в моем доме. Еще у меня есть личная горничная, камердинер, который раньше обслуживал меня, а теперь обслуживает гостей, — не смогла его уволить; я никого не увольняю без веской причины. Еще дворецкий, шеф-повар, трое... тьфу, всех и не упомнишь. Короче говоря, в моем доме живет еще человек шестьдесят.

— Ужас какой!

— Вот именно. Ужас. Столько народу обслуживает одного. Но я никого не могу просто отпустить без замены. Дом был спроектирован так, чтобы требовался лишь минимальный персонал. Многие в нем автоматизированы. Есть роботы-лакеи, есть кровать, которая позволила старому Иоганну несколько лишних лет обходиться без сиделки. Понимаешь, что все это значит? Что вышло только хуже! Мне пришлось нанять старшего по дому и команду механиков, иначе техника не работала. Я ни минуты не могу побыть в одиночестве. И все сложности — чтобы обслуживать одного человека, которому это совершенно не нужно.

— Джоан, а почему не избавиться от этого всего? Переехать куда-нибудь и начать с нуля?

— Куда переехать, милая? Мне такая мысль приходила, уж поверь. Но дело не только во мне, дело еще и в моих деньгах... они неотделимы от меня, а значит, мне надо опасаться похитителей и всего такого. Я не могу даже обнали-

чить деньги и спустить в унитаз; большие деньги так не работают. Даже если бы могла, никто бы не поверил, что я это сделала. Я бы попросту осталась без защиты и не прожила бы и двух дней. К тому же... ты любишь кошек?

— Обожаю! Мне как раз обещали отдать котенка.

— Хорошо. Тогда скажи — смогла бы ты избавиться от кошки, которую вырастила?

— Что? Ни в коем случае. Это каким надо быть негодяем?

— Согласна. У меня было много кошек. В некоторых случаях приходится их усыплять — из гуманных соображений. Иногда даже убивать собственными руками, если не доверяешь посторонним. Но отдавать кому-то взрослую кошку нельзя. Так вот, Джиджи, людей нельзя усыпить, как кошек.

— Не понимаю.

— Что мне делать, например, с Хьюго? Он со мной много лет, выполняет единственную работу, которую умеет, если не считать проповедей, за которые ему не платят. Джиджи, верные слуги все равно что кошки — на улицу не выбросишь. Конечно, они могут найти другую работу. Но что, если бы Джо сказал тебе: «Уходи, между нами все кончено»?

— Я бы заплакала.

— Вряд ли мои слуги заплакали бы, а вот я — наверняка.

— Но я бы пережила!

Джоан вздохнула:

— Все мои ребята тоже пережили бы; они профессионалы, иначе я бы их не наняла. У меня хватило бы денег, что-бы обеспечить таких, как Хьюго, — хоть на что-то хорошее эти деньги сгодились бы. Если деньги способны что-то решить — решай это с их помощью. Джиджи, из моей ситуации наверняка есть выход, и я его найду. Я просто хотела объяснить, что все не так просто, как показывают по телевизору. Возможно, достаточно будет лишь снова изменить имя, внешность и переехать куда-нибудь.

— Даже не думай менять внешность!

— Ты права, нельзя. Это лицо Юнис, доверенное мне на временное хранение. Джо, да и другим людям не понравилось бы, если бы я его изменила. — (Босс, в первую очередь

это не понравилось бы мне!) (Любимая, я ни за что не стану менять твое прекрасное лицо. Я им дорожу.) — Оставлю все как есть. Жаль, что приходится его прятать. Меня слишком часто показывали по телевизору и печатали в газетах. Но я что-нибудь придумаю.

Джоан Юнис смотрела на почти законченную картину с трепетом. Она знала, что унаследовала прекрасное тело, знала, что Джиджи тоже в своем роде красавица, и, глядя на этих «греческих девиц», видела в них поразительное сходство с собой и Джиджи.

Однако «реализм» Джо Бранки был фантастическим. Две нимфы на лесной лужайке были пышными, чувственными, соблазнительными настолько, насколько никак не могли быть они, растянувшиеся на платформе из ящиков и болтающие об алкоголизме и грязной посуде.

— Как тебе? — спросила Джиджи. — Говори честно; Джо плевать на любое мнение, кроме собственного.

Джоан перевела дух:

— Как ему это удастся? У меня соски твердеют от одного взгляда на эту картину, хотя на ней изображены всего лишь мы с тобой. Мы ведь все время валялись и болтали, не прикладывая ни малейших усилий, чтобы выглядеть вот так? Не обсуждали ничего сексуального, даже не ласкали друг друга. А эта картина пробирает до самых яичников. Представить боюсь, как она подействует на мужчину.

— Обманка, — сказал сзади Джо.

— Обманка, черта с два, — ответила Джоан. — Мои глаза не обманешь. Я поражена! Можно ее купить?

— Нет.

— А? Тыфу ты. Собираешься продать ее какой-нибудь старой лесбиянке? Мне, между прочим, девяносто пять, и при взгляде на картину я чувствую себя вполне лесбиянкой.

— Она твоя.

— Что? Джо, даже не думай. Ты сказал, что собираешься ее продать. Джиджи, поддержи меня!

Джиджи воздержалась. Джо повторил:

— Она твоя, Джоан. Бери, если хочешь.

— Джо, какой же ты упрямый. Ума не приложу, как Джиджи тебя терпит. Если ты просто отдашь мне эту картину, я сразу же ее уничтожу...

— Нет! — воскликнула Джиджи.

Джо пожал плечами:

— Твои проблемы. Не мои.

— ...но если ты продашь ее мне по стандартному тарифу, я повешу ее над кроватью Джейка Саломона, чтобы он каждое утро просыпался счастливым. — (Вы его разбомбили, близняшка! Пора искать выживших!) — Джо, выбор за тобой. Отдай мне картину бесплатно, и я ее покромсаю. Продай — и ее получит Джейк Саломон. Конечно, ты можешь продать ее через аукцион, но я найму сыщиков и все равно куплю ее через посредника. И ты никогда не узнаешь, что с ней стало. А можешь просто оставить ее себе, чтобы любоваться; она превосходна.

— Джо, хватит упрямиться, — сказала Джиджи. — Ты ведь будешь рад, если картина окажется у Джейка.

— Джиджи, сколько Джо берет за такие картины?

— Цену назначаю я. Обычно оцениваю по размеру.

— И сколько за такую?

— Ну... я стараюсь не брать меньше двухсот пятидесяти долларов.

— Возмутительно!

— Джоан, учитывая, что на нее ушел весь сегодняшний день и вчерашний вечер, включая мое свободное время — твое тоже, но раз ты сама покупаешь картину, его я при оценке не учитывала, — плюс комиссионный сбор, который нам приходится платить... это невысокая цена.

— Милая, я имела в виду «возмутительно дешево». Я не покупала картины вот уже лет двадцать, но твердо знаю, что цена этой — не меньше тысячи долларов. А дальше зависит от спроса. Когда Джейк умрет и картина попадет на аукцион, она точно уйдет дороже тысячи, потому что я не позволю ей оказаться в руках постороннего. Но не в моих правилах поднимать цену выше назначенной. Ты назвала двести пятьдесят, и меня это устраивает. По рукам.

— Джоан, ты не дала мне закончить.

— Ох. Прости, дорогая.

— Я стараюсь не брать меньше двухсот пятидесяти за картины такого размера, когда продаю их через галереи. Но половина этой суммы уходит галеристу, иначе картину не выставить. Поэтому твоя цена — сто двадцать пять.

— Нет.

— Почему?

— Просто «нет». Такое же, как у Джо. Залог успешного бизнеса — никогда не демпинговать посредника. Он вас грабит; его комиссионные должны быть двадцать пять процентов, не больше. Но не сбивайте цену ниже той, которую он запрашивает, иначе прогорите. Я не слишком разбираюсь в искусстве, зато прекрасно разбираюсь в бизнесе. Наличными или чеком?

— Наличными, если у тебя столько есть. Можешь и позже заплатить.

— Сейчас. И выпиши мне квитанцию, чтобы картина официально стала моей, пока твой упрямый муженек не передумал. Написать квитанцию за тебя, Джиджи?

— Не надо, у нас есть бланки. Цифры я знаю и подписываться умею. Так-то!

— Отлично. Но мне нужно еще кое-что.

— Что?

— Поцелуйте меня. Я весь день хорошо себя вела и покорно позировала, а меня за это даже не чмокнули. Пускай Джо поцелует меня в знак извинения за свое упрямство, а я поцелую тебя за то, что помогла мне с ним совладать. Джо, поцелуешь меня?

— Да.

— Так-то лучше. А как насчет проводить двух симпатичных девушек — то есть меня и Джиджи — до супермаркета? Если Джиджи купит нам стейк, я приготовлю его и устрою нам пир. Джиджи, купишь стейк?

— Конечно. Из говядины или конины?

— Гм... вынуждена признаться, что давно не была в магазине. Давай на твой вкус.

— Ну... тогда из конины.

— Так и быть. Главное, чтобы нам не продали сбрую.

На заседании Ассамблеи ООН бирманская делегация обвинила Китай и США в том, что лунные колонии — лишь прикрытие для строительства военных баз. Пресс-секретарь Комитета по контролю за загрязнением окружающей среды опроверг сообщения о «массовой гибели оленей в Йосемитском национальном парке из-за отравленной воды и эмфиземы». Он заявил, что в парке соблюдается здоровый экологический баланс и новые стада будут здоровее прежних.

Преподобный доктор Монтгомери Чанг, доктор богословия, Смирненнейший верховный руководитель корпорации «Путь», выступил перед подкомитетом неписаных законов судебного комитета сената в поддержку обязательного лицензирования дзен-буддистских наставников и присвоению им де-факто и де-юре статуса врачей. «Самопровозглашенные гуру портят репутацию рационального мистицизма. Нельзя больше позволять кому бы то ни было обучать медитации, йоге и трансцендентальной философии без жесткого контроля и лицензии на соответствующий род деятельности, как не позволено без разрешения кататься на лыжах, заниматься серфингом или обрамлять картины без сдачи соответствующего экзамена. Мнение, что данный закон нарушает Первую поправку, беспочвенно; напротив, он защищает приведенные в ней нерушимые обязательства». Отвечая на вопросы, он отметил, что смиренно принял бы предложение занять пост руководителя соответствующей комиссии, если бы от него потребовали такой жертвы. Продолжается операция по поиску выживших после урагана «Хильда». Официальное число погибших на данный момент составляет 1908 человек.

Агентство внутренней безопасности ввело временный запрет на передачу между штатами данных о публичных беспорядках с участием четырех и более человек и тут же выпустило второй документ с запретом на обнародование первого. Госсекретарь уведомил президента, что телеканалы и инфор-

мационные агентства добровольно выполняют все требования в интересах всеобщей безопасности. В ходе слушания по делу установления личности промышленного магната Иоганна С. Б. Смита наиболее громкое заявление сделал судья Хэнди. Проснувшись посреди заседания, он хлопнул рукой по столу и объявил: «Разрешаю развод!», — после чего продолжил спать как ни в чем не бывало. Верховный суд семью голосами против двух поддержал суд предыдущей инстанции в расширении и прояснении принципов, первоначально сформулированных в деле «Семья Генри М. Парсонса против штата Род-Айленд». Четверо из семи проголосовавших за и один из проголосовавших против согласился с тем, что в деле имела место легальная смена пола, двое возразили, один (судья Хэнди) представил двадцатистраничный доклад, доказывающий, что подобное смешение полов противоречит общественным интересам и законам Божьим и что Иоганн Смит, как и Юнис Бранка, должны быть признаны мертвыми, а получившееся в результате чудовище не обладает правосубъектностью. Девятый судья ограничился особым мнением из одной фразы, заключавшимся в том, что в данном деле пол вообще не важен. Один судья из большинства тем не менее заявил, что в интересах общества донорское тело необходимо было хирургически стерилизовать, и попросил рассмотреть в конгрессе вопрос об обязательной стерилизации в подобных случаях. О тринадцати заключениях так называемых друзей суда и одной направленной в суд петиции никто из судей не упомянул. В другом деле, слушавшемся в тот же день (штат Иллинойс против Сэма Дж. Робертса), обвинительный вердикт был отменен в связи с тем, что домовладелец (покойный) не зачитал Робертсу права перед попыткой взять его под гражданский арест.

Специальное предложение «Синей птицы».

РАЙ НА ЗЕМЛЕ!

Пара ищет пару для совместного проживания, любви и дружбы. 3 сплн., 2 внн., охрана, все удоб., рдм. част. шкл., *оранжерея*. Комп типы (по пр. Рэнкина) ♂ 690 047, ♀ 890 047 — рассматриваются кандидаты с совместимостью от 85 %. «Один за всех, все за одного!» Предварительный взнос не требуется. Стереофото и нотариально заверенные результаты теста Рэнкина присылайте по адресу: «Синяя птица, лтд.», п/я 69.

На основании доказательств, представленных в ООН китайской делегацией, Комитет по атомной энергетике повысил допустимый уровень содержания стронция-90 в цельном молоке. Преподобный Томас Баркер из Лонг-Бич, штат Калифорния, в видеопроповеди «Равное время для Бога» объявил, что конец света наступил 31 декабря 1999 года в полночь по тихоокеанскому времени, а все, что произошло с тех пор, — «дьявольская иллюзия, не имеющая формы, сущности и реальности».

Мисс Смит поздоровалась с О'Нилом и сказала, что Дабровски и Фред отправятся с ней наверх отнести огромные пакеты. Один был столь велик, что с трудом поместился в лифт. Когда пакеты, телохранители и сама мисс Смит втиснулись в лифт, она остановила кабину и скинула плащ.

— Ребята, позвольте отблагодарить вас поцелуями. Только прошу, ради всего святого, не прижимайтесь ко мне и не измажьтесь краской. Лучше просто держите мое лицо в ладонях. И не спешите...

Через пару минут Джоан осмотрела себя в лифтовое зеркало, убедилась, что макияж и прическа почти не пострадали, и отправила лифт на нужный этаж. Дабровски надел на нее плащ, и она застегнулась на все пуговицы. Когда лифт остановился, Джоан надела чадру.

— Мисс, в будуар или гостиную?

— Сначала проверим, занят ли мистер Саломон.

Они прошли за ней по длинному коридору к Зеленым комнатам. Джоан убедилась, что знак «не беспокоить» над дверью не горит, и позвонила.

Из динамика раздалось: «Входите!»

Дверь открылась, Джоан шагнула внутрь:

— Поставьте пакеты у входа и можете быть свободны.

— Есть, мисс.

Когда телохранители ушли, из спальни появился взъерошенный Джейк и тут же замер:

— Ну и где ты, черт побери, пропадала?

— Гуляла.

— Пфф! Пять дней? *Пять* дней!

— И что? Куры не кормлены? Свиньи разбежались? Коровы не доены?

— Не в этом дело. Я...

— Как раз в этом. Джейк, в мое отсутствие ничего страшного не случилось. А раз ты мне не муж, то я не обязана отчитываться, куда хожу и когда прихожу. Впрочем, из вежливости я все-таки передала тебе записку с Каннингемом. Ты ее получил?

— Да, но...

— Тогда ты знал, что со мной все хорошо. В экстренном случае ты всегда мог отправить послание с ребятами или приехать сам. Тебе были бы рады. Сам знаешь, двери Джо всегда для тебя открыты, да и Джиджи — лапушка.

— Джиджи?

— Ты ее знаешь. Точнее, встречал. Миссис Джо Бранка.

— *Что?!*

— Джейк, чему ты так удивляешься? Людям свойственно заводить новые семьи, особенно если они были счастливы в прежнем браке, как Джо. Теперь он снова счастлив, и я за него рада. Уверена, что Юнис тоже.

(Конечно, босс. Только давайте без излишнего рыцарства. Это исключительно мужская черта — по мужскому же мнению.)

— Не верю.

— Что в этом удивительного?

— Не могу представить, чтобы человек, который был женат на Юнис, мог жениться на другой.

(Надо же, какой у меня поклонник! Близняшка, сегодня будем с Джейком особенно ласковы.) (Если он сам не начнет вести себя поласковее, будет сегодня спать один! А вот я — ни за что. Интересно, Антон с Фредом уже уехали?) (Успокойтесь, босс. И успокойте Джейка.) (Нет, не успокойсь! Он не прав, а я права!) (Близняшка, солнце мое, когда вы наконец усвоите, что «правотой» мужскую симпатию не завоевать? Мужчины иначе устроены, им чужда логика. Даже если вы правы, а мужчина — нет, лучше извиниться. Извинитесь, да поубедительнее. Ом мани падме хум.) (Ом мани падме хум. Фримп, как же трудно порой быть женщиной! Зато весело. Ладно, любимая, смотри, как я его обработаю.)

— Джейк, дорогой, прости, что огорчила тебя этим известием. Прошу, не суди его строго. Джо необходима жена — пусть и не Юнис. Прости, что заставила тебя волноваться, сбежав так надолго и не встретив тебя из поездки с улыбкой

и распростертыми объятиями. Я не ждала тебя раньше чем через неделю. Мне казалось, ты задержишься дольше. Гораздо дольше.

— Верно, я и сам думал, что дело затянется. Но мне удалось попасть к верховному судье уже на второй день, и он заверил меня, что слушания поставят на ближайшую свободную дату и что он уже ознакомился — неофициально — с предварительной расшифровкой записей. Вот так.

— Гм! Взносы на избирательную кампанию — полезная штука!

— Джоан Юнис, не говори так. Особенно в адрес верховного судьи Соединенных Штатов. Даже твой дом могут прослушивать.

— Извини, ляпнула, не подумав. Я благодарна тому, кто заслужил мою благодарность. Тебе.

— Это почти целиком заслуга Мака. Он сейчас в ударе. Даже думать не хочу, как он сумел заранее передать предварительную расшифровку... хм... нужному человеку.

— Я признательна Маку и Алеку, но в первую очередь тебе, мой дорогой, надежный, замечательный во всех отношениях Джейк.

(Юнис, я не пересаливаю?) (Босс, с мужчинами не переколишь. Говорите им, что они ростом восемь футов, говорите достаточно часто и с придыханием, так они станут пригибаться в семифутовых дверных проемах.)

Джейк выглядел довольным, и Джоан продолжила:

— Значит, скоро все разрешится?

— Крошка, ты что, новости не слушаешь?

— Стараюсь не слушать.

— А стоило бы. Все уже разрешилось. Ты победила, окончательно и бесповоротно.

— Правда?! Не сомневалась, что мы победим. Ты замечательно все провернул! Удивлена лишь, что все закончилось так быстро. Нужно было следить за новостями, но я была слишком занята. Передо мной стояла сложная задача — я имею в виду Джо, — и когда ее выполнять, как не в твое отсутствие?

— Джоан Юнис, я тебе говорил не приближаться к Джо. Если у его нового брака и был шанс наладиться — умом я понимаю, что мужчине нужна жена, — даже если такой

шанс был, ты поставила его под угрозу. Может быть, загубила. Как он воспринял твой визит? Плохо?

— Джейк, я провела у них пять дней. Будь все плохо, я бы и дня не задержалась. Миссия выполнена. Все хорошо.

Джейк удивился, затем задумался.

— Гм. Там одна комната... и если я правильно понимаю, ты не выходила оттуда пять дней. Дорогая, каким именно образом ты выполнила свою «миссию»? Или мне лучше воздержаться от вопросов?

Джоан серьезно посмотрела на него и ответила:

— Джейк, я перед тобой в долгу, поэтому спрашивай что угодно. Я не стану увиливать от ответа. — (Увиливать не станете, но и отвечать начистоту — тоже? Ах вы, коварная сучка!) (Юнис, я не лгу Джейку...) (Вранье!) (...больше, чем нужно для его счастья.) — Чтобы помочь Джо свыкнуться со смертью Юнис, мы медитировали. Джиджи мне очень помогла; отчасти поэтому я считаю, что она станет Джо хорошей женой. Но если ты полагаешь, что я предложила ему зомби — оживленное тело мертвой жены, — то я знала, что так не годится. Это неправильный путь. Джо ко мне и пальцем не притронулся. Точнее, он вполне свободно и без стеснения ко мне притрагивается, но как к сестре. — (Интересно, близняшка, в семейке Джо инцестом не промышляла? У меня были опасения на сей счет.) (Заткнись!) — Он даже целует меня по-братски. Вот только...

— А? Что, милая?

— Если бы Джо захотел это тело, я бы ему отдалась. Я готова отдать ему все, что в моих силах. Понимаешь? Я права или нет?

— Ну... да, права. Но Джо поступил верно. Для него это стало бы непоправимой ошибкой. А для тебя — тяжелым грузом.

— Очень тяжелым. Но я бы не дала ему этого понять. Вышло так, как вышло, и я польщена, обрадована и благодарна Джо за то, что он предложил мне свою искреннюю дружбу.

(Годится, Юнис?) (Годится. Пора сменить тему.)

— Рад за тебя.

— Джейк, мы так и будем здесь стоять или мне можно переодеться? Я привезла тебе подарки. — Она улыбнулась, как школьница. — Хочешь посмотреть?

— Конечно! Куда подевались мои манеры? Присаживайся и позволь снять с тебя плащ. Как насчет хереса?

— Потом. И лучше шампанского, чтобы отпраздновать твое возвращение. И мое.

Она повернулась к Джейку спиной. Тот снял плащ, отложил его и посмотрел на нее.

— Ради всех священных коров!

— Джейк, с каких пор ты обратился в индуизм? — Джоан приняла грациозную и игривую позу.

— Ты так через весь город ехала? В одной краске?

— Почему нет? Это первый подарок тебе от Джо, с любовью. Я надела плащ, прежде чем уйти от Джо и Джиджи, и не снимала всю дорогу, пока ты не развернул свой «подарок». Не хотела показываться охранникам.

(Конечно, близняшка. Не считая того, что Джо разрешил им смотреть, как он вас расписывает, как только Джиджи убедилась, что вы не против. Уверена, Джиджи перепихнулась бы с ними обоими, да и Джо присоединился бы. Антон с Фредом ему нравятся. Как думаете? Неплохой способ сдержать ваше обещание?)

(Юнис, наша главная цель перед нами.) (Бедняжка. Лучший способ получить удовольствие с мужчиной — думать о других мужчинах. В вас по-прежнему застрял пуританин.) (Какой пуританин? Где? Почему не замечаю? Определенно ты не о Джейке; он иудей. Кстати, о Джейке: он заметил небольшое упущение в нашем наряде? И почему нас не изнасиловали?) (Он так обалдел, что вряд ли что-то заметит. А насчет изнасилования... надеюсь, все еще впереди.)

— Джоан Юнис, а ты знаешь, что это абсолютно точная репродукция боди-арта, что был однажды на Юнис?

— Конечно. Она приходила в нем сюда... а мне было не настолько худо, чтобы ее не разглядывать. Одно было непонятно: настоящие это раковины или краска. Теперь я знаю. Джо спрашивал, видел ли ты этот наряд на Юнис. Я сказала, что наверняка видел. Ты ведь был здесь в тот день.

— Был. Недолго. Поэтому сразу узнал.

— Вот как? А мне казалось, ты в этот день отвозил Юнис домой. Гм.

— Джоан, опять вынюхиваешь?

— Да.

— Женщина, я не стану удовлетворять твое пошлое любопытство.

— А как насчет того, чтобы удовлетворить саму пошлость? Мою, я имею в виду.

— Это другой вопрос.

— Я вот все гадаю, почему ты до сих пор меня не поцеловал? Мне принять душ? Точнее говоря, Юнис всегда смывала краску?

— Точнее говоря, заткнись и молчи, пока я не разрешу.

— Есть, сэр!

Она терпела довольно долго.

— Сколько мне еще молчать?

— Можешь говорить, но изъясняйся вежливо и ласково. Некоторые твои высказывания были совсем неженственными.

— Так я и сама неженственна. Джейк, ненаглядный мой, из меня скверная леди, но я стараюсь не выходить из образа хотя бы на людях, чтобы не опозорить Юнис.

— Джоан Юнис...

— Сэр?

— Юнис тоже так себя вела. Настоящая леди на публике... но совершенно необузданная в непринужденной обстановке. В этом было ее очарование. Порой у нее вырывались словечки, каких я и от тебя не слышал.

— Правда? Джейк, она знала слова, которых не знаю я? Тебе они нравились?

— Гм. Ты наверняка знаешь все эти слова. Просто наедине со мной она употребляла их без стеснения. Да, они мне нравятся. Когда они вырываются спонтанно.

— Джейк, я всецело тебе доверяю и постараюсь впредь не сдерживать свои спонтанные порывы. Никогда этого не хотела. Я ведь еще учусь.

— Дорогая, у тебя отлично получается, когда ты расслабляешься. То есть когда я расслабляюсь. Теперь, когда ты беспомощна и «всецело мне доверяешь», скажи, что на самом деле произошло у Джо?

— Сэр, то, что я вам доверяю, не значит, что стану удовлетворять ваше пошлое любопытство.

— Гм. Совсем как Юнис.

— Лучше расскажи, чем *ты* занимался у Джо.

— Похоже, мы в патовой ситуации. Давай-ка отмоем эту краску. Надо было сфотографировать нашу русалку, прежде чем ее лапать.

— Ничего, милый, Джо сделал несколько фотографий. Я принесла их тебе. А также две фотографии Юнис в этом же образе. Одну тебе, другую мне. Еще Джо дал мне большое фото удивительной, сверхнатуралистичной картины, где Юнис-русалка ныряет... и маленькое, демонстрирующее, как удалось добиться такого эффекта. Образ тот же, за исключением раковин.

— Не удивляйся, но я их уже видел. Только не набрался наглости попросить их у Джо.

— Я не удивлена. Но я не выпрашивала эти фото; Джо сам их мне подарил. Не отказываться же от подарка? Я обязательно найму сыщика и выясню, кто купил эту картину. Выкуплю ее за любые деньги.

— Мисс Смит, здесь деньги вам не помогут. Знаете, кто хозяин оригинального Бранки? Я. Картина висит в Гибралтарском клубе.

— Чтоб мне... провалиться! Джейк, ах ты, старый озабоченный пройдоха! Беру назад десять процентов всех выданных тебе комплиментов.

— Идет; я все равно не поверил больше чем девяноста процентам из них. Но если будешь себя хорошо вести, картина твоя.

— Согласна! Но... какой смысл теперь распаковывать остальные подарки? Они и рядом с той картиной не стоят.

— Мне тебя отшлепать?

— Давай.

— Сил нет. Давай лучше откроем подарки.

— Ну... маленький, пожалуй, можно. Посмотришь на Джиджи, раз забыл, как она выглядит. Она того стоит.

— Оба откроем.

— Может, сперва вымоемся?

— Пожалуй.

— Пойдем. Только не будем слишком увлекаться.

Джоан Юнис настояла, чтобы сперва распаковать «Билитис поет».

— Джейк, как тебе?

Тот присвистнул:

— Парень — настоящий гений.

— Точно. Я и не подозревала. Но ты ведь это знал?

— Да. Блестящее решение использовать сильный свет, чтобы подчеркнуть контраст между вашими с Джиджи оттенками кожи.

— Особенно если учесть, что естественного света в студии не было. Только мутное окошко. Весь свет — от ламп, под которыми он нас фотографировал накануне. А на следующий день он писал нас с натуры, только позы изменил. И я не знаю, как он повернул лампы. Но я и не гениальный живописец.

— А что в большом пакете?

— Открой.

Там оказались «Три грации», все три — Джоан Юнис.

— Джо называет работу по фотографии «дешевкой» и «мухлежом». Для этой он сфотографировал меня три раза — нет, скорее, тридцать три — на нейтральном фоне, а затем объединил фотографии в композицию. На всех со мной позировала Джиджи, а потом по-змеиному уползала из объятий, чтобы я не нарушила позу. Если бы он не «мухлевал», картину пришлось бы писать гораздо дольше. Как тебе ямочки на попе? По-моему, хороши.

— Не льсти себе, женщина.

— Еще чего. Джейк, Иоганн даже в молодости не был особенно привлекательным. Мне ли не знать цену красивой попке. Ну что? Я брала «Билитис» для себя, а «Граций» — для тебя, но можем поменяться.

— Трудный выбор!

— Картина, которую ты оставишь мне, все равно будет висеть в нескольких шагах от твоей комнаты. Тебе не пришлось бы выбирать, если бы ты женился на мне, старый похотливый насильник. Обе картины стали бы твоими. Джейк, почему сейчас можно купить промышленную партию арт-критиков?

— Нынешним красная цена десять центов за дюжину, но сейчас все дорожает. Хочешь помочь Джо?

— Еще как. Он продает свои работы по смехотворной цене и платит грабительские комиссионные. Им с Джиджи едва хватает на пропитание. В моде всякие шарлатаны и маляры. Я подумала...

— Можешь дальше не думать, я все понял. Найдем ему толкового агента, выкупим через посредников все его работы, что сейчас на рынке, и оставим себе. Прекрасное вложение средств. Потом подкупим местных арт-критиков, а когда Джо станет известным — пойдем дальше. Вопрос в одном: насколько известным он должен стать? Купить ему место в Метрополитен-музее?

— Джейк, вряд ли Джо жаждет славы. А я не хочу, чтобы он что-нибудь заподозрил. Если не он, то Джиджи точно пронюхает, она посообразительнее. Я лишь хочу, чтобы его картины регулярно продавались и Джиджи не сэкономила на продуктах и могла менять одноразовые простыни хоть каждый день. Девочка пытается прокормить их обоих крошками из холодильника и супом из тряпки для мытья посуды. Мне приходилось так питаться во времена Депрессии. Приятного мало. Не годится Джиджи так жить, когда ее муж — честный, талантливый и усердный художник. Который не глушит виски, не курит травку и постоянно рождает новые идеи для картин. Он не просто художник, он ремесленник. Я не слишком разбираюсь в художниках, зато в ремесленниках — вполне неплохо. Я их уважаю. Жаль, что в нашем прогнившем мире их осталось слишком мало.

— Согласен. Будь по-твоему. Даже если придется скупать арт-критиков по пятнадцать центов за дюжину.

— Даже по двадцать. Давай смоем с меня остатки краски. Нужно послать за оливковым маслом. А ты, будь любезен, попроси Винни принести мне халат или сам принеси, если ее нет. Хотя... я ведь могу просто накинуть плащ.

— Хмпф!

— Что теперь не так?

— Дорогая, у меня для тебя новости. Доктор и миссис Роберто Карлос Гарсия-и-Ибаньес отправились в свадебное путешествие.

— Что?! Вот крысытина! Не дождалась любимую старшую сестру! Молодцы! Джейк, это *прекрасно*! Я сейчас расплачусь от счастья.

— Можешь поплакать, пока я моюсь.

— Нет уж, сдержу слезы до возвращения Винни и приму душ вместе с тобой. Потрешь мне спинку, чтобы смыть краску там, где я не дотянусь. Я устала. Когда они уехали? Когда

вернутся? Ох, нужно будет подобрать им комнату. Роберто не захочет жить по соседству от меня, да еще и через смежную дверь. И нужно найти свадебный подарок. Может, ту картину, что ты не выберешь? Роберто упрямец, слишком дорогой подарок не примет.

(Босс, а вы встречали не упрямых мужчин?)

— Думаю, Боб был бы не против смежной двери в твою спальню.

— Ты меня оскорбляешь. Возможно, он будет и не против. Я тоже не стану возражать. Но перед слугами неловко.

(Фримп слуг!) (Что, *всех*, Юнис? У меня и без того минуты свободной нет.)

— Юнис, я взял на себя смелость поручить Каннингему подготовить для молодоженов Золотые комнаты.

— Отлично! Я велю пробить дверь между своей гостиной и их; можно будет открыть переход между фойе и библиотекой наверху, которую мы присоединили к твоей комнате, и тогда нам не придется бегать по коридорам.

— Мне кажется, молодожены предпочли бы уединение.

— Точно. И как я не подумала? Ладно, был бы друг, будет и досуг, или как там говорится?

— В любом случае молодые вернутся раньше, чем закончится перепланировка. Из достаточно надежного источника я узнал, что один в меру непорядочный слуга обещался позвонить миссис Гарсия, как только ты вернешься. Полагаю, это уже сделано, и они вернутся... не позднее чем к вечеру.

— И кого же мне уволить? Нельзя так обрывать медовый месяц!

— Думаю, наш добрый доктор не возражал. Они ведь твои врач и медсестра и должны оберегать тебя.

— Какая чушь. Я крепкая, как те женщины, что осваивали Дикий Запад. Если бы мы пересекали прерию на фургонах, меня бы впрягали вместе с волами. Но я рада, что они возвращаются. Хочу их расцеловать и вдоволь наплакаться.

— Иоганн, никак не возьму в толк: то ли ты глупая девчонка, то ли по-прежнему старый маразматик.

— Еще раз назовешь меня Иоганном — получишь, как в прошлый раз! Что, если я и то и другое? Глупая девчонка в старческом маразме?

— Интересное предположение. И не такое уж невероятное.

— Если так, то я уже привыкла. Счастлива, как кошка, которую оставили наедине с рождественской индейкой. Теперь, когда суд прошел и отношения с Джо улажены, мне не о чем волноваться. Жизнь — сплошное удовольствие. Меня даже не тошнит по утрам.

— А с чего тебя должно... что?!

(Босс, вы ведь не собирались ему говорить?) (Юнис, рано или поздно он бы узнал... и обиделся. А с Джейком так нельзя. Сейчас подходящий момент. Официально он первый, кому мы расскажем.)

— Джейк, я говорю, что меня не тошнит по утрам. Я здорова, как лошадь; единственное, что изменилось, — это то, что я еще и постоянно голодна, как лошадь.

— Хочешь сказать, что ты беременна?

— Джейк, не смотри на меня как строгий папочка. Да, я беременна и счастлива, как Счастливый Хулиган. Я не спешила об этом рассказывать, но решила, что лучше тебе узнать прежде, чем кто-нибудь заметит. Только, пожалуйста, считай сведения конфиденциальными. Как только Винни проведает, она начнет надо мной трястись. Это не то, чем должна заниматься молодая жена. Если повезет, я смогу скрыть это от Винни, пока она сама не забеременеет.

(Босс, с чего вы взяли, что Винни вообще собирается иметь детей?) (Юнис, подумай головой. Могу побиться об заклад, что на том месте, где у нее был имплант, сейчас красуется пластырь.) (Босс, у меня нет головы — только ваша, и она не слишком толковая.) (Это еще что за жалобы? Еще одно такое слово, и я на тебе тоже не женюсь!) (Босс, мы уже женаты.) (Знаю, любимая. Тише, мы еще не выкрутились.)

— Юнис, ты уверена?

— Да. Тест положительный.

— Боб проверял? Или какой-нибудь шарлатан?

— Отношения врача и пациента конфиденциальны. Это был не шарлатан; большего вы от меня не добьетесь, адвокат.

— Поженимся немедленно!

— Черта с два!

— Юнис, что за вздор?

— Сэр, некоторое время назад я просила вас на мне жениться. Вы отказались в самых решительных выражениях. Я попросила снова и опять получила отказ. Я решила не возобновлять мою просьбу и теперь останусь верна своему слову. Никакой свадьбы. Однако для меня будет честью остаться вашей любовницей, пока физиология позволяет, и я буду вдвойне счастлива, если мне будет позволено стать вашей наложницей после возвращения в строй. Сэр, я люблю вас, но замуж за вас не выйду.

— Ты заслуживаешь хорошей порки.

— Дорогой, не думаю, что порка мне повредит, но вряд ли вы поднимете руку на беременную женщину.

(А теперь добейте его хуком справа! Босс, вы просто адская кошка.) (Юнис, не вмешивайся. Я не только отвергнутая женщина; я также и старый, упертый Иоганн Смит. Джейк может спать с нами когда угодно, но пусть не строит из себя рыцаря из-за моей беременности.) (Босс, мы что — действительно не выйдем за него? Это будет ошибкой; он в нас нуждается.) (А мы — в нем. Юнис, мы выйдем за него, но только после рождения ребенка. *После.*) (Босс, вы совершаете огромную ошибку.) (И прекрасно. Я никогда не совершаю маленьких ошибок, только огромные.)

— Юнис, я не сказал, что собираюсь тебя выпороть. Я сказал, что ты заслуживаешь порки. Как это случилось? Я точно помню, ты говорила мне, что предохраняешься.

— Сэр, у вас хорошая память. Но все было не совсем так; я сказала, что не забываю о контрацепции. В тех случаях, когда это необходимо. С тобой. С другими. В каждом отдельном случае я действовала, как мне было нужно. Включая тот раз, с тем мужчиной, который стал отцом ребенка.

— Гм. Никогда прежде не слышал столь невнятного ответа. Хорошо, я спрошу прямо. Юнис, ты беременна от меня?

— Не скажу. Ты сам знаешь, что я спала как минимум с одним другим мужчиной — а могла переспать и с целым полком. Джейк, ты не согласился жениться на мне, пока я была девственницей, не женился и когда я стала твоей любовницей. Поэтому не твое дело, от кого у меня ребенок. Не спрашивай. Я люблю тебя, но таких вопросов не потерплю,

ни сейчас, ни в будущем! Кого я выбрала отцом ребенка — мое дело. Но будь уверен; я выбрала его в трезвом уме, взвесив все «за» и «против». Ты ведешь себя как отец непутевой дочери или инспектор по надзору за нелегальной беременностью. Ты сам знаешь, что не должен себя так вести. Мне девяносто пять, гораздо больше, чем тебе, и я могу позволить себе наплодить хоть дюжину бастардов, если захочу — а возможно, и захочу. И денег у меня столько, что я могу послать весь мир к чертовой бабушке. Джейк, я поделилась с тобой радостным известием, а ты воспринял это негативно и принялся меня допрашивать. Я не стану такого терпеть. Зря я рассказала. Будешь ли ты считать полученные сведения конфиденциальными — и никогда их больше не упоминать?

— Юнис.

— Что, Джейк?

— Я люблю тебя.

— И я тебя, Джейк.

— Был бы я на двадцать, да хотя бы на десять лет моложе — давно женился бы на тебе. Не будет ли чересчур постариковски самоуверенно с моей стороны предположить, что я — тот мужчина, которого ты выбрала? Я больше не стану допытываться; у меня действительно нет на это права. Обещаю ни с кем не обсуждать этот вопрос.

— Джейкоб, мне будет приятно, если ты так предположишь. Я не опозорю своего старейшего, вернейшего друга, опровергая это предположение. Я буду высоко держать голову и всем своим видом подтверждать его. Но, мой любимый Джейкоб, ты сам никогда не узнаешь правды. Я решила, что этот ребенок будет только моим.

(Босс, осторожнее! Вы почти проговорились!) (Он сочтет это образным выражением. А если возьмется вынюхивать, ничего не найдет. Хэнк Олсен знает, где трава зеленее. На моей лужайке.) (И даты окажутся такими, что Джейк поверит, что ребенок его. Гм...) (Юнис, по-прежнему считаешь меня дурачкой?) (Нет, босс. Просто ваша неосторожность порой пугает меня до чертиков.)

— Что же, Юнис, при таких условиях мы можем прекратить обсуждение.

— К этому я и вела.

— Ясно. Чем займемся до вечера? Пока не вернулись наши молодожены? Сыграем в криббедж?

— С удовольствием, если тебе хочется.

— У меня есть мысль получше. Будет весело, особенно если ты составишь мне компанию.

— Еще как будет. С тобой любое занятие веселее, даже криббедж.

— Я знаю более интересную игру. Но нужно хорошо знать правила. Давай позвоним Маку; пускай попросит начальника окружной канцелярии подготовить необходимые документы, чтобы мы могли пожениться. Если повезет, к девяти-десяти вечера поженимся и до полуночи успеем сыграть пару партий в криббедж.

— Ах, Джейк! Криббедж!

— Отвечай, женщина. «Да» или «нет»? Настаивать не буду, спрашивать дважды — тоже. Высморкайся и утри глаза, ты вся расклеилась.

— Черт бы тебя побрал! Да! Я высморкаюсь, если ты меня отпустишь. Ты мне ребра сломал, громила этакий! Как ты обращаешься с женщиной в интересном положении?

— Будешь и дальше нести чушь, я тебе не только ребра сломаю. Пойду звонить Маку. Нужно придумать веский повод для выдачи экстренного разрешения.

— Джейк, зачем что-то выдумывать? Можно просто сказать, что я от тебя залетела.

— Тебе хочется, чтобы я так сказал?

— Джейкоб, я выйду за тебя как можно скорее, и мне все равно, как ты это устроишь. Хорошо бы Винни с Роберто успели, но специально дожидаться их я не хочу, вдруг ты одумаешься? Мне казалось, тебе придется по душе такая версия. Я ее подтверждаю. Так и скажи Маку. Скажи всем, кому надо.

— Тебя это не смущает?

— Джейк, дорогой, так будет лучше всего... потому что рано или поздно все узнают о «немом свидетеле». Джейк? Помнишь мой первый день на свободе? Когда Мак условно подтвердил мою личность и снял судебную опеку?

— Дорогая, еще бы я забыл!

— И я. Отсчитай двести шестьдесят семь дней. Тогда наш «немой свидетель» должен будет появиться на свет.

— Так ты говоришь, я действительно отец твоего ребенка?

— Я этого не говорила. В тот день я как с цепи сорвалась. Считай, что я целые сутки скакала из постели в постель, от мужчины к мужчине. — Она блаженно улыбнулась.

(Босс, это близко к правде, но звучит как наглая ложь.)
(Юнис, это чистая правда. Один из лучших способов соврать — сказать правду, чтобы ее сочли шуткой.) (А я-то думала, что мне нет равных в искусстве обмана.) (Любимая, на моей стороне многолетний опыт, и в детстве у меня было гораздо больше причин врать, чем у тебя. Ложь — изящное искусство, в котором нужно долго упражняться.)

— Хватит нести вздор. Ты ведь не хочешь пойти под венец с подбитой губой? Ладно, представим Маку твою версию. Правда зачастую самый удобный выход. Нам понадобятся медицинские справки; Мак сможет пустить дело в оборот без очереди, но это требование нам не обойти. Мой врач склепает мне справку без анализов, а как насчет этого твоего шарлатана? Можно на него рассчитывать?

— Джейк, какого еще шарлатана? Попрошу Роберто, если он успеет. Роза тоже не откажется. Я должна быть абсолютно здорова, если только не подцепила простуду от Джо или Джиджи. Но это вряд ли. А как насчет тебя? В Вашингтоне самый высокий уровень распространения венерических болезней в стране. Ты ничего оттуда не привез?

— Ничего, кроме букет-дуплета.

— Порядочная девушка не должна понимать таких слов.

— Послушай, маленькая бесстыжая негодница, в Вашингтоне я ни с кем не спал. А ты можешь такое про себя сказать? За эти пять дней?

— Не люблю спать одна. С Джиджи было так уютно. Только взгляни на нее — вон, на картине.

— Не сомневаюсь, что с ней уютно. А с Джо?

— Не знаю. Может, ты знаешь? А ну выкладывай!

— Женщина, ты точно пойдешь под венец с подбитой губой!

— Это будет твой свадебный подарок? Сэр, если вы хотите разбить мне губу, я буду стоять смирно и улыбаться! Давай же! Ах, Джейк, ненаглядный, наш брак будет таким веселым!

— Согласен, чокнутая ты сучка. Ладно, мой врач и тебе состряпает справку, если я объясню ситуацию. Нужно только сообщить ему твою группу крови.

— Джейк, вся страна знает, что у меня четвертая группа, отрицательный резус-фактор. Ты забыл?

— Действительно. Тогда ничего не нужно. Только... сыграем свадьбу здесь или у Мака?

— Здесь, если можно. Хочу, чтобы слуги были вместо родни, если Винни с Роберто опоздают. Джейкоб, можно послать машину за Джо и Джиджи? Хочу, чтобы они присутствовали. Джиджи не станет возражать, если Джо согласится, но согласится ли он? Ты лучше меня его знаешь. Я даже не уверена, есть ли у него подходящий костюм. Видела его только в шортах, заляпанных краской так, что они стоят колом.

— Гм. Не знаю, как положено по протоколу, но согласен, что бывший муж Юнис должен присутствовать на свадьбе Джоан Юнис. Дорогая, тот костюм, что был на нем в суде, сгодится. А ты уже выбрала платье? Белое?

— Опять ты меня обижаешь. Белое, чтобы на следующий день во всех газетах появилось мое фото с заголовком: «Сменившая пол девяностопятилетняя невеста в белом платье»? Дорогой, может, сразу позовем репортеров из журнала «Лайф»? Я буду в белом, только если ты этого захочешь. Иначе выберу что-нибудь другого цвета.

— Как в старой присказке: что-нибудь старое, что-нибудь новое, что-то чужое и голубое?

— Забудь это старье. Вот версия двадцать первого века: невеста старая, лицензия новая, тело чужое, жених голубой.

— Я не голубой, а что щеки у меня синие, так просто я давно не брился. Иди, а я приведу себя в порядок. Прими ванну, чтобы пахнуть, как подобает невесте.

— А не как проститутке после суточной смены? Намек понят. Сам не забудь помыться.

— Да кто обращает внимание на жениха?

У Каннингема выдались беспокойные шесть часов. Остальному персоналу уродливого старого особняка тоже пришлось попотеть. Невеста неторопливо прошла под аркой под традиционную музыку Мендельсона.

(Близняшка, под этот марш только кошкам на птичек кидаться. Тра-та-та-та! Правда, подходит?) (Юнис, води себя прилично!) (А, хорошо. Но мне больше по душе был бы «Джон Джейкоб Джингльхаймер Смит — его имя теперь и мое!») (Ты не можешь знать эту песенку. Ей восемьдесят лет, и она давно позабыта.) (Еще бы не знать, когда вы только и делали, что напевали ее про себя, пока наряжали нас.)

Джоан уверенно прошагала по белой бархатной ковровой дорожке в банкетный зал, украшенный цветами и свечами и временно превращенный в часовню. Был привезен даже орган.

(Босс, я вижу Курта! Здорово, что он смог приехать! А рядом, должно быть, миссис Хедрик. Не глазейте на них, близняшка, а то я расхохочусь.) (Я и не глазею. Это ты все тарашься по сторонам, когда нам нужно смотреть вперед.) (Вот вы и смотрите. А я гостей пересчитаю. Вот миссис Мак — Норма, а вон там Рут, жена Алека. И Роберто. А где Роза? А, вот он, из-за миссис Мак выглядывает. Делла просто сногшибательна! Даже нас затмевает!)

На невесте было простое нежно-голубое платье с закрытым воротом, непрозрачное. Лицо прикрывала вуаль, на руках были перчатки в тон платью. Юбка с длинным шлейфом волочилась по ковру. В руках был букетик выкрашенных в голубой орхидей.

(Близняшка, зачем было в последний миг надевать трусики? Перетяжку от резинки будет видно под платьем.) (Не будет; оно не в обтяжку. Это символ невинности, для последующей символической дефлорации.) (Ха! Босс, не смешите меня!) (Юнис, только попробуй испортить свадьбу. Я... я... я... три дня с тобой говорить не буду!) (Джоан, близняшка, не испорчу. Если Джейку нужны символы, пусть их получит.) (И мне нужны!) (И мне тоже, близняшка! Просто жизнь всегда была для меня сложной и длинной шуткой, так что лучше уж веселиться, чем лить слезы.)

(Да, милая. Но сейчас не время ни для того, ни для другого. А слезы уже наворачиваются.) (Я думала, это мои слезы. А наш Котус Томас — красавчик, правда? Слышала, вы и свадебный хор из «Лоэнгрина» заказали; это еще смешнее Мендельсона, напоминает торжествующее кудахтанье только что снесшей яйцо курицы. Я точно рассмеюсь, когда услышу.)

(Тогда уже можно будет смеяться и плакать. Главное — не выпускать руку Джейкоба. Милая, мы с Джейком — ископаемые, и свадьба у нас соответствующая.)

(Поддерживаю. Что-то Каннингем хмурится. Не знаю почему — он прекрасно справился. Босс, все-таки идея с трусиками кажется мне смешной. Вы прямо на входе вывесили «Билитис» и «Граций», чтобы все могли ими полюбоваться, а сами трусики надеваете.) (Юнис, противоречия нет. Невеста должна выглядеть целомудренной; картины — нет. Пускай все глазают, тем более что Джо и Джиджи тоже здесь.) (Да их до дыр проглядят! Особенно чьи-нибудь женушки. Возможно.) (Возможно. Юнис, я ведь никогда не просила женатых мужчин ничего не рассказывать женам. Просить супругов иметь друг от друга секреты — неправильно. К тому ж от твоей просьбы не зависит, расскажут они или нет. Но эти портреты безобидны, как фруктовый пунш, который мы заготовили для тех, кто не пьет шампанское. Не важно, что я для них позировала; главное, чтобы люди оценили талант Джо.)

Талант Джо Бранки проявился и в макияже невесты. Начав с чистого листа — сразу после ванны, — он тщательно расписал Джоан Юнис с ног до головы так, чтобы краску нельзя было увидеть даже при ближайшем рассмотрении. Как и в «Трех грациях», это была естественная красота Юнис — подчеркнутая сильно, но незаметно, живет живой и натуральнее натуральной. Он отказался от шиньона и попросту начесал ее собственные волосы (которые по-прежнему были короче, чем когда-то у Юнис) и закрепил небольшим количеством лака, чтобы не растрепались под фатой.

Подружка невесты была покрашена гораздо более броско. Увидев, какие чудеса Джо сотворил с Джоан Юнис, Винни робко поинтересовалась, не может ли мистер Бранка покрасить заодно и ее. Джоан и Джиджи горячо поддержали идею. Джо оглядел миссис Гарсия и сказал:

— Джоан Юнис, у нас есть сорок минут? Винни, сходи умойся.

Завершенный образ строился вокруг рыжих волос Винифред. Джо подчеркнул ее тонкие брови и ресницы, жи-

вил бледное лицо. Тем не менее Винни выглядела теперь более естественно, чем с привычным классическим макияжем.

На подружке невесты были пастельно-зеленые лосины и короткий плащ. В руках — букетик коричневых и зеленых орхидей. Под звуки марша она шествовала к импровизированному алтарю в тридцати шагах впереди невесты.

Последним в зале появился начальник охраны О'Нил. Встав у арки по стойке «вольно», он одновременно следил за происходящим как в начале, так и в конце процессии. Выглядел он расслабленно, но оставался начеку. За исключением собравшихся в зале семидесяти пяти человек, огромный особняк был пуст. Все двери, все окна были закрыты на замки и засовы, броня поднята, сигнализация включена. О'Нил лично все проверил, прежде чем отпустить охрану на церемонию. Однако сам он продолжал нести вахту, не доверяя ни технике, ни большинству людей.

Невеста приблизилась к концу ковровой дорожки. Там дождался Джейк Саломон в компании Алека Трейна. За алтарем торжественно стояли преподобный Хьюго Уайт и судья Маккэмпбелл. На Малыше был черный фрак и белая рубашка с галстуком-ленточкой, в руках — Библия. Судья был в привычном судебном облачении.

(Босс, Джейк просто прекрасен! Но что с костюмом?) (Дорогая, это визитка.) (Это музейный экспонат!) (Возможно. Полагаю, Джейк не надевал ее лет тридцать-сорок. Или вообще взял напрокат в театре. Вот Алек свою точно напрокат взял. А как тебе отец Хьюго? Грандиозен?) (Наверняка в этом фраке он и читает свои проповеди, босс. Джо просто обязан написать его в таком костюме, даже если с другим замыслом не получится.) (Отличная мысль, Юнис. Намекнем Джиджи, а там, глядишь, одно за другим... Надеюсь, Хьюго одумается, увидев «Трех граций». Ему ведь хочется позировать, он просто не может убедить себя в том, что это не грешно. Юнис, у меня коленки дрожат. Не знаю, выдержи ли!) (Ом мани падме хум, сестренка. Мы столько сил потратили на уговоры, даже не вздумайте пойти на попятную.) (Ом мани падме хум. Юнис, держи меня за руку, милая, а не то я лишусь чувств.)

Джоан Юнис остановилась напротив судьи и пастора. Винифред взяла у нее букет и отошла в сторону. Алек Трейн подвел Джейку к Джоан и взял Винифред под руку. Музыка смолкла. Хьюго поднял голову и произнес:

— Помолимся.

(Ом мани падме хум. Как вы, близняшка?) (Все хорошо. Ом мани падме хум.)

Как только Хьюго сказал «аминь», Джо Бранка скользнул вперед и сделал первый снимок. Затем он, словно умелый оператор, принялся кружить вокруг и снимать, никого не беспокоя. Хьюго открыл Библию, но даже не заглянул в нее:

— Сегодня мы будем читать из Псалтыри. Там говорится:

«Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться:

Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим,

Подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего.

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла...»

Он закрыл книгу:

— Братья и сестры, Господь увидел, что Адаму одиноко в Эдемском саду, и сказал: «Нехорошо быть человеку одному» — и сотворил Еву. И сказал Он Адаму: «Сын мой, заботься об этой женщине, ясно? Относись к ней хорошо, как Я к тебе каждую минуту. Ведь Я слежу за тобой каждую минуту и каждую секунду. Заботься о ней и оберегай ее, как Я сказал, и у тебя не будет времени на дурные дела, и станет она тебе успокоением до скончания твоих дней».

Он повернулся к Саломону:

— Джейкоб Мойше, вы согласны взять эту женщину в жены?

— Согласен!

Преподобный обратился к невесте:

— И сказал Господь Еве: «Дочь моя, ты будешь готовить для этого мужчины, стирать его одежду, воспитывать его детей и не бегать где попало, когда ты нужна дома. Ты будешь любить его, даже когда он устал, не в духе и не склонен к разговорам, потому что мужчины так устроены и не быва-

ет хорошего без плохого. Ясно тебе, Ева?» Джоан Юнис, вы согласны взять этого мужчину в мужья?

— Да, отец Хьюго.

— Ваша честь?

— Джейкоб Мойше, есть ли законные препятствия вашему браку с этой женщиной?

— Никаких.

— Джоан Юнис, есть ли у вас законные основания или сомнения, из-за которых вы не можете вступить в брак с этим мужчиной?

— Нет, ваша честь.

Маккэмпбелл повысил голос:

— Если кто-либо в зале знает причину, по которой нельзя позволить этим двоим сочетаться браком, пусть выступит.

(Юнис, если кто-то хоть кашляет, я... я...) (Вы промолчите, босс, миленький, так будет лучше для всех. Здесь только наши близкие друзья. Ом мани падме хум.) (Ом мани падме хум...)

— Джейкоб Мойше, клянетесь ли вы любить, уважать и почитать свою жену?

— Клянусь.

— Джоан Юнис, клянетесь ли вы любить, уважать и почитать своего мужа?

— Клянусь любить, почитать его и *подчиняться* ему.

(Э?! Босс, коварное существо, у вас и в мыслях нет ему подчиняться!)

Саломон опешил:

— Минуточку! Ваша честь, она перепутала слова! Я этого не ждал и не позволю ей пообещать...

— К порядку! Молчите, Джейк, я не к вам обращаюсь. Джоан Юнис, вы именно это хотели пообещать?

— Да, ваша честь.

(Юнис, не лезь. Я знаю, что делаю.)

— Согласно брачному законодательству, подобные обещания не имеют юридической силы; однако смею напомнить, что в данной ситуации лучше не бросаться словами.

— Понимаю, ваша честь.

(Босс, вы спятили!) (Возможно. Не волнуйся, милая, Джейк будет распоряжаться нами так, как мы сами захотим. Разве ты еще не убедилась в моей всегдашней правоте?)

(Нет, но вы снова меня пугаете. А если он скажет нам никогда больше не раздвигать ноги? Я так не умею.) (Не скажет. Именно потому, что мы пообещали его слушаться, он всячески будет потакать нашим маленьким прихотям. Расслабься; именно так управлялась со мной моя дорогая Агнес... а в мудрости и терпении мне до Джейка ой как далеко.)

— Повторите клятву.

— Я, Джоан Юнис, торжественно клянусь любить и уважать Джейкоба Мойше и подчиняться ему. Ваша честь, я сдержу клятву, даже если он сейчас отступится и откажется на мне жениться. Заключать брак не обязательно, достаточно лишь...

— Тише, Джоан Юнис. Мы вас поняли. Преподобный, ситуация выходит из-под контроля. Пора заканчивать с формальностями. Я скажу еще пару слов и передам их в ваши руки для молитвы, или чего там еще. Хорошо?

— Конечно, ваша честь. Молитвы им не нужны, они готовы.

— Надеюсь, вы правы. Джейк, ты слышал эту упрямую... леди. Готов ли ты после этих слов жениться на ней?

— Готов.

— Джейкоб Мойше, вы берете эту женщину в жены?

— Да!

— Джоан Юнис, вы берете этого мужчину в мужья?

— Да.

— Так, а где кольцо? Алек? Джейк, возьми ее левую руку. Живо.

— Это кольцо скрепляет ваши брачные обеты.

— Данной мне властью объявляю вас мужем и женой. Джейк, поцелуй невесту. Ваше слово, преподобный.

(И вы говорили, чтобы я не испортила свадьбу!) (У меня же все получилось, верно? Он наш. Точнее, мы — его, что одно и то же.)

— Помолимся!

На Луне завершилось строительство тоннеля «Кеннеди-Б», параллельного тоннелю «Кеннеди-А». Движение по этим тоннелям, связывающим Луна-Сити с индустриальным комплексом «Аполлон», было сделано односторонним, что в четыре раза увеличило их пропускную способность. Основываясь на пяти- и десятилетних прогнозах, строительный комитет постановил немедленно приступить к проходке тоннелей Ц и Д. На Гонконгской и Нью-Йоркской биржах акции «Вакуум индастриз, лтд.», «Селентерпрайзес», «Пан-Американ» и «Диана транспорт» отметились неожиданным ростом на фоне общего экономического спада. Почтовая служба «Меркурий» (филиал одноименной курьерской службы) отправила своим привилегированным клиентам курьеров с самоуничтожающимися посланиями. Девять процентов из них не вернулись, что вынудило директора компании временно перебраться в Небесный Лас-Вегас для поправки здоровья, хотя нет данных, что Агентство национальной безопасности задержало курьеров или вскрыло «уничтожающий» шифр.

Источник, близкий к президенту, отверг слухи о любых беспорядках в каком бы то ни было городе, за исключением сезонных, и посоветовал «не верить безответственным измышлениям». Вместо отмененной «по технических причинам» программы «Сегодня с Дейвом Дейли» на канале Си-би-эс в эфир вышел художественный фильм. «Сегодня» вернулась на экран уже на следующий день, но без Дейли, который, как сообщалось, взял больничный по причине переутомления. Мисс Молли Магуайр, популярная порнозвезда, стала первой женщиной, родившей во время прыжка с парашютом. Ребенок успешно приземлился благодаря усилиям команды акушеров-парашютистов. Событие было

заснято с нескольких ракурсов профессиональными цветными стереокамерами. Никто не пострадал; лишь мисс Магуайр растянула лодыжку, что не помешало ей провести пресс-конференцию уже через полчаса после приземления.

В связи с тем, что самолет вылетел с территории Мексики, а приземлился в Аризоне, не ясно, были ли нарушены законы какого-либо из государств. Будущее гражданство ребенка также не установлено; мисс Магуайр официально является гражданкой Пакистана, но имеет вид на жительство в Соединенных Штатах. Вся группа парашютистов добровольно сдалась местным представителям иммиграционной службы. Мисс Магуайр принесла искренние извинения за прибытие на территорию страны проживания таким образом, виня в случившемся навигационную ошибку пилота, вызванную сильным ветром. Задержанным было вынесено предупреждение, пленка конфискована; однако запись не дала твердого представления о том, где родился ребенок. Ракурс и наземные ориентиры — в тех фрагментах, где они различимы, — позволяют считать, что он появился на свет ровно над границей. Компания «Гроув пресс», владеющая правами на видеозапись, будет добиваться ее демонстрации на публичных каналах в интересах правосудия.

Знаменитая транссексуалка вышла замуж за своего адвоката. Пара отправилась в свадебное путешествие прежде, чем была зарегистрирована их брачная лицензия. Известный папарацци отправился по их следам в Канаду, но обнаружил, что на самом деле преследовал доктора и миссис Гарсия, также присутствовавших на свадьбе, но не представляющих интереса для прессы. Миссис Гарсия с улыбкой позволила себя сфотографировать (она весьма фотогенична) и дала короткое интервью, в котором рассказала о свадьбе. Затем чета Гарсия вернулась домой.

Сенатор от Арканзаса Джеймс Джонс, по прозвищу Попрыгунчик Джо, заявил, что попытки отменить Тридцать первую поправку к Конституции, разрешающую молиться в государственных учебных заведениях, — козни папы римского и его приспешников, действующих по дьявольскому наущению.

Реконструкция здания законодательной палаты Оклахомы была приостановлена в связи с забастовкой рабочих,

спровоцированной (по непроверенной информации) подпольной революционной организацией «Равноправие для белых». Старший прораб объявил, что «любой белый, считающий, что его права ущемляют, может обратиться к нанимателю и потребовать справедливого разбирательства. Беда в том, что эти белые попросту не хотят работать».

!!!!ЭКСПРЕСС-МУЖЧИНА!!!!

Безопасно, гигиенично, разумно

Не хотите проводить долгие бессонные ночи в одиночестве? Мы гарантируем полное удовлетворение прямо у вас дома! Устройство разработано для вашего удовольствия командой ученых — создателей орбитального двигателя многократного использования. Доступно во всех аптеках и пунктах проката. Продается без рецепта!

ТРОЙНЫЕ БОНУСЫ ЗА ПОКУПКУ!

Корпорация «Здоровье — сейчас».

Создатели «ЭКСПРЕСС-ЖЕНЩИНЫ».

(На правах рекламы)

Несчастны? Пора положить этому конец! Никаких неэстетичных механических игрушек! Никаких наркотиков! К вашим услугам старый Док Джой, дипломированный гипнотизер. Звоните!

«Мистер и миссис Маккензи» (с паспортами Либерии) сняли весь пентхаус. Три ваннные комнаты, четыре спальни, кухня, столовая, бар, гостиная, веранда, сад, бассейн, водопад, фонтан, уличный буфет, фойе, отдельный лифт и великолепный вид на гавань, пляжи, устье реки, городок и горные вершины.

Впрочем, они вели себя довольно необычно. В стоимость проживания входило полное гостиничное обслуживание, однако никто из персонала на их этаж не допускался. Супруги не появлялись ни в казино, ни на пляже, не пользовались другими развлечениями курорта. Иногда они заказывали еду в номер, но требовали оставлять у лифта, где ее забирала прислуга постояльцев.

По слухам, миссис Маккензи предпочитала готовить сама, но подтвердить это никто не мог — ее видели разве что

с вертолета. Ее мужа видели в лицо лишь несколько человек. Слуги супружеской четы, разместившиеся в трех номерах на первом этаже, не избегали общения, но своих хозяев не обсуждали.

Она спустилась из сада в гостиную. Он отвлекся от книги:

— В чем дело, дорогая? Слишком жарко? Или тот вертолет опять вернулся?

— Нет. Вертолеты меня не заботят; достаточно перевернуться на живот, чтобы не показывать лицо. Джейк, милый, пойдем, я хочу тебе кое-что показать.

— А сюда принести не можешь? Лень вставать.

— Нет, дорогой. Там в море яхта с разноцветными парусами. Ты ведь служил на флоте и разбираешься в таком.

— Это было полвека назад. Какой из меня эксперт?

— Джейкоб, ты же все знаешь. Она такая красивая и необычная! Пойдемте, сэр!

— Для вас, мадам, я готов на все. — Он встал и взял жену под руку. Они остановились у перил. — Которая? Тут у всех яхт цветные паруса. Ни одной с белыми не видел, как будто здесь на них запрет.

— Вон та. Как же так, они снимают паруса! А было так красиво!

— Юнис, раз ты хотела от меня экспертного мнения, то позволь тебя поправить. Правильно говорить «убирают». Они собираются швартоваться, а этого нельзя делать с поднятыми парусами. Смотри, бросают швартовы! Кстати, яхта — всегда женского пола, ведь они так же красивы, очаровательны, дороги... и непредсказуемы.

— А у тебя всегда получается предсказать то, что я буду делать. — (Близняшка, зачем так нагло врать?) (Он не станет спорить, милая.) — Как она называется?

— Это тримаран. Яхта с тремя корпусами. По правде говоря, мне она красивой не кажется. То ли дело шлюп с козым гротом!

— Да, сейчас он — прости, *она* выглядит какой-то угловатой. Но она была прекрасна, когда входила в гавань на всех парусах.

(Близняшка, спросите Джейка, вдруг есть способ на него попасть?) (Юнис, на нее, а не на него. А ты моряк, милая?)

(Босс, я в жизни не была на корабле. Зато мне пришла в голову мысль.) (Может быть, та же, что и мне. Ты вспомнила, как Джейк говорил, что на ферме будет менее безопасно, чем в особняке, и людей придется держать больше?) (Не важно, кому это раньше вспомнилось. Главное, чтобы вспомнил Джейк.) (Вспомнит. Думаешь, для меня новость, что яхта — женского рода? Или что это тримаран? Проблема в другом. Главный вопрос: страдаешь ли ты морской болезнью? Я так, по прошлому опыту, страдаю ужасно. Но судя по тому, что нас вообще не тошнит по утрам, у тебя с этим все куда лучше.) (Давайте «проверим в ходе операции», как Роберто говорит.)

— Конечно, у тримаранов есть свои преимущества. Они большие и недорогие. Просторные. Чрезвычайно редко переворачиваются, не то что суденышки помельче. Но приз за красоту я бы им не дал.

— Джейк, а можно как-то попасть на борт? Очень хочется!

— Можно устроить. Поговорю с хозяином. Вот только нельзя ступать на борт чужой яхты, скрывая свое лицо. Не вежливо. Понимаю, что твои внучки подложили тебе свинью с этим процессом и ты теперь звезда телеэкрана...

— Джейкоб, никакой чадры, поскольку я не собираюсь знакомиться с кем-то как «миссис Маккензи». Я миссис Джейкоб Мойше Саломон и горжусь этим. Так и представлюсь. Пускай меня увидят; новости о нашем браке уже давно сошли с газетных полос.

— Пожалуй. Репортеры на вертолетах наверняка подлетят поближе со своими телескопическими камерами, но даже твоих внучек эти снимки вряд ли сильно заинтересуют. Хотя, если тебя по-прежнему беспокоят репортеры, загорай и купайся в купальнике.

— Черта с два. Мы сняли этот бассейн, да и никакой купальник теперь не скроет, что я беременна. Чем скорее об этом напишут, тем скорее перестанут обсуждать. Пусть фотографируют. Доктор Боб подтвердит новости, и они перестанут быть новостями. Так-то, дорогой; я давным-давно поняла, что от всех не скроешься. Нужно просто потерпеть. А на яхте может быть бассейн?

— Эта слишком мала. Но я видал и огромные тримараны, на которых бассейн вполне мог поместиться. Водоизмещение у них достаточное... но я не конструктор, поэтому не уверен. Откуда такой интерес, егоза? Хочешь, чтобы я подарил тебе яхту?

— Не знаю. Наверное, это было бы весело. Джейк, у меня в жизни — прежней жизни — было мало настоящих радостей. Теперь мне хочется наверстать упущенное. Не хочу быть старой скупердяйкой вроде Гетти Грин. Но и светской львицей становиться не хочу. Тьфу! Уж лучше шлюхой. Джейк, а тебе бы хотелось яхту? Возить меня по всему миру, показывать места, в которых ты побывал и которых у меня не было времени посетить.

— То есть тебе не хотелось тратить на них время.

— А это не одно и то же? Когда у человека слишком много денег, они владеют им, а не наоборот. Джейк, я ведь не меньше полусотни раз бывала в Европе, но не ходила в Лувр, не смотрела смену караула перед Букингемским дворцом. Видела только отели и конференц-залы, одинаковые по всему миру. Поможешь мне восполнить пробелы? Покажешь мне Рио — ты ведь говорил, что считаешь его прекраснейшим городом планеты? А Парфенон при луне? Тадж-Махал на рассвете?

Джейк задумчиво произнес:

— Тримаран — любимый корабль изгоев.

— Что-что? Не понимаю. Каких изгоев?

— Не тех босоногих бродяг в Заброшенных зонах и не тех, что бродят в холмах. Чтобы сбежать от общества по воде, нужны деньги. Но желающих хватает. Никто не знает, сколько их, — официально они считаются «исключениями», а правительство старается не привлекать к ним лишнего внимания. Но взгляни на эти яхты: готов поспорить, что по меньшей мере каждая десятая ходит под каким-нибудь «удобным» флагом, а паспорт у хозяина такой же липовый, как у «мистера» или «миссис Маккензи». Совсем без паспорта нельзя, иначе возникнут проблемы с береговой охраной. Но всего остального эти люди избегают: не платят ни местных налогов, ни подоходных, не отправляют детей в государственные школы, не оплачивают коммунальных услуг,

не голосуют на выборах. Уличная преступность их не касается, что весьма важно, учитывая новую волну беспорядков.

— Значит, скрыться от всех все-таки можно?

— Не совсем. Ты можешь питаться одной рыбой и все равно вынужден будешь приставать к берегу. Ты не можешь стать «Летучим голландцем»; только призрачный корабль вечно бороздит волны, настоящему иногда требуется ремонт. — Джейк Саломон задумался. — В море человек куда ближе к парадоксальному сочетанию свободы и мира, чем на суше. Если это устраивает. Хотя, будь я моложе, я бы поступил иначе.

— Как?

— Посмотри вверх.

— Куда, милый? Ничего не вижу.

— Вон туда.

— На Луну?

— Да! Юнис, это единственное место, где не слишком много людей. Наш последний рубеж — но бесконечный. Любой, кто подходит по возрасту, должен хотя бы попытаться туда эмигрировать.

— Джейкоб, ты не шутишь? Космические путешествия, безусловно, интересны с научной точки зрения, но я никогда не видела в них большого толку. У освоения космоса есть неплохие «побочные эффекты». Видеоспутники и тому подобное. Новые вещества и материалы. Но сама Луна? Она же убыточна.

— Юнис, а какая польза от ребенка у тебя в животе?

— Сэр, шутить изволите? Надеюсь, что так.

— Не закипай, Колобок. Милая, нет ничего бесполезнее новорожденного. Он и красив-то разве что для своих родителей. Он тоже убыточен и требует баснословных затрат. Вложения в него начинают окупаться лет через двадцать-тридцать, а в некоторых — да что там, в большинстве случаев — вообще не окупаются. Потому что вырастить ребенка довольно просто, а вот вырастить стоящего человека — трудно.

— Наш ребенок будет стоящим человеком!

— Не сомневаюсь. Но взгляни вокруг, и поймешь, что я прав. Однако, несмотря на все недостатки, у детей есть

уникальное достоинство. Они — надежда человечества. Единственная надежда.

Джоан Юнис улыбнулась:

— Джейкоб, какой же ты несносный.

— Стараюсь, милая. Для твоей же пользы. Теперь взгляни еще раз на небо. Луна — как новорожденный ребенок. Надежда человечества. Если этот ребенок выживет, выживем и мы. Если мы позволим ему умереть — а в ближайшие несколько лет риск велик, — мы тоже вымрем. Нет, мы не уничтожим себя водородными бомбами. Есть вещи куда опаснее бомб. Человечество в тупике: двигаться тем же курсом нельзя, повернуть назад — тоже. Мы травим сами себя. Поэтому наша маленькая лунная колония обязана выжить. Сами мы не выживем. Дело не в угрозе войны, не в уличной преступности, не в коррупции, не в загрязнении окружающей среды, не в смоге и не в «образовании», которое ничему не учит. Это лишь симптомы злокачественной опухоли. Нас слишком много. Не важно, черных, белых или желтых. Семь миллиардов человек гнездятся друг у друга на коленях, роясь в грязном белье и карманах соседей. Нас слишком много. Каждый по отдельности может быть нормальным человеком, но вместе мы — коты из Килкенни, как в лимерике, способные лишь драться друг с другом до полного истощения. Поэтому каждый, кто в силах, должен отправляться на Луну.

— Джейкоб, я знаю тебя столько лет, но ни разу не слышала, чтобы ты так рассуждал.

— К чему говорить о мечте, которую уже не осуществить? Юнис... точнее, Юнис—Иоганн, я родился на двадцать пять лет позже тебя. В детстве я мечтал о полетах в космос. А ты нет?

— Нет. Когда о них заговорили всерьез, идея показалась мне интересной, но отчасти нелепой.

— Возможно, дело в том, что я родился позже. Для моего поколения ракеты столь же естественны, как автомобили. Мы были к ним готовы; мы ведь читали комиксы про Бака Роджерса. Тем не менее я родился слишком рано. Когда Армстронг и Олдрин ступили на Луну, мне было под сорок. Когда там основали колонию и стали принимать поселенцев до сорока, я уже не подходил по возрасту. Когда планку подняли до сорока пяти, я все равно оказался слиш-

ком стар, а когда подняли до пятидесяти, мне было куда ближе до кладбища, чем до Луны. Я не жалею; на космических рубежах нужны крепкие люди. Какой им прок от престарелого юриста? — Джейк грустно улыбнулся. — Но, дорогая, если ты когда-нибудь захочешь туда улететь, я не стану препятствовать, наоборот — поддержу тебя.

— Джейк! — (Он так просто от нас не отделается!) (Пускай только попробует! Сейчас я все исправлю.) — Мой ненаглядный Джейк, тебе от меня так просто не отделаться.

— Юнис, я серьезно. Если наш ребенок родится на Луне, я смогу умереть счастливым.

Джоан вздохнула:

— Джейкоб, я поклялась подчиняться тебе и с радостью сдержу клятву. Но меня не пустят на Луну. По документам и по заключению суда я еще старше тебя.

— Это можно исправить.

— И дать повод пересмотреть дело о моей личности? Джейкоб, я не хочу тебя покидать. Но, — она с улыбкой погладила себя по животу, — если он захочет полететь на Луну, мы отправим его туда, как только возраст позволит. Годится?

Джейк улыбнулся и тоже погладил ее округлое пузико:

— Годится. На самом деле я не хочу, чтобы его прекрасная мама куда-то улетала. Но отец не должен препятствовать стремлениям сына.

— Ты и не препятствуешь. Никогда не воспрепятствуешь. Джейкоб-младший отправится на Луну, когда будет готов, но не на этой неделе. На этой неделе займемся тримаранами. Джейк, я говорила, что хочу избавиться от дома. Я бы продала его, но ни за что не найду желающих его купить; он как белый слон. Можно просто его закрыть, но остается две проблемы: придется держать там охрану, иначе Свободные люди самовольно в него заселятся, несмотря на броню, и рано или поздно какой-нибудь судья утвердит их право владения за давностью лет вопреки притязаниям другого лица.

Джейк ответил:

— Несомненно. Исторически право владения так и определялось: достаточно было забрать кусок земли и сказать, что она твоя. И в последнее время суды значительно снизили

требуемые сроки фактического владения, особенно в районах, близких к Зброшенным зонам. А твой дом как раз в таком.

— Знаю. Не собираюсь отдавать его каким-то сквоттерам. Черт побери, этот особняк стоил мне девять миллионов, не считая налогов и расходов на содержание. Вдобавок я беспокоюсь о прислуге. Устала быть феодалом... стереть, заменить... теперь феодалкой. — (Стереть, заменить — распутной девкой!) (Верно, Юнис. Однако после свадьбы я не особенно распутничаю.) (Просто возможности не представляется, близняшка. Вижу, как вам не терпится.) (Кому это не терпится? Ничего, сестренка-близняшка, день придет. Но не будем говорить об этом ненаглядному Джейку.) — Не могу просто так всех разогнать; некоторые проработали у меня более двадцати лет. Но если мы купим яхту и станем на ней жить, это решит все проблемы.

— Значит, покупаем?

— Да, наверное. Эта мысль пришла мне в голову на свадьбе, когда я думала о покупке фермы.

— Девка, ты должна была думать обо мне!

— Я думала. Но после перерождения я способна думать сразу о нескольких вещах. Наверное, благодаря улучшившемуся кровообращению. — (То есть благодаря мне, босс.) (Да, милая. Это одно и то же.) — Наш банкетный зал, превращенный в часовню, куда больше походил на церковь, чем на место для еды. Поэтому вот моя мысль: подарим дом Малышу. Создадим попечительский фонд его церкви, в состав которого, если захотят, могут войти Алек и Мак. Определим фонду пожизненное содержание, а Хьюго, как пастору, хорошую зарплату. Это осуществимо?

— Без проблем, Юнис. Если тебе так хочется избавиться от дома...

— Хочется. Но только с твоего согласия.

— Дорогая, это твой дом. Я давно понял, что владеть недвижимостью в мегаполисе — не удовольствие, а сплошная головная боль. Если тебе понадобится пристанище, можем оставить мой домик в «Тихой гавани». Там никаких сквоттеров. Твой план требует корректировки, но Малыш может получить особняк. Попрошу Алека этим заняться. Думаешь, Малыш справится? Сквоттеров и вандалов его присутствие может не остановить.

— Выслушай вторую часть моего плана. Она касается остальных наших слуг. Предложим каждому, чей стаж больше двадцати лет или близко к тому, выйти на пенсию с сохранением полного жалованья. Охранников и подсобных рабочих попросим остаться и работать в фонде за ту же ставку. Ты прав, неграмотный хозяин может не справиться; если ему не помогать, от церкви останется лишь одно название. Преподобный Хьюго — лучший телохранитель, но он дитя Божье и ничего не смыслит в управлении. Ему понадобится практичный домоправитель — вроде Каннингема или О'Нила. Или Ментона. Пускай Алек подумает. Джейк, я хочу передать Малышу полностью обеспеченное предприятие, чтобы ему не отвлекаться от проповедей, молитв и спасения душ. Думаю, ты понимаешь почему.

(Я точно понимаю. Однако, босс, любой из четверки мог убить того грабителя.) (Любимая, остальных троих мы уже отблагодарили и продолжим благодарить. Отец Хьюго — другое дело.)

— Юнис, ты правда веришь, что Хьюго может спасти души?

— Понятия не имею. Джейкоб, я не знаю, кто на самом деле управляет этим миром. Даже если деятельность Хьюго значит не больше наших медитаций, она все равно полезна. Наш мир испорчен. Во времена, когда по улицам разъезжали «Форды-Т», Соединенные Штаты были прекрасны и полны надежд. А сегодня молодежи лучше всего сидеть дома, не высовываться и распевать «ом мани падме хум». В нынешнем мире они и не умеют ничего лучше; это куда полезнее, чем подсесть на наркотики. Когда медитация и бессмысленные молитвы — лучшее из доступных занятий, Хьюго может принести много пользы в том же самом смысле. Даже если его вера ложна на все сто процентов. Но вряд ли отец Хьюго ошибается больше самых ученых богословов. Может, он и ближе к истине. Джейкоб, я уверена, никому не известно, кто на самом деле управляет миром.

— Милая, я просто полюбопытствовал. У беременных бывают странные фантазии.

— Дорогой, я ведь беременна не в голове, а в животе. В голове по-прежнему старый Иоганн. Охраняет меня.

(Вы так думаете? Босс, если бы я за вами не следила, вы бы сейчас бредили фантазиями, как кошка, которая собира-

ется родить в мусорном ведре! Не забывайте, я уже через это прошла.) (Помню, потому и не боюсь. Иначе мне было бы страшно до потери пульса.) (Босс, мы созданы, чтобы рожать детей. Это не страшнее, чем зуб вылечить.)

— Джейк, я рассказывала о своей политической карьере?

— Юнис, для меня это новость. Не могу такого даже вообразить.

— Вообрази Иоганна, а не Юнис. Сорок лет назад меня убедили, что заняться политикой — мой «долг». Теперь-то я понимаю, что партия хотела одного: чтобы я оплатил избирательную кампанию в округе, где она все равно бы проиграла. Но это стало для меня уроком. Я понял, что бизнесменам не место в политике, тем более в правительстве. Я проиграл с таким треском, что больше никогда не порывался «спасать мир». Кто-нибудь, может, и знает, как сбросить эту насквозь прогнившую планету, но уж точно не я. Теперь я наверняка знаю, что не знаю, как это сделать. Не самое полезное знание, но хоть какое-то. Джейк, пока Иоганн руководил «Смит энтерпрайзес», он знал, что делать с компанией. Сейчас я знаю, что делать с шестью десятками человек у меня на службе, знаю, как обеспечить их будущее — по крайней мере, финансово. Но один человек не в состоянии решить проблемы семи миллиардов. Тебе не дадут. Если попытаешься, рехнешься от сознания собственного бессилия. И для трехсот миллионов много не сделаешь, если главная беда в том, что их триста миллионов. Я не вижу пути, кроме принудительной стерилизации, а это лекарство хуже самой болезни. Введение лицензий ничего не решило.

Джейк покачал головой:

— И не решит. Юнис, лицензии — чепуха. В этом законе больше лазеек, чем в Налоговом кодексе. Принудительные меры неизбежно ведут к политическому кризису. Нет уж, пускай лучше приходят Четыре всадника. Добровольная контрацепция привела лишь к увеличению доли паразитов в сравнении с теми, кто готов работать, а население все равно растет. Введи мы такую же строгую выбраковку, как в Китае, этого могло бы не случиться. Но мы ее не ввели. Может, оно и к лучшему.

— Выходит, решения нет?

— Есть. Я о нем уже говорил. Четыре всадника. Они не дремлют. И тогда... — Он указал на Луну. — Юнис, я подо-

зреваю, что трагедия человечества разыгрывалась бессчетное число раз. Возможно, любая разумная раса должна достичь точки невозврата, чтобы вырваться со своей планеты к звездам. Возможно, всегда — или почти всегда — это фотопроигрыш, когда результат неизвестен до последнего. Так и с нами. Быть может, требуются бесчисленные войны и немыслимое перенаселение, чтобы вывести технологии на уровень, позволяющий освоить космос. Не исключено, что во Вселенной космические полеты — стандартные родовые схватки расы, которая иначе погибла бы. Проверка. Одни расы проходят ее, другие — нет.

Джоан вздрогнула:

— Страшно.

— Да. Не стоило обсуждать это с женщиной в «деликатном положении», как выражались раньше. Извини, милая.

— Такая мысль страшна в любое время, Джейк. В моем положении нет ничего деликатного; со мной происходит то, для чего я создана. Я сотворяю ребенка. Прекрасное ощущение; я им наслаждаюсь.

— Вижу, и от этого счастлив. Позволь лишь один совет. Роди, прежде чем продавать дом и перебираться на яхту.

— Почему? У меня нет токсикоза и морской болезни тоже наверняка не будет.

— Потому что ты в деликатном положении, как бы хорошо ты себя ни чувствовала. Дома с тобой все будет в порядке; рядом Боб и Винни. Здесь ты тоже в безопасности — при отеле работает прекрасный врач, я проверял, да и до ближайшей больницы рукой подать. Но в море? Что, если у тебя начнутся преждевременные роды? На седьмом месяце? Мы потеряем и ребенка, и, возможно, тебя. Нет, Юнис, я такого не допущу.

— Ох. — (Юнис, стоит ли говорить ему, что твои первые роды прошли без осложнений?) (Нет, близняшка. Как мы это докажем? Если вы упомянете меня сейчас, Джейк решит, что у вас бред беременной. Этот спор придется проиграть. Немедленно сдавайтесь, босс. Отступите и попробуйте другой подход.) — Джейкоб, ты прав. Мне прекрасно известны риски; моя первая жена умерла родами. Но если мы уговорим Роберто и Винни отправиться с нами? Недалеко. Примерно на то же расстояние, на каком сейчас этот три-

маран? Тогда и больница будет рядом, и Роберто. Врач при отеле, может, и хорош, но я предпочту Роберто. Он знает меня снаружи и изнутри. Как врач; даже не думай отпустить по этому поводу шуточку. Или тебя смущает, что Роберто однажды со мной переспал?

(Эй! Близняшка, это подлый прием!) (Да ладно, Юнис, я просто хочу его запутать.)

Джейк Саломон ухмыльнулся:

— Малышка, тебе меня так просто не смутить. Если хочешь, чтобы Боб принимал ребенка, я его уговорю... если только ты не против, чтобы его жена была рядом.

— Фи! Если вам с Винни хочется освежить кое-какие воспоминания, я награжу вас напутственными поцелуями. Она с радостью утешит тебя, пока я буду не в состоянии.

— И тем самым выдаст тебе карт-бланш. Для женщины не редкость влюбиться во врача, принявшего ее первенца.

— Еще раз фи! Ты прекрасно знаешь, что я давным-давно влюблена в Роберто. Ревнуешь?

— Нет, просто любопытствую. Полагаю, запрет, что ты наложила в день нашей свадьбы, по-прежнему действует? Я тут прикинул и понял, что Боб тоже имел возможность зачать твоего ребенка в день, когда, по твоим словам, это случилось, а также до и после.

— Дорогой, по-твоему, «иметь возможность» достаточно? — (Еще как, близняшка!) Джоан улыбнулась и наморщила носик. — Любимый, я готова признать, что имя Роберто может быть на одной из бумажек в шляпе. Но там может быть и Финчли. Или Хьюберт. Или наш дорогой судья Мак. Вы с Алеком в тот день с головой ушли в дела, а вот Мак закончил работу в положенное время... но допоздна не возвращался домой.

— Это признание?

— Что-то из этого — возможно.

— Любимая, хватит меня подначивать. Существует лишь два типа жен: те, которые обманывают мужей, и те, которые изменяют с любезного согласия мужа. В таком случае...

— А разве не три?

— А? Ты про верных жен? О, конечно. Слышал, что такие встречаются. Но за двадцать лет юридической практики — а большую часть моих дел составляли бракоразводные

процессы — мне встретилось лишь несколько таких, да и в них я не уверен. Де-факто верные жены составляют столь малую часть от общего числа, что их можно не учитывать. Люди так устроены, что разумному мужчине надо довольствоваться тем, что ему вовремя подают еду и публично его не позорят. Я к тому, что, если ты хочешь получить мое любезное согласие, не пудри мне мозги сказками про всяких Хьюбертов. В судью Мака я еще могу поверить. Том Финчли тоже мужчина видный и регулярно принимает ванну — пусть и ужасный сквернослов, от чьих измышательства над священным английским языком меня порой берет оторопь. Боб Гарсия — пример хорошего вкуса. Но, дорогая, умоляю, не жди, что я поверю, будто Хьюберт тоже в списке.

(Близняшка, Джейк знает нас как облупленных. Лучше не пытаться заморочить ему голову.) (Милая, слышала когда-нибудь выражение «ложный след»?)

— Хорошо, сэр, вычеркнем Хьюберта. Но все равно остается бесконечное число возможностей. Обещаю, что не стану публично тебя позорить. Но, к вопросу о своевременных приемах пищи, пора мне готовить ужин.

— Может, перекусим мясной нарезкой и разогреем банку супа? Я думал вздремнуть.

— Можно мне с тобой?

— Я сказал «вздремнуть». Поспать. Старому сеньору Джейкобу требуется соблюдать сиесту, а с тобой не получится.

— Слушаюсь, сэр. Можно закончить свою мысль? Мы позаботимся обо всех, кто захочет выйти на пенсию, устроиться в другое место или остаться с Хьюго. Но я надеюсь, что кто-то изъявит желание присоединиться к команде нашего тримарана. Вдруг кому-то знакомо морское дело?

— Финчли даже сидел за морскую контрабанду.

— Я рассчитывала, что все наши телохранители, за исключением Хьюго — и Рокфорда, если он нужен тебе для другой работы, — присоединятся к нам на яхте. Они крепкие, толковые ребята, не слишком обремененные семейными заботами. Фред пару месяцев назад развелся, у Дабровски детей нет, и, думаю, Ольга будет не прочь послужить горничной — то есть стюардессой. Она сама вызвалась прибирать наш номер, хоть это и не входило в ее обязанности.

А что касается семейства Финчли... Том будет незаменим на борту. Если не ошибаюсь, он ведь не наркотики возил, а оружие в одну из центральноамериканских стран. Был старшим помощником, если не ошибаюсь. Эстер Финчли прекрасно готовит. С Евой затруднений не будет; она уже умеет читать, писать и считать. Если родители скажут ей о готовящемся плавании, она непременно захочет, чтобы они отправились с нами. Какой ребенок не любит путешествовать? Дорогой, проверь по пути, кто сегодня на посту. Пускай позовут Финчли. Вдруг он разбирается в тримаранах?

— По-моему, он и должен быть на посту. Принести тебе халат?

— Я обгорела? Не чувствую; я пользовалась лосьоном от загара. А! Ты хочешь, чтобы я прикрылась, когда придет котик Том? Дорогой, я ведь каждый день купаюсь вместе с ним и его семьей. И с Фредом, и с Дабровски.

— Милая, мне все равно. Просто казалось, что тылюбишь соблюдать приличия.

— Какой в этом смысл, если я плаваю и загораю с этими людьми? И раз уж мы заговорили о приличиях, не ты ли вчера в бассейне шлепал Эстер по попке? Или позавчера?

— Во вторник. И это была не Эстер, а ее дочка Ева. Репетирую роль маньяка-педофила. Пустяки, не ревнуй.

— Любимый, врежь мне как следует, если наступит день, когда я приревную тебя к маленькой девочке. Не отшлепай, а поколоти хорошенько. Но я прекрасно помню, что это была Эстер. Мой галантный, воспитанный Джейкоб ни за что бы не пристал к девочке.

— Нет, но эта девочка постоянно пристает ко мне. Специально!

— Бедняжка Джейк. Даже тринадцатилетние не дают ему прохода. Могу понять; я и сама не даю.

— Вот только эта тринадцатилетняя думает, что ей уже двадцать один. Давай условимся: я постараюсь не высовываться, когда ты наедине с ее отцом, а ты, будь добра, постарайся не оставлять меня наедине с Евой.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин. Однако меня огорчает, что ты всерьез считаешь, будто за мной нужно присматривать — или не присматривать, — когда я наедине со слугами. А что насчет Эстер? Мне быть поблизости, когда она рядом с тобой?

— Следи за собой, женщина. Только не перегибай палку. Не хочу, чтобы кто-нибудь стеснялся купаться здесь. Внизу вода такая грязная, что я никому не позволю даже окунаться в нее. Сама знаешь, какая в этом красивейшем море концентрация кишечной палочки. Мы договорились, что слуги могут пользоваться нашим бассейном при условии, что они не будут выходить на пляж. Пожертвовали личным пространством, чтобы никто не подхватил дизентерию и не перезаражал весь отель. Я не жалею — они прекрасные люди. Даже наша не по годам развитая Ева, которая делает все возможное, чтобы меня смутить.

— Джейкоб, я тоже не жалею. Не люблю одиночество. Но мы не закончили обсуждать попку Эстер. Как она, мягкая?

— Милая, ты еще хуже Евы. Пойду произнесу десяток «мани хумов» и вздремну. Пришлю к тебе Тома. Разбуди меня через часок. Целую.

Джоан вытянула шею. Когда Джейк ушел, она нырнула в бассейн, дважды проплыла от края до края и вылезла. Когда пришел Финчли, она разглядывала яхты.

— Мэм, посылали за мной?

Она улыбнулась:

— Котус Томас, когда мы наедине, зови меня иначе.

Финчли оглянулся и почти беззвучно произнес:

— Киска, босс не спит.

— Он отправился в номер и закрыл дверь. Сиеста. Скоро уснет. Котус Томас, я не хотела тебя смущать. Подойди, я хочу показать тебе кое-что. Ты когда-нибудь ходил под парусом? Или только на теплоходах?

— Под парусом? Еще бы. Мое детство прошло у Чесапикского залива. Ходил на одномачтовых кэтах.

— А на тримаранах?

— В шестнадцать лет служил на одном матросом, но не управлял.

— Как они тебе?

— Смотря с какой стороны посмотреть. Если вам нужен дом на воде, а не гоночная яхта — тримаран вполне годится. Но я бы все равно поставил на него турбину. На мелководье им тесно, как двум людям в ванне.

— Котус Томас, а у тебя большой опыт по части ванн?

— У кого его нет? Это забавно, особенно если предварительно выпить. Но в постели гораздо лучше. Или на полу.

— А в шезлонге?

— Киска, ты меня пугаешь. Однажды мы попадемся.

— Дорогой, это был риторический вопрос. Я тебя ни к чему не принуждаю. Скажи, у Джейка с Эстер что-нибудь было?

— Уверен, что нет. — Он улыбнулся. — Но, скажу честно...

— Скажи. Пожалуйста. Скажи, мой прекрасный мускулистый котик.

— Эстер была бы не против. Она прямо сказала мне, что даст боссу, если он захочет. Она считает босса правой рукой Бога.

— Я тоже. Но это не мешает мне получать удовольствие и с моим котиком Томом. А как бы ты отнесся, если бы это случилось у Джейка и Эстер?

— Я? — Финчли удивился. — Киска, уж ты-то должна знать, что нет смысла сажать шлюху за забор, если она все равно его перепрыгнет. Пускай лучше через дверь выходит. Я сам ей открою, если захочет.

— Я спросила твое собственное мнение.

— А... — Шофер-телохранитель задумался. — Я не расстроюсь. Босс — *numero uno, da kine*¹. Сечешь?

— Секу.

— Если от него кто-то залетит, он заплатит без разговоров. Нам-то волноваться не о чем; у нас была лицензия на одного ребенка, и после рождения Евы Эстер поставила имплант. Мне с ней повезло. Не бросила меня, когда я угодил за решетку, приняла обратно, когда я вышел по условно-досрочному. Да, она спала со своим прежним начальником, но не ходила вразнос. По крайней мере, мне об этом не говорила. Так что с боссом пускай развлекаются. Я ей так и сказал. Развлекайся, говорю, не стесняйся.

— Мм... Томас Котус, давай предоставим им случай. И не один. Будет нам с тобой страховка.

Финчли задумчиво кивнул:

— Разумно. Но как это устроить? И согласится ли босс?

¹ Номер первый (исп.), лучший (гавайский пиджин).

— Наверняка согласится, если будет знать, что их никто не побеспокоит. Джейк у нас осторожный, как и ты. Главное — убрать куда-нибудь Еву. Например, можешь повезти меня за покупками, а я попрошу Эстер принести мистеру Саломону обед... а затем, словно спохватившись, позовем Еву с нами. Как тебе такой план?

— Но Фред и Ски останутся. Не пойдет, киска.

— Устроим это во время твоего дежурства. Джейк не станет посылать за сменой, в лучшем случае дверь лифта запрет. О своей безопасности он совершенно не беспокоится. Только о моей.

— Гм. Ясно. Это сработает, если он захочет. Киска, а ты становишься все сочнее. Грудь такая красивая!

— Джо говорит, с каждым месяцем беременности женщины все краше. Не многие мужчины с ним согласятся.

— Эстер до самых родов была ягодкой. Ты тоже. Гм... ты уверена, что босс уснул?

— Достаточно уверена, чтобы рискнуть. Но если ты чего-то опасешься, можем подождать, пока не сработает наш план насчет Джейка и Эстер.

— Ну... черт... мы можем до этого не дожить.

— Тогда прямо здесь?

— А если вертолет вернется?

— Тогда пойдем на веранду.

Администрация Гарвардского университета проголосовала за заморозку счетов до тех пор, пока студенческий парламент не выберет нового ректора. И студенческий парламент, и преподавательский сенат обратились в суд, чтобы опротестовать это «необдуманное и безответственное решение».

ЗЭКИ — ЛУЧШИЕ КОПЫ. Генеральный секретарь Союза частных полицейских, охранников и шоферов-телохранителей (под эгидой Американской Федерации труда) на ежегодном банкете поздравил Милуоки с вступлением в число муниципалитетов, в которых разрешено принимать на работу в полицию лиц с судимостью. «Успешная работа условно-досрочно освобожденных граждан в качестве лицензированных охранников наконец-то заставила политиков понять, что надо „ловить рыбу, где клюет“. В Библии сказано, „найми вора, чтоб поймать вора“, верно? Кто знает бандюков лучше бандюков? Создайте человеку условия, в которых у него не будет соблазна встать на скользкую дорожку, дайте ему работу, которую он понимает, и можете смело на него положиться. Мамка мне так говорила, когда я сопливым пацаном тырил конфеты из магазина. К тому же, как сегодня сказал верховный казначей, „взгляните, как это укрепило экономику!“. В нашей великой стране...»

Информационная программа «Сегодня» взяла интервью у акушерки, утверждающей, что она приняла роды у мисс Молли Магуайр за десять дней до ее сенсационного прыжка с парашютом над американо-мексиканской границей. Порнозвезда немедленно подала иски против телеканала, программы и ведущего.

РАВНОПРАВИЕ ДЛЯ ЖЕНЩИН!!!

Не позволяйте себя унижать! Он обалдеет, когда вы с улыбкой воспользуетесь писсуаром. Приобретайте изобретение доктора Мэри Эверс — адаптер «Равенство» (заявка на патент подана). Безотказный, гигиеничный, он легко помещается в косметичку и поставляется в девяти женственных, психоделических расцветках.

Отпускается без рецепта и предварительного снятия мерки во всех аптеках и супермаркетах.

Комиссия по освоению Луны узаконила введенные ранее временные правила приема мигрантов исключительно по решению медицинской комиссии, без учета прошлых заслуг или проступков. Председатель заявил: «В новом мире жизнь человека начинается с чистого листа. Иная политика неэффективна». После шквала вопросов он признал, что взнос для несубсидируемых профессий остается неизменным, но уверил, что этот вопрос всецело контролируется правлениями кондоминиумов и не влияет на основной принцип отбора.

ЖАРКАЯ ПЕРЕПАЛКА О ВЫСШЕЙ МЕРЕ

«„...не останавливает!“ Это была цитата. Разве сенатору великого штата Пуэрто-Рико не известно, что главная наша проблема — рецидивизм? Может ли сенатор назвать хотя бы один случай, когда убийца совершал новое убийство *после* того, как был казнен?»

— У-у-ух! Джо, глянь, как она идет с попутным ветром!

— Круто.

— Я словно на крыльях лечу, — радостно сказала Джоан Юнис. — Пойдем на корму. Винни прекрасно справляется со штурвалом; когда Том включил ее в список вахтенных, она вся засияла. Девочка — прирожденный мореход. Соленая вода у нее в крови. Джиджи, что с тобой? Ты какая-то мрачная. Укачивает?

— Немного.

— Вынуждена признать, «Киску» сильно качает в открытом море. Мне самой нравится, но не всем такое по душе. Не переживай, у доктора Роберто есть чудо-таблетки от

морской болезни. Сейчас принесу. Через пять минут тошноту как рукой снимет. Даже покушать захочется.

— Джоан, я не принимаю таблетки. Все хорошо.

— Где хорошо, когда я вижу, что тебе плохо? Ты не обещала; Эстер сказала, что готовит для тебя что-то особенное. Послушай, Роберто дает эти таблетки даже Винни. Каждый день перед завтраком. Милая, он прекрасный врач и не стал бы пичкать чем-нибудь вредным собственную жену. Никто на борту не принимает лекарств без рекомендации нашего судового доктора. Прошу, не возражай. А?

— Джиджи.

— Джо?

— Прими таблетку.

— Хорошо. Джоан, мне правда нехорошо. Наверное, я выгляжу глупо, но сейчас столько молодых ребят сидят на таблетках, что я боюсь лекарств.

— Я тоже не люблю глотать таблетки, но доктору Роберто доверяю. Сейчас принимаю витамины для беременных. Подожди здесь, на свежем воздухе, пока я схожу за лекарством.

— «Плывем, плывем по бурным морям», — пробасил мистер Джейкоб Саломон, взбираясь на мостик. — Доброе утро, Ски.

— Доброе утро, капитан. Идем левым галсом, курс один-пять...

— Вижу. Проваливай отсюда и позавтракай. — Саломон взглянул на компас, усаживаясь в кресло за штурвалом. — Мы тебе ничего не оставили, но можешь стащить пару галет из спасательной шлюпки.

— Сэр, Эстер не даст мне умереть с голоду.

— И Ольга. Иди.

Джейк глянул на паруса, решил, что может взять немного круче к ветру. Правой рукой он потянулся к пульту управления бегучим такелажем, рычагом выбрал грота-шкот, поглядывая на грот, и медленно повернул штурвал, пока галсовый угол не стал острее. Затем он чуть развернул стаксели и расслабился.

— Доброе утро, капитан.

— Том, оставь эти церемонии. Миссис Саломон может навесить на меня какие угодно титулы и звания, но мы-то

знаем, кто записан капитаном в судовом журнале. Ты. Я прос-то судовладелец и неквалифицированный старший помощ-ник. Юнис не стоило провозглашать меня капитаном, но что взять с женщины? К слову о женщинах, как поживают твои? Ева не пришла к завтраку.

— Она позавтракала раньше всех, сэр. Кстати, я наказал ей больше не появляться голой нигде, кроме бассейна.

— Это чересчур. Другие девушки расхаживают, как им заблагорассудится. Я всего лишь не хочу, чтобы она в таком виде залезала ко мне на колени и вертелась, будто уж на сковородке. Стар я для юношеских фантазий.

— Сэр, я ее приструню.

— Том, не нужно ее «приструнивать». Мне хочется, что-бы все насладились круизом, как одна большая семья. Пусть Эстер намекнет ей, что старый дядя Джейк любит ее, но не любит, когда к нему пристают. Хотя это и неправда. К слову о бассейне: как работает фильтр?

— В порядке. Просто забился водорослями.

— Корабельный врач проверил воду?

— Вода безопасна.

— Отлично. Том, когда я был молодым и мечтал стать рулевым третьего класса, мы прыгали в воду со шлюпочного бруса и не боялись никакой заразы. Но сегодня Тихий оке-ан уже не справляется со всем дерьмом, которое люди в не-го сливают. Можешь убрать из бассейна табличку с черепом и костями и дать сигнал к купанию.

— Есть, сэр!

— Секунду. Пора бить восемь склянок. — Джейк протя-нул левую руку и нажал последнюю кнопку в ряду из восьми. По кораблю разнеслись четыре сдвоенных удара колокола, возвещающие начало полуденной вахты. Затем Джейк потя-нулся к другой кнопке и сам дал сигнал к купанию. — Том, если бы нам не нужно было есть и спать, такую яхту можно было бы вести в одиночку. Втроем уж точно. Даже вдвоем.

— Возможно.

— Сомневаешься?

— Сэр, можно и в одиночку, если твердо знать, что не случится внештатных ситуаций. А они всегда случаются.

— Разумно. Особенно если на борту две беременные жен-щины... и если ты не будешь присматривать за Евой, скоро может быть три...

— Сэр, я предпочитаю не рисковать. Доктор Гарсия дал ей детскую таблетку.

— Том, я еще сильнее тебя заужал. Дядя Джейкоб и пальцем бы не тронул твою дочь, но за остальных мужчин я поручиться не готов. Соленый воздух стимулирует обмен веществ... да и со старой поговоркой «Раз выросли большие, значит уже взрослые, и ничего тут не попишешь» тоже сложно спорить. Приходится выкручиваться.

— Так мы и делаем. Я обсудил это с доктором. Мы с Эстер не ждем, что Ева станет вести себя иначе, чем мы сами в ее возрасте. Любвеобильная девушка рано или поздно раздвинет ноги.

— Это общеизвестно. Но родители по большей части до последнего в это не верят, когда речь заходит об их детях. Уж я-то знаю, несколько лет был семейным юристом. Том, ты такой разумный человек. Даже не верится, что у тебя были нелады с законом.

Шкипер развел руками:

— Все от доверчивости, сэр. Капитан ржавого корыта, на котором я служил, обещал десятикратную выручку за одну ходку, если буду держать язык за зубами и закрывать на все глаза. Все было подготовлено. Вот только он решил не давать никому взятку, думал проскочить в темноте. Будто о радарах не слышал! Бац! — и береговая охрана тут как тут. — Финчли снова развел руками. — Я не жалуюсь, сэр. Сам сваял дурака. Тем более что через два года и четыре месяца я получил работу у бывшего мистера Смита. Красота! Теперь-то я не такой доверчивый. Не доверяй, кому не надо, задница целей будет.

— И все же ты не озлобился. Том, мне кажется, самое трудное во взрослении — это набраться опыта и не стать циником.

— Я об этом особенно не задумываюсь. По мне, большинство людей — даже тот безмозглый шкипер — неплохи, если не требовать от них слишком много. Взять хоть нашу посудину. Водоизмещение три тонны. Если нагрузить ее до пяти, то, пожалуй, проблем не будет. А вот шесть она уже не потянет.

— Отличный пример. Именно это я и имел в виду. Том, ты свободен. Если заняться нечем, вздремни или искупайся.

— Есть, сэр. Пойду проверю трюм: что-то там воды многовато. Помпа справляется, но я хочу знать причину. — Козырнув, Финчли слетел вниз по ступенькам.

Джейк натянул фуражку, откинулся в кресле и принялся напевать:

— «Жена моряка — его звезда, йо-хо, мы идем по морям! Жена моряка — его звезда, жена моряка — его... звезда!»

Жена Джейка незаметно подкралась сзади и поцеловала его в затылок:

— Про меня поешь, милый? Или про Нэнси Ли?

— Конечно про тебя, моя дорогая! К тому же куплет про Нэнси Ли я забыл.

— Ты вообще женские имена запоминаешь? А то мы все у тебя «дорогие».

— Просто потому, что это правда. Но *моя* дорогая только ты. И я прекрасно помню твою фамилию — Саломон.

— Джейкоб, когда ты был матросом, от тебя, наверное, спасу не было. С твоими еврейскими штучками ты кого угодно уболтаешь, а сам выйдешь сухим из воды.

— Что вы, мэм. Я был славным пареньком. Просто следовал древнему морскому закону: «Якорь поднят — все долги оплачены».

— И оставлял маленьких еврейчиков в каждом порту... улучшая тем породу. Кстати, как насчет Джиджи? И тут собираешься улучшить породу? — Джоан ткнула его пальцем в нависший над ремнем мягкий бок. — Лакомый кусочек, а, малыш?

— Мадам, — ответил он свысока, — не знаю, о чем вы.

— «Морпехам свои сказки рассказывай, старые морские волки тебе не поверят». Джейкоб, любимый, не сомневаюсь, что ты знаешь вторую миссис Бранку не хуже, чем знал первую. Доказывать не собираюсь; прими мои поздравления. Джиджи хороша. Обожаю ее. Без шуток.

(Расскажите ему, как она визжит, близняшка!) (Не буду!)

— Женщина, скоро же ты на выводы!

(Тогда расскажите о ваших приключениях на перекрестке проспекта Па-Де-Труа с Голубой улицей. Ваш любимый район, близняшка!) (Юнис, Джейкоба нужно подготовить к таким вещам. Нельзя его гарпунить.) (Джоан, у вас и гарпуна-то нет. Это Джейк у нас капитан Ахав.) (Юнис, ну и пошлые у тебя шутки.) (У меня? Это ваш мозг их рождает.)

Миссис Саломон не стала продолжать дискуссию и достала из ящика секстант:

— Дорогой, который час?

— Собираешься дотянуться до Солнца?

— Не только до Солнца. а еще и до верхнего лимба Луны и, если повезет, до Венеры, чтобы выстроить координаты по трем точкам. Попробуешь угадать, насколько мал выйдет треугольник?

— Ставлю на пятьдесят миль между ближайшими вершинами.

— Грубиян. Хам. Подлец. Никакого уважения к беременной женщине! Я еще вчера определила координаты в десять раз точнее! У меня получается все лучше и лучше. А я ведь могла и схитрить: запросить Пойнт-Лома и нанести точку на карту.

— Юнис, что за страсть — изображать Боудича? Можно подумать, радио, спутники и все такое еще не изобрели.

— Это весело. Я собираюсь сдать экзамен на навигатора. А когда сброшу «балласт» и нам не придется держаться прибрежных вод, буду определять координаты каждый день до самых Гавайев. Готова поспорить, что выйду к Хило с ошибкой меньше трех миль. Да, сейчас в этом нет необходимости, но вдруг она возникнет? Скажем, начнется война и радио отключат? Тогда придется ориентироваться по звездам, и навигатор на борту нам пригодится. Том признался, что не брал в руки секстант с тех пор, как стал первым помощником.

— Если вообще брал его в руки. Да, секстант может пригодиться, моя дорогая... потому что, если война начнется, а мы будем в море, мы уж точно не пойдем в Хило. Развернемся на юг и укроемся где-нибудь на Маркизских островах. Или еще дальше к югу. Чем дальше — тем лучше, тогда у нашего ребенка будет хоть какая-то надежда уцелеть. Остров Пасхи — идеальный вариант, если сумеешь его найти.

— Джейкоб, к тому времени я смогу не глядя проложить к нему прямой курс. Да и к любому другому острову. Любимый, я не забавы ради заказала весь этот антиквариат — таблицы, лоции, механические хронометры, палубные часы, этот очаровательный секстант и другой на пару к нему на случай, если уроню один за борт. И заметь, я все время но-

шу бинокль. У меня есть все гидрографические карты и астрономический альманах. Матрос из меня сейчас никакой, поэтому я решила стать настоящим навигатором. На всякий случай.

— Гм. Дорогая, надеюсь, войны все же не будет. Но замечала ли ты, что на нашей яхте всегда полный запас провианта, несмотря на то что мы почти каждую ночь бросаем якорь в портах и можем в любой момент купить все, что пожелаем?

— Замечала.

— Не случайно и то, что я выделил доктору Бобу неограниченный бюджет, чтобы обеспечить яхту всем необходимым родовспомогательным оборудованием.

— Еще бы я этого не заметила.

— Вот как? А мне не хотелось, чтобы вы с Винни лишний раз из-за этого волновались. Но раз уж ты все распланировала наперед, я решил тебе рассказать. Пока «Киску» переоборудовали, Боб прошел акушерскую переподготовку. Наш лазарет в двадцать раз дороже, чем на обычных судах.

— Рада слышать. Когда есть деньги, дальновидный человек может все предусмотреть. Только повернуть время вспять не может.

— Любимая, для тебя я и это сделал.

— Нет, Джейкоб. Ты подарил мне несколько лишних лет, это прекрасное тело... и себя. Но время не повернулось вспять. Мне по-прежнему почти сто лет. Я не чувствую себя вновь молодой, потому что не молода, как Винни или Джиджи. Джейкоб, да я и не хочу вновь быть молодой.

— Милая, ты несчастлива?

— Нет, что ты! О лучшем и мечтать не приходится! У меня молодое, здоровое тело, с которым каждый вдох приносит радость... а за моими плечами вековой опыт и, если можно так выразиться, мудрость. Спокойствие. Взвешенный взгляд на вещи. Винни и Джиджи еще переживают все волнения молодости... а я нет. Мне и не хочется. Я не помню, когда последний раз принимала успокоительное, но полагаю, что в день, когда меня отстегнули от койки. Джейкоб, из меня куда лучшая жена, чем из этих девушек. Я старше тебя, я была в твоей шкуре и понимаю, каково тебе. Я не хвастаюсь; это правда. Я бы тоже не нашла счастья, выйдя за молодого

мужчину. Мне пришлось бы постоянно прикладывать усилия, чтобы не уязвить его деликатную натуру. Джейкоб, мы идеальная пара.

— Знаю, моя дорогая.

— И я знаю. Но временами ты забываешь, что я на самом деле не Юнис, а Иоганн. — (Эй, босс, в чем дело? Мы и Юнис, и Иоганн!) (Конечно, любовь моя, но Джейк видит в нас только Юнис. Нельзя, чтобы он забывал об Иоганне.) — Вот например, Джейкоб, ты воспринял мои недавние слова про Джиджи как попытку тебя уколоть.

— «Воспринял»! Да так оно и было.

— Нет. Закрой глаза и забудь, что я говорю голосом Юнис. Мысленно вернись на десять лет назад, когда здоровье у меня было более или менее сносное. Если бы твой старший друг Иоганн намекнул, что ты спишь с красивой девушкой, счел бы ты это уколом?

— А? Конечно. Иоганн бы вогнал в меня иголку и сломал ее.

— Правда? Ты помнишь за мной такое?

— Тебе ни разу не удалось меня поймать.

— Вот как? Нет, Джейкоб, он — я — поздравил бы тебя, как я сделала сегодня, стараясь не обидеть. И не подпускать шпилек. Помнишь девушку по имени Мэриан? Фамилия начиналась с буквы «Г». Ты ласково звал ее Девой Мэриан.

— Да как, черт возьми...

— Спокойнее, дорогой, ты за штурвалом перестал следить. Это было шестнадцать лет назад, незадолго до того, как ты стал вести исключительно мои дела. Прежде чем предложить тебе контракт, я, Иоганн, поручил сыщикам собрать на тебя новое досье, и, должна сказать, одним из решающих факторов стало то, как ты оберегал репутацию той девушки. Стало ясно, что на тебя можно положиться во всем. Так и оказалось — ты ни разу не воспользовался моей генеральной доверенностью в корыстных целях. Позволь сказать, что мне очень хотелось поздравить тебя и с хорошим вкусом, и с твоим успехом как Лотарио. Поскольку, разумеется, пришлось проверить и ту женщину, и ее мужа, прежде чем доверить тебе мои грязные тайны. Но, опять-таки разумеется, ты ни слова от меня не услышал.

— Вот уж не думал, что это можно было разноухать.

— Что ты, Джейкоб. Помнишь, ты сказал Юнис, что можешь нанять фотографа, который снимет ее под душем, а она ничего не узнает? Ты должен понимать, что в этом мире за деньги возможно почти все. Даже заснять вас с Мэриан в весьма, как выражаются юристы, компрометирующем положении.

— Господи! И что стало с этим снимком?

— Он уничтожен. Мне было жалко; кадр вышел удачным, Мэриан была настоящей красоткой, да и ты, старый обаятельный козел, не подкачал. Затем я вызвал директора сыскного агентства и потребовал у него все копии снимка и негативы. Пригрозил, что, если хоть одна фотографию всплывет, я лишу его лицензии, разорю и отправлю за решетку. Вас с Мэриан никогда не шантажировали этим снимком?

— Нет. Меня — нет, и я практически уверен, что ее тоже.

— Значит, он мне поверил. Все еще думаешь, что я упрекала тебя насчет Джиджи? Или поздравляла?

— Ну... пожалуй, ни то ни другое. Может, ты просто хотела выбить из меня признание. Не дождешься, девчонка.

— Джейкоб, умоляю. Определись. Зная, что я была искренна, и памятуя мое поведение в случае Мэриан.

— Юнис... Иоганн! Тебе бы юристом быть! Принимая во внимание вышесказанное, вынужден признать, что это почти наверняка было искреннее поздравление. Но принять его я не могу. Не заслужил. Теперь скажи, как это взбрело тебе в голову?

— Расскажу, но позднее. Вон Джиджи идет. — Джоан убрала секстант в ящик. — Наблюдения придется отложить; на этом галсе мы подошли так близко к берегу, что я уже не вижу горизонта. Джиджи, привет, красотка! Поцелуй нас! Меня; Джейк на вахте.

— Я не слишком занят. Юнис, поддержи-ка штурвал.

Он подставил лицо для поцелуя, не вставая, и принял обратно управление яхтой.

— Купалась? — спросила Джоан.

— Да. Джоан Юнис, можно тебя на минутку? Если позволите, мистер Саломон.

— Будешь звать меня так — не позволю. Я Джейк.

— Дорогой, не пыхти, — весело сказала Джоан. — Нам нужно немного покурахтаться. Пойдем, милая. Капитан, не потопите нас!

Они нашли укромное местечко у спасательных шлюпок.

— Что-то случилось?

(Юнис, только не говори мне, что нам сейчас придется подраться из-за Джейка!) (Вряд ли, близняшка. Эта история началась еще две недели назад, и Джиджи с Джо из-за нее не переживают. Что подтверждает нашу догадку. Джейк просто солгал, чтобы не подмочить репутацию дамы. Что еще от него ожидать?)

— Вроде того, — призналась миссис Бранка. — Гм... не буду ходить вокруг да около. На следующей остановке мы с Джо хотим сойти на берег.

— Как же так? Джиджи, в чем дело? Я надеялась, вы хотя бы на месяц останетесь, как договаривались, а может, и дольше.

— Ну... мы собирались, но меня укачивает, а Джо... он кое-что написал, но свет здесь не подходит для его работы, слишком яркий... — Она замаялась.

(Близняшка, это все отмазки!) (Так дело все-таки в Джейке?) (Уверена, что нет. Пускай выкладывает начистоту.)

— Джиджи?

— Да, Джоан?

— Посмотри на меня. С тех пор как Роберто стал давать тебе таблетки, ты регулярно питаешься. Если Джо не устраивает солнечный свет, мы переоборудуем обеденный зал под студию. Поставим лампы и все, что нужно. Обними меня и скажи, что на самом деле не так.

— Ох, Джоан... дело в том, что океан такой огромный! — Джиджи смахнула слезы. — Наверное, ты считаешь меня дуручкой.

— Вовсе нет. Океан правда огромный. Самый большой на планете. Многим не нравится в океане. Мне нравится. Но я не стану тебя переубеждать.

— Я думала, мне понравится. Люди так расписывают океанские круизы! Но мне страшно. Джо тоже, просто он об этом молчит. Джоан Юнис, ты была ужасно к нам добра, но это не для нас. Мы с Джо не рыбы, мы бродячие коты. Все-

гда жили в городе. Здесь слишком тихо, особенно по ночам. Ночью тишина такая громкая, что я просыпаюсь.

Джоан поцеловала ее:

— Хорошо, милая. Я давно заметила, что ты не получаешь того удовольствия, на которое я надеялась, но не знала почему. Если вам так удобнее, я буду навещать вас дома. Я не люблю город; он меня пугает. Но в вашей студии очень хорошо и уютно. Причина только в этом? Никто не обидел тебя? Или Джо?

— Нет, что ты! Все очень классные.

— Но ты назвала Джейка мистером Саломоном.

— Просто я слишком нервничала перед нашим разговором.

— Значит, у вас с Джейком проблем нет? Он мужчина видный, даже я им восхищаюсь. С ним никаких напрягов?

— Никаких! То есть нам так же стыдно бросать Джейка, как и тебя.

— А можно нам с Джейком вместе вас навестить? Остаться на несколько дней?

(Юнис, она уклонится от ответа?) (Босс, вы меня спрашиваете или ее?)

Миссис Бранка потупилась, но тут же подняла голову и прямо спросила:

— Хотите устроить квартет? По полной программе?

— Именно.

— Мы не против. А вот Джейк?

— А что не так с Джейком? Скажи мне, Джиджи.

— Ну, наедине с нами Джейк раскован. А вот в твоём присутствии напрягается. Джоан, ты догадалась? Иначе вряд ли бы спросила про квартет.

— Догадалась. Все в порядке. Не бери в голову.

— Я говорила Джейку, что ты догадываешься. Он ответил: «Невозможно, она спит как бревно!»

— Так я обычно и сплю. Вот только на моем сроке часто бегаю по ночам в туалет. Но дело не в этом. Если Джейк не в постели, он может быть где угодно, и я не проверяю. Я вас не застукала. Просто мужчина по-особому смотрит на женщину, с которой он близок. И она на него. Ничего криминального, просто «без напряжения». Раскованно, если хочешь. Я не ревную, напротив — рада за него, зная, какое удовольствие

ты можешь доставить мужчине. Не забывай, я и сама была мужчиной...

— Помню. Но по-прежнему не верю.

— Мне приходится постоянно себе об этом напоминать. Зная тебя, я рада за своего мужа. Вы уже собирали Круг Трех? Мани хум?

— Конечно!

— В следующий раз в вашей студии соберем Круг Четверых. Тогда никто не будет зажиматься и наш квартет зазвучит гармонично.

— Конечно. Конечно!

— Значит, не будем больше мучить вас огромным страшным океаном хотя бы одну ночь. Зачем дожидаться порта, когда я могу попросить Тома вызвать для вас вертолет? Скажем, после обеда? Вас высажат в аэропорту Ла-Хольи, а оттуда вы самолетом отправитесь домой. Том бронирует билеты, а пилот вертолета поможет с вещами. Глазом моргнуть не успеете, уже будете разогревать обед у себя в студии. Годится?

— Ох, чувствую себя вымогательницей... но я согласна. Боже мой, Джоан, я так тоскую по дому!

— Сегодня же будешь дома. Пойду разыщу Тома, а потом сообщу Джейку. Он поймет, если я все объясню. Подменю его за штурвалом и отправлю к вам. Если ты, моя городская кисонька, не задрожешь от страха, как мышка, то запрешь дверь и попрощаешься с ним как следует. Вдвоем... или втроем?

— Конечно втроем.

— Тогда иди и скажи Джо. У вас десять минут. Максимум пятнадцать. И вот еще... я должна купить тот портрет Евы.

— Мы тебе его подарим.

— Кажется, мы договаривались, что Джо может дарить мне что угодно, кроме картин. Я заплачу за нее, потому что хочу подарить мужу. Милая, поцелуй меня и беги.

«Киска» с убранными парусами покачивалась на легких волнах. В пятидесяти футах над ее самой высокой мачтой с вертолета спускалась грузовая корзина. На корме Том Финчли руками подавал сигналы пилоту. Мистер и миссис

Бранка уже сидели в кабине вертолета; оставалось лишь погрузить их багаж.

Вещей оказалось много. Перед отплытием Джоан настояла, чтобы они взяли с собой «все, что понадобится в ближайший месяц, — в первую очередь принадлежности для рисования, ведь у Джо не будет отбоя от желающих попозировать... а кто не захочет, того я велю выпороть, а потом отправлю прогуляться по доске. Джо, дорогой, ты сможешь писать масштабные романтические полотна со злобными пиратами и их соблазнительными жертвами».

Она отправила приглашение со вложенными билетами «Меркурием», попросив курьера зачитать его Джо. Джо понял сообщение буквально и погрузил едва ли не все, что было в студии, — лампы, мольберты, огромные рулоны холста, подрамники, фотооборудование и фотохимикаты, кисти, краски и прочее — и по сумке с одеждой и личными вещами. Увидев, что он привез, Джоан порадовалась, что заказала для них бронемобиль до аэропорта. Сегодня она заказала такой же — встретить их в аэропорту.

Первую партию багажа подняли, и корзина опустилась за остальным. Вещи грузили Фред с Хэнком, шестнадцатилетним сыном Деллы. Хэнк очень старался быть хорошим матросом, хоть умения ему и не хватало. Они работали попеременно: сначала один держал корзину, а другой грузил вещи, потом наоборот.

Когда оставалось закинуть последний большой чемодан, внезапный порыв ветра закачал корзину; Фред выпустил ее и отскочил, а Хэнк ничком упал на палубу, чтобы избежать удара.

Фред снова ухватился за корзину, которую отнесло на десять футов дальше от кормы. Джоан Юнис взяла чемодан за ручку двумя руками:

— Ого! Джо что, якорь сюда положил?

Джейк крикнул:

— Юнис! Тебе нельзя поднимать тяжести! Хочешь выкидыш заработать?

Он вырвал у нее чемодан и потащил к корзине.

Хэнк поднялся:

— Капитан, давайте мне!

— С дороги, сынок! — Джейк подошел к корзине, вскинул чемодан на плечо, аккуратно опустил в корзину... и рухнул на палубу.

Джоан бросилась к нему.

С кормы Том Финчли увидел, что последний чемодан погрузили, и дал отмашку пилоту:

— Вира!

Жестом показав, что можно лететь, он взглянул вниз — и побежал со всех ног.

Джоан сидела на палубе, прижимая к себе голову Джейка:

— Джейк! Джейк, любимый!

(Юнис, помоги мне!)

— Я за доком! — крикнул Фред и ринулся вниз по трапу.

Мальчик беспомощно стоял рядом. Саломон издал долгий булькающий стон и обмяк.

(Юнис, где он?) (Босс, не нахожу его!) (Ищи! Он должен быть рядом!) (Что за чертовщина?) (Вот он, вот он! Джейк!) (Юнис, что случилось? Кто-то врезал мне по башке кирпичом.) (Дорогой, тебе больно?) (Конечно не больно, босс. Теперь уже должно быть не больно. Добро пожаловать на борт, наш Жак-меланхолик! Как я рада тебя видеть, мой ненаглядный старикан!) (Да. Добро пожаловать, дорогой. Мой дорогой. Наш дорогой.) (Юнис?) (Нет, это я Юнис, Джок. Старый негодник Джок. А это Джоан. Или Иоганн. Или босс. Точнее, «босс» она только для меня, а ты зови ее Джоан. Так, команда, давайте разберемся с этим па-де-труа, пока не запутались: Джоан, вы зовете нашего мужа Джейком, как привыкли, а я зову его Джоком, как привыкла. Джок, ты зови босса Джоан или Иоганном, а я — Джоан или боссом. А я для вас — только Юнис. Ясно?)

(Ничего не понимаю.) (Еще бы, мой любимый Джок, еще бы. Ничего, привыкнешь. Как я. За рулем у нас Джоан, а мы сидим и подаем советы. Так, Джоан?) (Да, Джейк. Теперь мы все вместе. Навсегда.) (Ом мани падме хум.) (Ом мани падме хум. Джейк, присоединяйся. Благодарственная молитва.) (Ом мани падме хум!)

— Ом мани падме хум.

— Джоан, дорогая, предоставьте его мне. — Над ними склонился доктор Гарсия.

Джоан мотнула головой:

— Роберто, я его подержу.

(Босс, бросьте эти женские прихоти и не мешайте нашему дорогому доктору работать!) (Да, Юнис. Не отпускай Джейка.) (Не бойтесь, не отпущу. Джок, теперь видишь? Глазами Джоан. Сейчас мы встанем.) (Конечно вижу. Что это за старая развалина? Неужели я?) (Нет, что ты. Это кое-что, что нам больше не нужно. Джоан, отвернитесь, чтобы не расстраивать Джока.)

— Фред, уведи ее в каюту. Хэнк, помоги ему. Том, позови Винни. Живо!

Доктор Гарсия нашел Джоан в кают-компании. Она лежала с мокрым полотенцем на лбу. Рядом сидела Ольга Дабровски. За доктором следовал мрачный Том Финчли. Врач молча взял Джоан за запястье, взглянул на часы. Затем произнес:

— Джоан, у меня плохие новости.

— Знаю, Роберто. Он ушел прежде, чем я сюда спустилась.

(Босс, он не ушел. Не надо так говорить. Джок умер, умер, как и я, но не ушел. Правда, Джок?) (Егоза, ты слишком вдаешься в тонкости.) («Егоза»?! Как давно ты меня так не называл!) (А прошлым вечером?) (Прошлым вечером ты назвал так Джоан, а не меня.) (Тише, вы двое! Хотите поболтать — говорите шепотом. Мне нужно справиться с ситуацией.)

(Босс, простите. Джок, говори тихо-тихо. Скажи, я трахаюсь хуже Джоан?) (Юнис, я все равно тебя слышу. Ты время глагола не путаешь?) (Босс, в вечном сейчас нет времен. Я задала Джоку вопрос, а он трусит.) (Еще как трушу!) (Ладно. С моим телом и моими подсказками Джоан должна быть неплоха. К тому же — Джок, ты не поверишь, — у нее, у босса, такие пошлые фантазии! Все эти замашки леди — сплошное притворство.) (Близняшка, не беси меня. Смотри, Роберто о нас тревожится.) (Прошу прощения, близняшка. Больше не буду.)

— Юнис, хочу, чтобы вы знали: если бы это случилось на берегу, даже в больнице со всем реанимационным оборудованием, результат был бы тот же. Даже будь рядом доктор Хенрик. Да, разумеется, мы смогли бы поддерживать в нем жизнь. Но он остался бы овощем.

— Джейк бы этого не хотел. Он сам так говорил. Не одобрял то, как поддерживали жизнь во мне.

— Джоан, ваши случаи прямо противоположные. Ваше старое тело было изношено, но мозг был в превосходном состоянии. А вот у Джейка... я осмотрел его перед отплытием. Он был в отличной физической форме для своего возраста. Но я могу угадать, что покажет вскрытие. Кровоизлияние в мозг. Инсульт. Он умер мгновенно. Можно утешаться тем, что он не мучился.

(Не мучился? Боб, попробовал бы ты сам, каково это. Меня будто лошадь в голову лягнула! Впрочем, ты прав, удар был мгновенным. Потом даже голова не болела.) (Джок, милый, со мной было почти так же. А вот босс мучился долгие годы.) (И что с того? Теперь-то мучения позади. Милые мои, помолчите. Поговорим, когда нас оставят наедине.)

— Доктор, не надо вскрытия.

— Надо. Для вашего душевного спокойствия, Джоан.

— Джейка это не вернет. Ему не понравилось бы, что его кромсают. А что до моего душевного спокойствия, один вопрос. Дело не в том, что мы... слишком активно проводили медовый месяц?

— Нет. Просто возраст. Джоан, даже тяжелый чемодан здесь ни при чем. Позвольте объяснить, как происходит инсульт. Представьте себе древнюю автомобильную покрывашку, изношенную и готовую лопнуть. Дальше причина может быть любой. Джейк мог просто встать и тут же упасть — сегодня, завтра, на прошлой неделе. Да, это могло случиться и во время секса. Некоторые мужчины даже мечтают умереть с «последним выстрелом», не отдавая себе отчета, что для женщины это ужасный опыт, да и оргазма при этом, как правило, не случается, поскольку мужчина умирает раньше. Уж лучше уйти, как Джейк, в расцвете мужских сил... полагаю...

(Ты прекрасно знаешь, что Джок был в «расцвете мужских сил». Спроси хоть жену. Или Джиджи. Да кого угодно.) (Юнис, это было настолько заметно?) (Вовсе нет, Джок, мой ненаглядный старый козел. Однако новости быстро распространяются.)

— ...вернее, знаю. Я ведь его лечащий врач. Джейк был счастлив и полон сил, но вдруг — бац! — и словно пленка оборвалась. Не волнуйтесь насчет «слишком активного ме-

дового месяца». Женильба, возможно, спасла Джейка от продолжительного увядания. Может, она и забрала у него пару недель жизни в качестве платы за счастье, но, скорее всего, наоборот, продлила ему жизнь. Мужчина чувствует себя лучше, когда счастлив. Не думайте об этом. Когда придет мое время, я надеюсь уйти так, как Джейк, — быстро и счастливым до последнего мига.

— Роберто, тогда во вскрытии нет нужды. Вы подпишете свидетельство о смерти?

— Ну... когда смерть наступает не в больнице и умерший не находится под медицинским наблюдением, необходимо уведомить власти...

— Роберто!

— Да, Джоан?

— Не смейте так поступать с Джейком. Какие власти? Вашингтонские? Мы в федеральных водах, и коронера Сан-Диего ничуть не заинтересует смерть какого-то заезжего гостя, если только не узнает, кто он такой. Кто я такая. Тогда он попытается на этом нажиться, привлечь прессу. Я этого не допущу. Джейк был под медицинским наблюдением — вашим! Вы наш корабельный врач. Предположим, что вы были рядом в момент смерти. Подумайте.

(Джоан, не заставляй Боба лгать. Пусть коронер поручит патологоанатому меня покромсать, мне не жалко.) (Я не позволю! Джейк, я в деликатном положении. Хочешь, чтобы мне пришлось через все это пройти? Репортеры, бесконечные вопросы, бессонные ночи...) (Мм. Тогда скажи ему, пусть сочинит такую ложь, чтоб было не подкопаться.) (Джон, босс — упрямая сучка. Но обычно она бывает права.)

— Гм... — Доктор Гарсия отложил стетоскоп. — Теперь я припоминаю, что его сердце еще билось, когда я прибежал. За неимением возможности с точностью определить время смерти мозга я вынужден констатировать смерть по факту остановки сердца.

(Девочки, да из него выйдет идеальный свидетель! Хотя, если вспомнить, он ведь уже блеснул показаниями на слушаниях по установке личности.)

— Доктор, в таком случае обстоятельства смерти бесспорны. Будьте уверены, я потрачу столько, сколько нужно, чтобы не превратить смерть Джейка в балаган. Выпишите заключение о смерти и, как только мы пристанем к берегу,

отправьте в те федеральные инстанции, в какие необходимо. Больше никуда; у нас нет постоянного места жительства, кроме этой яхты. Да, копию — письмом Алеку Трейну; он душеприказчик Джейка. И один экземпляр капитану Финчли для прикрепления к судовому журналу.

— Хорошо, Джоан. Как пожелаете. Я согласен; смерть наступила от естественных причин, ни к чему бюрократам в ней копаться. А сейчас я уложу вас спать. Ничего особенного, просто большая доза транквилизатора.

— Роберто, какой у меня пульс?

— Джоан, пациенту об этом знать незачем.

— Семьдесят два удара в минуту. Почти норма. Я считала сердцебиения от того момента, как вы глянули на часы, до того, как вы отпустили мою руку. Не надо мне снотворного.

— Джоан, учитывая ваше положение, пульс должен быть выше нормы.

— Тогда мне нужно не успокоительное, а возбуждающее. Роберто, вы через многое со мной прошли, но все равно забываете, что я — необычный пациент. Не молодая истеричная женщина. Внутри я старый-престарый мужчина, почти вдвое старше вас... мне доводилось переживать и не такое. Меня ничто уже не пугает. Мы со смертью — старые друзья. Жили с ней под одной крышей, ели за одним столом, спали в одной постели. Новая встреча с ней мне не страшна; смерть столь же естественна, как рождение. В своем роде она — тоже счастливый момент. — Джоан улыбнулась. — Мой пульс в норме, потому что я счастлива. Счастлива, что смерть моего любимого Джейка была такой легкой. Я прилягу в своей каюте и вздремну, как обычно после полудня. А вот что делать с Евой?

— А?

— Вы о ней позаботились? Она еще совсем юная и вряд ли видела прежде смерть. Ей наверняка понадобится успокоительное.

— Ох... Джоан, я за всеми не успеваю. Ольга, найдите Винни и скажите, чтобы дала Еве минимальную дозу транквила.

— Хорошо, доктор.

Миссис Дабровски вышла:

— А теперь, юная леди, я провожу вас в каюту.

— Минутку, доктор. Капитан, поднимите все паруса и возьмите курс на ближайшую точку выхода из территориальных вод. Хочу, чтобы мы были в нейтральных водах до заката.

— Есть, мэм. Это вест-тень-зюйд, курс примерно двашесть-ноль. Я проложу его.

— Отлично. Передайте всем тихонько, что похоронная служба начнется на закате.

— Джоан!

— Роберто, вы что, думаете, что я отдам Джейка гробовщикам? Этим таксидермистам? Он мечтал умереть, как его предки; по обычаю его предков я и похороню его. Его тело вернется домой до захода солнца.

— «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать...»

Джоан прервала чтение. Рыжий солнечный диск почти касался горизонта. На решетчатом люке у борта, придерживаемое Фредом и доктором Гарсией, лежало зашитое в брезент тело Джейка. В ногах был привязан балласт.

(Примитивный ритуал, Иоганн.) (Джейк, не нравится — я прекращу.) (Джок, проявляй уважение, мы ведь на похоронах.) (Моих. А мне положено скорбеть на собственных похоронах? Иоганн, мне нравится. Уважаю символы, особенно примитивные. Спасибо. И спасибо, что не отдал мое тело в руки лицензированных упырей.) (Просто хотелось знать наверняка, Джейк. Я продолжу; у меня тут отмечены еще несколько отрывков.)

(Читай, Иоганн, но не стремись отправить меня в рай.) (Не буду, Джейк, любимый. Теперь мы втроем повязаны.) (Верно, босс. Джок это понимает.)

— «Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах. Кто знает дух сынов человеческих...» «Двоим лучше, нежели одному... ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. Также если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться?»

(Босс, кстати. Нам сегодня спать в одиночестве?) (Юнис, черт побери, ты только об одном думаешь?) (Босс, отстань-

те. О чем мне еще думать? Об акциях и биржевых курсах? Я тут рассказывала Джоку о вашем открытии... что для женщины секс куда интенсивнее, чем для мужчины. Он не верит, но очень хочет проверить.)

(Джейк, тебе совсем не терпится? В моих планах было выказать уважение к твоей памяти.) (Спасибо, Иоганн, ценю твоё намерение, но не надо ударяться в крайности. И вообще, зачем оплакивать меня, раз я здесь? Лучше скажи... это правда настолько приятнее?) (Босс, пускай сам попробует, что лучше — иметь Юнис... или самому быть Юнис. У него получится более научное сравнение, чем у вас.) (Юнис, не строй из себя заучку. Ладно, компаньоны; я подумаю. Но черт меня побери, если сегодня я позволю нам устроить безобразное непотребство. Только не в эту ночь. Все будет тихо и тайно — или никак.)

— «И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, второе скрученная, нескоро порвется».

(Босс, мне нравится. Компенсация похорон, которых у меня не было. Даже поминальной службы.) (Была у тебя поминальная служба, егоза.) (Когда?! Кто на ней был?) (Я один, милая. Снял церквушку, нанял органиста. Прочитал пару твоих любимых стихов, принес цветы.) (Джок, я ужасно тронута! Босс, он и правда меня любит.) (Конечно, дорогая моя. Мы оба тебя любим.) (Джок, жаль, меня там не было.) (Дорогая, я не знал, где ты *была*. Может, это и к лучшему — ты не слишком хорошо ведешь себя на похоронах.) (Тьфу на тебя, старый похотливый призрак! Меня ведь никто не слышит.) (Не смей звать меня призраком, егоза. Дай Джоан закончить.)

— «Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости...» «Ибо отходит человек в вечный дом свой... доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника». Из морских глубин мы вышли, так пускай тело нашего брата Джейкоба вернется домой.

Джоан закрыла Библию. Фред и доктор Гарсия наклонили решетку; тело упало за борт и мгновенно скрылось под водой.

Джоан развернулась, передала книгу миссис Дабровски:

— Ольга, спасибо.

— Джоан, вы прекрасно справились. Я не ожидала.

— Ольга, утри слезы. Прощание — не повод для печали.

Джейк был готов уйти. Я хорошо знала своего мужа, знала, чего он хочет. Мне не было тяжело.

Пожав Ольге руку, она повернулась к остальным:

— Винни! Прекрати! Джейк не хочет, чтобы ты плакала.

(Иоганн, с чего ты взял? Мне приятно, что милашка Винни обо мне плачет.) (Джейк, заткнись. Ты свою звездную роль сыграл, теперь кончай кланяться. Лучше с Юнис поболтай.)

Джоан взяла медсестру за руку:

— Винни, хватит. Правда, хватит. Подумай о своем будущем ребенке.

Винни уткнулась ей в плечо:

— Джоан, вы совсем не жалеете об утрате?

— Дорогая, о какой утрате можно говорить, если Джейк по-прежнему со мной? Драгоценность по-прежнему в лотосе и всегда там будет. Вечное сейчас.

— Понимаю... но все равно не могу смириться!

(А как насчет нашего дорогого доктора? Он наверняка даст Винни снотворное.) (Роберто отпадает. Несмотря на свой воинствующий атеизм, он так до конца и не избавился от христианской морали, которую ему вколачивали в детстве. Как-нибудь в другой раз.)

— Роберто, позаботьтесь о Винни.

— Конечно... но как же вы?

— Я справлюсь. Однако мне от вас кое-что понадобится.

— Конечно. Сегодня вам не помешает принять что-нибудь сильнодействующее, вроде фенотарбита.

— Даже слова такие не думайте произносить. Помощь нужна не мне, а Винни. Покормите ее, а потом не менее полчасика помедитируйте и почитайте с ней «мани хум». Затем уложите ее спать и крепко обнимите. Вам обоим нужно выспаться; у вас был тяжелый день.

— Хорошо. Хотите помедитировать с нами? Можем в вашей каюте, чтобы вы сразу могли лечь. Это подействует лучше барбитуратов.

— Доктор, лучше зайдите ко мне завтра в девять утра и растолкайте меня, если я к тому времени не проснусь. Но

ни минутой раньше. Сегодня я почитаю мантры с Джейком. Верите или нет, но он меня услышит.

— Джоан, я уважаю веру любого человека.

— Я знаю, дорогой. Спасибо за заботу. Когда мне понадобится помощь, я ею воспользуюсь. Но сейчас поухаживайте за Винни.

(Босс, а как насчет Фреда? Он-то не откажется. Джок, везунчик, ты будешь прямо посередине, а Фред ни о чем и не догадается.) (Юнис, ты совсем спятила. Мы однажды едва не напугали Фреда до смерти только потому, что вели себя естественно. Только взгляни; ему хуже, чем Винни. Хорошо бы кто-нибудь его утешил. Нам нельзя. По крайней мере, сегодня.)

— Капитан?

— Мэм?

— Пора заканчивать. Хватит стоять и слезы лить. Распорядок приема пищи нарушился; может Эстер состряпать что-нибудь на скорую руку? Кто-нибудь готов ей помочь? Я бы сама помогла, но должна кое-что сделать.

(Ого! Котик Том! Джок, вот это будет весело.) (Егоза, есть на этом корабле хоть кто-нибудь, с кем вы не переспали?) (Конечно. С Хэнком. Он положил глаз на Еву, а нас считает старой каргой. Теперь, когда дяди Джока не стало, Ева может и ответить парнишке взаимностью.)

(Теперь, когда я мертв, я жалею, что подавил в себе педофильские позывы. Мне хватило бы миллиона, чтобы замять уголовное дело, — суший пустяк, когда у тебя богатая жена.) (Заткнитесь, чертовы извращенцы! Дайте сказать. Котус Томас тоже отпадает. По крайней мере, до полуночной вахты, а при нынешнем встречном ветре, скорее всего, и дольше. Капитан Том Финчли будет вести яхту.)

— Капитан, возьмите курс на остров Сан-Клементе.

— Есть, мэм. — Подойдя к ней, он тихо добавил: — Теперь мне следует вас звать капитаном. Подать пример другим.

Джоан замерла. Они были поодаль от остальных и могли говорить так, чтобы их не слышали.

— Котик.

— Что?

— Не зови меня «капитаном». Пока я не сдам экзамен — капитан ты. А там увидим. И не зови меня «мэм». Либо

«миссис Саломон», либо «Джоан», в зависимости от ситуации. А наедине я по-прежнему «киска». Ведь так?

— Да... хорошо.

— Тогда скажи.

— Киска. Храбрая маленькая киска. Чем дольше я тебя знаю, тем больше удивляюсь.

— Так-то лучше. Том, Джейк все знал о наших кошачьих играх.

(Врет и не краснеет! Юнис, она мне об этом не говорила. У меня только раз возникли подозрения, но я решил, что ошибаюсь.) (Знаю, Джок. Сложно найти кого-то коварнее босса. Она даже меня обманывает.)

— Неужели?

— Да, котик Томас. Но, как истинный джентльмен, Джейк Саломон видел лишь то, что должен видеть, и никогда не упрекал меня за мои шалости. Однако он и сам вел себя так же. Не знаешь, получилось ли у них с Эстер?

(Знаешь что, Иоганн...) (Тише, Джок, мне тоже интересно.)

— Ох... черт побери, киска, все мужчины одинаковы. Все одного хотят.

— И женщины все одинаковы, мы все этого добиваемся. Ну так?

— Эстер отдалась ему при первой же возможности, которую мы им предоставили. Но мне не сказала. Я их застукал. Поймал с поличным, как говорится.

— Ты ведь ее не побил?

— Нет, что ты. Я женщин не бью. Даже мешать им не стал. Ушел потихоньку. Потом спросил, что это было. Сказал, что все видел и врать нечего. Эстер призналась. Она из-за тебя не хотела рассказывать.

— Правда? В таком случае ты рассказал ей о нас?

Капитан ужаснулся:

— Киска, по-твоему, я идиот? Мне в тебе все нравится, но я не сдаю баб. А ты — последняя, кого бы я сдал, уж поверь мне.

— Теперь это не важно. Можешь рассказать Эстер, чтобы она не удивилась, если застанет меня за любимым занятием всех вдов. — (Они молчат, не кричат, понапрасну не болтают — знай ноги раздвигают.) (Джок, ну ты и пош-

ляк.) — А теперь пора проложить курс. Какое ожидаемое время прибытия, котик Том? Если позже чем в полночь, то я сменю тебя на вахте.

— Черта с два, мэм... то есть киска. Тебе нужно выспаться до утра. Поставлю Фреда за штурвал, а Хэнка — впередсмотрящим. Положу матрас возле штурвала и вздремну, пока ближе к острову не подойдем. Киска, пообещай, что не станешь выходить из каюты. Если примешься слоняться по палубе, я решу, что ты хочешь прыгнуть за борт.

— Это приказ, капитан?

— Э... да, черт побери, это приказ!

— Есть, сэр! Не нужно за мной приглядывать; я не выйду из каюты. Запру дверь и лягу спать. Обещаю не прыгать за борт как минимум до *завтрашнего* вечера.

— Киска, ты ведь не всерьез?

— Чтобы я утопилась вместе с ребенком Джейка? Капитан, долг для меня превыше всего. Я не распоряжаюсь своей жизнью, пока во мне этот ребенок. Мне мало что нельзя закончить с собой — этого бы я ни за что не сделала, мне еще надо оставаться спокойной, счастливой и здоровой, беречь себя вплоть до того, что не пить из грязных стаканов. Так что не волнуйся за меня. Спокойной ночи, Том. — Она направилась в каюту.

(Что ж, компаньоны, сегодня лавочка закрыта. Кругом одни рыцари. Одна надежда на Антона.) (Горячий поляк! Джок, дорогой, не уверена, что твое сердце это выдержит.) (К счастью, милые мои, моему сердцу уже не надо проходить испытания на прочность, а то, что ты, Юнис, передала Джоан, работает как швейцарские часы. Не ускоряется, даже когда *она* ускоряется. Но ты это и сама знаешь.) (Хватит болтать. Есть мысли, как убрать с дороги Ольгу?)

(Скинуть за борт?) (Юнис!) (Босс, даже пошутить нельзя? Ольга мне нравится, она хорошая.) (Слишком хорошая, в том-то и подвох. Она — не шлюха вроде нас с тобой. Или Эстер.) (Хррм!) (Джейк, дорогой, ты не в суде. Мне — то есть нам — нужно с кем-то перепихнуться.) (Иоганн, я лишь хотел сказать, что можно поговорить прямо с миссис Дабровски. Она отнесется с пониманием. Проверено.)

(Джейк! Хочешь сказать, ты спал с Ольгой?! Поверить не могу!) (Я тоже, Джок. Я бы охотнее поверила, что ты все-

таки с Евой переспал, но с Ольгой?! Да она даже плавает в купальнике!) (Этот купальник легко снимается, когда рядом никого.)

(Юнис, похоже, он не шутит. Черт бы меня побрал! Зря мы осторожничали. Джейк, снимаю шляпу. Рассказывай, что нам делать.) (С кем? Если вы хотите, чтобы Ольга не мешала, так ей и скажите. Она — само великодушие. Да и моя смерть тронула ее сильнее, чем вас двоих.) (Джок, ты несправедлив. Мы глубоко потрясены... но одновременно рады, что ты решил с нами остаться.)

(Благодарю вас, милочки. А если вы хотите пригласить и ее...) (Ты про па-де-труа?) (Юнис, я понимаю твой современный сленг, но во времена моей молодости это называлось иначе. К тому же разве нас не пятеро? Устроим «Пентагон».)

(Джок, сейчас устраивают не «Пентагон», а «Звезду». Но вот первое правило призрака: никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах не обозначай своего присутствия и не провоцируй Джоан. Она может невзначай проговориться. Не хватало, чтобы ее упекли в психушку — вместе с нами. Это будет конец нашим забавам. Послушай, ты ведь довольно долго был женат на Джоан, а трахал ее еще дольше. Ты хоть раз замечал мое присутствие?) (Никогда.) (Вот! Так что не высывайся, и все будет хорошо.)

(Юнис, Джейк ни за что нас не выдаст. Но вернемся к Ольге... Джейк, ты не учил ее «мани хуму»?) (Нет.) (Босс, кажется, я понимаю. Джок, мы обучили мантре Антона. Думаете, Ольга достаточно гибкая, чтобы сесть в позу лотоса?) (Егоза, миссис Дабровски достаточно гибкая для чего угодно.) (Тогда заметано. Попросим Ольгу присоединиться. Она согласится, даже если сочтет медитацию языческим обрядом. Ради тебя. Нет лучшего способа устроить веселье, чем медитация в Круге. Мы это не раз проделывали.) (Насколько помню, дорогие, Джоан даже со мной это провернула. Без особой нужды. Ладно, пойдем искать Дабровски.)

ОТКРЫТЫ ВАКАНСИИ!
ОКЛАД ПО ОБЩЕЙ ШКАЛЕ.

Выездной оперативник — ассистент инспектора по социальной защите населения. Требуемый уровень грамотности — С. Обладатели коричневых поясов или выше получают 10-процентное преимущество. Предпочтение ветеранам, бывшим заключенным и сотрудникам с опытом аналогичной работы. Для предварительного тестирования и расчета зарплаты обращайтесь в местные офисы службы социального обеспечения. Оклад равен стандартной ставке плюс расходы на проживание в зависимости от опасности места работы.

Общество рациональных астрологов пришло к консенсусу и приняло «дедушкину оговорку» в билле о лицензировании штата Небраска. Билль с поправкой тут же был принят Комитетом по сельскому хозяйству и технике семью голосами против двух, что соответствует необходимому по законам штата минимуму для вступления документа в силу. Ассоциация интуитивной астрологии назвала принятый билль «сильнейшим ударом по науке со времен Галилея».

Комиссия по освоению Луны объявила, что колонии вышли на 102-процентное продовольственное самообеспечение. Тем не менее ранее установленный десятилетний план будет выполняться для увеличения миграционного потенциала.

НЕКРОЛОГИ: МАЙ—ДЕКАБРЬ:

...на яхте во время медового месяца. Молодая вдова остается в уединении...

**ВЫКИНЬ СВОИ ЛИФЧИКИ
С ПОРОЛОНОВЫМИ ВСТАВКАМИ!**

**Ты никого не обманывашь, кроме себя!
Без операций, без опасных лекарств и гормонов,
без вредных инъекций!**

**Узнай двадцатипятилетия тайны
индийских мудрецов!**

**Набери на телефоне код «АДЕПТ».
Конфиденциальность гарантирована!
(Найди себе парня! Сечешь?)**

— ...дверь для оформления. Рад был познакомиться, миссис Гарсия; всего вам хорошего, доктор. Следующий! Заходите, присаживайтесь... ваш муж не с вами? Или вы «мисс»?

— Я вдова, мистер Барнс.

— Вот как? Вдов к нам прибывает не много; Комиссия не поощряет. Эмиграция на Луну не должна быть способом скрыться от переживаний и утрат. Также мы не принимаем мигрантов на столь большом сроке беременности. Исключения составляют случаи, в которых Комиссия видит существенную выгоду. Взять хотя бы пару, что прошла перед вами. Дама беременна, но ее муж — врач, а врачи на Луне пользуются особыми преимуществами. Поэтому я одобрил ее заявку. Впрочем, она и сама медсестра — достаточный повод для одобрения. Если у вас нет такой квалификации...

— Сэр, я знаю. Доктор Гарсия — мой личный врач.

— А? Даже если я пропущу вас, нет гарантий, что на Луне он останется вашим личным врачом. По правде говоря, это маловероятно. Если только по стечению...

— Мистер Барнс, мое заявление перед вами. Его тщательно подготовил мой юрист. Взгляните; это существенно ускорит дело.

— Всеу свое время. Удивительно, сколько людей приходит сюда, не имея ни малейшего представления, что их ждет. Они отчего-то думают, будто Комиссия мечтает их взять, а это весьма далеко от истины. Девятнадцать из двадцати сидящих на этом стуле не проходят в дверь для оформления. Я взял за правило быстро избавляться от тех, кто попусту тратит мое время. Так, «Саломон, Юнис». Миссис Саломон, сперва я хочу узнать... постойте, миссис Саломон?

— Миссис Джейкоб Мойше Саломон, в девичестве Джоан Юнис Смит.

— Ваше лицо показалось мне знакомым, но...

— ...слишком пухлым? Да, я прибавила в весе двадцать шесть фунтов. Доктор Гарсия считает, что это нормально для моего роста, телосложения и срока беременности.

— Отсюда и следуют остальные затруднения. Женщина не всегда с точностью знает дату зачатия ребенка, а первенцы любят появляться на свет раньше срока. Наши транспортные корабли не приспособлены ни для перевозки новорожденных, ни для принятия родов. Вы осознаете риски?

— Осознаю. Надо ли входить в подробности?

— Это мне судить.

— Мистер Барнс, я точно знаю дату зачатия, и мой врач в этом не сомневается. Наша беседа конфиденциальна?

— Гм. Скажем так, я не давал клятву о неразглашении. Я юрист, но не ваш. Мне приходится выслушивать интимные подробности жизни заявителей, но времени распускать о них слухи у меня нет.

— Рада это слышать, мистер Барнс. Мне было бы очень неприятно, если бы то, что вы сейчас от меня услышите, стало пищей для сплетен.

— Хм. Кажется, на меня чем-то повеяло. Хотите произвести впечатление своей значимостью? Даже не пытайтесь; я не делю заявителей по статусу. Ваши деньги здесь не имеют веса.

— Простите, если была невежлива.

— Ладно. Давайте к делу. Юрист Комиссии по освоению Луны — пыльная работенка, скажу я вам, — нечасто встречается с богатыми людьми. Но разницы нет; если вы не будете откровенны, это ваши проблемы. Я не приму заявление, если не услышу достаточно доводов в пользу заявителя. Вы намекнули, что готовы рассказать нечто важное касательно рассматриваемого вопроса, нечто конфиденциальное. Конфиденциальность я вам не обещаю. Либо рассказывайте, либо закончим собеседование.

— Сэр, вы не оставляете мне выбора. Для меня это не первый ребенок, поэтому рисков, сопряженных с первыми родами, нет. Если «Годдард» отправится по расписанию, мой ребенок появится на свет после прибытия на Луну. Доктор Гарсия не волнуется насчет преждевременных родов, я тоже.

— Это порождает новые вопросы. Ваш первый ребенок — он или она — имеет право на ваше имущество?

— Нет. Поэтому мне и хотелось, чтобы наш разговор был конфиденциален. Того ребенка рожала не я.

— Что? Вы меня запутали. Объясните.

— Мистер Барнс, не прикидывайтесь. Я — результат операции по смене пола и пересадке мозга. Вам это известно; во всем мире не найдется человека, кто не знал бы мою историю. Первого ребенка рожала мой донор; это ее репутацию я хочу защитить. Ребенок был внебрачным. Нынче это обычное дело, и даже сам термин объявлен устаревшим в некоторых штатах, но я скрываю это из благодарности к доброй и великодушной женщине, ранее обитавшей в этом теле. Меня чрезвычайно огорчит, если я косвенно оскверню ее память.

(Босс, вы же понимаете, что мне плевать?) (Юнис, пускай она говорит; этот жалкий бюрократ может отклонить заявление, если Джоан не собьет его с толку. Джоан, мы языком чешем? Или летим на Луну?) (Конечно летим! Я голосую за, ты голосуешь за, Джоан голосует пополам — она любит сидеть сразу на двух стульях; таким образом ноги всегда раздвинуты. Итог — пять против одного в пользу эмиграции. Убедительная победа!) (Тогда не отвлекай ее.) (Не будь у нее живота, она бы куда скорее его уболтала. И не только уболтала.)

(Гм, Юнис, ты ведь утверждаешь, что присутствовала при зачатии... так, может, расскажешь бедному старому Жаку-меланхолику, кто отец? Это же я? Я?) (Джок, старый призрак, я тебе обожаю, но свою близняшку не выдам.) (Ну ладно. Ребенок есть ребенок есть ребенок. Главное, чтобы не двухголовый.) (Пара голов — это перебор. Меня вполне устроит, если у него будет пара яичек.) (Егоза, неужто ты инцест задумала?) (Почему нет? Мы уже пробовали все, кроме этого.) (Джейк, Юнис, идите спать, а? Сквайр Пексниф пытается найти малейший прокол в шедевре Алека. Придумывает новые возражения, на которые мне придется отвечать.)

— Миссис Саломон, меня весьма беспокоит один момент. Весьма вероятно, что этот предполагаемый ребенок или кто-то, выдающий себя за него, может объявиться и выдвинуть

нать претензии на ваше имущество. Каждый переселенец, чья профессия не входит в число льготных, обязан пожертвовать Колониям как минимум половину своего состояния. Комиссии не понравится, если после выполнения всех обязательств с ее стороны кто-то посягнет даже на один цент. А ваш «потерянный наследник» может посягнуть и на все ваши деньги.

— Маловероятно. Мистер Барнс, взгляните на приложение семь. Мой юрист все учел. Я открыла небольшой счет, который будет служить для покрытия запросов потенциальных наследников. Спустя пятьдесят лет неизрасходованные деньги пойдут на благотворительность.

— Так, сейчас найду. Гм, миссис Саломон, по-вашему, десять миллионов — это «маленький» счет?

— Да.

— Гм. Нужно повнимательнее взглянуть на прочие финансовые положения. Вас уведомили, что, хотя Комиссия забирает лишь половину вашего состояния, вы не можете потратить вторую половину на Луне? Другими словами, все мигранты в равных условиях.

— Мне это известно, мистер Барнс. Мой юрист мистер Трейн все предусмотрел. Он проштудировал свод законов и удостоверился, что я осознаю последствия своего решения, ведь он его не одобрял. Прямо говоря, Алек Трейн считает всех переселенцев на Луну сумасшедшими. Он всячески меня отговаривал. В приложении шесть вы найдете упоминание еще четырех потенциальных наследниц — моих внучек. Принять то, что я предлагаю, в их интересах... ведь в случае моей смерти им достанется куда меньше. Да им и невыгодно ждать; я теперь физиологически моложе и почти наверняка переживу их.

— Это вероятно. Особенно на Луне. Я бы и сам перебрался туда, но юристов там и без меня пруд пруди, а столько денег, как у вас, у меня нет. Что же, ваш мистер Трейн действительно все учел. Давайте взглянем на ваш счет.

— Минутку, сэр. Сперва я хочу попросить об одном исключении.

— Что? Я ведь говорил, что все переселенцы находятся в равных условиях. Никаких исключений.

— Мистер Барнс, это сущий пустяк. Мой ребенок должен родиться вскоре после прибытия на Луну. Я хочу по-

просить, чтобы до его рождения мистер Гарсия оставался моим врачом.

— Мадам, этого я пообещать не могу. Таковы условия.

Джоан медленно поднялась:

— Тогда я забираю заявление.

— А... Господи! Вы действительно столько стоите?!

Джоан пожала плечами:

— С какой стороны посмотреть. Сколько, по-вашему, должна стоять одна беременная женщина?

— Не хотел вас оскорбить. Но если в бухгалтерском отчете нет ошибки, вы не просто богаты, как я думал, — вы миллиардерша!

— Наверное. Я свои деньги давно уже не считаю. Отчет подготовлен банком при содействии указанных в документе бухгалтерских контор. Убеждена, что ошибки быть не может, если только компьютер не дал сбой. Но раз Комиссия не может гарантировать, что доктор Гарсия примет у меня роды, пожалуйста, верните мне документы.

— Пойдите, мадам. Я могу проявить некоторую гибкость. Просто обычно этим не занимаюсь. Правила, сами понимаете.

— Чьи правила, мистер Барнс? Комиссии? Или ваши личные?

— А? Мои.

— *Тогда кончайте попусту тратить мое время, чертов придурак!*

(Сказано как отрезано, Колобок!) (Еще немного, и я в самом деле что-нибудь ему отрежу. У меня уже спина затекла.)

Мистер Барнс едва не упал со стула. Удержав равновесие, он промямлил:

— Умоляю, мадам Саломон!

— Прекратите это, юноша! У меня большой срок, как вы сами видите. Вы не врач, но указываете мне на опасности деторождения. Вы нагло лезете в мою личную жизнь. Вы заставляете меня иметь персонального врача, хоть он и полетит со мной одним рейсом, а теперь выясняется, что все это — не распоряжения Комиссии, а ваш собственный произвол?! Вы меня унижали. Я подала вам тщательно подготовленное и прекрасно составленное заявление, а вы выдумываете какие-то придирки. И все это время я вынуждена сидеть на

жестком неудобном стуле. У меня спину ломит. Скольких бедных беспомощных кандидатов вы так замучили, чтобы потешить свое самолюбие? Но я не бедна и не беспомощна. Говорите, на вас чем-то повеяло? Да сейчас на вас так дует, что вы *вылетите со своего места!*

— Мадам, прошу вас! Вам сказали, что вам позволят иметь личного врача! А я должен внимательно рассмотреть каждое заявление.

— Так поднимите свою ленивую задницу и сядьте на мое место! А я — на ваше.

— Хорошо, мэ. — Они поменялись стульями. — Вижу, что вы направляете почти всю оставшуюся половину вашего состояния на разработку звездолетов.

— Это не ваше дело.

— Я не утверждаю, что мое. Просто я... удивлен.

— Почему? Мой ребенок, возможно, захочет полететь на звездолете. Я хочу, чтобы разработки продолжались. Мистер Барнс, у вас было время прочесть мое заявление; если бы вы меньше болтали, то уже выучили бы его наизусть. Выполняйте свою работу. Поставьте печать, галочку, или что там у вас принято. Или верните документы мне, и мы распрощаемся. Живо! Не через пять минут, а прямо сейчас. Моя спина все еще болит, и причина этому — вы, мистер Барнс, ваши жалкие «правила» и ваша пустая болтовня.

Он подписал разрешение:

— В ту дверь, мадам Саломон.

— Спасибо. — Она направилась к двери.

— Пожалуйста... старая шлюха!

Джоан Юнис замерла, обернулась и ослепительно улыбнулась:

— Я польщена! Это лучшее, что вы мне сегодня сказали. Единственные ваши честные слова. После того как я на вас накричала — ответив хамством на хамство, — у вас нет причин со мной любезничать. К тому же я действительно старая. И шлюха.

— Мне не следовало так говорить.

— Почему же? Я это заслужила. Вам не стоило беспокоиться за ваше место — я не настолько мелочна, чтобы лишать человека работы. Это все спина: когда она болит,

у меня портится настроение. Вы молодец, что нашли мужество ответить мне. Как ваше имя?

— Э... Мэтью.

— Хорошее имя. Звучное. — Джоан Юнис вернулась и подошла к нему. — Мэтью, я лечу на Луну и больше сюда не вернусь. Давайте расстанемся друзьями? Поцелуйте меня на прощание? Меня никто не пришел провожать. Поцелуйте, Мэтью?

— Э...

— Мэтью, пожалуйста. Только осторожнее с животом. Поверните меня немного... вот так. — Она облизнула губы, вытянула шею и закрыла глаза. Через несколько секунд вздохнула и еще приблизилась. — Мэтью? Давайте займемся любовью? Не в том смысле; мне скоро рожать. Просто скажите, что я могу с любовью вспоминать вас по дороге. Лететь далеко, и я немного боюсь. Я столько лет жила без любви и теперь хочу любить каждого, кто это позволит... каждого, кто хоть немного полюбит меня в ответ. Как насчет вас, милый? Или я для вас слишком стара?

— Мадам Саломон...

— Мэтью, зовите меня «Юнис».

— Юнис. Юнис, вы психованная сучка. Но я не выгнал вас только потому, что мне было приятно на вас смотреть. Еще до того, как я узнал, кто вы такая. Зайка, моя жена говорит, что я могу любить какую угодно женщину, но не больше чем на десять процентов от того, насколько люблю ее.

— Мэтью, десять процентов — неплохая ставка по вкладу. Я согласна; дайте мне эти десять процентов, а я взамен буду любить вас на десять процентов от того, насколько любила и по-прежнему люблю своего дорогого мужа. Хватит этих десяти процентов на второй поцелуй? До Луны далеко, а мне нужно чем-то согреться. — Она зажмурилась.

(Близняшка, а второй раз нашему мальчику удался лучше!) (Не отвлекай меня, я занята!)

Мистер Барнс прошептал:

— Прекрасная грудь.

— Сейчас я толстая и опухшая, поэтому ношу свободную одежду, чтобы ее скрывать. Но видели бы вы Юнис —

первую Юнис, мою благотельницу, — в ее лучшей форме... и подходящей одежде.

— Ваша грудь все равно восхитительна. Нам пора остановиться. Люди ждут. А у вас еще почти четыре часа оформления до карантина. Идите, если хотите попасть в порт Анды вместе с врачом.

— Да, Мэтью. Я люблю вас — на десять процентов — и буду любить на Луне. С учетом реинвестирования. Мне туда?

— Туда и далее по указателям. Прощайте, Юнис. Берегите себя.

(Босс, то ли мы поставили новый рекорд, то ли упали ниже плинтуса. Он целовал нас или миллиард долларов?) (Мне показалось — хоть я и новичок в этом деле по сравнению с вами, потаскушками, — что молодой человек начал целовать миллиард долларов, а закончил целовать Джоан. Нас. Было неплохо. Дорогие мои, во мне пробудились животные инстинкты. Что же будет, когда мы вернемся в строй?) (Джок, мы сами ждем не дождемся. Джоан, на Луне наверняка будет много тоскующих по Земле переселенцев, способных по достоинству оценить простую деревенскую девушку, еще со школы научившуюся целоваться с закрытыми глазами и открытыми губами.) (Надеюсь. На Земле с ее семимиллиардным населением так одиноко... А вот на Луне, где живет всего несколько тысяч, есть шанс познакомиться со всеми и полюбить большинство. Джейк, как считаешь?) (Можно попробовать. *Нужно* попробовать. Так, что тут у нас? «Медосмотр». Ух, у меня уже мурашки. Но черт с ним — нас ведь поцеловали на прощание!)

По сообщению «Крисчен сайенс монитор», газета «Известия» осудила заявление Комиссии по освоению Луны (опубликовано в «Дейли селенит» от 69 дня 35 года) с предложением терраформировать Ганимед как «яркий пример алчной территориальной экспансии безумного альянса двух империалистических контрреволюционных держав, запятнавших себя геноцидом, — Соединенных Штатов Америки и так называемой Китайской Народной Республики» и потребовала от Совета Безопасности ООН принять меры, пока не поздно.

В национальном парке Секвойя на ветвях мамонтова дерева были обнаружены три семьи (или, возможно, одна большая семья). Группа (семеро взрослых, пятеро детей, двоим из которых менее года) утверждает, что жила на высоте двухсот футов более трех лет. Это косвенно подтверждают найденные на дереве разнообразные постройки и приспособления. Древесным жителям был выдвинут ряд обвинений, однако окружной прокурор отказался вести дело, объяснив свое решение так: «Зачем тратить время и деньги налогоплательщиков на каких-то обезьян? Загоните их обратно на дерево!»

На ежегодном празднике штата Айова, прошедшем на Лонг-Бич, Калифорния, было зафиксировано двести сорок три случая острого пищевого отравления (ботулизм-Д), семнадцать ограблений и три изнасилования. Мероприятие пришлось преждевременно прервать из-за проливного дождя.

«...В великом штате Нью-Йорк понимают, что уничтожение трущоб ничего не решит. Неужели только предсмертный хрип заставит нас признать, что *любой* организм, будь

то человек, город или целая цивилизация, обречен стареть и умирать?»

В письме в журнал «Нейчер» (Великобритания) сообщается, что новосибирские ученые достигли успеха в идентичном клонировании и внеутробном выращивании плода. Таким образом, русские получили доступ к бесконечному числу рабочих, солдат и крестьян и вернулись в гонку великих держав. В редакторской колонке того же номера автору письма, лауреату Нобелевской премии, советуют завязать с сочинением научной фантастики или по меньшей мере сменить марку гашиша.

Продолжаются дебаты вокруг предложенного законопроекта о контроле над распространением неопсиходелических веществ. «Подумал ли мой уважаемый оппонент о том, к каким катастрофическим последствиям для экономики приведет реальное исполнение *уже имеющихся* законов об обороте наркотиков? Или его заявления — оголтелый популизм?» Опытные наблюдатели-аналитики предсказывают, что на текущем заседании до голосования так и не дойдет.

В Луна-Сити девятимесячный срок миссис Саломон, как положено, подошел к концу. Ее аккуратный пупок теперь торчал наружу, живот куполом жизни выпирал под простыней. Она находилась на восьмом нижнем уровне общественной больницы. Присматривающая за ней медсестра тоже была беременна, но не на столь большом сроке.

— Винни?

— Что, милая?

— Если родится мальчик, его будут звать Джейкоб Юнис. Девочку — Юнис Джейкоб. Обещай мне.

— Дорогая, обещаю. Я все записала, как ты просила. Обещаю заботиться о твоём малыше — это тоже записано. Я обещаю заботиться о твоём, ты — о моем. Но в этом не будет необходимости; с нами все будет хорошо. Будем растить их вместе.

— Пообещай мне. Это важно.

(Иоганн, не называя ребенка Джейком. Пусть будет Иоганн — Иоганн Юнис.) (Джейк, ну уж нет. Имя Иоганн —

тяжкий груз. Из-за него мне слишком рано пришлось драться.) (Джок, не спорь с боссом. Она всегда права, и ты это знаешь.) (Ну хотя бы Джоном его назови!) (Джейк, он будет Джейкобом, и никак иначе.) (Джоан, ты упрямейший старик во всей Солнечной системе, и превращение в женщину тебя не изменило. *Ладно*, будь по-твоему!) (Люблю тебя, муженек.) (Босс, мы тоже тебя любим. И Джейк гордится именами не меньше меня.)

— Обещаю, Джоан. Клянусь.

— Милая Винни. Мы прошли долгий путь вместе, ты, я и Роберто.

— Да, дорогая.

— Я больна, верно?

— Джоан, ты не больна. Перед родами у женщин всегда плохое самочувствие. Я их столько перевидала. И не смотри на эту трубку — она только для глюкозы.

— Что еще за трубка? Винни, подойди поближе и слушай. Это важно. Моего ребенка должны звать...

— Доктор, у нее отторжение. Атипичное, но бесспорное.

— Доктор Гарсия, почему атипичное?

— Гм. Иногда она забывается и начинает говорить как три разных человека... двое из которых *мертвы*. У нее, если можно так сказать, расщепление личности.

— И что? Доктор Гарсия, я не психиатр, и «расщепление личности» для меня — пустой звук. Не понимаю, как это может повлиять на беременность. Мне доводилось принимать здоровых детей у женщин, которые вели себя совершенно иррационально.

— Сэр, я тоже не психиатр, но вижу, что она иррациональна большую часть времени... И насколько я вижу общую клиническую картину, это может свидетельствовать об отторжении пересаженного мозга.

— Доктор Гарсия, в пересадке органов вы смыслите больше моего; я этим никогда не занимался. На мой взгляд, пациентка в хорошем состоянии. Здесь, в этой больнице, мне встречались роженицы, выглядевшие куда хуже. Они успешно рожали и через три дня выписывались. Низкая гравитация способствует быстрому восстановлению. Быть может, она получила травму по пути с Земли?

— Нет, что вы! Эти амортизационные камеры — просто чудо. Миссис Саломон с моей женой ехали в таких. Я за ними наблюдал; Джоан перенесла путешествие даже лучше Винни. Я ехал в обычном кресле и завидовал. Нет, никаких травм не было; симптомы отторжения появились только на этой неделе. — Гарсия нахмурился. — Она не осознает, что ее рассудок помутился. Сознание время от времени проясняется, но моторика ослабевает. Ее молодое сильное тело еще в состоянии поддерживать обмен веществ, но не знаю, как долго это продержится. — Он нахмурился сильнее. — Оно может отказать в любой момент. Жаль, что у меня нет нормальной системы жизнеобеспечения.

Старший врач покачал головой:

— Сынок, мы на дальнем рубеже цивилизации. Я не принижаю вашу специальность, но здесь ей не место. Здесь мы вправляем кости, удаляем аппендиксы и стараемся не допустить эпидемий. Но когда приходит время умирать, мы умираем, чтобы не мешать нашим потомкам. Это касается меня, вас, кого угодно. Даже если привезти сюда весь персонал и оборудование больницы Джонса Хопкинса и Джефферсоновского медицинского центра — вы смогли бы остановить процесс? Обратить его вспять? Будь у вас все нужное, можно ли было бы надеяться на спонтанную ремиссию?

— Нет. В лучшем случае нам удалось бы лишь продлить жизнь на некоторое время.

— Сейчас вы ответили, как по учебнику. А что вы сами думаете, доктор? Пациентка ваша.

— Главное — спасти ребенка.

— Тогда за работу.

Джоан Юнис очнулась, когда ее везли по коридору:

— Роберто?

— Я здесь, дорогая.

— Куда меня везут? Снова в операционную?

— Да.

— Зачем, милый?

— Потому что схватки вовремя не начались. Чтобы облегчить задачу, сделаем кесарево сечение. Волноваться не надо. Это не сложнее, чем вырезать аппендикс.

— Роберто, я никогда не волнуюсь. Ты сам будешь оперировать?

— Нет, заведующий отделением доктор Франкель. Он лучше меня. Ты его знаешь, он осматривал тебя сегодня утром.

— Правда? Я и не запомнила. Роберто, мне нужно сообщить Винни кое-что важное. Насчет имени ребенка.

— Она помнит, дорогая. Все записано. Джейкоб Юнис или Юнис Джейкоб.

— Замечательно! Тогда все в порядке. Пускай только не возятся слишком долго; я никогда не любил ждать на плацдарме.

— Джоан, все пройдет быстро, и ты ничего не почувствуешь. Тебе сделают укол и накачают барбитуратом.

— Почему вы назвали меня Джоан? Забавно. Доктор, меня зовут Иоганн. С Агнес все будет хорошо?

— Да, Иоганн. С Агнес... все будет хорошо.

— Доктор, я уверял ее, что бояться нечего. Кажется, я засыпаю. Если я усну, разбудите меня, когда Агнес повезут рожать?

— Да, Иоганн.

— Спасибо... миссис... Виклунд. Я не... знал... что... может быть так... хорошо.

— Роберто? Где ты? Я тебя не вижу!

— Здесь, милая.

— Прикоснись ко мне. К моему лицу. Я ничего не чувствую ниже шеи. Роберто, я приобрела удивительный год и ни о чем не жалею. Операция началась?

— Еще нет. Дорогая, хочешь поспать?

— А надо? Мне не хочется. Клонит в сон; это приятно, но я бы предпочла не спать. Теперь всё на коленях богов, верно? Время стиснуть зубы, задрать подбородок и тому подобное. Ничего; я счастлива. Дорогой, наклонись, я скажу почему. Ближе... не могу говорить... громко...

— Зажим! Черт побери, сестра, не мешайтесь!

— Все всегда бывает больно, Роберто, все. Всегда. Но бывает то, ради чего не жалко вытерпеть боль. «Привяжи моих кенгуру, друг, привяжи моих кенгуру!» Черт, я не... это...

хотела сказать; это все Джейк, опять свои песенки распевает. Он всегда поет, когда счастлив. Наклонись и послушай... ближе... пока я не уснула... Роберто, спасибо, что разрешил тебе отдаться. Так хорошо... касаться... трахаться... когда тебя трахают... Плохо... быть... одной. Ты меня осчастливил... своим телом... дорогой. Теперь мне нужно поспать, но сперва... Ом мани падме хум. Ночью глазки закрываю...

— Доктор, мы ее теряем.

Закричал ребенок, начался новый мир.

— Пульс падает!

(Джейк? Юнис?) (Босс, мы здесь! Хватайтесь! Мы вас держим!) (У нас мальчик или девочка?) (Иоганн, какая разница — это ребенок! «Один за всех, все за одного!»)

Старый мир исчез, и ничего не стало.

КОШКА БРАЙДИ МЕРФИ, ЗАЙКИ В БИКИНИ И ИЗРЯДНО ЗАТЯНУТАЯ ШУТКА

Когда речь заходит о романе «Не убоюсь зла», критики непременно упоминают о том, что Хайнлайн во время работы над рукописью побывал на пороге смерти, и далее рассматривают роман в контексте этого события. Им вторят некоторые читатели, в отзывах попадаются такие обороты, как «написан на смертном одре» и «литературное завешание». Искушение вполне понятное, в депрессивных моментах романа и реальных событиях жизни писателя легко увидеть некоторые жуткие параллели. Проблема, однако, в том, что кризис, едва не отправивший писателя на тот свет, случился в начале 1970 года, а роман был написан в 1969 году. И этот 1969 год, кстати, не сулил писателю ничего плохого — напротив, это был год радостных сюрпризов и воплотившейся мечты. Сюрпризом было приглашение в качестве почетного гостя на кинофестиваль в Рио-де-Жанейро («...я чуть со стула не упал. Наши билеты прибыли с пометкой „VIP“, без дураков. Я думал, что „VIP“ — всего лишь оборот речи, — но, ей-богу, наши билеты были с этой пометкой. Я смеялся, пока не охрип»). На фестивале было полным-полно писателей-фантастов и других знаменитостей, там Роман Полански познакомил Роберта со своей женой, красавицей Шерон Тейт. Это была их первая и последняя встреча.

В начале июня 1969 года Джинни заметила, что муж бродит по дому со стеклянными глазами, натывается на предметы и совершенно игнорирует кота. Эти симптомы были ей хорошо знакомы, поэтому Вирджиния не стала беспокоить врачей, она поняла, что Роберт начал работу над новым произведением. И это было замечательно, потому что «Луну — суровую госпожу» он закончил четыре года назад, и пауза слишком затянулась. Новым произведением должна была стать повесть, ориентировочно в 30 000 слов, пред-

назначенная для публикации двумя частями в журнале «Плейбой».

Почему «Плейбой»? Этот журнал был тесно связан с американской фантастикой со дня своего основания. Хью Хефнер и его помощник Рэй Рассел были фанатами НФ и «Weird Tales», поэтому с ходу запустили в своем журнале печать «451° по Фаренгейту» Рэя Брэдбери. В пятидесятые, когда профильные палп-журналы прогорали как свечи, «Плейбой» подкармливал писателей-фантастов, публикуя их рассказы или интервью. По мнению некоторых критиков, публикация в порнографическом журнале даже добавляла авторам определенной литературной респектабельности, выводила из гетто и помогала влиться в мейнстрим. В самом деле, к семидесятым тираж «Плейбоя» составлял более семи миллионов — самый что ни на есть мейнстримный мейнстрим. В шестидесятых журнал даже начал выпуск ежегодных фантастических антологий. Для «Плейбоя» писали Брэдбери, Баллард, Дик, Кинг, Кларк, Крайтон, Матесон, Силверберг, Симмонс, Херберт, Холдеман, Эллисон, Этвуд, а также Урсула Ле Гуин, Джон Апдайк и автор «Бесконечной шутки» Дэвид Фостер Уоллес.

Помимо очевидного экономического стимула, журнал привлекал Хайнлайна возможностью сменить аудиторию. К концу шестидесятых он был полностью разочарован в фэндоме и его мумифицированных вкусах. Поклонникам нужен был «старый добрый Хайнлайн», вот только самому писателю он был не нужен — ему нужен был рост, развитие, изменение, а не литературное прозябание среди пыльных стандартов золотого века. И кстати, он вовсе не был «добрым». Что он всегда делал с удовольствием, так это хватал читателя за шиворот и тряс до тех пор, пока из того не начинали сыпаться предрассудки.

«В данный момент я могу сказать только одно: всех, кого я не смог оскорбить „Десантом“ и „Чужаком“, я, возможно, сумею достать этой вещью... Если повезет, ее осудят СДС¹ и Общество Джона Берча...»²

¹ СДС (Студенты за демократическое сообщество) — леворадикальная студенческая организация.

² Общество Джона Берча — праворадикальная антикоммунистическая организация.

В повести предполагалось достаточное количество секса, чтобы удовлетворить аудиторию журнала, и, конечно же, не меньшее количество социальной сатиры. Тема секса к тому времени перестала быть экзотикой — уже были написаны «Любовники», «Плоть» и «Венера плюс X», Теодор Старджон писал откровенную порнушку для «Хастлера», а читателей, укрывшихся в гетто, захлестывала Новая волна — так что Хайнлайн решил снять прежние ограничители, и если не обойти на поворотах, то хотя бы держаться вровень с коллегами. Фантастическую основу сюжета составил метемпсихоз, перенос сознания, — тоже не слишком свежая идея, но писатель добавил в нее дополнительные элементы, смену пола и симбиоз разумов. Метемпсихозом Хайнлайн интересовался давно — в середине пятидесятых многих впечатлила история Брайди Мерфи¹. Но свидетельства были недостаточно убедительны, Хайнлайн назвал именем Брайди Мерфи кошку и отправил метемпсихоз в раздел сомнительных случаев. В романе он описывает два случая сохранения сознания после смерти. Первый, случай с Юнис, опирается на известную квазинаучную идею «самосознание есть продукт всего тела, а не одного мозга», второй же, перенос сознания Джейка, — откровенная метафизика, второй эпизод должен был добить тех, кто повелся на «научную обоснованность» первого.

Столь же лихо Хайнлайн обыгрывал и прочие классические штампы палп-фикшн — безумных профессоров, трансплантацию мозга, голоса мертвецов и тому подобное. Он старался поставить все с ног на голову — безумный профессор оказался всего лишь исполнителем чужой воли, трансплантация мозга приводит к смене пола, а мертвец вместо угроз и проклятий подбивает героя к разгульному образу жизни. Разумеется, изначально и речи не было о *настоящем* психологическом исследовании проблемы смены пола, Хайнлайна больше интересовали внешние последствия этого со-

¹ В 1952 г. домохозяйка из Пуэбло, штат Колорадо, Вирджиния Тай во время сеанса гипноза сообщила, что к ней вернулась память о прошлой жизни. В XVIII в. она жила в Ирландии и носила имя Брайди Мерфи. Вскоре об этой истории была написана книга, ставшая бестселлером, а в 1956 г. снят фильм.

бытия, связанные с ним курьезы и каверзы в качестве двигателей сюжета.

«...Тут у нас возникают бесконечные проблемы с установлением личности, с деньгами, его/ее семейным положением (она была замужем), сексуальные проблемы (см. „Turnabout“ Торна Смита — нужно держаться от него подальше!¹), потому что это новое тело сексуально озабочено мужчинами, а его старый мозг сексуально озабочен женщинами, и потому он/она все равно что постоянный ток с переменным... и при этом частичка „он“ из он/она чрезвычайно заинтригован женским либидо ..» — таким был план повести «Грязный старикашка» по состоянию на 18 июня 1969 года.

А началось все с того, что на писателя большое впечатление оказала статья о Национальном клубе редкой крови. От совместимости крови мысль плавно скользнула к трансплантации. «Пересадка сердца была во всех новостях, так что я экстраполировал ее и превратил в историю о трансплантации мозга и использовал совместимость крови как важную деталь сюжета, а клуб — как его эпизодический момент», — писал он. Позже он вернулся к вопросам совместимости крови, написал статью в энциклопедию и организовал национальное движение доноров крови — после того, как абстрактный интерес к теме превратился в личную заинтересованность. Но пока это был незначительный эпизод романа, не более. Что там было еще?

Расовая амбивалентность героев к этому времени стала фирменным знаком Хайнлайна, поэтому для визуального воплощения Юнис писатель повесил над пишущей машинкой два цветных фото из журналов: на одном солнечная блондинка, на другом — чернокожая «шоколадка». Эти фото помогали ему «не впадать неосознанно в расовые языковые стереотипы», как пишет Билл Паттерсон. А может, это помогало ему сосредоточиться на работе. Ну, или ему просто нравилось смотреть на красивых женщин. Почему бы и нет?

Материалы, собранные для романа, составили толстую папку — там куча записок, вырезок из газет, журналь-

¹ «Turnabout» — роман американского фантаста Торна Смита (1892–1934) о супругах, которые поменялись телами

ных статей и прочего. В том числе есть и еще одно фото женщины, в позе лотоса из статьи о йоге. Хайнлайн много читал о йоге, буддизме, группах крови, трансплантациях, отмене Правила № 7 конкурса «Мисс Америка» (участницы должны быть белой расы), искусстве боди-арта... Однако сосредоточиться на работе и закончить вещь, как обычно, за месяц-другой не получилось. К 12 июля рукопись выросла до 60 000 слов, и на этом ему пришлось прерваться. Сначала Хайнлайн отправился в Лос-Анджелес на юбилей матери (ей исполнилось девяносто лет), затем на частном самолете своего знакомого вылетел в Орlando, потому что 16 июля должна была стартовать лунная миссия «Аполлон-11». «Я всю жизнь ждал первого полета на Луну, — писал он своему агенту, — и не намерен его пропускать!» Девяносто свечей на тортике, перелет в шикарные апартаменты «Коко-Бич», которые зарезервировал для него Ли Этвуд, встреча с астронавтами и Артуром Кларком — все это было похоже на сон или сказку. Ему было не по себе. Хайнлайн вспомнил, что в школе поспорил с одним мальчиком на десять баксов, что человек полетит на Луну не позже 1947 года. Где он сейчас, тот мальчик?

«Аполлон-11» в реве и грохоте поднялся на огненном столбе и ушел в небо, писатель остался на земле, но только частично. Его сознание тоже ушло в какую-то даль. «Он был в эйфории», — вспоминала Джинни. Хайнлайн давал интервью и комментировал в студии CBS посадку «Орла» в Море Спокойствия, спорил с ведущим Уолтером Кронкайтом. Он сказал тогда (реплика не попала в эфир): «Можно было сэкономить треть полезной нагрузки „Аполлона“, если бы экипаж состоял из женщин». Кронкайт воскликнул: «Женщины в космосе! Никогда!» Хайнлайн ответил: «Рано или поздно в космос будут летать семьями».

Потом они вернулись в Санта-Крус, и Хайнлайн возобновил работу над романом. «Грязный старикашка» перерос все допустимые объемы и не желал останавливаться. Роберт сказал Джинни, что этот роман, похоже, будет такого же объема, как Библия. К этому времени голоса персонажей не просто звучали, теперь они сами двигали сюжет, а писатель полностью потерял контроль над процессом. Собственно, к этому моменту «Старикашку» уже заменил легкий и, похожему, совершенно непереводаемый каламбур «Now I Lay

Ме...»¹, но из фривольной юмористической вещицы явно начало прорасти нечто большее. И тогда Хайнлайн зачеркнул название и написал: «Не убоюсь зла». Это была цитата из Псалмов Давида, которая по-английски звучит как: «Yea, though I walk through the valley of the shadow of death, I will fear no evil: for thou art with me» («Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной»). Когда, в какой момент на веселую безбашенную повесть легла эта смертная тень? Возможно, она была там изначально, но Хайнлайн, который терпеть не мог психоанализ с его неразрывной парой либидо-мортидо, только сейчас это обнаружил. Возможно, он что-то чувствовал: Вирджиния рассказывала, что в заметках к роману она обнаружила записку со словами «Возможно, это мой последний роман». Так или иначе, комедия двигалась к драме. Писателю оставалось лишь следовать за героями.

Затем его опять прервали: на этот раз интервью у него захотел взять «Плейбой». Хайнлайн снова говорил о глупости и недальновидности людей, которые выступали против космической программы. Гонорар он попросил отправить в Фонд памяти погибшего на «Аполлоне-1» астронавта Эдварда Уайта. (А в это самое время в доме Романа Полански на Сьело-Драйв члены «семьи» Чарльза Мэнсона убивали Шерон Тейт и ее гостей.)

Потом Хайнлайн дописывал роман — два дня он потратил на то, чтобы убить главного героя. «Должно быть, это был кто-то вроде Распутина, — шутила Джинни, — судя по времени, которое на это ушло».

Рукопись была закончена 3 сентября и составила 165 000 слов — 689 страниц. Объем был чудовищный. Но, возможно, оно того стоило? На вопрос литературного агента, о чем будет его новый роман, Хайнлайн ответил: «У меня такое ощущение, словно я перевожу „Козлика Джайлса“ на поздний марсианский». «Козлик Джайлс» («Giles Goat Boy») — постмодернистский юмористический роман Джона Барта, насыщенный аллюзиями, метафорами и сексом. Он вышел в 1966 году и тут же приобрел культовый статус. Что

¹ Строчка из детского стишка, который вспоминает в книге Иоганн, означает: «Я укладываюсь (спать)», но это можно прочесть и как: «Я укладываю себя (в койку)» в сексуальном смысле.

имел в виду Хайнлайн, когда упоминал роман Барта? Отчасти юмор — изначально «Не убоюсь зла» был задуман как повесть, полная сальных шуточек и гендерных перевертышей в духе «Валентин и Валентина». Эта основа осталась — Лертон Блассингейм, литагент Хайнлайна, писал, что в романе полно мест, над которыми он с удовольствием похихикал. Но в процессе работы Хайнлайн сместил фокус с фривольной сатиры о человеческих предрассудках на более серьезные вопросы жизни и смерти, и со страниц рукописи начало проглядывать нечто иное. У «Не убоюсь зла» довольно краткий и незамысловатый сюжет, доставшийся в наследство от повести, но этот короткий сюжет несет в себе самые разные темы и смыслы.

Разумеется, это роман о любви — плотской любви, родимые пятна «Плейбоя» никуда не делись. Но, кроме того, это роман о смерти. Смерть неявно и явно присутствует в каждой сцене. Страх смерти проглядывает в продуманном беспутном образе жизни Джоан Юнис Смит. Смерть стоит за плечом Иоганна Смита и дышит ему в затылок. Смерть забирает его близких, одного за другим. Что может противопоставить обычный человек Великому Жнецу? На самом деле только одно — и Смит обманывает смерть, превращая свой мозг в ковчег спасения, населяя его дорогими ему людьми. Мы тоже делаем это, когда мысленно разговариваем с теми, кто уже ушел, но остался в нашей памяти. С этой точки зрения Хайнлайн просто превращает обыденное в фантастическое с помощью небольшой гиперболы — будь это центральной мыслью романа, его можно было бы поставить на полку рядом со «Светом в окошке» Логинова и еще десятком вещей с подобной тематикой, вот только автор этим не ограничился, и роман имеет множество прочтений.

Исследователь Хайнлайна Лео Стовер, например, увидел в слиянии Иоганна и Юнис метафору семейной пары, эволюционирующей к полному равенству полов. В старых семейных парах супруги действительно порой «врастают» друг в друга, но это чаще всего проявляется в том, что они понимают друг друга без слов, тогда как герои романа непрерывно болтают друг с другом. Более поздние критики считают «Не убоюсь зла» одним из первых произведений, поднявших тему трансгендера. На мой взгляд, тема так и осталась нераскрытой, переход героя из мужской в женскую ипо-

стась происходит практически мгновенно, и автор не извлекает из этого перехода практически никакого литературного материала.

Есть и еще одно прочтение романа, совсем обыденное, в котором все разговоры между Иоганном и Юнис — не более чем галлюцинации, порожденные умирающим мозгом. Эту идею отстаивал биограф писателя Билл Паттерсон, а ранее высказывал редактор «Putnam's» Уолтер Миллер. Но если объявить часть содержания романа галлюцинацией, то мало что помешает распространить это предположение и на большую часть текста. Понятие «недобросовестного рассказчика» сродни дурной бесконечности. Вполне возможно, точно так же нереальны и все события романа, происходящие после операции, и мы наблюдаем на его страницах причудливую игру угасающих клеток мозга. Последняя трактовка, впрочем, всего лишь погружает нас на следующий уровень нереальности внутри выдуманной писателем истории, она недоказуема и лишь приятно щекочет восприятие. А вот иллюзорность диалогов миллиардера и его мертвой секретарши имеет некоторые косвенные подтверждения (все прямые доказательства Хайнлайн аккуратно убрал из текста).

Во-первых, прием «недобросовестный рассказчик» Хайнлайн не раз использовал, например в «Подкейн» или «Времени для звезд». А во-вторых, нереальность диалогов Иоганна и Юнис отчасти подтверждает *пунктуация*. Когда Хайнлайн изображал в своих произведениях телепатический обмен репликами между героями, он всегда выделял текст курсивом. Так же поступал Саймак и многие другие — этот шаблон, должно быть, возник задолго до золотого века. А вот круглыми скобками Хайнлайн обозначал мысленные ремарки персонажей, от лица которых ведется повествование. Это не телепатическое общение, это внутренние монологи, обращенные к себе самому. Реплики Иоганна и Юнис обозначены в тексте круглыми скобками — что вполне логично, это разговор внутри одной головы, а не обмен мыслями на расстоянии. Но это все-таки как будто диалог, а не монолог? Давайте посмотрим. В текстах Хайнлайна есть еще один пример подобного диалога, где реплики обозначены круглыми скобками, — это разговор Клиффорда с Оскаром в романе «Есть скафандр — готов путешествовать». Оскаром

мальчик называет свой скафандр. Естественно, говорить Оскар не умеет, это пресловутый «воображаемый друг», и весь диалог происходит в голове Клифа, где он сам себе отвечает. Правда, в «Скафандре» это формально подается как диалог, и реплики в нем начинаются, как положено, с красной строки. В романе «Не убоюсь зла» даже эта формальность опущена, и реплики, отделенные скобками, просто свалены в кучу. Как будто писатель и не пытается изобразить общение двух людей, предложения «собеседников» сливаются в абзацы, как бы подчеркивая, что для читательского восприятия совершенно не важно, кто из парочки Иоганн — Юнис сказал ту или иную фразу. Разумеется, авторство не важно — в том случае, если это просто разбитый на куски поток сознания умирающего старика.

Впрочем, возможно, я заблуждаюсь, и скобки ничего такого не значат, а реплики не идут с красной строки исключительно с целью экономии бумаги. Как я уже говорил, Хайнлайн тщательно подчистил в тексте все прямые доказательства. И когда Иоганн — Юнис пытаются найти подтверждение тому, что разум секретарши все еще здесь, результаты получаются неубедительными. Вот эта неубедительность, на мой взгляд, очень точно выстроена Хайнлайном.

В романе есть еще одна тема, которую сам автор считал важной, это тема преодоления разрыва между поколениями. По изначальной идее Хайнлайна Юнис должна была знакомить миллиардера с приземленным миром простых людей и прививать Иоганну культурные понятия нулевых, чуждые старику родом из 1920-х годов. А миллиардер должен был знакомить юную простушку с закулисным миром большого капитала и дарить девушке свою почти вековую мудрость. На практике из этого мало что получилось — Юнис пытается шокировать Иоганна то нравами, то лексиконом, но Иоганн неизменно, словно Екклесиаст, повторяет: все это уже было, было, было и ничто не ново. Игра идет в одни ворота, и старики побеждают... Впрочем, если принять прочтение Юнис = Иоганн, то иного результата и быть не может: старик просто не в состоянии поведать самому себе ничего нового.

Как и большинство экспериментальных произведений, роман «Не убоюсь зла» грешит недостатками. И главный из них — это объем. Повесть, раздутая до объемов романа,

очень редко что-то приобретает, а в данном случае писатель превысил и все разумные пределы для романа. Он получился чрезмерно объемным, и Хайнлайн ничего не смог сделать, чтобы его сократить. Обычно ему удавалось ужать текст черновика на 20—30 процентов, но эта ситуация отличалась от предыдущих. Отпустив вожжи и потеряв контроль над персонажами, автор уже не знал, что в этом тексте важно, а что не важно. Кроме того, «Не убоюсь зла» лишь формально оставался научно-фантастическим или социально-фантастическим романом. Пока еще не явная метапроза, как «Кот, проходящий сквозь стены», но уже достаточно далеко в сторону, туда, где модернизм соседствует с постмодернизмом. Несмотря на сюжетную простоту, роман оказался довольно сложен с точки зрения редактуры. К концу сентября Хайнлайну удалось убрать всего лишь 25 000 слов. Оставшиеся 140 000 все так же были за пределами стандартных объемов в 60 000 слов. Машинистка, которую наняли печатать чистовик, не справилась с текстом и наставила в нем кучу ошибок. Пришлось искать новую. Джинни содрогалась при мысли, что перепечатывать все 689 страниц придется ей самой. Но, по счастью, за шесть дней до Рождества 1969 года эту проблему удалось решить.

А потом началось страшное. 8 января 1970 года «Herald-Examiner» на первой полосе опубликовал сообщение о том, что убийцы Шерон Тейт, Чарльз Мэнсон и его «семья», черпали вдохновение в романе «Чужак в стране чужой». С их подачи подобные материалы напечатали другие газеты и журнал «Тайм». «Плейбой» тут же захотел получить комментарии по этому поводу у писателя. Но Хайнлайн ничего не мог им ответить, он был либо в бреду, либо без сознания — доктор Кальчано продолжал лечить его то от «инфекции», то от «пневмонии», не сумев распознать перитонита. По счастью, вмешался брат писателя Рекс Хайнлайн, Роберта вырвали из рук коновалов, и вскоре он оказался в Стэнфордской клинике. Жизнь пугающим образом напоминала текст только что написанного романа. Хайнлайн пришел в себя на больничной койке, опутанный проводами и трубками, с кислородной маской на лице, и не мог не отметить этого сходства. Второй раз он пришел в себя незадолго до операции:

«Если писатель однажды видит, что очутился в вымышленной сцене, очевидно, что он дошел до ручки... особенно если осознает, что это вполне реальная сцена. На какой-то краткий миг у меня случилось полное просветление: я знал, где нахожусь, кто я такой и что должно сейчас произойти...

...в этот момент ясности, прямо перед операцией, я не боялся никакого зла, я был просто счастлив, что у меня есть возможность умереть, понимая, что со мной происходит... и был весьма заинтригован странными параллелями с окончанием моего последнего романа. У меня не было какой-либо уверенности в том, что я выживу, — в лучшем случае смутная надежда, потому что меня все еще страшно интересует весь этот странный мир».

В том странном мире, пока Хайнлайн был в отсутствии, Вирджиния подписала договор на публикацию романа с журналом «Galaxy» — редактор согласился опубликовать текст как есть, без сокращений, в четырех номерах. Второй договор на книгу в твердом переплете был подписан с издательством «Putnam's». С последним договором она тянула сколько могла — но Роберт был обессилен болезнью и не мог править рукопись. А у редактора издательства Уолтера Минтона были к ней претензии: редакционные бета-ридеры в затянутых местах пропускали диалоги и пробегали текст по диагонали. Кроме того, по мысли Минтона, на протяжении романа главный герой постепенно сходит с ума, но бета-ридеры такого варианта прочтения вообще не видели. Хайнлайн попытался сокращать текст, но все, что ему удалось, — это вычеркнуть по паре слов на страницу. Издательство предложило огромную сумму в \$40 000 за разрешение самостоятельно отредактировать рукопись. Однако общение с редактором убедило писателя, что в издательстве *совершенно не понимают, о чем этот роман* и какие детали важны, а какие нет. На самом деле Хайнлайн и сам не понимал этого — сколько он ни пытался, он не мог увидеть роман в целом, не мог уложить его целиком в свою голову. И он понимал, что любое редактирование может нарушить паутину смыслов, оплетающую текст. Позднее он, конечно, жалел, что не сократил текст хотя бы раза в полтора. Однако роман и в этом виде показал отличные продажи и попал в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

К сожалению, этот случай, по-видимому, убедил Хайнлайна, что слишком тщательная редактура и слишком жесткие ограничения объема не имеют смысла, и в дальнейшем он стал более свободен в этих вопросах, а исчезновение рамок неизбежно влияло на стиль письма и яркость сюжетов — и не всегда в лучшую сторону.

Комментаторы встретили роман по-разному. Феминистки рукоплескали — «Не убоюсь зла» вошел в список рекомендованного чтения. Изначальная целевая аудитория жаловалась, что в романе есть лишь упоминания секса и ни одной постельной сцены. С точки зрения обитателей гетто, секса в романе было многовато, но их привлекали картины будущего, обозначенные быстрыми штрихами в бытовых эпизодах и документальных вставках. Критики по-прежнему относили роман к НФ, непонятным образом совмещая в голове понятие «научности» и метемпсихоза.

В конце концов Хайнлайн решил, что даже в этом виде роман заслуживает включения в Историю Будущего, — и добавил ссылку на него в «Достаточно времени для любви». Правда, это было довольно сухое безоценочное упоминание, которое никак не раскрывает основную интригу прочтений романа:

— Мм-м... Ты напомнила мне один случай, о котором я уже почти позабыл. Не уверен даже, что он правдив. Это случилось с одним мужчиной году в 2000-м от Рождества Христова. Позже быть не могло, потому что он долго не протянул. Его мозг, предположительно, пересадили в женское тело. С летальным исходом, разумеется. Смерть наступила в результате отторжения чуждых тканей.

В позднем, постскрибнеровском периоде Хайнлайна «Не убоюсь зла» отмечает точку перехода от более-менее традиционных произведений к вещам полностью экспериментальным, тем, которые среди обитателей гетто вызывали неоднозначную или даже негативную реакцию, слишком уж мало в них было от Старого Доброго Хайнлайна. С точки зрения преемственности творчества, с одной стороны, роман может восприниматься как заготовка для «Фрайди»; многие темы и социальные прогнозы, мельком упомянутые в «Не убоюсь зла», нашли развитие во «Фрайди». С другой стороны, он имеет некоторые параллели с «Чужаком», во всяком случае, их интересно сравнивать между собой. Майкл

Валентайн Смит открывает для себя мир людей, Иоганн Себастьян Бах Смит открывает для себя мир женщин. Один Смит создает вокруг себя общину единомышленников, связанных новым мышлением и водным ритуалом — с ящиком «общественных денег» в прихожей. Другой Смит собирает группу, связанную свободной любовью, но удерживают ее, так или иначе, его личные миллионы на банковских счетах. Майкл предлагает сбросить оковы разума и соединить людей с помощью любви и уважения на невнятной экономической основе, Иоганн соединяет людей с помощью своего циничного интеллекта прожженного деляги на базе своего бездонного кошелька. Рассуждения о том, что объединяет и что разделяет людей, мысли о личности и обществе, все темы, которые изучает «Чужак», все вопросы, которые он задает, в той или иной форме всплывают в «Грязном старикашке». И даже смещение фокуса авторской мысли само по себе любопытно. Ну и разумеется, концовки романов, где различия весьма откровенны. Покончив с земной жизнью, Майкл Смит уходит на какой-то высший, бестелесный уровень существования. Джоан Юнис Смит уходит в *никуда*. Можно сопоставлять и другие моменты романов, и если продолжить этот процесс, можно насопоставляться вплоть до того, что «Не убоюсь зла» представится зрелым и очень циничным пересмотром «Чужака». Однако, применяя для анализа литературы какой-либо инструмент, главное — вовремя остановиться. Не стоит проводить слишком много параллелей — они превратятся в штриховку, которая скроет под собой рисунок. Один критик на полном серьезе утверждает, что в последний период своего творчества Хайнлайн просто-напросто троллил фэнов, перекраивая и высмеивая собственное литературное наследие. Это, конечно, чушь, потому что Хайнлайн очень серьезно относился к своим произведениям и ни за что на свете не позволил бы себе... Ну, разве что самую капельку. Так, чуть-чуть. В конце концов, повесть «Грязный старикашка» — это комедия-бурлеск, которая должна была повеселить и позабавить читателя. По крайней мере такой она предполагалась изначально.

С. В. Голд

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 7. *Не убоюсь зла.* — «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла...» Пс. 22: 4.

С. 8. *Рексу и Кэтлин.* — Роман посвящен старшему брату писателя Рексу Айвару Хайнлайну (1905–1976) и его жене Кэтлин Конард Хайнлайн (1915–1993).

С. 26. *Говоря словами Билла Грэшама, человека, с которым я был знаком много лет назад, «узнай, чего он хочет, — и он все сделает как миленький!».* — Неточная цитата из романа «Аллея кошмаров» (1946) американского писателя Уильяма Линдсея Грешама (1909–1962); речь идет о том, как человек становится «гиком» — исполнителем отвратительного ярмарочного номера, пьющим кровь живых кур и крыс. Слов «узнай, что он хочет» в оригинале нет — говорится об алкоголике, который будет делать это за ежедневную порцию спиртного.

С. 35. *Я могу сослаться на Пятую поправку.* — Пятая поправка к американской Конституции гласит, в частности: «Никто не должен принуждаться в уголовном деле свидетельствовать против самого себя».

С. 43. *Но, согласно Библии, я уже год перебрал сверх положенного.* — «Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет...» Пс. 89: 10.

С. 56. *Смелей, Макдуф!* — У. Шекспир. Макбет. Акт 5, сц. 8. Перев. М. Лозинского.

С. 60. *Нечто подобное произошло с моими ненаглядными шимпанзе, Абельаром и Элоизой.* — Абельаром и Элоизой зовут подопытных шимпанзе и в другом романе Хайнлайна — «Кукловоды».

С. 62. *Красивая девушка — как песня...* — «A Pretty Girl Is Like A Melody» (1919), популярная песня американского композитора Ирвинга Берлина (1888–1989).

...дом на просторе где олени и антилопы играют... — Слова из песни, которая считается неофициальным гимном американского Запада. Исходное стихотворение было написано Брюстером М. Хайли в 1872 г. и положено на музыку его другом, плот-

ником Дэниелом Келли. Самая популярная версия песни была записана Бингом Кросби в 1933 г.

С. 63. *...я вижу в ранних...* — Из песни «Усыпанное звездами знамя» (гимна США): «Видишь ли ты в ранних солнца лучах...»

...потеряна Галлия и Альбион потерял Рим но худшее в том что я потерял... — Р. Киплинг. Римини. Перев. А. Квятковского. В стихотворении Киплинга девушку зовут Лалаж.

С. 64. *...двух консервативных партий, СДС и ПЛА...* — Хайнлайн не оставил намеков для расшифровки этих аббревиатур. Возможно, это шутка, поскольку СДС было обозначением леворадикальной студенческой организации «Студенты за Демократическое сообщество», а ПЛА расшифровывалось либо как Public Library Association, «Ассоциация публичных библиотек», либо как People's Liberation Army, «Национально-освободительная армия».

С. 67. *...что там была за песня?.. ах да, «Марджи»...* — «Марджи» (1920) популярная песня, слова Бенни Девиса, музыка водевильного исполнителя и пианиста Кона Конрада и Дж. Рассела Робинсона, пианиста, игравшего регтайм. Многократно исполнялась и записывалась разными джазистами.

С. 107. *...древний, сменивший полдесятка владельцев «Форд-Т»...* — Ford Model T («Жестяная Лиззи») — первый автомобиль, относительно доступный американцу среднего класса, и первый в мире, выпускавшийся миллионными сериями. Производился с 1908 по 1927 г.

С. 110. *...«не с тобой одним, зверек, такие шутки шутит рок».* — Р. Бернс. Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом. Перев. М. Михайлова.

С. 115. *Кроме одного... как там... «фримпаться»?* — «Фримпаться» (frimp) — слово, придуманное Хайнлайном для этой книги; широкого распространение оно не получило, но используется в мире «Звездного крейсера „Галактика“» как существительное со значением «придурок».

С. 115–116. *Во времена моей молодости их устраивали в самом сердце Библейского пояса...* — Библейский пояс — неформальное название области, объединяющей несколько южных и юго-восточных американских штатов от Техаса до Виргинии и Флориды, где в общественной жизни и культуре главенствующую роль играет консервативный евангельский протестантизм.

С. 118. *Если бы я принесла клятву Билитис...* — Билитис — вымышленная греческая куртизанка, современница Сапфо. От ее имени написаны «Песни Билитис» (1894) — литературная

мистификация, созданная французским поэтом Пьером Луи. Эти стихотворения в прозе, посвященные однополрой любви, стали культовыми у англоязычных лесбиянок. Одна из первых лесбийских организаций Америки, возникшая в 1955 г., называлась «Дочери Билитис».

С. 120. *Агнес была моей Аннабель Ли...* — Аннабель Ли — героиня одноименного стихотворения Эдгара По, умершая девушка, которую герой продолжал любить и после ее смерти.

С. 123. *...пусть мертвые хоронят своих мертвецов.* — Ср.: Мф. 8: 22.

С. 145. *«Минуло восемьдесят семь лет, как отцы наши основали на этом континенте новую нацию...»* — Начало Геттисбергской речи Авраама Линкольна.

С. 157. *...да хоть Минивером Чиви...* — Минивер Чиви — герой одноименного стихотворения американского поэта Эдвина Арлингтона Робинсона (1869–1935), романтик, горюющий, что он не родился в старые времена.

С. 160. *Старая миссис Гранди давно уже в могиле...* — Миссис Гранди — нарицательное имя для старой ханжи, употребляется чаще всего во фразе: «Что скажет миссис Гранди?» Своим появлением обязано пьесе английского драматурга Томаса Мортонса «Поторопите плут» (1798).

С. 162. *Не заграждай рта у вола молотящего.* — 1 Кор. 9: 8.

С. 166. *В Алма-Ате... под хоровое исполнение избранных мест из цитатника председателя Лю.* — В связи с обострением советско-китайских отношений (и особенно после пограничного конфликта на острове Даманский в 1969 г.) война между СССР и Китаем представлялась почти неизбежной. Предполагалось, что первым делом КНР захватит Казахскую ССР.

С. 170. *...решетки в темнице моей и камень вместо подушки.* — «Песня узника», впервые записанная на пластинку Верноном Далхартом (1883–1948) в 1924 г. (ее услышал его двоюродный брат, когда сидел в тюрьме); возможно, самая продаваемая песня XX в.

С. 185. *Джейк был варваром, не греком.* — Члены американских студенческих братств, называвшихся греческими буквами, именовали себя греками, а нечленов — варварами. Первоначально в такие братства входили только белые протестанты (преимущественно из богатых семей); к тому же ритуалы братств включали столько христианской символики, что были неприемлемы для иудеев.

«*Фи-Бета-Канна*» — название студенческого братства, образованное первыми буквами девиза *Φιλοσοφία Βίου Κυβερνήτης* («Любовь к мудрости — руководство жизни»), основано в 1776 г.

С. 192. ...можно мне избавиться от этого миссионерского платья? — Миссионерское платье («платье матушки Хаббард») — длинная широкая одежда с высоким воротником и длинными рукавами, была введена миссионерами для островитянок, которые, на их взгляд, ходили слишком голыми.

С. 198. ...включая узы ордена Тайного святилища... — Древний арабский орден благородных адептов Тайного святилища — североамериканское парамасонское общество, основанное в Нью-Йорке в 1870 г.; участвует во многих общественных и благотворительных проектах.

С. 218. ...как у известного пса из туалетной бумаги — догнать в аду асбестового кота. — Слегка измененный афоризм американского писателя и философа Элберта Грина Хаббарда (1856—1915): «Деятельность традиционного проповедника так же успешна, как попытка целлулоидного пса догнать в аду асбестового кота».

С. 219. А до того будем петь «Сентябрьскую песню»... — «Сентябрьская песня» — песня из мюзикла 1938 г. «Праздник никербокера», в которой пожилой герой обращается к молодой возлюбленной.

Я взяла тебя на высокую гору и показала все царства мира и славу их... — Ср.: Мф. 4: 8.

С. 231. Амичи сыграл Белла в кинофильме, когда тебе было... года три-четыре. — Фильм «История Александра Грэхема Белла» с Доном Амичи (1908—1993) вышел в 1939 г.

С. 249. Элси Динсмор жилось веселее! — Элси Динсмор — героиня цикла книг американской писательницы Марты Финли (1828—1909). Элси с детства была настолько набожна, что отказывалась по воскресеньям играть светскую музыку и читать другие книги, кроме Библии.

С. 269. Например, Мак-Кинли, Франклин и Грант. Или Кливленд. — Портреты президентов США Франклина и Гранта изображены на пятидесятидолларовой и столларовой купюрах соответственно, однако в прошлом были купюры и более высокого достоинства: пятисотдолларовая с портретом Мак-Кинли и тысяchedолларовая с портретом Кливленда.

С. 277. Или нам придется идти к доктору О'Нилу? — Вероятно, описка Хайнлайна. По всей видимости, речь идет о докторе Олсене, который этот колпачок устанавливал, ведь О'Нил не врач, а начальник охраны.

С. 283. ...если бы ты не играла с половиной страны в «Мую последнюю герцогиню»... — «Моя последняя герцогиня» — стихо-

творение Роберта Браунинга, монолог герцога Феррары о его покойной жене, которая была

...уж слишком благодарной,
Чрезмерно впечатлительной: всегда
И всем кругом готовой восхищаться...
...Она мне улыбалась; но кому
Она не улыбалась точно так же?

(Перев. Г. Кружкова)

С. 299. *...когда президентом был Гардинг.* — Уоррен Гамалиел Гардинг (1865–1923) был президентом США с 1921 по 1923 г.; он умер от инфаркта до конца срока.

С. 313. *Лучший степ со времен смерти Боджанглса.* — Билл «Боджанглс» Робинсон (1878–1949) — чернокожий танцор степ-данса, любимец публики и легенда Голливуда.

...с тяжелым золотым анхом. — Анх (ключ жизни, крукс ансата, коптский крест и др.) — символ, ведущий происхождение из Древнего Египта, предположительно означал жизнь, вечность, бессмертие, служил оберегом; широко используется в магических и околomagических практиках.

С. 321. *...имени Джорджа Вашингтона Карвера...* — Джордж Вашингтон Карвер (ок. 1865–1943) — американский чернокожий ботаник, учитель и проповедник; обучал бедных фермеров южан методам севооборота и улучшения почв, изобрел новые способы переработки арахиса и бататов.

С. 339. *«Слишком хорошо для простонародья».* — Из псевдо-исторического анекдота: знатная дама после первой брачной ночи спрашивает мужа, то ли это было, что простонародье называет «(нецензурное слово)», и, получив утвердительный ответ, восклицает: «Это слишком хорошо для простонародья!»

С. 345. *«Пыль под моей колесницей»...* — «Мы — пыль под твоей колесницей, мы — ржавчина шпаги твоей» — цитата из сборника стихов Аделы Франсис Марджори Хоуп Николсон (1865–1905) «Сад Камы», опубликованного под псевдонимом Лоуренс Хоуп и якобы представляющего собой переводы индийской любовной лирики. Женщина в нем изображена покорной рабыней мужчины.

С. 349. *Канзас-сити в самый расцвет «Машины Пендергаста».* — «Машина Пендергаста» — группировка Томаса Джозефа Пендергаста (1872–1945), политика, тесно связанного с мафией.

С. 351. *Меня научили танцевать танго, еще когда Айрин Касл была жива...* — Айрин Касл (1893–1969) — бальная танцовщица, выступавшая на Бродвее и снявшаяся во многих фильмах.

С. 352. *«Эта женщина слишком щедра на уверения, по-моему»*. — У. Шекспир. Гамлет. Акт 3, сц. 2. Перев. М. Лозинского.

С. 367. *Писал портреты таитянок на черном бархате. Как его звали? Литег?* — Эдгар Уильям Литег (1904–1953) — американский художник; в 1933 г. эмигрировал во Французскую Полинезию и до конца жизни писал местные сюжеты на черном бархате.

С. 382. *Креативная готовка имени УОР*. — Управление общественных работ США — федеральное агентство, созданное в 1935 г. по инициативе президента Рузвельта для трудоустройства миллионов безработных. Занималось возведением общественных зданий, прокладкой автодорог, строительством стадионов, дамб, аэродромов.

С. 417. *...счастлива, как Счастливый Хулиган*. — «Счастливый Хулиган» — газетный комикс американского художника Фредерика Берра Оппера, печатавшийся в «Нью-Йорк джорнал» с 1900 по 1932 г.; герой комикса, бродяга, вечно попадает в переделки, но никогда не унывает.

С. 423. *...«Джон Джейкоб Джингльхаймер Смит — его имя теперь и мое!»* — «Джон Джейкоб Джингльхаймер Шмидт — его имя теперь и мое» — американская детская песенка из одного куплета, который повторяется бесконечно, все громче и громче. Предположительно, возникла в конце XIX в. в среде немецких иммигрантов в США.

С. 426. *«Господь — Пастырь мой...»* — Пс. 22: 1–4.

С. 434. *Не хочу быть старой скупердяйкой вроде Гетти Грин*. — Генриетта Хоулэнд «Гетти» Грин (1834–1916) — американская предпринимательница, самая богатая женщина в мире на 1916 г., прославившаяся своей патологической скупостью: всегда носила одно черное платье, не пользовалась отоплением, не мыла рук, покупала ломаное печенье и так далее.

С. 448. *В Библии сказано, «найми вора, чтоб поймать вора»...* — «Найми вора, чтоб поймать вора» — английская пословица, не имеющая никакого отношения к Библии.

С. 450. *«Плывем, плывем по бурным морям»* — песня, написанная в 1880 г. Годфри Марксом (псевдоним британского органиста и композитора Джеймса Фредерика Свифта; 1847–1931). Известен главным образом ее припев, начинающийся с этих слов; он вошел во многие детские песенники и звучал в нескольких диснеевских мультфильмах.

С. 453. *«Жена моряка — его звезда, йо-хо, мы идем по морям!...»* — припев из старинной матросской песни «Нэнси Ли» (музыка

Стивена Адамса, слова Фредерика Уэзерли; песня написана во второй половине XIX в.), в которой Нэнси Ли — молодая жена, ждущая моряка дома.

С. 454. *...что за страсть — изображать Боудича?* — Ната-ниэль (в традиционной русской передаче — Нафанаил) Боудич (1773—1838) — американский математик, астроном и физик; считается отцом современной морской навигации.

С. 462. *Добро пожаловать на борт, наш Жак-меланхолик!* — Жак-меланхолик — персонаж пьесы Шекспира «Как вам это понравится».

С. 467. *«Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать...»* — Здесь и далее Джоан читает из Книги Екклесиаста: Еккл. 3: 1—2; 3: 20—21; 4: 9—11; 4: 12; 9: 10; 12: 5—6.

С. 477. *Сквайр Пексниф пытается найти малейший прокол в шедевре Алека.* — Пексниф — персонаж романа Диккенса «Мартин Чезлвит», лицемер и скряга.

С. 487. *Теперь всё на коленях богов, верно?* — Выражение «на коленях богов», то есть не зависит от людей, восходит к Илиаде, XVI, 514: «...еще то лежит у бессмертных богов на коленях». Перев. Н. И. Гнедича.

«Привяжи моих кенгуру, друг, привяжи моих кенгуру!» — «Tie Me Kangaroo Down, Sport» (1957) — песня австралийского певца Рольфа Харриса, одна из самых известных австралийских песен. В ней умирающий пастух просит товарищей позаботиться о его делах.

*Е. Доброхотова-Майкова,
Ю. Павлов,
С. В. Голд*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. В. Голд. Эпоха Джаза</i>	5
--------------------------------------	---

НЕ УБОЮСЬ ЗЛА

Перевод с английского Юрия Павлова

<i>под редакцией Екатерины Доброхотовой-Майковой</i>	7
--	---

<i>С. В. Голд. Кошка Брайди Мерфи, зайки в бикини</i> <i>и изрядно затянутая шутка</i>	489
---	-----

Примечания

<i>Е. Доброхотова-Майкова, Ю. Павлов, С. В. Голд</i>	502
--	-----

Хайнлайн Р.

Х 15 Не убоюсь зла : роман / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. Ю. Павлова ; под ред. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-16257-0

В новом переводе — классический роман мастера американской фантастики. «Если я пойду и долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...» — гласит псалом 22, обычно читаемый на похоронах. Но престарелому миллиардеру Иоганну Себастьяну Баху Смиту до похорон еще далеко: врачи поддерживают в его дряхлеющем теле жизнь, а передоверить управление группой своих компаний решительно некому. И вот Смит решается дать бой самой смерти на последнем рубеже — решается на трансплантацию головного мозга. Кто бы мог подумать что первым же подходящим донором окажется его собственная секретарша, к которой он испытывал самые нежные чувства, и что адепты метемпсихоза были не так уж не правы... Настолько радикального переосмысления гендерных ролей не позволял себе раньше даже такой вольнодумец и возмутитель спокойствия, как Хайнлайн. «Всех, кого я не сумел оскорбить „Десантом“ или „Чужаком“, я, возможно, сумею достать этой вещью, — пророчески писал он. — Если повезет, ее осудят и левые радикалы, и правые...»

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-445

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
НЕ УБОЮСЬ ЗЛА

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.10.2019. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 26,88.
Заказ № 7668/19.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

Y-AFA-24687-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В М О С К В Е

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г Е

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В К И Е В Е

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги — романы, сборники рассказов и т. д. — общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он на взлете таланта создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн — создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы — каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

Один из многочисленных парадоксов Хайнлайна в том, что мы имеем дело с автором абсолютно цельным от начала до конца.

И самое интересное в творчестве Хайнлайна — его адресат.

Формально писатель работал на довольно узкую и весьма специфическую аудиторию — «массового читателя фантастики», — пробиваясь к ней через фильтр в лице издателей, хорошо изучивших своего потребителя и имевших четкое мнение о его текущих запросах.

На практике Хайнлайн не делал на это никаких скидок.

Он всегда обращался к читателю так, будто апеллирует к нации в целом.

Строго говоря, это единственно верная писательская стратегия, занимайся ты хоть фантастикой, хоть дамским романом.

В конечном счете она ведет прямоком к зачислению в Классики.

Но чтобы такую стратегию успешно реализовать, мало быть самоуверенным и упрямым. Еще нужно быть искренним.

Проблему, над которой задумалось общество, надо отрефлексировать так, будто она для тебя — вопрос жизни и смерти. У Хайнлайна это получалось легко.

Олег Дивов

